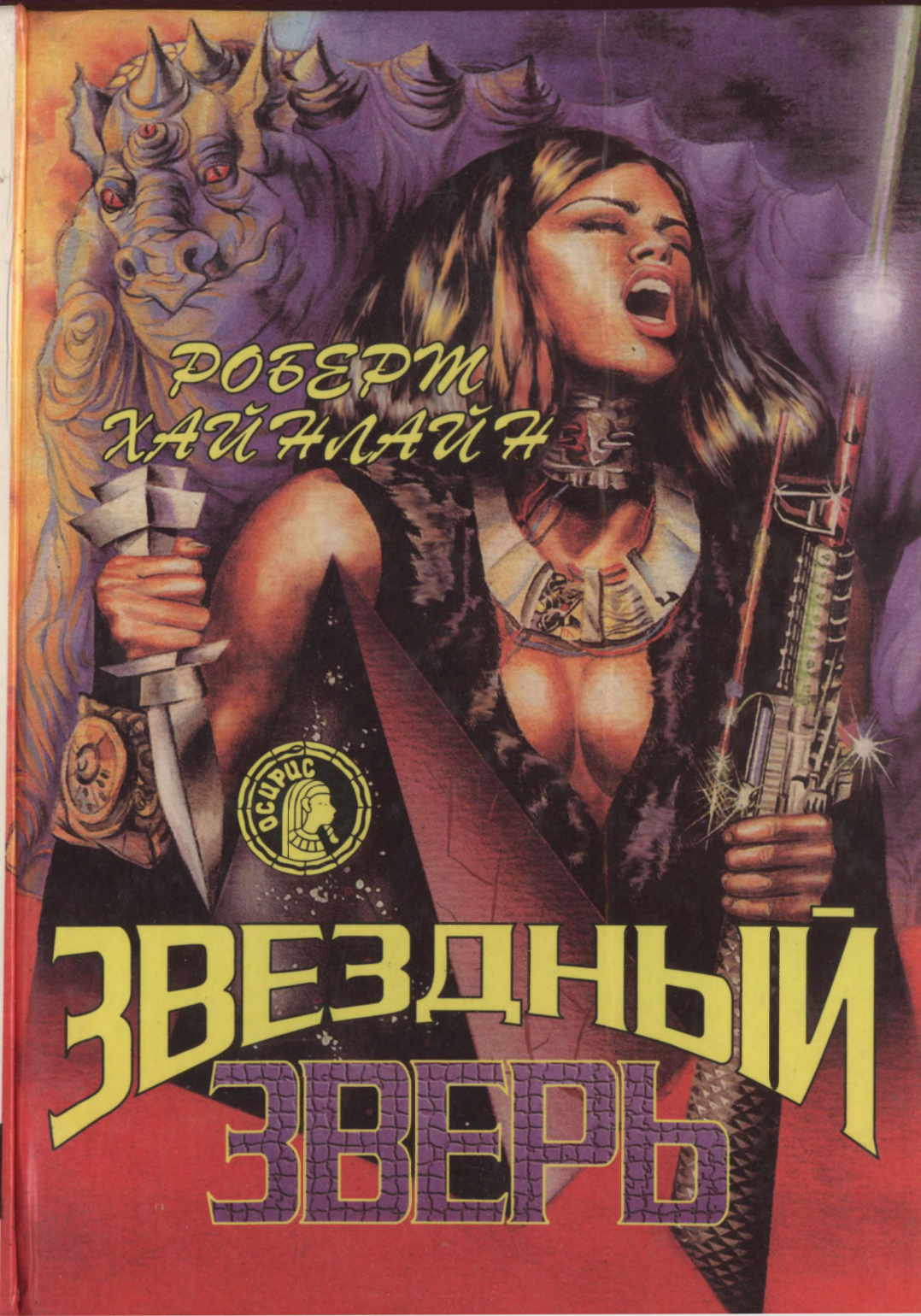

ЗВЕЗДНЫЙ
ЗВЕРЬ

РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН

29

РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН

ЗВЕЗДНЫЙ
ЗВЕРЬ

1

2

3

4

5

**РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН**

ЗВЕЗДНЫЙ ЗВЕРЬ

**АСТРОНАВТ
ДЖОУНЗ**

**ЗВЕЗДНЫЙ
ЗВЕРЬ**

**ТУННель
В НЕБЕ**

**ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ**

ЦЕНТРОПОЛИГРАФ

**Москва
1993**

ББК 84.7 (США)

X15

Серия "Осирис" издается с 1992 года

Выпуск 29

Художник В.А. Сапрыкина

Хайнлайн Роберт

X15 Звездный зверь: Фантастические романы. — Пер. с англ. — "Осирис". Вып.29 — М.: Центрполиграф, 1993. — 539 с.

Роберт Хайнлайн первым получил звание Великого Мастера, присуждаемое ассоциацией писателей-фантастов Америки, за романы, посвященные космосу, контактам землян с инопланетянами. В противовес космическим суперменам в его произведениях выведены многогранные и трагические характеры, глубоко чувствующие личности; писатель говорит о ценности жизни, о силе разума, и это приближает фантастику к реальности, к решению общечеловеческих проблем.

ББК 84.7 (США)

ISBN 5-7001-0105-X

© Состав и художественное оформление
торгово-издательское объединение
"Центрполиграф", 1993 г.

АСТРОНАВТ ДЖОУНЗ

РОМАН

Глава 1

«ТОМАГАВК»

Максу нравилось это время дня, это время года. Теперь, когда урожай был собран, он мог закончить работу пораньше и побездельничать. Убравшись в свинарнике и накормив цыплят, он, вместо того чтобы поужинать, направился на холм за коровником и лег в траву, не обращая внимания на докучливых насекомых. С собой он захватил книгу, взятую из деревенской библиотеки в прошлую субботу, — «Небесные звери. Введение в Экзотическую Зоологию» Бонфорта. Но книгу он подложил под голову вместо подушки. Голубая сойка подала голос, как бы сомневаясь в его намерениях, но он не пошевелился, и она замолчала. Рыжая белка села на пень, посмотрела на него и вернулась к своим орехам.

Макс смотрел на северо-запад. Он любил это местечко, поскольку отсюда он мог видеть между хребтами гор стальные опоры и ведущие кольца кольцевой дороги Спрингфилд — Чикаго — Эртпорт. Огромная стальная петля на высоте 20 футов высовывалась из ущелья. Пара высоченных триподов поддерживала второе кольцо дороги в ста футах от первого. Третье и последнее кольцо с ходулями-опорами более ста футов высотой виднелось к западу от Макса, где поверхность земли резко опускалась вниз, образуя долину, поперек которой была натянута антенна энергетической связи.

Слева, на дальней стороне ущелья, ведущие кольца снова подымались вверх. Входное кольцо было большего размера с учетом максимальной силы ветра; на его опорах тоже блестела антенна энергетической связи. Этот хребет был круче; за ним было еще одно кольцо, а затем дорога скрывалась в туннеле. Макс читал, что на Луне все ведущие кольца одинаковы, поскольку там нет ветра, который бы мог отклонить поезд. Когда он был еще ребенком, это кольцо было немного меньше, и во время небывалой бури поезд ударился о кольцо и погибло более четырехсот человек. Он не видел этого — отец не позволял ходить ему на место крушения, но шрам от него до сих пор был заметен на левом хребте: трава там была зеленее.

Макс не отводил взгляда от ущелья: «Томагавк» должен был выскочить с минуты на минуту. Вдруг показалось серебристое свечение, блестящий цилиндр с игольно-острым концом вылетел из проема и, промчавшись через последнее кольцо, на долю секунды оказался в свободном полете

между хребтами. Не успел Макс и глазом моргнуть, как поезд прошел через последнее кольцо и скрылся за холмом, и почти одновременно с этим до него дошел звук.

Эхом пронесло по холмам громовой раскат. Макс изумленно открыл рот. «Вот это да!» — прошептал он. Это невероятное зрелище и звук, который его сопровождал, всегда производили на него огромное впечатление. Он слышал от других, что пассажиры ничего не слышат, поскольку звук остается позади; но сам он никогда не ездил на таком поезде, и вряд ли ему когда-либо представится такая возможность, ведь он должен заботиться о Мав и о ферме.

Макс сел и открыл книгу, держа ее так, чтобы можно было одновременно наблюдать за небом на юго-западе. Через семь минут после прохождения «Томагавка» в чистом весеннем небе должен появиться инверсионный след корабля, ежедневно отправляющегося на Луну. И хотя это бывало намного дальше от него и менее ярко, чем сверхзвуковой прыжок скоростного поезда, он приходил сюда именно для того, чтобы увидеть этот корабль. Он с удовольствием смотрел на скоростные поезда, но его любовью были космические корабли — даже такая устаревшая посуда, как лунный челнок.

Но только он нашел то место в книге, на котором остановился в прошлый раз — описание разумных флегматичных ракообразных с Эпсилона Кита IV, — как послышался оклик:

— О, Макси! Максимилиан! Макс!..

Он не пошевелинулся и не ответил.

— Макс! Я тебя вижу, Макс. Сейчас же иди сюда. Слышишь меня?

Он недовольно пробормотал что-то себе под нос и встал на ноги. Медленно идя назад по тропинке, он смотрел на небо, где должен был появиться лунный шаттл, пока коровник не закрыл ему обзор. Мав вернулась, и это означало конец его уединению — она сможет сделать его жизнь невыносимой, если он сейчас же не придет и не поможет. Когда она уходила утром, у него создалось впечатление, что ее не будет всю ночь — она ему об этом не сказала, да и никогда не говорила, но он научился узнавать об этом по определенным признакам. Теперь же, вместо того чтобы почитать, ему придется выслушивать ее жалобы и мелкие сплетни или смотреть sentimentальные сериалы по стереовидению, которые она так любит. У него часто возникало желание разбить этот докучливый ящик топором. Ему почти никогда не удавалось посмотреть свои любимые программы.

Когда показался дом, он вдруг остановился. Он думал, что Мав, как обычно, приехала на автобусе. Но у крыльца стоял небольшой одноколесный велосипед спортивного типа, и она была не одна.

Сначала он подумал, что с нею был какой-то «чужеземец», но, подойдя ближе, узнал ее спутника. Лучше бы это был «чужеземец», любой «чужеземец». Бифф Монтгомери жил неподалеку, но он не был фермером; Макс никогда не видел, чтобы он делал какую-либо честную работу. Макс слышал, что Монтгомери нанимался работать охранником на один из под-

полных заводов по изготовлению спиртного, совсем недавно таких заводов хватало в пустынной части штата. И это могло быть правдой: Монтгомери был здоровенным мужиком, и эта роль ему бы подошла.

Макс знал Монтгомери уже давно, видел, как тот постоянно околачивался в Клайдз-Корнерз, ничего не делая. До недавнего времени он не обращал на него никакого внимания и не имел с ним никаких дел. А теперь Мав часто стали видеть с ним; они даже вместе приходили на танцы. Макс пытался втолковать ей, что отец этого бы не одобрил. Но с Мав невозможно спорить — она просто не слышала то, чего не хотела услышать.

В дом она его привела в первый раз. Макс почувствовал, как в нём загорается жаркий огонь ненависти.

— Поторапливайся, Макси! — звала Мав. — Что ты стоишь там как истукан?

Неохотно Макс подошел к ним.

— Макси, поздоровайся со своим новым отцом, — сказала Мав, на ее лице появилось хитрое выражение, как будто бы она сказала что-то острое. Макс открыл рот от удивления и вытаращился на них.

Монтгомери ухмыльнулся и протянул ему руку.

— Да, Макс, теперь ты Макс Монтгомери — я твой новый папочка. Но ты можешь называть меня просто Монти.

Макс посмотрел на протянутую руку, затем быстро пожал ее.

— Меня зовут Джоунз, — произнес он.

— Макси! — запротестовала Мав.

Монтгомери весело рассмеялся.

— Не торопи его, Нели, любовь моя. Пусть Макс привыкнет. Живи и давай другим жить — такой у меня девиз. — Он повернулся к своей жене. — Минутку, я сейчас принесу багаж. — Из одного седельного вьюка одноколесного велосипеда он достал мягкое белье; из другого — две плоские пол-литровые бутылки. Увидев, что Макс смотрит на него, он подмигнул и сказал: — Тост за невесту.

Сама невеста стояла возле двери. Монтгомери собрался пройти мимо нее в дом, но она запротестовала:

— Монти, разве ты не будешь?..

Монтгомери остановился.

— О, я совсем забыл. Конечно. — Он повернулся к Макс: — Держи багаж, — сказал он и сунул ему белье и бутылки.

Затем он взял ее на руки, перенес через порог, поставил на пол и поцеловал; она взвизгнула и покраснела. Макс молча последовал за ними, положил багаж на стол и подошел к печке. Она остыла. Он не топил ее после завтрака. У них была электрическая плитка, но она перегорела еще до того, как умер отец, а денег на ее ремонт не было. Он достал из кармана ножик, настрогал щепок, наломал хвороста и развел огонь. Пламя вспыхнуло, Макс взял ведро и отправился за водой.

Когда он вернулся, Монтгомери спросил:

— Куда тебя носило? Неужели в этой хибаре нет даже водопровода?

— Нет.

Макс поставил ведро, затем подложил в печь несколько поленьев.

— Макси, тебе следовало заранее побеспокоиться об ужине, — сказала Мав.

— Ну, моя дорогая, — вежливо вмешался Монтгомери, — он же не знал, что мы придем вдвоем. К тому же у нас есть время, чтобы выпить.

Макс стоял к ним спиной, нарезая мясо. Перемена была такой неожиданной, что у него не было времени прийти в себя.

— Сынок, — позвал его Монтгомери, — выпей за здоровье невесты.

— Мне надо приготовить ужин.

— Ерунда! Держи-ка стакан.

Монтгомери налил немного янтарной жидкости в его стакан, у него самого стакан был заполнен наполовину, у его невесты — на треть. Макс взял стакан, подошел к ведру и разбавил виски водой.

— Ты же портишь выпивку.

— Я не привык к крепким напиткам.

— Ну хорошо. За мою краснеющую невесту... и за нашу счастливую семью! Встанем!

Макс осторожно сделал маленький глоток и поставил стакан на стол. Напиток напомнил ему горькое тонизирующее средство, которое ему прошлой весной прописала участковая медсестра. Он хотел уже продолжить работу, но Монтгомери снова прервал его.

— Эй, ты не все выпил.

— Послушайте, я должен приготовить ужин. Вы же не хотите, чтобы он подгорел?

Монтгомери пожал плечами.

— Ну что ж. Нам больше достанется. А тем, что у тебя в стакане, мы будем запивать. Сынок, когда я был в твоём возрасте, я мог выпить целую кружку, а потом еще ходить на руках.

Макс хотел приготовить мясо и разогреть бисквиты, но их осталось только половина сковороды. Поэтому на жире, оставшемся от мяса, он поджарил яичницу, заварил кофе и решил, что этого будет достаточно. Когда они сели к столу, Монтгомери взглянул на еду и заявил:

— Моя дорогая, начиная с завтрашнего дня я надеюсь питаться на должном уровне, соответствующем тому, что ты мне рассказывала о своих кулинарных способностях. Твой мальчик не такой уж хороший повар.

Тем не менее ел он с аппетитом. Макс решил не говорить, что он готовит лучше, чем Мав, — вскоре он сам это узнает.

Наконец Монтгомери откинулся на спинку стула, вытер губы, затем налил себе еще кофе и закурил сигару.

— Макси, дорогой, что у нас на десерт? — спросила Мав.

— На десерт? Ну... в холодильнике есть мороженое, что осталось со Дня Объединения Планет Солнечной Системы.

На ее лице отразилось недовольство.

— Да?

— Хм... Кажется, я его... ну... съела как-то днем, когда ты был на южном поле. В тот день было ужасно жарко.

Макс ничего не сказал, его это не удивило. Но она пристала, как липучка:

— Макс, ты не приготовил десерт? Сегодня ведь особенный день.

Монтгомери вынул сигару изо рта.

— Оставь, моя дорогая, — добродушно сказал он. — Я не любитель сладостей. Предпочитаю мясо и картошку — они лучше пристают к ребрам. Давайте поговорим о более приятном. — Он повернулся к Макс. — Макс, ты умеешь что-нибудь делать, кроме как возиться на ферме?

Макс насторожился.

— Я никогда ничем другим не занимался. А что?

Монтгомери стряхнул пепел с сигары прямо на тарелку.

— Ты больше не будешь работать на ферме.

Во второй раз за последние два часа Макс не смог скрыть удивления.

— Как так? Что вы имеете в виду?

— Мы продали ферму.

Максу показалось, что у него из-под ног выдернули ковер. Но он видел по лицу Мав, что это было правдой. У нее всегда было такое выражение лица, когда она делала ему какую-нибудь пакость: радостное и немного настороженное.

— Отец не одобрил бы это, — выпалил он. — Эта земля принадлежала нашей семье четыреста лет.

— Послушай, Макси! Я уже не знаю, сколько раз я тебе говорила, что я не приспособлена к жизни на ферме. Я выросла в городе.

— Клайдз-Корнерз?! Какой же это город?!

— Но это и не ферма. Я была совсем молодой девушкой, когда твой отец привел меня сюда... а ты был уже большим мальчиком. Ведь я еще не стара, я не могу хоронить себя на этой ферме.

— Но ты обещала отцу, что...

— Прекрати, — твердо сказал Монтгомери. — И никогда не повышай голос, когда говоришь со своей матерью... и со мной.

Макс замолчал.

— Земля продана. Это факт. Как думаешь, сколько стоит этот участок?

— Я никогда не думала об этом.

— Сколько бы ты ни думала, я получил больше. — Он подмигнул Макс. — Да, сэр! Твоей матери повезло, что она встретила меня. У меня на такие дела отличный нюх. Я знал, почему агент скупает эту ничего не стоящую собственность. Я...

— Но правительство субсидирует нас.

— Я сказал «ничего не стоящую», и это так и есть. Я имею в виду, что эта земля почти не пригодна для фермерства.

Он хитро улыбнулся и пояснил, что готовится какой-то государственный энергетический проект и для его осуществления была выбрана эта

зона. Монтгомери говорил об этом загадочно и неясно, из чего Макс заключил, что ему самому было мало что известно. Какой-то синдикат потихоньку скупал землю, рассчитывая, что сможет затем продать ее правительству по более высокой цене.

— Так что я стребовал с них в пять раз больше, чем они рассчитывали заплатить. Неплохо, да?

— Видишь, Макси? — вмешалась Мав. — Если бы твой отец знал, он бы...

— Замолчи, Нели!

— Но я лишь хотела сказать ему, сколько...

— Замолчи, я сказал!

Она умолкла. Монтгомери отодвинул свой стул, сунул в рот сигару и встал. Макс поставил воду на печь, чтобы помыть посуду, очистил тарелки и вынес отбросы цыплятам. Он не спешил возвращаться, смотрел на звезды и пытался думать, содрогаясь от мысли, что Бифф Монтгомери станет членом их семьи. Он думал о том, какие права есть у отчима, вернее, у праотчима, человека, который женился на его мачехе. Но ответа он не знал.

Наконец он решил, что надо вернуться, хотя и очень не хотелось. Когда он вошел, Монтгомери стоял около книжной полки, которую Макс соорудил над стереоприемником; он перебирал книги и несколько из них отложил на приемник. Он оглянулся.

— Ты вернулся? Побудь пока здесь, я хочу, чтобы ты рассказал мне про ваш домашний скот.

Из двери появилась Мав.

— Дорогой, — сказала она Монтгомери, — может быть, это подождет до утра?

— Не торопись, моя дорогая, — ответил он. — Этот парень с аукциона придет рано. Я должен провести инвентаризацию. — Он продолжал складывать книги. — Послушай, это неплохие вещи. — Он держал в руках полдюжины томов, отпечатанных на высококачественной тонкой бумаге в переплете из мягкого пластика. — Интересно, сколько они стоят? Нели, дай мои очки.

Макс быстро подошел и протянул руку к книгам.

— Они мои!

— Хм? — Монтгомери посмотрел на него, затем поднял книги высоко над головой. — Ты слишком молод, чтобы владеть каким-либо имуществом. Нет, продадим все подчистую и начнем с нуля.

— Они мои! Мне их подарил мой дядя. — Он обратился к мачехе: — Скажи ему, Мав.

— Да, Нели, — спокойно сказал Монтгомери. — Объясни-ка все этому юноше, пока мне самому не пришлось это сделать.

Ее лицо приняло обеспокоенное выражение.

— Ну, я в общем-то не уверена. Они действительно принадлежали Чету.

— А Чет был твоим братом? Значит, ты наследница Чета, а не этот юнец.

— Он не был ее братом, он был братом моего отца!

— Это не имеет значения. Твой отец был наследником твоего дяди, значит, твоя мать — наследница твоего отца, а не ты, молокосос. Таков закон, сынок. Так что извини.

Он поставил книги на полку, но остался стоять рядом.

Макс почувствовал, как у него начала непроизвольно дрожать верхняя губа; он знал, что теперь не сможет говорить связно. Его глаза наполнились слезами от гнева так, что он едва мог видеть.

— Вы... вы вор!

— Макс! — пронзительно взвизгнула Нели.

Лицо Монтгомери сделалось холодным и злым.

— Ну, теперь ты зашел слишком далеко. Боюсь, что тебе придется отвешивать ремня, — и он начал расстегивать свой тяжелый ремень.

Макс шагнул назад. Монтгомери выдернул ремень и сделал шаг вперед.

— Монти! Ради бога!.. — завопила Нели.

— Не вмешивайся, Нели, — сказал он и, обращаясь к Макс, добавил: — Мы должны раз и навсегда выяснить, кто здесь главный. Извинись!

Макс молчал. Монтгомери повторил:

— Извинись, и мы больше не будем об этом вспоминать.

Он взмахнул ремнем. Макс сделал еще один шаг назад, Монтгомери шагнул за ним и попытался схватить его. Макс увернулся и выбежал во двор. Он не останавливался до тех пор, пока не убедился, что Монтгомери его не преследует. Он перевел дыхание. В нем все еще бушевала злость. Ему было даже жаль, что Монтгомери не погнался за ним: вряд ли кто мог бы догнать его около дома в темноте. Он знал, где находится поленница, Монтгомери же не знал. Он знал, где лужа для свиньи. Он знал, где колодец, — если уж на то пошло.

Прошло немало времени, прежде чем он достаточно успокоился и смог думать рационально. Теперь он был рад, что все закончилось так легко. Монтгомери был намного тяжелее его, и говорили, что в драке он ведет себя очень подло.

Хотя он и не был уверен, закончилось ли. Решит ли Монтгомери забыть об этом к утру? В доме по-прежнему горел свет, Макс укрылся в коровнике и ждал, сидя на грязном полу. Через некоторое время он почувствовал ужасную усталость. Он подумал, что можно переспать и в коровнике, но там не было подходящего места, чтобы прилечь, хотя старого мула там уже не было. Вместо этого он поднялся на ноги и посмотрел на дом.

В кухне света не было, но в спальне окно светило; конечно, они еще не спали. Кто-то закрыл дверь после его побега; она не запиралась, поэтому попасть в дом не составит труда, но он боялся, что Монтгомери

может слышать его. Его собственная комната представляла собой пристройку к основной комнате со стороны кухни, напротив спальни, но в его комнате не было наружной двери.

Но ничего страшного: он решил эту проблему, когда стал достаточно взрослым для того, чтобы у него появилась потребность выходить и приходить ночью, не спрашивая старших. Он осторожно обошел дом, нашел козлы для дров, подставил их под свое окно, взобрался на них и вытащил гвоздь, который закреплял оконную раму. Через несколько секунд он уже был в своей комнате. Дверь в основную часть дома была закрыта, но Макс решил не включать свет; Монтгомери мог выйти в кухню и увидеть свет под дверью. Макс тихонько разделся и лег в кровать.

Но сон не приходил. Как только он начинал чувствовать приятную сонливость, какой-нибудь незначительный шум начинал прогонять ее. Может быть, это была всего лишь мышь, но ему начинало казаться, что это Монтгомери стоит около его кровати. С сильно бьющимся от страха сердцем он сел на край постели.

Перед ним стал вопрос, что делать — не только через час, не только завтра утром, но и через день, и каждый следующий день. Сам по себе Монтгомери его не беспокоил: он ни за что добровольно не останется в одной деревне с этим человеком. Но как быть с Мав?

Его отец, умирая, сказал ему: «Заботься о своей матери, сын!» И он честно заботился. Каждый год он собирал урожай — запасал продукты для дома, подрабатывал немного, когда было особенно трудно. Когда издох мул, Макс занял упряжку волов у Мак Алистера и за это отработал на него.

Но имел ли его отец в виду, что он должен заботиться о своей мачехе, даже если она снова выйдет замуж? Ему никогда не приходило в голову задуматься об этом. Отец велел заботиться о ней, и он делал это, хотя ему и пришлось бросить школу. Казалось, что ему придется заботиться о ней до конца жизни.

Но теперь она была уже не миссис Джоунз, а миссис Монтгомери. Разве отец говорил, что он должен заботиться о миссис Монтгомери?

Конечно нет! Когда женщина выходит замуж, о ней должен заботиться ее муж. Это всем известно. И конечно же, отец бы не захотел, чтобы он мирился с Монтгомери. Он встал. Решение было принято.

Единственный вопрос: что взять с собой?

Вещей у него было немного. Пошарив в темноте, он отыскал свой охотничий рюкзак и положил в него сменную рубашку и носки. Затем положил туда же циркулярную звездно-навигационную логарифмическую линейку дяди Чета и кусок вулканического стекла, который тот привез для него с Луны. Еще он взял свое гражданское удостоверение, зубную щетку и бритву своего отца, — хотя он ей пользовался не так уж и часто — и это было почти все.

За его кроватью была незакрепленная доска. Он нащупал ее, вынул, пошарил рукой, но ничего не нашел. Время от времени он понемногу

откладывал туда деньги на черный день, поскольку Мав не могла или не хотела экономить. Но она, очевидно, нашла их во время одного из своих тайных визитов. Ну что ж, ему все равно придется уйти, хотя без денег будет труднее.

Он глубоко вздохнул. Книги дяди Чета — их он должен забрать... а они, вероятно, все еще лежали на полке на стене, смежной со спальней. Но он должен их забрать, даже рискуя встретиться с Монтгомери.

Осторожно и очень медленно он открыл дверь в зал, остановился, по лицу его тек пот. Под дверью в спальню все еще был виден свет. Макс колебался, ему было очень трудно заставить себя двигаться дальше. Он услышал, как Монтгомери что-то бормочет, а Мав хихикает. Когда его глаза привыкли к темноте, он увидел в слабом свете, вытекающем из-под двери в спальню, какое-то нагромождение у внешней двери. Оно состояло из горшков и сковородок, которые с грохотом должны были упасть на пол, если бы дверь открылась. Очевидно, Монтгомери рассчитывал, что он вернется, и хотел быть наготове. Макс был очень рад, что забрался в комнату через окно.

Откладывать было незачем — он тихо двинулся вперед, помня о скрипящей доске возле стола. Он ничего не видел в темноте, но книги были знакомы ему на ощупь. Он осторожно снял их с полки, стараясь не уронить остальные книги.

Он уже был около своей двери, когда вдруг вспомнил о библиотечной книге и остановился.

Он не мог вернуться. Его могли услышать на этот раз... или Монтгомери мог выйти, чтобы попить воды или еще за чем-нибудь.

Но в его понимании кража книг из общественной библиотеки или невзврат, что, в общем-то, одно и то же, было если не смертным грехом, то, по крайней мере, одним из самых постыдных преступлений. Он стоял и думал об этом, обливаясь потом.

Затем он вернулся к полке, пройдя весь длинный путь вокруг скрипучей доски, и тут наступил на другую, о которой совсем забыл. Он замер, но парочка в спальне ничего не услышала. Наконец он склонился над приемником стереовидения, ощупывая полку.

Монтгомери, рассматривая книги, переставил их. Одну за другой Макс брал книги с полки, пытаясь найти нужную на ощупь. Он открывал каждую книгу, прощупывал перфорацию на обложке.

Четвертая книга оказалась той, которую он искал. Он вернулся в свою комнату. Он спешил, но двигался медленно. Когда он оказался в своей комнате, его начало трясти, и пришлось подождать, пока дрожь пройдет. Он не рискнул закрыть дверь и оделся в темноте. Затем он вылез через окно, нащупал ногами козлы и тихо опустился на землю.

Его туфли были заткнуты в рюкзак поверх книг, он решил не надевать их, пока не отойдет подальше от дома, боясь, что в спальне услышат его шаги. Он отошел от дома подальше и оглянулся. Свет в спальне все

еще горел. Макс свернул на дорогу, но тут заметил одноколесный велосипед Монтгомери и остановился.

Если он пойдет дальше, то выйдет к дороге, по которой ходит автобус. Пойдет ли он направо или налево, у Монтгомери будет пятидесятипроцентный шанс догнать его на велосипеде. Без денег он не сможет уехать автобусом, придется идти пешком.

Брунда! Монтгомери не погонится за ним. Он скажет: «Скатертью дорога и черт с ним!» Но эта мысль все же беспокоила его. Что, если Мав настоит на этом? Что, если Монтгомери не забудет обиду и не поленится свести счеты?

Он повернул назад, обходя дом на значительном расстоянии, и направился через горы направо, к космодрому Чикаго.

Г л а в а 2

ДОБРЫЙ САМАРИТАНИН

Было темно, хоть глаз выколи, но Максу это не мешало. Он знал на этой местности каждый склон, почти каждое дерево. Он шел по склону холма до тех пор, пока не достиг выходного кольца, из которого поезд прыгал через ущелье, и уже оттуда он вышел на дорогу, по которой ездили ремонтные бригады. Тут он сел и надел башмаки.

Эта дорога была всего лишь просекой, прорубленной между деревьев; она была рассчитана на гусеничный транспорт, а не на колесный. Но она вела вниз, в долину, а затем вверх, где кольцевая дорога исчезала в туннеле. Он пошел по ней ловкой и легкой походкой прирожденного горца.

Через семьдесят минут он пересек долину и вышел к входному кольцу. Наконец он вышел к кольцу у входа в туннель. Он остановился, как он считал, на безопасном расстоянии и оценил свои шансы.

Хребет был высоким, иначе бы кольца были построены прямо на гребнях и не было бы нужды в туннеле. Он часто охотился в этих местах и знал, что подъем на эту гору днем занимает два часа. Но дорога для ремонтных бригад проходила прямо под кольцами. Если он пойдет по ней, то окажется на другой стороне холма через десять или пятнадцать минут.

Макс никогда не ходил через туннель. С точки зрения закона это считалось нарушением, хотя не это его беспокоило — он и без того был нарушителем. Иногда свиньи или дикие животные заходили в туннель и оказывались в ловушке, когда через нее проносился поезд. Однажды Макс нашел тело лисицы внутри туннеля, быстро нырнул туда и подобрал ее. На ней не было никаких следов удара, но когда он снял с нее шкуру, то обнаружил массу мелких кровоизлияний. Несколько лет назад в туннеле погиб человек, ремонтная бригада подобрала его тело.

Туннель по размерам был больше колес, но не больше, чем необходимо, чтобы поезд мог пролететь до того, как его собственная ударная волна

отразится от стен туннеля. Живое существо внутри туннеля не могло избежать этой волны — невыносимого громового удара, настолько заряженного энергией, что все живое вблизи моментально погибало.

Но Макс не хотел взбираться на хребет, он постарался вспомнить вечернее расписание поездов. «Томагавк» пролетел на закате солнца, он видел его; «Дротик» промчался, когда Макс прятался в коровнике, он слышал его. «Асsegай» должен был пройти совсем недавно, хотя Макс и не помнил, слышал ли он его; оставался только полуночный «Лабрис». Макс посмотрел на небо.

Венера уже взошла; но он удивился, увидев, что Марс все еще находился в западной части неба. Луна еще не появилась. Полнолуние было в прошлую среду. Конечно...

Ответ, который он получил, казался неверным, поэтому он решил удостовериться по положению Веги и Большой Медведицы. Он удивленно присвистнул. Произошло столько всякого, а было всего десять часов, плюс-минус пять минут — звезды не ошибаются. В этом случае «Асsegай» не появится еще минут сорок пять. И если не будет какого-нибудь дополнительного поезда, что маловероятно, то у него вполне достаточно времени.

Он направился в туннель. Не прошел он и пятидесяти ярдов, как пожалел о своем решении и начал паниковать: там было темно, как в могиле. Но идти было намного легче, поскольку стены туннеля были облицованы в расчете на мягкое отражение ударной волны. Он шел уже несколько минут, осторожно, но быстро, когда его глаза, привыкнув к темноте, разглядели впереди какой-то едва заметный серый круг. Он перешел на рысь, затем помчался сломя голову. Страх переполнял его.

Он добежал до выхода из туннеля. Его горло пересохло, сердце бешено билось; отсюда он бросился вниз по склону холма, не обращая внимания на камни под ногами. Макс не сбавлял скорости, пока не оказался под ходулями-опорами. Они были такими высокими, что кольцо наверху казалось совсем маленьким. Там он остановился и попытался отдышаться.

Его сбило с ног и отбросило в сторону.

Покачиваясь, Макс встал на ноги, кое-как вспомнил, где он находится, и понял, что побывал в нокауте. По щеке текла кровь, локти были ободраны. Только теперь он понял, что произошло: над ним пронесся поезд.

Он был недостаточно близко, чтобы убить его, но достаточно близко для того, чтобы сбить с ног. Это не мог быть «Асsegай». Макс посмотрел на звезды и еще раз в этом удостоверился. Скорее всего, это был какой-нибудь дополнительный поезд, и задержись Макс в туннеле хотя бы на минуту, он бы погиб.

Его начало трясти, и только через несколько минут он пришел в себя. Он пошел вперед по вспомогательной дороге настолько быстро, насколько позволяли ему его ушибы. Вскоре он обратил внимание на странную тишину.

Ночь никогда не бывает беззвучной. Его слух, с детства привыкший к звукам холмов, должен был улавливать бесконечное разнообразие тихих ночных звуков: шелест листы, шныряние его меньших братьев, голоса древесных лягушек, стрекот насекомых, крики совы.

Жестокая логика привела его к верному выводу: он ничего не слышал, ударная волна оглушила его. Но теперь уже ничего не поделаешь. Он пошел дальше; ему даже в голову не пришло вернуться домой. Внизу, где подпорки были почти трехсот футов высотой, вспомогательная дорога пересеклась с проселком. Он повернул на него и пошел вниз, осуществляя свою первую цель: оказаться в той местности, где Монтгомери вряд ли станет его искать. Теперь он был по другую сторону гор, хотя и всего в нескольких милях от дома, но пройдя через хребет, он оказался в чужой местности.

Пару часов он продолжал идти вниз по склону. Дорога была не особо широкой, но идти по ней было легче, чем по вспомогательной. Внизу, в долине, где живут «чужеземцы», должно проходить грузовое шоссе, параллельное кольцевой дороге; оно и приведет его к космодрому. Космодром был его конечной целью, хотя он и не знал точно, что будет делать, когда доберется до него.

Позади светила луна. Он шел быстро. Впереди на дорогу выскочил заяц, присел и посмотрел на него, затем поскакал дальше. Увидев зайца, он пожалел, что не взял с собой ружье; конечно, оно было старым и за него бы много не дали — к тому же в последнее время становилось все труднее покупать патроны для него, — но зайчатина в котле была бы отличным блюдом, просто замечательным блюдом! Он понял, что не только устал, но и ужасно проголодался. Он ведь почти не притронулся к своему ужину, да и позавтракал отнюдь не плотно.

Вскоре звон в ушах отвлел его внимание от пустого желудка, звон, который все усиливался. Он потряс головой и поковырял в ушах, но это не помогло, и он решил не обращать на это внимания. Пройдя еще с полмили, он вдруг обнаружил, что слышит свои шаги. Он остановился как вкопанный, затем хлопнул в ладоши. Сквозь звон в ушах он все-таки услышал звук. С легким сердцем он пошел дальше.

Наконец он вышел на уступ, с которого открывался вид на широкую долину. В лунном свете он различил полосу грузового шоссе, ведущего на юго-запад, и даже, как ему показалось, его флюоресцентную разметку. Он прибавил шаг.

Он приближался к шоссе и уже слышал шум проходящих грузовиков, когда заметил свет впереди. Он приближался к нему осторожно, будучи уверен, что это не машина и не фермерский дом. Подойдя ближе, он разглядел небольшой костер, он был виден со стороны гор, но со стороны шоссе был закрыт известняковым уступом. Около него на корточках сидел человек и помешивал в котелке, который стоял на камнях над огнем.

Макс подкрался ближе и теперь уже смотрел на притон бродяги сверху. Он почувствовал запах варева, и у него потекли слюнки. Сейчас в нем

боролись два чувства: голод и врожденное недоверие горца к «чужестранцам». Он лежал не шевелясь и смотрел. Наконец мужчина снял котелок с огня и позвал:

— Эй, хватит прятаться! Спускайся вниз.

Макс был настолько напуган, что ничего не ответил. Мужчина добавил:

— Спускайся сюда, на свет. Я же не понесу тебе еду наверх.

Макс встал на ноги и вошел в круг света. Мужчина взглянул на него.

— Привет. Садись.

— Привет.

Макс сел к костру напротив бродяги. Одет тот был даже хуже Макса, лицо заросло щетиной. Тем не менее свои лохмотья он носил весьма щеголевато и казался самоуверенным и бодрым.

Мужчина продолжал помешивать варево в котле. Затем зачерпнул немного, подул на ложку и попробовал.

— Почти готово, — объявил он. — Четырехдневный суп поспевает.

Он встал и из кучи банок позади него выбрал одну. Макс поколебался, затем последовал его примеру. Он выбрал банку из-под кофе, в которую после кофе, как казалось, больше ничего не клали. Мужчина налил ему щедрую порцию супа, затем подал ему ложку. Макс недоверчиво посмотрел на нее.

— Если ты не доверяешь последнему человеку, который ею пользовался, — сказал мужчина, — то поддержи ее над огнем, а затем вытри. Что касается меня, то я не волнуюсь на этот счет. Если какой-нибудь микроб меня укусит, он умрет страшной смертью.

Макс воспользовался его советом. Он подержал ложку над пламенем, пока ее ручка не стала слишком горячей, затем вытер ее об рубашку.

Суп был вкусный, а голод делал его еще вкуснее. Он был жирным, там были овощи и какое-то мясо. Макс не задавался вопросом, откуда все это взялось, и ел с аппетитом. Через некоторое время мужчина спросил:

— Добавки?

— Что? Да, спасибо!

Вторая порция супа насытила его, и по телу разлилось приятное ощущение полного благополучия. Он сонно потянулся, даже наслаждаясь своей усталостью.

— Ну как? Лучше себя чувствуешь? — спросил мужчина.

— Да, спасибо.

— Кстати, можешь называть меня Сэмом.

— А меня зовут Макс.

— Рад познакомиться с тобой, Макс.

Макс не сразу задал вопрос, который его беспокоил.

— Послушай, Сэм. Откуда ты узнал, что я там? Ты услышал меня?

Сэм ухмыльнулся.

— Нет. Но я видел твой силуэт на фоне неба. Никогда не делай так, паренек, иначе это может быть последним, что ты сделаешь.

Макс оглянулся и посмотрел вверх, на то место, где он прятался. Конечно, Сэм был прав.

— Давно путешествуешь? — спросил Сэм.

— Хм? Довольно-таки.

— Далеко направляешься?

— Хм, думаю, что довольно далеко.

Сэм сделал паузу, затем сказал:

— Думаешь, твои не будут по тебе скучать?

— Хм? Откуда вы знаете?

— Ты ведь убежал из дома, не правда ли?

— Да. Вроде того.

— Ты выглядел как побитый, когда притащился сюда. Может быть, еще не поздно передумать, пока мосты не сожжены? Подумай об этом, паренек. На дороге трудно. Я это хорошо знаю.

— Вернуться? Ни за что!

— Вот как? Тебе здорово насолили!

Макс смотрел на огонь. Ему было необходимо привести свои мысли в порядок, даже если придется рассказать «чужестранцу» о своих личных делах... а с этим добродушным незнакомцем легко болтать.

— Послушай, Сэм, у тебя когда-нибудь была мачеха?

— Хм? Не помню ни одной. На ночь меня целовал Центр Развития Округа Джерси, который занимался сиротами.

Макс рассказал ему свою историю. Сэм время от времени задавал вопросы, когда Макс сбивался.

— Ну и я сбежал, — завершил он свой рассказ. — Мне больше ничего не оставалось. Так ведь?

Сэм сжал губы.

— Думаю, что нет. Этот твой новый отчим похож на мышь, которая учится быть крысой.

— Неужели ты думаешь, что они постараются найти меня и притащить обратно?

Сэм подложил полено в костер.

— Я не уверен.

— Хм? Зачем я им? Он меня не любит. А Мав все равно, почти все равно. Может быть, она немного и поскулит, но сама даже пальцем не пошевелит.

— Ну а ферма?

— Ферма? Теперь, когда отец умер, она мне безразлична. По правде говоря, она не такое уж богатство. Приходится здорово гнуть спину, чтобы собрать урожай. Если бы Акт о Консервации не запретил владельцам оставлять фермерскую землю без возделывания, отец бы давно уже бросил заниматься хозяйством. И потребовалось бы что-нибудь вроде этого правительственного проекта, чтобы сплавить ферму кому-либо.

— Я это и имею в виду. Этот парень убедил твою мать продать ее. Может быть, я и не силен в законах, но, по-моему, деньги должны быть выплачены тебе.

— Что? А, наплевать на деньги. Я лишь хочу скрыться от них.

— Не говори так о деньгах; это святотатство. Но как бы ты к ним не относился, я думаю, что этот хомбре Монтгомери еще захочет с тобой встретиться.

— Почему?

— Твой отец оставил завешание?

— Нет. Ему нечего было мне оставить, кроме фермы.

— Я не знаю тонкостей законов вашего штата, но наверняка по крайней мере половина этой фермы принадлежит тебе. Может быть, твоя мачеха имеет пожизненное право на владение ею с передачей фермы тебе после ее смерти. В любом случае она не может заключить такую сделку без твоей подписи. И когда ваш местный суд откроется завтра утром, покупатели узнают об этом. И они побегут, задрав хвосты, разыскивать ее и тебя. А затем этот Монтгомери начнет искать тебя, если уже не начал.

— О, боже! Если они найдут меня, то могут заставить вернуться!

— Не дай им себя найти. Ты неплохо начал.

Макс взял свой рюкзак.

— Пожалуй, мне лучше пойти дальше. Большое спасибо, Сэм. Может быть, и я когда-нибудь смогу тебе помочь.

— Сядь.

— Послушай, мне лучше уйти как можно дальше.

— Паренек, ты устал, и голова у тебя работает плохо. Ночью ты не сможешь уйти далеко, тем более в таком состоянии. Завтра утром, свежие и бодрые, мы пойдем к шоссе. А там пройдем с милью по шоссе на юг до дорожного ресторана. После завтрака водители обычно в хорошем настроении, и можно будет договориться с кем-нибудь, чтобы тебя подвезли. И ты за десять минут окажешься дальше отсюда, чем если бы шел всю ночь.

Макс должен был признать, что он утомлен и обессилен. А Сэм, конечно же, лучше разбирается в таких делах.

— У тебя есть с собой одеяло? — спросил Сэм.

— Нет. Только рубашки и... книги.

— Книги? Я сам люблю почитать, когда есть возможность. Можно взглянуть на них?

Несмотря на то, что Макс достал книги. Сэм рассмотрел их, поднося к огню.

— Чтоб мне быть трехглавым марсианином! Паренек, ты хоть знаешь, что это такое?

— Конечно.

— Но ты не можешь владеть этими книгами. Ты же не состоишь в Гильдии Астрогаторов.

— Я — нет, но мой дядя был в Гильдии. Он участвовал в первом полете на Бету Гидры, — гордо добавил Макс.

— Вот это да!

— Это сушая правда.

— Но ты сам никогда не был в космосе? Нет, конечно нет.

— Но я полечу в космос!

Макс признался в том, о чем он никому раньше не говорил, — в своем желании последовать примеру своего дяди и полететь к звездам. Сэм слушал задумчиво. Когда Макс закончил говорить, он медленно произнес:

— Значит, ты хочешь стать звездным навигатором?

— Конечно, хочу.

Сэм почесал переносицу.

— Послушай, паренек, я не хочу охлаждать твой пыл, но ты знаешь, как устроен этот мир. Стать астронавтом почти так же трудно, как и попасть в Гильдию Водопроводчиков. В наши дни похлебки мало, на всех не хватает. Гильдия не примет тебя только потому, что ты горишь желанием стать учеником. Членство в ней передается по наследству, как и во всех других высокооплачиваемых гильдиях.

— Но мой дядя был членом Гильдии.

— Дядя, а не отец.

— Да, но член Гильдии, у которого нет сыновей, сам назначает преемника. Он всегда говорил мне, что регистрирует мое назначение.

— И он это сделал?

Макс замолчал. Когда умер дядя, он был слишком мал, чтобы навести справки. Когда вслед за дядей умер отец, то Максу было не до этого. Он так и не навел справки, подсознательно предпочитая лелеять мечту, нежели знать наверняка.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Я наведу справки на космодроме и узнаю.

— Хм... Желаю тебе удачи, паренек. — Сэм смотрел на пламя; Макс показалось, что взгляд его был печален. — Ну, я, пожалуй, попробую урвать немного сна, и тебе советую сделать то же. Если тебе холодно, можешь найти себе какую-нибудь тряпку вон за тем камнем — мешки, упаковка или что-нибудь еще. Это тебя согреет, если, конечно, ты не боишься подцепить пару блох.

Макс заполз в темную дыру, указанную Сэмом, нашел неглубокую нишу в известняковой глыбе и на ощупь обнаружил какое-то подобие кровати. Он думал, что заснуть здесь будет трудно, но сон охватил его еще до того, как Сэм затушил огонь.

Проснулся Макс от яркого солнечного света. Он выполз из ниши, встал на ноги и потянулся. По солнцу он определил, что сейчас около семи часов утра. Сэма не было видно. Он огляделся и позвал его, но не очень громко, затем догадался, что он, вероятно, спустился к ручью попить и умыться холодной водой. Макс вернулся в свое укрытие и вытащил рюкзак, намереваясь сменить носки.

Книг там не было.

На сменной рубашке лежала записка:

«Дорогой Макс, в котелке еще есть суп. Ты можешь разогреть его и позавтракать. Пока.

Сэм.

P.S.

Извини».

Дальнейший поиск показал, что исчезло и его удостоверение личности. Правда, Сэм не позарился на его жалкие пожитки. Макс не дотронулся до супа. Переполненный горькими мыслями, он вышел на дорогу и продолжил свой путь.

Г л а в а 3

КОСМОДРОМ

Проселок проходил под грузовым шоссе; Макс подошел к нему и направился вдоль шоссе на юг. На его пути стояли знаки «нет прохода», но тропинка была протоптана. Впереди шоссе расширялось, образуя большую площадку. В конце площадки, примерно в миле от Макса, виднелся ресторан, о котором говорил Сэм.

Макс перебрался через забор, ограждающий ресторан и автостоянку, и направился туда, где шеренгой стояло с дюжину больших наземных кораблей. Один из них загудел, собираясь отъехать, его плоское дно на несколько дюймов поднялось над металлическим покрытием стоянки. Макс подошел к нему спереди и заглянул в кабину водителя. Дверца кабины была открыта, и он увидел водителя, сидящего за пультом.

— Эй, мистер! — позвал Макс.

Водитель высунул голову.

— Что надо?

— Как насчет того, чтобы подбросить меня в южном направлении?

— Отвали, парень. — Дверца захлопнулась.

Остальные грузовики на стоянке были пусты. Макс собирался повернуть назад, но в это время еще один гигант подлетел по полосе торможения, медленно завернул на стоянку и опустил на металлическую поверхность. Макс хотел подойти к водителю, но потом решил подождать, пока тот поест. Он вернулся к ресторану и начал наблюдать через дверь, как голодные мужчины поглощают пищу. У него потекли слюнки. В это время он услышал за спиной чей-то приятный голос:

— Извини, но ты закрываешь вход.

Макс отскочил в сторону.

— Извините!

— Проходи. Ты был первым.

Голос принадлежал мужчине, лет на десять старше Макса. Лицо его было обильно покрыто веснушками, и он улыбался уголками губ. На его кепке Макс увидел знак Гильдии Водителей Грузовиков.

— Проходи, — повторил мужчина, — иначе кто-нибудь наступит на тебя в спешке.

Макс рассудил, что в ресторане он, может быть, найдет Сэма. В конце концов ему не могли предъявить счет лишь за то, что он зашел, ведь он ничего не ел. Еще у него была тайная надежда, что управляющий разрешит ему отработать за еду. К тому же человек с веснушками ждал, пока он войдет. И Макс решился войти в дверь, из которой исходили аппетитные запахи.

В ресторане было много народа; но один столик на двоих был не занят. Мужчина опустился на стул и сказал:

— Садись, я не люблю есть один.

Макс почувствовал на себе недоверчивый взгляд управляющего и сел. Официантка подала каждому из них меню, и водитель оценивающе осмотрел ее с ног до головы. Когда она отошла, он сказал:

— В этой забегаловке когда-то было автоматическое обслуживание, и она прогорела. А ближайший ресторан Тиволи в восьмидесяти милях отсюда. Тогда новый управляющий выбросил автоматы, нанял девушек, и дела пошли на лад. Ничто так не улучшает аппетит, как симпатичная официантка. Верно?

— Думаю, что да. Конечно.

Макс сам не слышал, что он сказал. Он редко бывал в ресторанах, и то только в Клайдз-Корнерз. Цены в меню так напугали его, что ему захотелось залезть под стол.

Его компаньон посмотрел на него.

— В чем дело, приятель?

— Да так. Ничего особенного.

— У тебя нет денег?

Жалкое выражение на лице Макса послужило ему ответом.

— Черт возьми. Я и сам бывал в таком положении. Не беспокойся.

Он жестом подозвал официантку.

— Поди сюда, сладкая девочка. Мы с напарником хотим бифштекс, по яйцу сверху и еще по одному сбоку. Только не круто зажаренные. Если яичница будет твердой, я прибью ее гвоздями к стенке в знак предупреждения другим. Понятно?

— Вряд ли вы сможете загнать гвоздь в эту стену, — отпаривала она и удалилась, слегка покачивая бедрами.

Водитель не спускал с нее глаз, пока она не скрылась на кухне.

— Теперь понимаешь, что я имею в виду. Разве автоматы могут с нею сравниться?

Бифштекс был превосходным, яйца не пережарены. Водитель велел Максy называть его Редом, и Макс сказал ему свое имя. Макс подбирал

последний желток кусочком хлеба и думал, не пора ли заговорить о деле. Но Ред наклонился вперед и спросил:

— Макс, ты свободен? Как насчет работы?

— Что? Ну, почему бы и нет? А что за работа?

— Ты не против прокатиться на юг?

— На юг? Я как раз туда и направляюсь.

— Хорошо. Дело вот в чем: босс говорит, что в каждом грузовике должно быть по два водителя — или смена каждые восемь часов. Но у меня загвоздка. Я должен отработать штрафное время, а мой напарник не допущен к работе. Болван. Напился и теперь отходит. Но мне надо пройти контрольный пункт в сотне миль отсюда. И меня задержат, если я не смогу предъявить им второго водителя.

— Но я не умею водить, Ред. Мне очень жаль.

— Тебе и не придется водить. Ты все время будешь отдыхающим водителем. Я бы и не доверил мою «Молли Малоне» тому, кто не знает ее характера. Я буду поддерживать себя в бодрствующем состоянии с помощью таблеток. А на космодроме отосплюсь.

— Ты едешь до самого космодрома?

— Да.

— Я согласен.

— О'кей. Значит так. Всякий раз, когда будем проезжать контрольный пункт, ты спишь. А также помогаешь мне загружать и разгружать — надо будет кое-что разгрузить и забрать в Оук-Сити, — а я буду тебя кормить. Идет?

— Идет!

— Тогда пошли. Я хочу отчалить, прежде чем другие тронутся и подымут пыль. Никогда нельзя быть уверенным, что среди них нет стукача.

Ред бросил купюру на стол и встал, не дожидаясь сдачи.

«Молли Малоне» была двести футов длиной. Глядя на приборы, Макс установил, что клиренс у машины был невелик. Когда она задрожала и поднялась в воздух, на индикаторе высоты было девять дюймов, но, когда она набрала скорость, показания уменьшились до шести.

— Отталкивание работает по закону обратного куба, — объяснил Ред. — Чем сильнее напор воздуха толкает нас вниз, тем больше дорога выталкивает вверх. Это удерживает нас от прыжка за горизонт. Чем быстрее мы движемся, тем машина устойчивее.

— А если ты будешь двигаться так быстро, что напор воздуха прижмет дно к дороге? Ты успеешь остановиться, прежде чем машина разлетится на части?

— Думай головой. Чем сильнее нас прижимает к дороге, тем сильнее она нас отталкивает... я же сказал — обратный куб.

— Ага... — Макс достал логарифмическую линейку своего дяди. — Если лишь эта сила поддерживает нас на высоте девять дюймов, тогда на высоте трех дюймов отталкивание будет в двенадцать раз больше веса

машины, а на высоте одного дюйма — в семьсот двадцать девять раз, а на высоте в четверть дюйма...

— Даже не думай об этом. На большой скорости я не могу опустить ее ниже пяти дюймов.

— Но как же она движется?

— Это пропорция фазы. Поле уползает вперед, а «Молли» пытается его догнать, но не может. Не спрашивай меня о теории. Я всего лишь тычу в кнопки.

Ред закурил сигарету и откинулся назад, одной рукой держась за ручку.

— Лучше забирайся в койку, парень. Контрольный пункт через сорок миль.

Койка находилась у потолка кабины, этакая полка над сиденьем. Макс забрался на нее и закутался в одеяло. Ред подал ему кепку.

— Натяни ее на глаза, но так, чтобы краб был виден.

Краб был кокардой Гильдии Водителей Грузового Транспорта. Макс сделал, как ему было сказано.

Наконец он услышал, как стих приглушенный вой встречного ветра. Грузовик опустился на дорогу, дверь открылась. Он лежал, не шевелясь, и не видел, что происходит.

— Долго вы ведете машину? — спросил незнакомый голос.

— С завтрака в «Тони».

— Да? А почему глаза такие красные?

— Это из-за моего образа жизни. Хотите взглянуть на мой язык?

— Ваш напарник не расписался в сдаче смены.

— Как скажете. Хотите, разбужу эту сонную тетерю?

— Хм... ладно. Распишитесь за него. Скажите ему, чтобы был повнимательнее.

— Хорошо.

«Молли Малоне» поднялась в воздух, набрала скорость, и Макс сполз с койки.

— Когда он спросил про мою подпись, я подумал, что мы попались.

— Я сделал это специально, — презрительно ответил Ред, — им надо дать к чему-нибудь придраться, иначе они начнут копать глубже.

Максу понравился грузовик. Огромная скорость на таком близком расстоянии от земли восхищала его, и он решил, что если не сможет стать космонавтом, то такая жизнь его вполне устроит. Он узнает, сколько надо заплатить за подачу заявления, и начнет копить. Ему понравилось, как легко Ред поднимался над дорогой и мчался вперед, а затем вписывал это огромное сухопутное судно в поворот: оно скользило по внешней линии дороги, наклоняясь под сумасшедшим углом.

Около Оклахома-Сити они пронеслись под кольцевой дорогой космодрома, по которой, по расчетам Макса, только что пролетел поезд «Рапира».

— Когда-то я водил такие поезда, — произнес Ред, глянув вверх.

— Правда?

— Да. Но мне это действовало на нервы. Каждый раз, делая прыжок, я ужасно волновался, чувствуя, как поезд уходит вниз подо мной. Затем мне начало казаться, что поезд сам себе на уме и только и ждет следующего прыжка, чтобы вильнуть в сторону. А от таких настроений ничего хорошего не жди. Ну, я и нашел водителя грузовика, который хотел повысить свою квалификацию, и заплатил пеню обоим гильдиям, чтобы они разрешили нам поменяться работой. Никогда не жалел об этом, двести миль в час около земли — вполне достаточно для меня.

— А как насчет космических кораблей?

— Это другое дело. Там есть простор для скорости. Послушай, парень, когда будешь на космодроме, ты должен взглянуть на этих больших деток. Это того стоит.

Библиотечная книга жгла спину сквозь рюкзак; в Оклахома-Сити он заметил почтовый ящик у грузового депо и машинально опустил туда книгу. После того, как книга была отправлена, он начал слегка волноваться, не наведет ли это на его след, но тут же подавил волнение: книга должна быть возвращена. Отклонения от закона его не очень беспокоили, он мог пройти там, где не разрешено, или изображать из себя напарника водителя, но стащить книгу было в его понимании смертным грехом.

Когда они приехали, Макс спал на койке, и Ред растолкал его.

— Конец пути, парень.

Макс сел, зевая.

— Где мы?

— Космодром. Давай немного разомнемся и разгрузим эту детку.

К тому времени, как они разгрузили «Молли», прошло два часа после восхода солнца и стало жарко, как в пустыне.

Ред последний раз оплатил его еду. Он покончил с завтраком первым, заплатил, затем положил купюру рядом с тарелкой Макса.

— Спасибо, парень. А это сувенир от меня. Пока.

Он ушел прежде, чем Макс успел закрыть рот. Он так и не узнал фамилию своего друга, не запомнил даже номер на значке.

Космодром был самым большим сооружением из всех, что он видел раньше, и все на нем приводило его в замешательство: толпы народа, спешащие куда-то, огромные здания, тротуары вместо улиц, шум, жаркое палящее солнце, огромная плоскость взлетного поля... подумать только, нигде до самого горизонта не было ничего, что можно было бы назвать кочкой!

Впервые он увидел живого инопланетянина, восьминогого обитателя Эпсилона Близнецов V, тот выходил из магазина с пакетом под мышкой. Казалось, для него это было таким же привычным занятием, как для фермера, который делает свои еженедельные покупки в Клайдз-Корнерз. Макс смотрел на него во все глаза. Он знал, как выглядят эти существа, по картинкам и стереовидению, но увидеть их живьем — совсем другое дело.

Многочисленные глаза вокруг головы были похожи на венки из желтого винограда и придавали ему гротескный вид. Макс медленно поворачивал голову, наблюдая за ним.

Существо подошло к полицейскому, козырнуло и спросило:

— Извините, сэр, вы не могли бы подсказать, как мне пройти в Атлетический клуб Тезерт-Палмз?

Макс не мог понять, откуда у него исходит звук.

Наконец Макс заметил, что только он один пялится на инопланетянина, и медленно пошел дальше, постоянно украдкой оглядываясь на него... и из-за этого он натолкнулся на незнакомца.

— Извините! — поспешно пробормотал Макс.

Незнакомец посмотрел на него.

— Ничего-ничего. Скоро привыкнешь. Ты теперь в большом городе.

После этого Макс старался быть осторожнее.

Он намеревался сразу же разыскать здание Гильдии Астрогаторов в слабой надежде на то, что даже без книг и идентификационной карточки он сможет удостоверить свою личность и обнаружит, что дядя Чет позаботился о его будущем. Но вокруг было столько интересного, что он просто слонялся от здания к зданию. Наконец он вышел к «Имперскому Дому» — гостинице, которая предоставляла любое давление, температуру, освещение, атмосферу, псевдогравитацию и пищу, предпочитаемые любой из известных разумных существ. Он бродил около гостиницы в надежде увидеть кого-нибудь из жителей, но за все время, пока он там был, из нее вышел только один проживающий, да и того вывезли в герметическом баке, в который Макс не мог заглянуть.

Он заметил у входа в гостиницу полицейского охранника, который подозрительно смотрел на него. Макс пошел дальше, но затем решил спросить дорогу, посчитав, что если чужеземцу с Эпсилона Близнецов можно расспрашивать полицейского, то это не возбраняется и землянину.

— Извините, сэр, вы не могли бы подсказать, как пройти в Совет Гильдии Астрогаторов? — Макс обнаружил, что он почти в точности цитирует инопланетянина.

Полицейский пристально осмотрел его.

— В конце проспекта Планет, перед входом в порт.

— А в какую это сторону?..

— Впервые в городе?

— Да, сэр.

— Где вы остановились?

— Пока нигде. Я только что прибыл. Я...

— Какое у вас дело в Гильдии Астрогаторов?

— Это связано с моим дядей, — подавленно ответил Макс.

— Дядей?

— Он... он астронавт. — Макс мысленно скрестил пальцы.

Полицейский наморщил лоб.

— Идите по этой улице до перекрестка, там повернете на запад. Увидите большое здание с гербом, изображающим солнце, над дверью — его нельзя не заметить. Не заходите в запретные зоны.

Макс пошел в указанном направлении, даже не спросив, как узнать, что это запретная зона. Совет Гильдии и вправду оказалось нетрудно найти: Макс повернул на запад, прошел подземный переход и, выйдя из него, оказался перед нужным зданием.

Но взгляд его был направлен на запад, где кончались здания и проспекты. Там, на взлетном поле, стояли космические корабли: быстрые маленькие военные ракеты; приземистые лунные шаттлы; крылатые корабли, обслуживающие спутниковые станции; автоматические грузовые суда, угловатые и мощные. Но прямо перед воротами, всего в полумиле от него, стоял огромный корабль, который Макс сразу узнал, — звездный корабль «Асгард». Он знал его историю. Дядя Чет служил на этом корабле. Сто лет назад его выстроили в космосе как корабль-катер для связи между другими кораблями в космосе; тогда его называли «Принц Уэльский». Прошли годы, его механизмы изнашивались, в нем зажгли факел конверсии массы, и он стал «Эйнштейном». И почти двадцать лет его безжизненный корпус без экипажа вращался вокруг Луны. Теперь вместо факела в нем были импеллеры Хорста-Конрада, которые цеплялись за ткань самого космоса. Благодаря им он и смог вернуться на матушку Землю. При новом рождении его окрестили «Асгардом», в честь небесного жилища богов.

Его массивный грушевидный корпус, стоящий на узком конце, удерживался невидимыми подпорками силовых полей. Макс знал, где они проходят, поскольку «Асгард» был окружен кольцевым ограждением, чтобы кто-нибудь случайно не забрел в смертоносную зону.

Макс прижался носом к воротам у входа на поле, стараясь разглядеть его получше.

— Эй, парень, отойди оттуда! Разве ты не видишь знак? — услышал он чей-то голос.

Макс поднял голову. Над ним была табличка с надписью «Запретная зона». Неохотно он отошел от ворот и направился к входу в Совет Гильдии.

Г л а в а 4

ГИЛЬДИЯ АСТРОГАТОРОВ

В здании Гильдии Максу все казалось роскошным, пугающим и похожим на церковь. Огромные двери тихо открывались, уходя в стены, когда он к ним подходил. Пол был выложен мозаикой, но шагов не было слышно. Он вошел в длинный высокий вестибюль, не зная, куда идти дальше. В это время чей-то строгий голос остановил его.

— Могу ли я чем-нибудь вам помочь?

Он обернулся. Красивая молодая девушка сидела за столом и смотрела на него строгим взглядом. Макс подошел к ней.

— Хм... может быть, вы можете подсказать мне, мадам, к кому мне следует обратиться? Я точно не знаю...

— Минутку. Ваше имя, пожалуйста? — Через несколько минут она выудила из него основные факты о цели его визита. — Насколько я понимаю, у вас здесь нет никакого задания, и нет каких-либо оснований для того, чтобы обращаться в Гильдию.

— Но я же сказал, что...

— Ничего. Я сообщу о вас в юридический отдел.

Она нажала кнопку, и на ее столе появился экран.

— Мистер Хэнсон, вы можете уделить мне одну минутку? — спросила она, обращаясь к экрану.

— Да, Грэйс.

— Ко мне пришел молодой человек, который говорит, что он наследует место ученика в Гильдии. Вы поговорите с ним?

— Послушайте, Грэйс, — ответил голос, — вы знаете, каков порядок. Запишите его адрес, пусть возвращается к себе, и вышлите его документы на рассмотрение.

Она нахмурилась и нажала другую кнопку. Хотя Макс видел, что она говорит, но звук не доходил до него. Затем она кивнула, и экран убрался в стол. Она нажала еще одну кнопку и позвала:

— Скитер!

Из двери, что находилась позади нее, выскочил мальчик-посыльный и осмотрел Макса холодным взглядом.

— Скитер, — повторила она, — отведи этого посетителя к мистеру Хэнсону.

— Его? — фыркнул мальчик.

— Его. Застегни воротничок и выплюнь жвачку.

Мистер Хэнсон выслушал рассказ Макса и отправил его к своему боссу, главному юридическому советнику, которому Макс поведал о себе в третий раз. Этот чиновник побарабанил пальцами по столу и затем переговорил по телефону, используя прибор для обеззвучивания разговора, которым до этого пользовалась девушка.

Затем он обратился к Максусу:

— Тебе повезло, сынок. Верховный Секретарь уделит тебе несколько минут своего времени. Когда войдешь к нему, не садись, говори только тогда, когда к тебе обращаются, и сразу уходи, когда он даст знать, что аудиенция окончена.

Офис Верховного Секретаря был настолько роскошен, что все, увиденное Максом в Совете до этого, показалось аскетичным. Один ковер под его ногами можно было бы обменять на ферму, на которой Макс вырос. На виду не было никаких устройств связи, ни досье, ни даже стола. Верховный Секретарь сидел, развалившись в огромном кресле, в то время как слуга массировал ему шею. Когда Макс вошел, он поднял голову и сказал:

— Заходи, сынок. Садись вон там. Как тебя зовут?

— Максимилиан Джоунз, сэр.

Они посмотрели друг на друга. Секретарь видел перед собой долговязого юношу, которому следовало бы постричься, помыться и сменить одежду. Макс видел маленького толстяка в сморщенном мундире. Казалось, его голова была слишком большой для его туловища, и Макс не мог понять, доброе у него выражение глаз или холодное.

— И ты племянник Честера Артура Джоунза?

— Да, сэр.

— Я хорошо знал брата Джоунза. Великолепный математик. Как я понимаю, — продолжал Секретарь, — ты, к несчастью, потерял свое гражданское удостоверение. Карл.

Он позвал, даже не повышая голоса, но молодой человек появился как джинн из бутылки.

— Слушаю, сэр...

— Возьмите отпечатки пальцев у этого молодого человека, позвоните в Бюро по установлению личности — не сюда, а в центральный офис в Вашингтоне. Передайте от меня привет шефу Бюро и скажите ему, что я хотел бы получить идентификацию, пока вы будете на телефоне.

Человек по имени Карл поспешно снял отпечатки пальцев и вышел.

— Какова цель твоего прихода? — спросил Верховный Секретарь.

Макс робко объяснил, что его дядя обещал назначить его учеником Гильдии.

Секретарь кивнул.

— Понятно. Мне жаль сообщать тебе об этом, парень, но брат Джоунз не назначал тебя.

Максу было трудно понять смысл этого простого высказывания. Настолько велика была его внутренняя гордость за профессию своего дяди, так много зависело от надежды на то, что дядя передал ему право наследовать свою профессию, что он не мог сразу принять приговор о том, что он никто и ничто.

— Вы уверены? — выпалил он. — Вы смотрели документы?

Массажист был явно шокирован, но Верховный Секретарь ответил спокойно:

— Архивы просматривались не один, а два раза. Нет никакого сомнения. — Верховный Секретарь сделал знак и слуга удалился. — Мне жаль.

— Но он говорил мне, — упрямо повторил Макс. — Он говорил, что собирается это сделать.

— И все-таки он этого не сделал.

Мужчина, который брал отпечатки пальцев, зашел и подал Верховному Секретарю заключение Бюро. Тот заглянул в него и жестом отпустил мужчину.

— Я не сомневаюсь, что он думал об этом. Назначение в наше братство — это большая ответственность; нет ничего необычного в том, что

бездетный брат долгое время присматривается к возможному кандидату, прежде чем решить, подойдет ли он. По каким-то соображениям ваш дядя не назвал вашего имени.

Макс ужаснулся унизительному предположению о том, что его любимый дядя посчитал его недостойным. Это не могло быть правдой, ведь как раз за день до смерти он говорил... Макс прервал ход своих мыслей.

— Сэр, — сказал он, — мне кажется, я знаю, что произошло.

— Да?

— Дядя Честер умер внезапно. Он хотел назначить меня, но не успел. Я уверен в этом.

— Возможно. Известно, что не все успевают привести свои дела в порядок перед последней орбитой. Но я должен предположить, что он знал, что делает.

— Но...

— Все, молодой человек. Нет, не уходи. Я сегодня думал о тебе. — Макс удивленно посмотрел на него. Верховный Секретарь улыбнулся и продолжил: — Видишь ли, ты уже второй «Максимилиан Джоунз», который приходит к нам с этим рассказом.

— Как?

Чиновник засунул руку в карман своего кресла, достал оттуда несколько книг и удостоверение и подал их Макс, который смотрел на них, не веря глазам.

— Книги дяди Чета!

— Да. Вчера сюда приходил еще один человек, постарше тебя, с твоим удостоверением личности и с этими книгами. У него было поменьше амбиций, чем у тебя, — сухо добавил он. — Он желал получить работу менее престижную, чем работа астрогатора.

— И что получилось?

— Он поспешно ушел, когда мы попытались снять отпечатки его пальцев. Я не видел его. Но когда сегодня пришел ты, я заинтересовался, что это за новая профессия — «Максимилиан Джоунз». В будущем будь аккуратнее с удостоверением... пожалуй, мы спасли тебя от штрафа.

Макс положил удостоверение во внутренний карман.

— Большое спасибо, сэр.

Он начал складывать книги в свой рюкзак, но Верховный Секретарь остановил его.

— Нет, нет! Книги, пожалуйста, верни.

— Но дядя Чет подарил их мне.

— Мне жаль, но он мог их тебе лишь одолжить... хотя даже этого не следовало бы делать. Инструменты нашей профессии не могут быть личной собственностью. Все братья получают их во временное пользование. Твой дядя должен был их вернуть, когда уходил в отставку. Но некоторые из наших братьев сентиментальны и желают сохранить их на память. Дай их мне, пожалуйста.

Макс колебался.

— Ну, давай же, — повторил чиновник, — мы не можем позволить, чтобы наши профессиональные секреты были доступны любому. Даже паприкмахеры такого себе не позволяют. А у нас большая ответственность перед общественностью. Только член нашей Гильдии, обученный, испытанный, давший клятву и принятый, может законно владеть этими справочниками.

Ответ Макса был едва слышен:

— Не понимаю, какой от этого может быть вред. Все равно, похоже, мне не удастся воспользоваться ими.

— Надеюсь, ты не сторонник анархии? Все наше общество основывается на том, что важные секретыверяются только достойным. Но не огорчайся. Каждый брат, получая свои инструменты, оставляет денежный залог у казначея. По моему мнению, поскольку ты ближайший родственник брата Джоунза, мы вполне можем вернуть деньги за возвращение книг тебе, Карл.

Снова появился молодой человек.

— Пожалуйста, закладные деньги.

Карл пришел уже с деньгами — казалось, он зарабатывал себе на жизнь тем, что знал заранее о желаниях Верховного Секретаря. Макс вручили впечатляющую пачку денег, больше, чем он когда-либо держал в руках. Книги у него забрали прежде, чем он успел придумать еще какое-нибудь возражение.

Он подумал, что пора уходить, но Верховный Секретарь сделал жест, чтобы Макс подошел к креслу.

— Лично мне жаль разочаровывать тебя, но я лишь слуга своих братьев; у меня нет выбора. Однако... — Секретарь соединил пальцы своих рук. — Наше братство заботится о своих. На такие случаи в моем распоряжении есть денежные средства. Как насчет того, чтобы получить специальность?

— В Гильдии?

— Нет, нет! Мы никого не допускаем в братство из милосердия. Но ты можешь обучиться какой-нибудь респектабельной профессии: стать кузнецом, поваром, портным... кем хочешь. Любая профессия, которая не передается по наследству. Братство даст тебе денег, заплатит за обучение.

Макс знал, что должен принять это предложение с благодарностью. Ему бесплатно предоставлялась возможность, которую мог получить далеко не каждый. Но то же чувство, которое заставило его отказаться от супа, оставленного Сэмом, побудило его отвергнуть и это предложение.

— Спасибо, — ответил он почти грубо, — но не думаю, что смогу принять это предложение.

Верховный Секретарь уныло посмотрел на него.

— Ну, вам решать.

Он щелкнул пальцами, появился паж и проводил Макса из здания Совета.

Он остановился на ступеньках у входа, настроение у него было хуже некуда, он совершенно не знал, что делать дальше. Даже космические корабли не привлекали больше его внимания, одного взгляда на них было достаточно, чтобы на его глаза набегали слезы. Поэтому он посмотрел в другую сторону, на восток.

Неподалеку он увидел щеголеватую фигуру мужчины, тот стоял, прильнув к мусороприемнику. Когда взгляд Макса остановился на нем, мужчина выпрямился, бросил сигарету на тротуар и направился к нему.

Макс снова посмотрел на него. Сэм! Несомненно это был тот самый странник, который ограбил его, — хорошо одетый, чисто выбритый, — но тем не менее Сэм. Макс поспешил ему навстречу.

— Привет, Макс, — приветствовал его Сэм, непринужденно улыбаясь, — как поживаешь?

— Я должен был заявить на тебя в полицию!

— Ну, ну... потише. Не то на нас обратят внимание.

Макс перевел дыхание и снизил голос:

— Ты украл мои книги.

— Твои книги? Они были не твои, и я вернул их владельцу. Ты хочешь, чтобы меня арестовали за это?

— Но ты же... ну, в любом случае ты...

За спиной Макс услышал вежливый, твердый и официальный голос:

— Этот человек к вам пристаёт, сэр?

Макс обернулся. Позади него стоял полицейский. Он начал было говорить, но замолчал, поскольку понял, что вопрос был обращен к Сэму.

Сэм покровительственно и твердо взял Макса за руку.

— Вовсе нет, шеф, спасибо.

— Вы уверены?

— Он мой друг. Я ждал его здесь.

— Как скажете. У нас много неприятностей с бродягами. Такое впечатление, что все они направляются на космодром.

— Он не бродяга. Это мой юный друг из деревни. Боюсь, что он немного сбился с толку. Я за него ручаюсь.

— Хорошо, сэр. Спасибо.

— Не за что. — Сэм отвел Макса в сторону. Когда они отошли на достаточное расстояние от полицейского, Сэм сказал: — Чуть не влипли. Этот любопытный клоун упрятал бы нас обоих за решетку. Но ты молодец, парень, держал язык за зубами.

Они повернули за угол и вышли на боковую улицу. Сэм отпустил его руку. Он остановился и с усмешкой посмотрел на Макса.

— Ну, что, парень?

— Мне следовало бы сказать о тебе этому полицейскому!

— Почему же ты не сказал? Он был совсем рядом.

Макса одолевали противоречивые чувства. Он, конечно, злился на Сэма, но его первой произвольной реакцией была радость от встречи со знако-

мым человеком среди чужаков... злость пришла долей секунды позже. Теперь же Сэм смотрел на него, цинично и загадочно улыбаясь.

— Ну что, парень? — повторил он. — Если хочешь сдать меня полиции, то давай вернемся и покончим с этим. Я не уйду.

Насупившись, Макс ответил:

— Забудь про это!

— Спасибо. Я сожалею об этом, парень, действительно сожалею.

— Тогда почему же ты это сделал?

Лицо Сэма вдруг приняло печальное, отчужденное выражение, затем он снова улыбнулся.

— Я поддался соблазну, старик. У каждого человека есть свои слабости. Когда-нибудь я расскажу тебе об этом. А сейчас, как насчет того, чтобы немного перекусить и поболтать? Здесь неподалеку есть местечко, где мы сможем поговорить без посторонних.

— Ну... я не знаю...

— Да брось ты! Еда там не очень, но лучше, чем тот наш суп.

Макс собирался сказать о том, что хотя он и не сдаст его полиции, но есть с ним, конечно, не станет, но упоминание о супе смутило его. Сэм не интересовался его моральным обликом, когда поделился с ним ужином.

— Ну... хорошо.

— Ну и отлично!

Они пошли дальше по улице. Окрестности были того же типа, как и в любом портовом городе. Атмосфера здесь была словно теплее, несмотря на то, что приходилось бдительно присматривать за кошельком. Небольшое ателье по пошиву одежды, маленькие и не очень чистые рестораны, дешевые гостиницы, увеселительные заведения, паноптикумы, как «образовательные», так и «научные», уличные торговцы, маленькие театрики с яркими вывесками и звуками музыки, несущимися из них, магазины, лотерея, ателье татуировок, астрологи и неизбежная миссия Армии Спасения придавали улицам тот шарм, которого так недостает фешенебельным кварталам. Марсиане в тройных солнечных очках, гуманоиды с Беты Ворона III, существа с экзоскелетами Бог знает откуда смешивались с людьми всех оттенков кожи и чувствовали себя совершенно непринужденно.

Сэм остановился перед дверью со старинным символом — тремя золотыми сферами.

— Подожди здесь. Я сейчас вернусь.

Макс ждал и смотрел на толпу. Вскоре Сэм вышел без пиджака.

— Теперь пошли есть.

— Сэм! Ты заложил свой пиджак?

— Черт возьми! Как ты догадался?

— Но... послушай, я не знал, что ты без денег; у тебя был такой богатый костюм. Выкупи его обратно, я... я заплачу за наш обед.

— Очень мило с твоей стороны, парень, но забудь об этом. Мне не нужен пиджак в такую погоду. По правде говоря, я приделался лишь для того, чтобы произвести хорошее впечатление... ну, так, для дела.

— Но как ты...?

Сэм усмехнулся.

— Ты хочешь знать, не украл ли я эти роскошные тряпки? Я повстречал гражданина, который верит в везенье, и вовлек его в игру. Никогда не рассчитывай на везенье, парень; главное — навык. Ну, вот мы и пришли.

Они стояли около бара, за которым находился роскошный ресторан. Сэм провел его через ресторан, через кухню, мимо игровых комнат, и они оказались в менее претензиозной закуской; Сэм выбрал столик в углу. К нему, волоча ногу, подошел огромный самоанец. Сэм кивнул ему:

— Привет, Перси. — Затем обратился к Макс. — Сперва выпьем?

— Хм... пожалуй, я не буду.

— Хороший мальчик. И не начинай. Ирландское для меня, Перси, и для нас обоих то, что у тебя есть на обед.

Самоанец молча ждал. Сэм пожал плечами и выложил деньги на стол. Перси сгреб их.

Макс возразил:

— Но я собирался заплатить.

Сэм проигнорировал его слова.

— Это местечко принадлежит Перси. Он просто неприлично богат, но он не смог бы так преуспеть, если бы доверял таким, как я. А теперь расскажи мне о себе, старик. Как ты сюда добрался? Что у тебя получилось с астрогаторами... и прочее. Тебя радушно встретили?

— Хм... нет.

Макс подумал, что нет причин скрывать это от Сэма, к тому же он хотел поговорить. Когда он закончил свой рассказ, Сэм кивнул:

— Почти как я и думал. Есть какие-нибудь планы?

— Нет, я не знаю, что теперь делать, Сэм.

— Хм... плох тот ветер, который дует в одном направлении. Ешь свой обед и дай мне подумать.

Через некоторое время он спросил:

— Макс, что ты собираешься делать?

— Ну... я хотел стать астрогатором...

— Это исключено.

— Я знаю.

— Скажи мне, ты хотел стать астрогатором и больше ничего, или ты просто хотел отправиться в космос?

— Хм... я не задумывался об этом.

— Хорошо. Подумай.

После недолгой паузы Макс ответил:

— Я хочу в космос. Если я не смогу отправиться в космос астрогатором, то я хочу попасть в космос любым другим путем. Но я не знаю, как. Гильдия Астрогаторов была моим единственным шансом.

— Можно найти способ.

- Хм? Ты имеешь в виду, попробовать эмигрировать?
- Нет. Ты не сможешь накопить столько денег, чтобы отправиться в одну из хороших колоний, а те, куда можно отправиться бесплатно, настолько плохи, что я бы не пожелал там жить своим худшим врагам.
- Тогда что ты имеешь в виду?
- Сэм колебался.
- Можно найти способ, старик, если ты будешь делать то, что я скажу. Этот твой дядя... ты много с ним общался?
- Да, конечно.
- Он говорил с тобой о космосе?
- Конечно. Мы только об этом и говорили.
- Хм... ты хорошо знаешь космический жаргон?

Г л а в а 5

«ТВОИ ДЕНЬГИ И МОЙ ОПЫТ...»

— Жаргон? — удивился Макс: — Думаю, что знаю лишь то, что всем известно.

— Где находится «беспокойная нора»?

— Это рубка управления.

— Если плут хочет труп, где он его найдет?

Макс улыбнулся.

— А это из фильмов стереовидео, никто так теперь не говорит на борту корабля. Кок он и есть кок, и если ему нужен кусок говядины, он отправится за ним в холодильник.

— Как отличить «зверя» от «животного»?

— Ха! «Зверь» это пассажир, а животное, я думаю, оно и есть животное.

— Предположим, что ты летишь в корабле на Марс и в это время объявляют, что энергомотор забарахлил, и корабль крутится по спирали и сейчас врежется в Солнце? Что бы ты подумал?

— Я бы подумал, что меня пытаются разыграть. Во-первых, не говорят «в корабле» — правильно сказать «на корабле». Во-вторых, корабль никак не может лететь по спирали, такой орбиты просто не существует. И в третьих, если корабль направлялся на Марс с Земли, он не мог бы врезаться в Солнце: эти орбиты несовместимы.

— Предположим, ты член экипажа и вы находитесь в чужом порту. Ты хочешь выйти из корабля и осмотреть местность. Каким образом ты просишь разрешения у капитана?

— Я не буду спрашивать его разрешения.

— Ты просто удерешь с корабля?

— Дай договорить. Если бы я захотел «топтать грязь», я бы спросил старшего помощника. Капитан не занимается такими мелочами. А если корабль достаточно большой, то я бы спросил разрешения у командира

отделения. — Макс посмотрел в глаза Сэму. — Сэм, ты же был в космосе, правда?

— С чего ты взял, парень?

— Какая твоя гильдия?

— Оставь это, Макс. Не задавай мне вопросов, и я не стану продавать тебе kota в мешке. Может быть, я поднабрался жаргона так же, как и ты.

— Я этому не верю, — возразил Макс. На лице Сэма появилось болезненное выражение. Макс продолжал: — Но к чему все это? Ты задаешь мне кучу глупых вопросов... конечно, я знаю довольно-таки много о космосе... я всю жизнь читал о нем, и дядя Чет часами рассказывал мне о космосе. Но что из того?

Сэм посмотрел на него и тихо проговорил:

— Макс, «Асгард» вылетает в следующий четверг... к звездам. Хотел бы ты быть на нем?

Макс задумался. Быть на легендарном «Асгарде», полететь к звездам, быть... но он отмахнулся от этой мысли.

— Не говори так, Сэм! Ты же знаешь, что за это я бы не пожалел отдать правую руку. Зачем ты меня дразнишь?

— Сколько у тебя денег?

— А что?

— Сколько?

— У меня даже не было времени, чтобы их пересчитать.

Макс хотел вытащить пачку купюр, но Сэм поспешно и ненавязчиво остановил его:

— Тсс! Не шурши здесь пачкой. Или ты хочешь пообедать через прорезь в горле? Пересчитай их под столом.

Удивившись, Макс последовал его совету. Он еще больше удивился, когда закончил счет. Он знал, что ему дали много денег, но их оказалось намного больше, чем он ожидал.

— Сколько? — спросил Сэм. Макс ответил. — Хорошо, — сказал Сэм, — этого как раз хватит.

— Хватит для чего?

— Увидишь. Убери их.

Убрав деньги, Макс удивленно произнес:

— Сэм, я не знал, что эти книги такие ценные.

— Они вовсе не ценные.

— Как?

— Это делается для пушей важности. Многие гильдии так поступают. Они пытаются убедить всех, что их профессиональные секреты очень ценны, поэтому они заставляют кандидатов закладывать кучу денег за эти справочники. Если бы эти книги публиковались обычным образом, то их цена была бы намного меньше.

— Верховный Секретарь сказал, что нельзя допускать, чтобы эти знания стали доступны всем. И здесь он, наверное, прав.

Сэм ругнулся и сделал вид, будто сплевывает.

— А тебе-то не все ли равно? Даже если бы ты сохранил эти книги... у тебя же нет корабля.

— Но ведь... — Макс замолчал и ухмыльнулся. — Но ведь знаний-то они у меня не отнимут. Я прочел эти книги и знаю, что в них.

— Конечно, знаешь. Возможно, ты даже освоил кое-какие методы. Но когда тебе понадобятся все эти столбцы чисел, ты полезешь в книгу. Так что они добились своего.

— Зачем это я полезу в книгу? Я же прочел ее. — Макс наморщил лоб и начал декламировать: — «Страница вести семьдесят вторая. Решение дифференциальных уравнений движения с краевыми условиями Рикардо...»

И он начал называть серии семизначных чисел. Пораженный Сэм слушал, слушал, а потом остановил его.

— Парень, ты на самом деле помнишь все это? Не фантазируешь?

— Конечно нет. Я читал их.

— Ну, я поражен... Слушай, ты можешь прочитать страницу с одного взгляда?

— Нет. Я читаю довольно-таки быстро, но тем не менее мне приходится читать. Но я ничего не забываю. И я не представляю себе, как можно что-либо забыть.

— Слава Богу, — задумчиво произнес Сэм, — я сумел забыть достаточно много. — Он задумался. — Может быть, нам стоит оставить наши затеи и начать эксплуатировать этот новый талант? Я могу придумать, как.

— Что ты имеешь в виду? Какие затеи?

— Хм... нет. Главное — убраться отсюда. А с твоей удивительной памятью у нас намного больше шансов. Хотя ты и достаточно хорошо знаешь слэнг, но я все равно беспокоился. Теперь нет.

— Сэм, перестань говорить загадками. На что ты рассчитываешь?

— Хорошо, парень, я открою карты. — Он посмотрел вокруг, наклонился вперед и проговорил еще тише: — Ты дашь мне деньги, я поменяю их так, что, когда «Асгард» взлетит, мы будем заявлены членами экипажа.

— Как ученики? Но мы даже не успеем пройти базовый курс. К тому же ты стар для ученичества.

— Думай своей головой! У нас не хватит денег заплатить даже один ученический взнос, не говоря уже о двух, ни в одну из космических гильдий. К тому же «Асгард» не принимает учеников. Мы будем опытными путешественниками в одной из космических гильдий, и у нас будут необходимые документы.

Когда смысл этих слов дошел до Макса, он ужаснулся.

— Но ведь тебя посадят за это в тюрьму!

— А где мы сейчас, по-твоему, находимся?

— Ну, я не в тюрьме. И я не хочу там оказаться.

— Вся эта планета — одна большая тюрьма, к тому же переполненная. Какие у тебя здесь шансы? Если ты не родился богатым и не наследуешь место в гильдии, что ты можешь сделать? Наняться на работу в какую-нибудь рабочую компанию?

— Но есть ненаследственные гильдии.

— Ты можешь заплатить взнос? У тебя есть год, может быть, два, а затем ты станешь старым для ученичества. Если бы ты был ловок в картах, то, может быть, тебе это и удалось бы. Но разве ты можешь зарабатывать такие деньги? На это всей жизни не хватит! Твоему отцу следовало бы накопить необходимую сумму для тебя, но вместо этого он оставил тебе ферму. — Сэм замолчал. — Макс, я буду откровенен. Твой старик оставил тебе достаточно для того, чтобы начать жизнь. С теми деньгами, что у тебя есть, ты можешь вернуться домой, нанять юриста, и, может быть, тебе удастся отобрать у этого Монтгомери деньги, которые он выручил за твою ферму. Затем ты смог бы заплатить за ученичество в какой-нибудь гильдии. Сделай это, парень. Я не стану тебе мешать. — Он посмотрел на Макса, прищуря глаза.

Макс вспомнил, что только что отказался от возможности выбрать специальность и обучиться ей бесплатно. Может быть, ему следует передумать. Может быть...

— Нет! Я этого не хочу. Эта... твоя схема, что мы должны делать?

Сэм расслабился и улыбнулся:

— Молодец!

Сэм нашел комнату для себя и Макса над рестораном Перси и начал приготовления. Он несколько раз выходил, забирая с собой деньги Макса. Когда Макс поначалу возразил, Сэм спросил:

— Чего ты хочешь? Может быть, мне оставить свое сердце в залог? Или хочешь пойти со мной и распугать их? Люди, с которыми я связан, тоже рискуют. Или ты думаешь, что сам сможешь все устроить? Твои деньги — мой опыт... такое у нас партнерство.

Макс смотрел, как Сэм уходил, и его грызли сомнения; но Сэм вернулся. Один раз он привел с собой пожилую полную женщину, которая осмотрела Макса с ног до головы, как будто он был животным на сельскохозяйственной ярмарке. Сэм не представил ее.

— Ну как? — спросил он у нее. — Я думаю, усы могли бы помочь.

Она посмотрела на Макса с одной стороны, затем с другой.

— Нет, — заключила она, — с ними он будет выглядеть слишком театрально. — Она дотронулась до головы Макса своими влажными, холодными пальцами; он отпрянул. — Не шевелись, дорогой, — сказала она, — тетя Бекки сейчас обрабатывает. Мы сдвинем линию волос над висками, сделаем их пореже на макушке и уберем блеск. Вокруг глаз наколем едва заметные морщинки... все. Здесь нельзя пережимать.

Когда толстая художница закончила свою работу, Макс выглядел лет на десять старше. Бекки спросила, хочет ли он удалить корни волос

навсегда или пусть волосы со временем снова отрастут? Сэм настаивал на уничтожении корней, но она отмахнулась от него.

— Я дам ему бутылочку «Чудесного Роста»... без дополнительной платы. Ну как, красавчик? Ты слишком симпатичный, чтобы старить тебя навсегда.

Макс взял «Чудесный Рост» и прочитал: «Ваши волосы восстановятся, или мы вернем вам ваши деньги».

Сэм забрал его гражданское удостоверение и принес новое. На нем было его настоящее имя, новый возраст, настоящая серия, новая профессия, отпечатки его пальцев и какой-то адрес. Макс с интересом посмотрел на документ.

— Похож на настоящий.

— Еще бы. Человек, который сделал его, делает тысячи настоящих... но за такие он требует особую плату.

Этим вечером Сэм принес ему книгу «Экономика корабля», на которой была выдавлена печать Гильдии Космических Стюардов, Поваров и Финслужащих.

— Постарайся не ложиться и запомнить как можно больше из этой книги. Человек, которому она принадлежит, проснется через десять часов, несмотря на пилюлю, которую Перси подложил ему в стакан. Хочешь таблетку, чтобы не уснуть?

— Нет, пожалуй.

Макс посмотрел на книгу. Шрифт в ней был мелким, и она была довольно толстой. Но к пяти часам утра он закончил чтение. Он разбудил Сэма и вернул книгу, а сам лег спать. Голова его гудела от проглоченной информации: подстилки, складирование, расчет момента рычага и массы, технология гидропоники, грузовая документация, уплата налогов, диеты, хранение пищи и ее приготовление, ежедневные, еженедельные и квартальные отчеты, и то, как выгнать крыс из каюты. Элементарщина, решил он и удивился, что такая ерунда держится в секрете.

На четвертый день его заключения в комнате Сэм принес ему космическую форму, которая была не новой, и потрепанную пластикожаную персональную трудовую книжку. На первой странице была запись о том, что он является членом братства Стюардов, Поваров и Финработников и с отличием прошел ученичество. Там были перечислены его навыки и сделана отметка о выплате взносов за семь лет. Его подпись стояла над визой Главного Стюарда, обе подписи были скреплены печатью Гильдии. На других страницах были отмечены его путешествия, оценки эффективности и прочие необходимые данные; все было, как и положено, подписано офицерами и казначеями. Он с интересом прочел запись о том, что был оштрафован в «Цигнусе» за курение в непопозволенном месте и что однажды в течение шести недель ему было разрешено готовиться к сдаче экзамена на картографа после того, как он уплатил необходимую сумму за экзамен в Гильдию специалистов по картам и компьютерам.

— Что-нибудь не нравится? — спросил Сэм.

— Мне все это кажется смешным.

— Там сказано, что ты был на Луне. Там почти все бывали. Но корабли, на которых ты служил, почти все списаны, и о них сейчас нет никакой документации. Единственный корабль, в котором ты совершил прыжок, исчез в рейсе сразу же после того, как ты перебрался на другой. Ты понимаешь?

— Думаю, что да.

— Когда будешь разговаривать с другим космонавтом, на каком бы корабле он ни служил, помалкивай об этом корабле... в любом случае ты никому не будешь показывать эту книжку, кроме казначея и босса.

— Но что, если они служили на одном из них?

— Только не на «Асгарде». Я проверял. А теперь я поведу тебя на вечеринку. Ты будешь пить теплое молоко и жаловаться на язву желудка. И больше ни о чем не говори — только о своей язве. С сегодняшнего дня ты начнешь зарабатывать репутацию молчуна: ты не сможешь надеть много ошибок, если не будешь часто раскрывать свой рот. Следи за собой, парень. Весь вечер вокруг тебя будут астронавты. Если ты что-нибудь напутаешь, я оставлю тебя на этой грязной Земле и улечу без тебя. Дай-ка я еще раз посмотрю, как ты ходишь.

Макс прошелся перед ним. Сэм тихо выругался.

— Черт! Ты все равно ходишь, как фермер. Вынь ноги из борозды, парень.

— Ничего не получается.

— Ладно. И так сойдет. Хватай свою шляпу. Будешь ковать железо, пока горячо, и пусть горят за нами мосты.

Г л а в а 6

«КОСМОНАВТ» ДЖОУНЗ

«Асгард» должен был взлетать на следующий день. Макс проснулся рано и попытался разбудить Сэма, но это оказалось непросто. Наконец его напарник поднялся.

— О, как болит голова! Сколько времени?

— Около шести.

— И ты разбудил меня?! Скажи спасибо, что я в таком состоянии, иначе бы я отправил тебя к праотцам. Ложись спать.

— Но сегодня день взлета!

— Ну и что? Корабль стартует в полдень. Нас занесут в списки в последнюю минуту, тогда ты не успеешь понадевать ошибок.

— Сэм, откуда ты знаешь, что нас возьмут?

— Ради Бога, не беспокойся. Я все устроил. Помолчи. Или спускайся вниз и приготовь завтрак. Но ни с кем не разговаривай. Если ты хороший парень, то ты принесешь мне кофе в десять часов.

— А завтрак?
— Не говори при мне о еде, окажи мне такую услугу. — Сэм натянул одеяло на голову.

Они подошли к воротам в порт около половины двенадцатого, через десять минут автобус подвез их к кораблю. Макс взглянул на его огромные выпуклые бока, но в это время член экипажа, стоящий у входа в лифт со списком в руках, спросил:

— Ваша имена?

— Андерсон.

— Джоунз.

Он посмотрел в список.

— Заходите. Вы должны были явиться час назад.

Втроем они вошли в кабину лифта. Лифт поднялся с земли, покачиваясь, как ведро, когда его поднимают со дна колодца на веревке.

Сэм взглянул вниз и содрогнулся.

— Никогда не отправляйся в путешествие в хорошем настроении, — посоветовал он Максусу. — Иначе ты будешь сожалеть о том, что покидаешь это место.

Кабина лифта поднялась в корабль, люк закрылся за ними, и они ступили в «Асгард». Макс дрожал от волнения.

Он ожидал, что на корабле их встретит помощник капитана, как полагается по уставу. Но прием был угнетающе бесцеремонным. Человек, который провел их в корабль, велел им следовать за ним в офис казначея. Там старший по кадрам, зевая, взял у них отпечатки пальцев и попросил расписаться. Макс с трепетом сдал свою поддельную трудовую книжку: ему казалось, что обман вот-вот раскроется. Но мистер Квипер просто бросил книжку в ящик, даже не заглянув в нее. Затем он обратился к ним:

— Вы начали с того, что чуть не опоздали на корабль. Это плохое начало.

Сэм промолчал. Макс сказал:

— Да, сэр.

Тот продолжил:

— Укладывайте свои вещи, пообедайте и доложите, когда будете готовы. — Он посмотрел на схему, висящую на стене. — Один из вас пойдет в D-112, другой в E-009.

Макс хотел спросить, как туда пройти, но Сэм взял его за локоть и вывел из офиса. За дверью он сказал:

— Не задавай вопросов, если на то нет особой необходимости. Мы на палубе «Би», и это все, что нам необходимо знать.

Они подошли к трапу и начали спускаться вниз. Макс почувствовал резкий перепад давления. Сэм ухмыльнулся.

— Корабль запечатан. Теперь уже скоро.

Они были в D-112, кабине на восемь человек, и Сэм объяснял Максу, как закрывается замок на одной из пустых камер, когда по громкоговорителю раздался сигнал. Макс на мгновение почувствовал головокружение, и его кровь словно начала пульсировать. Затем это прекратилось.

— Они не успели просинхронизировать поле, или у этого корыта что-то не в порядке с регулировкой фаз. — Он хлопнул Макса по спине. — Мы сделали это, парень!

Они были в космосе.

E-009 находилась палубой ниже, в дальнем конце коридора; они уложили здесь вещи Сэма и отправились искать столовую. Сэм остановил проходящего мимо помощника инженера.

— Эй, приятель, мы здесь новенькие. Где здесь у вас камбуз?

— Повернете на восемьдесят градусов по часовой стрелке и идите дальше по проходу. Он на этой же палубе. — Помощник осмотрел их. — Новенькие? Ну-ну, скоро увидите, куда вы попали.

— Что? Не нравится здесь?

— Не то слово. Здесь просто сумасшедший дом. Если бы я не был женат, то остался бы на Земле. — Он пошел дальше.

— Не обращай внимания, — сказал Сэм. — Все старослужащие в корабле говорят, что у них самый страшный дурдом во всем космосе. Вопрос чести.

Но следующее происшествие, казалось, подтверждало слова старослужащего. Окно раздачи на камбузе было закрыто еще в полдень, когда корабль подымался. Макс с сожалением подумал о том, что ему придется до ужина подтянуть ремень. Но Сэм вошел в поварскую и вынес оттуда два полных подноса. Они нашли свободные места и сели.

— Как тебе это удалось?

— Любой кок накормит тебя, если ему дать возможность объяснить тебе, какой ты негодяй и что он вовсе не обязан кормить тебя.

Обед был хорош. Настоящие говяжьи отбивные, овощи из корабельного сада, пшеничный хлеб, пудинг и кофе. Макс очистил свою тарелку и подумал, можно ли попросить добавки. Но решил этого не делать. Вокруг них шла беседа, и только один раз возникла опасность обнаружения их истинного статуса. Один из компьютерных операторов напрямую спросил Макса о его последнем путешествии.

— Имперская разведка, — кратко ответил за него Сэм. — Мы оба еще засекречены.

— Ты в какой тюрьме сидел? — хитро улыбнулся оператор. — Имперский Совет не посылал корабли для секретного наблюдения уже несколько лет.

— А наше задание было настолько секретным, что тебе забыли о нем сказать. Напиши им письмо и задай им жару за это. — Сэм встал. — Ты поел, Макс?

По пути в офис казначея Макс беспокоился о том, какое ему дадут поручение, перебирая в уме опыт и навыки, какими он должен был

владеть. Он зря волновался: мистер Квипер, нисколько не беспокоясь о его квалификации, послал его в хлев.

«Асгард» был грузо-пассажирским кораблем. На борту находился и различный скот: два быка, две дюжины коров и другие животные, посланные по экологическим и экономическим соображениям в колонии, — свиньи, цыплята, овцы, пара ангорских коз, семья лам. Имперская политика не поощряла ввоз земной фауны на другие планеты; жители колоний должны были вести хозяйство с использованием местной флоры и фауны, но некоторые животные так долго служили человеку, что их трудно было заменить экзотическими существами. На Гамме Льва VI(b) (Новый Марс) ящеры, которых там называют большеголовками, могли бы служить в качестве тягловых животных с большей эффективностью и экономией. Но землянам они не пришлись по душе. Между ними и людьми так и не возникло того доверия, которое издавна сложилось между людьми и лошадьми; и если большеголовки не разовьются до такой высокой степени взаимопонимания с человеком (что казалось маловероятным), то в конце концов они вымрут, и на смену им придут лошади. И это будет ящерам наказанием за непростительный грех — неумение установить прочный союз с самым хищным, нетерпимым, опасным и удачливым из всех животных в изученной части Вселенной. С человеком.

Там же была клетка с английскими голубями. Макс так и не узнал, кому потребовались эти шумные птицы, не был он знаком и со сложным математическим анализом, с помощью которого было сделано заключение о их экологической необходимости. Он просто кормил их и старался поддерживать чистоту в клетке.

На «Асгарде» были и кошки, но большинство из них были «свободными гражданами» и «членами экипажа», ведя борьбу с крысами и мышами, которые отправились в космос вместе с человечеством. Одной из обязанностей Макса было менять песок в коробках на каждой палубе и относить грязных кошек в окислитель на обработку. Остальные кошки были собственностью пассажиров и вели незавидную жизнь заключенных в питомнике за хлевом. Там также жили собаки пассажиров, собак не разрешали выпускать одних.

Макс хотел посмотреть на Землю и увидеть, как она уменьшается в иллюминаторе, но это было привилегией пассажиров. То недолгое время, когда возможно было посмотреть на Землю из космоса, он провел в хлеву, перетаскивая вручную зеленое луговое сено из гидропонического кондиционера воздуха в стойла и очищая эти стойла. Нельзя сказать, чтобы это занятие ему нравилось, но и неприятным оно не казалось; по воле случая ему поручили работу, в которой он хорошо разбирался.

Его непосредственным начальником был главный корабельный стюард мистер Джиордано. Мистер «Джи» вел корабельное хозяйство в паре с мистером Дюмоном, главным пассажирским стюардом; их владения разделялись палубой «Си». Таким образом, мистер Дюмон отвечал за пассажирские и офицерские каюты, офисы и станции контроля и связи,

а Джордано распоряжался всем, что находилось ниже «на корме», за исключением инженерного центра. Каюты экипажа, камбуз, кладовые, хлев и питомник, палуба гидропоники и грузовой трюм были суверенной территорией Джордано. Оба подчинялись казначею, который, в свою очередь, был подотчетен помощнику капитана.

Такая организация была заимствована частично у военных кораблей, частично у океанских лайнеров прежних дней и несколько видоизменена с учетом особенностей межзвездных путешествий. Помощник капитана был начальником на корабле, и мудрый капитан никогда не вмешивался в его дела. Капитан, хотя и являлся законным монархом своего миниатюрного мира, следил в основном за тем, что происходит вне корабля; а его помощник следил за тем, что происходит внутри. И пока не было никаких осложнений, капитан занимался лишь кабиной управления и звездной навигацией; его же помощник распоряжался всем остальным. Даже астрогаторы, связисты и пилоты были под начальством помощника капитана, хотя на практике он не вмешивался в их работу, когда они были на дежурстве, поскольку они работали в «беспокойной норе» под командованием самого капитана.

Главный инженер также находился под дланью помощника капитана, но он был почти самодержавным владыкой. В небольшом, хорошо отлаженном корабле он держал свою «вотчину» в таком порядке, что помощнику капитана незачем было беспокоиться о его территории. Главный инженер отвечал не только за энергостанцию и импеллеры Хорста-Конрада, но и за все вспомогательное инженерное оборудование, где бы оно ни располагалось, — например, насосы и вентиляторы гидропонических установок, хотя через главного корабельного стюарда фермерское хозяйство контролировал казначей.

Такой была обычная организация звездного грузо-пассажирского корабля, такого, как «Асгард». Она отличалась от организации военного корабля и тем более от кораблей, которые доставляли осужденных и нищих в штрафные колонии, в таких кораблях отдел казначая состоял из одного или двух служащих, а осужденные делали всю работу: готовили пищу, разбирались, разгружали и загружали корабль и делали все остальное. Но на «Асгарде» пассажиры оплатили полет, — а некоторые из них были чрезвычайно богаты, — и они ожидали высококачественного обслуживания, даже если им придется пролететь в космосе несколько световых лет. Из трех основных отделов «Асгарда» — астрогации, инженерного и хозяйственного — отдел казначая был самым большим.

Помощником капитана мог стать главный астрогатор, главный инженер или казначей, но стать капитаном мог лишь тот, кто сперва был астрогатором. Офицеры подразделялись на три специальности: математики, бизнес-менеджеры и физики; капитан же обязательно должен был уметь производить математические расчеты для астрогации. Помощник капитана, как правило, получал свою должность после работы казначеем.

«Асгард» представлял собой маленький цельный мир. Там был свой монарх — капитан; своя знать — пассажиры; свой класс технических работников и управляющих, свои деревья и водные резервуары. Он содержал свою флору и фауну в тонком экологическом балансе; он нес свое миниатюрное солнце в энергостанции. И хотя по расписанию полет длился всего несколько месяцев, он мог оставаться в космосе неопределенно длительное время. У шеф-повара могла кончиться икра, но недостатка в пище быть не могло, не могло быть и недостатка в воздухе, тепле и свете.

Макс решил, что ему повезло получить назначение к мистеру Джордано, а не к управляющему Квиперу. Мистер Квипер следил за своими подчиненными ежеминутно, тогда как мистер Джи не часто выносил свой массивный корпус из офиса. Он был веселым начальником... если все шло так, как ему хотелось. Мистеру Джи было лень дойти до хлева, и как только он убедился, что Макс должным образом следит за животными, он перестал его инспектировать и лишь требовал, чтобы Макс отчитывался перед ним каждый день. Это давало Джордано больше времени для его основного занятия, а именно самогоноварения, которым он занимался в своем укромном офисе, используя для этого материалы, выращиваемые в гидропонных баках, которые также находились в его ведении. Он тайно торговал им среди членов экипажа. Из разговоров команды Макс понял, что это было обычной прерогативой главного корабельного стюарда, и на эту сторону его деятельности закрывали глаза, если он держался в разумных рамках. На корабле, конечно, были бары, но они предназначались для «зверей», а членов экипажа там не обслуживали.

— Однажды я был в корабле, — сказал Максу Сэм, — в котором помощник запретил стюарду это дело, выкинул его аппарат и послал стюарда драить палубу, предварительно разжаловав его. — Сэм затянулся сигаретой, подаренной ему пассажирским стюардом. Они сидели в хлеву у Макса, наслаждаясь отдыхом, и болтали. — Но это не сработало.

— Почему?

— Пошевели мозгами. Тоже баланс, как и в экологии, старик. Для каждого рынка есть поставщик. Вот тебе и ключ к сути дела. Через месяц в каждом закутке стояло по самогонному аппарату, а экипаж так деморализовался, что не мог толком выполнять работу. Тогда капитан переговорил со своим помощником, и все вернулось на круги своя.

Макс задумался.

— Сэм, ты был стюардом на том корабле?

— Хм? С чего ты взял?

— Ну, ты же был в космосе раньше, ты больше не делаешь из этого секрета. Ты не говорил, какая у тебя гильдия и почему ты был на земле, и почему тебе пришлось прибегнуть к обману, чтобы вернуться в космос. Конечно, это не мое дело...

Обычно циничное выражение лица Сэма сменилось на печальное.

— Макс, с человеком может случиться что угодно, если он думает, будто держит мир за хвост. Возьми, к примеру, одного моего друга по имени

Робертс. Он был сержантом в Имперских Десантных Войсках; хорошая репутация, полдюжины прыжков к звездам, несколько боевых наград. Очень неглупый парень, хотел получить офицерское звание. Но однажды опоздал на корабль: соскучился по Земле и слишком буйно праздновал возвращение. Он должен был быть тут же сам явиться в трибунал, получить понижение в ранге и восстановить свою репутацию. Но в кармане у него все еще были деньги. Когда они кончились, а он протрезвел, было уже поздно. Ему так и не хватило мужества пойти в трибунал и отработать наказание. У любого есть свои слабые стороны.

— Ты хочешь сказать, что раньше был десантником?

— Я? Конечно нет. Я лишь рассказал тебе об этом парне, Ричардсе, чтобы ты понял, что может случиться с человеком, если он потеряет контроль над собой. Давай поговорим о чем-нибудь приятном. Что ты собираешься делать дальше, парень?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, что ты собираешься делать после этого прыжка?

— Я думаю, то же самое. Мне нравится на корабле. Я постараюсь не испортить себе репутацию и дослужиться до главного стюарда.

— Забудь про это, парень. Как ты думаешь, что будет, когда твои документы пошлют с корабля в Гильдию? А их копию отправят в Отдел Гильдий и Труда?

— Что?

— Ну, я тебе скажу. Может быть, сначала ничего не случится, может быть, тебе удастся еще раз отправиться в космическое путешествие. Но в конце концов канцелярщина расшевелится, они сверят документацию и обнаружат, что, хотя ты зачислен в экипаж в качестве опытного помощника стюарда, никакого Макса Джоунза в файлах не существует. И когда-нибудь ты приземлишься на Землю, и у лифта тебя будут поджидать два клоуна с пистолетами на поясе. И они отведут тебя в кутузку.

— Сэм! Ты же сказал, что все устроено!

— Не кипятись. Посмотри на меня: я спокоен... а все это касается и меня, и даже в большей степени, поскольку у меня больше оснований желать, чтобы они не ворошили моего прошлого и не будили лиха, пока спит тихо. Я все устроил, как и обещал. Ты же в корабле, правда? Что же касается файлов, потребовалось бы раз в десять больше денег, чтобы подделывать документы в Гильдии, разыскать нужную микроплёнку и подменить ее — я даже не знаю, как это можно сделать, хотя, конечно, можно, если хватит времени, денег и терпения.

Макс почувствовал себя почти так же, как в тот момент, когда Монтгомери сообщил ему, что ферма продана. Несмотря на черновую работу, которую он делал, ему нравилось на «Асгарде», и у него не было желания делать что-либо другое. Он ладил со своим боссом, он завел друзей, ему здесь было уютно, как птичке в гнездышке. А теперь гнездышко было внезапно разрушено. Даже хуже — он оказался в силке.

Он поблел. Сэм положил руку ему на плечо.

— Не переживай, парень! Твое положение не так уж плохо.

— Тюрьма...

— Тюрьма плачет по воскресной шляпке моей тетушки! Ты в полной безопасности, пока мы не вернемся. Ты сможешь уйти с космодрома по возвращении с деньгами в кармане, и у тебя будет еще несколько дней, недель или даже месяцев, прежде чем кто-либо в Совете Гильдии или в Новом Вашингтоне заметит обман. Ты сможешь затеряться среди четырех миллиардов человек. Твое положение будет совсем не хуже, чем когда ты встретил меня — ты же хотел затеряться — помнишь? — а теперь у тебя на счету есть по крайней мере один звездный прыжок, о котором ты сможешь рассказать своим детям. Может быть, тебя даже не станут искать; какой-нибудь клерк выбросит документы о твоём полете в мусорную корзину и сочтет, что лучше оставить их там, чем утруждать себя разбирательством. К тому же, может быть, тебе удастся уговорить клерка в офисе мистера Квипера, чтобы он «потерял» дубликаты и никуда их не посылал. Например, Нельсона; у него голодный взгляд. — Сэм пристально взглянул на Макса. — Или ты мог был сделать то же, что собираюсь сделать я.

Только часть из того, что сказал Сэм, дошла до сознания Макса. Он воспроизвел запись сказанного в своем мозгу и постепенно начал осознавать, что его положение не совсем отчаянное. Он был склонен согласиться насчет Нельсона, поскольку Нельсон несколько раз намекал, что отметки об эффективности того или иного работника в корабельных книгах не всегда попадали на Землю в неизменном виде... при определенных обстоятельствах. Но он оставил эту мысль, поскольку она ему сразу не понравилась. К тому же он понятия не имел, как предложить взятку.

Дойдя в своем мысленном воспроизведении сказанного до последних слов Сэма, он очнулся.

— Что ты собираешься делать?

Сэм посмотрел на свою сигару.

— Я не собираюсь возвращаться.

Не требовалось диаграммы, чтобы понять, что он имеет в виду. Но по имперским законам подобное нарушение каралось значительно строже, чем подделка документов о членстве в Гильдии. Дезертирство считалось чуть ли не изменой.

— Ну, продолжай, — потребовал Макс почти что грубым голосом.

— Давай посмотрим, где мы приземляемся на пути следования. Планета Гарсона — это такие же колонии, как Луна или Марс. Они покрываются куполом, и если ты не делаешь то, что от тебя требуют власти, ты просто прекращаешь дышать. Конечно, там можно спрятаться и получить новые документы, но все равно ты останешься под этим куполом. Там нет ничего хорошего. Даже на Земле больше свободы. Нью Пегаса VI, Альцион — неплохая планета, но несколько холодная в афелии. Но все равно она

импортирует больше, чем экспортирует, а это значит, что там главенствует Империя, и местные власти охотно помогут ей найти беглеца. Затем будет Новая Земля, Бета Водолея X — а это, старик, как раз то, что нужно.

— Ты был там?

— Однажды. Мне следовало бы остаться. Макс, представь себе место, похожее на Землю, но краше, чем когда-либо была Земля. С более приятной погодой, с огромными богатыми землями... с лесами, сгорающими от нетерпения быть вырубленными, а дичь там практически сама прыгает в котелок. Если тебе не нравится жить в селении, то ты можешь уйти туда, где нет соседей; бросишь зернышко на землю и скорее отскакивай назад, пока не выскочил побег. Никаких тебе докучливых насекомых. Практически никаких земных болезней, и никаких местных, которые приставали бы к человеку. Широкие реки. Спокойные океаны. Это просто великолепно, я тебе говорю!

— Но не выловят ли нас и там?

— Это слишком большая планета. Им понадобится масса народу, и никто там не станет помогать имперским властям. Имперскому Совету не так-то просто даже собрать с них налоги. Никто даже не попытается арестовать дезертира за пределами большого города. — Сэм усмехнулся. — Знаешь, почему?

— Почему?

— Потому что из этого ничего не получается. Империя посылает слугащего к черту на кулички, чтобы он кого-то там разыскал, а пока он ищет, ему встречается какая-нибудь золотоволосая дочка ранчero, которая глядит на него во все глаза, и у них со временем появляется восемь или девять детей; а невест там хоть отбавляй. И он быстро сам становится ранчero, отпускает бороду и меняет имя. Может быть, он холостяк и давно не был дома, а может быть, дома его ждет жена, к которой он не хочет возвращаться. В любом случае даже Имперский Совет не может победить человеческое естество.

— Я не хочу жениться.

— Это твоя проблема. Но самое приятное в том, что там нет практически никаких ограничений. За пределами города даже не взимается налог с собственности. Никто все равно не станет его платить, они просто уйдут в другое место или пристрелят сборщика налогов. Никаких гильдий — ты можешь пахать землю, пилить древесину, водить машину, прокладывать трубы в один и тот же день, ни у кого не спрашивая разрешения. Человек может делать там что угодно, и никто его не остановит, никто не скажет ему, что он не родился в этой гильдии или что он недостаточно молод, чтобы начать осваивать профессию или что он не заплатил взнос. Работы там больше, чем людей, и тамошним жителям безразлично, кто ее делает.

Макс попытался представить себе такую анархию, но не смог, а в жизни ему ничего подобного не встречалось.

— Но разве гильдии не возражают?

— Какие гильдии? О, конечно, на Земле они были вне себя, когда узнали об этом, но даже Имперский Совет их не поддержал. Они не дураки — нельзя вычерпать океан вилкой.

— И ты хочешь остаться там? Это кажется очень заманчивым, — задумчиво произнес Макс.

— Да, хочу. Там была одна девушка... конечно, сейчас она уже замужем; они там рано выходят замуж... но у нее были младшие сестры. Вот что я собираюсь сделать, и тебе следует сделать то же, если ты хочешь отправиться со мной. Когда я первый раз сойду на планету, я установлю контакты. Во второй раз, по возможности в ночь перед отправлением корабля, я выйду через грузовой люк и так быстро скроюсь за горизонтом, что никто ничего не заметит. Когда же обнаружат, что я не вернулся вовремя, я уже буду за сотни миль от корабля, около журчащего ручейка, в девственной глуши отращивать бороду и заучивать свое новое имя. Скажи «да», и ты будешь сидеть на берегу и удить рыбу.

Макс беспокойно заерзал. Картина, нарисованная Сэмом, разбудила в нем тоску по дому, которую он до сих пор едва ли осознавал. Но он не мог так быстро отказаться от гордого титула «космонавт».

— Я подумаю об этом, — сказал он.

— Да, пожалуйста, подумай. В любом случае у тебя для этого есть еще несколько недель. — Сэм встал на ноги. — Пожалуй, мне пора возвращаться к себе, пока старик Дюмон не начал меня разыскивать. До скорого. И помни, парень: плох тот ветер, который дует только в одну сторону.

Глава 7

ЭЛДРЕТ

В обязанности Макса входила работа только на нижних палубах. Выше палубы «Си» он подымался только затем, чтобы сменить песок в коробках для кошек; обычно он делал это, пока пассажиры еще спали. Он хотел побывать в кабине управления, но ему не представлялась такая возможность: кабина находилась выше пассажирского отделения. Часто владельцы семи собак и трех кошек, которые находились под опекой Макса, спускались вниз навестить своих любимцев. Иногда Макс получал от них чаевые. Поначалу гордость заставляла его отказываться от них, но когда Сэм узнал об этом, он его отругал.

— Не будь дураком! Они могут себе это позволить. Зачем отказываться?

— Я же все равно присматриваю за их собаками и кошками. Это моя работа.

Возможно, его так и не удалось бы убедить, если бы в конце первой недели мистер Джи сам не спросил его об этом. Вероятно, он знал

о возможности брать чаевые и ожидал получать от Макса определенный процент... «в фонд благотворительности».

Макс спросил Сэма об этом фонде, и Сэм его высмеял.

— Это очень интересный вопрос. А еще у тебя есть какие-нибудь вопросы?

— Нет.

— Макс, ты мне нравишься. Но ты еще не понял, что с волками жить — по-волчьи выть. У каждого племени свои обычаи, и то, что морально в одном месте, аморально в другом. Есть расы, у которых первой обязанностью сына является убить своего отца и подать его к торжеству в качестве угощения, как только он станет достаточно крепким, чтобы справиться с этой задачей. И они считаются вполне цивилизованными, их дипломатически признает Имперский Совет. Как ты оценишь это с точки зрения морали?

Макс читал о таких культурах — они были тихие и миролюбивые, а также богатые неуклюжие амфибии с планеты Палдрон, они также были очень миролюбивы. Возможно, были и другие культуры с таким обычаем, и Макс не был склонен давать моральную оценку представителям рас, отличных от человеческой. Сэм продолжал:

— Я знаю стюардов, по сравнению с которыми наш пузатый Джи выглядел бы просто филантропом. Взгляни на это с его точки зрения. Он считает, что такие вещи являются прерогативой его должности, такой же законной частью его дохода, как и зарплата. Таков обычай. Ему потребовалось много лет, чтобы занять свое теперешнее положение, и он считает, что имеет полное право на вознаграждение.

«Сэм всегда может переговорить меня», — подумал Макс.

Но он не мог признать, что тезис Сэма верен. Существуют вещи правильные и неправильные. И это вовсе не зависит от того, где ты находишься. Это было его внутренним убеждением, настолько глубоким, что на него не могла повлиять даже задорная циничность Сэма. Макс был обеспокоен тем, что попал на корабль обманным путем. Иногда он даже не мог заснуть, размышляя об этом.

Но еще больше его беспокоило то, что обман рано или поздно раскроется. Согласится ли на предложение Сэма... этот вопрос все время занимал его мысли.

Единственным инопланетянином из подопечных Макса был детеныш паука с планеты Эспера. Приступая к своим обязанностям в «Асгарде», Макс нашел это существо в одной из клеток для кошек. Макс заглянул в клетку, и оттуда на него посмотрело маленькое и печальное обезьянье личико.

— Привет, человек.

Макс знал, что некоторые пауки в определенной степени осваивали человеческую речь, но его это так поразило, что он отскочил назад. Придя в себя, он посмотрел внимательнее на существо.

— Привет, — ответил Макс. — Ого, да ты симпатичный паренек.

Его шерсть была темно-зеленой на спине, а к бокам переходила в оранжевый, который, в свою очередь, переходил в теплый кремовый цвет на маленьком круглом животике.

— Хочу выйти, — сказал паучок.

— Я не могу тебя выпустить. У меня много работы.

Макс взглянул на табличку, прикрепленную к клетке: «Мистер Чипс, — было написано на ней, — *Pseudocanis hexapoda hesperae*, владелец — мисс Э. Коубен; А-0992»; далее следовала детальная инструкция по диете и уходу. Мистер Чипс ел личинки, запас которых находился в холодильном отделении Н-118, свежие фрукты и овощи, вареные и сырые, и должен был получать йод, если нельзя будет достать морских водорослей или артишоков. Макс полистал страницы своей памяти, вспомнил, что он читал об этих существах, и решил, что инструкция была верной.

— Пожалуйста, выпусти! — настаивал Мистер Чипс.

В его голосе было столько мольбы, что трудно было отказать. Отсек, в котором располагались кошки, был небольшим, и дверь запиралась. Может быть, Мистера Чипса и можно будет выпустить на прогулку, но позже; сейчас хватало забот с другими животными.

Когда Мак отошел, Мистер Чипс держался руками за решетки и тихонько плакал. Макс оглянулся и увидел, что существо плачет настоящими слезами; капелька дрожала на его смешном носике. Как его бросать в таком состоянии? Макс убрал в хлеву, затем занялся конурами. Когда собаки и кошки были накормлены, а их клетки вычищены, он наконец смог уделить внимание своему новому другу. До этого он его накормил, и тот перестал плакать. Но когда Макс вернулся, существо снова потребовало, чтобы его выпустили.

— Если я тебя выпущу, ты потом вернешься обратно?

Паучок задумался. Условные предложения, по-видимому, не входили в число его семантических достижений, поскольку он повторил свое требование:

— Хочу выйти.

Макс решил рискнуть.

Мистер Чипс прыгнул ему на плечо и начал шарить по его карманам.

— Конфету, — потребовал Чипс. — Конфету.

Макс погладил его.

— Извини, приятель, я не знал.

— Конфету.

— Нет конфеты.

Мистер Чипс лично обследовал карманы Макса, затем уселся на спид его руки, приготовясь провести там неделю или больше. Он был не похож ни на шенка, подумалось Макс, ни тем более на паука, хотя у него и было шесть ног. Две передние служили ему руками, а пара средних выполняла двойную функцию. Существо было больше похоже на обезьяну, но гладить его было приятно, как кошку. У него был несколько пряный запах, и, казалось, он был вполне чистым.

Макс попытался говорить с ним, но обнаружил, что его интеллектуальные достижения весьма ограничены. Конечно, он использовал человеческие слова, но его лексикон был не больше, чем у глуповатого малыша.

Когда Макс попытался возвратить его в клетку, Чипс надумал удрать от него, и Макс за минут двадцать пришлось энергично скакать по комнате, пытаясь загнать его в угол. Мистер Чипс носился по клеткам, вызывая тем самым истерику у кошек. Когда же он позволил себя поймать, он все еще сопротивлялся заключению в клетку, прижимаясь к Макс и громко рыдая. В конце концов Макс пришлось выгуливать его, как маленького ребенка, пока тот не заснул.

Это было ошибкой. Был установлен прецедент, и после этого Макс уже не удавалось уйти из питомника, не погуляв с «ребенком».

Макс начал задумываться, кто такая мисс Коубен, обозначенная на таблице, как хозяйка Мистера Чипса. Все владельцы кошек и собак приходили время от времени навестить своих питомцев, но к Мистеру Чипсу никто не приходил. Он представлял ее старой девой с острыми чертами лица, которая получила паучку в подарок на прощание, но не оценила его. И чем больше Макс привязывался к паучку, тем менее привлекательным становился в его воображении образ мисс Э. Коубен.

«Асгард» уже более недели находился в космосе, и прошло несколько дней после его первого космического перехода, прежде чем Макс представилась возможность сравнить воображаемый образ с оригиналом. Он чистил стойла, а мистер Чипс сидел у него на плече, давая советы. В этот момент Макс услышал пронзительный голос из отсека с клетками.

— Мистер Чипс! Чипси! Где ты?

Паучок повернул голову на крик. Немедленно вслед за этим в дверях появилась молодая девушка. Мистер Чипс пропищал: «Элли!» и прыгнул ей на руки. Пока они обнимали и целовали друг друга, Макс осмотрел девушку. Ей, наверное, шестнадцать, подумал он, или семнадцать. Или даже восемнадцать... черт возьми, как может парень определить возраст девушки, когда они чего только не делают со своими лицами? В любом случае красавицей ее нельзя было назвать, и выражение лица ничуть ее не украшало.

Она взглянула на него и нахмурилась.

— Что вы делали с Чипси? Отвечайте!

Такое обращение разозлило Макса.

— Ничего, — ответил он, сдерживая злость. — Если вы позволите, мадам, я продолжу свою работу. — Он повернулся к ней спиной и продолжал мести.

Она схватила его за руку и повернула лицом к себе.

— Отвечайте! Или... или я пожалуйюсь капитану, вот что я сделаю!

Макс мысленно сосчитал до десяти, затем, для надежности, вспомнил первую дюжину семизначных логарифмов.

— Это ваше право, мадам, — ответил он как можно сдержаннее, — но сперва скажите мне, как вас зовут и зачем вы сюда пришли? Я отвечаю за этот отсек и за животных в нем... как представитель капитана.

В том, что он сказал, не было логической связи, но на нее, по-видимому, это произвело впечатление.

— Кто я? Конечно, я — Элдрет Коубен, — выпалила она, как будто все должны были ее знать.

— А зачем вы пришли?

— Чтобы повидать Мистера Чипса, конечно!

— Хорошо, мадам. Вы можете некоторое время побыть с ним, — процитировал он фразу из инструкции. — Затем он отправится обратно в свою клетку. Просьба не беспокоить других животных и не кормить их. Таков порядок.

Она хотела что-то ответить, но затем решила промолчать и закусил губу. Паучок то и дело переводил взгляд с нее на Макса и обратно, слушая разговор, который был слишком сложен для его понимания, хотя он и мог почувствовать эмоциональный тон. Наконец он дернул Макса за рукав.

— Макс, — радостно произнес Мистер Чипс. — Макс!

Мисс Коубен была удивлена.

— Это ваше имя?

— Да, мадам. Макс Джоунз. Мне кажется, он пытается меня представить. Да, старик?

— Макс, — повторил Мистер Чипс. — Элли.

Элдрет Коубен опустила взгляд, затем снова взглянула на Макса, робко улыбаясь.

— Кажется, вы подружились с ним. Наверное, я наговорила лишнего. Я и мой язык.

— Я вовсе не обижен, мадам.

Макс продолжал говорить официальным тоном; она быстро добавила:

— О, но я была груба! Извините... я всегда горячусь, а затем сожалею об этом. Но я запаниковала, когда увидела, что клетка открыта и пуста. Я уж подумала, что Чипси пропал.

Макс скупно улыбнулся.

— Конечно, я вас нисколько не обвиняю. Вы просто испугались.

— Да-да, испугалась. — Она снова взглянула на него. — Чипси называет вас Максом. Могу я тоже так вас называть?

— Почему же нет? Меня все так называют. Это мое имя.

— А вы называйте меня Элдрет, Макс. Или Элли.

Она оставалась с паучком, пока Макс не закончил обслуживать скот. Затем она сказала:

— Пожалуй, мне пора идти, иначе меня начнут разыскивать.

— Вы еще придете?

— Да, конечно!

— Хм... Мисс Элдрет...

— Элли.

— Могу я задать вам вопрос? — спросил он и поспешно добавил: — Может быть, это не мое дело, но почему вы так долго не приходили его навестить? Ему было ужасно одиноко. Он думал, что вы оставили его.

— Не «он», а «она».

— Хм?

— Мистер Чипс — девочка, — сказала она, как бы извиняясь. — Когда она была совсем маленькой, это трудно было разобрать. А затем было поздно менять имя, иначе бы она запуталась.

Паучок весело посмотрел на нее и повторил:

— Мистер Чипс — девочка. Конфету, Элли?

— В следующий раз, крошка.

Макс подумал, что нет разницы, как его называть, поскольку ближайший представитель этого вида находится в нескольких световых годах от них.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— О, мне так хотелось прийти! Я просто с ума сходила. Но меня не пускали.

— Кто не пускал? Родители?

— О, нет! Капитан и миссис Дюмон.

Макс решил, что от нее также трудно получить какую-либо информацию, как и от Мистера Чипса.

— Видите ли, на борт корабля меня доставили на носилках — у меня была какая-то лихорадка, скорее всего, от пищевого отравления. Но я крепкая, и со мной ничего бы не случилось. Но они не разрешали мне вставать с постели, а когда врач все-таки разрешил мне встать, миссис Дюмон сказала, что я не должна спускаться ниже палубы «Си». Она почему-то считает, что этого нельзя делать.

Макс понял, почему стюардесса возражала: он уже знал, что некоторые члены экипажа были довольно грубой публикой, хотя вряд ли кто-либо из них рискнул бы приставать к девушке-пассажирке. Еще бы! Капитан Блейн, пожалуй, мог бы за это выбросить в космос.

— Поэтому мне пришлось улизнуть. Вероятно, они меня уже разыскивают. Пожалуй, я побегу.

Но это расходилось с планами Мистера Чипса; паучок прижимался к ней и плакал, время от времени останавливаясь, чтобы вытереть слезы своими маленькими кулачками.

— О боже!

Макс был смущен.

— Думаю, что я его избаловал... то есть ее, Мистера Чипса. — Он объяснил, как появилась церемония прогулок перед сном.

— Но мне пора идти, — жалобно проговорила Элдрет. — Что же мне делать?

— Вот что. Посмотрим, может быть, он... она пойдет ко мне.

Мистер Чипс перепрыгнула к Макс. Элдрет погладила ее на прощанье и выбежала, после чего потребовалось больше времени, чем обычно, чтобы Мистер Чипс уснул. Макс начал подумывать о том, что, возможно, паучков можно гипнотизировать; ритуал прогулок перед сном начинал ему надоедать.

На следующий день Элдрет появилась под строгим надзором миссис Дюмон. Макс был вежлив со стюардессой и называл Элдрет «мисс Коубен». На другой день Элдрет пришла одна. Он посмотрел на дверь и удивленно поднял брови:

— А где же ваша надзирательница?

— Ля Дюмон посоветовалась с мужем, он вызвал вашего босса... такого жирного. И они пришли к заключению, что вы настоящий джентльмен и совершенно безопасны. Как вам это нравится?

Макс пожал плечами.

— Вообще-то по профессии я убийца, орудуя топором. Но сейчас я в отпуске.

— Очень мило. А что у вас там?

Это был набор трехмерных шахмат. Макс играл в них со своим дядей, поскольку все астронавты играли в эту игру. Узнав, что некоторые из пилотов и специалистов по компьютерам играют в нее, Макс вложил свои чаевые в набор шахмат из корабельного магазина. Это был дешевый набор, в нем не было световых сигналов и устройства для передвижения фигур на расстоянии. Он состоял из прозрачных плоскостей, и фигуры в нем были штампованные, а не резные. Но для игры он вполне годился.

— Это пространственные шахматы. Вы когда-нибудь видели такие?

— Да, но я не знала, что вы в них играете.

— Почему бы и нет? Вы когда-нибудь играли в плоские шахматы?

— Немного.

— Принцип тот же, но немного больше фигур, и еще одно направление для движения.

Она села напротив него, и он показал ей ходы.

— Это грузовые роботы... пешки. Они могут становиться любой фигурой, если пройдут к противоположному краю. Эти четыре фигуры называются звездными кораблями, это единственные фигуры, которые ходят сложно. Они соответствуют коням. Они должны делать внутрикосмический переход и всегда оказываются на новом уровне, а переход всегда делается в определенной пропорции: либо так, либо так. А это имперский флагманский корабль, ему надо поставить мат. А вот... — Они сыграли учебную игру с помощью Мистера Чипса, которому нравилось двигать фигуры, хотя ему было совершенно безразлично, чья очередь ходить.

Наконец Макс сказал:

— Вы быстро схватываете.

— Конечно, настоящие игроки играют в четырехпространственные шахматы.

— А вы играете?

— Нет. Но надеюсь когда-нибудь научиться. Надо всего лишь держать в голове еще одно пространственное измерение. Мой дядя умел играть в четырех измерениях. Он собирался и меня научить, но умер.

Конечно, не следовало бы рассказывать ей о дяде, подумал Макс.

Элдрет взяла один из флагманских кораблей.

— Скажите, Макс, мы уже скоро будем делать наш первый переход, да?

— Сколько сейчас времени?

— Двадцать одна минута пятого. Пожалуй, мне пора подниматься к себе.

— Значит, осталось... хм... тридцать сем часов и семь минут, если операторы компьютеров не ошибаются.

— О-о... вы разбираетесь в таких сложных вещах. Вы могли бы мне объяснить, что такое «переход»? Я слышала, как капитан говорил о нем за обедом, но я ничего не поняла. Мы как бы нырнем в искривление космоса, верно?

— О, нет. Искривление космоса — это очень некорректный термин. Космос не «искривляется», если не учитывать те места, где «пи» не равно $3,1415923846264338327$ и так далее — как внутри ядра. Но мы направляемся в место, где космос, в общем-то, плоский, а не слегка выгнутый, как около звезды. Аномалии всегда плоские, иначе бы они не совмещались, не были бы конгруэнтными.

Она была озадачена.

— Может быть, вы растолкуете мне это?

— Послушайте, Элдрет, насколько вы знакомы с математикой?

— Я? Я не сдала тест по неправильным дробям. Мисс Мимси очень сердилась на меня из-за этого.

— Мисс Мимси?

— Мисс Мимси держит школу для девочек, поэтому я и слушаю вас, открыв рот. — Она продемонстрировала, как она слушает. — Но вы говорили мне, что даже не закончили сельскую среднюю школу. Как же?..

— Верно, но я многому научился от своего дяди. Он был великим математиком. Конечно, его именем не названы никакие теоремы, но все равно он был великим, я так думаю. — Он чуть помолчал. — Я не знаю точно, как вам объяснить; необходимо построить уравнения. Послушайте! Вы могли бы на минуту одолжить мне вашу косынку?

— А? Конечно. — Она сняла косынку с шеи.

На косынке был фотопринт, изображающий солнечную систему — подарок на День Объединения Планет Солнечной Системы. В середине косынки находилось традиционное изображение солнца, окруженного кругами, представляющими орбиты планет, еще на фотопринте было изображение несколько комет. Пропорции были сильно искажены, и в качестве точного изображения Солнечной Системы фотопринт не годился. Но для Макса и этого было достаточно. Он взял косынку и сказал:

— Вот это Марс.

— Вы прочитали, — ответила Элдрет. — Так нечестно.

— Помолчите и послушайте. Вот это Юпитер. Чтобы проделать путь от Марса к Юпитеру, вы должны пролететь отсюда досюда, не так ли?

— Ну... очевидно.

— Но предположим, я сверну ее так, что Марс окажется на Юпитере? Что может помешать шагнуть с одной планеты на другую?

— Ничего, я думаю. Только то, что можно сделать с косынкой, вряд ли можно проделать с космическим пространством. Или я не права?

— Нет, этого нельзя делать вблизи звезды, но когда вы на значительном удалении от нее, это вполне возможно. Понимаете, как раз это и называется аномалией: это место, где космос изгибается, превращая огромное расстояние в нулевое.

— Значит, космос все-таки искривлен?

— Нет-нет-нет! Посмотрите, я лишь свернул вашу косынку. Я же ее не растянул! Я ее даже не помял. И то же самое происходит с космосом: он помят, как комок бумаги в мусорной корзине; не искривлен, а лишь помят. Само собой разумеется, это делается посредством дополнительных измерений.

— Для вас это «само собой разумеется», а я вот не понимаю.

— Расчет очень прост, но это трудно объяснить, потому что это нельзя увидеть. Космос — наш космос — можно сжать так, что он поместится в кофейную чашечку, все его сотни тысяч световых лет. Конечно, в четырехмерную кофейную чашечку.

Она вздохнула.

— Я не представляю себе, как такая четырехмерная чашечка может содержать кофе, не говоря уже о целой Галактике.

— Это совсем просто: всю эту косынку можно поместить в наперсток. Принцип тот же. Но дайте мне закончить. Раньше считалось, что скорость света — это предельная скорость. Это было и верно, и неверно. Это...

— Как же может быть одновременно и верно и неверно?

— Это одна из аномалий Хорста. Вы не можете двигаться быстрее света в нашем космосе. Если вы это сделаете, то окажетесь в другом космосе. Но если сделать это там, где космос свернут, конгруэнтен, то вы лишь срежете путь, но останетесь в том же космическом пространстве. Насколько далеко вы окажетесь от исходного пункта, зависит от того, как свернут космос. А это, в свою очередь, зависит от массы в космосе, а эта зависимость достаточно сложна, ее нельзя описать словами, но можно считать.

— А если превзойти скорость света в любом другом месте?

— Тогда случится то, что произошло с теми, кто впервые это попробовал. Они не вернулись. Поэтому такие рейсы очень опасны; исследовательские корабли «пробуют» аномалии, которые были рассчитаны, но не испытаны. Поэтому астронавтам и платят так много. Им приходится направлять корабли в место, которое они не могут видеть, они должны превзойти скорость света в определенной точке ни раньше, ни позже и затормозить точно в определенном месте. Стоит пропустить какую-

нибудь запятую при вводе данных, и все кончится очень печально. Сейчас мы летим с ускорением в двадцать четыре «же», мы начали разгоняться с того момента, как вышли из атмосферы. Конечно, мы этого не чувствуем, поскольку находимся внутри поля с искусственной гравитацией. Это еще одна аномалия. Но мы приближаемся к скорости света. Очень скоро нас, как арбузное семечко, сжатое между большим и указательным пальцем, выбросит к Тете Центавра, что за пятьдесят восемь световых лет отсюда. Все очень просто, если правильно подойти к этому.

Она задрожала.

— Вы имеете в виду, если нас выбросит в нужном месте?

— Ну... я думаю, что мы окажемся там, где надо. Но это даже безопаснее, чем на вертолете. Примите во внимание то, что, если бы не было аномалий, мы бы никогда не смогли достичь звезд. Расстояния слишком велики. С другой стороны, очевидно, что вся эта пустота не может быть настоящей — аномалий просто не могло не быть. Так говорил мой дядя.

— Думаю, что он был прав, хотя я этого не понимаю. — Она встала. — Но я знаю, что мне пора отправляться наверх, иначе миссис Дюмон может больше не отпустить меня сюда. — Она прижала к себе Мистера Чипса и сунула это маленькое существо в руки Макса. — Погуляйте с ребенком, будьте другом.

Г л а в а 8

ТРИ ПУТИ НАВЕРХ

Макс намеревался бодрствовать во время первого перехода, но все же проспал его. Переход совершился вскоре после пяти утра по корабельному времени. Когда он проснулся в шесть по сигналу подъема, переход уже закончился. Он быстро надел одежду, злясь на себя из-за того, что не проснулся раньше, и поспешил на верхние палубы. Коридоры над палубой «Си» были тихими и пустыми. Даже те из пассажиров, которые просыпаются раньше других, не появляются в коридорах еще час. Он сразу же направился к смотровому окну в холле палубы «Би», которое было сделано там для удовольствия пассажиров.

Звезды выглядели как обычно, но знакомых созвездий не было. Только Млечный Путь, наша Галактика, казалось, не изменился — для этой огромной звездной спирали, простиравшейся на сотни тысяч световых лет, незначительное смещение не менее чем на шестьдесят световых лет не играло большой роли.

Была видна одна чрезвычайно яркая желто-белая звезда; Макс решил, что это была Тета Центавра, солнце планеты Гарсона, на которой будет их первая остановка. Вскоре он отошел от окна, не желая встречаться с кем-либо в пассажирском отделении. Затем он быстрее, чем обычно, сменил коробки с песком, которые служили оправданием его визита, и к завтраку вернулся в отделение экипажа.

Полет к планете Гарсона занял почти месяц, даже при той скорости, которую мог развить корабль с двигателем Хорста-Конрада. Элдрет все так же приходила навещать Мистера Чипса, а также чтобы поболтать и поиграть в трехмерные шахматы с Максом. Он узнал, что, хотя Элли и родилась в Окленде на Земле, она тем не менее считала своим домом Эсперу.

— Отец послал меня на Землю, чтобы из меня там сделали леди, но у них ничего не получилось.

— Что вы имеете в виду?

Она усмехнулась.

— Я — трудный ребенок. Поэтому за мной и послали. Вам шах, Макс. Чипси! Поставь фигуру на место. Мне кажется, этот маленький чертенок вам подыгрывает.

Постепенно по обрывкам разговоров он понял, что она имеет в виду. Школа миссис Мимси была третьей, из которой ее исключили. Ей не нравилась Земля, она хотела во что бы ни стало вернуться домой, и в каждом учебном заведении, куда ее отправляли, она устанавливала террор и диктатуру. Ее вдовый отец желал, чтобы она получила должное образование, но она находилась в более выгодном стратегическом положении, чтобы диктовать свою волю. А адвокаты ее отца на Земле умыли руки и отправили ее домой.

.Сэм сделал ошибку, подшутив над Максом насчет Элдрет.

— Она уже назначила дату, старик?

— Кто назначил? Какую дату?

— Ну-ну! Все на корабле знают об этом, за исключением, вероятно, капитана. Зачем же скрывать от старого приятеля?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Да я не критикую. Я восхищаюсь. У меня бы самого не хватило мужества замахнуться так высоко. Но, как говаривал мой дед, есть только три способа подняться вверх: либо надо быть гением и к тому же трудолюбивым, либо родиться в высокопоставленной семье, либо жениться на дамочке из такой семьи. Из этих трех способов жениться на дочери босса — самый лучший, потому что... Эй! Не горячись!

Сэм отскочил назад.

— Возьми свои слова обратно!

— Беру-беру. Я был неправ. Но мои слова — лишь выражение моего восхищения. Я ошибался. Признаю. Так что я извиняюсь и забираю назад свое восхищение.

— Но...

Макс не смог сдержать улыбку. На Сэма невозможно было сердиться. Конечно, он был негодяй, вероятно, дезертир, ужасный циник, который видит во всем только плохое, но что тут поделаешь — Сэм ему друг.

— Я знал, что ты шутишь. Как я мог думать о женитьбе, когда мы с тобой собирались...

— Тише! Так ты решил?

— Да. Думаю, это единственный выход. Я не хочу возвращаться на Землю.

— Молодец! Ты никогда не пожалеешь об этом. — Сэм задумался. — Нам будут нужны деньги.

— У меня есть немного на счете.

— Не говори глупостей. Если ты попытаешься снять больше, чем необходимо на мелкие расходы, тебя никогда не выпустят с корабля. Но не беспокойся... собирай свои чаевые, все, что тебе позволит оставить этот толстяк, а я сам раздобуду нужную сумму. Теперь моя очередь.

— Как?

— Есть много способов. Забудь об этом.

— Ну... хорошо. Послушай, Сэм, что ты имел в виду, когда... хм... предположил, что я хочу жениться на Элли? Конечно, ни о какой женитьбе не может быть и речи: она совсем ребенок, и в любом случае я не из тех, кто женятся... но все-таки? Какая кому разница?

Сэм посмотрел на него удивленно.

— Ты не знаешь?

— Зачем бы я тогда спрашивал?

— Ты не знаешь, кто она?!

— Хм? Ее зовут Элдрет Коубен, и она возвращается домой на Эсперу, она там живет. Ну, и что из того?

— О, бедняжка! Она не сказала тебе, что является единственной дочерью Его Высокопревосходительства сэра Джона Фитцджеральда Коубена, генерала, Кавалера Ордена Британской Империи, Рыцаря Ордена Бани и Черт Знает Чего Еще, Имперского Уполномоченного и Верховного Комиссара Эсперы?

— Вот это да!

— Въезжаешь, парень? Немного ловкости — и ты, по крайней мере, не будешь знать нужды в деньгах и сам сможешь выбрать любую планету для жительства, кроме Эсперы.

— Выбрось это из головы! В любом случае она всего лишь милый ребенок.

Сэм ухмыльнулся.

— Еще бы. Как говорил мой дед: «Плох тот ветер, что не рвет сети».

То, что рассказал Сэм, обеспокоило Макса. Он догадывался, что Элдрет не бедна, хотя бы потому, что она была пассажиром. Но богатство никогда его не впечатляло. Он относился к людям с гораздо большим уважением, если они сами достигли чего-нибудь в жизни, как, например, его дядя. Но знание того, что Элдрет происходит из настолько знатной и невозможно высокой по своему положению семьи — и что он, Максимилиан Джонз, считается на корабле охотником за богатой невестой и карьеристом, было очень неприятно.

Он решил положить этому конец и начал с того, что намеренно отложил работу на последний момент, чтобы был предлог отказаться от игры в трехмерные шахматы. Но Элдрет подключилась к работе и помогла ему.

Играя неизбежную партию, которая последовала за этим, он попытался объяснить напрямую.

— Послушайте, Элли, мне кажется, вам не следует оставаться здесь и играть со мной в шахматы. Сюда приходят другие пассажиры навестить своих любимцев, и они нас видят. Они начнут сплетничать.

— Какая ерунда!

— Но это так. Мы с вами знаем, что мы ничем таким не занимаемся; но другим это кажется странным.

— Вы хотите сказать, что у нас с вами могут быть неприятности? Вы сейчас очень похожи на мисс Мимси.

— Вы можете приходить сюда навещать Чипси, но вам лучше приходить с кем-нибудь из владельцев других животных.

Она хотела возразить, но лишь пожала плечами.

— Хорошо, все равно это не самое удобное место. Теперь мы будем играть в салоне палубы «Би» и днем, когда вы заканчиваете работу, и по вечерам.

Макс возразил, сказав, что мистер Джиордано не отпустит его, но она быстро ответила:

— Не беспокойтесь насчет вашего босса. Я могу из него веревки вить. Элли показала, как она будет это делать.

Представив огромного мистера Джи свитого в веревку, Макс не сразу нашелся, что ответить, но в конце концов он выдал из себя:

— Элли, члены экипажа не могут пользоваться салоном. Это...

— Могут. Я часто видела, как мистер Дюмон пьет там кофе с капитаном Блейном.

— Вы не понимаете. Мистер Дюмон — почти офицер, и если капитан приглашает его к себе в гости, то это привилегия капитана.

— А вы будете моим гостем.

— Нет, не буду.

Он попытался объяснить ей, что существуют строгие правила и члены команды не должны общаться с пассажирами.

— Если бы капитан увидел нас сейчас, он бы очень разозлился... не на вас, а на меня. А если он застанет меня в пассажирском салоне, то он меня пинками загонит в самый глубокий трюм.

— Я не верю.

— Но... — Он пожал плечами. — Хорошо. Я приду сегодня вечером. Конечно, он не будет пинать меня на самом деле; это ниже его достоинства. Он отправит мистера Дюмона сказать мне, чтобы я уходил, а утром вызовет меня. Я не прочь заплатить штраф размером в месячную зарплату, если это необходимо, чтобы показать вам истинное положение дел.

Он увидел, что она наконец призадумалась.

— Но почему?! Я считаю, это совсем несправедливо! Все имеют равные права! Таков закон.

— Равные? Ну, это только если смотреть с высоты.

Вдруг она встала и вышла. Максу снова пришлось утешать Мистера Чипса, но не было никого, кто мог бы утешить его. Он понимал, что не слишком скоро придет день, когда они с Сэмом затеряются, исчезнув за горизонтом.

На следующий день Элдрет вернулась, но в компании миссис Мендозы, преданной своей чау-чау и похожей на нее. Элдрет обращалась с Максом обезличенно вежливо, как леди, которая пытается быть доброй к своему слуге, за исключением одного краткого момента, когда миссис Мендоза отошла от них на порядочное расстояние.

— Макс?

— Что, мисс?

— Я вам покажу «мисс»! Послушайте, Макс, как звали вашего дядю? Случайно не Честер Джоунз?

— Но почему...

— Просто так.

В это время миссис Мендоза снова присоединилась к ним, и Макс был вынужден оставить этот разговор.

На следующее утро его разыскал кладовщик.

— Эй, Макс! Пузач тебя спрашивает. Тебе лучше бы поторопиться: помоему, он чем-то недоволен.

По дороге к мистеру Джи Макс начал волноваться. Вроде бы никаких нарушений за последнее время у него не было; он пытался откинуть ужасную мысль, что вызов каким-либо образом мог быть связан с Элли.

Было ясно, что мистер Джордано был чем-то недоволен, но он сказал только, чтобы Макс представился в офис казначея и поторапливался, что Макс и сделал.

Казначей на месте не было, и его принял мистер Квипер. Осмотрев его холодным взглядом, он сказал:

— Надень чистую униформу, и побыстрее. Затем представься в каюте капитана.

Макс не пошевелился и сглотнул слюну от удивления. Мистер Квипер гавкнул:

— Ну! Двигайся!

— Сэр, — объяснил Макс, — я не знаю, где находится каюта капитана.

— Что? Разрази меня гром! Рабочая палуба, радиус девять ноль вне борта.

Макс вышел.

Капитан был в своей каюте. С ним был мистер Сэмьюэлз, казначей, мистер Уолтер, помощник, и доктор Хендрик, астрогатор. Макс понял, что ему предстоит пережить что-то необычное. Но он не забыл доложить:

— Помощник стюарда третьего класса Джоунз прибыл по вашему приказанию, сэр.

Капитан Блейн взглянул на него.

— Хорошо. Садись.

Макс присел на край стула. Капитан обратился к первому помощнику:
— При сложившихся обстоятельствах, Датч, я думаю, что это самое лучшее решение, хотя и несколько радикальное. Вы согласны со мной, Хэл?

Казначей согласился. Макс подумал о том, насколько оно радикально и каким образом оно касается его.

— Мы занесем это в бортовой журнал в качестве исключения, док, и я напишу объяснительную комиссии. В конце концов, правила для того и существуют, чтобы их нарушать. Дело решенное.

Макс подумал, что его просто хотят выкинуть в космос и думают, как объяснить это позже.

Капитан повернулся к своему столу, давая понять, что встреча окончена. Помощник капитана откашлялся.

— Капитан... — он указал глазами на Макса.

Капитан Блейн снова посмотрел на него.

— Ах, да! Молодой человек, вас зовут Джоунз?

— Да, сэр.

— Я смотрел ваш послужной список. Там указано, что некоторое время вы проходили испытание на должность картографа на «Туоле»?

— Так точно, капитан.

— Вам не понравилась эта работа?

— Да нет... — Макс спросил себя, что бы на его месте ответил Сэм. —

Ну, в общем, практически я только высыпал окурки из пепельницы в беспокойной... в рубке управления. — Он затаил дыхание.

Капитан улыбнулся.

— Ну что ж, иногда и такое случается. Хотели бы вы снова попробовать?

— Что? Да, сэр!

— Датч?

— Капитан, как правило, я не считаю целесообразным дважды пробовать кого-либо на одно и то же место. Но здесь дело касается личностей.

— Да, конечно. Вы можете без него обойтись, Хэл?

— О да, капитан. Он у меня всего лишь обслуживает нижние палубы. — Казначей улыбнулся.

Капитан тоже улыбнулся и обратился к астрогатору.

— Я не имею возражений, Док. Хотя, конечно, такие вопросы должна решать Гильдия.

— Келли желает его испробовать. У него не хватает одного человека, вы знаете.

— Хорошо...

— Минутку, капитан. — Астрогатор обратился к Макс: — Джоунз... у вас был родственник в моей гильдии?

— Да, сэр. Мой дядя Честер Джоунз.

— Я служил под его командованием. Надеюсь, что вам от него досталась часть его таланта к цифрам.

— Надеюсь, что так, сэр.

— Посмотрим. Доложите о своем назначении главному оператору компьютеров Келли.

Макс сумел найти рубку управления, не спрашивая ни у кого, как туда пройти, хотя он едва видел, куда идет.

Г л а в а 9

КАРТОГРАФ ДЖОУНЗ

Перемена статуса Макса изменила всю его жизненную перспективу. Его отношения с другими членами экипажа изменились далеко не в лучшую сторону. Члены группы, работающей в рубке управления, считали себя аристократами, их статус, правда, оспаривался техническими работниками, но вызывал неприязнь стюардов. Макс обнаружил, что гильдия, из которой он уходил, больше не относится к нему так же тепло, в то время как гильдия, к которой он пытался примкнуть, его еще не приняла.

Мистер Джи просто игнорировал его и, пожалуй, мог пройти по нему, если бы Макс не отскакивал в сторону. Казалось, он рассматривает пробное выдвижение Макса как личную обиду.

Максу пришлось обратиться в кладовую за новой формой. Теперь, когда его место было в рубке управления, когда приходилось проходить через пассажирское отделение, идя на работу и возвращаясь к себе, ему нельзя было ходить в робе. Мистер Квипер дал ему кредит: у самого Макса денег бы не хватило. Ему также пришлось подписать обязательство выплатить определенную сумму гильдии за выход из нее, с перспективой увеличения его долга в случае приема его в новую гильдию. Но расписку он дал с легким сердцем.

В рубке управления «Асгарда» работали два офицера и пять рядовых — доктор Хендрикс, астрогатор, его помощник мистер Саймз, главный оператор компьютеров Келли, картограф первого класса Ковак, картограф второго класса Смайт, компьютерные операторы Ногучи и Ланди, оба второго класса. Также там был «Мешок» Беннет, связист первого класса, но он на самом деле не был членом команды управления, хотя его штатное место работы было в «беспокойной норе»: звездный корабль редко входил в радиус радиоволн, лишь в начале и конце полета. Беннет, которого называли секретарем и доверенным слугой капитана Блейна, получил свое прозвище за то, что, по мнению других членов экипажа, проводил большую часть своей жизни в койке.

Поскольку «Асгард» все время летел с включенным двигателем, на корабле было установлено непрерывное дежурство; они могли только мечтать о старом времени ракетных кораблей, когда за десятью минутами пилотирования следовали недели свободного падения, прежде чем снова возникала необходимость пилотирования. Поскольку на «Асгарде» не было ученика астрогатора, то на нем было только два вахтенных офицера.

(Капитан Блейн тоже был астрогатором, но шкипер не несет дежурство.) Необходим был третий офицер, и его роль выполнял главный оператор компьютеров Келли. Остальные члены команды управления несли дежурство по четыре человека в смену; различие между компьютерными операторами и картографом было чисто номинальным, и такой порядок установил Келли, которого прозвали в команде «десятичной дробью»: картограф и оператор обменивались знаниями и могли друг друга заменять.

Расписание дежурства было напряженным для всех, кроме Макса, который, будучи учеником, заступал на дежурство через смену: четыре часа работы, затем четыре часа, за которые он должен успеть поесть, привести себя в порядок, расслабиться и, если останется время, поспать.

Но ему это нравилось. Он приходил на дежурство рано, и иногда ему даже приказывали покинуть «беспокойную нору» и явиться в положенное время. Лишь намного позже он узнал, что строгий режим был специально установлен Келли, который таким образом пытался сломить его, раскрыть его слабости и быстро избавиться от него, если он не выдержит.

Но для него все дежурства были приятными. Первое дежурство Макса проходило под командованием мистера Саймза. Макс залез в рубку управления через люк и осмотрелся в изумлении. По четырем сторонам помещения стояли чрезвычайно точные параллаксальные камеры. Между двумя камерами, в кресле у компьютера, сидел Ланди; он взглянул на Макса, кивнул, но ничего не сказал. Мистер Саймз сидел за пультом управления лицом к люку; наверняка он видел, как Макс входил, но не подал виду.

В рубке было множество других приборов, некоторые из них были знакомы Максу по книгам, другие он видел впервые: сигнальные и измерительные приборы, связанные со всеми отделениями корабля; экран, микрофон и пульт внутренней связи корабля, «контур» или нониус, в котором пластины камер параллакса можно было сравнить с эталонными, спектро-стеллограф, дубльскоп, многопунктовый определитель температуры тела, радарный усилитель для посадки — слишком много всего, чтобы охватить одним взглядом.

Над головой через астрогационный купол открывался вид на звездную вселенную. Макс смотрел на звезды, раскрыв рот. Живя все время в стальной пещере, он до сих пор по-настоящему так и не видел звезд; небесный свод был ближе к нему, когда он жил дома, на ферме.

— Эй! Ты!

Вздвогнув, Макс обернулся и увидел, что мистер Саймз смотрит на него.

— Подойди сюда. — Макс выполнил приказание, помощник астронавигатора продолжил: — Разве ты не знаешь, что, когда приходишь на службу, положено докладывать дежурному офицеру?

— Извините, сэр.

— К тому же ты опоздал. — Макс бросил взгляд на хронометр на пульте — до смены оставалось пять минут. Саймз продолжил: — Члены экипажа не должны являться на смену позже дежурного офицера. Как тебя зовут?

— Джоунз, сэр.

Мистер Саймз фыркнул. Он был молодым человеком с красным лицом и жидкими рыжеватыми волосами, фыркание было его единственным разговорным украшением, по крайней мере, когда он разговаривал с младшими по чину.

— Сделай-ка котелок свежего кофе.

— Есть, сэр.

Макс хотел спросить, где и как, но мистер Саймз отвернулся от него и вернулся к своей работе. Макс беспомощно посмотрел на Ланди, и тот кивком указал направление. За сектором с картами Макс нашел кофеварку, а под нею чашки, блюдца, сахар и банки со сливками.

Он успел обжечься, прежде чем разобрался с принципом работы кофеварки. Мистер Саймз принял кофе, не глядя на Макса. Не зная, что делать дальше, Макс решил предложить чашку кофе Ланди. Оператор поблагодарил его вполголоса, и Макс рискнул налить кофе и себе, поскольку, видимо, так это было принято. Он присел около компьютера и собрался уже выпить его, но в это время к нему обратился дежурный офицер:

— Что вам здесь, забегаловка? Джоунз!

— Да, сэр?

— Приступай к уборке. Похоже, здесь толкутся не люди, а свиньи.

Рубка была чистой, но Макс нашел несколько обрывков бумаги и выбросил их в мусоропровод, после чего начал протирать и без того блестящие металлические части приборов. Когда он начал проделывать это по второму заходу, Ланди жестом подозвал его.

Макс помог Ланди заменить пластины в камерах параллакса, а затем стал наблюдать, как тот настраивает электронный таймер. После этого мистер Саймз нажал кнопку готовности; казалось, это было единственное, что он сделал за все свое дежурство.

Ланди снял пластины и установил их в «контуре» для сравнения карт, снял показания и занес их в журнал. Макс оказывал ему чисто символическую помощь и получил некоторое представление о том, как это делается. После этого он продолжал драить медяшки.

Дежурство, казалось, тянулось очень долго. Макс отправился в койку, уже не чувствуя прежнего энтузиазма.

Но дежурства с доктором Хендриксом и Келли были совсем не такими. Под командованием Келли «беспокойная нора» была веселым местом, он правил, как великодушный тиран: кричал, ругался, хулил кофе и подчиненных, а они отвечали ему тем же, Макс никогда не дотрагивался до и без того чистого ковра, когда у пульта сидел Келли. Макс был постоянно занят, он не только помогал другим, но и сам систематически изучал все в комнате.

— Нам нечего делать, — прокричал Келли Максу, — пока мы не сядем на планету Гарсона. Нам ничего не остается, как сидеть сложа руки и ждать, когда мы врежемся в сушу. Поэтому, ты, мой милый, будешь вкалывать за восьмерых. Когда мы приземлимся, ты будешь знать эту чертову нору лучше, чем твоя мать знала твоего отца... или же тебе придется остаться в корабле и доучивать то, что ты упустил, в то время как твои товарищи будут пить горькую и веселиться. Достань инструкцию к основному компьютеру, сними заднюю крышку и затеряйся в проводах. До конца смены я не хочу видеть ничего, кроме твоего отвратительного зада.

Не прошло и десяти минут, как Келли стоял рядом с Максом на коленях, помогая ему разобраться в запутанных схемах.

В учении Максу немало помогала его фотографическая память, но еще больше — основательное знание теории, которое он получил от своего дяди. Келли остался доволен:

— Думаю, что ты слегка преувеличил, сказав, что на «Туоле» тебя никому не научили.

— Да, в общем-то, не многому.

— Когда тебя пробовали, командиром был Йохансен?

— Да, — Макс отчаянно надеялся, что Келли больше не станет задавать вопросов и спрашивать имена.

— Я так и думал. Этот тупица даже своей матери не скажет, сколько ему лет.

Во время одного из дежурств Келли доверил ему произвести учебный переход на компьютере. Ногучи считывал данные с таблиц, а Келли заменял астрогатора, выполнял по записям операции последнего настоящего перехода, совершенного кораблем. Программирование производилось устно, как бывает в случаях, когда астрогатор работает при экстремальной нагрузке перед тем, как дать сигнал превзойти скорость света.

Келли делал все гораздо медленнее, чем было бы на самом деле, в то время как Ногучи смотрел таблицы и сообщал цифры Максу. Сперва он нервничал, его пальцы тряслись так, что ему трудно было нажать на нужную клавишу, но затем он успокоился и ему это даже начало нравиться: он чувствовал, что они с машиной словно рождены друг для друга.

—... бинарный натуральный логарифм от 0,87092 в степени...

Макс слышал, как Ногучи называет цифры. Но прежде, чем тот называл их, ему приходилось листать справочник, в то время как Макс ясно видел перед собой страницу с нужными значениями. Наконец Макс нажал нужные клавиши, не дожидаясь, пока Ногучи найдет их в справочнике.

— Поправка! — пропел Келли. — Послушай, остолоп, не надо вводить цифры, которые я называю; ты должен ждать, пока Ногги возведет их в нужную степень. Сколько раз мне тебе говорить?

— Но я сделал... — хотел было сказать Макс, но замолчал. До сих пор ему удавалось скрывать от членов экипажа свою чрезвычайно странную память.

— Что ты сделал? — Келли хотел уже стереть последние цифры, но передумал. — Если поразмыслить, то ты никак не мог ввести десятизначные цифры в эту мясорубку. Что же ты сделал?

Макс знал, что он не ошибся, и ему было досадно, что он не может придумать отговорку.

— Ну, я ввел цифры, которые Ногучи собирался мне назвать.

— А это еще как? — Келли удивленно посмотрел на него. — Ты что, читаешь мысли на расстоянии?

— Нет, но я ввел правильные цифры.

— Хм... — Келли склонился над клавиатурой. — Ногги, назови-ка их еще раз.

Оператор выдал поток единиц и нулей — бинарный эквивалент десятичного выражения, данного Келли. Келли проверил нажатые клавиши, его губы двигались от напряжения. Наконец, он выпрямился.

— Я когда-то знал одного человека, которому чрезвычайно везло в картах. Макс, тебе тоже повезло?

— Нет.

— Хорошо! Ногги, дай мне эту книгу.

Келли прошел через все остальные операции, сообщая Максусырые данные и операции, которые необходимо выполнить, но не переводя цифры в бинарную систему, необходимую для ввода данных в компьютер. Он не переставая листал книгу и заглядывал через плечо Макса. Макс справился с начальным смущением, и его пальцы быстро бегали по клавишам, хотя по лицу тек пот.

Наконец Келли сказал:

— О'кей. Закрути ему хвост.

Макс нажал на переключатель, компьютер проглотил введенную программу и через секунду зажегся ответ — машинный эквивалент в бинарном выражении.

Келли перевел значения назад в десятичную систему при помощи справочника. Затем взглянул на записанную задачу. Он закрыл таблицы и передал книгу Ногучи.

— Думаю, стоит выпить чашечку кофе, — тихо проговорил он и отошел в сторону.

Ногучи снова открыл книгу, посмотрел на высвеченное на экране значение, сверил его с данными справочника и вытаращился на Макса. Макс видел, что Келли смотрит на него из-за чашечки кофе с похожим выражением лица. Макс нажал на клавишу, и экран полностью очистился. Он поднялся с кресла оператора. Никто не сказал ни слова.

Следующее дежурство Макса было с доктором Хендриком. Ему нравились дежурства с астрогоратором Хендриком ничуть не меньше, чем с Келли: доктор Хендрик был дружелюбным и мягким человеком и уделял не меньше внимания обучению Макса, чем Келли. Но на этот раз Келли задержался в рубке управления после того, как его сменили. Само по себе это ничего не значило — главный оператор часто консультировался

с астрогатором; а иногда просто заходил навестить его, — но в тот день после смены доктор Хендрикс обратился к Макс:

— Келли говорит мне, что ты учишься пользоваться компьютером, Джоунз?

— Да, сэр.

— Очень хорошо, давай потренируемся.

Доктор Хендрикс достал старый бортовой журнал и выбрал задачу по переходу, похожую на ту, что Макс решал раньше. Келли взял справочник, начал называть цифры, но не называл их перевод. Макс ждал, когда же он это сделает, но перевода цифр не последовало, и он считал цифры с листа, который он ясно видел в своем сознании, нажимая нужные клавиши.

Тренировка продолжалась в том же русле. Келли молчал и только облизывал свои губы, проверяя, что сделал Макс, каждый раз, когда доктор задавал новую задачу. Ковак наблюдал за ними со стороны, переводя взгляд с одного действующего лица на другое. Наконец доктор Хендрикс закрыл книгу.

— Понятно, — сказал он, как будто бы это было самое заурядное событие. — Джоунз, у тебя удивительный талант. Я читал раньше о таких вундеркиндах, но ты первый, которого я увидел собственными глазами. Ты слышал о Слепом Томе?

— Нет, сэр.

— Возможно, в корабельной библиотеке есть что-нибудь о нем. — Астрогатор на время задумался. — Я не хочу преуменьшать твой талант, но ты не должен пользоваться им во время настоящих маневров. Ты понимаешь, почему?

— Да, сэр. Думаю, что понимаю.

— Вернее, ты не должен пользоваться своим талантом, если нет никаких ошибок в расчетах. Если же ты заметишь ошибку, то должен немедленно сообщить об этом. Но отпечатанные таблицы остаются истиной в последней инстанции.

— Да, сэр.

— Хорошо. Зайди, пожалуйста, ко мне в каюту, когда закончится смена.

По корабельным часам было дневное время, когда закончилось его дежурство. Он вышел в коридор, в котором была каюта доктора Хендрикса, и подождал. Там ему повстречалась Элли.

— Макс!

— О, привет, Элли.

Ему было неловко осознать, что он не виделся с ней с начала его испытательного срока на новой работе.

— Привет-привет, — ехидно произнесла она. — Ну и видок у вас: глаза красные, как отделка на вашей рубашке. Куда вы пропали? Зазнались и забыли своих старых друзей? Вы даже Чипси перестали навещать.

Он навестил Чипси один раз, но Элли там не застал. Он не повторял больше своих визитов, поскольку работнику, который его заменил,

не нравилось быть «служанкой» при коровах, овцах, ламах и иже с ними; похоже, он считал, что это Макс виноват в его новом назначении.

— Мне жаль, Элли, — робко ответил Макс, — но у меня совсем не было времени.

— Плохое оправдание. Знаете, что вы сейчас будете делать? Вы отправитесь со мной в салон, и я утру вам нос — я придумала, как справиться с вашим любимым гамбитом. Вы рот откроете от удивления.

— Нет, — ответил Макс после некоторого колебания.

— Говорите громче. Вы употребили слово, которое я не понимаю.

— Послушайте, Элли, будьте разумны. Я жду доктора Хендрикса, а после того, как он со мной поговорит, мне обязательно надо хоть немного поспать. У меня и без того уже десять часов недосыпа.

— Вы можете выспаться в любое время.

— Не могу. Мне же приходится заступать на дежурство каждые четыре часа. Приходится спать урывками.

Она была озадачена.

— Вы хотите сказать, что выходите на дежурство через смену? Но это же просто преступно.

— Может быть, но это так.

— Ничего. Я это улажу. Я поговорю с капитаном.

— Элли! Не смейте этого делать!

— Почему бы и нет? Капитан Блейн такой милый старик. Не беспокойтесь, я все устрою.

Макс глубоко вздохнул, а затем осторожно проговорил:

— Элли, не надо ничего говорить капитану. Совсем ничего. Для меня это большой шанс, и я не жалею. Если же вы будете вмешиваться в то, чего вы не понимаете, то лишите меня этого шанса. Меня снова отошлют в хлев.

— О, такого не может быть!

— Вы не понимаете. С вами он «милый старик», а для меня он капитан. Поэтому не надо ничего ему говорить.

— Я лишь хотела помочь, — надулась она.

— Я очень ценю это, но лучше не вмешивайтесь. В любом случае я не имею права приходить в салон. Таковы корабельные правила.

— Но я думала... я думала, что вы просто избегаете меня. Вы же теперь работаете на верхних палубах и одеваетесь в хорошие одежды. Почему же нет?

Их беседу прервало появление доктора Хендрикса, который возвращался в свою каюту.

— Доброе утро, Джоунз. Доброе утро, мисс Коубен. — Он вошел в свою каюту.

— Послушайте, Элли, — сказал Макс, — мне пора идти.

Он повернулся и постучал в дверь астрогатора.

Доктор Хендрикс, казалось, не обратил внимания на то, что Макс разговаривал с Элли.

— Садись, Джоунз. Ты устроил интересное представление. Мне бы хотелось знать, насколько обширен твой талант. Он касается только цифр?

— Думаю, что нет, сэр.

— Тебе приходится много работать, чтобы проделывать такое?

— Нет, сэр.

— Хм... Давай проведем эксперимент. Ты читал... ну, например, какие-нибудь пьесы Шекспира?

— Хм... мы проходили «Гамлета» и «Как вам будет угодно» в школе, а еще я читал «Зимнюю сказку», но она мне не понравилась, — честно признался Макс.

— В таком случае, я думаю, ты ее не перечитывал. Помнишь что-нибудь из нее?

— Конечно, сэр.

— Хм... — Доктор Хендрикс достал с полки толстый том.

— Посмотрим. Действие второе, сцена третья; Леонтес говорит: «Ни ночь, ни день, ни отдых — лишь усталость...»

Макс продолжил:

— ... лишь усталость результат, одна усталость. И ежели причина не в... — Он продолжал, пока Хендрикс не остановил его.

— Достаточно. Мне и самому эта пьеса не очень нравится. Даже у бессмертного Вилли были неудачи. Но как тебе удалось прочитать справочник с таблицами? Шекспир даже в самых своих скучных произведениях не настолько скучен, как эти таблицы. Я сам их никогда не читал, если их вообще можно читать.

— Сэр, дядя Чет держал свои учебники по астрогации дома после того, как ушел в отставку, и он мне многое рассказывал. Поэтому я их и прочитал.

— Насколько я понимаю, ты запомнил всю профессиональную библиотеку астрогатора?

Макс глубоко вздохнул.

— Да, сэр, я читал все эти книги.

Доктор Хендрикс достал с полок свои «профессиональные инструменты». Его не интересовали бинарные таблицы, он уже убедился, что Макс их знает. Он листал книги, задавал Максу вопросы, а в конце концов начал лишь называть номер страницы. Наконец он закрыл книгу и подмигнул Макс.

— Ну и ну! — сказал он. — Хотя я и знаю, что в истории психологии встречались многочисленные случаи такого таланта, я все же должен признать, что личное знакомство оставляет сильное впечатление. — Он улыбнулся. — Интересно, что на это скажет Уитерспун.

— Сэр?

— Наш Верховный Секретарь. Боюсь, что он будет шокирован: у него весьма консервативные понятия о «секретности» нашей профессии.

— Мне следует ожидать неприятностей, сэр? Я не знал, что мне нельзя читать книги дяди.

— Что? Ерунда. В астрогации нет секретов. Этими книгами пользуются во время дежурства, все члены «беспокойной команды» пользуются ими. Да пусть хоть пассажиры их читают. Какое мне дело? В астрогации нет ничего секретного, но она трудна для понимания. Немногие люди наделены способностью полностью разбираться в математических обоснованиях, необходимых для того, чтобы, например, вовремя превзойти скорость света. Но «секретность» удобна для тех, кто печется о политике Гильдии и о ее престиже. Они хотят, чтобы эта профессия казалась всем каким-то тайным искусством. — Доктор Хендрикс остановился. — Джоунз, я хочу, чтобы ты меня понял. Келли думает, что из тебя может что-нибудь получиться.

— Я рад, сэр.

— Но не думай, что ты знаешь больше, чем он, лишь потому, что заучил эти книги.

— О, что вы, сэр!

— В общем-то твой талант не обязателен в рубке управления. Необходимо иметь те качества, которые есть у Келли: неизменное внимание к службе, основательное знание своей специальности, дотошное отношение к мелочам, преданность своей работе, экипажу и тем, кто по долгу службы находится выше него. Келли не требуется феноменальная память, для его работы необходима обыкновенная хорошая память в сочетании со способностью мыслить и цельностью характера... и эти качества я хочу видеть во всех членах команды управления.

— Да, сэр.

Астрогатор продолжал:

— Я не хочу обидеть тебя, но должен сказать еще вот что: странные таланты иногда сочетаются с обыкновенным, а иногда и с низким менталитетом... и это бывает так часто, что у психологов даже есть специальный термин «idiot savant», глупый гений. Извини, конечно, но это не обязательно значит, что ты гений, даже если ты можешь запомнить всю Энциклопедию. То есть я хочу сказать, что меня больше интересуют твоя рассудительность и внимание к своим обязанностям, чем твоя феноменальная память.

— Буду стараться, сэр.

— Думаю, что со временем из тебя получится хороший картограф. — Доктор Хендрикс показал, что беседа окончена; Макс встал. — Да. Еще вот что...

— Да, сэр?

— Есть много причин, из-за которых члены экипажа не общаются с пассажирами.

— Я знаю, сэр.

Макс вышел, чувствуя себя побитым. Когда он заходил в каюту астрогатора, он думал, что его либо наградят чем-нибудь, либо даже предоставят шанс самому стать астрогатором. Теперь же он словно сморщился из-за вытекшего из него пота.

ПЛАНЕТА ГАРСОНА

За последние недели Макс не часто видел Сэма: напряженный распорядок почти не оставлял времени для визитов. А Сэм преуспевал.

Как и на всех больших кораблях, на «Асгарде» было свое миниатюрное полицейское подразделение, состоящее из опытных старослужащих, которые действовали от имени помощника капитана, следя за правопорядком на корабле. Сэм, будучи талантливым поллитником и имея поддельное удостоверение помощника стюарда первого класса, сумел в перестановке кадров, последовавшей после перевода Макса, получить назначение в отдел казначея на должность полицейского. С работой он справлялся хорошо, не наступая при этом никому на мозоли, закрывая глаза на нарушения, которые являлись древними привилегиями, и следя за соблюдением правил гигиены, экономии и поведения, которые на самом деле были необходимы на плотно населенном и счастливом корабле. Все это он делал, не находя нужным докладывать о нарушителях помощнику капитана — что удовлетворяло и мистера Уолтера, и экипаж. Когда клерк Магиннис, заведующий складом, отведал слишком большую дозу продукта мистера Джи и начал настаивать, чтобы все пели вместе с ним, Сэм просто отвел его на камбуз и влил в него черный кофе... а на следующий день завел его в трюм, снял свою фуражку с кокардой и так «по-научному» обработал Магинниса, что, хотя на нем и не осталось следов, в душе сохранился неизгладимый отпечаток. В своем туманном прошлом Сэм обучался искусству рукопашного боя, и это было не грубое размахивание кулаками, а именно искусство, которое превращает невооруженного человека в смертоносную машину.

Сэм выбрал свою жертву неспроста. Если бы он доложил на него, Магиннис счел бы Сэма стукачом, простым выскочкой, которого можно перехитрить или проигнорировать, и если бы наказание было строгим, он мог бы превратиться в постоянного нарушителя дисциплины. К тому же Сэм не забывал о том, что, донеся на Магинниса, он причинил бы беспокойство священной корове — главному стюарду Джордано. Но способ, выбранный Сэмом, превратил Магинниса в его горячего сторонника и в живую рекламу, поскольку специфическая, но не уникальная гордость Магинниса заставляла его относиться к человеку, который побил его, как к самому крутому из тех, что ходят на двух ногах, а это «моментальная смерть для кого угодно. Настоящий парень! Со стариком Сэмом шутки плохи; попробуй, наедь на него, посмотришь, что из этого выйдет. Давай, я готов держать пари». Сэму не пришлось давать второй урок.

Помощник главного инженера считался главным полицейским, являясь номинальным начальником Сэма; они вдвоем и составляли полицейское отделение их небольшого городка. Когда же помощника главного инженера снова назначили на дежурство в энергоблоке, заменив его на помощника инженера третьего класса, то Уолтер, естественно, назначил Сэма на должность главного полицейского.

Сэм с самого начала своего пребывания на корабле хотел получить эту должность. Любой шеф полиции в любом месте имеет власть, намного превышающую данную ему законом. Пока Сэм мог поддерживать хорошие отношения с мистером Квинером, мистером Джордано и, в меньшей степени, с мистером Дюмоном, пока он не совал нос в работу инженерных отделений и «беспокойной норы», он был самым влиятельным человеком в корабле; намного влиятельнее во всех практических делах, чем сам помощник капитана, поскольку Сэм был его олицетворением.

Так распределились роли на корабле, когда он сел на планету Гарсона. Землянину планета Гарсона кажется строительным мусором, оставшимся после сотворения вселенной. Поверхностная гравитация на ней равна 1,25 земной нормали, что не способствует комфорту. К тому же она холодная, как сердце ростовщика, а ее атмосфера состоит из метана, непригодного для человеческих легких. В небе полно более комфортабельных планет, и не будь она уникальной путевой станцией, все облетали бы ее стороной.

Но около Солнца Земли есть только одна точка конгруэнтности Хорста, и ее переход выносит корабль к Тете Центавра — а из тринадцати планет этого солнца планета Гарсона имеет то достоинство, что из прочих планет она наименее неприятна. Но с Теты Центавра доступны полдюжины точек конгруэнтности, что делает планету Гарсона неизбежным центром пересечения торговых дорог Солнечного Союза.

Макс лишь один раз ступил там на сушу, и этого было больше чем достаточно. Колония в космическом порту, частично находящаяся под куполом, частично вырытая под грунтом, была похожа на лунные города и немногим отличалась от поселков, расположенных вокруг любого большого города на Земле; но для Макса все это было новым, поскольку он никогда не был даже на Луне и не видел больших городов, кроме космопорта на Земле. Он сошел на планету вместе с Сэмом, одетый в свои лучшие одежды, и едва не дымился от любопытства. Не было необходимости надевать космический костюм: порт предоставлял всем пассажирским лайнерам туннель с необходимым давлением для прохода из корабля под купол.

Оказавшись под куполом, Сэм сразу направился вниз. Макс воспринял:

— Сэм, пойдем в город, посмотрим, что там есть.

— Хм? А там ничего нет. Гостиница, несколько дорогих магазинов и забегаловка для богатых пассажиров. Ты хочешь выложить все свое месячное жалованье за бифштекс?

— Нет, но я хочу посмотреть город. Я не мог увидеть его из рубки управления, когда мы селились, и теперь я не увидел ничего, кроме переходного туннеля. — Он указал на коридорные стены.

— Там не на что смотреть, кроме грязного, густого, желтого смога, который никогда не рассеивается. Там хуже, чем на Венере. Впрочем, поступай как хочешь, а мне надо сделать кое-какие дела. Если ты не желаешь идти со мной, то тебя, конечно, никто не неволит.

Макс решил пойти с ним. Они отправились вниз и вышли в широкий, освещенный коридор, который чем-то напоминал улицу в космопорте, на которой располагался ресторан Перси, но только здесь над нею была крыша. Тут были такие же бары, те же яркие афиши и рекламы, призывающие прохожих расстаться с наличными, и даже было такое же ателье по пошиву мужской одежды с вывеской «Распродажа по низким ценам». Здесь было еще несколько магазинов и весь сектор был заполнен народом. Сэм посмотрел по сторонам.

— Как насчет тихого местечка, чтобы перекусить и поболтать?

— Может быть, там? — предложил Макс, указывая на вывеску «Тихая нора». — Похоже, там чисто и весело.

Сэм быстро отвел его в сторону.

— Там весело, — согласился он, — но не для нас.

— Почему?

— Разве ты не видел, что там за клиенты? Имперская десантура.

— И что из того? Я ничего не имею против десантников.

— Хм... Я тоже, — согласился Сэм, не сбавляя шаг, — но эти парни дежурят вместе и у них отвратительная привычка третировать гражданских, которые имеют наглость присесть в забегаловке, где они пируют. Или ты хочешь, чтобы тебе переломали ребра?

— Хм? Наверное, этого не случится, если я не буду им мешать?

— Может, и не случится, а может, и случится. Или, может быть, хозяйка этого притона решит, что у тебя симпатичная мордашка, и какой-нибудь ублюдок, который был с ней раньше, захочет поскандальить. Макс, ты хороший парень... но на хороших парней нет никакого спроса. Если не хочешь неприятностей, то лучше на них не нарываться.

Они прошли еще около ста ярдов через толпу, прежде чем Сэм сказал:

— Пришли... если Липпи еще управляет этим заведением.

Местечко называлось «Мягкая Посадка», оно было больше, но менее приятное, чем «Тихая нора».

— Кто такой Липпи?

— Наверное, ты его не увидишь. — Сэм провел его внутрь и выбрал столик.

Макс посмотрел вокруг. Местечко ничем не отличалось от любого другого бара пятого разряда.

— Интересно, здесь подают земляничную газировку? Я ужасно хочу газировки. По субботам, когда я ходил в Корнерз, я всегда ее пил.

— Я думаю, они тебе ничего не сделают за то, что ты попросишь у них газировку.

— Хорошо. Сэм, помнишь, ты рассказывал о своем друге-десантнике? О сержанте Робертсе?

— О ком?

— Или о Ричардсе. Я не совсем понял...

— Ничего о нем не слышал.

— Но...

— Ничего о нем не слышал. А вот и официант.

Гуманоидный сирианский официант в свою очередь ничего не слышал о земляничной газировке. У него не было лицевой мускулатуры, но кожа на спине сжалась и покрылась пупырышками от недоумения. Макс решил выбрать «Старый Гейдельберг», хотя это пойло никогда не попадало в радиус менее пятидесяти световых лет от Германии. Напиток по вкусу напоминал холодный раствор мыла, но поскольку Сэм заплатил за него, Макс ничего не сказал о его качестве и сделал вид, что пьет.

Сэм почти сразу встал.

— Сиди здесь, парень. Я скоро вернусь. — Он сказал что-то бармену, затем скрылся за служебной дверью. К столику Макса подошла молодая женщина.

— Скучаешь, космонавтик?

— Не особо.

— А мне скучно. Не против, если я сяду? — Она опустилась на стул, с которого встал Сэм.

— Как хотите. Но скоро вернется мой друг.

Она не ответила, а обратилась к официанту, стоящему около нее.

— «Особый Коричневый», Гиглз.

Макс энергично возразил:

— Нет!

— Что такое, дорогой?

— Послушайте, — ответил Макс, краснея. — Может быть, я и кажусь зеленым, как доллар, но не могу позволить себе такой напиток по здешним ценам. У меня мало денег.

Она сделала обиженное лицо.

— Но ты должен что-нибудь заказать, иначе я не смогу здесь сидеть.

— Ну... — Он пробежал глазами меню. — Думаю, что могу заказать сандвич.

Она снова обернулась к официанту.

— «Особый» не надо, Гиглз. Сыр на хлебе и побольше горчицы.

Она посмотрела на Макса.

— Как тебя зовут, милашка?

— Макс.

— А меня — Долорес. Откуда ты?

— Озаркс. Это на Земле.

— Подумать только, какое совпадение! А я из Виннипега... мы соседи!

Макс решил, что если смотреть с такого расстояния, то их действительно можно считать соседями. Но когда Долорес начала болтать, то стало очевидным, что она не знает, ни где находится Озаркс, ни где Виннипег, и, возможно, вообще никогда не была на Земле. Она доедала сандвич и рассказывала Макс о том, как она обожает космических путешественников, когда вернулся Сэм.

Он посмотрел на нее.

— Сколько ты с него содрала?

— Что за тон! — возмущенно воскликнула Долорес. — Мистер Липски не позволяет...

— Брось это, детка, — ответил Сэм доброжелательно. — Ты не знала, что мой попутчик — гость Липпи. Секешь? Так что никаких «особых» и никаких «заплати за меня». Ты попусту тратишь время. Ну, сколько?

— Сэм, все в порядке, — поспешно вмешался Макс. — Я ей купил только сэндвич.

— Ну... ладно. А ты, сестричка, свободна. Может быть, как-нибудь в другой раз.

Она пожала плечами и встала.

— Спасибо, Макс.

— Не за что, Долорес. Я передам привет твоим в Виннипеге.

— Пожалуйста, передай.

Сэм не стал садиться.

— Парень, мне надо выйти на некоторое время.

— О'кей.

Макс хотел встать, но Сэм жестом велел ему сидеть.

— Нет-нет. Я все сделаю сам. Подожди здесь, хорошо? Они больше не будут тебя беспокоить... а если будут, то позови Липпи.

— Со мной все будет в порядке.

— Надеюсь. — Лицо Сэма выражало явное беспокойство. — Я не знаю, почему я беспокоюсь за тебя, но в тебе есть нечто такое, что будит во мне материнское чувство. Наверное, это твои большие голубые глаза.

— Хм? Иди ты в космос! Во всяком случае, мои глаза карие.

— Я говорю о глазах твоей прозрачной розовой души. Не разговаривай с незнакомыми, пока я не вернусь.

Макс употребил в ответ выражение, которое он услышал от мистера Джи. Сэм усмехнулся и ушел.

Но указание Сэма не касалось мистера Саймза. Макс увидел, как помощник астронавигатора появился в дверях. Его лицо было краснее обычного, глаза казались мутными. Он медленно обвел взглядом бар, при этом его тело поворачивалось вместе с головой. Когда он увидел Макса, его глаза вспыхнули, и он неприятно ухмыльнулся.

— Ну и ну! — сказал он, подходя к Максусу. — Да это же наш вундеркинд собственной персоной!

— Добрый вечер, мистер Саймз. — Макс встал.

— Значит, ты сказал: «Добрый вечер, мистер Саймз!» А что ты при этом подумал?

— Ничего, сэр.

— Ха! Я знаю! Я о тебе думаю то же самое, даже еще хуже. — Макс не ответил, и Саймз продолжил: — Ну, ты не предложишь мне есть?

— Присаживайтесь, сэр, — сказал Макс.

— Ну? Подумать только! Вундеркинд хочет, чтобы я сел рядом с ним. — Он сел, подзвал официанта, сделал заказ и повернулся к Максусу. — Вундеркинд, ты знаешь, почему я сажусь рядом с тобой?

— Нет, сэр.

— Хочу тебе кое-что сказать на ушко, вот почему. Ты там показывал фокусы с компьютером, и теперь ты любимчик Келли. Но мне ты мозги не запудришь. Скажу прямо: ты подлизываешься к астрогатору не хуже Келли, но я тебя выживу из рубки управления. Понял меня?

Макс начал терять контроль над собой.

— Что вы называете «фокусами», мистер Саймз?

— Ты знаешь. Зазубрил, наверно, последний десяток переходов — и теперь Келли с доком думают, что ты помнишь наизусть всю книгу. Гений среди нас! Ты знаешь, как это называется? Это...

К счастью для Макса, их прервали; он почувствовал крепкую руку на своем плече.

— Добрый вечер, мистер Саймз, — услышал он голос Сэма.

Саймз, казалось, смутился, затем узнал Сэма и просветлел.

— А, да это наш фараон. Садитесь, констебль. Что-нибудь выпьете?

— Пожалуй, да. — Сэм подвинул себе стул.

— Вы знаете вот этого умника?

— Видел его на корабле.

— Присматривайте за ним. Это приказ. Он очень умный! Слишком умный. Задайте-ка ему число, что-нибудь от нуля до девяти.

— Семь.

Мистер Саймз стукнул кулаком по столу.

— Что я вам говорил? Он заучил их до того, как вы подошли. Когда-нибудь он заучит что-нибудь такое, за что ему повесят на шею табличку с надписью «Вундеркинд». Знаете что, констебль? Я не доверяю шибким умникам. У них в головах разные там идеи.

Ободренный присутствием Сэма, Макс промолчал. Гиглз подошел к столу сразу вслед за Сэмом; Макс увидел, как Сэм написал что-то на обратной стороне меню и передал его вместе с деньгами сирианскому гуманоиду. Но мистер Саймз был слишком занят своим монологом, чтобы заметить это. Сэм не перебивал его, а потом вдруг сказал:

— Кажется, у вас здесь есть друг, сэр.

— Что? Где?

Сэм указал на Долорес, которая стояла около стойки и улыбалась. Она жестом подзывала помощника астрогатора к себе. Саймз сфокусировал свой взгляд, усмехнулся и произнес:

— Так и есть! Это моя тетушка Сэди. — Он быстро встал.

Сэм потер руки.

— От этого избавились. Он грубил тебе, парень?

— Да, что-то в этом роде. Спасибо, Сэм. Но я не хотел бы сбрасывать его на Долорес. Она — милый ребенок.

— Не волнуйся за нее. Она его разденет догола, и поделом. — Его взгляд стал холодным. — Мне нравятся офицеры, которые ведут себя как офицеры. Если же он хочет напиться, то ему следовало бы сделать это в своей части города. Ну, да бог с ним. — Макс расслабился. — Вроде как

произошли кое-какие изменения, парень, с тех пор как мы взошли в корабль на Земле?

— Еще бы!

— Нравится тебе в «беспокойной бригаде»?

— Там просто здорово. И я быстро обучаюсь... мистер Келли так считает. Они отличные парни, за исключением этого. — Он кивнул в сторону Саймза.

— Не обращай на него внимания. В семье не без урода. Только не давай ему повода для придирок.

— Конечно, я стараюсь, чтобы он не мог ко мне придраться.

Сэм посмотрел на него и тихо спросил:

— Готов отчалить?

— Что?

— Мне удалось раздобыть денег. Все будет отлично.

Максу было трудно ответить. Он знал, что его перевод в принципе ничего не изменил, и он по-прежнему находился в опасности. Но он настолько был поглощен тяжелой и интересной работой, так быстро засыпал после смены, что этот вопрос в его сознании отошел на задний план. Теперь же он водил пальцем по столу и думал об этом.

— Я бы хотел, — сказал он наконец, — найти какой-нибудь способ...

— Способ есть. Я же тебе говорил. Отчет о твоей работе затеряется.

Макс посмотрел на него.

— Какая от этого польза? Ну, конечно, я смогу еще раз отправиться в космос. Но мне недостаточно одного раза, я хочу остаться на этой работе навсегда.

Он посмотрел на поверхность стола и аккуратно вывел на ней гиперболу.

— Пожалуй, мне лучше пойти с тобой. Если я вернусь на Землю, то все, что меня может ожидать, даже если я не попаду в тюрьму, это самая черная работа.

— Ерунда.

— Что?

— Пойми меня, парень, я бы хотел, чтобы ты был со мной. В такое время иметь напарника особенно важно. С ним ты в полном порядке. Без него — наоборот. Но ты можешь остаться в космосе с характеристикой чистой, как у ребенка.

— Да? А как?

— Ты же сейчас меняешь гильдии. И теперь надо, чтобы затерялся только один документ — твой послужной список в Гильдии Стюардов, Поваров и Клерков. И его никто не станет искать, поскольку ты теперь в другой гильдии. Ты начнешь свою карьеру заново в гильдии картографов и операторов компьютеров; все аккуратно и законно, комар носа не подточит.

Идея была заманчивой.

— А как насчет отчета в Отдел Гильдий и Труда?

— То же самое. Два разных документа. Один затеряется, другой дойдет — и помощник стюарда Джоунз канет в небытие, в то время как картограф Джоунз начнет службу с чистым послужным списком.

— Сэм, а почему бы тебе не сделать то же самое? С такими возможностями, как у тебя сейчас, ты мог бы стать... ну...

— Кем? — Сэм печально усмехнулся. — Нет, старик, никем я не могу стать. Кроме того, есть причины, по которым мне лучше не высовываться. — Он просветлел. — Вот что я тебе скажу. Я выберу себе новое имя, и ты будешь его знать, прежде чем я исчезну из корабля. А затем года через два, или через десять лет, или через двадцать ты сядешь на Новую Землю и наведишь меня. Мы раздавим бутылочку и поболтаем о старых добрых временах. Идет?

Макс улыбнулся, хотя ему и не было весело.

— Мы встретимся, Сэм. Обязательно встретимся. — Затем он нахмурился. — Но, Сэм, я же не знаю, как повернуть это... а ты уйдешь.

— Я все устрою до того, как смоюсь. Теперь Нельсон в моих руках. Сделаем так: половина денег сразу, половина при доставке. Я устрою так, что он будет некоторым образом зависеть от тебя. Неважно, как. Тебе пока не надо этого знать. Когда вы сядете в городе, он попросит тебя отправить отчеты, поскольку ты будешь собираться на Землю, а у него останется кое-какая работа на корабле. Ты проверишь, там ли два нужных тебе отчета, затем отдашь ему остальные деньги. Все.

— Думаю, это самый лучший способ, — задумчиво произнес Макс.

— Перестань нервничать. За всяким есть какие-нибудь грешки, главное — не выставлять их напоказ. — Он отодвинул пустой стакан в сторону. — Парень, ты не против того, чтобы вернуться на корабль? Или ты хотел бы остаться здесь на всю ночь?

— Нет, не против. — Приподнятое настроение, которое было у Макса, когда он впервые ступил на незнакомую планету, прошло. Планета Гарсона, следовало признать, была не лучшей в Галактике.

— Тогда давай загружаться. У меня есть кое-какой груз, и ты мог бы мне помочь.

Груз состоял из четырех довольно-таки больших узлов, которые Сэм держал в камерах хранения.

— Что в них? — с любопытством спросил Макс.

— Чехлы для чайников, старик. Тысячи чехлов. Я собираюсь продать их тупицам в Прощиона в качестве кепок.

Слегка обидевшись, Макс замолчал.

Весь груз, доставляемый в корабль, должен был проверяться, но дежурный полицейский на входе не настаивал на осмотре багажа главного полицейского, как не требовал и осмотра багажа офицеров. Макс помог Сэму занести узлы в отдельную каюту, которая полагалась шефу корабельной полиции.

ЧЕРЕЗ ГРУЗОВОЙ ЛЮК

От планеты Гарсона до Альциона вокруг Нью Пегаса — три перехода, соответственно 105, 487 и 19 световых лет, что дает «прямую линию» расстоянием менее 250 световых лет. Но ни расстояние по прямой линии, ни псевдорасстояние перехода не имеют значения; в промежутке между переходами «Асгард» покрыл расстояние куда менее светового года. Расстояние по прямой линии важно только для ворон, которые иначе не летают.

Первый переход совершался приблизительно через месяц полета от планеты Гарсона. После того, как «Асгард» стартовал оттуда, Келли ставил Макса на дежурство через две смены; и Макс дежурил вместе с Келли, что давало ему гораздо больше времени для сна, гораздо больше пользы (поскольку дежурства с Саймзом были, в познавательном плане, совершенно бесполезными) и что, к великой радости Макса, освобождало его от встреч с Саймзом. Макс не знал, сделал ли Келли это специально, и не решался его спросить.

Дежурства Макса по-прежнему оставались учебными, ему некого было сменять и никто не сменял его. Для него стало привычкой не покидать рубку управления раньше Келли, если на то не было специальных указаний. В результате он часто оказывался в компании доктора Хендрикса, поскольку астрогатор сменял главного оператора, и Келли обычно оставался на некоторое время, чтобы поболтать... а в таких случаях астрогатор спрашивал об успехах Макса.

Иногда во время дежурства доктора Хендрикса приходил капитан. Вскоре после отправления с планеты Гарсона доктор Хендрикс воспользовался одним таким случаем, чтобы продемонстрировать капитану Блейну и его помощнику Уолтеру удивительный талант Макса. Макс сделал все безошибочно, хотя присутствие капитана несколько сковывало его. Капитан удивленно наблюдал за его работой, после чего сказал:

— Спасибо, парень. Это было превосходно. Хм..? Как тебя зовут?

— Джоунз, сэр.

— Ах, да, Джоунз. — Капитан задумался. — Должно быть, это ужасно — не уметь забывать, особенно ночью. Следи за тем, чтобы у тебя была чистая совесть, сынок.

Через двенадцать часов после этого доктор Хендрикс сказал ему:

— Джоунз, не уходи. Я хочу с тобой поговорить.

— Да, сэр.

Астрогатор переговорил с Келли, затем обратился к Максy:

— На капитана произвело впечатление твое водеvilное представление, Джоунз. Он хочет знать, есть ли у тебя какие-нибудь сопутствующие математические способности.

— Нет, сэр. Я не могу считать, как человек-калькулятор. Я однажды видел такой аттракцион. И тот парень мог делать такое, чего я не умею.

— Это неважно. Мне помнится, ты говорил мне, что твой дядя обучал тебя некоторой математической теории?

— Только тому, что необходимо для астрогатора, сэр.

— А ты думаешь, о чем я сейчас говорю? Ты знаешь, как рассчитать подход к точке перехода?

— Думаю, что да, сэр.

— Честно говоря, я в этом сомневаюсь: сколько бы ни обучал тебя брат Джоунз математике, вряд ли ты сможешь это сделать. Тем не менее приступай.

— Прямо сейчас, сэр?

— Да, попробуй. Представь, что ты дежурный офицер. Келли будет твоим ассистентом. Я буду только зрителем. Проведи подход к точке перехода, который нам предстоит совершить. Думаю, что нам до него еще далеко, но ты должен предположить, что безопасность корабля в твоих руках.

Макс глубоко вздохнул.

— Да, сэр. — Он начал доставать новые пластины для камер.

— Нет! — сказал Хендрикс.

— Сэр?

— Если ты дежурный офицер, где же твой экипаж? Ногучи, помоги ему.

— Да, сэр. — Ногучи ухмыльнулся и подошел к Макс. Когда они вставляли пластину в первую камеру, Ногучи прошептал: — Не бойся, парень. Мы покажем ему хороший спектакль. В критический момент Келли тебе поможет.

Но Келли не помог, он лишь называл цифры и все, и даже по выражению его лица нельзя было понять, сделал Макс ошибку или нет. После того, как Макс взял ориентиры и сравнил показания пластин с эталонами, он не стал сам вводить задание в компьютер, а посадил за него Ногучи. Келли же производил перевод цифр из одной системы в другую. После длительной и напряженной работы экран замелькал, по ожиданиям Макса, на нем должен был появиться ответ.

Доктор Хендрикс, ничего не говоря, взял те же пластины, поднес их к «контуре» и начал решать задачу заново с тем же экипажем. Вскоре экран снова замигал; астрогатор взял таблицы у Келли и сам просмотрел перевод значений в десятичную систему.

— Мой ответ отличается от твоего только в девятой цифре десятичной дроби. Неплохо.

— Я ошибся только в девятой цифре, сэр?

— Я этого не сказал. Может быть, это моя ошибка.

Макс хотел улыбнуться, но доктор Хендрикс нахмурился.

— Почему ты не воспользовался доплер-спектрами для проверки?

Макс почувствовал легкий озноб.

— Я забыл, сэр.

— Я думал, что ты ничего не забываешь.

Макс интуитивно и верно понимал, что здесь вовлечены два различных вида памяти, но он не знал психологических терминов, с помощью которых это можно объяснить. Одно дело — забыть свою шляпу в ресторане, это могло случиться с кем угодно, и совсем другое быть не в состоянии вспомнить то, что когда-то знал.

Хендрик продолжил:

— Те, кто работают в рубке управления, не должны забывать то, что необходимо для безопасности корабля. Однако это было тренировочное упражнение, и ты справился с ним очень хорошо... хотя и медленно. Если бы мы двигались со скоростью, близкой к скорости света, готовясь к переходу на сверхсветовую скорость, то твой корабль оказался бы в аду и нырнул бы в Стикс прежде, чем ты получил бы ответ. Но для первого раза — очень неплохо.

Он отвернулся. Келли указал кивком головы на люк, и Макс выбрался из рубки управления.

Засыпая, Макс лелеял надежду, что доктор Хендрикс хочет сделать его... о, нет! Он отбросил эту мысль. В конце концов Келли сам мог это сделать; Макс много раз видел, как он рассчитывал подход к точке перехода; и он делал это быстрее. Может быть, и Ногучи может это делать.

«Конечно, может, — поправил он сам себя. — В конце концов, во всем этом нет никакого «секрета».

Когда они приблизились к первой аномалии, ненапряженный график дежурств через две смены для офицеров и через три для рядовых сменился на дежурства через смену с астрогатором, помощником, картографом и оператором в каждой смене. Наконец Макса поставили на дежурство не как ученика. В первой смене были доктор Хендрикс, которому помогал картограф первого класса Ковак, Макс в качестве картографа смены и Ногучи, который сидел у компьютера; во второй смене были мистер Саймз, которому помогал Келли, Смайт в качестве картографа и Ланди в качестве оператора компьютера. Макс заметил, что доктор Хендрикс поручил свой «первый состав» Саймзу, а себе взял менее опытную команду. Макс думал о том, почему он это сделал, но в то же время был доволен, что ему не придется работать в смене с Саймзом.

Наконец он понял, почему рубка управления называется «беспокойной норой». Доктор Хендрикс превратился в автомат, его лицо стало неподвижной маской; он вводил поправку за поправкой для как можно более точного подхода к точке перехода и требовал от всех быстрого, точного и молчаливого выполнения обязанностей. В течение последних двадцати часов подхода астрогатор не покидал кабину управления, как и остальные из «беспокойной команды», за исключением коротких промежутков времени, когда они номинально не несли дежурства. Саймз регулярно выходил на дежурство, но доктор Хендрикс словно висел над ним, лично проверяя все, что тот делал. Дважды он требовал, чтобы младший астрогатор передал часть работы, а один раз оттолкнул его в сторону и сделал это сам.

Когда это случилось в первый раз, Макс открыл рот от удивления, но затем он заметил, что остальные члены экипажа старались делать вид, будто не обращают внимания, когда доктор Хендрикс проводит приватные беседы с Саймзом.

С приближением критического момента росло и напряжение. Подход к аномальной точке пространственного перехода едва ли можно сравнить с каким-либо другим видом пилотирования, которое когда-либо выполнялось человеком, хотя его и можно сравнить с невозможным трюком: пролетом атмосферного самолета через узкий туннель, после того как пилот, подняв самолет в воздух, пролетел тысячу миль вслепую, только выполняя все необходимые расчеты. Конгруэнтность Хорста нельзя увидеть, ее можно лишь рассчитать с помощью наисложнейших математических операций, с учетом действия массы на пространство; точка перехода ничем не отмечена в космосе, это лишь пустота в пустоте. Приближаясь к планете, астрогатор может видеть, куда он летит, напрямую или через радар, и его скорость всего несколько миль в секунду. Но приближаясь к точке перехода, корабль набирает скорость, близкую к скорости света, и в последний момент достигает ее. Ближайшие ориентиры находятся на расстоянии миллиардов миль, а сами эти ориентиры движутся со своими звездными скоростями, и кажется, что они сбиваются в кучу в ярко выраженном параллаксальном эффекте, возможном только тогда, когда наблюдатель движется почти так же быстро, как и его единственный источник связи с небесными ориентирами — волны электромагнитного спектра.

Это все равно что в полночь в темном подвале искать черную кошку, которой там нет.

Перед началом перехода Келли сам сел за компьютер, а Ланди стал ему ассистировать. Смайт и Ковак заняли штурманские места и передавали данные доктору Хендриксу, который диктовал программу операторам, ставя задачи в своем мозгу и почти без задержки вводя их в компьютерный мозг. Энергоблок находился теперь под его прямым контролем. Доктор Хендрикс в каждой руке держал по рычагу управления: с помощью одного из них он вел корабль на скорости лишь немного ниже скорости света, с помощью другого он должен был придать кораблю окончательный рывок, который завершит переход корабля.

Макс остался без дел: не осталось ни одного места, на котором бы не работал более опытный специалист. Саймз тоже был отстранен от дел; в момент истины было только одно место на пульте астрогатора.

Из всех, находившихся в «беспокойной норе», казалось, только капитан Блейн сохранял полное спокойствие. Он сидел в кресле, которое мог занимать только он, молча курил и смотрел на Хендрикса. Лицо астрогатора было серым от усталости, грязным от несмытого пота. Воротник его мундира был растянут, а сам мундир был помят, как будто бы он в нем спал, хотя, конечно, такого быть не могло. Макс смотрел на него и думал, почему он, собственно, захотел стать астрогатором, почему был настолько глуп, что пожелал добровольно взвалить на себя это невыносимое бремя.

Но бодрый голос доктора не выдавал усталости, бесконечная процессия цифр шла стройным маршем, каждую цифру он произносил отчетливо, так, чтобы не могло быть ошибки, чтобы не было необходимости повторять. Макс слушал, учился и изумлялся.

Он взглянул вверх в космос через купол — пространство казалось искаженным из-за невообразимой скорости. Звезды впереди или, вернее, сверху, казалось, все плотнее сгущались от дежурства к дежурству, под сильным действием параллакса казалось, что они смешаются как раз в ту часть неба, куда двигался корабль. Теперь они видели в инфракрасных лучах, встречая надвигающиеся потоки волн на такой скорости, что доплер-эффект делал видимым тепловое излучение.

Поток цифр прекратился. Макс посмотрел на доктора Хендрикса, и когда он скомандовал: «Приготовиться!», Макс снова поспешно взглянул вверх.

Казалось, звезды сползли в одну точку, затем они вдруг исчезли и вместо них появилось другое, новое и совершенно незнакомое звездное небо.

Хендрик выпрямился и вздохнул, затем посмотрел наверх.

— Это Мемориал Альберта, — тихо проговорил он. — А это Гексагон. Ну, кажется, все в порядке. — Он повернулся к Саймзу: — Я уступаю вам место, мистер. — Он пропустил вперед капитана, а затем следом за ним вышел через люк.

Бригада управления снова перешла на ненапряженный график: до следующего перехода оставалось еще много дней. Макс продолжал выполнять работу картографа смены вместо Ковака, который временно замещал доктора Хендрикса, в то время как астрогатор получил недельный отпуск. В первой части пути не было по-настоящему серьезной работы, и в исключительном таланте доктора не было необходимости. Но Макс очень нравились эти изменения — он с гордостью расписывался в бортовом журнале: «М. Джоунз, картограф смены». Он чувствовал, что достиг цели, хотя Саймз по-прежнему постоянно придирался к нему, а Келли продолжал безжалостно тренировать его в искусстве управления кораблем.

Он не испугался, хотя и был удивлен, когда после смены с дежурства ему велели явиться к астрогатору. Он надел свежий мундир, пригладил волосы и направился наверх.

— Ученик штурмана Джоунз прибыл по вашему приказанию, сэр.

В каюте был и Келли, он пил кофе вместе с астрогатором. Хендрик ответил на приветствие Макса, но сесть ему не предложил.

— Хорошо, Джоунз.

Он повернулся к Келли:

— Пожалуй, будет лучше, если вы сами сообщите ему эту новость.

— Как скажете, сэр.

Казалось, Келли был в некотором замешательстве.

— Ну, Джоунз, дело вот в чем: ты на самом деле не принадлежишь к моей гильдии.

Макс был шокирован настолько, что ничего не смог ответить. Он чуть было не сказал, что он думал... то есть понимал... то есть знал... Но он промолчал.

— В общем, тебе следует попытаться стать астрогатором.

В голове у Макса зашумело, но он услышал, как доктор Хендрикс сказал:

— Ну, Джоунз? Ты хочешь попробовать? Или нет?

Макс нашел в себе силы ответить:

— Да... да, сэр.

— Хорошо. Мы с Келли наблюдали за тобой. Он, как и я, считает, что ты, вероятно, имеешь задатки, позволяющие развить необходимую скорость и выработать должный навык работы. Вопрос в следующем: ты сам так считаешь?

— Хм... то есть... я надеюсь, что смогу, сэр!

— И я тоже, — сухо ответил Хендрикс. — Посмотрим. Если не получится, ты вернешься в свою гильдию, и вреда от этого никакого не будет. Эта попытка сделает из тебя более опытного штурмана.

Астрогатор повернулся к Келли.

— Я задам Джоунзу несколько вопросов, Келли, а затем мы решим.

— Хорошо, сэр. — Келли поднялся и вышел.

Хендрикс подошел к своему столу и достал из него персональный список члена экипажа.

— Это твой? — спросил он Макса.

— Да, сэр, — ответил Макс, едва сдерживая волнение.

Доктор Хендрикс пристально посмотрел на него.

— Насколько точно этот список отражает твою карьеру? Можешь сказать что-нибудь по этому поводу?

Возможно, пауза длилась не так уж и долго, но Максу она показалась бесконечной и мучительной. Затем наступил катарсис, и Макс услышал свой голос:

— Этот список совсем не отражает мою карьеру. Он поддельный от начала и до конца.

Макс еще сам не понял, зачем он это сказал, понял лишь, что вдребезги разбил свой единственный шанс достичь цели. Но он не чувствовал себя убитым, он был абсолютно спокоен.

Хендрикс положил список на стол.

— Хорошо, — ответил он. — Очень хорошо. Если бы ты дал мне какой-то другой ответ, я бы больше не пустил тебя на порог рубки. А теперь, может быть, ты мне расскажешь об этом? Садись.

Макс сел и рассказал ему все. Он скрыл только имя Сэма и детали, по которым можно было бы выйти на него. Естественно, доктор Хендрикс заметил, что он не договаривает, и спросил его напрямую.

— Я не скажу вам, сэр, — твердо ответил Макс.

Хендрикс кивнул.

— Очень хорошо. Позволь мне добавить, что я не стану вычислять, кто твой друг, если он паче чаяния находится на корабле.

— Спасибо, сэр.

За этим последовало продолжительное молчание. Наконец Хендрикс сказал:

— Сынок, что заставило тебя прибегнуть к этому нелепому мошенничеству? Разве ты не понимал, что тебя поймают?

Макс задумался.

— Думаю, что я понял это, сэр, когда оказался уже в корабле. Но я хотел в космос, а других способов для этого не было... — Хендрикс не ответил, и Макс продолжал. Сперва он почувствовал облегчение от возможности наконец сказать правду. Теперь же к этому чувству добавились настороженность и желание как-то оправдать себя... и ему было немного досадно из-за того, что доктор Хендрикс не понимал, что он всего лишь сделал то, что должен был сделать. — А как бы вы поступили, сэр?

— Я? Как я могу ответить на этот вопрос? Ты хочешь спросить, считаю ли я твои действия не только незаконными, но и аморальными?

— Да, наверное, сэр.

— Аморально ли врать, подделывать документы, давать взятки для того, чтобы получить то, что хочешь? Это хуже, чем аморально. Это унижает человеческое достоинство! — Доктор Хендрикс задумался, затем продолжил: — Вероятно, я фарисействую... прости. Я не думаю, что молодой нищий бродяга, такой, каким ты себя представил, может позволить себе роскошь поступать достойно. А что касается остального, то человеческая личность — это сложная вещь, и не мне судить о ней. Адмирал Нельсон был лгуном, распутником и чрезвычайно недисциплинированным человеком. Президент Линкольн был вульгарен и психически неустойчив. Этот список можно продолжить. Нет, Джоунз, я не собираюсь тебя осуждать; ты должен это сделать сам. Соответствующие власти подсчитают твои грехи. Меня же беспокоит лишь один вопрос: есть ли у тебя качества, которые мне нужны.

Макс снова оживился. Он уже было оставил мысль о возможности стать астрогатором.

— Сэр?..

— Не пойми меня превратно. — Хендрикс указал на поддельный послужной список. — Мне это не нравится, совсем не нравится. Но, возможно, ты сможешь искупить свою ошибку. А пока мне очень нужен еще один дежурный офицер, и если ты справишься, то я могу взять тебя. Возможно, здесь замешаны личные чувства: я был учеником твоего дяди и теперь попробую обучить тебя.

— Я буду стараться, сэр. Спасибо вам.

— Не благодари меня. В настоящий момент я не испытываю к тебе особенно дружеских чувств. Не говори ни с кем об этом. Я попрошу капитана созвать собрание гильдии, и он, мистер Саймз и я проголосуем

за тебя. Мы дадим тебе испытательный учебный срок, что даст капитану возможность временно присвоить тебе ранг кадета. И как ты наверняка знаешь, твой путь будет отличаться от обычного маршрута.

Макс этого не знал, хотя и слышал, что иногда офицеры приходят «через грузовой люк», но тут он вспомнил об одной детали этой процедуры.

— А как же мистер Саймз, сэр?

— Правила требуют, чтобы все астрогаторы, с которыми ты служишь, проголосовали за тебя.

— Решение должно быть единогласным, сэр?

— Да.

— Тогда... сэр, об этом можно забыть. То есть я хочу сказать, что я очень признателен вам за ваше участие... но... — Он замолчал.

Доктор Хендрикс безжалостно улыбнулся:

— Предоставь это мне.

— О, извините, сэр.

— Когда это будет задокументировано, я сообщу тебе. Или если это будет задокументировано, так будет точнее.

— Да, сэр. — Макс встал. — Сэр? Я еще хотел вас кое о чем спросить.

Хендрикс повернулся спиной к столу.

— Что такое? — спросил он с некоторым раздражением в голосе.

— Не могли бы вы сказать мне, как вы меня поймали? Это мне просто любопытно.

— Ах, это. Ты выдал себя нескольким людям. Я уверен, что Келли знает об этом, хотя он и помалкивает. Например, я однажды слышал, как Ланди в разговоре с тобой упомянул «Киферс-Риц» на Луне. Твой ответ, хотя и не был определенным, но из него было очевидно, что ты не знаешь на самом деле, о каком заведении он говорил... А космический путешественник не может не знать этот ресторанчик, он находится как раз перед восточным входом в космопорт.

— О-о...

— Но по-настоящему я начал подозревать тебя в связи с этим. — Он указал на фальшивый послужной список. — Джоунз, я имею дело с цифрами, и мой мозг не может не обработать информацию, которую они содержат, как я не могу не дышать. Здесь сказано, что ты отправился в космос за год до того, как твой дядя ушел в отставку, а я помню, какой это был год. Но ты сказал мне, что твой дядя обучал тебя дома, и то, что он обучал тебя, видно по твоей работе. Эти два факта противоречат друг другу; думаю, тебе не надо говорить, что я наверняка знал, какая информация была правдой, а какая ложью.

— Да, видимо, я был не очень осмотрителен.

— Да уж. Цифры — штука точная, Джоунз. Не следует их подтасовывать, иначе жди неприятностей. Ты хотел еще о чем-то спросить?

— Да, сэр. Я хотел бы знать, что со мной будет. Я имею в виду, что со мною сделают за нарушение закона?

— Ах, это, — безразличным тоном произнес Хендрикс. — Это решать Гильдии Стюардов и Клерков. Моя гильдия не станет заниматься вопросами дисциплины в другой гильдии, конечно, если они не назовут это «подлостью и моральной низостью» с нашей стороны.

Макс вышел. Конечно, сказанное Хендриксом не очень его утешило. И все же он чувствовал себя легче, чем когда-либо с того момента, как он стал членом экипажа. Перспектива наказания казалась не таким тяжелым бременем, как постоянное беспокойство о том, что его раскроют. Наконец он забыл об этом, и его переполнила радость от того, что он — наконец! — получил возможность претендовать на работу астрогатора.

Он хотел поскорее поделиться этой новостью с Сэмом... или с Элли.

Глава 12

АЛЬЦИОН

Пробное назначение Макса было задокументировано в тот же день. Капитан вызвал его к себе, привел к присяге, а затем поздравил «мистера Джоунза». Церемония была простой, почти без зрителей. На ней присутствовали только Хендрикс и секретарь капитана.

Всякие мелочи, сопутствующие перемене, были некоторое время более удивительны для Макса, чем само его выдвижение. Они начались сразу же.

— Вам сегодня лучше отдохнуть и устроиться на новом месте, мистер Джоунз, — сказал капитан. — Хорошо, доктор?

— Конечно, сэр.

— Хорошо. Беннет, попросите Дюмона зайти ко мне.

Главный пассажирский стюард, казалось, был несколько удивлен, обнаружив, что недавний помощник стюарда третьего класса стал офицером. На вопрос капитана он ответил:

— Я собирался поместить мистера Джоунза в отдельную каюту номер В-014, сэр. Она подойдет?

— Да, несомненно.

— Я прикажу парням сейчас же перенести его багаж.

— Хорошо. Идите вместе с Дюмоном, мистер Джоунз. Нет, подождите минутку. Мы должны найти вам фуражку. — Капитан подошел к своему шкафу и начал в нем рыться. — У меня где-то здесь была одна.

Хендрикс стоял, держа руки за спиной.

— Я принес ему фуражку, капитан. У мистера Джоунза и у меня, как мне кажется, одинаковый размер.

— Хорошо. — Хендрикс подал фуражку Макс. Астрогатор снял с нее широкую золотую ленту и кокарду, изображающую солнечный взрыв, и вместо нее прикрепил маленькую ленту и кокарду меньшего размера, которая указывала на то, что Макс — курсант. Макс подумал, что, должно быть, это была собственная фуражка астрогатора, сохраненная

Хендриком на память. Он с трудом вымолвил слова благодарности и пошел за Дюмоном из каюты капитана. При этом он споткнулся и чуть не упал.

Когда они вышли в коридор, Дюмон остановился.

— Нет необходимости спускаться в спальный отсек, сэр. Если вы соизволите назвать мне шифр своего ящика, то мы сами все сделаем.

— Бросьте вы, мистер Дюмон! У меня совсем немного вещей. Я и сам могу все донести.

На лице Дюмона было непроницаемое выражение, какое иногда бывает у лакеев.

— Если позволите, сэр, я хотел бы предложить вам осмотреть вашу комнату, пока мы займемся вашими вещами. — Он вовсе не спрашивал позволения. Макс правильно понял смысл его слов: «Послушай, глупец, я знаю, что почему, а ты нет. Делай то, что я тебе говорю, иначе ты наломаешь таких дров!» Макс решил послушаться его скрытого совета. Непросто совершить прыжок от рядового члена экипажа до офицера, оставаясь при этом в том же корабле. Дюмон знал это, а Макс — нет. Было ли это отеческим участием со стороны Дюмона или просто в нем разыграла приверженность к неукоснительному соблюдению протокола — или и тем и другим, — в любом случае Дюмон не намеревался позволить новоиспеченному младшему офицеру спускаться ниже палубы «Си», пока тот не привыкнет к своему новому положению. Макс разыскал каюту В-014.

На койке был настоящий поролоновый матрац и спинка. Еще в каюте были небольшая раковина с краном и зеркало. Над койкой висела книжная полка. В углу стоял шкаф для одежды, был также откидной столик, прикрепленный к стене, телефон, с помощью которого он мог вызвать дежурного помощника стюарда. Был стул, корзина для мусора и даже (!) маленький коврик на полу. Но самое главное — на двери был замок.

То, что вся комната была не больше ящика из-под рояля,нисколько его не беспокоило.

Он выдвигал ящики, рассматривал предметы в комнате, когда вернулся Дюмон. Он нес скудные пожитки Макса не сам; он поручил это человеку из обслуживающего персонала. Помощник стюарда вошел в комнату вслед за Дюмоном и спросил:

— Куда это положить, сэр?

Макс со смущением узнал в человеке, который ему прислуживал, своего соседа по столу. Тот всегда сидел напротив него за едой.

— О! Привет, Джим. Брось все это на койку. Большое спасибо!

— Слушаюсь, сэр. И примите мои поздравления!

— Спасибо!

Они обменялись рукопожатиями. Дюмон проследил за тем, чтобы эта церемония не затянулась.

— Ну, все Грегори. Можешь возвращаться в кладовую. — Затем он обратился к Максусу: — Что-нибудь еще, сэр?

— О нет, все отлично.

— Я думаю, может быть, вы не захотите сами пришивать знаки отличия? Если вы умеете шить не намного лучше меня, — добавил Дюмон, понимающе улыбаясь.

— В общем-то, я думаю, что мог бы и сам справиться.

— Миссис Дюмон искусно орудует иглой и даже шьет для женщин-пассажиров. Может быть, я отнесу ей все это? Форма будет готова и отутюжена к обеду.

Макс с радостью согласился. Он ужаснулся мысли, которая вдруг пришла к нему в голову, о том, что ему теперь придется есть в салоне палубы «Би»!

Но до обеда его еще раз побеспокоили. Он заканчивал раскладывать свои пожитки, когда в дверь постучали, и сразу вслед за этим кто-то вошел. Макс обернулся и оказался нос к носу с мистером Саймзом.

Саймз посмотрел на фуражку и рассмеялся.

— Сними это, пока не натер уши!

Макс пропустил его выпад мимо ушей.

— Я вам нужен, сэр?

— Да, вундеркинд, только для того, чтобы ты выслушал мой совет.

— Да?

Саймз ударил себя в грудь.

— Вот что. В этом корабле есть только один ассистент астрогатора, и это — я. Помни об этом. И я им останусь еще долго после того, как тебя вышвырнут назад к твоим коровам, туда, где тебе и место.

Макс почувствовал, что у него покраснели щеки и шея.

— Почему же, — спросил он, — если вы так считаете, вы не наложили вето на мое назначение?

Саймз снова рассмеялся.

— Разве я похож на дурака? Капитан говорит «Да», астрогатор говорит «Да», я должен был высунуться и сказать «Нет»? Лучше я подожду, когда ты высунешься... а ты это обязательно сделаешь. Я лишь хотел сказать тебе, что этот кусок золотой тесьмы на твоей фуражке ничего не значит. Ты по-прежнему ниже меня по званию. Не забывай об этом.

Макс сжал челюсти и не ответил.

— Ну? — произнес Саймз.

— Что «ну»?

— Я только что отдал тебе приказ.

— О да, мистер Саймз. Я не забуду об этом. Ни в коем случае.

Саймз посмотрел на него, злобно прищурясь.

— Смотри, не забудь, — сказал он и вышел.

Макс остался стоять перед дверью со сжатыми кулаками. В это время в дверь постучал Грегори.

— Сэр, через пять минут обед.

Макс старался оттянуть визит в салон, насколько мог, он бы очень хотел спуститься на нижнюю палубу и занять свое обычное место в столовой

для экипажа, где он чувствовал себя легко и непринужденно. Некоторое время он не решался войти в салон. Красивая комната была залита светом и казалась незнакомой; он бывал здесь только рано утром, чтобы сменить песок в коробке, стоящей в конце коридора, а в это время горела только подсветка.

Он чуть не опоздал: некоторые дамы уже сидели, но капитан продолжал стоять. Макс понял, что он должен быть около своего стула и пригостить сестру вслед за капитаном, вернее, после того, как сядут все дамы... но где его место? Он все еще мешкал, когда услышал голос Элли:

— Макс!

Она подбежала и обняла его.

— Макс! Я только что узнала. Я считаю, что это просто здорово! —

Она посмотрела на него горящими от радости глазами и поцеловала его в обе щеки.

Макс покраснел. Он почувствовал, что все на него смотрят. Так оно и было. К тому же Элли была одета в вечернее эсперианское платье, которое не только делало ее старше на вид и более женственной, но и шокировало его пуританское сознание.

Наконец она его отпустила, что само по себе было хорошо, но сделало его менее устойчивым, и он чуть не упал на колени. Она начала что-то болтать, но он от смущения не мог понять, что. В это время около нее появился главный стюард Дюмон.

— Капитан ждет, мисс, — произнес он твердым голосом.

— Это его проблемы! Ладно, встретимся после обеда, Макс.

Она направилась к столу капитана. Дюмон дотронулся до рукава Макса и тихо сказал:

— Пожалуйста сюда, сэр.

Место Макса оказалось в конце стола главного инженера. Макс знал мистера Компаньона в лицо, но никогда с ним не разговаривал. Компаньон взглянул на него и сказал:

— Добрый вечер, мистер Джоунз. Рад видеть вас с нами. Дамы и господа, наш новый астрогационный офицер, мистер Джоунз. Справа от вас, мистер Джоунз, миссис Дейглер. Мистер Дейглер справа от нее... — он представил всех сидящих за столом: доктора Вебербауэра, его жену, их дочь Ребекку, мистера и миссис Скотт, мистера Артура, сеньора и сеньору Варгас.

Миссис Дейглер сказала, что очень рада его выдвижению: так здорово, что за столом появился еще один молодой человек. Она была старше Макса, но достаточно молода, чтобы быть красивой. На ней было больше драгоценностей, чем Макс видел за всю свою жизнь, а волосы были уложены в высокую, примерно в фут высотой, прическу и усыпаны жемчугом. Все в ее наряде было совершенным и дорогим, как астрогационный прибор. Макс почувствовал себя неловко рядом с ней.

Но он смутился еще больше, когда миссис Дрейглер достала маленький платочек из-за корсажа, смочила его и сказала:

— Не шевелитесь, мистер Джоунз. — Она вытерла ему щеку. — Поверните голову. — Краснея, Макс подчинился. — Ну, так-то лучше, — сказала миссис Дейглер и затем обратилась к главному инженеру: — Не считаете ли вы, мистер Компаньон, что наука, при всех тех чудесах, которые она сегодня творит, могла бы изобрести губную помаду, которая не остается на мужчине после поцелуя?

— Оставь, Мэгги, — перебил ее муж. — Не обращайтесь внимания, мистер Джоунз. В ней есть капля садизма, и эта капля занимает большую ее часть.

— Джордж, ты заплатишь за это.

Мистер Компаньон вытер губы белоснежным платком.

— Думаю, что такая помада уже была изобретена, но не пользовалась спросом. Женщины любят ставить свои метки на мужчинах, хотя бы и временные.

— О, неправда!

— Таков женский мир, мадам.

Она обратилась к Максусу:

— Элдрет миленькая, не правда ли? Наверное, вы познакомились с ней еще на «суше», как это у вас называется?

— Нет, мадам.

— Как же тогда? То есть я хочу сказать, что здесь для этого очень мало возможностей. Или это не так?

— Мэгги, перестань ему докучать. Дай человеку поесть.

Миссис Вебербауэр, сидящая по другую сторону от Макса, в отличие от миссис Дейглер была не такой разговорчивой. Под ее успокаивающим влиянием Макс принялся за обед. Затем он заметил, что держит вилку не так, как остальные, попытался взять ее по-другому, но от этого ему сделалось еще более неловко. К тому же он заметил, что у него грязные ногти, и ему захотелось спрятаться под стол. Он съел около трехсот калорий, в основном хлеб и масло.

К концу обеда миссис Дейглер снова обратила на него свое внимание, хотя заговорила с главным инженером.

— Мистер Компаньон, разве в традиции корабля не входит подымать тост за повышение по службе?

— Да, — согласился инженер. — Но он должен заплатить за него. Таковы правила.

Макс подписал чек, принесенный Дюмоном. Цена его поразила — его первое космическое путешествие, может быть, и принесет ему профессиональный успех, но финансовое разорение оно уже принесло. Шампанское со льдом в блестящей бутылке последовало вслед за чеком, и Дюмон раскрутил проволоку и грациозно вытащил пробку.

Главный инженер встал.

— Дамы и господа, тост за астрогатора Джоунза. Чтобы он никогда не поставил запятую в десятичной дроби не на свое место!

— Вива!

— Браво!

— Речь, речь!

Макс встал и смущенно произнес:

— Спасибо.

Его первое дежурство было в восемь часов на следующее утро. Он позавтракал один и, к своей радости, понял, что, будучи дежурным офицером, он будет обычно есть либо до, либо после пассажиров. Он пришел в кабину управления минут на двадцать раньше.

Келли взглянул на него и поприветствовал:

— Доброе утро, сэр.

Макс нисколько не смутился.

— Хм... доброе утро, шеф! — Он уловил насмешливый взгляд Саймза, сидящего за компьютером, и поспешно отвернулся.

— Свежий кофе, мистер Джоунз. Выпьете чашечку? — Пока они пили, Келли тихо сообщил ему детали: порядок ускорения, расположение и вектор, задействованный энергоблок, взятые ориентиры, никаких специальных указаний и так далее. Ногучи сменил Смайта, а перед самым началом смены пришел доктор Хендрикс.

— Доброе утро, сэр.

— Доброе утро, доктор.

— Доброе... — Хендрикс принял кофе, затем обратился к Макс: — Вы сменили дежурного офицера?

— Нет, сэр.

— Так сделайте это. До конца смены осталось меньше минуты.

Макс повернулся к Келли и робко отсалютовал:

— Смену принял, сэр.

— Очень хорошо, сэр. — Келли сразу же отправился из рубки. Доктор Хендрикс сел, взял книгу и начал читать. Макс почувствовал озноб, поняв, что его как бы столкнули в воду, чтобы он научился плавать. Он глубоко вздохнул и пошел к Ногучи.

— Ногги, давайте приготовим пластины для взятия ориентиров с середины смены.

Ногучи взглянул на хронометр.

— Как скажете, сэр.

— Хорошо... я думаю еще рано. Давайте возьмем несколько доплеров.

— Да, сэр. — Ногучи слез с сиденья.

— Послушайте, Ногги, — тихонько сказал Макс, — вам не надо называть меня «сэром».

Ногучи ответил также тихо:

— Келли будет сердиться, если я нарушу этикет. Так что оставим все как есть.

Макс нахмурился.

— Ногги, что думают остальные члены «беспокойной команды» об этом?

Ногучи не стал делать вид, что он не понял.

— Они все поддерживают вас. Главное, чтобы вы справились.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Если, конечно, вы не станете заноситься и изображать из себя бог знает что, как некоторые. Не буду называть имен. — Затем оператор добавил: — Может быть, Ковак не очень приветствует ваше назначение. Ему впервые пришлось самому нести дежурство.

— Он злится?

— Не то чтобы очень. В любом случае, он знал, что это временно, ведь скоро новый переход. Он не станет мешать вам и причинять беспокойство. Он честный игрок.

Макс сделал мысленное усилие, стараясь придумать, чем можно завоевать расположение Ковака. Ногучи и Джоунз занялись доплерскопом, снимали с него показания о звездах, находящихся по направлению вектора, проверяли полученные данные с помощью спектростеллографа и сравнивали все эти показания с эталонными пластинами из сейфа. Поначалу Макс помнил, что он здесь главный и должен давать распоряжения, но затем он так увлекся измерениями, что забыл об этом. Наконец Ногучи обратился к нему:

— Скоро десять часов, сэр. Пожалуй, мне пора сделать установку.

— Хм? Конечно, сделайте. — Он напомнил себе, что не следует помогать Ногги; у штурмана тоже есть свои прерогативы. Но он проверил установку, как это всегда делал Хендрикс, а Саймс делал редко, а Келли — иногда, в зависимости от того, кто делал установку.

После получения новых данных Макс разработал задачу на листке бумаги (поскольку у него было много времени) и зачитал ее Ногучи, сидящему за компьютером. Он сам нашел необходимые значения в справочнике, поскольку не было свободного человека, чтобы зачитать их вслух. Макс хорошо помнил эти значения, но выполнял указание Хендрикса не полагаться на свою память.

Получившийся результат обеспокоил его. Они «вышли из канвы». Немного, но разница была заметной. Он еще раз проверил данные, затем дал указания Ногучи снова решить ту же задачу, используя другие методы программирования. Результат получился тот же.

Вздыхнув, он ввел поправку и хотел дать ее Хендриксу для подтверждения. Но астрогатор не обращал на него никакого внимания, он сидел за пультом, читая роман из корабельной библиотеки.

Макс принял решение. Он подошел к пульту и сказал:

— Извините, сэр. Мне необходимо на некоторое время занять ваше место.

Хендрикс, ничего не говоря, пересел на другое место. Макс сел за пульт и вызвал энергетическое отделение.

— Говорит дежурный офицер управления. Я собираюсь прибавить скорость в одиннадцать часов. Будьте наготове.

Хендрикс услышал его, но не подал виду. Макс ввел поправку и установил хронометр управления ровно на одиннадцать часов.

Незадолго до полудня появился Саймз. Макс уже сделал необходимые записи в бортовом журнале, взяв за образец записи, сделанные Ногучи, и подписался «М. Джоунз». Подумав, он добавил: «Дежурный офицер сме- ны». Саймз подошел к доктору Хендриксу, отсалютовал и сказал:

— Готов принять смену, сэр.

За четыре часа Хендрикс произнес первую фразу:

— Макс дежурный.

Саймз изобразил на своем лице удивление, затем подошел к Максу.

— Готов тебя сменить.

Макс зачитал ему данные по местонахождению корабля, в то время как Саймз просматривал бортовой журнал и книгу приказов. Саймз перебил его, когда Макс сообщал ему менее второстепенные данные.

— О'кей. Смену принимаю. Убирайтесь из моей рубки, мистер.

К тому времени доктор Хендрикс уже вышел вниз. Макс покинул рубку.

Ногучи задержался на пороге лестницы. Он поймал взгляд Макса, понимающе улыбнулся и кивнул. Макс улыбнулся в ответ. Он хотел спросить его, не было ли отклонение в маршруте ловушкой для новичка, специально подстроенной Келли, но затем решил, что так не подобает поступать. Он сам сможет спросить у Келли или же вычислить это по бортовым записям.

— Спасибо, Ногги.

Следующее дежурство оказалось типичным только в том отношении, что доктор Хендрикс продолжал требовать, чтобы Макс сам был дежурным офицером. На этот раз он не молчал все время, но постоянно вел Макса, непрерывно обучая его, заставлял брать ориентиры и ставить задачи, как будто «Асгард» на самом деле готовился к переходу. Он не позволял Максу составлять программу на бумаге, но заставлял его представлять, что у него на это нет времени и что данные должны быть немедленно введены в компьютер для обработки. Макс обливался потом, он держал рычаги дистанционного управления в обеих руках, а Хендрикс называл цифры. Астрогатор не переставал требовать от Макса скорости работы, но не в ущерб точности, так как любая ошибка была непростительна.

Один раз Макс возразил:

— Сэр, если вы позволите мне сразу вводить данные в компьютер, то я бы мог значительно выиграть во времени. Я же помню эти таблицы.

— Когда у вас будет своя кабина управления, вы будете поступать так, как считаете нужным. А пока вы будете делать по-моему, — отрезал Хендрикс.

Иногда Хендрикс передавал контроль за работой Макса Келли. Глав- ный оператор пользовался в таких случаях официальным языком:

«Я хотел бы предложить, сэр...» или «думаю, что я бы сделал это сле- дующим образом, сэр...», но однажды он сорвался:

— Черт возьми, Макс! Никогда не дергай так за эту ручку!

Затем он начал извиняться. Макс усмехнулся.

— Шеф, наконец-то я почувствовал себя в своей тарелке. Спасибо.

Келли робко взглянул на него:

— Я устал. Думаю, мне не помешает выкурить сигарету.

Когда они отдыхали, Макс заметил, что Ланди был на приличном расстоянии от них, и спросил:

— Шеф, вы знаете больше, чем я когда-либо узнаю. Почему вы не попытались стать астрогатором? Неужели у вас никогда не было такой возможности?

Келли вдруг помрачнел.

— Один раз пытался, — сказал он. — Теперь я знаю свои слабые стороны.

Смутившись, Макс замолчал. После этого Келли начал всегда называть его по имени, когда они были наедине.

Макс не видел Сэма больше недели после того, как переселился на палубу «Би». Да и эта встреча была случайной; он наткнулся на него около офиса казначея.

— Сэм!

— Доброе утро, сэр! — Сэм вытянулся по стойке «смирно», широко улыбаясь.

— Ха! Иди ты!.. Как дела, Сэм?

— Неужели вы не ответите на мое приветствие? В моей официальной должности я могу донести на вас, вы же знаете. Капитан очень шепетилен в вопросах корабельного этикета.

— Можешь стоять так, пока не одеревенеешь.

Сэм расслабился.

— Парень, я давно собирался подняться наверх и поздравить тебя, но ты все время на дежурстве. Должно быть, ты живешь в «беспокойной норе».

— Почти что. Послушай, я свободен сегодня вечером до полуночи. Давай я зайду навестить тебя?

— Нет, — ответил Сэм. — Я буду занят.

— Чем? Кто-нибудь собирается удрать из тюрьмы? Или, может быть, ты ожидаешь бунта на корабле?

— Парень, пойми меня правильно, — серьезно ответил Сэм, — но ты будь на своем конце корабля, а я буду на своем. Нет-нет, молчи и слушай. Я настолько горд за тебя, как будто бы я сам тебя изобрел. Но тебе нельзя водить дружбу ни с кем в отделении экипажа, даже с главным полицейским. Хотя бы пока.

— Кто узнает? Кому какое дело?

— Ты прекрасно знаешь, что Джордано обязательно доложит Квинеру о том, что ты не умеешь себя вести как офицер, а старая лиса Квинер передаст это казначею. Послушай моего совета. Ты же знаешь, я не даю плохих советов.

Макс оставил эту мысль, хотя он очень хотел бы поболтать с Сэмом. Ему было необходимо рассказать ему, что капитан знает о подделке его документа, и он хотел посоветоваться с ним насчет дальнейших действий.

Вернувшись в свою комнату, Макс подумал о том, что, конечно, ничто не удерживает его от побега с корабля вместе с Сэмом на Новой Земле... только теперь, будучи офицером, он не смог себе этого даже представить.

Они приближались к первому переходу, в рубке управления перешли на дежурство через смену. Но по-прежнему доктор Хендрикс не выходил на дежурство, а Саймз и Джоунз сменяли друг друга. Астрогатор выходил на каждое дежурство с Максом, но требовал, чтобы он сам делал работу и нес полную ответственность. Макс обливался потом. Он понял, что практические задачи и теории — это не самое сложное; у него не было способа и времени, чтобы проверить решения. Он не должен был допускать ошибок, но всегда оставалось место сомнению.

Когда за сутки до перехода «беспокойная бригада» перешла на беспереывное дежурство, Макс подумал, что доктор Хендрикс заменит его. Но он этого не сделал. Саймза заменили, да, но Макс оставался на месте астрогатора под строгим контролем со стороны доктора Хендрикса, который следил за каждым его шагом, но не вмешивался.

«Боже мой! — подумал Макс. — Неужели он позволит мне совершить переход? Я еще к этому не готов, пока не готов. Я не справлюсь». Но данные поступали очень быстро, и Макс не оставалось времени на беспокойство: ему приходилось непрерывно обрабатывать эти данные, получать ответы и принимать решения. И только за двадцать минут до перехода Хендрикс молча подвинул его в сторону и взял управление на себя. Макс все еще приходил в себя, когда они прорвались через аномалию в новое небо.

Последний подход и переход перед Альционом был во многом похож на второй. Перед ним была пара недель ненапряженных дежурств, возглавляемых Саймзом, Джоунзом и Коваком, в то время как Келли и Хендрикс отдыхали. Макс ему нравилось и на дежурстве, и на отдыхе. Во время дежурств он продолжал тренироваться, пытался достичь нечеловеческой скорости доктора Хендрикса. После дежурства он спал и приятно проводил время. Он больше не боялся салона, играл там в трехплоскостные шахматы с Элли, в то время как Чипси сидел у него на плече, давая советы. Элли за это время сумела убедить капитана Блейна, что Чипси, который так хорошо воспитан и имеет такие хорошие манеры (она обучила паучка говорить «Доброе утро, капитан» всегда, когда он видел Блейна) и во всех отношениях очень цивилизован, нельзя заставлять жить в клетке.

Макс даже научился обмениваться остротами с миссис Дейглер, и это даже доставляло ему удовольствие. Элли грозилась научить его танцевать, но ему пока удавалось отвлекать ее внимание от этого намерения до возобновления дежурств через смену, когда близость перехода сделала обучение танцам невозможным.

И снова он оказался на месте астрогатора в последние часы подхода. На этот раз доктор Хендрикс сменил его только за десять минут до прорыва.

После перехода, когда корабль направлялся напрямую к Альциону, решимость Элли победила. Макс научился танцевать. Ему это даже понравилось. У него было хорошее чувство ритма, он не забывал ее объяснений, от Элли веяло духами, и ему было приятно, когда она прикасалась к нему.

— Я сделала все, что могла, — объявила она наконец. — Вы самый лучший танцор из тех, кого я когда-либо встречала. — Она потребовала, чтобы он станцевал с Ребеккой Вебербауэр и с миссис Дейглер. В общем-то миссис Дейглер была вполне сносной, когда молчала, а Ребекка была довольно-таки привлекательна. Он начал с нетерпением ожидать посадки на Альцион, которая послужила официальным предлогом для его обучения танцам, поскольку он должен был сопровождать Элли повсюду на этой планете.

Только одно омрачало радость Макса на последнем отрезке пути: Сэм попал в затруднительное положение. Макс узнал об этом только после того, как это уже случилось. Он встал рано утром и отправился на дежурство. По дороге он встретил Сэма, который драил палубу в пустых коридорах пассажирского отделения. Он был одет в рабочую одежду, и кокары на нем не было.

— Сэм!

Сэм обернулся.

— О, привет, парень. Говори тише, не то разбудишь людей.

— Но, Сэм, что, черт возьми, ты делаешь?

— Я? Драю палубу.

— Но почему?

Он оперся на свою швабру.

— Ну, парень, дело в том, что у меня с капитаном различные взгляды на жизнь. А он оказался сильнее.

— Тебя разжаловали?

— Ты поразительно догадлив.

— Что случилось?

— Макс, чем меньше ты будешь об этом знать, тем лучше. Не волнуйся. *Sic transit gloria mundi*. Пятница — всегда тяжелый день.

— Но послушай, мне надо перекусить и отправляться на дежурство. Я загляну к тебе после смены.

— Не надо.

О том, что случилось, Макс узнал от Ногучи. Оказалось, что Сэм открыл казино в пустом трюме. Вероятно, на это бы глядели сквозь пальцы неопределенно долгое время, если бы там были только карты и игральные кости и определенный процент уходил бы на «нужды заведения», то есть в карман главного полицейского. Но Сэм установил там еще и рулетку, а это привело к скандалу. Джиордано начал подозревать, что колесо останавливается с меньшим элементом случайности, чем это обычно бывает в более солидных игровых заведениях... и высказал свои сомнения главному служащему Квинеру. И с этого момента события приняли необратимый ход.

— Когда он установил колесо?

— Сразу после того, как мы поднялись с планеты Гарсона. — Макс вспомнил про «чехлы для чайников», которые он помог Сэму занести в корабль. Ногучи продолжал: — Разве вы не знали, сэр? Я думал, что вы и он были довольно близки, до того как вы получили повышение.

Макс уклонился от ответа и начал просматривать бортовой журнал. Он нашел нужную информацию, записанную двумя днями раньше. Это была приписка Беннета к записям Саймза. Сэму не разрешалось покидать корабль до конца путешествия, а окончательное дисциплинарное взыскание было отсрочено до возвращения на Землю.

Было похоже, что капитан Блейн намеревался дать Сэму возможность продемонстрировать хорошее поведение до того, как он даст свои рекомендации гильдиям — капитан был добрым стариком. Но запрет на выход с корабля... Значит, у Сэма не будет возможности убежать от того, от чего он хотел убежать. Макс отыскал Сэма, как только закончилось его дежурство. Он вытащил его из спальной комнаты в коридор.

Сэм кисло посмотрел на него.

— Я, кажется, просил тебя не приходить?

— Сэм, я беспокоюсь за тебя. Этот запрет уходить с корабля... то есть у тебя не будет возможности...

— Тихо! — сказал Сэм, хотя Макс говорил шепотом. — Послушай меня. Ты можешь забыть об этом. Я получил свои деньги, а это самое главное.

— Но...

— Неужели ты думаешь, что они смогут так плотно запечатать корабль, что я не смогу из него выбраться, когда мне будет надо? А теперь уходи. Ты любимчик учителя, и я хочу, чтобы ты им оставался. Я не хочу, чтобы тебя отчитывали за плохих приятелей.

— Сэм, но я хочу помочь. Я...

— Не соизволишь ли ты подняться на палубу «Си», где твое место?

До Альциона он больше не видел Сэма и вскоре перестал волноваться за него. Хендрикс потребовал, чтобы Макс рассчитал посадку на планету — по сравнению с переходом это было детской игрой, — затем посадил Макса к управлению, чтобы он совершил посадку. Эта работа была чисто номинальной, поскольку программа уже была введена в компьютер, а радар работал автоматически. Макс сидел около пульта управления, готовый заменить автопилот, а Хендрикс стоял за ним, готовый заменить его, но в этом не было необходимости: «Асгард» спустился по предначертанной кривой словно по лестнице. Силовые лучи, поддерживающие корабль, врезались в поверхность планеты, и Макс доложил:

— Посадка произведена по расписанию, сэр.

— Закрепить.

Макс нажал кнопку внутренней связи.

— Энергоотделение! Закрепить все космические детали. Вторая секция, произвести посадочные процедуры.

Из четырех дней их пребывания на Альционе первые три дня он провел, контролируя, а вернее, обучаясь у Ковака контролировать осмотр и ремонт приборов в кабине управления, проводимый каждые девять дней. Но в последний день он сошел «на сушу» в сопровождении мистера и миссис Мендоза. С ними была и Элли Коубен.

Это был чудесный выходной. По сравнению с Землей Альцион — незвучное место и Бонапарт не очень похож на город. Тем не менее это планета земного типа с пригодным для человеческих легких воздухом, а вся компания с «Асгарда» не выходила из корабля с тех пор, как корабль поднялся с Земли. Сезон был летний, постафелий. Солнце планеты, Нью Пегаса, было теплым и ярко сияло в голубом небе. Мистер Мендоза нанял экипаж, запряженный четырьмя маленькими фыркающими альционскими пони, и они поехали за город. Там они посетили местное селенье — огромную, похожую на улей структуру из грязи, коноид на коноиде, и купили сувениры, на двух из которых, как оказалось, было написано: «Сделано в Японии».

Их кучер, герр Айзенберг, переводил для них. Абориген, продававший сувениры, не сводил глаз с миссис Мендозы. Он прошептал что-то кучеру, и тот громко рассмеялся.

— Что он говорит? — спросила она.

— Он сказал вам комплимент.

— Да? А какой?

— Ну... он сказал, что вас можно зажарить на медленном огне без приправы и из вас выйдет отличное блюдо. И он бы это сделал, — добавил герр Айзенберг, — если бы вы остались здесь до наступления ночи.

Миссис Мендоза испуганно вскрикнула.

— Джозеф, ты не сказал мне, что они каннибалы. Отвези меня назад!

Герр Айзенберг ужаснулся:

— Каннибалы? О, нет, леди! Они не едят друг друга, но они едят нас, если могут нас поймать. Но подобных случаев не бывало уже двадцать лет.

— Значит, все мы в еще большей опасности!

— Нет, что вы, леди. Взгляните на это с их точки зрения. Они цивилизованны. Этот старик никогда не нарушит местных законов. Но для них мы лишь высококачественное мясо, которое, к сожалению, нелегко поймать.

— Сейчас же увезите нас отсюда! Подумать только! Их здесь сотни, а нас всего пятеро.

— Их здесь тысячи, леди. Но пока светит Гнири, вы в безопасности. — Он указал на Нью Пегаса. — У них не принято убивать животных днем. Они верят, что, если убить животное днем, его дух отомстит им.

Несмотря на заверения, они повернули назад. Макс заметил, что Элдрет несколько не испугалась. Сам же он с опаской подумывал о том, что аборигенам вроде бы ничто не мешает пока связать их, а поджарить с наступлением темноты.

Ужинали они в «Жозефине» — лучшей (и единственной) гостинице города Бонапарт. Но там был небольшой оркестр из трех музыкантов и место для танцев, и еда по крайней мере отличалась от надоевшего меню салона палубы «Би». Там было много пассажиров с корабля и несколько офицеров, так что получилась небольшая вечеринка. Элли заставляла Макса танцевать перед каждой переменной блюд. У него даже хватило смелости пригласить на танец миссис Дейглер, когда она подошла к столику и предложила им потанцевать.

Во время перерыва Элдрет вывела его на балкон. Там она посмотрела ему в глаза и сказала:

— Оставьте эту шлюху Дейглер в покое, вам понятно?

— Хм? Я разве что-нибудь сделал не так?

Она вдруг радушно улыбнулась.

— Конечно нет. Эх, вы, большой милый дурачок. Но вами должна заниматься Элли.

Она отвернулась и облокотилась на перила. На Альционе начиналась ночь, три ее луны поднялись на небо, следуя одна за другой. Звезд здесь было гораздо больше, чем можно было увидеть с Земли. Макс показал ей на небе незнакомые созвездия и направление, в котором они отправятся завтра, чтобы достичь точки перехода на Новую Землю. К настоящему времени он уже видел четыре новых неба и помнил расположение звезд на них не хуже, чем знал созвездия над Озаркс... и он увидит еще больше небес. Он уже начал изучать по картам другие небеса, которые повстречаются им в пути.

— О, Макс, не правда ли, как чудесно!

— Конечно. Смотрите, метеор. Здесь они редко встречаются, чрезвычайно редко.

— Загадайте желание! Быстрее!

— О'кей.

Он пожелал легко отделаться, когда дело дойдет до раскрытия карт. Затем он решил, что это слишком эгоистическое желание, и пожелал, чтобы Сэм выпутался из того тяжелого положения, в котором он оказался... впрочем, Макс все равно не верил в приметы.

Она повернулась к нему.

— Что вы загадали?

— Хм-м... — Он вдруг смутился. — Я не должен говорить, иначе не сбудется.

— Хорошо. Но я готова поспорить, что ваше желание сбудется, — сказала она тихим голосом.

Он подумал о том, что сейчас ему можно было бы ее поцеловать, но он замялся и момент был упущен. Они вернулись в зал. Ощущение близости к Элли осталось с ним, когда они ехали на корабль, и он был в приподнятом настроении. Все-таки жизнь прекрасна, хотя в ней бывают неприятные моменты! Вот он уже младший астрогатор в своем первом путешествии, а всего несколько недель назад он занимал мулов у Мак-Алистера,

чтобы обработать поле, и ходил почти все время босиком, боясь сносить обувь.

И вот теперь он здесь, одет в мундир, едет в экипаже рядом с девушкой, одетой лучше всех на четырех планетах.

Он пошупал знаки различия на своей груди. Жениться на Элли теперь, когда он стал офицером, не представлялось такой уж безрассудной идеей — конечно, если он вообще решит жениться. Может быть, ее старик не посчитает офицера — к тому же астрогатора — не подходящим для своей дочери. Элли была хорошей девушкой: она не была трусихой и неплохо играла в трехмерные шахматы, тогда как большинство девушек не смогли бы даже запомнить правила игры.

Он еще пребывал в этом приятном расположении духа, когда они подъехали к кораблю и поднялись наверх.

Келли встретил его у входа.

— Мистер Джоунз... капитан хочет вас видеть.

— Хм? Спокойной ночи, Элли, я должен бежать. — Он поспешил вслед за Келли. — Что случилось?

— Доктор Хендрикс умер.

Глава 13

ПЕРЕХОД

Пока они шли в каюту капитана, Макс пытался расспросить Келли, как это произошло.

— Я не знаю. Просто не знаю, Макс. — Казалось, Келли был готов заплакать. — Я видел его перед обедом — он заходил в «нору» проверить, что вы с Коваком там делаете. По-моему, с ним все было в порядке. Но вечером казначей нашел его мертвым на койке. Я не знаю, что теперь будет.

— Что вы имеете в виду?

— Ну... если бы я был капитаном, я бы прервал полет и послал бы за заменой. Но я не знаю...

Только сейчас Макс понял, что теперь астронавигатором будет мистер Саймз.

— Сколько потребуется времени, чтобы дожждаться замены?

— Посчитайте. «Дракон» позади нас на три месяца; он сможет взять нашу почту. Около года.

Одним из противоречий межзвездных путешествий было то, что сами же корабли и являлись самым быстрым средством связи. Радиосообщение (если бы кто-нибудь попытался сделать такую глупость) дошло бы до Земли приблизительно через два века, и столько же потребовалось бы на получение ответа.

Каюта капитана была открыта и полна офицеров. Они стояли вдоль стен с серьезными лицами и молчали. Макс проскользнул внутрь,

не докладывая о своем приходе, и старался не обращать на себя внимание. Келли не вошел. Капитан Блейн сидел за столом, склонив голову. Несколько офицеров, присутствовавших на веселой вечеринке в «Жозефине», пришли после Макса; помощник капитана Уолтер смотрел на входящих, ожидая, пока все соберутся. Наконец он тихо обратился к капитану:

— Все офицеры в сборе, сэр.

Капитан Блейн поднял голову, и Макс поразился, как он постарел.

— Господа, — сказал он тихим голосом, — все вы знаете печальную новость. Сегодня вечером доктор Хендрикс нашел мертвым в его комнате. Сердечный приступ. Врач сказал мне, что он умер за два часа до того, как его нашли... и что его смерть, вероятно, была почти безболезненной. — Его голос задрожал, затем он продолжил: — Брат Хендрикс будет выведен на свою последнюю орбиту завтра, через два часа после взлета. Он хотел, чтобы его похоронили именно так. Галактика была его домом. Он отдал всего себя без остатка, чтобы люди могли свободно путешествовать среди звезд.

Он сделал паузу, которая длилась очень долго, Макс даже начало казаться, что старик забыл о присутствующих. Но когда он снова заговорил, его голос был твердым.

— Все, господа. Астрогаторов прошу остаться.

Макс не был уверен, можно ли его назвать астрогатором, но капитан употребил слово во множественном числе, и поэтому Макс остался. Помощник капитана Уолтер собрался выйти, но капитан Блейн и его попросил задержаться. Когда они остались вчетвером, капитан сказал:

— Мистер Саймз, вы немедленно приступите к обязанностям астрогатора. Мистер... хм... — Его глаза остановились на Максе.

— Джоунз, сэр.

— Мистер Джоунз продолжит выполнять свои обычные обязанности. Эта трагедия унесла нашего астрогатора; поэтому до конца этого путешествия я буду регулярно заступать на дежурство.

— В этом нет необходимости, капитан, — сказал Саймз. — Мы справимся.

— Может быть. Но я так хочу.

— Да, сэр.

— Приготовьтесь к взлету по расписанию. Вопросы есть?

— Нет, сэр.

— Спокойной ночи, господа. Датч, задержитесь на минутку, пожалуйста.

Выйдя за дверь, Саймз направился к себе, но Макс остановил его.

— Мистер Саймз?

— Хм? Что?

— Будут какие-нибудь указания для меня, сэр?

Саймз осмотрел его с ног до головы.

— Вы будете заступать на свое дежурство, мистер. Все остальное я сделаю сам.

На следующее утро Макс нашел на своем столе черную повязку и уведомление от помощника капитана о том, что траур будет длиться одну неделю. «Асгард» взлетел по расписанию. Капитан молча сидел в своем кресле, а Саймз — у пульта управления. Макс стоял возле капитана, делать ему было нечего. Все осталось без изменений, только не было Хендрикса... и Келли нервничал больше обычного. Саймз ловко справился со стартом, признал Макс, но он был заранее введен в компьютер, любой мог бы это сделать, черт возьми!.. Даже Элли могла бы это сделать. Или Чипси.

На первое дежурство заступил Макс. Саймз оставил его, приказав не отклоняться от расписания, предварительно не сообщив об этом по телефону. Через час Ковак сменил Макса, и тот поспешил в пассажирское отделение. Капитан, мистер Уолтер, Саймз, Макс и Келли шли впереди. Позади них в коридоре толпились офицеры и почти все члены экипажа. Пассажиров Макс не видел.

Внутренний люк шлюза был открыт. Два помощника стюарда внесли туда тело и положили его у внешнего люка. Макс с облегчением увидел, что оно целиком завернуто в саван. Они закрыли внутренний люк и отошли.

Капитан стоял лицом к двери. Саймз и помощник капитана стояли с одной стороны люка, а напротив них стояли Макс и Келли.

— Давление! — приказал капитан.

Позади стоял Беннет с переносным телефоном; он передал команду в энергоотделение. Манометр над шлюзом показывал одну атмосферу; давление начало постепенно расти. Капитан достал из кармана маленькую книгу и начал заупокойную службу. Макс, чувствуя, что от слов капитана у него наворачиваются слезы, уставился на манометр. Давление в шлюзе росло. Макс подумал о том, что корабль набрал скорость, необходимую для выхода из системы Нью Пегаса, еще до того, как его сменили; значит, тело получит гиперболическую орбиту.

Прибор показал десять атмосфер; капитан Блейн закрыл книгу.

— Предупредите пассажиров, — сказал он Беннету.

Вскоре по внутренней связи разнеслось:

— Всем служащим! Всем пассажирам! Корабль будет находиться в свободном полете тридцать секунд. Закрепитесь на своих местах и не двигайтесь.

Макс нащупал позади себя одну из скоб — их всегда много около воздушного шлюза — и взялся за нее так, чтобы ноги не отрывались от палубы. Прозвучала предупредительная сирена... и вдруг он стал невесомым. И корабельный двигатель, и искусственное гравитационное поле были включены.

Он услышал громкий и твердый голос капитана:

— Золу к золе, прах к праху. Предать тело космосу!

Давление на манометре вдруг упало до нуля, и доктор Хендрикс отправился вечно бродить среди звезд.

Макс снова почувствовал вес. Энергоотделение перешло к нормальному режиму работы. Давление на приборе постепенно вернулось к одной атмосфере. Люди начали расходиться, переговариваясь вполголоса. Макс поднялся в рубку управления и принял дежурство.

На следующее утро Саймз переселился в каюту доктора Хендрикса. Помощник капитана возражал против этого — Макс узнал об этом от третьих лиц, — но капитан поддержал Саймза. Работа в «беспокойной норе» вернулась в привычное русло и почти не отличалась от того, что было раньше, только теперь всем заправлял Саймз.

Раньше в кабине никогда не вывешивался график дежурств; Келли всегда назначал состав смены, а доктор Хендрикс устно уведомлял дежурных офицеров. Теперь же появился отпечатанный список.

Первая смена: Рэндольф Саймз, астрогатор.

Вторая смена: капитан Блейн (М. Джоунз, практикант).

Третья смена: Келли, главный оператор компьютера.

Подпись: Рэндольф Саймз, астрогатор.

Ниже следовал список дежурств для младших членов экипажа, также подписанный Саймзом.

Макс взглянул на список и только пожал плечами. Было очевидным, что Саймз вывесил этот график для него, но Макс не мог понять, зачем это ему понадобилось. Также было очевидным, что Саймз намерен не допускать Макса к астрогаторскому пульта и что шансы Макса со временем стать полноправным членом братства со смертью доктора Хендрикса снизились до нуля. Конечно, если капитан Блейн лично не заставит Саймза написать хорошую характеристику о его работе, что было очень маловероятно. Макс снова начал подумывать о том, чтобы присоединиться к Сэму в его побеге на Новую Землю.

Ну, а пока он будет регулярно заступать на дежурства и стараться избегать неприятностей. Больше ничего не оставалось делать.

На пути от Альциона к Новой Земле был только один переход, прыжок через девяносто семь световых лет. Точка перехода располагалась в трех неделях полета от Альциона при постоянном ускорении. В течение первых двух недель «беспокойная нора» оставалась на ненпряженном графике дежурств: через две смены для офицеров и через три — для рядовых членов экипажа. Капитан Блейн появлялся в каждое дежурство Макса, но почти не вмешивался в его работу и охотно предоставлял ему выполнение несложных операций этого отрезка пути. Он почти не поучал его... а когда все же делал это, то обычно отклонялся от темы и заканчивал поучение каким-нибудь анекдотом, смешным, но не имеющим отношения к тому, о чем он начинал говорить.

Макс пытался продолжать свою тренировку, выполняя рутинные расчеты быстро, как если бы до перехода оставались считанные минуты.

Капитан Блейн наблюдал за ним, затем сказал:

— Не спеши, сынок. Всегда делай расчеты на бумаге, когда это возможно... всегда. И проверяй тоже не спеша. Спешка ведет к ошибкам.

Макс ничего не ответил. Он вспомнил, что ему говорил доктор Хендрикс, но приказ капитана выполнил.

После своего первого дежурства с капитаном Макс, как обычно, расписался в бортовом журнале. Когда через четыре часа на дежурство вышел Саймз, Макса подняли с постели, чтобы он прибыл в рубку управления. Саймз указал на бортовой журнал.

— Что это значит, мистер?

— Что?

— Вы расписались в журнале. Но вы не являетесь дежурным офицером.

— Сэр, я всегда расписывался в бортовом журнале, и капитан никогда не возражал.

— Хм... я переговорю с капитаном. Ступайте к себе.

В конце своего следующего дежурства Макс, не получив никаких указаний, сделал необходимые записи в журнале и поднес его капитану.

— Сэр, вы подпишете это? Или я?

— Хм? — Блейн посмотрел в журнал. — О, думаю, что лучше это сделать мне. Никогда не следует спорить с командиром отделения. Помни об этом, когда станешь шкипером, сынок. — Он поставил свою подпись.

Таким образом, вопрос был решен. Но затем капитан начал время от времени покидать кабину управления, сначала ненадолго, затем на более длительное время. Однажды его не оказалось на месте в конце смены. Макс позвонил мистеру Саймзу:

— Сэр, капитан вышел. Какие будут указания?

— То есть? Капитан имеет право в любое время покидать рубку управления.

— Да, но Келли готов принять смену, а в журнале нет подписи. Расписаться мне? Или позвонить капитану?

— Позвонить капитану? Вы что, с ума сошли? Конечно нет!

— Какие будут указания, сэр?

Саймз некоторое время молчал, затем ответил:

— Напишите его имя и подпишите «по указанию»... а впредь думайте своей головой!

В последнюю неделю они перешли на дежурства через смену. Макс продолжал работать под контролем капитана, Келли ассистировал Саймзу. Блейн перестал отлучаться из кабины управления, и когда Макс начал делать первые расчеты, он мягко отодвинул его в сторону.

— Пожалуй, мне лучше сменить тебя, парень. Мы приближаемся.

Макс стал его помощником... и, к своему ужасу, понял, что капитан был уже не тем человеком, каким он, вероятно, когда-то был. Он хорошо разбирался в теории и знал все методы решений, но его память, видимо, была уже не такой крепкой. Дважды во время одного расчета Макс пришлось тактично напоминать ему об упущенных деталях. Однако старик, казалось, не замечал этого и был бодр.

Так продолжалось и дальше. Макс начал молить бога, чтобы капитан позволил совершить переход Саймзу, хотя сам он его и не любил. Он хотел

поделиться своими опасениями с Келли — больше было не с кем, — но Келли работал в смене с Саймзом. Ничего не оставалось, кроме как волноваться.

Когда наступил последний день, Макс обнаружил, что капитан сам не собирается вести корабль через аномалию и не даст это сделать Саймзу; у него, оказывается, была своя система. Когда все они собрались в «беспокойной норе», капитан сказал:

— Я хочу показать вам один трюк, который облегчит вам астрогацию. Хотя доктор Хендрикс и был великолепным астрогатором, он слишком усердно работал. А этот способ показал мне мой учитель. Келли, принесите, пожалуйста, пульт дистанционного управления.

Он усадил их полукругом, в центре которого за компьютером находился Келли, и сел сам. У каждого в руках были формуляры для программирования, а капитан Блейн держал пульт дистанционного управления.

— Итак, мы будем рассчитывать ориентиры по очереди, сперва я, затем мистер Саймз, затем мистер Джоунз. Таким образом мы сможем обрабатывать информацию без напряжения. Ну, парни, настраивайтесь. Переход будем делать все вместе.

Они провели тренировку по схеме, предложенной капитаном. Затем Блейн встал.

— Мистер Саймз, позвоните мне за два часа до перехода. Надеюсь, что вы и мистер Джоунз убедитесь, что этот метод значительно легче.

— Да, сэр. Но, капитан, можно мне внести предложение?

— Хм? Конечно, сэр.

— Это замечательная система, но я предлагаю заменить Джоунза на Келли. У Джоунза нет опыта. Ковака можно будет посадить за компьютер, а Ланди — на книгу.

— Нет, — ответил капитан. — Точность прежде всего, сэр, поэтому на компьютере должен быть наш лучший оператор. Что касается мистера Джоунза, то он должен набираться опыта, если он начнет нервничать, то мы с вами всегда сможем обойтись без него. — Он направился к люку, затем остановился и добавил: — Но Ковак может меняться с Келли до моего возвращения. Никто не должен уставать. Усталость ведет к ошибкам.

— Да, сэр.

Саймз больше ничего не сказал Максy. Они начали обрабатывать данные по ориентирам по очереди, используя отпечатанные формуляры для программирования. Ориентиры появлялись каждые двадцать минут, что давало каждому из них по сорок минут на обработку данных. Макс начал думать, что метод капитана имеет свои преимущества. Доктор Хендрикс работал слишком напряженно... но корабли железные, а люди нет.

У него было много времени, чтобы обработать не только свою информацию, но и поступающую к Саймзу. Информация передавалась устно, и ничто не могло помешать Максy мысленно рассчитывать ориентиры Саймза и проверять то, что он вводит в компьютер. Макс видел, что Саймз не допускал ошибок, хотя, конечно, особого напряжения еще не было.

Они ели сэндвичи и пили кофе, сидя на своих местах, вставая лишь минут на пять время от времени. Капитан Блейн появился на двадцать минут раньше. Он улыбнулся и бодро сказал:

— Все счастливы и расслаблены? Ну, вот мы и близко. У меня как раз есть время на одну чашечку кофе.

Через несколько минут он сел и взял пульт у Саймза. Теперь ориентиры появлялись каждые десять минут, но времени на их обработку было все еще достаточно много. Макс продолжал обрабатывать всю информацию, свою — на бумаге, а остальное — в голове. Он неизменно получал решение до появления следующего ориентира и успевал проверить переводы, которые Ланди вычитывал из книги. В его голове складывалась постоянно меняющаяся картина движения корабля к невидимой цели. Ему казалось, что Саймз слишком осторожничают, а капитан, пожалуй, несколько оптимистичен и беспечен, но пока не настолько, чтобы подвергнуть корабль опасности.

Может быть, он ошибался насчет капитана — казалось, старик все-таки взял себя в руки в решающий момент. Он был рад, что капитан принимал его поправки без вопросов.

Примерно через час сорок пять минут до перехода капитан Блейн сказал:

— Хорошо, парни, мы совсем близко. Теперь подавайте нам ориентиры как можно быстрее.

Смайт и Ковак перешли на высокую скорость. Информация потекла непрерывным потоком. Макс продолжал обрабатывать данные по всем ориентирам, мысленно производя расчеты и сообщая их раньше, чем записывал их на бумагу. Он заметил, что Саймз вспотел, иногда стирает написанное и начинает решение заново. Но цифры, сообщаемые Саймзом, совпадали с расчетами Макса. Капитан Блейн казался спокойным, хотя даже с компьютером отставал от Макса.

Один раз Саймз произнес цифры слишком быстро и невнятно. Ланди быстро попросил:

— Повторите, сэр!

— Черт возьми! Уши чистить надо! — ругнулся Сайм, но повторил. Капитан взглянул на него, затем снова склонился над своими расчетами. Как только компьютер освободился, капитан Блейн назвал свои цифры Ланди. Макс уже мысленно произвел расчет ориентира, взятого капитаном; он смотрел на Саймза, автоматически слушая.

В его голове прозвучал сигнал тревоги:

— Капитан, вы ошиблись!

Капитан остановился:

— Что?

— Программа неверна, сэр.

Капитан, казалось, не разозлился. Он просто передал свои расчеты Саймзу.

— Проверьте меня, сэр.

Саймз быстро взглянул на цифры:

— Все верно, сэр!

Блейн сказал:

— Джоунз, отойдите в сторону. Мы с мистером Саймзом закончим переход.

— Но...

— В сторону, мистер!

Макс вышел из круга, внутри у него все кипело. Проверка Саймзом решения капитана была фиктивной. Саймз не слушал и не помнил, как Макс, входные данные. Капитан поменял местами 8 и 3 в пятой и шестой позиции после запятой в десятичной дроби — и ошибку было трудно заметить. Но Саймз даже не потрудился проверить, с горечью подумал Макс.

Хотя Макс и был выключен из работы, он не мог не обрабатывать информацию в своем мозгу. Следующий ориентир Саймза должен был выявить ошибку капитана. Поправка должна была оказаться слишком большой, Макс знал это: при скорости, близкой к скорости света, корабль сместился на миллион миль меньше, чем за шесть секунд.

Макс увидел, что Саймз заколебался, увидев, как на экране появился следующий ориентир, и Ланди перевел его. Видно было, как он испугался! Поправка должна была вывести корабль чрезвычайно близко к экстремальной скорости. Саймз сделал паузу, затем назвал цифру, более чем на половину меньше той, что ожидал Макс.

Блейн принял ее и принялся за следующий расчет. Когда появился ответ, ошибка, приумноженная временем и огромной скоростью, стала совершенно очевидной. Капитан удивленно взглянул на Саймза, затем быстро произвел поправку. Макс не знал какую, поскольку он сделал ее молча, с помощью пульта, который держал в руках.

Саймз облизал губы.

— Капитан?

— Времени оставалось только на один ориентир, — ответил Блейн. — Я сам возьму его, мистер Саймз.

Информация была переведена к нему, он начал считать. Макс видел, как он стер написанное, затем посмотрел вверх; Макс тоже взглянул в том направлении. На хронометре начался отсчет последних секунд.

— Приготовиться! — скомандовал Блейн.

Макс взглянул наверх. Звезды сгущились в точку, что означало последние секунды перед переходом. Капитан Блейн, должно быть, нажал на второй переключатель; тот, который должен перекинуть корабль через аномалию, пока Макс смотрел на звезды, так как звезды вдруг исчезли и вместо них мгновенно появился новый небесный свод, по виду вполне нормальный.

Капитан откинулся в кресле и взглянул вверх.

— Ну, — сказал он весело, — похоже, нам снова все удалось. — Он встал и направился к люку. — Позвоните мне, когда выведете корабль на заданный маршрут, мистер Саймз, — сказал он, уходя.

Макс снова взглянул наверх, стараясь по картам, которые хорошо запомнил, установить, какая часть нового неба была перед ним. Келли тоже смотрел вверх.

— Да, мы прорвались, — услышал Макс его бормотание, — но куда? Саймз тоже смотрел на небо. Он злобно обернулся:

— Что вы имеете в виду?

— То, что я сказал, — ответил Келли. — Я никогда раньше не видел этого неба.

— Ерунда! Вы просто еще не сориентировались. Всем известно, что небо всегда кажется незнакомым в первые минуты. Достаньте карты этой зоны, и мы быстро найдем наши ориентиры.

— Карты здесь, сэр, — сказал Ногучи.

Потребовалось всего несколько минут, чтобы убедить всех в рубке, и немного дольше, чтобы убедить Саймза в том, что Келли прав. Наконец он затравленно посмотрел вокруг себя. Его лицо было зеленоватым.

— Никому ни слова, — сказал он. — Это приказ... и я разжалую любого, кто проговорится. Келли, заступайте на дежурство.

— Да, сэр.

— Я буду в каюте капитана. — Он отправился вниз сообщить Блейну, что «Асгард» вышел в неизвестном месте и потерял ориентиры.

Глава 14

НЕЗНАКОМЫЕ ЗВЕЗДЫ

Через два часа Макс устало вошел в «беспокойную нору». Только что у него закончился разговор с капитаном Блейном. Капитан был не склонен винить никого, кроме себя, но, казалось, был поражен и ошеломлен. Саймз вел себя ужасно. По его логике виноват был Макс, поскольку сам он не мог допустить ошибку, а капитан уж тем более не мог ошибиться. Поскольку же Макс был отстранен от работы за несколько минут до перехода, то он обвинял Макса в том, что тот якобы запаниковал в решающий момент и тем самым мешал работе; так сказать, толкал под локоть.

При этом немой судьей присутствовал мистер Уолтер. Они говорили о вопросах, выходящих за рамки его профессиональной компетенции; поэтому он внимательно смотрел на их лица, стараясь понять, кто же говорит правду. Макс упрямо держался своей версии.

Келли все еще был на дежурстве. Ковак и Смайт снимали спектрограммы, Ногучи и Ланди были заняты документацией.

— Вас сменить? — спросил он Келли.

На лице Келли отразилось смущение.

— Мне жаль, но вы не можете этого сделать.

— Как?

— Пока вы шли сюда, позвонил мистер Саймз. Он сказал, что вы отстраняетесь от дежурств до особого распоряжения.

— Он так сказал? Ну, что ж, ничего удивительного.

— Он также сказал, чтобы вы не появлялись в кабине управления.

Макс выругался в адрес Саймза и добавил:

— Все было прекрасно до определенного момента. Будьте здоровы...

Он повернулся, чтобы уйти, но Келли остановил его.

— Не спешите, Макс. Он еще не скоро здесь появится. Я хочу знать, что случилось. Сидя за компьютером, я не мог толком следить за происходящим.

Макс рассказал ему, восстановив по памяти все цифры. Наконец Келли кивнул.

— Это сходится с моими данными. Капитан спутал позиции цифр.

А у Саймза не хватило мужества сделать большую поправку, когда подошла его очередь. Но вы не знаете еще об одном. И они тоже не знают... пока не знают.

— Хм? Что?

— Это зафиксировано на приборах в энергоотделении. Гвентер дежурил там во время перехода и сообщил мне по телефону кое-какие данные. Нет, я не сказал ему о том, что случилось. Я лишь запросил запись, а в этом нет ничего необычного. Кстати, на палубах еще не поднялась паника? Пассажиры, наверное, вне себя от страха?

— Когда я шел сюда, все было спокойно.

— Ну, это ненадолго. Шила в мешке не утаишь. Но вернусь к своему рассказу. Дела уже были плохи, но у капитана еще оставался последний шанс. Он ввел чрезвычайно большую поправку, но с противоположным знаком.

Чтобы выругаться, не хватало слов. Макс смог только произнести:

— О, боже!

— Да. А теперь ищи виновных.

— Есть какие-нибудь предположения о том, где мы сейчас находимся?

Келли указал на Ковака и Смайта, сидящих за спектростеллографом.

— Они рыбачат, но клева нет. Кругом яркие звезды типа «В» и «О». Но в каталогах таких нет.

Ногучи держал в руках фотокамеру.

— Что он делает? — спросил Макс.

— Фотографирует записи. Все записи: листы для программирования, данные, поступавшие от картографов, компьютерную пленку — все.

— Какой с этого толк?

— Может быть, и никакой. Но иногда записи теряются. Иногда они даже меняются. Но на этот раз такого не случится. Я собираюсь оставить одну копию для себя.

До Макса только начало доходить значение сказанного Келли, когда Ногучи доложил:

— Готово, босс.

— Хорошо. — Келли обратился к Макс: — Сделайте мне одолжение: положите эти пленки в карман и возьмите их с собой. Я хочу, чтобы их здесь не было. Я потом зайду за ними.

— Ну... хорошо.

Пока Ногучи доставал пленку из камеры, Макс спросил Келли:

— Как вы думаете, сколько потребуется времени, чтобы определить наше местоположение по спектрам?

Лицо Келли болезненно сморщилось.

— Макс, а почему вы думаете, что это вообще возможно?

— Я вас не понимаю...

— Почему там... — он указал рукой вверх, — должно быть что-то из того, что зафиксировано на наших эталонах?

— Вы хотите сказать, — медленно проговорил Макс, — что мы можем находиться в другой галактике? В такой, как, скажем, Туманность Андромеды?

— Может быть. Но это еще не все. Послушайте, Макс, я не физик-теоретик, но, насколько я знаю теорию, если превзойти скорость света, то окажешься в другом космосе, в совсем другом месте. Превышение скорости света не соответствует законам нашего космоса, и вы оказываетесь в другом пространстве. И если вы превзошли скорость света не в точке конгруэнтности Хорста, то никто не знает, где вы окажетесь. Теория на этот счет ничего не говорит, не так ли?

— Я не знаю, — ответил Макс. У него начала болеть голова.

— Я тоже не знаю. Но поскольку мы сделали прорыв не в той точке, мы можем находиться где угодно. Может быть, мы сейчас совсем в другом пространстве-времени, которое совсем не связано с нашим.

Он взглянул на незнакомые звезды.

Макс выбрался из кабины в еще более подавленном настроении. Навстречу ему попался Саймз; астрогатор бросил на него злой взгляд, но ничего не сказал. Придя в свою комнату, Макс положил пленки в ящик стола, затем, подумав, вытащил ящик и спрятал их в зазоре за ящиком.

Макс остался в своей комнате. На душе у него было беспокойно. Он злился из-за того, что его выдворили из рубки управления. Ему очень хотелось самому проверить небо и отыскать по спектрам знакомые звезды. Звезды типа «В» и «О», ну что же... правильно. Но есть и множество других способов. Например, сферические звездные скопления. Их легко обнаружить, а если найти четыре таких скопления, то определить местонахождение корабля так же просто, как прочитать дорожный знак. Необходимо будет лишь уточнить кое-что, но тогда это будет легко сделать, поскольку будет известно, что искать и где. После этого можно будет направить корабль к ближайшей зафиксированной точке конгруэнтности Хорста, независимо от того, потребуется ли на это неделя или целый год. Корабль не может пропасть по-настоящему.

Но что, если они находятся в другой галактике?

От этой мысли мурашки бегали по телу. Если это так, то они никогда не вернутся домой. Вслед за этой мыслью пришла другая: что, если предположение Келли верно и это совсем другая вселенная, другая система пространства-времени? Что тогда? Он прочел много философских фантазий и знал, что теоретически это возможно: Творец создал бесконечное множество вселенных, все они непохожи друг на друга... они могут так же отличаться, как сыр и вторник. Миллионы, миллиарды таких вселенных, плотную прилегающих друг к другу в различных измерениях.

В другой вселенной могут быть другие законы, другая скорость света, другая баллистика, другое течение времени... и если они когда-либо вернутся назад, то, вероятно, на Земле пройдут десятки миллионов лет, и от нее останется лишь пепел!

Но свет над столиком в его комнате горел как обычно, подчиняясь знакомым законам, его стул крепко стоял на полу. Если это и был другой космос, то разницы не было заметно. И если это была другая вселенная, то ничего уже нельзя было поделывать.

В дверь постучали, в комнату вошел Келли. Макс подвинул ему стул, а сам сел на койку.

— Какие-нибудь новости?

— Нет. Я чертовски устал. Снимки у тебя?

Макс выдвинул ящик, пошарил за ним и подал пленки Келли.

— Послушайте, шеф, у меня идея.

— Валяйте.

— Предположим, что мы все-таки в нашей Галактике...

— Конечно, если это не так, то незачем и пытаться!

— Ну да. Допустим, мы находимся во Млечном Пути. Мы можем быстро проанализировать сферические скопления звезд и определить расстояние до центра сферы и расстояние от него. Затем попробуем сличить спектры звезд в данном направлении после того, как решим, какие звезды нам следует отыскать, и вычислим приблизительные расстояния до них. Так мы сможем...

— ...экономить много времени, — устало закончил Келли. — Цыплята курицу не учат. Что, черт возьми, вы думаете, я до сих пор делаю?

— О, извините.

— Извиняться незачем. Наш новый босс даже об этом не подумал. Пока я пытался работать, он только ворчал, придирался и хотел заставить меня сказать, что он был абсолютно прав во всем. Он волнуется только за себя, вместо того чтобы беспокоиться о своем корабле. Тьфу! Кстати, все записи он тут же забрал, якобы затем, чтобы показать капитану. — Келли встал. — Пожалуй, мне лучше пойти.

— Не спешите. Я закажу кофе.

— У меня кофе и так уже из ушей течет. — Келли достал пленки из кармана и взглянул на них. — Я сказал Ногги, чтобы он сделал по две копии. У вас здесь неплохой тайник. Что, если мы оставим одну копию здесь? А то всякое может случиться.

— Келли, неужели вы опасаетесь, что с этими записями может что-то случиться? У нас, похоже, и без того хватает неприятностей.

— Хм-м... Макс, когда-нибудь из вас получится хороший офицер. Но вы наивны. Никогда не мешает подстраховаться. И если возможно, то не следует рисковать. Доктор Хендрикс, упокой, Господь, его душу, тоже так считал. — Келли подождал, пока Макс спрячет одну копию за ящик стола, затем направился к двери. Около нее он остановился.

— Я забыл вам сказать, Макс. Мы сейчас находимся довольно-таки близко к звезде типа «G».

Макс задумался.

— Она нам не известна?

— Конечно нет. Иначе бы я сказал об этом. Я еще не измерил расстояние до нее, но если размеры звезды характерны для типа «G», то мы сможем добраться до нее менее чем за четыре недели на максимальной скорости.

— Да. Спасибо. Но я не понимаю, что нам это даст?

— Не понимаете? Вам не кажется, что неплохо иметь поблизости звезду, похожую на земное солнце, вокруг которой могут быть планеты, пригодные для жизни?

— Ну...

— А мне кажется. В крайнем случае можно будет заняться делом Адама и Евы... если мы задержимся там надолго.

Сказав это, он вышел.

Никто из помощников стюарда не пришел сказать Макс, что пора на обед. Когда он увидел по часам, что обед уже начался, он пошел в салон. Большинство пассажиров уже сидели на своих местах, но некоторые стояли и о чем-то беседовали. В салоне явственно чувствовалось беспокойство. Макс увидел, что капитана нет за его столиком, мистера Уолтера тоже не было. Когда он направился к своему месту, мистер Хорнсби попытался остановить его.

— Извините, сэр, я спешу, — ответил Макс.

— Одну минутку! Я хочу вас спросить...

— Извините. — Макс поспешно подошел к своему столику и сел. Главного инженера Компаньона за столиком не было, но пассажиры были на месте. — Добрый вечер, — сказал Макс и взял ложку, чтобы чем-то занять руки.

Но супа на столе не было. Не было даже булочек и масла, хотя обед должен был начаться уже десять минут назад. Такого никогда не случалось во владениях главного стюарда Дюмона. Да и самого Дюмона не было видно.

Миссис Дейглер положила ладонь на его руку.

— Макс, дорогой, скажите мне, что значат эти глупые слухи?

Макс попытался сохранить на лице невозмутимое выражение.

— Какие слухи, мадам?

— Вы-то должны знать! В конце концов, вы же в отделении астронавтики. Говорят, что капитан завернул не в ту сторону или что-то в этом роде и что мы теперь падаем на звезду.

Макс попытался усмехнуться как можно естественнее.

— Кто вам это сказал? Но кто бы он ни был, наверняка он не может отличить звезду от своего локтя.

— Зачем вы обманываете тетушку Мэгги?

— Я могу вас уверить, что «Асгард» не падает на звезду. — Он повернулся на стуле. — Но, похоже, что на камбуз действительно что-то упало. Обед до сих пор не подан.

Он остался сидеть спиной к столу, пытаясь так избежать дальнейших расспросов. Но из этого ничего не получилось.

— Мистер Джоунз! — услышал он голос мистера Артура.

Он обернулся.

— Да?

— Зачем вводить нас в заблуждение? Мне известно из достоверных источников, что корабль потерялся.

Макс попытался сыграть удивление.

— Я вас не понимаю. По-моему, вот он, наш корабль.

Мистер Артур фыркнул:

— Вы знаете, что я имею в виду! Что-то не получилось во время... как вы это там называете?... перехода. Мы заблудились.

Макс натянул менторскую личину.

— Мистер Артур, уверяю вас, что кораблю не грозит абсолютно никакая опасность. А насчет того, что мы потеряны, я вас также заверяю, что, даже если это так, капитан мне об этом ничего не сказал. Я был в рубке управления во время перехода, и мне показалось, что шкипер остался им доволен. Вы не могли бы сказать мне, кто распространяет такие слухи? Это нешуточное дело. Люди могут поддаться панике.

— Ну... мне сказал один из членов экипажа. Я не знаю его имени.

— Я так и думал. Из своего опыта космических путешествий, — продолжал он, цитируя слова своего дяди, — я знаю: сплетни на корабле — это единственное, что имеет скорость, превышающую скорость света. Им не обязательно иметь под собой какие-либо основания, они все равно распространяются. — Он снова взглянул на стол. — Интересно, что случилось с обедом? Я бы не хотел отправляться на дежурство голодным.

— Значит, с нами все в порядке, Макси? — дрожащим голосом спросила миссис Вебербауэр.

— Да, все в порядке, мадам.

Миссис Дейглер снова наклонилась к нему и прошептала:

— Почему же тогда вы так вспотели, Макс?

Его спасло появление официанта с супом.

— Джим, где Думонт? — тихонько спросил его Макс.

— Готовит обед, — еще более тихо ответил официант.

— А где же шеф-повар?

Официант наклонился к нему и прошептал:

— Френчи в стельку пьян. По-видимому, он не сумел это перенести.

Макс отпустил его. Мистер Артур тут же набросился на Макса:

— Что он вам сказал?

— Я попытался выяснить, что случилось на камбузе, — ответил Макс. — Насколько я понял, шеф-повар сегодня не в состоянии работать. — Он попробовал суп. — Судя по вкусу, можно предположить, что он сварил свои пальцы в этом так называемом супе. Суп отвратительный, не правда ли?

От дальнейших уверток Макса спасло появление помощника капитана. Мистер Уолтер подошел к столику капитана и ударил ложкой о стакан.

— Пожалуйста, внимание! — Он дождался тишины, затем достал из кармана листок бумаги. — Я должен сделать объявление от имени капитана. Те из вас, кто знакомы с теорией астрогации, знают, что космос постоянно меняется из-за движения звезд, и поэтому космические путешествия даже по одному и тому же маршруту никогда не бывают совершенно одинаковыми. Иногда по этой причине бывает необходимо произвести некоторые изменения в маршруте корабля. Именно такое обстоятельство возникло во время нашего путешествия, и «Асгард» достигнет места назначения несколько позже. Мы сожалеем об этом, но не можем изменить законы природы. Мы надеемся, что вы отнесетесь к этому как к незначительному неудобству или даже как к продолжению своего отпуска в дружелюбной и комфортабельной атмосфере нашего корабля. Прошу также не забывать о том, что страховая компания, выдавшая вам полисы на это путешествие, полностью покроет стоимость финансового ущерба или потерь, которые могут последовать из-за опоздания корабля.

Он убрал листок. Макс показалось, что он вовсе и не читал с него.

— Это все, что касается объявления, которое хотел сделать капитан, но я хочу добавить кое-что от себя. Мне стало известно, что кто-то распространяет слухи в связи с незначительным изменением в графике движения корабля. Мне жаль, если кто-то из вас был введен в заблуждение этими слухами, и я заверяю вас, что приму строгие меры, если отыщу трепача. — Он слегка улыбнулся. — Но вы же знаете, как трудно найти источник сплетни. В любом случае, я хочу заверить всех вас, что «Асгарду» не грозит никакая опасность. Эта старая посуда поднялась в космос задолго до того, как мы с вами появились на свет, и она будет служить людям еще долго после того, как мы умрем от старости, благослови, Господь, ее крепкие кости! — Он повернулся и вышел.

Макс слушал его, восхищенно открыв рот. Он сам был родом из местности, где умели и любили «заливать» и «травеж» считался достойным литературным жанром, но ему показалось, что никогда раньше он не слышал, чтобы ложь произносилась с таким неподдельным достоинством и была так умело переплетена с правдой. Уолтер был честен в каждом пункте, но в целом получалось утверждение, что «Асгард» вовсе не заблудился, то есть махровая ложь. Макс повернулся к столу.

— Пожалуйста, кто-нибудь, передайте мне масло.
Мистер Артур поймал его взгляд.
— А вы сказали нам, что ничего не случилось!
Миссис Дейглер перебила его.
— Оставь его в покое, Артур. Макс сказал все, что знал.
Миссис Вебербауэр была удивлена.
— Но мистер Уолтер сказал, что все в порядке.
Дейглер взглянул на нее с сожалением.
— Мы в затруднительном положении, мадам Вебербауэр. Это очевидно.
Но все, что мы можем сделать, — это не паниковать и доверять офицерам корабля. Правильно, Макс?

Глава 15

ЭТО НЕ ПИКНИК

В тот же вечер и на следующий день Макс оставался в своей комнате, не желая объяснять пассажирам, почему его освободили от дежурства. Из-за этого он проспал бунт на корабле. Впервые он услышал о нем, когда к нему в комнату пришел помощник стюарда с синяком под глазом.

— Кто поставил вам фингал, Гарсиа?
— Я точно не знаю, сэр. Это случилось во время заварушки вчера вечером.

— Какой заварушки?
— Разве вы не знаете?
— Впервые слышу. Что случилось?

Гарсиа Лопес посмотрел на потолок.

— Ну... я бы не хотел говорить об этом. Вы знаете, никто не хочет доносить на товарищей.

— Я и не прошу вас доносить. Вам незачем называть имена. Просто расскажите, что случилось...

— Ну, сэр, у некоторых из наших мало мозгов. — Макс узнал от него, что беспокойство среди экипажа было сильнее, чем среди пассажиров, вероятно потому, что члены экипажа яснее представляли себе, в каком положении они находятся. Некоторые из них отведали дешевой водки Джиордано, затем решили лично явиться к капитану и потребовать от него правды. Беспорядки начались, когда полицейский попытался завернуть их обратно на палубе «Си».

— Кто-нибудь пострадал?

— Не то чтобы пострадал... Если только самую малость. Я получил вот это, — он указал на синяк, — из-за того, что был слишком любопытным. Коваку разбили лодыжку.

— Коваку?! Как он там оказался? — Макс не мог представить себе, что кто-то из бригады управления замешан в идиотском бунте.

— Я думаю, он возвращался со смены. Вероятно, он вступился за констебля. А может быть, просто застрял во вращающихся дверях. Зато ваш друг Сэм Андерсон был в самой гуще событий.

«Сэм! — У Макса закололо сердце — Сэм снова в беде!»

— Вы уверены?

— Я же там был.

— Но ведь не он возглавлял этот бунт, правда же?

— О, вы меня неправильно поняли, мистер Джоунз. Наоборот, он все уладил. Я никогда не видал человека, который так ловко орудует руками, как он. Хватает двоих — хлоп! — они бьются друг о друга головами, а он хватает еще двух.

Макс решил выйти из своего убежища и сделать два дела: отыскать Ковака, узнать, как у него дела и не нужно ли чего-нибудь, а затем найти Сэма. Но прежде, чем он успел выйти из комнаты, появился Смайт со списком дежурств. Макс прочитал, что он поставлен на дежурство через смену с Саймзом... и что он должен немедленно приступить к работе. Он отправился в рубку управления, пытаясь догадаться, что же заставило Саймза отступить.

Келли был в рубке. Макс посмотрел вокруг: Саймза там не было.

— Вы дежурите по смене, шеф?

— Только до тех пор, пока все вы меня не смените. Это мое последнее дежурство.

— Как так? Теперь он что, на вас перекинулся?

— Можно и так сказать, но иначе, чем вы думаете, Макс. Он составил список дежурств и поставил себя и меня во главе смены. Но я вежливо заметил ему, что моя гильдия не будет платить мне денег за дополнительную ответственность дежурного по смене.

— О боже! Что же он ответил?

— Что он мог ответить? Он приказал мне в письменной форме, а я в письменной же форме ответил — занес свое возражение в бортовой журнал. Ему пришлось выбирать: либо занести в список вас, либо просить капитана разделить дежурство с ним, либо сменять самого себя в течение нескольких недель. К тому же Ковак слег. Вы слышали об этом?

— Да. Что это было? — Макс взглянул в сторону Ногучи и понизил голос. — Бунт?

Келли сделал круглые глаза.

— Что вы! Насколько мне известно, сэр, Ковак поскользнулся и упал в коридоре.

— Ах, вот как?

— Так записано в бортовом журнале.

— Хм... Ну, я думаю, мне пора вас сменить. Какая есть информация?

Корабль двигался по направлению к ближайшей звезде типа «G», распоряжения были зафиксированы в книге приказов капитана... почерком Саймза, но с подписью капитана Блейна. Макс показалось, что подпись

капитана была неровной, как будто он ставил ее, находясь в состоянии эмоционального стресса. Келли уже вывел корабль на нужный курс.

— Мы уже отказались от попыток определить, где мы находимся? — спросил Макс.

— Нет. Был приказ уделять этому столько времени, сколько позволяет выполнение обычной работы. Но я почти на сто процентов уверен, что вы ничего не найдете. Макс, мы попали в какое-то совершенно неизведанное место.

— Откуда вы это знаете?

— Я чувствую это.

Тем не менее Макс провел всю смену в поисках. Должным образом снятые и измеренные спектрограммы для звезд — то же самое, что отпечатки пальцев для человека: их можно классифицировать и сравнивать с теми, что уже имеются в картотеке, хотя многие из них очень похожи. Макс нашел множество звезд, которые сильно походили на те, что уже были зафиксированы в каталоге, но всегда была незначительная разница, которая позволяла отличить одного близнеца от другого.

За четверть часа до конца смены он прекратил поиск и приготовился к сдаче дежурства. Ожидая Саймза, Макс вспомнил о хитрости, к которой прибегнул Келли, чтобы он смог возобновить дежурства. Славный старик Келли! Макс достаточно хорошо знал Келли, чтобы воздержаться от слов благодарности в его адрес; поблагодарить его — означало бы поставить себя в неловкое положение... но Макс решил не забывать об этом.

Саймз явился в рубку, опоздав на пять минут. Он ничего не сказал, а лишь просмотрел бортовой журнал и сведения о проведенных Максом наблюдениях. Макс подождал несколько минут, все больше и больше злобясь на Саймза. Наконец он спросил:

— Вы готовы сменить меня, сэр?

— Всею свое время. Сперва я хочу посмотреть, что вы на этот раз напутали. — Макс промолчал. Саймз указал в бортовой журнал, где стояла подпись Макса: «М. Джоунз, дежурный офицер смены». — Здесь ошибка. Надо добавить «под инструктажем».

Макс глубоко вздохнул.

— Под чьим инструктажем, сэр?

— Под моим.

Макс лишь мгновение колебался, прежде чем ответить.

— Нет, сэр. Я сделаю это только в том случае, если вы будете находиться здесь во время моего дежурства и контролировать меня.

— Вы не подчиняетесь мне?

— Нет, сэр. Я не сделаю этого, пока вы не занесете свой приказ в бортовой журнал.

Саймз закрыл бортовой журнал и медленно смерил Макса взглядом.

— Мистер, если бы мы не испытывали недостатка в специалистах, вас бы не было на дежурстве. Вы не готовы возглавлять смену... и, по моему мнению, никогда не созреете для этого.

— Если вы так считаете, сэр, то я вернусь к обязанностям картографа. Или помощника стюарда...

— Как раз там вам и место! — голос Саймза сорвался на визг. Ногучи задержался в кабине управления после того, как Ланди его сменил; они оба посмотрели в их сторону, затем отвернулись.

Макс тоже не пытался говорить тихо.

— Очень хорошо, сэр. Вы будете принимать смену? Я сообщу помощнику капитана, что снимаю с себя обязанности, связанные с моим временным назначением, и возвращаюсь к своей настоящей работе.

Макс ожидал взрыва, но Саймз сделал над собой заметное усилие и ответил почти спокойно:

— Послушайте, Джоунз, вы неправильно смотрите на вещи.

Макс подумал про себя: «Что я теряю?», а вслух сказал:

— Это вы, сэр, неправильно смотрите на вещи.

— Да? Почему это?

— Вы насели на меня с того самого момента, как я начал работать в «норе». Вы не утруждали себя инструктажем и придирались ко всему, что я делал. А после моего испытательного назначения вы стали прилагать к этому еще больше усилий. Вы пришли ко мне в комнату и сказали, что вы против моего назначения, что вы не хотели, чтобы я...

— Вы не сможете это доказать!

— А мне это и незачем. Теперь вы говорите, что я не годюсь для дежурства, на которое вы сами же меня поставили. Вы прямо сказали, что никогда не дадите мне рекомендацию для назначения на постоянную должность астрогатора. Поэтому очевидно, что я попусту трачу время. Я вернусь в распоряжение казначея и буду делать у него то, на что годен. А теперь смените меня, сэр.

— Вы не подчиняетесь мне.

— Это не так, сэр. Я говорил с должным почтением и лишь констатировал факты. Я попросил вас сменить меня — мое дежурство закончилось более получаса назад, — для того чтобы доложить помощнику капитана о моем возвращении на прежнюю должность. А это разрешено правилами обеих гильдий, — добавил Макс.

— Я вас не отпущу.

— Этот вопрос решаю я. У вас нет выбора, сэр.

По лицу Саймза было видно, что у него действительно нет выбора. Некоторое время он молчал, затем ответил тихим голосом:

— Забудьте об этом. Я принимаю смену. Вы должны снова заступить на дежурство в восемь часов.

— Не так быстро, сэр. Вы публично заявили, что я недостаточно компетентен для дежурства, поэтому я не могу принять на себя ответственность.

— Черт возьми! Вы пытаетесь меня шантажировать?!

Мысленно Макс согласился, что это именно так, но ответил иначе:

— Я бы не так сказал, сэр. Просто вам придется выбрать что-то одно.

— Хорошо... Я полагаю, вы достаточно компетентны для дежурства такого типа. В общем-то, сейчас здесь нечего делать.

— Очень хорошо, сэр. Прошу вас занести это в журнал.

— Зачем?

— В силу данных обстоятельств, сэр, я настаиваю на строгом соблюдении правил и прошу, чтобы вы занесли это в журнал.

Саймз мысленно выругался, затем схватил ручку и быстро сделал запись. Он развернул журнал, чтобы Макс мог прочесть.

— Вот!

Макс прочел: «Макс Джоунз признан годным для несения дежурств в космосе, исключая аномалии. Подпись: Р. Саймз, астрогатор».

Макс отметил про себя, что эта оговорка позволяет Саймзу и дальше препятствовать его постоянному назначению. Но Саймз не вышел за рамки правил. К тому же, признался себе Макс, он вовсе не хотел покидать «беспокойную нору». Он утешал себя мыслью о том, что, поскольку они затерлись в космосе, рекомендации Саймза не будут иметь никакой силы.

— Я вполне удовлетворен, сэр.

Саймз схватил бортовой журнал.

— А теперь убирайтесь! И смотрите, не опаздывайте!

— Да, сэр. — Макс не смог удержаться, чтобы не сказать последнее слово: — Кстати, сэр, пожалуйста, и вы приходите на смену вовремя, а не как сегодня.

— Что?

— По закону человек не должен работать более четырех часов из восьми, если на то нет чрезвычайной необходимости, о которой сделана запись в бортовом журнале.

— Отправляйтесь из рубки!

Макс вышел, испытывая одновременно и радость, и волнение, хотя никогда не любил ссор: от них ему делалось не по себе. Он вошел в свою каюту и чуть не споткнулся о Сэма.

— Сэм!

— Привет. Что тебя мучает, парень? У тебя такой вид, словно за тобой гнались привидения.

Макс бросился на койку и вздохнул.

— Пожалуй, я чувствую себя именно так. — Он рассказал Сэму о скандале с Саймзом.

Сэм одобрительно кивнул.

— Именно так и надо поступать с таким ничтожеством — оскорблять его до тех пор, пока он сам не начнет извиняться. Если на него почаше наезжать, он начнет ходить перед тобой на цыпочках.

Макс вздохнул.

— Сегодня было здорово, но он обязательно придумает, как отомстить. Ну ладно, бог с ним!

— Вовсе нет, мой друг. Четко выполняй свои обязанности и жди подходящего случая. Если человек глуп и вспыльчив — а Саймз именно такой,

я давно его раскусил, — а ты умен и сдержан, то в конце концов он будет обезоружен. Это закон природы.

— Может быть. — Макс сел. — Сэм, на тебе снова кокарда!

Сэм указал на значок главного полицейского.

— Ты не заметил?

— Не заметил. Расскажи, как это получилось. Помощник решил простить и забыть?

— Не совсем. Ты знаешь об этой небольшой заварушке вчера вечером?

— Ну да. Но, как я понимаю, официально ничего не случилось.

— Правильно. Мистер Уолтер знает, что делает.

— Но что же все-таки случилось? Я слышал, ты там разбил несколько голов.

— Ерунда. Я бил не так уж сильно. Я видел корабли, на которых такая потасовка считалась здоровым упражнением для улучшения пищеварения. Некоторые парни испугались и нализались «огненной воды». Затем двое из них, с большими глотками и маленькими лбами, посчитали, что имеют право поговорить об этом с капитаном. А поскольку они бараны, они и пошли к нему всем стадом. Если бы они натолкнулись на офицера, он мог бы без труда завернуть их обратно. Но моему несчастному предшественнику довелось наскочить на них. Он потребовал, чтобы они разошлись. Они отказались. Боюсь, из него никудышный дипломат. Он закричал: «Эй, вы, бычьи рожи!» Ну, после этого все и началось.

— Но как ты там оказался? Ты пришел, чтобы помочь ему?

— Ну что ты! Я стоял на безопасном удалении, наслаждаясь зрелищем. Но тут я увидел шлепанцы мистера Уолтера, спускающегося по лестнице. Тут я вышел на сцену и сыграл самую яркую роль в потасовке. Макс, чтобы завоевать медаль, необходимо сперва убедиться, что на тебя смотрит генерал, и только потом действовать.

— Я почему-то и не подумал, что ты герой, — усмехнулся Макс.

— Упаси бог! Но это сработало. Мистер Уолтер послал за мной, отчитал меня, сказал мне, что я негодяй, вор и мерзавец... а потом вручил мне мою кокарду, чтобы я поддерживал порядок на нижних палубах. Я посмотрел ему в глаза честным взглядом и сказал, что буду стараться. И вот я здесь.

— Я ужасно рад за тебя, Сэм.

— Спасибо. Затем он посмотрел мне в глаза и сказал, что у него есть основания подозревать, — как будто он не знает! — что где-то на корабле есть самогонный аппарат. Он приказал мне отыскать его и выливать в сортир любое спиртное, какое я найду.

— И как это воспринял мистер Джи?

— Ну, мы с ним разобрали его аппарат и отнесли его по частям на склад, а затем укрыли там его припасы. Я настоятельно попросил его не касаться всего этого, пока корабль не выйдет из кризисного положения, и объяснил, что переломая ему руки, если он смухляет.

Макс усмехнулся.

— Ну, я рад, что ты снова в фаворе. Хорошо, что зашел сказать мне об этом. — Он зевнул. — Извини, Сэм, очень хочу спать.

— Я сейчас исчезну. Но я пришел не для этого. Я хотел спросить...

— О чем?

— Ты в последнее время видел шкипера?

Макс задумался.

— После перехода — нет. А что?

— И никто его не видел. Я думал, что он, может быть, проводит время в «беспокойной норе».

— Нет. Он и на обед в салон не приходит, по крайней мере, когда я там бываю.

— Он ест у себя в каюте. — Сэм встал. — Очень, очень интересно. Хм... Я бы не стал об этом трепаться, Макс.

Саймз был немногословен, когда Макс сменял его. После ссоры они не разговаривали друг с другом. Саймз делал вид, что Макса вообще не существует, и они лишь обменивались уставными фразами при сдаче смены. Капитан больше не приходил в рубку управления. Несколько раз Макс был готов спросить Келли о капитане, но каждый раз его что-то удерживало. Но по кораблю ходили слухи, что капитан болен, что у капитана кома, что Уолтер и корабельный врач освободили его от его обязанностей, что капитан постоянно сидит у себя за столом и пытается разработать новый замечательный способ, чтобы вернуть корабль туда, где он должен быть.

Теперь уже все знали, что корабль заблудился, но время для истерик прошло; пассажиры и экипаж были спокойны, и, казалось, все были согласны с тем, что вывести корабль на орбиту вокруг звезды солнечного типа, к которой они направлялись, — единственное разумное решение. Когда корабль приблизился к звезде, выяснилось, что у нее есть планеты, и хотя никто раньше не встречал звезду типа «G» без планет, все равно было приятно увидеть их на стереопластине.

Необходимо было выбрать между третьей и четвертой планетой. Болометрические данные показали, что температура звезды немного выше 6000 градусов по шкале Кельвина, что соответствовало ее спектру. Это было не намного больше температуры земного солнца; расчет температур на третьей и четвертой планетах показал, что, вероятно, третья планета слишком жаркая, а четвертая слишком холодная. У обеих была атмосфера.

Быстрый автоматический спутник, облетевший обе планеты, решил дело. Болометр показал, что третья планета была слишком горячей и даже четвертая была тропической. У четвертой планеты была луна, которой не было у третьей — еще одно преимущество четвертой, поскольку она дала возможность, путем простых наблюдений за периодом ее обращения, рассчитать массу планеты; а зная массу и определив диаметр планеты с помощью приборов, уже легко было вычислить поверхностную гравитацию, подставив значения в классическую формулу Ньютона. Она составила

93 % земной нормали; маловато, если принять во внимание диаметр планеты — 10000 миль. Спектры абсорбции показали, что атмосфера состоит из кислорода и нескольких инертных газов.

Саймз с помощью Келли вывел корабль на круговую орбиту для детальных наблюдений. Макса, как и следовало ожидать, отстранили от маневров.

Капитан не пришел в рубку даже в этот раз.

Корабль завис на орбите, и люди в рубке и в салоне наблюдали за планетой, которая могла стать их домом. Именно в салоне Элли и удалось поймать Макса. Он почти не видел ее в дни перед переходом, поскольку был слишком занят и слишком уставал от напряженного графика; а после перехода он не хотел, чтобы у него выуживали информацию. Но как только корабль вышел на орбиту и двигатель был отключен, Саймз передал дежурства младшему персоналу и снова приказал Максусу не появляться в рубке.

Макс не мог не залюбоваться незнакомой планетой. Он вошел в салон вместе с другими и стоял позади, задирая голову, когда почувствовал, как его схватили за руку.

— Где вы пропадали?

— Работал.

Он протянул руку и погладил Чипси, а паучок перепрыгнул ему на плечо и начал его обыскивать.

— Хм-м-м! Не работаете же вы все время? Вы знаете, что я за последнюю неделю послала в вашу комнату девять записок?

Макс знал. Он хранил их, но не отвечал ни строчкой.

— Извините, Элли.

— И он говорит «извините». Ну, хорошо, Макс, расскажите мне все о ней. — Она посмотрела на планету. — Как ее называли? Там кто-нибудь живет? Где мы собираемся есть? Когда мы собираемся есть? Макс, разве вас это не волнует?

— Хм... Ее еще никак не называли — мы зовем ее просто «планета» или «номер четыре». Келли хочет назвать ее «Хендрикс». Но Саймз против; мне кажется, он хочет назвать ее своим именем. Капитан, насколько мне известно, еще не давал никаких указаний по посадке.

— Ее надо назвать «Истина» или «Надежда» или как-нибудь в этом духе. Макс, а где капитан? Я уже несколько дней не видела старика.

— Он работает. Совершенно запарился. — Макс подумал о том, что эта отговорка, может быть, недалеко от правды. — Что же касается жизни на этой планете, то до сих пор мы не обнаружили на ней ни городов, ни деревушек. Ничего похожего на цивилизацию.

— Что вы называете цивилизацией? Множество старых грязных городов?

Макс почесал затылок и усмехнулся.

— Вы меня правильно поняли. Но я действительно не представляю себе цивилизацию без городов.

— Почему бы и нет? Города есть у пчел, у муравьев — но их нельзя назвать цивилизованными. Я могу представить себе чудесную цивилизацию, которая сидит на деревьях, поет песни и думает о чем-нибудь красивом.

— Вы хотели бы в такую цивилизацию?

— Нет, я бы там со скуки умерла. Но я могу представить себе такую цивилизацию, правда? Вы не сказали, когда мы приземлимся.

— Я не знаю. Когда они решат, что это безопасно.

— Я бы хотела, чтобы они поспешили. Правда, это заманчиво? Чувствуешь себя Робинзоном Крузо или как швейцарская семья Робинзона — я все время их путаю. Или как первые люди на Венере.

— Они погибли.

— Да, погибли. Но мы не погибнем на... — Она указала рукой на зелено-голубой и облачно-белый шар. — ...На... хм... я хочу назвать ее «Милосердие», потому что она на него похожа.

— Элли, неужели вы не понимаете, что это серьезно? — Он снизил голос, чтобы не испугать остальных. — Это не пикник. Если это место окажется непригодным для жизни, то наши дела очень плохи. — Послушайте, только не повторяйте никому, что я скажу, и не ссылайтесь на меня. Но мне кажется, что вряд ли кто-нибудь из нас сможет вернуться домой.

Она мгновенно посерьезнела, но потом пожала плечами и улыбнулась.

— А мне не страшно. Конечно, я хотела бы вернуться домой... но «Милосердие» хорошо примет нас. Я это знаю.

Макс промолчал.

Глава 16

«ЛЕТ СТО, А ТО И БОЛЬШЕ...»

«Асгард» совершил посадку на Милосердие на следующий день. Название планеты было дано благодаря усилиям Элдрет, которая часто повторяла его в разговорах с экипажем и пассажирами, делая вид, что это официальное название планеты.

Когда было сообщено, что посадка произойдет в полдень по корабельному времени, Макс направился в рубку управления, считая, что его право — находиться там. Саймз бросил на него недовольный взгляд, но ничего не сказал, поскольку в рубке был капитан Блейн.

Макс был поражен его видом. Казалось, после неудачного перехода капитан постарел лет на десять — пятнадцать. На его обычно бодром лице лежал отпечаток усталости. Макс видел раньше такое выражение на мордах лошадей, которые были слишком стары для работы, но продолжали трудиться — голова опущена, глаза печальные, пассивная готовность к любому удару судьбы. Даже щеки его как-то обвисли, будто он не ел

несколько дней или недель. Казалось, его мало волновало то, что происходит вокруг.

За время маневра он произнес только одну фразу. Когда хронометр показал полдень, Саймз, сидевший за пультом, выпрямился и взглянул на шкипера. Блейн поднял голову и хриплым голосом проговорил:

— Совершайте посадку, мистер.

Имперский военный корабль, приземляясь в незнакомом месте, как правило сперва сбрасывает автоматический радарный маяк, а затем совершает посадку, ориентируясь по его лучу. Но «Асгард» был коммерческим лайнером и не был рассчитан на посадку в тех местах, где нет маяков и прочей вспомогательной автоматики. Таким образом, посадка совершалась вслепую на открытой равнине, выбранной по фотографиям. Большая часть планеты была густо покрыта лесом, и выбора почти не было.

Саймз изображал из себя по-деловому собранного пилота: он держал обе руки на пульте управления, пристально глядя на экран, перед ним стояли радарные и оптические сравнительные фотографии места посадки. Черное звездное небо сменилось на пурпурное, а затем на голубое. Посадка была мягкой: при контакте с планетой не было даже толчка — искусственная гравитация поля Хорста полностью предохраняла людей от каких-либо встрясок. Макс понял, что корабль сел, увидев, как Саймз включил силовые лучи для удержания корабля в вертикальном положении.

— Энергоблок, провести обработку и закрепить корабль. Экипажу приступить к посадочным процедурам, первое отделение, — проговорил Саймз в микрофон, затем обратился к капитану: — Посадка совершена, сэр.

Капитан едва слышно ответил:

— Очень хорошо, сэр. — Он встал и пошел к люку, с трудом передвигая ноги. Когда он вышел, Саймз отдал приказ:

— Ланди, примите дежурство. Остальным покинуть рубку.

Макс вышел вместе с Келли. Когда они оказались на палубе «Эй», Макс проворчал:

— Я должен признать, посадка была мастерская.

— Спасибо, — ответил Келли.

Макс посмотрел на него.

— Значит, это вы ее рассчитали?

— Я не говорил этого. Я лишь сказал «спасибо».

— Значит, этот комплимент в ваш адрес, — Макс почувствовал, что его тело вдруг стало немного легче: на корабле включили поле. Теперь посадка была полностью завершена.

Он уже хотел пригласить Келли в свою комнату на традиционную чашечку кофе, но в это время прозвучал приказ: «Всему экипажу! Всем пассажирам! Собраться в салоне палубы «Би» для важного сообщения. Находящимся на дежурстве прослушать сообщение по телефону».

— Что случилось? — спросил Макс.

— Не знаю. Пойдем и посмотрим.

Салон был заполнен людьми. Около столика капитана стоял старший помощник Уолтер, пересчитывая собравшихся взглядом. Макс увидел, как он что-то сказал Беннету, который кивнул и быстро вышел. Окно обозрения было по другую сторону салона. Макс поднялся на цыпочки, пытаясь заглянуть в него, но смог увидеть лишь макушки холмов и голубое небо.

Голоса собравшихся немного поутихли. Макс обернулся и увидел капитана Блейна, он шел через толпу в сопровождении Беннета. Капитан подошел к своему столику и сел, помощник взглянул на него, громко откашлялся и сказал:

— Прошу тишины, господа.

Капитан Блейн медленно встал, неуверенно посмотрел вокруг. Макс увидел, как он распрямил плечи и поднял голову.

— Люди, — проговорил он неожиданно твердым и сильным голосом. — Мои гости и друзья... — продолжил он, но уже дрожащим голосом. В салоне воцарилась мертвая тишина. Макс услышал тяжелое дыхание капитана. Капитан снова взял себя в руки и продолжал: — Я вел вас... я вел вас, куда мог...

Он посмотрел на присутствующих долгим взглядом, его губы дрожали. Казалось, он не мог продолжать. В толпе началось шевеление.

Но он все-таки продолжил, и толпа мгновенно затихла.

— Я должен вам еще кое-что сказать, — начал он, но снова замолчал. Эта пауза была еще томительнее. Когда он заговорил снова, его голос был едва слышен: — Простите меня. Да хранит вас Господь. — Он повернулся и направился к двери.

Беннет быстро проскользнул впереди него. Макс услышал его тихий, но твердый голос:

— Расступитесь, пожалуйста. Дорогу капитану.

Никто ничего не сказал, пока он не вышел, лишь какая-то женщина, стоявшая рядом с Максом, тихонько плакала.

Прозвучал громкий и отчетливый голос мистера Уолтера:

— Не расходитесь! У меня есть дополнительное сообщение. — В отличие от капитана он держался уверенно. — Пришло время определить сложившуюся ситуацию. Как вы видите, эта планета очень похожа на Землю. Необходимо произвести анализ атмосферы и так далее, этим сейчас занимаются корабельный врач и главный инженер. Но, похоже, эта планета подходит для жизни людей, и вероятно, она даже более благодатна в этом отношении, чем Земля.

До сих пор мы не встретили на ней признаков цивилизованной жизни. Для нас это хорошо. Что касается наших ресурсов: на «Асгарде» есть много домашних животных, их необходимо сохранять и разводить. Еще больше у нас полезных растений, как в гидропоническом саду корабля, так и в семенах. У нас есть ограниченный, но достаточный запас инструментов. И самое главное: библиотека корабля содержит в себе достаточно полную информацию о нашей культуре. Важно и то, что мы сами являемся носителями определенных навыков и традиций...

— Мистер Уолтер!

— Да, мистер Хорнсби?

— Вы хотите сказать, что вы нас здесь оставите?

Уолтер холодно посмотрел на него.

— Нет. Никого здесь не «оставят», как вы говорите. Вы можете оставаться на корабле, и к вам будут относиться как к гостю, пока «Асгард» — и вы сами — живы. Или пока «Асгард» не достигнет места, указанного в билете. Если, конечно, он вообще когда-либо его достигнет. Нет, просто сейчас я пытаюсь обсудить с вами то, что давно уже перестало быть тайной: корабль заблудился.

Собравшиеся испуганно зароптали. Они знали об этом, но до настоящего момента не слышали официального подтверждения. Заявление же ответственного офицера прозвучало как приговор.

— Позвольте мне осветить юридический аспект, — продолжил мистер Уолтер. — Пока корабль находился в космосе, вы, пассажиры, должны были подчиняться власти капитана, как гласит закон, а через него вы были подчинены мне и другим офицерам корабля. Теперь мы совершили посадку. Вы можете покинуть корабль... или остаться. Это незапланированная остановка, но если корабль когда-либо покинет планету, вы сможете вернуться на него и снова стать пассажирами. За это я ручаюсь. Но я прямо заявляю, что в настоящий момент у меня нет никакой надежды на то, что мы когда-либо сможем покинуть эту планету; поэтому я и говорил о колонизации. Мы заблудились.

У дверей салона раздался истерический женский визг, прерываемый не связными словами:

— ...домой! Я хочу домой! Отвезите меня...

— Дюмон! Фланнеган! — приказал Уолтер. — Отведите ее к врачу.

Он продолжал говорить, как будто бы ничего не случилось:

— Капитан и экипаж корабля, согласно своим законным обязанностям, окажут всевозможную помощь любому, кто пожелает обосноваться в колонии. Лично я думаю, что...

Его перебил грубый голос:

— Зачем говорить о законе? Здесь нет закона!

Уолтер даже не повысил голоса.

— Есть закон. Пока корабль цел, закон есть, и неважно, сколько световых лет отделяют нас от дома. И хотя я не имею власти над теми из вас, кто пожелает покинуть корабль, я настоятельно рекомендую, как только вы сойдете «на сушу», первым делом организуйте городское собрание, изберите руководителей и создайте конституционное правительство. Иначе вы вряд ли выживете.

— Мистер Уолтер.

— Да, миссис Дейглер?

— Очевидно, сейчас не время для взаимных обвинений...

— Очевидно!

Дейглер изобразила на своем лице улыбку.

— Поэтому я не стану этого делать, хотя и могла бы. Но у меня есть некоторые профессиональные знания об экономике колонизации.

— Хорошо! Мы используем ваши знания.

— Вы дадите мне закончить? Для поддержания колонии без связи с ее базой прежде всего необходимо сделать ее достаточно большой. Статистика показывает, что маленькая колония редко выживает. Это все равно что играть в кости, не имея достаточно денег. Три неудачных броска — и вы банкрот. Но совершенно очевидно, что нас гораздо меньше оптимального минимума. Фактически...

— Это все, чем мы располагаем, миссис Дейглер.

— Я понимаю это. Я не витаю в облаках. Я хочу лишь знать, можем ли мы рассчитывать на экипаж?

— Нет, — ответил мистер Уолтер. — Это невозможно. Корабль не будет оставлен, пока есть люди, которые могут его обслуживать. Всегда есть надежда, какая бы маленькая она ни была, что мы сможем вернуться домой. Возможно, нас отыщет имперский наблюдательный корабль.

— Это не совсем то, о чем я спрашивала. Я уже поняла, что вы не позволите членам экипажа уйти жить в колонию. Но можем ли мы рассчитывать на их помощь? У нас всего шесть женщин, которые, вероятно, смогут продолжить человеческий род. Это значит, что следующее поколение нашей новой расы будет значительно меньше. Такая колония, по статистике, угаснет, если все мы не будем работать по десять часов в сутки весь остаток жизни, только для того, чтобы дать нашим детям немного больше шансов на выживание. Я не возражаю против этого. Но для того, чтобы обеспечить нашим детям эти шансы, необходимы усилия всех. Поможет ли нам экипаж?

— Думаю, что вы вполне можете на это рассчитывать, — тихо ответил мистер Уолтер.

— Хорошо.

Ее перебил маленький мужчина с красным лицом, которого Макс не знал:

— Ничего хорошего! Я подам в суд на компанию. Я подам в суд на каждого офицера корабля в отдельности. Я... — Макс увидел, как к нему подскочил Сэм, и скандалист мгновенно утих.

— Отведите его к врачу, — устало проговорил мистер Уолтер. — Он может подать на нас в суд завтра. Собрание закончено.

Макс направился в свою комнату. Элдрет догнала его.

— Макс! Я хочу поговорить с вами.

— Хорошо. — Он повернулся, собираясь вернуться в салон.

— Нет. Я хочу поговорить с вами наедине. Пойдемте в вашу каюту.

— Хм? Миссис Дюмон будет вне себя, а потом расскажет мистеру Уолтеру.

— Нашли о чем беспокоиться! Эти глупые правила больше не действуют. Разве вы не слышали, что говорил мистер Уолтер?

— Это вы не слышали.

Он твердо взял ее за руку и повел в салон. Они натолкнулись на мистера и миссис Дейглер, которые выходили из дверей.

— Вы заняты, Макс? — спросил мистер Дейглер.

— Да, — ответила за него Элдрет.

— Нет, — возразил Макс.

— Хм... пожалуй, вам надо проголосовать. Я бы хотел задать Максу несколько вопросов. Я не против, если вы пойдете с нами, Элдрет. Простите нам наше вмешательство.

Она пожала плечами.

— Ну, хорошо, может быть, вы с ним справитесь. Я не могу.

Они пошли в каюту Дейглеров, которая была больше и роскошнее, чем комната Макса: там было целых два стула. Женщины уселись на кровать, мужчины на стулья.

— Макс, — сказал Дейглер, — вы производите на меня впечатление человека, который всегда говорит правду. Поэтому я обращаюсь именно к вам, а не к кому-то еще. Может быть, вы сможете мне сказать...

— Я постараюсь.

— Хорошо. Я пытался говорить с мистером Саймзом, но услышал от него только до противного вежливые отговорки. Я не смог поговорить с капитаном, но сегодня убедился, что в этом не было бы никакого смысла. Итак, могли бы вы сказать мне, оставив в стороне математические выкладки, какие у нас шансы вернуться домой? Один из трех? Один из тысячи? Сколько?

— Я не знаю, как ответить на вопрос, поставленный таким образом.

— Ну, тогда скажите, как вы оцениваете ситуацию.

— Скажем, так: хотя мы не знаем, где находимся, но точно знаем, где не находимся. Мы не находимся в радиусе... скажем... ста световых лет от какой-либо исследованной части Галактики.

— Откуда вы это знаете? Ведь невозможно было обследовать всю ту огромную часть космоса, которую мы пересекли за несколько недель.

— Еще бы. Это шар диаметром в тысячу двести триллионов миль. Но нам и не надо было обследовать его полностью.

— То есть?

— Мы проверяли спектры всех самых больших звезд, которые можно здесь увидеть, и не только больших. Ни одной из этих звезд нет в наших каталогах. Некоторые из них настолько крупные, что обязательно были бы занесены в каталог, если бы какой-нибудь корабль оказался в радиусе ста световых лет от них. Поэтому мы абсолютно уверены, что оказались очень-очень далеко от обследованной части вселенной. Я нисколько не драматизирую ситуацию. Мы действительно заблудились.

— Хм... Хорошо, что я не задал этот вопрос в салоне. Есть ли какая-нибудь вероятность, что мы когда-либо определим, где мы находимся?

— О, конечно! У нас есть еще тысяча непроверенных звезд. Келли, наверное, и сейчас снимает спектры.

— Хорошо, тогда какова вероятность, что мы в конце концов найдем, где мы находимся?

— Я думаю, такая вероятность есть. Через год или через два мы сможем это сделать. Если не по отдельным звездам, то по скоплениям звезд. Вы знаете, что протяженность нашей Галактики — около ста тысяч световых лет, а мы можем видеть лишь те звезды, которые находятся достаточно близко к нам. Но сферические скопления звезд видны и на значительном удалении. — Про себя Макс подумал: «Конечно, если мы находимся в нашей Галактике». Он посчитал, что не следует обременять их этим знанием.

Дейглер успокоился и достал сигару.

— Это последняя из моего любимого сорта, но я рискну выкурить ее сейчас. Ну, Мэгги, думаю, что тебе не придется учиться делать мыло из золы. Год или пять лет потерпим, но зато потом сможем вернуться домой.

— Я рада. — Она поправила свой причудливо уложенные волосы нежными ручками с красивым маникюром. — Едва ли я подошла бы для такой работы.

— Но вы меня не поняли!

— Что такое, Макс?

— Я не сказал, что мы сможем вернуться. Я лишь сказал, что мы, возможно, определим, где находимся.

— Какая разница? Найдем и отправимся домой.

— Нет, потому что мы находимся не менее чем за сотню световых лет от исследованного космоса.

— Не понимаю, в чем загвоздка. Этот корабль может пролететь сотню световых лет за долю секунды. Какой был самый длинный прыжок во время этого путешествия? Около пятисот световых лет, не так ли?

— Да, но... — Макс обратился к Элдрет: — Вы же понимаете? Правда?

— Ну, может быть. Это как свернутая косынка. Вы мне объясняли.

— Да. Да. Мистер Дейглер, «Асгард», конечно, может пройти пятьсот световых лет почти моментально, или любое другое расстояние. Но только в рассчитанной и изученной точке конгруэнтности. Но мы не знаем ни одной такой точки, по крайней мере, в радиусе ста световых лет... и не узнаем, даже если выясним, где мы находимся, потому что мы знаем, где мы не находимся. Понимаете? Это значит, что кораблю придется лететь на максимальной скорости лет сто, а то и больше, прежде чем совершить переход.

Мистер Дейглер задумчиво посмотрел на дымящуюся сигару, достал гильотинку и обрезал ее.

— Остальное поберегу. Ну, Мэгги, придется тебе изучить, как делать мыло в домашних условиях. Спасибо, Макс. Мой отец был фермером; думаю, что и я смогу.

— Я помогу вам, сэр, — импульсивно сказал Макс.

— Да, вы же говорили нам, что раньше были фермером, не так ли? Вы должны справиться. — Он посмотрел на Элдрет. — Знаете, что бы я

сделал, если бы был на вашем месте, ребята? Я бы уговорил капитана поженить вас прямо сейчас. Тогда вы были бы готовы к жизни в колонии.

Макс покраснел до ушей и даже не взглянул на Элли.

— Боюсь, что я не могу. Я член экипажа. Я не имею права жить в колонии.

Мистер Дейглер удивленно посмотрел на него.

— Такая верность долгу?! Хорошо, что Элли сможет выбрать из холостых пассажиров.

Элдрет скромно разгладила юбку.

— Конечно, — подтвердила она.

— Пойдем, Мэгги. Вы с нами, Элдрет?

Глава 17

МИЛОСЕРДИЕ

Обустройство селения было основной заботой первой недели. Там был мэр, мистер Дейглер, главная улица «Хендрикс-авеню», даже своя первая свадьба, проведенная мэром в присутствии селян: мистер Артур женился на юной Бекки Вебербауэр. Строился первый дом, он предназначался для молодоженов. Он был сложен из бревен и выглядел очень неаккуратно, поскольку, хотя среди них и были люди, которые видели бревенчатые дома, но никто раньше их не строил.

В новой общине царил дух надежды, мужества и даже некоторой веселости. Новое селение строилось с энтузиазмом, с мыслями о новых перспективах. Все по-прежнему спали и завтракали в корабле, затем забирали обед с собой и усердно трудились, и мужчины, и женщины, в течение короткого дня. Милосердие делало оборот вокруг своей оси за неполные двадцать два часа. Они возвращались с наступлением ночи, ужинали на корабле, и некоторые находили в себе силы потанцевать, прежде чем отправиться спать.

На Милосердии было все то, к чему планету обязывало ее название. Дни стояли благоуханные, ночи — мягкие и красивые, как нигде в Галактике. Вокруг ее звезды (все называли ее Солнцем) вращалось больше комет, чем обычно бывает у таких звезд. Был гигант с широким хвостом от зенита до западного горизонта, ныряющий в солнце. Была и другая, не такая большая, но не менее внушительная, наводящая благоговейный страх на смотрящих. И еще две, украшавшие северное небо кружевом ледяного огня.

Кометам, конечно, сопутствовало не меньшее изобилие метеоров. Каждую ночь шел дождь из падающих звезд, каждый день заканчивался, как День Единения Планет Солнечной Системы — праздничным фейерверком.

Они не встречали опасных животных. Некоторые поселенцы сообщали о том, что видели существ, похожих на кентавров размером с шотландских

пони, но они казались робкими и сразу же убегали. Основной формой жизни были, очевидно, сумчатые млекопитающие различных размеров и форм. Птиц не было — были летающие существа, похожие на медуз величиной в четыре или пять футов, со свисающими усиками. Они парили в воздухе, словно шарики. Похоже, у них была система мускулов, контролирующая их раздутые пузыри, поскольку они могли подниматься вверх и опускаться вниз; не совсем понятным способом они могли двигаться навстречу легкому ветру, а при сильном ветре закреплялись на макушках деревьев или свободно дрейфовали по воздуху, позволяя ветру относить их в сторону.

Они проявляли немалый интерес к деятельности поселенцев, одна их стая постоянно висела над местом работ, они медленно поворачивались, как бы желая увидеть как можно больше. Но они никогда не подлетали близко. Некоторые из поселенцев хотели подстрелить хоть один шар и изучить его, но мэр Дейглер запретил это.

Были еще какие-то животные — хотя никто не мог их как следует разглядеть. Их называли «шпионами», поскольку они мгновенно прятались за камни или за дерево, когда кто-нибудь пытался взглянуть в их сторону. Среди гипотетических «шпионов» и вездесущих шаров колонисты чувствовали, что новые соседи проявляют глубокий, но вполне дружелюбный интерес к их деятельности.

Мэгги Дейглер — теперь ее все называли просто Мэгги — сняла свои драгоценности, надела рабочие брюки, приобретенные на корабельном складе, и подрезала волосы. Ее ногти теперь были короткими и неизменно черными от грязи. Но выглядела она теперь намного моложе и, казалось, была вполне счастлива.

Казалось, все были счастливы за исключением Макса.

Элли избегала его. Он ругал себя и свой проклятый язык три раза в день и четыре раза за ночь. Конечно, Дейглер не должен был об этом заговаривать... но и Макс не следовало открывать рот и возражать. Конечно, он никогда не рассчитывал жениться на Элли, но, черт возьми, может быть, им придется остаться здесь навсегда. Скорее всего, именно так и будет, поправил он себя. Со временем запрет на поселение в колонии для членов экипажа будет снят — и незачем было портить отношения с единственной девушкой, на которой можно было бы жениться.

Астрогатор должен быть холостяком, но фермеру нужна жена. Так здорово, когда кто-то готовит тебе салат из репы и разделяет курицу, пока ты трудишься в поле. Мав редко это делала. Но Элли будет не такой, как Мав. Она крепкая и практичная. Ее надо будет кое-чему научить, и она со всем будет чудесно справляться.

К тому же теперь, когда Макс разглядел ее как следует, она казалась ему самой симпатичной девчонкой из всех, что он когда-либо видел.

Когда мистер и миссис Дюмон по особому разрешению поселились в колонии, Макс начал действовать. Поскольку стюарду и стюардессе нечего делать в корабле без пассажиров, то никто и не возражал против их ухода.

В связи с этим у Макса появилась идея. Он решил поговорить с помощником капитана.

— Стажер Джоунз, сэр, — доложил он.

Уолтер взглянул на него.

— Я бы на вашем месте представился как помощник астрогатора. Так будет точнее. Входите.

— Я хотел бы переговорить с вами, сэр.

— Да? О чем?

— Я бы хотел вернуться к своим прежним обязанностям.

— Хм. Почему вы предпочитаете быть картографом, а не астрогатором? И какая вам сейчас разница?

— Нет, сэр. Я хочу вернуться к своим обязанностям помощника стюарда третьего класса.

Уолтер удивился.

— За этим что-то кроется. Объясните.

Путаясь, Макс рассказал ему о своих взаимоотношениях с Саймзом. Он не хотел сгущать краски, но когда закончил свой рассказ, ему показалось, что его речь была похожа на детский лепет.

— Вы уверены в этом? — спросил Уолтер. — Мистер Саймз ничего не говорил мне о вас.

— Конечно, он ничего не скажет. Но это правда. Вы можете спросить Келли.

Уолтер задумался.

— Мистер Джоунз, я бы не стал придавать этому особого значения. В вашем возрасте личные конфликты кажутся более серьезными, чем они есть на самом деле. Я советую вам забыть об этом и продолжать свою работу. Я поговорю с мистером Саймзом и поинтересуюсь, почему он не допускает вас в рубку управления. Мне странно слышать о таком. Конечно, он не прав.

— Нет, сэр.

— Что?

— Я хочу вернуться в распоряжение стюарда.

— Я вас не понимаю.

— Сэр, я хочу поселиться в колонии. Как главный стюард Дюмон.

— Ну... наконец-то вопрос проясняется. — Уолтер стукнул по столу. — Нет и еще раз нет! Ни при каких обстоятельствах.

— Почему, сэр?

— Пожалуйста, поймите меня. Это не дискриминация. Если бы вы были просто помощником стюарда, я бы рассмотрел вашу просьбу... при определенных обстоятельствах. Но вы астрогатор. Вы знаете, в каком мы положении. Доктор Хендрик скончался. Капитан Блейн... вы сами знаете, в каком он состоянии. Может быть, он придет в себя, но я не могу на это рассчитывать. Мистер Джоунз, пока есть хоть слабая надежда, что этот корабль когда-либо подыметься в космос, пока в нем есть экипаж, ни один астрогатор, ни один картограф, ни один оператор не будет

освобожден от своих обязанностей по какой бы то ни было причине. Вы понимаете это?

— Думаю, что да, сэр.

— Хорошо. Кстати, никому не говорите об этом, но как только колония сможет временно обходиться без нас, я собираюсь вывести корабль на орбиту, чтобы вам, специалистам, можно было продолжать наблюдения. Вы же не можете вести его через атмосферу на должном уровне, не так ли?

— Именно так, сэр. Наши приборы делались для открытого космоса.

— Поэтому вы должны его получить. — Помощник капитана сделал паузу, а затем добавил: — Мистер Джоунз... Макс, могу я поговорить с вами как мужчина с женщиной?

— Конечно, сэр.

— Хм... Макс, конечно, это не мое дело, но примите это как отеческий совет. Если у вас есть возможность жениться — и желание, — то вам для этого не обязательно селиться в колонии. Если мы останемся здесь, то не будет иметь значения, являетесь ли вы членом экипажа или жителем селения. Если же мы покинем эту планету, то ваша жена отправится с вами.

Макс покраснел до ушей. Он ничего не мог ответить.

— Конечно, это гипотетический вопрос. Но это единственное верное решение. — Уолтер встал. — Почему бы вам не взять выходной? Пойти прогуляться или еще что-нибудь? Свежий воздух пойдет вам на пользу. Я переговорю с мистером Саймзом.

Вместо этого Макс отправился на поиски Сэма, но в корабле его не нашел, а узнал, что тот отправился в селение. Макс отправился вслед за ним и проделал полмили до селения.

Прежде чем он дошел до строящегося здания, он увидел, как какая-то фигура отделилась от группы работающих. Вскоре он увидел, что это Элдрет. Она остановилась перед ним.

— Привет, Элли.

— Снова за свое? Избегаете меня? Пожалуйста, объяснитесь.

Такое несправедливое обвинение привело его в замешательство.

— Но... Послушайте, Элли, это вовсе не так. Вы...

— Расскажите это кому-нибудь другому. Вы сейчас похожи на Чипси. Она тоже так говорит, когда ее поймают в конфетнице. Я лишь хотела сказать вам, ленивый донжуан, что вы можете не волноваться. Я в этом сезоне не выйду замуж. Можете продолжать свой лепет.

— Но, Элли...

— Хотите, чтобы я дала письменное обязательство? — Она серьезно посмотрела на Макса, но тут же рассмеялась. — О, Макс, неуклюжая деревенщина, вы возбуждаете во мне материнские чувства. Когда вы расстроены, ваше лицо становится длинным, как у лошади. Забудем об этом.

— Конечно, Элли... Хорошо.

— Мир?

— Мир.

Она вздохнула.

— Я чувствую себя лучше. Не знаю, почему, но я не хочу ссориться с вами. Куда вы идете?

— Никуда. Просто гуляю.

— Отлично. Я пойду с вами. Только секундочку подождите, я захвачу с собой Чипси.

Она обернулась и позвала:

— Мистер Чипс! Чипси!

— Я не вижу ее.

— Сейчас я ее принесу. — Она убежала и быстро вернулась с паучком на плече и со свертком в руке.

— Я захватила обед. Мы можем разделить его.

— Мы не будем гулять так долго. Привет, Чипси, детка.

— Привет, Макс. Конфета?

Он засунул руку в карман и вытащил кусок сахара, который он специально носил в кармане для Чипси уже несколько дней. Паучок с важным видом приняла сахар и сказала:

— Спасибо.

— Нет, мы уйдем надолго, — возразила Элли, — наши видели стадо кентавров по другую сторону хребта. Я хотела бы взглянуть на них, а это довольно-таки далеко.

— Мне кажется, нам не стоит ходить так далеко, — неуверенно проговорил он. — Вас не станут искать?

— Я и так много работала. Видите, какие мозоли? — Она показала ладони. — Я сказала мистеру Хорнсби, что заболела, и теперь ему придется найти другого помощника.

Макс с удовольствием сдлся. Они направились вверх по холму и скоро оказались в роще первобытных хвойных деревьев. Мистер Чипс спрыгнула с плеча Элли и быстро взобралась на дерево. Макс остановился.

— Может, лучше ее поймать?

— Не беспокойтесь. Чипси ни за что не убежит. Ей будет страшно одной. Чипси! Детка! Сюда!

Паучок забралась на ветку, прямо над ними, и сбросила шишку на Макса. Потом она рассмеялась высоким голосом.

— Видите? Она просто хочет играть.

Хребет был высоким, и Макс почувствовал, что дыхание у него уже не такое, как было раньше, когда он жил среди гор. Но навыки ориентирования на местности он еще не утратил. Наконец они взобрались на самый верх. Элли остановилась.

— Наверное, они ушли, — сказала она разочарованно, глядя на долину внизу. — Нет! Посмотрите вон туда. Видите их? Примерно две дюжины черных точек?

— Да.

— Давайте подойдем поближе. Я хочу хорошенько их рассмотреть.

— Думаю, нам не стоит рисковать. Мы довольно-таки далеко отошли от корабля, а я не вооружен.

— Они совсем не агрессивные.

— В этих лесах могут быть еще какие-нибудь животные.

— Но мы и так в лесу, а до сих пор видели только гоблинов. — Так она называла шарообразные существа, два из которых летели вслед за ними от самого селения. Люди уже настолько привыкли к ним, что не уделяли им никакого внимания.

— Элли, нам пора возвращаться.

— Нет.

— Да. Я отвечаю за вас. Вы уже увидели ваших кентавров.

— Макс Джоунз, свободный гражданин, вы можете возвращаться, я же собираюсь рассмотреть этих коровоподобных пони вблизи. — Она начала спускаться.

— Ну... Подождите минутку. Мне надо сориентироваться. — Он посмотрел вокруг, навечно зафиксировал увиденное в своей памяти и пошел вслед за ней. В любом случае он не хотел с ней ссориться, и ему казалось, что время было как раз подходящее для того, чтобы объяснить, почему он возразил тогда мистеру Дейглеру... и, может быть, попытаться заговорить о будущем. Он не будет поднимать вопрос о женитьбе, хотя, может быть, ему удастся коснуться его в абстрактной форме, если он придумает, как это сделать.

Но как заговорить о таком предмете? Нельзя же просто сказать: «Вон летят гоблины, давайте мы с вами поженимся!» Элли остановилась.

— Вон летят гоблины. Похоже, они направляются прямо к стаду. Макс нахмурился.

— Может быть, они хотят им что-то сообщить?

Она рассмеялась.

— Эти? — Затем пристально посмотрела на Макса. — Макси, я наконец-то поняла, почему я так о вас беспокоюсь.

Может быть, она сама заговорит об этом?

— Почему?

— Потому что вы напоминаете мне Путци. У вас такое же озадаченное выражение лица, как и у него.

— Путци? Кто такой Путци?

— Путци — это тот человек, с которым отец отослал меня на Землю, чтобы избавиться от меня... а также причина, по которой я вылетела из трех школ, чтобы вернуться на Эсперу. Только, наверное, отец его тоже куда-нибудь отослал. Отец хитрый. Сюда, Чипси! Не уходи далеко!

Она продолжила.

— Вам понравится Путци. Он очень милый. Прекрати, Чипси.

Макс уже люто ненавидел этого человека.

— Я не хочу огорчать вас, но до Эсперы далеко, — сказал он.

— Я знаю. Но давайте не будем подливать масла в огонь. — Она снова осмотрела его. — Может быть, я оставлю вас про запас, если вы не будете таким вспыльчивым.

Прежде чем он нашелся, что ответить, она продолжила спуск.

Этих существ вполне можно было назвать кентаврами, хотя нижняя часть их тела не была в точности лошадиной, а верхняя лишь отдаленно напоминала гуманоидов. Они не паслись, и трудно было сказать, чем они занимались. Два гоблина зависли над группой кентавров, которые, как казалось, интересовали их не меньше, чем люди. Элли настояла на том, чтобы подойти к самому краю спуска. Ей хотелось рассмотреть все как можно лучше.

Максу показалось, что они похожи на клоунов, выраженных в лошадей. У них были глупые и простые лица и, очевидно, немного места для серого вещества. Они тоже оказались сумчатыми, хотя их мешочки были совсем крохотными. Либо все они были самками, либо у этого вида самцы тоже имели мешочки. Несколько маленьких кентавриков бегали под ногами старших.

Один из детенышей заметил их, рысью подбежал к ним и начал обнюхивать и блять. Вслед за этим от группы отделился самый крупный кентавр и начал наблюдать за малышом.

— Какой миленький! — восхищенно произнесла Элли и, подбежав поближе к нему, опустила на колено. — Иди ко мне, малыш. Иди к маме.

Макс пытался ее остановить.

— Элли! Вернитесь!

Большой кентавр достал из своего мешочка что-то похожее на веревку, раскрутил над головой, словно лассо, и бросил.

— Элли!

Макс бросился к ней. Веревка обвилась вокруг Макса и Элли, и они оказались связанными. Элли завизжала, Макс попытался разорвать веревку, но ему это не удалось.

Вслед за первой вокруг них обвилась вторая веревка, а затем третья.

Мистер Чипс, которая до этого сопровождала Элли, с визгом удрала к деревьям. Там она остановилась и начала пронзительно кричать:

— Макс! Элли! Вернитесь! Пожалуйста, вернитесь!

Глава 18

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Элли не упала в обморок и, казалось, даже не испугалась. После первого произвольного визга ее следующей репликой было:

— Макс, извините. Это я виновата.

Эти слова прозвучали почти в его ухо, так плотно они были привязаны друг к другу этими прилипающими веревками.

— Я постараюсь освободить нас! — ответил Макс и продолжил свои попытки разорвать узлы.

— Не надо, — спокойно сказала она. — От этого они стягиваются еще хуже.

Это было действительно так: чем сильнее он напрягался, стараясь разорвать узлы, тем крепче они их стягивали.

— Не надо, — умоляла Элли, — это бесполезно. Мне больно.

Макс оставил свои попытки.

Самый большой кентавр подсеменил к ним и осмотрел их. Его широкое простое лицо вблизи казалось еще более нелепым, большие карие глаза выражали легкое удивление. Детеныш кентавра приблизился с другой стороны, с любопытством обнюхал их и заблеял высоким голосом. Старший прогудел, как лось, — детеныш испуганно отскочил в сторону, затем присоединился к стаду.

— Не волнуйтесь, — прошептала Элли. — Я думаю, они испугались, что мы причиним вред детенышу. Может быть, они просто осмотрят нас и отпустят.

— Может быть. Но я бы хотел дотянуться до моего ножа.

— Я рада, что вы не можете этого сделать. Здесь нужна дипломатия.

Остальные кентавры столпились вокруг них и начали осматривать незнакомцев, обмениваясь гудением, ржанием и чем-то похожим на кашель и фырканье. Макс прислушался.

— Это язык, — сказал он.

— Конечно. Жаль, что я не изучала его в школе мисс Мимси.

Самый крупный кентавр подошел к ним вплотную; веревки ослабились, но не отпускали их.

— Мне кажется, они собираются развязать нас, — проговорил Макс. — Приготовьтесь бежать.

— Да, босс.

Один из кентавров достал из своего мешочка еще одну веревку. Она упала к его четырем ногам. Затем он обмотал веревку вокруг левой лодыжки Макса. Конец веревки, казалось, слился в петлю, плотно удерживая ногу Макса; то же самое проделали с Элли. Самый большой кентавр похлопал по узлам — и веревки упали вниз и начали извиваться. Он поднял их и засунул к себе в мешочек.

Кентавр, который связал их, обмотал концы привязей вокруг верхней части своего туловища. Обменявшись сигнальными гудками с жожаком, он похлопал по привязям... отчего они растянулись, как жевательная резинка, истончились и стали приблизительно двадцати футов длиной. Макс незаметно передал нож Элли и сказал:

— Попробуйте высвободиться. Если получится, то сразу убегайте. Я их задержу.

— Нет, Макс.

— Да! Элли, перестаньте вредничать! Вы и так уже наломали дров.

— Хорошо, Макс.

Она взяла нож и попыталась перерезать эту странную веревку на своей ноге. Кентавры не пытались ее остановить, а лишь смотрели на нее с тем же выражением мягкого удивления. Казалось, они никогда раньше не видали ножа и не имели понятия о его предназначении. Наконец она прекратила свои попытки.

— Бесполезно, Макс. Это все равно что пытаться разрезать дюропластик.

— Странно. Мой нож острый как бритва. Дайте мне попробовать.

Его усилия также не увенчались успехом. Он был вынужден прекратить свои попытки, поскольку веревка натянулась и потащила его за собой. Прыгая на одной ноге, чтобы не потерять равновесие, он сумел закрыть нож. Группа кентавров отправилась в путь, сперва медленным шагом, а затем вожак издал гудок, и кентавры побежали рысью, как древняя кавалерия.

Элли тут же споткнулась и упала. Макс быстро присел и успел схватиться руками за веревку.

— Эй! Стойте! — кричал он.

Их захватчик остановился и посмотрел на них почти извиняющимся взглядом.

— Послушай, глупый. Мы же не успеваем за вами. Мы не лошади, — сказал Макс, помогая Элли встать на ноги. — Вы не ушиблись, Элли?

— Кажется, нет. — Она заморгала, стараясь остановить набегающие на глаза слезы. — Если бы я могла добраться до этого напичканного сеном олуха, я бы ему так врезала!

— Вы ободрали руку.

— Это не смертельно. Попробуйте сказать ему, чтобы он шел помедленнее. Хорошо?

Увидев, что они встали, монстр тут же снова пустился рысью. И снова они упали. Макс схватился руками за аркан, стараясь остановить кентавра. На этот раз от стада отделился вожак и, подбежав к их поводью, о чем-то с ним переговорил. Макс также пытался жестами объяснить, чтобы они шли помедленнее.

Вероятно, его поняли; их сопровождающий с рыси перешел на быстрый шаг. Остальные кентавры побежали вперед. От стада отделился еще один кентавр и присоединился к арьергарду. Один из живых воздушных шариков, который до этого парил над стадом, также вернулся назад и теперь летел над Максом и Элли.

Макс и Элли едва успевали за кентавром — тот двигался все же слишком быстро. Их путь лежал по открытой плоской долине через густую, высотой по колено траву. Трава была очень кстати, поскольку кентавр, который их вел, по-видимому, считал, что пара падений за несколько сотен ярдов пути говорит об оптимальной скорости их движения. Казалось, кентавр не злился, когда они падали; он всегда останавливался и давал им встать, но затем снова начинал двигаться с прежней прытью. Макс и Элли прекратили разговаривать, в горле у них пересохло. По долине извивался

небольшой ручеек, и кентавр легко перепрыгнул через него. Макс и Элли пришлось идти вброд. В середине ручья Элли остановилась, чтобы попить. Макс возразил:

— Элли! Не пейте, это может быть небезопасно.

— Надеюсь, что я отравлюсь и смогу спокойно лечь и умереть. Макс, я не могу идти дальше.

— Не унывайте, Элли. Мы выпутаемся. Я запоминаю маршрут.

Он поколебался, затем тоже отпил из ручья. Его мучила сильная жажда. Кентавр на некоторое время остановился, позволил им напиться и затем потащил дальше.

Им пришлось проделать путь вверх по холму в лес на другой стороне. Им казалось, что их усталость достигла предела еще до того, как пришлось взбираться на холм, но они ошибались. Кентавр был бодр и проворен, как козел, и, казалось, был удивлен, что им трудно поспевать за ним. Наконец Элли упала и уже не пыталась встать; кентавр подошел к ней и грубо попытался растолкать ее своим копытом.

Макс накинулся на него с кулаками. Но кентавр даже не попытался ответить, а лишь удивленно посмотрел на него своими глупыми глазами. К ним подбежал второй кентавр и переговорил с первым. После этого они ждали минут десять. Макс сел рядом с Элли.

— Вам лучше? — заботливо спросил он.

— Давайте помолчим, — ответила она.

Наконец кентавр-охранник дал знак копытом, и поводырь потянул за привязь. Элли с трудом поднялась. После этого кентавры еще два раза давали им отдыхать. Время тянулось бесконечно долго. Когда местное солнце спустилось к горизонту, они вышли на плоский участок, густо заросший лесом. Они продолжили свой путь через лес. Макс считал шаги и знал, что по этому участку они прошли меньше мили, но от усталости казалось, что там было миль десять. Вскоре они остановились.

Они оказались на небольшой поляне, покрытой опавшими иглами. Их охранник подошел к поводырю, взял у него конец привязи Макса и обмотал ее вокруг дерева. Другой кентавр проделал то же самое с привязью Элли. Он обмотал привязь вокруг другого дерева, стоящего футах в сорока...

Но привязи были достаточно длинными, что позволяло Макс и Элли находиться рядом друг с другом.

Но кентаврам это не понравилось. Один из них оттянул Макса в сторону и привязал веревку к кустарнику за деревом. На этот раз они не смогли подойти друг к другу ближе, чем на шесть футов.

— Что они делают? — спросила Элли.

— Похоже, они не хотят, чтобы мы объединили наши силы.

Проделав все это, кентавры удалились. Элли подождала, пока они уйдут, а затем начала плакать; слезы бежали по ее испачканному лицу, оставляя на нем следы.

— Прекратите, — грубо сказал Макс. — От слез пользы не будет.

— Я ничего не могу с собой поделать, — проговорила она. — Я весь день была храброй, по крайней мере, старалась быть. Я... — Ее голос задрожал, и она больше не сдерживалась.

Макс лег на живот и попробовал дотянуться до нее, но достал только до головы. Он погладил ее по растрепанным волосам.

— Не переживайте, Элли. Плачьте, может быть, вам станет легче.

— О, Макси! Привязана... как собака...

— Мы сейчас что-нибудь попробуем сделать. — Он сел и посмотрел на привязь.

Ее поверхность была гладкой и блестящей, она казалась ему больше похожей на змею, чем на веревку, но часть привязи, обвивавшая его ногу, не имела никаких узлов, она просто плавно огибала его лодыжку и сливалась с остальной частью привязи.

Макс поднял привязь и почувствовал слабое пульсирование. Он погладил ее, как это делали кентавры, и она ответила усилением пульсации, но не сжалась, не сделалась длиннее и не ослабила петлю.

— Элли, — сказал он, — эта штука живая.

Она подняла заплаканное лицо.

— Какая штука?

— Эта веревка.

— А, эта. Конечно.

— По крайней мере, — продолжил он, — если она не живая, то и не мертвая. — Он снова попробовал применить свой нож, но безуспешно. — Готов поспорить, что, если бы у меня была спичка, я мог бы заставить ее закричать. У вас есть зажигалка, Элли?

— Я не курю.

— Я тоже. Может быть, я смогу получить огонь как-нибудь по-другому. Например, с помощью двух деревянных палочек, или еще как-нибудь.

Он продолжал поглаживать и похлопывать живую веревку, она отвечала усилением пульсации, но, видимо, он делал это как-то не так, и привязь по-прежнему крепко удерживала их. Он продолжал свои бесплодные попытки, когда услышал голос:

— Макс! Элли!

Элли резко обернулась.

— Чипси! О, Макс, она шла за нами. Иди ко мне, дорогая!

Паучок сидела на дереве над ним. Опасливо осмотревшись по сторонам, Чипси начала быстро спускаться и за десять футов до земли прыгнула прямо с дерева в руки Элли. Они начали обниматься. Затем Элли посмотрела на Макса; ее глаза повеселели.

— Макс, мне теперь немного лучше.

— Мне тоже, — сказал он. — Хотя я и не знаю, почему.

Паучок произнесла с важным видом:

— Чипси шла следом.

Макс дотянулся и погладил ее.

— Молодец, Чипси. Хорошая девочка!

Элли прижала к себе паучка.

— Теперь я не чувствую себя покинутой, Макс. Может быть, все еще будет хорошо.

— Послушайте, Элли, мы не в таком уж плохом положении. Может быть, я смогу подобрать нужную комбинацию, чтобы расщекотать эти веревки, или этих змей, или кем бы они ни были, и они нас отпустят. Если получится, то мы сегодня же ночью вернемся назад.

— А как мы найдем дорогу?

— Не беспокойтесь. Я запомнил каждый метр пути, каждый поворот и кучу ориентиров.

— Даже в темноте?

— В темноте это еще проще. Я же знаю эти звезды... я их просто обязан знать. Но что, если нам не удастся освободиться от привязей?

— Я бы не очень хотела провести всю свою жизнь на привязи.

— Этого не будет. Послушайте, мне кажется, они взяли нас в плен из-за любопытства. Они нас не съедят — это точно. Вероятно, они питаются травой. Может быть, в конце концов им надоест держать нас и они нас отпустят. Но если они этого не сделают, то сами пожалеют об этом.

— Хм? Почему?

— Потому что, вероятно, сейчас нас разыскивают и мистер Уолтер, и Джордж Дейглер, и Сэм Андерсон, вот почему. Мы всего в десяти милях от корабля — а по прямой линии это всего пять миль. Они нас найдут. И тогда, если эти придурковатые кентавры попробуют сопротивляться, они узнают, что такое современное оружие. Они и их дурацкий вожак, бросающийся веревками!

— Им не удастся быстро найти нас. Никто не знает, куда мы пошли.

— Да, — согласился Макс. — Эх, если бы у меня была карманная рация или был бы еще какой-нибудь способ передать сигнал. Или хотя бы возможность развести костер. Но я ничего не могу.

— Я никогда не думала об опасности. Мне казалось, что это все равно как прогулка по парку.

Макс подумал о том, что он ее предупреждал, но она не послушала его. Еще бы, даже холмы вокруг его дома не были безопасными, если не смотреть в оба... можно было наткнуться на рысь или даже на медведя. Элли за свою жизнь не встречалась с такими опасностями и не научилась осторожности.

Наконец он признал, что и сам не ожидал каких-либо неприятностей от внешне спокойных и глупых кентавров. В любом случае, как бы сказал Сэм, незачем плакать над пролитым молоком, когда лошадь уже украли.

— Элли.

— Что?

— Как вы думаете, Чипси смогла бы найти дорогу назад?

— Я не знаю.

— Если бы она смогла, то можно было бы передать с ней сообщение.

Чипси посмотрела на него.

— Назад? — переспросила она. — Пожалуйста, назад. Пойдемте домой.

Элли нахмурилась.

— Боюсь, что Чипси ничего не сможет объяснить. Она начнет заикаться от волнения и вообще ничего не скажет.

— Я вовсе не это имею в виду. Я знаю, что Чипси не гигант мысли. Я...

— Чипси сообразительная!

— Конечно. Но я хочу отослать записку и карту. — Он порылся в кармане и достал авторучку. — У вас есть кусочек бумаги?

— Сейчас посмотрю. — Она нашла свернутую бумагу в кармане брюк. — О боже! Я должна была отнести это мистеру Джордано. Мистер Хорнсби будет зол на меня.

— Что это?

— Запрос на трехмиллиметровую проволоку.

— Сейчас это не имеет значения.

Он взял листок и начал рисовать карту, время от времени останавливаясь, чтобы вспомнить расстояния, положение местного солнца, ориентиры и другие детали.

— Макс?

— Пожалуйста, не отвлекайте. — Он продолжал чертить, затем написал: «Срочно — помощнику капитана Уолтеру; Элдрет Коубен и я захвачены кентаврами. Будьте осторожны. Опасайтесь веревок, которые они бросают. С уважением М. Джоунз». Он передал листок Элли. — Можно это как-нибудь закрепить на ней? Я не хочу, чтобы Чипси потеряла записку.

— Хм... дайте подумать. Отвернитесь, Макс.

— Зачем?

— Не задавайте вопросов. Отвернитесь.

Он отвернулся, и вскоре она сказала:

— Все. — Он обернулся, и она подала ему ленту. — Подойдет?

— Еще бы!

Им удалось привязать ленту с запиской к одной из средних лапок... хотя это было нелегко сделать. Паучку казалось, что с нею играют, к тому же ей было щекотно.

— Ну же, Чипси. Перестань дергаться. Послушай меня. Элли хочет, чтобы ты шла домой.

— Домой?

— Да, домой. Возвращайся на корабль.

— Элли идет домой?

— Элли не может идти домой.

— Нет.

— Ну, дорогая, ты должна.

— Нет.

— Послушай, Чипси. Ты найдешь Мэгги и передашь ей, что Элли велела дать тебе конфету. А ты дашь Мэгги вот это. — Она указала на привязанную записку.

— Конфету?

— Иди домой. Найди Мэгги. Мэгги даст тебе конфету.

— Элли, пойдем домой.

— Быстрее, Чипси, — обеспокоенно проговорил Макс. — Сюда кто-то идет.

Элдрет подняла голову и увидела кентавра, идущего между деревьев. Она указала на него.

— Смотри, Чипси! Они идут! Они схватят Чипси! Отправляйся домой! Бегом!

Паучок издала испуганный визг и взобралась на дерево. Оказавшись на ветке, она оглянулась и захныкала.

— Домой! — закричала Элли. — Найди Мэгги!

Мистер Чипс бросила взгляд на кентавра, затем исчезла. Кентавр подошел к ним, посмотрел и пошел дальше; за ним появился еще один кентавр, который и привлек их внимание. Элли чуть не завизжала.

— Макс! Они всех взяли в плен?!

— Нет, — возразил он. — Посмотрите получше.

В сгущающихся сумерках казалось, что вся корабельная компания в колонне по одному бежит вслед за кентавром, их ноги были связаны живой веревкой. Но такое впечатление возникало только с первого взгляда. Те, кто бежал за кентавром, были гуманоидами, но такие деграданты никогда не путешествовали среди звезд.

Они следовали за кентавром, как хорошо выдрессированные животные. Некоторые из них, проходя мимо, бросали взгляд на Макса и Элли, но выражение их лиц было тупым и незаинтересованным. Маленькие дети не были привязаны к веревке, но они бежали рядом со своими матерями. Макс был особенно поражен, когда увидел маленькое сморщенное лицо, выглядывающее из мешочка, — эти человекоподобные существа тоже были сумчатыми.

Макс еле сдержал порыв броситься к ним. Когда они прошли, он обернулся к Элли.

— Ну и ну!

— Макс, — спросила Элли, — вам не кажется, что мы умерли и попали в преисподнюю?

— Не говорите глупостей.

— Мне действительно так кажется. Все это очень похоже на Дантов ад. Макса тошнило, и он был в дурном расположении духа.

— Послушайте, вы можете считать, что вы умерли. Что касается меня, то я жив и умирать не собираюсь. Эти существа не люди.

— Почему? Они люди: мужчины, женщины и дети.

— Нет. То, что они имеют такое же тело, как у людей, еще не значит, что они люди. Быть человеком — это совсем другое.

Он нахмурился.

— Может быть, кентавры — люди.

— О, нет...

— Почему вы так уверены? Кажется, они здесь всем заправляют.

Их спор прервало появление еще одного кентавра. Было темно, и они заместили его, только когда он вышел на поляну. За ним следовали (Макс решил называть их «людьми», хотя ему это было неприятно) три человека. Они были на привязи. Все трое несли груз. Кентавр что-то им сказал, и они остановились.

Один из них поставил между Максом и Элли чашу, наполненную водой. Это было первое изделие, увиденное человеком на этой планете, и оно не говорило о высоком уровне ремесленной культуры: чаша была сработана грубо и было очевидно, что ее не ставили на гончарный круг, но вода в ней держалась, и это было ее единственным достоинством. Второй носильщик высыпал пригоршню маленьких фруктов рядом с чашей. Два фрукта упали в воду, но он не стал их доставать.

Макс не сразу разобрал, что нес третий раб. Казалось, что к его рукам привязаны какие-то предметы, похожие на яйца, но присмотревшись внимательно, он увидел, что это были маленькие животные, которые он нес за хвосты. Он обошел поляну, развешивая их на нижних ветках деревьев. Когда он закончил, вокруг них висели шесть маленьких существ. Кентавр шел вслед за рабом, и Макс видел, как он поглаживал этих животных и надавливал какую-то точку на их шеях, после чего их тела начинали светиться, как светлячки, мягким серебристым светом.

Опушка теперь была освещена достаточно ярко, чтобы прочесть крупный шрифт. Один из гоблинов тихо спустился между деревьев и сел на ветку футах в тридцати над ними; похоже, он собирался провести там всю ночь.

Кентавр подошел к Максy и толкнул его копытом, вопросительно фыркая. Макс внимательно слушал, затем повторил звук. Кентавр ответил, и Макс снова скопировал звук. Этот бесполезный обмен фразами продолжался около минуты, затем кентавр сдался и ушел; его свита последовала за ним.

Элли дрожала.

— Фу! — воскликнула она. — Я рада, что они ушли. Я могу терпеть вид этих кентавров, хотя они очень неприятные, но эти люди... фу!

Макс разделял ее отвращение; вблизи они были меньше похожи на людей; линия волос у них начиналась там, где должны быть брови. Головы у них были такими плоскими, что уши торчали над черепом. Но не это произвело самое сильное впечатление на Макса. Когда кентавр начал говорить с ним, Максy удалось заглянуть ему в рот. Его зубы вовсе не были предназначены для пережевывания зерна, они больше напоминали зубы тигра или акулы.

Он решил не говорить об этом Элли.

— Послушайте, по-моему, это был вожак стада, он-то нас и поймал.

— Как их отличить? Они все так похожи.

— Вовсе нет, они не похожи друг на друга, как не бывают похожи две лошади.

— Все лошади похожи друг на друга.

— Но... — Он замолчал, ошарашенный этой городской точкой зрения. — Мне кажется, это был тот самый кентавр.

— Какое это имеет значение?

— Возможно, имеет. Я пытаюсь выучить их язык.

— Я слышала, как вы глотали свои слюны. Как вам это удастся?

— Просто надо запомнить звук, а затем воспроизвести его. — Он откинул голову назад и издал очень жалобный звук.

— Что это?

— У меня когда-то был щенок по имени Абнер. Он так выд, когда застрелял в заборе.

— Очень печальный звук.

— Да, но я помог ему выбраться. Элли, мне кажется, они позаботились о нашем ужине перед сном. — Он указал на чашу и фрукты. — Кормят нас, как свиней.

— Зачем так говорить? Это местное гостиничное обслуживание. Комната и прислуга. И даже освещение. Десерт и напитки. — Она взяла один плод. По размеру и форме он был похож на огурец. — Как вы думаете, это съедобно?

— Думаю, что вам не следует пробовать, Элли, будет лучше, если мы не будем ни есть, ни пить, пока нас не спасут.

— Ну, вероятно, мы сможем обойтись без еды, но как быть без воды? Через пару дней мы умрем от жажды.

— Но, может быть, нас выручат еще до наступления утра.

— Может быть. — Она очистила фрукт. — Пахнет вкусно, почти как банан.

Он тоже очистил плод и понюхал его.

— Больше похоже на папайю.

— Ну и?..

— Хм... Послушайте, сделаем так: я съем один плод, и если мне через полчаса не станет плохо, то вы тоже попробуете.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой господин. — Она откусила от плода, который держала в руке. — Ешьте осторожнее, там зернышки.

— Элли, вы несовершеннолетний преступник.

Она сморщила нос и улыбнулась.

— Мне так приятно это слышать! Я постараюсь оставаться такой по-дольше.

Макс тоже откусил от своего фрукта. Он оказался довольно-таки приятным на вкус — конечно, не таким вкусным, как папайя, но весьма неплохим. Через несколько минут он сказал:

— Может быть, нам стоит оставить немного на завтрак?

— Хорошо. Я уже сыта. — Элли наклонилась и отпила из чаши. Без слов они оба решили, что после такой сытной пищи им следует рискнуть и попить. — Ну, теперь я чувствую себя лучше. По крайней мере, будем умирать с комфортом. Макс, как вы думаете, нам можно поспать? Я смертельно устала.

— Я думаю, что они оставили нас на ночь и больше не придут до утра. Вы поспите, а я покараулю.

— Нет, это несправедливо. Да и какая польза? Мы все равно не сможем убежать.

— Хорошо... вот, возьмите мой нож. Вы можете спать, держа его в руке.

— Хорошо. — Она потянулась через чашу и взяла нож. — Спокойной ночи, Макс. Я начинаю считать овец.

— Спокойной ночи.

Он потянулся, перевернулся на другой бок, убрал шишку из-под ребер и попытался расслабиться. Усталость и сытый желудок помогли ему в этом, но сознание их положения мешало... да еще этот гoblin, висящий на ветке. Может быть, он караульный? Наверное, он служит кентаврам.

— Макс, вы спите?

— Нет, Элли.

— Возьмите меня за руку. Мне страшно.

— Я не могу дотянуться.

— Сможете. Перевернитесь на другую сторону.

Он перевернулся и действительно смог дотянуться до ее руки.

— Спасибо, Макс. Спокойной ночи еще раз.

Он лежал на спине и смотрел вверх между деревьев. Несмотря на полусвет, излучаемый люминесцентными животными, он мог видеть звезды и множество метеоров, вдоль и поперек пересекающих небо. Чтобы ни о чем не думать, он начал пересчитывать их. Вскоре они начали расплываться, мигать, и он уснул.

Макса разбудил свет местного солнца, пробивающийся через ветви деревьев. Он приподнял голову.

— Мне было интересно узнать, как долго вы будете спать, — заявила Элдрет. — Посмотрите, кто здесь.

Макс, морщась, сел и оглянулся. На коленях у Элли сидела Мистер Чипси и чистила местный фрукт.

— Привет, Макс.

— Привет, Чипси. — Он увидел, что записка по-прежнему привязана к ней. — Плохая девчонка!

Мистер Чипси повернулась к Элли, как бы прося у нее защиты. На глазах у Чипси появились слезы.

— Нет, нет, — возразила Элли. — Хорошая девочка. Она побежит разыскивать Мэгги, как только позавтракает. Правда, дорогая?

— Пойду искать Мэгги, — подтвердила паучок.

— Не вините ее, Макс. Паучки не могут путешествовать ночью. Она лишь подождала, когда мы уснем, затем вернулась. Она ничего не могла поделать. Когда я проснулась, она спала у меня на руках.

Паучок закончила завтрак, затем аккуратно отпила из чаши. Макс решил, что в этом нет ничего страшного, если принять во внимание тех, кто, вероятно, пил из нее до этого. Но он быстро подавил эту мысль.

— Найти Мэгги, — произнесла Мистер Чипс.

— Да, дорогая. Отправляйся как можно быстрее на корабль и найди Мэгги. Беги.

— Найти Мэгги. Бегом. Пока, Макси. — Паучок быстро скрылась в правильном направлении.

— Вы думаете, она доберется? — спросил Макс.

— Думаю, что да. В конце концов, ее предки всегда находили дорогу через леса. Она знает, что это важно для нас: мы с ней долго говорили.

— Вы действительно думаете, что она все понимает?

— По крайней мере она знает, как сделать мне приятное, и этого достаточно. Макс, вы думаете, они смогут добраться до нас сегодня? Я не хотела бы провести здесь еще одну ночь.

— Я бы тоже не хотел. Если Чипси может двигаться быстрее нас...

— О, конечно, может.

— Тогда может быть... если они сразу же выступят.

— О, я надеюсь на это. Вы готовы позавтракать?

— Чипси что-нибудь оставила?

— По три на каждого. Свои я уже съела. Вот.

— Вы бессовестно врете. Когда мы ложились спать, их было всего пять. — Она робко посмотрела на него и позволила поделиться с собой. Пока они ели, Макс заметил перемену. — Эй, а где эти светлячки-переростки?

— На восходе сюда приходило одно из этих ужасных существ и собрало их. Я чуть не завизжала, но он не подошел ко мне близко, поэтому я вас не разбудила.

— Спасибо. Я вижу, наш караульный все еще с нами. — Гоблин все еще висел на ветке.

— Да, и сегодня утром здесь повсюду шныряли эти существа... «шпионы».

— Вы смогли их рассмотреть?

— Конечно нет. — Она встала, потянулась и сморщилась. — Посмотрим, какие удивительные сюрпризы уготовит нам этот чудесный день. — Она поморщилась. — Конечно, я бы предпочла остаться здесь и ни с кем не встречаться, пока сюда не придет Джордж Дейглер с десятком вооруженных людей. Я бы его расцеловала. Я бы расцеловала их всех.

— Я бы тоже.

До полудня все шло так, как хотела Элдрет: ничего не происходило. Время от времени они слышали гудение и фыркание кентавров, но не видели их. Разговаривали они отрывочно, и надежда, и страх их покинули, и

они просто дремали на солнце. Но из этого состояния их вывело неожиданное появление кентавра.

Макс был уверен, что это был вожак стада, по крайней мере тот, что приносил еду и воду. Кентавр не терял времени. Тычками и пинками он дал им понять, что они должны идти с ним.

Он отвязал живые веревки от деревьев, но ни разу не выпустил привязь из рук. Макс хотел напасть на кентавра, оседлать его и перерезать горло. Но едва ли он смог сделать это достаточно тихо; кентавру было достаточно один раз фыркнуть, и все стадо накинлось бы на них. К тому же даже если бы он и убил кентавра, он не знал, как освободиться от привязи. Оставалось ждать — тем более что за помощью уже послали.

Их повели по дороге, по которой ночью прошли рабы. Макс и Элли время от времени спотыкались и падали, но кентавр тащил их вперед, не давая передохнуть. Они увидели, что их ведут в большое селение кентавров. Тропинка перешла в извилистую, плотно утопанную дорогу, по которой во всех направлениях ходили кентавры. От дороги ответвлялись «перелуки». Зданий там не было, не было и каких-либо других внешних признаков цивилизации, но во всем чувствовалась хорошая организация, порядок и стабильность. Иногда на дорогу выбегали маленькие кентавры и путались под ногами. Старший кентавр издавал трубный звук, и они послушно освобождали путь. По обеим сторонам дороги велась различного рода деятельность. Гротескные человекообразные рабы, которых было не меньше, чем кентавров, переносили грузы, делали какую-то непонятную работу. Некоторые из них были на привязи, другим позволялось ходить без нее. Макс и Элли не могли как следует разглядеть все — им приходилось поспевать за кентавром.

На своей стороне дороги Макс заметил группу работающих, которых он хотел бы разглядеть получше. Он не сказал о них Элли, не только потому, что говорить было трудно, он не хотел волновать ее... поскольку то, что он увидел, было похоже на открытый мясной цех. Туши, висящие там, не были тушами кентавров.

Наконец, они остановились на очень большой поляне, на которой было много кентавров. Их хозяин похлопал по «веревкам», и они укоротились, Макс и Элли пришлось подойти поближе к кентавру и стать по обеим сторонам от него. Затем он занял свое место в очереди себе подобных.

Большой седоволосый и, по-видимому, пожилой кентавр вел прием на этой большой «площади». Он стоял с важным видом, в то время как кентавры по отдельности и группами по очереди подходили к нему. Макс наблюдал за этим с таким интересом, что почти забыл про страх. В каждом случае они что-то долго обсуждали, после чего вождь произносил какую-нибудь фразу, и аудиенция заканчивалась. Ее участники молча уходили. Было очевидно, что здесь отправляется правосудие, либо какой-то обряд, в котором главным лицом и арбитром является большой кентавр. На «площади» не было человекообразных существ, но под ногами шныряли какие-то странные животные, похожие на приплюснутых свиней. Их ноги

были такими короткими, что были больше похожи на тракторные гусеницы. Большую часть их тел составляли рты и зубы, и они, фыркая, пожирали на своем пути все, кроме копыт кентавров. Наблюдая за ними, Макс понял, как такая густонаселенная зона поддерживается в чистоте и порядке: эти животные выполняли роль уборщиков мусора.

Постепенно они продвинулись к передней части очереди. Последним перед ними стоял кентавр, который, казалось, был нездоров. Он был старым и тощим, его кожа была сморщенной, кости выпирали. На одном его глазу было бельмо, второй глаз был воспален, из него тек густой гной.

Судья, мэр или вожак стада обсудил что-то с двумя молодыми и здоровыми кентаврами, которые сопровождали старика. Затем главный кентавр сошел со своего почетного места, обошел больного, осматривая его со всех сторон и что-то сказал ему.

Старый больной кентавр тихо ответил что-то односложным фырканием. Главный кентавр снова обратился к нему и получил, как показалось Макс, тот же ответ. Вождь вернулся на свое место и издал какое-то странное ржание.

Со всех сторон сбежались приземистые «уборщики». Они, сопя и хрюкая, стали кольцом вокруг больного и его сопровождающих. Их было несколько десятков. Вождь издал гудок; один из сопровождающих достал из своего мешочка существо, завязанное в узел, погладил его, и оно развязалось. Макс, это существо показалось неприятно похожим на угря.

Сопровождающий направил его на больного кентавра. Тот не сделал никакого движения, чтобы остановить его, он лишь стоял и ждал, наблюдая за ним своим зрячим глазом. Конец «угря» коснулся шеи больного кентавра; тот дернулся в характерной для электрошока конвульсии и упал.

Главный кентавр фыркнул, и «уборщики» с удивительной скоростью накинулись на тело, полностью покрыв его. Когда они, хрюкая, начали разбегаться, на том месте, где стоял кентавр, не осталось даже костей.

— Спокойно, Элли! — шепнул Макс. — Возьмите себя в руки, девочка.

— Со мной все в порядке, — ответила она едва слышно.

Глава 19

ДРУГ В БЕДЕ

В первый раз за все это время с них сняли привязь. Их «хозяин» пощекотал «веревки», и они спали с ног. Макс тихонько сказал Элли:

— Если вы хотите убежать, то я постараюсь задержать их.

— Бесполезно. Они догонят меня, прежде чем я успею пробежать пятьдесят футов. К тому же я не смогу найти дорогу назад.

Макс замолчал. Он знал, что она права, но чувствовал себя обязанным предложить. Главный кентавр осмотрел их с характерным выражением

легкого удивления на лице, затем обменялся парой фраз с их «хозяином». Казалось, они обсудили какой-то вопрос. Макс достал нож. У него не было никакого плана, но он был полон решимости не подпустить к себе и к Элли ни того, у которого было существо, поражающее электротоком, ни какого-либо другого без боя.

Критический момент прошел. Их «хозяин» обмотал привязь вокруг их ног и утащил их оттуда. Через четверть часа они снова оказались на поляне, где раньше ночевали. Когда кентавр ушел, Элли посмотрела вокруг себя и вздохнула:

— Если бы всегда все было так невинно... Макс, я так рада, что нас вернули сюда.

— Я тоже.

Монотонное времяпрепровождение, следовавшее за этим, разнообразилось только увядающей надеждой и все возрастающим отчаянием. Нельзя сказать, что к ним относились недружелюбно, но на них смотрели просто как на домашних животных: кормили, поили и большей частью не обращали на них никакого внимания. Один раз в день им приносили воду и множество местной папайи. После первой ночи им больше не предоставляли «искусственное освещение», и гоблин больше не наблюдал за ними. Но убежать было невозможно, если, конечно, не отгрызть ногу.

Два-три дня они обсуждали возможность спасения с возрастающей тревогой, но затем, заездив эту тему до последнего, они оставили ее. Она лишь усугубляла их уныние. Теперь Элли редко улыбалась и перестала отвечать на реплики Макса своими колкостями. Казалось, до ее сознания наконец дошло, что такое может случиться и с Элдрет Коубен, единственной дочерью богатого и почти всемогущего сэра правителя Коубена — теперь она стала собственностью, скотиной, принадлежащей чудовищам, которым самим место в зоопарке.

Макс относился ко всему философски. У него никогда не было многого, и он не ожидал от жизни ничего особенного... хотя такое положение и не нравилось ему. Он держал про себя свой самый страшный секрет. Элли сравнивала их положение с положением «животных в зоопарке», потому что большинство их посетителей составляли маленькие кентавры, которые, сопя и блея, ходили вокруг и осматривали их с любопытством, которого, похоже, не было у их старших. Он не возражал против ее сравнения, так как считал, что их положение еще хуже: ему казалось, что их откармливают на убой.

После недели плена Элдрет отказалась от еды и молчала все утро. Макс не знал, как ее утешить. Отчаявшись, он сказал:

— Держу пари, я обыграю вас в трехмерные шахматы и заловлю флагмана.

Элли словно проснулась.

— Это вы-то? — презрительно проговорила она. — И на чем вы собираетесь играть?

— Мы могли бы сыграть вслепую.
— Не получится. Вы будете утверждать, что ваша память лучше моей, а я не смогу проверить, говорите вы правду или обманываете.
— Мерзкая девчонка!
Она вдруг улыбнулась.
— Так-то лучше. Вы были слишком обходительны со мной в последнее время. А это меня угнетало. Макс, а ведь мы можем соорудить доску.

— Как?
— Вот как. — Она подняла одну из множества шишек, валяющихся на поляне. — Большая — это флагманский корабль. Мы можем подобрать шишки разных размеров и сделать на них различные пометки.

Они оба заинтересовались. Чаша с водой была отодвинута в сторону, чтобы не занимала место между ними; «ничейная земля» была очищена от игл и размечена как шахматная доска. Две доски находились рядом, под прямым углом друг к другу их можно было поставить лишь мысленно; но это было типичной уловкой игроков с хорошей зрительной памятью, когда они использовали для игры обыкновенные доски и хотели сэкономить время на передвижении фигур.

Маленькие камушки стали роботами, кусочки материи служили для обозначения цвета фигур. Во второй половине дня все было готово. Они еще не доиграли первую партию, когда темнота заставила их прекратить игру. Когда они ложились спать, Макс сказал:

— Сегодня мне лучше не держать вас за руку. Иначе в темноте я собою фигуры.

— Я не засну, если вы не возьмете меня за руку. Мне будет страшно. К тому же эта горилла сбила все фигуры, когда меняла воду.

— Ничего страшного. Я помню расположение фигур.

— Значит, вы вспомните их расположение и утром. Давайте сюда вашу руку.

В темноте он нашупал ее пальцы.

— Спокойной ночи, Макс. Спите крепко.

— Спокойной ночи, Элли.

С тех пор они играли с восхода до заката. Однажды пришел их «хозяин» и наблюдал за ними в течение часа, затем ушел, ничего не фыркнув. Один раз, когда Элли свела игру вничью, Макс сказал:

— Знаете, Элли, вы играете очень хорошо... для девушки.

— Спасибо преогромное.

— Я серьезно. Я думаю, что девушки, вероятно, такие же разумные, как и мужчины, но большинство из них почему-то не показывают это в своих поступках. Наверное, потому, что им этого не требуется. Конечно, если у них не очень красивая внешность, то — ну, взять вас, например. Если бы вы...

— Ого! Значит, я, уродина, мистер Джоунз?

— Минутку, я этого не сказал. Предположим, что вы самая красивая девушка после троянской Елены Прекрасной. В этом случае... —

Он увидел, что она отвернулась от него, обхватила колени и уже не обращает на него никакого внимания.

Он вытянулся, насколько ему позволяла привязь, и сумел дотронуться до ее плеча.

— Элли?

Она стряхнула его руку.

— Держитесь от меня подальше! От вас разит, как от старого козла!

— Ну, — ответил он, — вы и сами пахнете отнюдь не лилиями. Вы тоже давненько не мылись.

— Я знаю! — отрезала она и начала рыдать. — И мне от этого противно. Мне просто... просто... противно. Я ужасно выгляжу.

— Вовсе нет.

Она повернулась к нему своим грязным и мокрым от слез лицом.

— Лгун.

— Ничего такого, что нельзя было бы поправить с помощью воды и мыла.

— О, если бы у меня было немного мыла. — Она взглянула на него. — Вы и сами выглядите неважно, мистер Джоунз. Вам не помешало бы постричься, а ваша клочковатая борода выглядит просто отвратительно.

Он пощупал заросший подбородок.

— Я ничего не могу поделать.

— Я тоже. — Она вздохнула. — Расставляйте фигуры.

После этого она три раза подряд обыграла его, а один раз поставила позорный «детский» мат. Он печально посмотрел на Элли, когда игра была закончена.

— И вы говорите, что завалили неправильные дробы?

— Мистер Джоунз, вам никогда не приходило в голову, что мир устроен так, что женщины иногда предпочитают не казаться слишком умными? — Он переваривал ее слова, когда она добавила: — Меня научил играть в эту игру мой отец еще до того, как я научилась читать. Я была чемпионом Эсперы среди юниоров, пока меня не сплывили на Землю. Заходите как-нибудь ко мне, я покажу вам свой кубок.

— Это правда?

— Я предпочту игру еде, если я встречаю достойного соперника. Но вы быстро учитесь. Когда-нибудь вы сможете оказать мне достойное сопротивление.

— Видно, я совсем не понимаю женщин.

— Это еще мягко сказано.

В ту ночь Макс долго не мог уснуть. Еще долго после того, как Элдрет начала мягко посапывать, он смотрел на светящийся хвост большой кометы, на падающие звезды и думал. Его мысли были далеко не приятными.

Их положение было безнадежным, он это признавал. Если даже Чипси не смогла передать сообщение (он на это не особенно и рассчитывал), поисковые группы должны бы были к этому времени их разыскать. Не оставалось никакой надежды, что их спасут.

А теперь Элли открыто презирала его. Он снова задел ее гордость... снова не вовремя открыл свой рот! Ему следовало бы сказать ей, что она самая красивая девушка по эту сторону райских врат, чтобы доставить ей хоть какое-то удовольствие — у нее ведь так мало было приятного за эти дни!

Плен был вполне терпим только благодаря ей... а теперь ему ничего не оставалось, как день за днем проигрывать ей в трехмерные шахматы, пока Элли будет неумолимо доказывать ему, что женщины не хуже мужчин, а даже лучше. И в конце концов они оба станут блюдом в диете существования, чье рождение на свет было ошибкой.

Жаль, что доктор Хендрикс умер!

Жаль, что он не смог остановить Элли, когда это необходимо было сделать!

В довершение всего Макс чувствовал, что если он съест еще хотя бы один из этих дурацких плодов, то обязательно подавится.

Макс проснулся от того, что его трясли за плечо.

— Макс! — услышал он чей-то шепот.

— Что за..?

— Тихо! Ни звука.

Около него сидел Сэм...

Макс сел, адреналиновый шок полностью снял сонливость. Он увидел, как Сэм бесшумно подкрался к Элли. Он сел на корточки рядом с ней, но не дотронулся до нее.

— Мисс Элдрет, — тихо позвал он.

Элли открыла глаза и удивленно посмотрела на него. Она открыла рот. Макс с ужасом подумал, что она может закричать. Сэм поспешно поднес палец к губам. Она кивнула. Сэм стал на колени около нее и, казалось, начал что-то рассматривать в переплетенном тенью лунном свете, а потом достал пистолет. Всего один импульс, совершенно беззвучный, и Элли встала, освобожденная от привязи. Сэм вернулся к Макс.

— Не шевелись, — прошептал он. — Я не хочу тебя обжечь. — Он склонился над привязью у ноги Макса.

Когда Сэм дал импульс, Макс почувствовал почти парализующее сжатие вокруг лодыжки, затем привязь спала. Ампутированная большая часть сжалась и исчезла в тени дерева. Макс встал.

— Как...

— Ни слова. Следуйте за мной. — Сэм повел их через кусты. Элли шла за ним, Макс следовал рядом. Они прошли ярдов двадцать, когда услышали радостный писк: «Элли!» и Чипси прыгнула на руки хозяйке. Сэм резко обернулся.

— Заставьте ее замолчать, — прошептал он, — иначе мы погибли.

Элли кивнула и начала гладить Чипси. Когда Чипси попыталась заговорить, она жестом заставила ее замолчать и засунула под рубашку. Сэм подождал, пока она это сделает, затем пошел дальше, не говоря ни слова.

Они прошли несколько сотен ярдов так тихо, как только могут три человека, которые знают, что от этого зависит их жизнь. Наконец Сэм остановился.

— Дальше идти не следует, — сказал он тихим голосом. — Если пойдем дальше в этой темноте, то заблудимся. Но я уверен, что мы вышли за пределы их спального района. Мы отправимся в путь с первым светом.

— Как же ты добрался до нас в темноте?

— Не в темноте. Мы с Чипси прятались в кустах с полудня, в полусотне футов от вас.

— А ну-ка... — Макс огляделся и посмотрел на звезды. — Я могу провести нас к кораблю в темноте.

— Можешь? Это было бы чертовски здорово. Эти детки ночью не шевелятся, как я заметил.

— Я пойду впереди. Ты становись за Элли.

Прошло больше часа, прежде чем они вышли к краю плато. Темнота, растительность под ногами, необходимость соблюдать полную тишину и то, что Макс, несмотря на его фотографическую память, требовалось время, чтобы сориентироваться, — все это замедляло их ход. Вниз по холму в долину они шли еще медленнее.

Когда они вышли на опушку леса и перед ними открылась сравнительно плоская степь, поросшая травой, Сэм остановил их и осмотрел долину, освещенную тусклым лунным светом.

— Нельзя, чтобы нас увидели здесь, — прошептал он. — Они не очень хорошо бросают своих змеек среди деревьев, но на открытом месте...

— Ты знаешь об этих веревках?

— Еще бы.

— Сэм, — прошептала Элли. — Мистер Андерсон, почему...

— Тсс! — прошипел он. — Объяснения потом. А сейчас вперед трусцой. Мисс Элдрет, вы задаете темп. Макс, возьми ориентиры и веди нас. Бежим бок о бок. Готовы?

— Минутку. — Макс взял паучка у Элдрет и засунул под свою рубашку. Мистер Чипс даже не проснулась, лишь промычала что-то во сне, как маленький ребенок. — Порядок.

Они бежали, шли и снова бежали около получаса или больше, не тратя дыхания на слова, вкладывая все силы на то, чтобы убежать как можно дальше общины кентавров. Трава высотой по колено и полумрак сильно затрудняли движение. Они уже подбегали к концу долины, и Макс напряг зрение, пытаясь разглядеть ручей, когда Сэм скомандовал:

— Ложись! Вниз!

Макс упал на траву, приземлившись на локти, чтобы не раздавить Чипси; Элли плюхнулась рядом с ним. Макс осторожно повернул голову и шепотом спросил:

— Кентавры?

— Нет. Тихо.

По небу через долину на стофутовой, примерно, высоте плыл гоблин. Он должен был пролететь мимо, но он развернулся и полетел к ним.

Он снизился и парил почти над ними. Макс увидел, что Сэм прицелился, держа свой пистолет в обеих руках. Сверкнул фиолетовый разряд, и гоблин упал так близко, что Макс почувствовал запах горелого мяса. Сэм засунул пистолет на место и встал на ноги.

— Одним шпионом меньше, — удовлетворенно сказал он. — Вперед, ребята.

— Ты думаешь, эти существа шпионят?

— Думаю? Мы это знаем. У этих пони здесь неплохая организация. А теперь — молчим и накручиваем километры.

Элли нашла ручей, упав в него. Сэм и Макс подняли ее, чуть задержались, чтобы попить, и перешли вброд на другую сторону. На берегу Сэм спросил:

— Где ваш левый башмак, мисс Элдрет?

— Он соскочил в ручье.

Сэм вернулся и начал искать его. Но это было бесполезно; вода в полумраке казалась черной, как чернила.

— Бесполезно, — сказал он. — Так мы можем потерять всю ночь. Мне очень жаль, но вы израните ваши ножки. Вам лучше скинуть и второй ботинок.

Но это не снизило их скорости, пока они не достигли дальнего хребта, за которым были селение и корабль. Вскоре после того, когда они начали подниматься вверх, Элли порезала правую ногу о камень. Она старалась изо всех сил не показывать этого и не жаловалась, но рана ее сдерживала. К тому времени, как они достигли вершины, в небе забрезжил рассвет. Макс собирался провести их вниз по пути, каким он и Элли шли сюда, но Сэм остановил его.

— Дай мне разобраться. Корабль не за этим уступом?

— Нет, он севернее. — Макс восстановил в памяти вид местности с корабля и мысленно сравнил его с фотокартой, сделанной после посадки. — Корабль за следующим уступом.

— Я так и думал. По этому пути меня вела Чипси, но я хочу, чтобы мы не выходили из леса как можно дольше. Когда мы спустимся вниз, будет уже светло.

— Какое это имеет значение? В долине, где стоит корабль, кентавры никогда не появлялись.

— Ты хочешь сказать, что ты их не видел. Тебя долго здесь не было, старик. Мы теперь в опасности... и чем ближе к кораблю, тем опаснее для нас. А теперь не разговаривай и веди нас к тому выступу, что ближе к кораблю. Если сможешь.

Макс смог это сделать, хотя для этого пришлось идти по незнакомой территории и ориентироваться по мелкомасштабной карте, которая засела у него в памяти. На их пути лежали овраги, которые они были вынуждены

обходить. Светало. Сэм беспокоился все больше, торопил их и требовал, чтобы они шли тише, хотя порезанная нога Элли делала это требование трудно выполнимым.

— Мне очень жаль, — прошептал он после того, как ей пришлось скользко спуститься по каменному склону, тормозя при этом босой окровавленной ногой, — но лучше добраться до корабля, даже если придется стереть ноги до колен, чем позволить им схватить вас.

— Я знаю. — Ее лицо кривилось от боли, но она молчала. К тому времени, как Макс вывел их к выступу, было уже совсем светло. Молча он указал на корабль, стоящий в полумиле от них. Они были примерно на одном уровне с верхней частью корабля.

— А теперь вниз, — тихо сказал он Сэму.

— Нет.

— Почему?

— Ребята, дядюшка Сэм считает, что нам лучше залечь в этих кустах, затаиться и позволить этим насекомым кусать нас до наступления темноты.

Не более тысячи ярдов отделяло их от корабля.

— Мы могли бы добежать.

— Четыре ноги бегут быстрее, чем две. Мы за последнее время в этом убедились.

Кустарник, выбранный Сэмом, выходил к краю выступа. Он прополз к месту, откуда он мог наблюдать за долиной, оставаясь при этом незамеченным. Корабль стоял впереди, а слева на более близком расстоянии располагалось селение.

— Устраивайтесь поудобнее, — приказал Сэм, — мы будем караулить по очереди. Постарайтесь заснуть, если сможете. Это будет долгое дежурство.

Макс попытался передвинуть Мистера Чипса под рубашкой так, чтобы можно было лечь. Из-под воротника высунулась маленькая головка.

— Доброе утро, — произнесла паучок с важным видом. — Завтрак?

— Не будет завтрака, сладкая моя, — ответила ей Элли. — Сэм, можно ее выпустить?

— Думаю, что можно. Только пусть не шумит. — Сэм осматривал долину. Макс присоединился к нему.

— Сэм, а почему бы нам не направиться в селение? Оно ближе?

— Там никого нет. Оно оставлено.

— Что? Послушай, Сэм, ты не мог бы рассказать нам, что случилось?

Сэм не сводил взгляда с долины.

— Хорошо. Но только говори шепотом. Что ты хочешь узнать?

Вопрос был трудным, Макс хотел узнать все.

— Что случилось с селением?

— Мы его оставили. Там слишком опасно.

— Кого-нибудь схватили?

— Нет. У Дейглера было ружье. Но затем все и началось. Мы думали, что у них только эти змеи-веревки и что мы их как следует напугаем. Но у них на вооружении не только эти змеи. Есть, например, существа, которые атакуют из-под земли. Поэтому селение пришлось оставить.

— Кто-нибудь ранен?

— Ну... наши молодожены к тому времени уже переехали в свою новую резиденцию. Бекки Вебербауэр теперь вдова.

Элли громко ахнула.

— Тсс! Тихо, — прошептал Сэм.

Подумав, Макс спросил:

— Сэм, я не понимаю, почему после того, как они получили мою записку, они не...

— Какую записку?

Макс объяснил.

— Нет, — ответил Сэм. — Паук действительно вернулся назад. К тому времени мы уже знали, что вы пропали, и искали вас... к счастью, догадаться взять с собой оружие. Но записки не было.

— Как же ты нас нашел?

— Чипси довела меня, я же говорил. Но это все. Кто-то посадил ее в ее старую клетку, там я ее вчера и нашел. Я остановился, чтобы погладить ее, зная, что теперь это некому сделать, мисс Элдрет, и обнаружил, что она просто места себе не находит. Затем мне пришло в голову, что она может знать, где вы. Ну и... — Он пожал плечами.

— Но я не понимаю, — сказал Макс, — почему ты пошел один. Ты же знал, как это опасно. Тебе надо было взять с собой весь экипаж с оружием.

— И мы бы потеряли весь экипаж. Можно было только прокрасться, и никак иначе. Но вернуть вас было необходимо.

— Спасибо. Я не знаю, как это сказать, Сэм, но все равно, спасибо.

— Да, — добавила Элли, — и перестаньте называть меня «мисс Элдрет». Мои друзья называют меня Элли.

— Хорошо, Элли. Как ножки?

— Жить буду.

— Отлично. — Он повернулся к Макс. — Но я не сказал, что мы хотели вернуть вас, я сказал, сделать это было необходимо. Вернуть тебя, Макс. Не обижайтесь, Элли.

— Почему именно меня?

— Ну... — Казалось, Сэм не хотел говорить об этом. — Ты узнаешь подробности, когда вернешься на корабль. Но, похоже, ты будешь нужен, если они решат взлететь. Ты — наш единственный астрогатор.

— Что случилось с Саймзом?

— Тихо! Он мертв.

— Боже мой. — Макс подумал, что хотя он и не любил Саймза, но даже своему врагу он не пожелал бы смерти от рук кентавров. Он сказал об этом.

— Нет, все было не так. Понимаешь, когда капитан Блейн умер...

— Капитан тоже?

— Да.

— Я знал, что он болен. Но не знал, что настолько.

— Ну, назови это разрывом сердца. Или почетным харакири. Или случайностью. Но я нашел пустую коробку от снотворных таблеток, когда помогал укладывать его вещи. Может быть, он сам их выпил, а может быть, приятель Саймз подложил таблетки в его чай. Врач установил «смерть по естественным причинам», так и записали в бортовой журнал. Что такое «естественная причина», когда человеку больше невыносимо жить?

— Он был хорошим человеком, — тихо сказала Элли.

— Да, — согласился Сэм. — Может быть, слишком хорошим.

— А что стряслось с Саймзом?

— Ну, это совсем другое дело. Казалось, что после смерти капитана Саймз вообразил себя коронованным принцем, но помощник капитана хотел поставить его на место. Там была какая-то склока из-за пленок, которые были у старшего оператора. Вобщем, Саймз пытался угрожать Уолтеру, ну и я вроде как сломал ему шею. Не было времени на уговоры. — Сэм поспешно добавил: — Саймз собирался стрелять из пистолета.

— Сэм! У тебя снова будут неприятности?

— Неприятности сейчас у нас с вами. Если мы... тихо, ребята! — Он внимательно посмотрел через кусты. — Ни единого звука. Не шевелитесь, — прошептал он. — Может, он пролетит мимо.

Гоблин дрейфовал с севера параллельно хребту над ними, словно осматривая высокогорье.

— Не лучше ли нам отползти назад? — шепотом спросил Макс.

— Поздно. Не шевелись.

Шар поравнялся с ними, остановился, затем медленно направился к ним. Сэм вытащил пистолет. Он подождал, пока гоблин подлетит поближе. Выстрел обжег иглы и ветви, но шар упал.

— Сэм! Там еще один!

— Где? — Сэм посмотрел в направлении, указанном Максом. Второй гоблин, вероятно, прикрывал первого. Он летел выше и дальше от них. Пока они смотрели, он развернулся и начал подниматься выше.

— Подбей его, Сэм!

Сэм встал.

— Поздно. Слишком далеко и поздно. Ну, ребята, вперед. Теперь незачем скрываться. Элли, присядьте и скатывайтесь вниз. Так будет лучше для ваших ног.

Они пустились вниз, спотыкаясь о камни и разрывая одежду. Мистер Чипс бежала сама, и ей это нравилось. У подножия хребта Сэм спросил:

— Макс, за сколько ты можешь пробежать полмили?

— Не знаю. Минуты за три.

— Надо быстрее. Беги, я помогу Элли.

— Нет.

— Ты должен быть в корабле! Ты там нужен.

— Нет!

— Чертов герой, — вздохнул Сэм. — Бери ее за другую руку.

Они пробежали ярдов двести, чуть ли не неся Элдрет. Затем она встала на землю.

— Я могу бежать быстрее сама.

— Хорошо. Вперед! — прохрипел Сэм.

Она оказалась права. Не обращая внимания на свои израненные ноги, она так быстро перебирала ими, что хотя Макс и нетрудно было за ней угнаться, но приходилось-таки прилагать кое-какие усилия. Корабль впереди них становился все больше. Макс увидел, что лифт поднят, и начал беспокоиться, успеют ли их заметить и опустить его.

Они пробежали половину пути, когда Сэм прокричал:

— А вот и кавалерия! Быстрее.

Макс бросил взгляд через плечо. Стадо кентавров — дюжина, две дюжины, а может, и больше — неслось по направлению к ним с холма по диагонали, рассчитанной на то, чтобы отрезать их. Элли их тоже увидела и увеличила скорость, она сделала такой рывок, что Макс сразу же остался позади.

Они пробежали еще несколько сотен ярдов, когда лифт дернулся и начал лениво опускаться. Макс хотел крикнуть, что они успели, но в этот момент совсем близко услышал стук копыт. Сэм закричал:

— В лифт, ребята! В корабль! — И остановился.

Макс тоже остановился, крикнув:

— Беги, Элли!

— Я сказал, в лифт!!! — заревел Сэм. — Что ты сможешь сделать без оружия?

Макс колебался, ему было невыносимо трудно принять это решение. Он увидел, что Элли остановилась. Сэм оглянулся, затем стукнул Макса в подбородок тыльной стороной ладони.

— Шевелись! Затащи ее в лифт!

Макс схватил Элли за руку и затолкнул ее в лифт. Когда они были внутри, Сэм Андерсон повернулся лицом к своей смерти... Крепко положив пистолет на левое предплечье, он стал на колени, в позу, точно копирующую иллюстрацию из учебника.

Г л а в а 20

«КОРАБЛЬ — ЭТО НЕ ПРОСТО КУСОК СТАЛИ»

Лифт опустился, из него выбежали четыре человека. Макс затолкал Элли внутрь и заскочил в лифт вслед за нею. Дверь за ними закрылась, но Мистер Чипс тоже успела в нее вбежать. Она подбежала к Элли, схватила ее за руку и начала вопить. Элдрет попыталась сесть.

— С вами все в порядке? — спросил Макс.

— Да, конечно. Но... — Она замолчала. Макс обернулся и попытался открыть дверь лифта.

Но ему это не удалось. Только теперь он заметил, что лифт начал медленно подниматься. Он нажал кнопку «Стоп».

Но лифт продолжал подниматься. В десяти футах от земли он остановился. Макс посмотрел вверх через решетчатую крышку и закричал:

— Эй! На шлюзе! Опускайте!

На его крик никто не обратил внимания. Он снова попытался открыть дверь, но безуспешно, поскольку реле безопасности не позволяло дверям открываться, когда лифт находился в воздухе. В беспомощном отчаянии он схватился за решетки и выглянул наружу. Сэма он не увидел. Кентавры топтались на месте недалеко от корабля. Он увидел, как один из них споткнулся и упал, затем другой. Потом он увидел четырех людей, которые выбежали из лифта навстречу ему. Они лежали и вели прицельный огонь из винтовок. Расстояние до кентавров было небольшим, ярдов триста, и они несли значительные потери: каждый бесшумный выстрел достигал цели.

Макс увидел, как один за другим были поражены семь кентавров, после чего эти чудовища пустились в бегство, направляясь к холмам. Огонь не прекращался, и еще несколько кентавров было убито, прежде чем расстояние сделало стрельбу бессмысленной.

Кто-то скомандовал:

— Прекратить огонь!

Один из них поднялся на ноги и выбежал в центр побоища. Остальные поднялись и последовали за ним.

Затем они вернулись, неся в руках что-то похожее на связку белья. Лифт опустился, они вошли в кабину и положили тело на пол. Один из них взглянул на Элдрет, затем быстро снял свою куртку и накрыл ею лицо Сэма. Только теперь Макс увидел, что это был мистер Уолтер.

Остальные были мистер Дейглер, энергоинженер, которого Макс знал только в лицо, и главный стюард Джиордано. Толстяк плакал, не стеснясь слез.

— Жалкие черви! — говорил он. — У него не было ни одного шанса. Они налетели на него и затоптали. — Он запнулся, затем добавил: — Он уложил по крайней мере пятерых из них. — Его глаза остановились на Максе, которого он, по-видимому, не узнал. — Он заставил их дорого заплатить.

— Он мертв? — тихо спросила Элдрет.

— Конечно. Зачем задавать глупые вопросы? — Стюард отвернулся.

Лифт остановился. Уолтер взглянул в шлюз и сказал со злостью:

— Уберите этих зевак с дороги. Что вам здесь, цирк?! — Он обернулся. — Давайте занесем его в корабль, парни.

Когда Макс разогнулся, помогая поднять Сэма, он увидел, что миссис Дюмон увела Элдрет. Они аккуратно занесли тело на корабль и положили на палубу, где их уже ожидал корабельный врач. Уолтер выпрямился и, казалось, только теперь заметил Макса.

— Мистер Джоунз? Пожалуйста, зайдите ко мне в каюту как можно скорее.

— Да, сэр. Но... — Макс посмотрел на своего друга. — Я бы хотел...

Уолтер не дал ему договорить.

— Вы ничем не сможете ему помочь. — Затем добавил уже мягче: — Зайдите через пятнадцать минут. За это время вы успеете помыться и сменить одежду.

Макс прибыл вовремя, помытый, наспех побрившийся и в чистой одежде — но без фуражки. Его фуражка осталась в далекой долине, он потерял ее в плену. В каюте были главный инженер Компаньон, мистер Сэмьюэлз, казначей и помощник капитана. Все сидели за столом и пили кофе.

— Входите, мистер Джоунз, — сказал Уолтер. — Садитесь. Кофе?

— Да, спасибо, сэр. — Макс понял, что ужасно проголодался. Он добавил в кофе побольше сливок и сахара.

Несколько минут они сидели и вели разговор о всяких второстепенных делах, давая Максу допить кофе и успокоиться. Затем Уолтер сказал:

— Как вы себя чувствуете, мистер Джоунз?

— Хорошо, сэр. Хотя немного устал.

— Еще бы. Мне жаль, что пришлось вас побеспокоить. Вы знаете, в каком мы сейчас положении?

— Частично, сэр. Сэм сказал мне... Сэм Андерсон... — Он не договорил.

— Нам всем очень жаль, что Андерсон погиб, — сказал мистер Уолтер. — Во многих отношениях он был одним из лучших людей, с которыми мне приходилось служить. Но продолжайте.

Макс пересказал то, что успел сообщить ему Сэм, сократив сведения о Саймзе и капитане Блейне до констатации факта их смерти. Уолтер кивнул.

— Значит, вы знаете, чего мы хотим от вас?

— Думаю, что да, сэр. Вы хотите поднять корабль, значит, вы хотите, чтобы я его вел. — Он заколебался, затем добавил:

— Думаю, что я смогу.

— Хм... да. Но это не все.

— Сэр?

— Вы должны стать капитаном.

Все трое пристально смотрели на Макса. Он почувствовал слабость и подумал, что с головой что-то не в порядке. Лица офицеров расплывались и как-то отдалялись. Он понял, что за последнее время очень мало ел

и почти не спал, постоянно находясь в нервном напряжении. Да, видимо, он устал. Откуда-то издалека он услышал голос Уолтера:

— ... абсолютно необходимо немедленно покинуть эту планету. Юридическая сторона дела ясна. В космосе только астрогатор имеет право быть капитаном. От вас требуется принять на себя командование кораблем, несмотря на то что вы очень молоды, поскольку вы единственный человек с необходимой квалификацией. Вы должны стать капитаном.

Макс справился со слабостью, лица собеседников снова стали отчетливыми.

— Мистер Уолтер?

— Да?

— Но я не астрогатор. Я лишь стажер.

Главный инженер Компаньон ответил ему:

— Келли говорит, что вы астрогатор.

— У Келли больше опыта в астрогации, чем у меня.

— Нет, — сказал Компаньон. — Вы не можете оценивать сами себя. — Сэмьюэлз кивнул в знак согласия.

— Оставим этот вопрос, — добавил Уолтер. — Не может быть и речи о том, чтобы главный оператор стал капитаном. Ваш ранг в гильдии также не имеет значения. Командование кораблем в космосе — дело астрогаторов. Вы старший среди астрогаторов, и неважно, насколько молодо вы себя чувствуете. В настоящий момент командование лежит на мне — до тех пор, пока я не передам его. Но я не могу повести корабль в космос. Если вы откажетесь, то... я не знаю, что нам тогда делать. Просто не знаю.

— Послушайте, сэр, — сказал Макс, — я не отказываюсь от своих обязанностей. Я поведу корабль... черт возьми, я думаю, меня можно назвать астрогатором при сложившихся обстоятельствах, но зачем делать меня капитаном? Вы могли бы продолжать командовать, а я бы повел корабль. Так будет лучше, сэр. Я даже не представляю, как должен поступать капитан.

— Юридически это невозможно.

— Мне безразличны юридические условности, — сказал Компаньон. — Но я знаю, что ответственность нельзя делить на части. Честно говоря, молодой человек, я бы предпочел на роль шкипера Датча, но он не может вести корабль. Я был бы очень рад, если бы капитаном стал доктор Хендрикс... но его больше нет. Я бы лучше сам взялся за это, чем возложил ответственность на вас, но я физик и знаю астрогационную математику лишь настолько, чтобы отдавать себе отчет, что мне не хватит всей жизни, чтобы развить необходимую для астрогатора скорость расчетов. Это не для моего темперамента. Келли говорит, что у вас эта скорость есть. Я работал с Келли немало лет, я доверяю ему. Так что это ваше дело, сынок, и вам придется за него взяться... и принять на себя всю ответственность. Датч будет помогать — мы все будем помогать... но вы не имеете права сбрасывать ответственность на других.

Мистер Сэмьюэлз добавил:

— Я не могу согласиться с главным инженером насчет незаконности юридических аспектов: у большинства этих законов есть разумные основания. Но я согласен со всем остальным, что он сказал. Мистер Джоунз, корабль — это не просто кусок стали, это тонкое политическое единство. Несоблюдение его законов и традиций ведет к катастрофе. Гораздо легче будет поддерживать моральное состояние и дисциплину на корабле с молодым капитаном, которого поддерживают все офицеры, чем в корабле, пассажиры и экипаж которого подозревают, что человеку, который должен принимать решения по жизненно важным вопросам, что этому всемогущему человеку нельзя тем не менее доверить командование кораблем. Нет, сэр, такая ситуация мне не по душе: подозрения ведут к бунтам.

Макс чувствовал, как стучит его сердце. Голова гудела. Уолтер неумолимо посмотрел на него и спросил:

— Ну, так что вы скажете?

— Я принимаю командование, — ответил Макс. — Что мне еще остается делать?

Уолтер встал:

— Какие будут приказания, капитан?

Макс сидел неподвижно и старался замедлить биение своего сердца. Он сжал ладонями пульсирующие виски.

— Хм... продолжайте по распорядку. Приготовьтесь к взлету.

— Есть, сэр. — Уолтер помолчал, затем добавил: — Могу я спросить, когда капитан планирует поднять корабль?

У Макса снова все поплыло перед глазами.

— Когда? Не раньше, чем завтра... завтра в полдень. Мне необходимо поспать. — Про себя он подумал, что вместе с Келли они смогут вывести корабль на орбиту вокруг планеты и таким образом уйти от кентавров, а там будет время обдумать их следующий шаг.

— Думаю, это правильное решение, сэр. Нам необходимо время.

Компаньон встал.

— С вашего позволения, сэр, я займусь своим отделением.

Затем к нему подошел Сэмьюэлз.

— Ваша каюта готова, сэр. Ваши личные вещи будут перенесены туда через несколько минут.

Макс посмотрел на него. Он еще не осознал побочных деталей своей новой должности. Поселиться в святая святых капитана Блейна? Спать в его кровати?

— Хм... думаю, что в этом нет необходимости. Мне будет вполне удобно на прежнем месте.

Сэмьюэлз бросил взгляд на помощника капитана, затем сказал:

— Капитан, это одна из тех вещей, о которых я говорил, называя корабль тонким политическим единством.

— Да? — Макс задумался, затем вдруг полностью ощутил груз ответственности и силу взять ее на себя. — Хорошо, — ответил он более уверенным голосом. — Сделайте все это.

— Слушаюсь, сэр. — Сэмьюэлз посмотрел на него. — И еще, капитан, если хотите, я пришлю Лопеса, чтобы он подровнял вам волосы.

Макс откинул локоны за уши.

— Да, я зарос. Присылайте.

Казначей и главный инженер вышли. Макс был в нерешительности, не зная, какой должна быть его следующая реплика в этой новой роли. Уолтер сам обратился к нему:

— Капитан, вы могли бы уделить мне еще несколько минут?

— Конечно. — Они сели, и Уолтер разлил кофе. Макс спросил: — Мистер Уолтер, как вы считаете, мы могли бы позвонить на камбуз, чтобы нам принесли тосты? Я сегодня еще не ел.

— Да, конечно! Извините, сэр. — Помощник капитана заказал чай с бутербродами и снова обратился к Макс: — Капитан, я вам еще не все сказал, и я не хотел этого делать, пока мы не окажемся одни.

— Да?

— Поймите меня правильно. То, что я передал вам командование, не имеет отношение к тому, что я собираюсь сказать; но вашим офицерам необязательно знать все, что знает капитан... даже нашим старшим офицерам.

— Возможно.

Уолтер перевел взгляд на свою чашку.

— Вы знаете, как умер мистер Саймз?

Макс рассказал ему то немногое, что успел узнать от Сэма. Уолтер кивнул.

— В целом верно. Хм... Не принято плохо отзываться о покойных, но у Саймза был довольно гнусный характер. Когда скончался капитан Блейн, он посчитал само собой разумеющимся, что он сразу же становится капитаном этого корабля.

— Ну, я думаю, с юридической точки зрения он был прав.

— Вовсе нет! Извините, что поправляю вас, капитан, но это неверно на все сто процентов.

Макс нахмурился.

— Наверное, я тупой, но мне показалось, что именно так аргументировалось мое назначение.

— Нет, сэр. Когда корабль не в космосе, то командование лежит на мне, как на старшем офицере. И я не должен передавать командование астрогатору, пока — и если — корабль не отправился в космос. И даже тогда командование не переходит к старшему астрогатору автоматически. У меня есть четко обозначенная в уставе обязанность: я должен передавать командование только тому человеку, который, по моему мнению, может с ним справиться.

Насчет мистера Саймза у меня давно были сомнения. У него неподходящий темперамент. Тем не менее в сложившейся ситуации мне было бы очень трудно не передать ему командование кораблем, после того, как будет принято решение о выходе в космос. Но еще до смерти капитана мне представился случай усомниться в астрогационных талантах Саймза... частично — благодаря разговору с вами. Как вы понимаете, мне пришлось переговорить с Келли, который у всех на очень хорошем счету. Мне кажется, теперь я понимаю, из-за чего не удался тот последний переход: Келли не пожелал объяснить мне. К тому же Келли прямо мне сказал, что никто из бригады управления не отправится в космос под командованием мистера Саймза. Все это заставило меня принять решение, что если такое случится, то я лучше уж навсегда оставлю корабль на этой планете, нежели допущу Саймза командовать им. Я предусматривал возможность такой ситуации: капитан был болен, и благоразумие заставляло меня принимать во внимание все возможные варианты.

Затем капитан умер... и Саймз объявил себя капитаном. Этот болван даже переселился в его каюту и вызвал меня к себе. Я сказал ему, что он не имеет власти капитана и никогда ее не получит. Затем я ушел и вернулся с понятыми и главным полицейским, чтобы выселить его. Вы знаете, что случилось потом. Андерсон спас не только вашу жизнь, но и мою тоже.

Уолтер резко сменил тему разговора.

— Кстати, о вашей феноменальной способности производить расчеты без таблиц и справочников. Вы можете это делать в любое время?

— Да, конечно.

— Вы знаете все таблицы или только некоторые из них?

— Я знаю все стандартные таблицы и справочники, которые астрогаторы называют своими «рабочими инструментами».

Макс начал рассказывать ему о своем дяде, но Уолтер вежливо перебил его:

— Сэр, я рад услышать это. Я очень рад услышать это. Потому что на этом корабле такие книги есть теперь только в вашей голове.

Пропажу книг обнаружил, конечно, Келли, а не сам Уолтер. Когда он рассказал о своих подозрениях Уолтеру, они вдвоем произвели поиск, но ничего не нашли. Тогда было объявлено, что пропал один (но только один!) комплект; Уолтер назначил вознаграждение за его находку, и корабль был прочесан от кормы до астрокупола — безуспешно.

— Я думаю, он закопал их где-нибудь, — закончил Уолтер. — Вы знаете наши шансы. Мы в осаде. И мы могли бы найти их только случайно... если бы не были в осаде. Поэтому я очень рад, что вы так же уверены в своей памяти, как и Келли.

Максу сделалось страшно: одно дело демонстрировать свою способность, чтобы удивить зрителей, и совсем другое — делать это по необходимости.

— Дела не так уж и плохи, — ответил он. — Вероятно, Келли не подумал об этом, но логарифмы и таблицы бинарных переводов можно взять у инженеров; с их помощью можно рассчитать любой прямой прыжок. Другие же таблицы необходимы в основном для переходов через аномалии.

— Келли тоже об этом говорил. Скажите мне, капитан, как исследовательский корабль возвращается назад после прохождения через неизвестную точку конгруэнтности?

— Вы хотите, чтобы я проделал это с нашим кораблем?

— Не в моей компетенции говорить капитану, куда вести корабль, — ответил Уолтер официальным тоном.

— Я думал об этом, — медленно проговорил Макс. — У меня в последние дни было много времени, чтобы думать.

Он не сказал о том, что размышлял о такой возможности по ночам в плену у кентавров, чтобы не сойти с ума.

— Конечно, у нас нет приборов, которыми оборудован исследовательский корабль, да и прикладная астрогация не углубляется в теорию расчета конгруэнтностей. К тому же некоторые исследовательские корабли не возвращаются.

— Но... — Их разговор прервал стук в дверь. Вошел помощник стюарда и поставил еду на стол. У Макса потекли слюнки.

Он намазал тост маслом, джемом и с аппетитом откусил большой кусок.

— Ммм, вкусно!

— Я должен был бы заранее позаботиться об еде. Ешьте бананы, сэр. Они очень здорово растут. Наверное, гидропоникам пришлось их прорезивать.

Макс содрогнулся.

— Вряд ли я когда-либо еще вложу в рот банан. Или пайю.

— У вас аллергия, капитан?

— Не совсем. Хотя... да.

Он прожевал тост и сказал:

— О возможности обратного перехода я сообщу вам позже.

— Хорошо, капитан.

Незадолго до обеда Макс стал перед большим зеркалом в спальне капитана и посмотрел на себя. Его волосы были подстрижены, а два часа сна чуть освежили мозг. Он надвинул фуражку на голову под уставным углом. На кожаной ленте внутри было написано «Хендрикс»; он нашел ее вместе со своей униформой, на которую были нашиты капитанские знаки различия. Эмблема солнечной короны на груди беспокоила его — он признавал, что он был на самом деле капитаном, хотя это и казалось сумасшедшим сном, но он чувствовал, что, несмотря на четыре шеврона на рукаве, ему больше подошла бы маленькая эмблема, обрамленная стажерским кольцом.

Уолтер и Сэмьюэлз были почтительны, но тверды. Сэмьюэлз рассказал Макс о прецедентах, истинность которых он не мог проверить. Наконец Макс сдался.

Он взглянул на себя, расправил плечи и вздохнул. Ну что же. Можно идти в салон. Проходя по коридору, он услышал команду:

— Экипажу и пассажирам собраться в салоне!

Толпа молча расступилась перед ним, и он прошел к столику капитана — к своему столику! — и сел во главе. Уолтер стоял около своего стула.

— Добрый вечер, капитан.

— Добрый вечер, мистер Уолтер.

Элли сидела напротив него. Она поймала его взгляд и улыбнулась.

— Привет, Элли. — Он почувствовал, что краснеет.

— Добрый вечер, капитан, — громко ответила она. Элли была одета в тот же роскошный наряд, что был на ней в первый день, когда он увидел ее в салоне; казалось невозможным, что эта леди могла быть той же девочкой, чье грязное лицо склонялось над шахматной доской, начерченной на земле.

— Как ваши ноги?

— В бинтах и спальных тапочках. Врач отлично поработал. Завтра я смогу танцевать.

— Не спешите с этим.

Она посмотрела на его знаки различия.

— Вам надо сказать речь.

Прежде, чем он успел ответить, неотвязный Уолтер наклонился к нему и тихо сказал:

— Мы готовы, капитан.

— Начинайте вы. — Уолтер постучал ложкой по стакану.

Помощник капитана объяснил ситуацию спокойным голосом и так, что все казалось логичным и неизбежным. Свою речь он завершил словами:

— ... и поэтому, в соответствии с законом и традициями космоса, я передал свое временное командование вашему новому капитану, Максимилиану Джоунзу!

Макс встал, посмотрел вокруг, сглотнул слюну, попытался заговорить, но не смог. Затем, чтобы пауза показалась эффектно-драматической, а не вызванной отчаянным испугом, он взял свой бокал и сделал глоток.

— Гости и коллеги, — сказал он, — мы не можем здесь оставаться. Вы знаете это. Мне сказали, что наш корабельный доктор называет систему, которой мы здесь противостояли, «симбиотическим порабощением» — что похоже на порабощение собаки человеком, только выражается в большей степени и, вероятно, охватывает весь животный мир на этой планете. А люди не должны быть рабами, симбиотическими или какими-либо еще. Но нас слишком мало, и сейчас мы не можем победить, поэтому мы должны уйти.

Он остановился и сделал еще один глоток. Элли поймала его взгляд, стараясь ободрить его.

— Может быть, когда-нибудь другие люди придут сюда... и они будут лучше оснащены. Что касается нас, то я собираюсь попытаться вернуть «Асгард» назад через... хм, «дыру», если это можно так назвать, из которой мы сюда выпали. Это рискованное дело. Никто не обязан оставаться на корабле, но это единственный способ вернуться домой. Все те, кто боится этого риска, будут высажены на северном полюсе планеты номер три — вечерней звезды, которую мы называли Афродитой. Вероятно, там можно выжить, хотя даже на полюсах там довольно жарко. Если кто-либо предпочтет эту альтернативу, сообщите свои имена казначею сегодня вечером. Остальные попытаются вернуться домой. — Он остановился, а затем вдруг добавил: — Это все, — и сел.

Аплодисментов не было, и он смутно чувствовал, что провалил свое первое выступление. В комнате начались разговоры, члены экипажа вышли, помощники стюарда стали быстро разносить блюда. Элли посмотрела на него и молча кивнула. Слева от него сидела миссис Мендоза; она спросила:

— Ма... то есть капитан, это действительно так опасно? Мне бы очень не хотелось рисковать. Нельзя ли сделать что-нибудь еще?

— Нет.

— Но должен же быть способ.

— Нет. Я бы предпочел не говорить об этом за столом.

— Но... — Он начал есть суп, следя за тем, чтобы его рука не дрожала. Когда он поднял голову, миссис Монтефиоре, которая предпочитала, чтобы ее называли принцессой — очень странный титул — поймала взгляд Макса своими блестящими глазами.

— Долорес, не докучайте ему. Мы хотим услышать о ваших приключениях, капитан.

— Нет.

— Ну, пожалуйста! Я слышала, что это было так романтично!

Она растянула последнее слово и бросила в сторону Элли хитрый косой взгляд. Затем она снова посмотрела на Макса глазами хищной птицы и улыбнулась, оскалив зубы. Казалось, у нее было больше зубов, чем положено человеку.

— Расскажите нам об этом!

— Нет.

— Но вы просто не имеете права нам отказать!

Элдрет улыбнулась ей и сказала:

— Принцесса, дорогая, вы слишком широко раскрываете рот и у вас видны зубы.

Миссис Монтефиоре замолчала.

После обеда Макс подошел к старшему помощнику.

— Мистер Уолтер?

— Да, капитан?

— Является ли моей привилегией выбирать людей, которые сидят за моим столом?

— Да, сэр.

— В таком случае... Эта особь женского пола, Монтефиоре. Вы можете распорядиться, чтобы ее пересадили за другой столик? До завтрака?

Уолтер едва заметно улыбнулся.

— Слушаюсь, сэр.

Г л а в а 21

КАПИТАН «АСГАРДА»

Они спустились вниз и похоронили Сэма на месте сражения. Макс взял с собой только Уолтера и Джордано; он предупредил Элли, чтобы она не приходила. С ними был еще почетный караул, но караульные были вооружены на случай возможного нападения. Они стояли вокруг могилы лицом к холмам и наблюдали. Макс прочитал службу таким тихим голосом, что его почти не было слышно, хотя и старался сделать все как можно лучше.

Инженерное отделение приготовило могильную плиту — треугольную пластину из нержавеющей металла. Когда плита была готова, Макс подумал о том, какую на ней сделать надпись. «Его сердце было переполнено любовью к людям»? — нет, он решил, что Сэму с его циничным презрением ко всякой сентиментальности это бы не понравилось. Может быть, «Он играл теми картами, которые ему сдавали»? Но это было не так: если Сэму не нравились сланные карты, он иногда полностью подменял всю колоду. Наконец он придумал.

Теперь он воткнул плиту в землю и прочитал:

В ПАМЯТЬ О СЕРЖАНТЕ ИМПЕРСКОГО ДЕСАНТА
СЭМЕ АНДЕРСОНЕ,
ПАВШЕМ НА ПОЛЕ БОЯ.

«Ему не приходилось выбирать. Он ел, что ему подавали».

Уолтер увидел надгробие в первый раз:

— Так вот оно что? Хотя я догадывался об этом.

— Да, а я даже не знаю его настоящего имени. Ричардс или, может быть, Робертс.

Уолтер подумал об этом.

— Мы можем восстановить его в правах посмертно, сэр. Его личность можно будет установить по отпечаткам пальцев.

— Думаю, Сэм хотел бы этого.

— Я позабочусь об этом, сэр, когда мы вернемся.

— Если вернемся.

— Капитан, лучше сказать, когда вернемся.

Макс сразу поднялся в рубку управления. Он уже побывал там прошлым вечером и успел даже получить первый шок от того, что все в «беспокойной норе» обращались с ним, как с капитаном. Когда Келли приветствовал его, сказав «Доброе утро, капитан», Макс почти не смутился.

— Доброе утро, Келли. Доброе утро, Ланди.

— Кофе, сэр?

— Спасибо. Насчет выхода на орбиту... все запрограммировано?

— Еще нет, сэр.

— Тогда забудьте об этом. Я решил сразу отправиться домой. Мы сможем произвести расчеты в пути. Пленки здесь?

— Да, я забрал их.

Они говорили о пленках, которые были спрятаны в комнате Макса. Саймзу удалось уничтожить первую копию, когда умер капитан Блейн; запасная копия была единственным документом, содержащим сведения о том, где и когда «Асгард» вошел в этот космос, включая сведения об ориентирах, взятых сразу после перехода.

— Хорошо. Тогда за дело. Ковак сядет за компьютер.

Все остальные члены бригады Келли пришли, как всегда, заранее.

— Если хотите, сэр, я бы с удовольствием произвел для вас компьютерные расчеты.

— Это сделает Ковак. А вы помогите Ногучи и Ланди с пленками.

— Слушаюсь, сэр.

На экран начала поступать информация. Макс дважды просыпался ночью в холодном поту: ему снилось, что он утратил свою уникальную память. Но когда начали поступать данные, он программировал их без усилий, каждый раз нужная страница справочника открывалась в его сознании. Их задачей было оторваться от поверхности планеты, преодолеть ее притяжение, выровнять положение корабля, оставить «позади» местное солнце, чтобы легче было делать поправки на его притяжение, затем совершить длинный и прямой проход до того района, в котором они вошли в этот космос. Им не потребуется большая точность, поскольку они не будут пытаться делать переход во время первого подхода; им будет необходимо изучить эту зону, сделать множество снимков ориентиров и обработать данные на компьютере, провести исследования, которые до них никто не делал.

Взлет был рассчитан и записан на пленку автопилота, и пленка была помещена в пульт управления задолго до полудня. После посадки на Милосердие на корабле было установлено местное время, где в часе было около пятидесяти пяти стандартных минут; теперь корабль снова перешел на время по Гринвичу; за временем всегда следили в кабине управления... поэтому обед в тот день будет позже, а некоторые из пассажиров как обычно переведут часы не в ту сторону и обвинят в этом правительство.

Они провели синхронизацию с энергоотделением, и пленка была запущена; больше нечего было делать, осталось только нажать кнопку

незадолго до запрограммированного времени и позволить автопилоту произвести взлет. В это время зазвонил телефон. Смайт взял трубку и посмотрел на Макса.

— Вас, капитан. Казначей.

— Капитан? — Голос Сэмьюэлза звучал встревоженно. — Я не хотел беспокоить вас в кабине управления.

— Ничего страшного. В чем дело?

— Миссис Монтефиоре хочет, чтобы ее высадили на Афродите.

Макс задумался.

— Еще кто-нибудь желает высадиться?

— Нет, сэр.

— Все желающие должны были сообщить о своем решении вчера вечером.

— Я сказал ей об этом, сэр. Но в ее ответах нет абсолютно никакой логики.

— Мне бы доставило огромное удовольствие скинуть ее там. Но, в конце концов, мы отвечаем за нее. Откажите ей.

— Слушаюсь, сэр. Могу я иметь некоторую свободу в выражениях, когда буду ей об этом говорить?

— Конечно. Только больше не забивайте мне ею голову.

Макс выключил телефон. Келли стоял около него.

— Скоро взлет, сэр. Может быть, вы сами сядете за пульт и проверите программу, прежде чем мы подыдемся?

— Нет, корабль подымете вы, Келли. У вас будет первая смена.

— Слушаюсь, капитан.

Келли сел за пульт, Макс сел в кресло капитана, чувствуя себя неловко. Он пожалел, что не научился курить трубку: он не мог представить себе капитана иначе, как спокойно сидящего в кресле и курящего трубку, пока корабль совершает маневры. Он почувствовал легкую пульсацию, и его немного плотнее прижало к креслу; в «Асгарде» снова появилась его собственная искусственная гравитация, не зависящая от ускорения корабля. Через несколько секунд корабль поднялся, но понять это можно было, лишь глядя в астрокупол на небо, которое из голубого стало эбонитовым и усеялось множеством звезд.

Макс встал и заметил, что он все еще держит в руке воображаемую трубку. Он поспешно бросил ее.

— Я иду вниз, Келли. Вызовите меня, когда будут готовы исходные ориентиры для программирования. Кстати, какую очередность дежурств вы планируете?

Келли закрыл пульт, встал и подошел к нему.

— Капитан, я рассчитывал дежурить по очереди с Коваком, остальные будут заступать на смену через два дежурства. А позже мы объединимся.

— Нет, — сказал Макс. — Я тоже буду дежурить. И мы будем заступать через две смены как можно дольше. Никто не знает, сколько нам придется работать, прежде чем мы отважимся совершить переход.

Келли понизил голос.

— Капитан, могу я высказать свое мнение?

— Келли, я всегда хочу знать ваше мнение. Если вы не будете откровенны со мной, то я не смогу проверить это дело. Вы знаете об этом.

— Спасибо, сэр. Капитан не должен уставать. Вам и так приходится производить все компьютерные расчеты. — Еще более тихо Келли добавил: — Безопасность вашего корабля важнее... «гордости», если это можно так назвать.

Макс задумался. Он постигал без излишнего внушения со стороны, что командующий офицер не может иметь слабостей, типичных для любой другой роли; он сам управляется еще более строго властью, которой он наделен, чем кто-либо другой. Привилегии капитана — такие, как, например, пересадить надоевшую женщину за другой столик — были невелики по сравнению с тяготами нечеловеческой работы, которая несла в себе возможность самых неожиданных сюрпризов.

— Келли, — медленно спросил он, — кофейные приборы можно переставить за компьютер?

Келли измерил взглядом место за компьютером.

— Да, сэр. А что?

— Я подумал, что тогда здесь можно освободить место и поставить койку.

— Вы собираетесь спать здесь, сэр?

— Иногда. Но я думал о нас всех — вы же и так бреетесь здесь почти каждый раз. В течение нескольких следующих недель дежурства не потребуют того, чтобы дежурный офицер все время бодрствовал, поэтому всегда можно будет вздремнуть, когда есть возможность. Что вы думаете на этот счет?

— Это нарушение правил, сэр. Плохой прецедент... и плохой пример. — Он взглянул на Ногучи и Смайта.

— Напишите официальный приказ о приостановлении действия этого правила в виду экстренной ситуации для безопасности корабля, а я подпишу этот приказ.

— Как скажете, сэр.

— Вы ответили как-то неуверенно: Может быть, я не прав? Подумайте об этом и сообщите мне.

Койка все-таки появилась, и приказ был вывешен, но Макс ни разу не видел, чтобы Келли или Ковак лежали на койке. Что касалось его самого, то если бы Макс ею не пользовался, то он бы никогда не высыпался.

Обычно он ел тоже в рубке. Хотя по пути на встречу с пустотой было не так уж и много дел. Необходимо было лишь брать ориентиры и определять отношения этой пустоты с окружающим небом. Но Макс заметил, что, когда он не работал за компьютером, он начинал волноваться или обсуждать свои волнения с Келли.

Как возвращаются исследовательские корабли из вновь найденной конгруэнтности? И что случилось с теми, которые не вернулись? Вероятно, доктор Хендрикс мог бы рассчитать противоположную точку неизвестной конгруэнтности, используя лишь стандартное корабельное оборудование, а может быть, и не мог. Макс решил, что доктор Хендрикс мог бы это сделать, он был фанатиком своей профессии с широкими знаниями теоретической физики помимо рутинных числовых расчетов; он обладал гораздо более широкими знаниями, чем большинство других астрогагоров.

Макс знал, что исследовательские корабли рассчитывали точки конгруэнтности с обеих сторон, используя для этого данные теории гравитационного поля. Он пытался произвести такой расчет, но затем отказался от этого, не будучи уверенным в правильности полученного результата; то есть он был уверен в правильности математического расчета, но сомневался в теории, к тому же расчет был произведен по приблизительным данным и поэтому результат также был приблизительным. Было просто невозможно точно измерить приборами «Асгарда» массы звезд, находящихся за множество световых лет.

Келли, казалось, был доволен решением, принятым Максом. После этого они отдавали все свое время попыткам проложить «канву» к неотмеченной точке неба, откуда, судя по фотографиям, они вышли — для того чтобы в конце концов как следует прокатать эту канву, прибыть к точке выхода на скорости чуть ниже скорости света, затем превзойти ее и надеяться на лучшее.

Подобный маневр на поверхности планеты был бы прост, но нельзя провести параллель с ситуацией в небе. «Неподвижные» звезды движутся на больших скоростях, а других ориентиров нет; для того, чтобы определить, какой участок безликого пространства соответствует тому, в котором ты был в другое время, требуется сложная серия расчетов, для которых нет «элегантных» теоретических формул. Для каждой занесенной на карту конгруэнтности существует своя таблица рассчитанных результатов — «Критические Таблицы Занесенных на Карту Аномалий». Макс с Келли приходилось составлять их самим.

Макс проводил так много времени в кабине управления, что Уолтер, наконец, предложил ему время от времени появляться в обществе пассажиров, чтобы поддержать их моральный дух. Он не сказал, что Макс должен при этом улыбаться и выглядеть спокойным и уверенным, но он подразумевал это. После этого разговора Макс решил ужинать вместе со своими офицерами и пассажирами.

Конечно, он очень редко виделся с Элдрет. Когда он повстречал ее на обеде, на который он пришел по совету Уолтера, она показалась ему дружелюбной, но далекой. Он решил, что она пытается относиться к нему почтительно, из-за чего он начал беспокоиться, не заболела ли она. Он вспомнил, что в корабль ее принесли на носилках, вероятно, она была не такой крепкой, как хотела казаться.

Он взял себе на заметку переговорить с корабельным врачом... конечно, не напрямую, а косвенно.

Они засиделись за кофе, и Макс начал беспокоиться, подумывая о том, что пора вернуться в кабину управления. Но вспомнив, что Уолтер не хотел, чтобы он показывал свое беспокойство, Макс посмотрел вокруг и громко объявил:

— Этот салон похож на морг. Что, теперь здесь не танцуют? Дюмон!

— Да, капитан?

— Устройте музыку для танцев. Миссис Мендоза, вы окажете мне честь?

Миссис Мендоза улыбнулась и встала. Она не оправдывала своего аргентинского происхождения — у нее не было никакого чувства ритма. Но Макс сделал с нею круг по комнате, сумев избежать серьезных столкновений, и усадил ее обратно на ее место, успев грациозно поклониться ей в такт музыке. Затем он воспользовался служебным положением, пригласив на танец уже танцевавшую миссис Дейглер. Волосы Мэгги были по-прежнему короткими, но в остальном все ее очарование было восстановлено.

— Нам недоставало вас, капитан!

— Я работал, вы знаете, у нас не хватает людей.

— Да-да, конечно. Хм... Капитан, теперь скоро?

— До перехода? Скоро. Все это время нам потребовалось для того, чтобы произвести огромное количество мелких расчетов... знаете, лучше перестраховаться.

— И мы действительно отправимся домой?

Макс изобразил на своем лице, как ему показалось, уверенную улыбку.

— Конечно. Не начинайте читать толстую книгу из корабельной библиотеки; казначей не разрешит вам забрать ее с собой на сушу.

Она вздохнула.

— О-о! Теперь я чувствую себя намного лучше.

Он поблагодарил ее за вальс, посмотрел вокруг, увидел миссис Монтефиоре, но решил, что его обязанность поддерживать здоровое настроение не распространяется настолько далеко. Элдрет не танцевала, и Макс подошел к ней.

— Ваши ноги все еще болят, Элдрет?

— Нет, капитан. Спасибо за беспокойство.

— Тогда вы со мной потанцуете?

Она широко раскрыла глаза.

— Вы хотите сказать, что у капитана есть время на такую глупую девчонку, как я?

Он наклонился поближе.

— Еще одна подобная реплика, грязнулька, и я отправлю вас драить палубу.

Она засмеялась и наморщила нос.

— Слушаюсь, сэр.

Некоторое время они танцевали молча, Макс был слишком наэлектризован ее близостью и думал, почему он не пригласил ее раньше. Наконец она сказала:

— Макс, вы насовсем оставили трехмерные шахматы?

— Вовсе нет. После того как мы сделаем этот переход, у меня будет время поиграть... если вы согласитесь дать мне фору.

— Я, наверное, зря заговорила об этом. Но мне так хочется, чтобы вы иногда навещали Чипси. Она и сегодня утром спрашивала: «Где Макси?»

— О, мне так жаль. Я бы брал ее иногда в рубку управления, но ведь она может нажать какую-нибудь не ту кнопку и загубить месяц работы. Сходите за ней.

— Здесь много народу. Она будет нервничать. Пойдемте навестим ее.

— Только не в вашей комнате, — ответил он.

— Что? Не говорите глупости. В любом случае от моей репутации все равно уже ничего не осталось. А капитан может делать, что пожелает.

— Это говорит о том, что вы никогда не были капитаном. Видите, как смотрит на нас эта хищная птица? — Он указал глазами на миссис Монтефиоре. — Так что принесите Чипси сюда, и никаких возражений.

— Слушаюсь, капитан.

Он почесал Чипси шею, накормил ее кусочками сахара и заверил, что она самый замечательный паучок в этой части неба. Затем распрощался и ушел.

Он чувствовал себя бодро и уверенно. Увидя мистера Уолтера, входящего в свою каюту, он остановился в коридоре, а затем, подчиняясь импульсу, последовал за ним. Его беспокоил один вопрос, и время для разговора было подходящим.

— Датч, вы заняты?

Мистер Уолтер обернулся.

— О нет, капитан. Входите.

Макс выпил традиционный кофе, затем перешел к предмету разговора.

— Меня беспокоит один личный вопрос, мистер Уолтер.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Вряд ли. Но вы намного опытнее меня. Я бы предпочел рассказать об этом именно вам.

— Как пожелаете, капитан.

— Послушайте, Датч, сейчас я не капитан, а просто Макс.

Уолтер улыбнулся.

— Хорошо. Но не просите меня изменить форму обращения. Иначе я приобрету дурную привычку.

— Хорошо-хорошо. — Макс давно хотел прозондировать почву и узнать, известно ли Уолтеру о его поддельных документах; сказал ему о них доктор Хендрикс или нет.

Но он понял, что это совершенно невозможно для него теперь, когда он стал капитаном. Поэтому он начал разговор совсем не так, как планировал.

— Я хочу рассказать вам, как я попал на корабль. — Макс рассказал ему все, включая то, что он утаил о Сэме в разговоре с Хендриксом. Теперь это не могло повредить Сэму. Уолтер слушал внимательно.

— Я ждал, когда вы заговорите об этом, капитан, — сказал он наконец. — Доктор Хендрикс сообщил мне об этом, конечно, не так подробно, когда он назначил вас стажером. Мы оба согласились, что этот вопрос не следует поднимать в космосе.

— Меня волнует то, что будет после того, как мы вернемся. Если вернемся.

— Когда вернемся, — поправил его Уолтер. — Вы хотите моего совета? Или помощи? Или еще чего-нибудь?

— Я не знаю. Я просто хотел рассказать вам.

— Хм... есть две альтернативы. Либо все можно устроить здесь, подменив один не очень важный документ. В этом случае...

— Нет, Датч. Я не могу допустить, чтобы с «Асгарда» были высланы подложные документы.

— Я был уверен, что вы так скажете. Я согласен с вами, хотя если бы вы попросили этого, то я считал бы своим долгом прикрыть вас.

— Я когда-то хотел подменить документы. Я даже считал себя вправе это сделать. Но теперь — не могу.

— Я понимаю. Тогда остается сообщить об этом и ждать, что из этого получится. В этом случае я буду всячески вас поддерживать, и я уверен, что главный инженер и казначей вас также поддержат.

Макс откинулся в кресле. На сердце у него было тепло и спокойно.

— Спасибо, Датч. Мне безразлично, что они со мной сделают... только бы не запретили ходить в космос.

— Вряд ли они запретят, если вы вернете корабль. Но если они попытаются это сделать, тогда мы без боя не сдадимся. А пока постарайтесь забыть об этом.

— Я постараюсь. — Макс нахмурился. — Датч, скажите мне правду, что вы думаете об этом?

— Трудный вопрос, капитан. Гораздо важнее, как вы сами это оцениваете?

— Я? Не знаю. Я знаю, каким было мое отношение к этому раньше. Оно было воинственным.

— Хм?

— Я постоянно мысленно оправдывал себя, говоря, что ошибка в системе, а не во мне. Теперь же я не хочу себя оправдывать. Я вовсе не сожалею об этом, ведь я так много мог бы потерять, если бы не сделал этого. Но я также не хочу уходить от ответственности за свой поступок.

Уолтер кивнул.

— Похоже, у вас здоровый взгляд на вещи. Капитан, совершенных кодексов нет. Человек должен прислушиваться к здравому смыслу, а не слепо следовать предписаниям. Я тоже нарушал правила. За что-то я ответил, за что-то нет. Ваша ошибка могла превратить вас в формалиста, моралистического педанта, в «Правильного Чарли», прямого, но недалекого, который следит за тем, чтобы все неуклонно следовали букве закона. Или же она могла превратить вас в великовозрастного младенца, который считает, что правила существуют для других, а не для него. Но, как я вижу, не случилось ни того, ни другого; думаю, что вы повзрослели.

Макс усмехнулся.

— Спасибо, Датч. — Он встал. — Я пойду в «нору», сделаю кое-какие расчеты.

— Капитан, вы достаточно спите?

— Я? Конечно, я нахожу время вздремнуть на каждом дежурстве.

— Осталось четыре часа, капитан. — Макс сел на койку в рубке управления, сонно протирая глаза. «Асгард» шел по «канве» уже несколько дней, приближаясь к той конечной точке, через которую они выйдут из этого космоса в другой — известный им или незнакомый, в зависимости от того, насколько их представления соответствовали истинной структуре вселенной.

Макс, моргая спросонок, посмотрел на Келли.

— Вы давно здесь? Были здесь?

— Не очень, капитан.

— Вы поспали?

— Ну... знаете, капитан...

— Хорошо, оставим это, вы неисправимы. Ориентиры готовы?

— Да, сэр.

— Начинайте.

Макс сидел на койке с закрытыми глазами, программируя задание и переводя его в бинарные числа, понятные компьютеру, в то время как другие передавали ему данные. Он уже несколько дней не покидал «беспокойную нору» больше чем на несколько минут. Между ориентирами он немного дремал, затем его будили, он производил расчет и снова ложился.

Келли и Ковак заступали на дежурство друг за другом, и Макс старался не переходить на непрерывное дежурство как можно дольше, но заставить Келли отдыхать было трудно. Ланди, Смайт и Ногучи продолжали работать через две смены, затем начали частично совмещать смены, когда ориентиры стали поступать быстрее, чтобы помочь друг другу менять пластины и снимать показания. Для Макса замены не было. Он должен был обрабатывать данные по каждому ориентиру, предоставляя из картотеки своей памяти информацию утраченных справочников.

Вся бригада «беспокойной норы» была в сборе, за исключением Ланди. Он пришел, когда Макс закончил обработку данных и назвал величину поправки.

— Привет с камбуза, — произнес он, ставя на стол галлон мороженого.

— С чем? — спросил Макс.

— С шоколадом, сэр.

— Мое любимое. Когда будете раскладывать по тарелкам, не забывайте, что скоро я буду выставять оценки за эффективность работы.

— Ну-у, капитан, так нечестно. Келли приходится кормить гораздо большую массу тела, чем вам.

— А у меня очень высокий уровень метаболизма, — заявил Ногучи. — Мне надо еще больше.

— Ногги, у вас в ногах, наверное, запасной желудок. Пусть Келли раздаст, будем надеяться, что гордость не позволит ему съесть больше других. — Макс повернулся к Келли. — Какая сейчас скорость поступления ориентиров?

— Двадцать минут.

— Думаете, надо так часто?

— Чтобы подстраховаться, сэр.

— Хорошо.

Они взяли еще один ориентир, после чего съели мороженое. Затем Макс распределил их обязанности на время перехода. За компьютер он посадил Ковака, а не Келли, поскольку у Ковака результаты всегда сходились с результатами Келли. Келли же он поручил верньерный стереограф, поскольку у него был большой опыт работы на нем. Ланди помогал Келли, Смайт и Ногучи брали ориентиры.

За два часа до перехода Макс вызвал Компаньона и сообщил ему, что корабль приближается к точке перехода; главный инженер заверил его, что сам будет следить за двигателем и вектором.

— Успеха, капитан!

Когда ориентиры начали поступать через десять минут, Макс еще легко справлялся с расчетами, хотя ему пришлось признать, что он не совсем свеж. Теперь он работал без перерывов и поправки были совсем небольшими — должно быть, Компаньон старался изо всех сил. Когда компьютер показал, что до перехода осталось менее часа, Макс встал и потянулся.

— Всем собраться. Кто-нибудь, разбудите Ногги. Все проглотили тонизатор? А где моя таблетка?

Ковак подал ему тонизатор. Макс положил его в рот и запил кофе.

— Хватайте по последнему бутерброду, если хотите. Хорошо, бригада, приступим!

Данные пошли непрерывным потоком. Через некоторое время Макс начал уставать. Едва он успевал сообщить поправку и подать ее

в энергоотделение, как Келли давал новые данные. Показалась поправка, указывающая на то, что они сошли с «канвы». Макс снова взглянул на цифры, прежде чем ввести их... затем понял, что на экране уже новые данные.

— Повторите! — прокричал он.

Келли повторил. Макс еще раз пропустил цифры через свое сознание и обнаружил, что он их не понимает. Что значила та последняя поправка? Использовал ли он верный метод при исследовании этой аномалии? Возможно ли вообще было назвать это исследованием? Так ли возвращаются исследовательские корабли? Как можно ожидать от человека...

— Капитан! — позвал Келли.

Макс тряхнул головой и сел прямо.

— Извините. Задержите следующую. — В панике он мысленно пересмотрел данные и попытался произвести расчет. Теперь он знал, что значит работать, когда решающий момент приближается со скоростью света, и при этом потерять уверенность.

Он подумал, что ему надо отказаться от перехода, пройти критическую точку ниже скорости света, потратить недели на то, чтобы вернуться и попытаться снова. Но он знал, что его нервы не выдержат второй попытки.

В этот момент ему показалось, что кто-то стоит за его креслом и держит его за плечи, успокаивая и подбадривая. Он начал ясно и четко сообщать цифры Коваку.

Он продолжал называть их с точностью робота еще двадцать минут. Он принял еще один ориентир, обработал его, отослал Коваку, не отводя глаз от экрана. Он внес поправку, совсем незначительную, и, крикнув: «Приготовиться!», нажал кнопку, которая давала возможность превзойти скорость света за микросекунду. Только затем он оглянулся, но за ним никто не стоял.

Макс услышал ликующий голос Келли:

— Вон Джип! А это Гадкий Утенок! — Макс посмотрел вверх. Они снова были в знакомом небе Нью Пегаса и Альциона.

Пятью минутами позже Келли и Макс пили холодный кофе и доедали оставшиеся бутерброды, в то время как Ногучи и Смайт завершали работу над постпереходными ориентирами. Ковак и Ланди спустились вниз, чтобы привести себя в порядок перед заступлением на смену. Макс снова взглянул на астрокупол.

— Все-таки удалось. Я никогда не думал, что нам удастся.

— Действительно, капитан? У меня не было никакого сомнения, после того как командование перешло к вам.

— Хм! Я рад, что вы не знаете, как я себя чувствовал.

— Вы знаете, сэр, когда вы называете цифры, ваш голос удивительно похож на голос доктора, — сказал Келли.

Макс посмотрел на него.

— Я чуть не сбился один раз, — медленно проговорил он.

— Да, сэр. Я знаю.

— Затем... послушайте, конечно, это было всего лишь ощущение, понимаете? Я не верю в привидения. Но мне показалось, что доктор Хендрикс стоял позади меня, как он обычно это делал, проверяя мою работу. Затем все пошло хорошо.

Келли кивнул.

— Да. Он был здесь. Я был уверен, что он придет.

— Хм? Что вы имеете в виду? — Келли не стал объяснять. Вместо этого он начал рассматривать постпереходные снимки, сравнивая их с эталонными пластинами из сейфа. Впервые за долгое время они совпали.

— Я думаю, — сказал Макс, когда Келли закончил, — что нам следует рассчитать орбиту для Нью Пегаса, прежде чем мы пойдем спать. — Он зевнул. — Брат, я смертельно устал!

Келли переспросил:

— Для Нью Пегаса, сэр?

— Ну, мы же не можем нацелиться на Альцион с такого расстояния. Или вы хотите предложить что-нибудь другое?

— Нет, сэр.

— Говорите.

— Хорошо, сэр. Я предполагал, что мы должны будем изменить курс корабля для перехода на Новую Землю. Но если капитан считает...

Макс нервно барабанил пальцами по сейфу. До этого момента ему не приходило в голову, что после совершения невозможного кто-либо будет ожидать от него чего-то; кроме посадки корабля на ближайшую планету, чтобы там ожидать компетентной замены.

— Вы хотите, чтобы я вел корабль дальше? Без таблиц и без помощи?

— Я не намеревался строить предположения, капитан. Просто эта мысль была у меня где-то в подсознании.

Макс выпрямился.

— Скажите Коваку, пусть ведет корабль прямо по курсу. Позвоните мистеру Уолтеру и передайте, чтобы он немедленно зашел ко мне в каюту.

— Слушаюсь, сэр.

Макс встретился со своим помощником около двери в свою каюту.

— Привет, Датч. Входите. — Они вошли, и Макс бросил свою фуражку на стол. — Ну, нам все удалось.

— Да, сэр. Я наблюдал из салона.

— Вы, кажется, несколько не удивлены.

— А я должен быть удивлен, капитан?

Макс сел в кресло.

— Да, сэр. Вы должны быть удивлены.

— Хорошо. Я удивлен.

Макс взглянул на него и усмехнулся.

— Датч, куда теперь полетит этот корабль?

— Капитан мне об этом еще не сказал, — ответил Уолтер.

— Черт возьми! Вы отлично понимаете, что я имею в виду. По плану мы должны отправиться на Новую Землю. Но под боком Альцион, до него и слепой с тросточкой доберется. Чего вы хотели, когда передавали командование мне?

— Я хотел получить капитана для «Асгарда», — ответил Уолтер.

— Это не ответ. Послушайте, пассажиры делали ставку на это. Конечно, у меня не было выбора. Я обязан был рисковать ради них. Но теперь выбор есть. Может быть, сказать им об этом и провести голосование?

— Нет, — категорично ответил Уолтер. — Вы не должны ни о чем спрашивать пассажиров, сэр, когда корабль в пути. Это будет несправедливо по отношению к ним. Вы сами должны решать.

Макс вскочил и зашагал по каюте.

— Несправедливо, вы говорите? Несправедливо! Это несправедливо по отношению ко мне. — Он повернулся и посмотрел на Уолтера. — Хорошо. Но вы же не пассажир. Вы мой помощник. Как вы думаете, что нам следует сделать?

Уолтер остался невозмутим.

— Я не могу решать это за капитана. Капитан все решает сам.

Макс остановился и закрыл глаза. Цифры отчетливо стояли в его памяти аккуратными колонками. Он подошел к своему телефону и энергично набрал номер рубки.

— Говорит капитан. Келли еще там? Хорошо. Келли, мы берем курс на Новую Землю. Начинайте расчет. Я буду в рубке через минуту.

Глава 22 «ТОМАГАВК»

Максу нравилось это время дня, это время года. Он лежал в траве на небольшом холмике к западу от коровника, подложив руку под голову так, чтобы можно было смотреть на северо-восток. Если он не будет отводить глаз от выходного кольца дороги на космодром, то с минуты на минуту сможет увидеть, как «Томагавк» выпрыгнет из кольца и пролетит через ущелье. Он не читал, у него не было никаких дел, он просто отдыхал, наслаждаясь летним вечером.

Неподалеку села белка, посмотрела на него, решила, что он не опасен, и занялась своими делами. Пролетела птица.

Было тихо, затем вдруг из выходного кольца вылетела серебряная торпеда, пронеслась через ущелье и исчезла, войдя в кольцо на дальней стороне хребта... а потом докатился звук.

— Вот это да! — сказал Макс. — Всегда кажется, что поезд сорвется.

Он пришел сюда только для того, чтобы увидеть «Томагавк», но уходить не торопился. Он достал из кармана письмо и перечитал последние строчки: «...Думаю, отец был очень рад увидеть меня живой и невредимой, потому что он, наконец, уступил. Мы с Путци поженились неделю назад... Макс, я так счастлива! Вы должны непременно навестить нас, когда в следующий раз окажетесь на Эспере.

P.S. Мистер Чипс шлет вам привет, и я тоже». Что за девушка эта Элли! Всегда-то она так или иначе добьется своего. Ему было немного жаль этого Путци. Да-а... Если бы они остались на Милосердии...

Впрочем... астрогатор не должен жениться. Он любовно погладил эмблему на своей груди. Жаль, конечно, что ему не удалось остаться на «Асгарде», но они были правы: он не мог быть на вторых ролях там, где когда-то был шкипером. А помощник астрогатора на «Королеве Елизавете» тоже хорошая должность. Все говорят, что «Лиззи» — исправный корабль.

Кроме того, не у каждого молодого помощника астрогатора есть на счету новая исследованная конгруэнтность. Ему не на что жаловаться. Он не возражал ни против огромного штрафа, взысканного с него Советом Гильдий, ни против выговора в личном деле. Ему разрешили остаться в космосе — и это главное, а выговор был занесен в личное дело рядом с поощрением за конгруэнтность, названную именем «Хендрикс».

И хотя он не оспаривал справедливость наказания — он был не прав и знал это, — все же гильдии были устроены несправедливо: надо давать шанс попасть каждому. Когда-нибудь он станет более влиятельным в своей гильдии и, даст бог, сможет что-нибудь изменить.

А теперь ему пора идти, иначе придется заплатить таксисту больше, чем стоит его вертолет. Макс встал и пошел вниз по склону. Вертолет ждал перед домом, водитель стоял рядом, глядя на строящиеся каркасы Энергопроекта Миссури—Арканзас. Полей, на которых Макс когда-то работал, уже не было. Котлован доходил до самого дворика перед коровником. Дом еще стоял, но дверь болталась на одной петле, и какой-то мальчишка выбил в нем все окна. Макс посмотрел на дом и подумал, где сейчас Мав и тот мужчина, за которого она вышла замуж... хотя ему, в общем-то, это было безразлично, и никто в Клайдз-Корнерз ничего о них не знал. В суде ему сказали, что Мав забрала свою часть денег и вместе с мужем уехала из города.

Вероятно, деньги у них уже кончились: половины суммы, которую забрал Макс, не хватило даже, чтобы полностью заплатить штраф. Если они остались без денег, то, вероятно, Монтгомери сейчас честно трудится, поскольку Мав была не такой женщиной, которая позволяет мужу бездельничать, когда она нуждается в деньгах. Эта мысль была приятна Макс: он хотел свести счеты с Монтгомери, но, вероятно, теперь это за него делает Мав.

Водитель посмотрел на него.

— Подумать только, какая громадина будет, когда ее закончат, — сказал он. — Вы готовы лететь, сэр?

Макс последний раз посмотрел вокруг.

— Да, здесь у меня больше нет дел.

Они забрались в кабину.

— Куда лететь? Назад в Корнерз?

Макс подумал об этом. Ему бы стоило поэкономить деньги... хотя, какого черта, он получит достаточно денег за следующий полет.

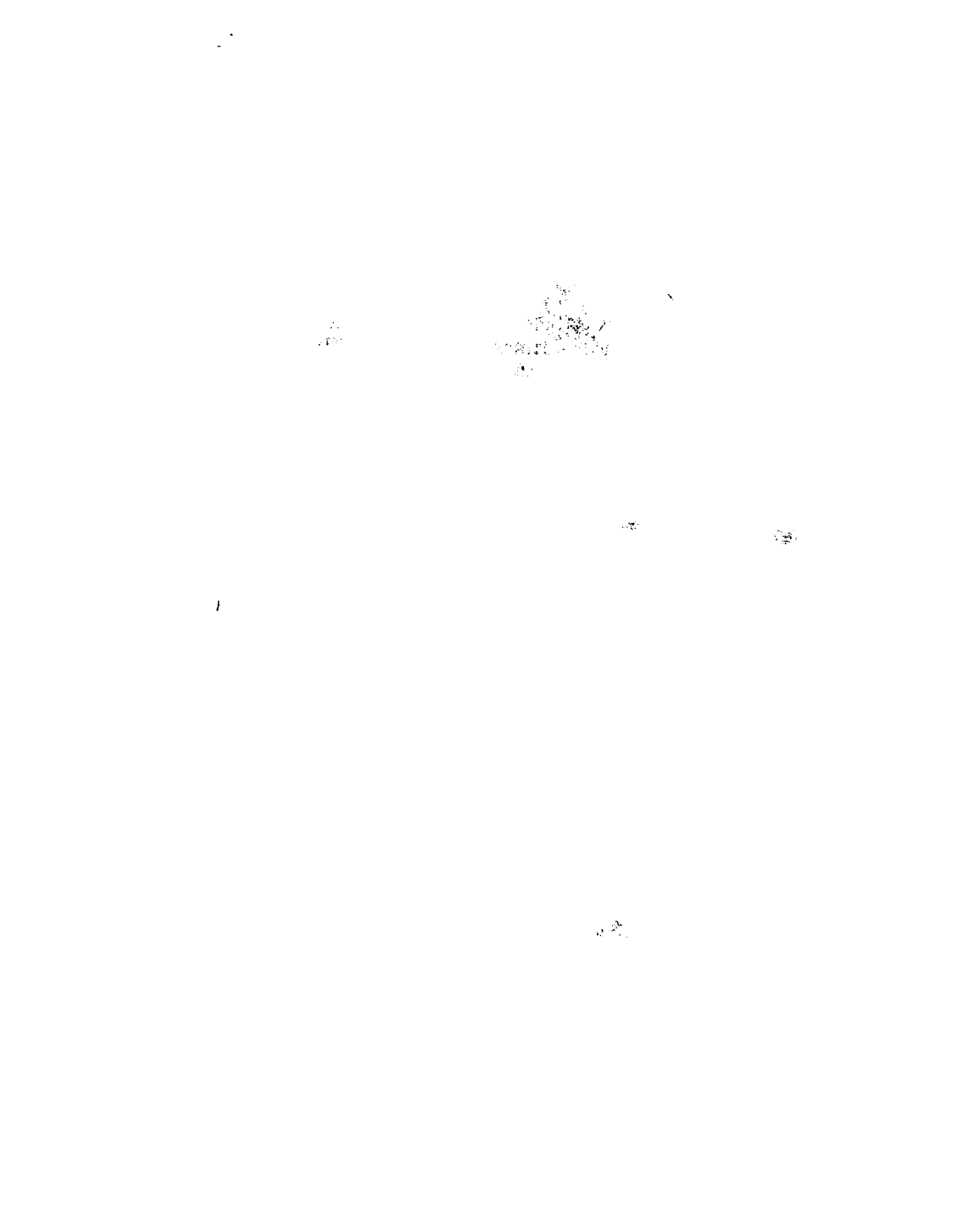
— Нет, полетим в Спрингфилд. Я сойду на южной станции кольцевой трассы. Я хотел бы успеть на «Дротик».

«Дротик» доставит его на космодром еще затемно.

ЗВЕЗДНЫЙ ЗВЕРЬ

РОМАН

Глава 1

Л-ДЕНЬ

Луммокс был в унынии. К тому же он хотел есть. Это было его нормальным состоянием: такое существо, как Луммокс, всегда готово слегка закусить — даже после плотного обеда. Уныние было свойственно ему куда меньше и происходило лишь оттого, что его закадычный друг и ближайший товарищ Джон Томас Стюарт не показывался уже целый день, куда-то исчезнув со своей подружкой Бетти.

Один день без Джона Томаса — это еще куда ни шло. Луммокс глубоко вздохнул. Он понимал, в чем дело. Джон Томас вырос. Он уже достиг того возраста, чтобы проводить все больше и больше времени с Бетти или с какой-нибудь другой девушкой и все меньше и меньше с ним, Луммоксом. А скоро наступит такой долгий период, когда Джон Томас практически не будет уделять времени Луммоксу, но затем появится новый Джон Томас, который подрастет и с ним станет интересно играть.

Опыт научил Луммокса, что от этого неизбежного круговорота вещей никуда не деться. Тем не менее ближайшее будущее представлялось ему мучительно тоскливым. В апатии он бродил по заднему двору Стюартов в поисках то ли кузнечика, то ли малиновки — словом, любого, с кем можно было бы пообщаться. Наткнувшись на муравейник, он тупо уставился на него. Похоже, что муравьи куда-то переселялись: бесконечная вереница насекомых тащила белые личинки, а навстречу спешили за новым грузом другие муравьи. Так он убил полчаса.

Устав от лицемерия муравьев, Луммокс побрел к своему обиталищу. Его семифутовые лапы раздавили муравейник, но этот факт не привлек внимания Луммокса. Его собственный дом был достаточно велик, располагался в конце ряда постепенно увеличивающихся помещений: первое из них могло вместить разве что крохотную собачку чихуахуа.

На крыше дома сохли шесть охапок сена. Луммокс выдернул несколько соломинок и стал лениво жевать их. От второй порции он отказался, потому что первая — это было все, что, как он прикинул, можно стащить не будучи замеченным. Он мог, не моргнув глазом, сжевать целую охапку, но его останавливало сознание, что Джон Томас будет ругать его и даже, может быть, целую неделю, а то и больше, не будет чесать граблями. По правилам дома, Луммокс не должен был есть ничего, кроме того, что ему дает хозяин, и обычно Луммокс подчинялся этому закону, потому что терпеть не мог ссориться, а когда его ругали, чувствовал себя просто ужасно.

Да и, кроме того, он вообще не хотел сена. Он ел его вчера вечером, будет есть сегодня и, скорее всего, завтра. Луммоксу хотелось пожевать что-нибудь более весомое, и чтобы оно непременно вкусно пахло. Он прошелся вдоль низкой загородки, которая отделяла несколько акров заднего двора от сада миссис Стюарт, положил голову на штaketник и с воодушевлением посмотрел на розы миссис Стюарт. Загородка была линией, за которую он не должен был заходить. Как-то, несколько лет назад, он пересек ее и попробовал несколько роз... просто так, для аппетита, но миссис Стюарт подняла такой крик, что он не хотел даже и думать о повторении попытки. Содрогнувшись при этих воспоминаниях, Луммокс поспешно отвернулся.

Но он вспомнил о нескольких розовых кустах, которые не принадлежали миссис Стюарт и тем самым, по мнению Луммокса, не принадлежали вообще никому. Они росли в соседнем саду семейства Донахью, и Луммокс прикинул, что у него есть возможность добраться до этих «ничейных» роз...

Усадьба Стюартов была ограждена бетонной стеной высотой в десять футов. Луммокс никогда не помышлял забраться на стену, хотя время от времени обкусывал ее верхушку. За домом в стене был небольшой проем, где дождевые и подпочвенные воды промыли маленький овражек, пересекавший линию владений Стюартов. Проем этот был заделан массивными брусьями восемь на восемь дюймов, скрепленными не менее массивными болтами. Брусья уходили концами в ложе ручейка, и подрядчик, ставивший их, уверил миссис Стюарт, что они смогут остановить не только Луммокса, но и целое стадо слонов, если те попробуют снести ограждение.

Луммокс знал, что подрядчик ошибался, но мнения Луммокса никто не спрашивал, и он оставил это мнение при себе. Джон Томас тоже никогда не высказывался по этому поводу, но, похоже, подозревал правду; во всяком случае, он подчеркнуто приказал Луммоксу не болтаться возле загородки.

Луммокс послушался. Он, конечно, попробовал изгородь, но деревянные брусья были отвратительны на вкус, и он оставил их в покое.

Однако за естественный ход вещей Луммокс не отвечал. Как-то, месяца три назад, он заметил, что весенние дожди размывили ложе овражка и теперь два вертикальных бруса едва доставали до дна. Луммокс думал об этом несколько недель и наконец пришел к выводу, что легкий случайный толчок может изменить положение брусев. А если толкнуть чуть сильнее, брусья разойдутся, а заграждение практически останется нетронутым...

Луммокс побрел обследовать брусья. Он обнаружил, что последний дождь настолько размыв проем, что один вертикальный брус просто висел в нескольких дюймах над землей, а другой лишь слегка упирался в песок. Луммокс растянул физиономию в улыбке, которой могло бы позавидовать простодушное огородное пугало, и осторожно просунул голову между брусев. Голова прошла легко и свободно.

Вдруг он услышал треск ломающегося дерева и почувствовал себя совершенно свободно. Удивившись, Луммокс вытащил голову и посмотрел вверх, откуда раздался звук. Верхний конец одного из могучих брусьев вырвался из крепежных болтов и свободно вращался на нижней перекладине. Луммокс вздохнул. Ох, как плохо... Но тут уже ничего не поделаешь. Луммокс был не из тех, кто рыдает над случившимся. Что произошло — то произошло. Спору нет, Джон Томас будет сердиться... но перед Луммоксом красовался проход через заграждение. Наклонив голову, как квартербек, готовящийся к атаке, Луммокс присел и рванулся вперед. Раздались протестующие звуки ломающегося дерева, острые концы выломанных болтов оцарапали кожу, но Луммокс не обратил внимания на эти мелочи: наконец он был на свободе.

Не успев набрать скорость, Луммокс остановился и потоптался на месте, осматриваясь. Он испытал прилив восторга и удивился, что не отважился на это раньше. Давно уже Джон Томас не выводил его гулять — даже на короткую прогулку...

Вдыхая свежий воздух, он продолжал озираться, когда внезапно на него набросилось некое недружелюбное существо, захлебываясь от грозного лая. Луммокс знал его. Это был огромный мускулистый мастиф, который, гордясь свободой, часто бродил по соседству. Луммокс ничего не имел против собак; за время своей долгой жизни в семье Стюартов он близко познакомился с несколькими и неплохо проводил с ними время, особенно в отсутствие Джона Томаса. Но у этого мастифа был совершенно другой характер. Он считал себя хозяином всех окрестностей, оскорблял других собак, терроризировал кошек и то и дело предлагал Луммоксу выйти и принять бой, как подобает настоящему псу.

Луммокс улыбнулся ему, открыл пошире пасть и шепелявым голосом, тоненьким, как у девочки, обозвал мастифа очень плохим словом. Тот онемел от изумления. Он не понял, что именно сказал Луммокс, но догадался, что его оскорбили. Оправившись, он снова кинулся в атаку, задыхаясь от громового лая и выплевывая несусветную чепуху. Он плясал вокруг Луммокса, время от времени делая выпады, намереваясь цапнуть Луммокса за ногу.

Наблюдая за псом, Луммокс оставался недвижим. Затем он высказал справедливое предположение, откуда родом предки мастифа, а также чем они занимались; это привело мастифа в полное неистовство. Во время очередного выпада мастиф оказался слишком близко от ног Луммокса, который стоял на земле всеми восемью конечностями; Луммокс сделал неуловимое движение головой, словно лягушка, разящая муху, его пасть открылась, как дверь шкафа, и слизнула мастифа.

Неплохо, решил Луммокс, облизнувшись. Совсем неплохо... хотя ошейник мог быть и помягче. Он прикинул, не стоит ли ему вернуться обратно, поскольку он уже закусил и повод для прогулки исчез. Хотя еще остались «ничейные» розы... и, конечно же, Джон Томас искренне удивится, если он сразу же вернется.

Луммокс потрусил вдоль задней стены дома Стюартов и, обогнув его, оказался рядом с сараем Донахью.

Джон Томас Стюарт XI вернулся к обеду, проводив Бетти Соренсен почти до дома. Приземляясь, он заметил, что Луммокса не видно, но решил, что его питомец сидит в своей обители. Мысли Джона были заняты отнюдь не Луммоксом, а извечным вопросом, почему женщинам не доступна нормальная человеческая логика.

Он собрался поступать в Вестерн-Тех, в Западный Технологический; Бетти же хотела, чтобы они учились в университете штата. Он указал ей, что знания, которые ему нужны, он не сможет получить в этом университете; Бетти настаивала, что сможет, выдвигая различные доводы. Он возразил ей, сказав, что дело даже не столько в содержании определенного курса, а в том, кто его читает. Спор потерял всякий смысл, когда Бетти наотрез отказалась признать авторитет Джона Томаса.

Размышляя о нелогичности женского мышления, Джон Томас рассеянно скинул ремни подвесной системы своего мини-геликоптера и бросил их в прихожей, где и столкнулся с матерью, взорвавшейся при его появлении.

— Джон Томас! Где ты был?

С опозданием он подумал, что ему надо было проскользнуть в дом незамеченным. Когда она обращалась к нему «Джон Томас», это был плохой знак. «Джон, Джонни» или «Джонни-бой» говорило, что все в порядке. Но «Джон Томас» означало, что она устала, возмущена или раздражена его отсутствием.

— А? Мам, так я же говорил тебе за завтраком. Я подскочил к Бетти. Мы летали к...

— Меня это не интересует! Ты знаешь, что наделало это животное?

Значит, он все-таки вляпался. Луммокс. Джон Томас надеялся, что речь идет не о садике матери. Может быть, Лум снова перевернул свой дом. Если дело только в этом, мать быстро успокоится. Может быть, ему придется выстроить Луммоксу новый дом, побольше.

— В чем дело? — осторожно спросил он.

— В чем дело? И ты еще спрашиваешь? Джон Томас! Я хочу, чтобы в нашем доме был покой! Это было последней каплей! Ты должен избавиться от него!

— Успокойся, мама! — торопливо сказал Джон Томас. — Мы не можем избавиться от Лума. Ты обещала папе.

Она ушла от прямого ответа.

— Когда полиция звонит каждые десять минут, и это огромное страшное животное свирепствует вокруг, и...

— Что? Подожди, мама. Лум совершенно не опасен, он ласков, как котенок. Что случилось?

— Все, что только могло случиться!

Постепенно он вытянул из нее все детали происшедшего. Луммокс отправился прогуляться. Этого было уже достаточно. Наверняка Луммоксу встретятся во время прогулки стальные вещицы, которые оказывают

взрывоподобные действия на его обмен веществ. Джон Томас помнил, что произошло, когда Луммокс съел подержанный бьюик... В его размышления ворвался голос матери.

— ... и миссис Донахью просто вне себя! Она в ярости! И у нее есть основания! Ее выставочные розы!..

Ох, черт возьми, вот это уже плохо. Он попытался припомнить, сколько денег лежит на его счету. Придется извиняться и умасливать старую ворчунью. Ну, он надерет Луммоксу уши! Нет ему прощения — ведь он знал о розах!

— Слушай, мам, я ужасно извиняюсь. Сейчас я пойду и вколочу в его толстую башку, как себя надо вести. Он у меня даже чихнуть не сможет без разрешения. — Джон Томас вскочил.

— Куда ты собрался? — спросила мать.

— Как куда? Поговорить с Луммоксом, вот куда. Когда я до него доберусь...

— Не дури. Его здесь нет.

— Что? А где же он? — Джон Томас взмолился про себя — лишь бы он не нашел свалку металлолома! В истории с бьюиком Луммокс был не виноват, и тот принадлежал Джону Томасу, и все же...

— Понятия не имею, где он сейчас. Шериф Дрейзер сказал...

— Луммоксом занимается полиция?

— Можешь быть в этом уверен, молодой человек! Патрули идут за ним по пятам. Дрейзер сказал, чтобы я спустилась в город и забрала его, но я ответила, что только ты можешь справиться с этим чудовищем.

— Мама, Луммокс послушался бы тебя. Он всегда так поступает. При чем тут мистер Дрейзер и почему Луммокс очутился в городе? Ведь шериф знает, что Луммокс живет здесь. Город пугает Лума. Бедный малыш очень робок, и он не любит...

— Вот уж действительно бедный малыш! Он не в городе.

— Но ты же сама сказала, что он там.

— Ничего подобного я не говорила. Если ты помолчишь, я расскажу тебе, что случилось.

Случилось, что миссис Донахью была несколько удивлена, увидев, как Луммокс поедает пятый или шестой куст ее роз. Нимало не раздумывая, с большим мужеством она накинулась на Луммокса, вооружившись веником, которым с воплями била его по голове. На мастифа она не походила, хотя Луммокс и ее мог слизнуть одним махом; тем не менее Луммокс понимал, что к чему, столь же четко, как домашняя кошка. Люди — это не еда; почти всегда люди относятся к нему по-дружески.

Поэтому он был оскорблен в своих лучших чувствах. Скорчив недовольную гримасу, он поспешил убраться.

Следующее сообщение о похождениях Луммокса поступило с точки, расположенной в двух милях и примерно в получасе ходьбы от дома миссис Донахью. Стюарты жили в пригороде Вествилла, и от города их отделял зеленый пояс. Здесь мистер Ито имел небольшую ферму, где

выращивал овощи к столу гурманов. По всей видимости, мистер Ито не представлял, с кем он столкнулся, когда увидел нечто, поедающее его капусту. Существование Луммокса не было ни для кого секретом, но мистер Ито не интересовался делами других людей и никогда не видел Луммокса.

Как и миссис Донахью, он не медлил ни мгновения. Он кинулся в свой домик и выскочил из него с оружием, которое досталось ему от деда, — реликвия Четвертой Мировой войны, известное как «убийца танков». Мистер Ито установил оружие на опрокинутом горшке и навел его на Луммокса. Грохот выстрела оглушил мистера Ито (он никогда не слышал такого выстрела ранее), а вспышка ослепила. Когда он протер глаза и огляделся, существо уже исчезло.

Установить, в каком направлении оно исчезло, было нетрудно. Эта стычка не оскорбила Луммокса, как веник миссис Донахью, но перепуган он был до предела. Увлеченный салатом мистера Ито, он находился неподалеку от его садового домика. Когда грянул взрыв, Луммокс с места взял предельную скорость и кинулся прямо вперед. Обычно он рысил, переставляя ноги в порядке 1-4-5-8-2-3-6-7, чего вполне хватало для средней рыси; теперь он с места сорвался в галоп, одновременно выбрасывая 1-ю и 2-ю, 5-ю и 6-ю ноги, а затем 3-ю и 4-ю, 7-ю и 8-ю.

Луммокс пролетел сквозь садовый домик прежде, чем успел его заметить, проделав проход, достаточный для грузовика средних размеров. Прямо перед ним в трех милях лежал Вествилл, но было бы куда лучше, если бы в момент выстрела его голова была направлена в сторону гор.

Слушая мать, Джон Томас все отчетливее понимал, что произошло. Когда дело дошло до судьбы садового домика мистера Ито, он перестал вспоминать, сколько у него денег, и стал прикидывать, что он мог бы продать. Геликоптер почти новый... ерунда, сколько бы он за него ни выручил, расходов это не покроет. Может быть, он сможет взять кредит в банке? Одно было ясно: мать не поможет, во всяком случае, в своем сегодняшнем состоянии. Остальные сообщения носили отрывочный характер. Луммокс выскочил на скоростную автотрассу, ведущую в город, как раз у трактира. Шофер трансконтинентального грузовика, потягивая кофе, жаловался офицеру службы безопасности движения на какое-то авто с ногами, не обращающее никакого внимания на разграничительные полосы. Свое возмущение дальнобойщик объяснил опасностью, которую представляют роботы-водители, а также тем, что, по его мнению, людям, что сидят за баранкой и не отрывают глаз от дороги, не осталось места на трассах. Патрульный не видел Луммокса, поскольку как раз в этот момент отлучался за очередной чашкой кофе, и посчитал, что водитель что-то напутал, но все же позвонил, куда полагается.

Автодорожный центр в Вествилле не обратил на это сообщение никакого внимания: работники центра были слишком поглощены смятением, охватившим город.

Джон Томас прервал рассказ матери.

— Кто-нибудь пострадал?

— Пострадал? Не знаю. Возможно. Джон Томас, ты должен немедленно избавиться от этого животного.

Он пропустил эти слова мимо ушей. Для споров время было неподходящим.

— Что еще произошло?

Деталей миссис Стюарт не знала. По Вествиллу Луммокс двигался медленно и с остановками: оживленное движение и большое количество людей смущали его. С улицы он свернул в переулок. Земля, не предназначенная носить на себе шесть тонн живого веса, подалась под его ногами, и многочисленные пешеходы, которые в это самое оживленное время дня наполняли торговый квартал, в смятении кинулись в разные стороны. Женщины визжали, дети и собаки бесновались от восторга, полицейские пытались восстановить порядок, а бедный Луммокс, который не собирался никого пугать и обижать и уж, во всяком случае, не предполагал навестить торговый квартал, сделал совершенно естественную ошибку... Большое окно витрины магазина Бон Марше казалось спасительным убежищем. Витрина была закрыта непробиваемым металлизированным стеклом, но архитектор не предполагал, что этой преграде придется выдержать столкновение с Луммоксом. Луммокс вошел через стекло и попытался укрыться в модной элегантной спальне. Попытка его не увенчалась успехом.

Очередной вопрос Джона Томаса был прерван топотом ног по крыше: кто-то совершил посадку. Он посмотрел вверх.

— Ты кого-то ждешь, мама?

— Наверное, это полиция. Они сказали, что должны...

— Полиция? Ох, черт побери...

— Не удирай, тебе надо увидеться с ними.

— Я никуда не удираю, — жалобно сказал Джон Томас и нажал кнопку, открывающую вход.

Секундой позже скрипнул неторопливый лифт, дверь открылась, и в комнату вошли сержант и патрульный.

— Миссис Стюарт? — официально обратился сержант. — Я к вашим услугам, мадам. Мы... — И тут он увидел Джона Томаса, не знающего, куда спрятать глаза.

— Ты Джон Т. Стюарт?

Джон сглотнул комок в горле.

— Ага, сэр.

— Тогда давай с нами. Прошу прощения, мэм. Пошли, парень. У нас всего пара минут. — Он взял Джона Томаса за руку.

Джон попытался освободиться.

— В чем дело? А у вас есть ордер или что-то такое?

Сержант остановился, медленно сосчитал про себя до десяти, а затем раздельно произнес:

— Сынок, ордера у меня нет. Но если ты Джон Т. Стюарт... а я знаю, что так оно и есть... и если ты хочешь, чтобы с этой штукой, которая

свалилась на нас из какого-то глубокого космоса и которую ты принял, не случилось неприятностей, перестань выкаблучиваться и поехали с нами.

— Иду, — поспешно сказал Джон Томас.

— Отлично. И постарайся не доставлять мне никаких хлопот.

Джон Томас замолчал и двинулся вместе с полицейскими. За те три минуты, что потребовались полицейскому вертолету, чтобы долететь до города, Джон представлял себе разные ужасы.

— Господин офицер, — спросил он. — Кто-нибудь пострадал?

— Меня зовут сержант Мендоза. Надеюсь, что все целы. Хотя точно не знаю.

Джон Томас обдумал этот неопределенный ответ.

— А... Луммокс все еще в Бон Марше?

— Ты его так называешь — Луммокс? Нет, мы его выставили оттуда. Теперь он под виадуком Вест-Арройо... Надеюсь, что он еще там.

От этого ответа Джон Томас похолодел.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, первым делом мы заблокировали улицы Мейн и Гамильтон, а затем брандспойтами выгнали его из магазина. Ничто другое не годилось. Самые тяжелые пули просто отскакивали от него. Что за шкура у этого зверя? Из десятидюймовой стали?

— Ну, не совсем... — Ирония сержанта Мендозы настолько была близка к истине, что Джону Томасу не хотелось обсуждать эту тему; куда больше его волновал вопрос, не съел ли Луммокс железа. После недоразумения с бьюнком Луммокс стал стремительно расти: за две недели он из среднего гиппопотама превратился в то, что представляет собой сегодня. Он очень исхудал, и шкура обвисала на нем складками, напоминая выброшенный на шкаф ковер, а скелет странных, неземных очертаний выпирал сквозь шкуру; потребовалось три года держать его на высококалорийной диете, чтобы он снова округлился. С этого времени Джон Томас старался держать металл подальше от Луммокса, особенно железо, хотя в свое время отец и дедушка Джона Томаса постоянно подкидывали Луммоксу кусочки металлолома.

— Ну-с, вот так, — продолжал сержант Мендоза. — Когда пожарные выковыряли его оттуда, он чихнул и сшиб с ног двух человек. После этого мы включили водонапор на полную мощность, стараясь направить его по Гамильтон-стрит, где было побольше места и где он никому не угрожал бы... и в то же время мы искали тебя. Все шло вроде как нельзя лучше, если не считать одного вывернутого фонарного столба да опрокинутой машины, но когда мы собирались завернуть его по Хиллкрест — оттуда прямая дорога к вам, — он удрал от нас, сшиб шлагбаум и забился под виадук, где... словом, увидишь сам. Вот мы и на месте.

С полдюжины полицейских машин крутились над виадуком. Чуть в стороне роились частные аэрокары и даже парочка пассажирских; патрульные машины то и дело отгоняли их. Тут же вертелись и кувыркались несколько сот летунов на мини-коптерах. Они то и дело пикировали вниз и шныряли

между машинами, затрудняя и без того нелегкую работу полиции. На земле полицейские во главе с офицерами пытались отгеснить толпу подальше от виадука и организовать движение по другой дороге. Пилот в машине сержанта Мендозы прокладывал путь через царящую в воздухе сумятицу, одновременно докладывая что-то в нагрудный передатчик. Красный аппарат шерифа Дрейзера вынырнул из скопления машин и приблизился к ним.

Обе машины, разделенные несколькими ярдами, зависли в ста футах над виадуком. Джон Томас видел большой пролом в ограде, сквозь которую прорвался Луммокс, но самого Луммокса не обнаружил: тот скрывался под виадуком. Дверца машины шерифа открылась, и Дрейзер высунулся наружу; он казался раздраженным, его лысая голова была покрыта каплями пота.

— Где этот мальчишка Стюартов?!

Джон Томас опустил окно и высунул голову.

— Я здесь, сэр!

— Эй, парень, ты справишься с этим чудовищем?

— Конечно, сэр.

— Хочу надеяться. Мендоза! Высади его. Пусть попробует.

— Есть, шеф. — Мендоза сказал несколько слов пилоту. Наконец Джон Томас увидел Луммокса. Он забился под мост, сжавшись в комок. Джон Томас едва не вывалился из иллюминатора.

— Лум! Лумми! Иди к папе!

Беглец заволновался, и покрытие виадука задребезжало. Наружу высунулось примерно двенадцать футов туловища. Луммокс растерянно озираясь по сторонам.

— Я здесь, Лум! Наверху!

Луммокс увидел своего друга, и его физиономия расплылась в блаженной улыбке. Сержант Мендоза фыркнул.

— Спускайся, Слэт. А ты — на выход.

Пилот несколько снизился, но остановился в замешательстве.

— Хватит, сержант. А то как бы эта штука нас не достала...

— Ладно, ладно. — Сержант Мендоза открыл дверцу и выкинул наружу легкую веревочную лестницу, применяющуюся при спасательных работах. — Ты можешь спуститься, сынок?

— Конечно. — Придерживаясь за руку Мендозы, Джон Томас вцепился в лестницу. Но достигнув последней ступеньки, он все еще продолжал висеть в шести футах над головой Луммокса. Он посмотрел вниз. — Подними голову, малыш, — сказал он, — и возьми меня.

Луммокс поднялся еще на одну пару ног и подставил свой широкий череп под висающие ноги Джона Томаса. Слегка пошатнувшись, Джон Томас встал на его голову, и Луммокс осторожно опустил друга на землю.

Джон Томас прыгнул и тут же повернулся к Луммоксу. Похоже, что все неприятности не причинили Луммоксу заметного вреда; он вздохнул с облегчением. Теперь осталось только доставить его домой, а там уж он его осмотрит дюйм за дюймом.

Тем временем Луммокс смущенно изучал собственные ноги, издавая звуки, напоминающие мурлыканье. Джон сурово посмотрел на него.

— Лумми, ты плохой! Ты очень плохой! Просто тупица — понимаешь?

Луммокс смутился еще больше. Он опустил голову почти до земли и, глядя на своего друга снизу вверх, открыл пасть.

— Я не хотел, — возразил он тоненьким детским голоском.

— Ах, вот как! Ты не хотел! Я запихаю тебе в пасть твои собственные ноги! И попробуй мне только возразить! Я тебя вытряхну из твоей шкуры и сделаю из нее коврик на стенку. Обеда тебе сегодня не видать! Он не хотел!

Над ними завис красный вертолет.

— Все в порядке? — осведомился шериф Дрейзер.

— Конечно.

— Отлично. Будем действовать следующим образом. Я убираю барьеры. Ты ведешь его по Хилл-стрит, где вас будет ждать эскорт; вы пристраиваетесь за ним, и он проводит вас до дома. Все понятно?

— Ясно. — Джон Томас увидел, что оба конца виадука заблокированы бульдозерами с опущенными ножами. Такой порядок был принят силами безопасности во всех городах после Великого Бунта 91-го года, но Джон Томас не мог припомнить ничего подобного в Вествилле, и он начал понимать, что день, когда Луммокс вышел в город прогуляться, не скоро изгладится из памяти.

Но он был счастлив, что Луммокс оказался настолько перепуганным, что не попытался пожевать железа или попробовать какой-нибудь ржавый обломок. Он повернулся к нему.

— Ну ладно, ты, чудовище, вытаскивай свой скелет из этой дыры. Пошли домой. — Луммокс радостно согласился, и виадук снова задрожал. — Подсади меня.

Спина Луммокса преобразилась в нечто вроде седла. Луммокс был полон радостного желания повиноваться и нетерпеливо топтался на месте.

— Успокойся, — сказал Джон Томас. — Я не хочу, чтобы ты отдавил мне ноги. — Луммокс застыл, и мальчик вскарабкался на него, цепляясь за складки стальной на ощупь шкуры. Верхом на Луммоксе он напоминал раджу, отправляющегося на тигриную охоту.

— Все в порядке. А теперь, не торопясь, вверх по дороге. Да не туда, олух царя небесного! Вверх!

Сообразив, что к чему, Луммокс огляделся и зарысил прочь.

Две патрульные машины прокладывали ему дорогу, две прикрывали с тыла. Помидорно-красный вертолет шерифа Дрейзера держался поодаль на безопасной дистанции. Джон Томас несколько расслабился, размышляя, как он, во-первых, будет воспитывать Луммокса, а во-вторых, что он скажет матери. Первая задача была куда проще, чем вторая...

Они были уже на полпути к дому, когда им чуть ли не на голову свалился летун, не обращавший никакого внимания на красные полицейские мигалки. Джон Томас подумал, что так, очертя голову, может летать

только Бетти, и был прав. Он поймал ее за ноги, когда она выключила двигатель.

Шериф Дрейзер распахнул иллюминатор и высунул голову, но Бетти прервала поток возмущения, который он обрушил на них.

— Что я слышу, шериф Дрейзер! Какие ужасные выражения!

Шериф поперхнулся и вгляделся пристальнее.

— Это кто — Бетти Соренсен?

— А кто же еще? И должна вам сказать, шериф, что никогда не предполагала, что доживу до такого времени, когда вы, столько лет преподававший в воскресной школе, будете употреблять такие слова! И если вы считаете, что подаете хороший пример...

— Молодая леди, придержите язык.

— Я? Но это вам надо...

— Цыц! На сегодня с меня хватит! Здесь дело серьезное и посему — марш отсюда!

Взглянув на Джона Томаса, Бетти подмигнула ему и состроила ангельски невинное выражение.

— Но, шериф, я не могу.

— А? Почему это не можете?

— У меня кончилось горючее. Я пошла на аварийную посадку.

— Бетти, перестаньте сочинять.

— Я? Чего ради, декан Дрейзер?

— Я вам покажу декана! Если бак у тебя пустой, слезай с этого зверя и отправляйся домой. Он опасен.

— Лумми опасен? Да он и мухи не обидит. И, кроме того, вы хотите, чтобы я пошла домой одна? По этой глухой дороге? Когда уже темнеет? Вы меня удивляете.

Дрейзер сплюнул и захлопнул иллюминатор. Бетти мигом высвободилась из подвесной системы и устроилась поудобнее в сиденье, которое Луммокс без напоминания соорудил для нее на своей обширной спине. Джон Томас посмотрел на нее.

— Привет, Червячок.

— Привет, Упрямец.

— А я и не знал, что ты знакома с шерифом.

— Я знакома со всеми. А теперь помолчи. Я помчалась сюда из всех сил сломя голову, как только услышала новости по ящику. Ты, даже вместе с Луммоксом, никогда не додумаясь, как выпутаться из этой истории, — поэтому я и здесь. А теперь расскажи мне все, даже самое ужасное. Не скрывай ничего от мамочки.

— Ах ты, хитрая лиса.

— Не трать времени на комплименты. Может быть, это наш последний шанс поговорить с глазу на глаз перед тем, как тебя начнут тягать в разные стороны, поэтому давай быстрее к делу.

— Что? Ты думаешь, что в самом деле... Но если обратиться к юристу?

— Я лучше любого юриста, потому что моя голова не забита всякой ерундой. Я все вижу свежим глазом.

— Ну... — Честно говоря, Джон почувствовал себя куда лучше с появлением Бетти. Теперь он и Луммокс не одиноки в этом недружелюбном мире. Он выложил всю историю, а Бетти спокойно выслушала его.

— Кто-нибудь пострадал?

— Не думаю. Они бы мне сказали об этом.

— Это верно. — Она выпрямилась. — Значит, нам не о чем беспокоиться.

— Что? Но Луммокс наломал дров на сотни, а то и на тысячи... Хотел бы я знать, что ты имеешь в виду, говоря «не о чем беспокоиться»?

— То, что никто не пострадал, — ответила Бетти. — Все остальное можно организовать. Может быть, еще Луммокс окажется пострадавшей стороной.

— Ну, ты даешь! Полная чушь!

— Если ты думаешь, что это чушь, значит, ты никогда не был в суде.

— А ты была?

— Не уходи от разговора. Кроме всего, Луммокс подвергся нападению с применением очень опасного оружия.

— Да, но он не пострадал, его только опалило.

— Неважно. Я уверена, что он испытал сильнейшее душевное потрясение. И, исходя из этого, он не несет ответственности за все, что произошло. А теперь помолчи и дай мне подумать.

— Но не очень напрягайся, а то я услышу, как у тебя шестеренки трещат. Не воображай.

До дома Стюартов они двигались в молчании. И перед тем, как они прибыли, Бетти дала Джону один совет.

— Ничего не признавай. Ничего. И ничего не подписывай. Зови меня.

Миссис Стюарт не вышла встречать их. Шериф Дрейзер вместе с Джоном Томасом отправился осмотреть пролом в заграждении. Луммокс плелся за ними. Шериф молча смотрел, как Джон Томас взял шнурок и натянул его поперек прохода.

— Вот так. Теперь он не сможет выйти.

Дрейзер открыл рот.

— Сынок, у тебя, видно не все дома.

— Вы не понимаете, сэр. Захоти он выйти, забор не остановит его, даже если мы его отремонтируем... Его ничто не остановит. Кроме этого шнурка. Луммокс!

— Да, Джонни?

— Видишь этот шнурок?

— Да, Джонни.

— Если порвешь его, я надеру тебе уши. Понятно?

— Да, Джонни.

— И пока я не разрешу тебе, со двора ни ногой.

— Хорошо, Джонни.
— Обещаешь? Лопни мое сердце?
— Лопни мое сердце.
— Вообще-то в нашем понимании сердца у него нет, — сказал Джонни. — У него все устроено по другому принципу... что-то вроде центробежного насоса. Ну, словно...

— Пусть у него будет какой угодно насос, лишь бы он сидел дома.
— Так и будет. Эту клятву он никогда не нарушит.

Дрейзер вытер руки о штанины.

— Отлично. На ночь я по соседству оставляю человека с портативным передатчиком. А завтра мы вгоним сюда стальные бруссы вместо этих деревянных.

Джонни уже открыл рот, собираясь сказать: «Только не стальные», но решил лучше промолчать.

— В чем дело? — спросил Дрейзер.

— Да нет, ничего.

— Ты тоже не спускай с него глаз.

— Он куда не денется.

— И все же... Ты понимаешь, что вы оба находитесь под арестом? Но я не представляю, в какую камеру запереть этого молодчика.

Джон Томас не ответил. Теперь он понял, что неприятностей не избежать.

Дрейзер смягчил тон.

— Особенно не волнуйся. Ты хороший парень, и твоего отца все вспоминают добрым словом. А теперь мне надо поговорить с твоей матерью. А ты пока лучше побудь здесь, пока не явится мой человек... и, может быть, познакомь его с этой штукой, — краем глаза он указал на Луммкса.

Джон Томас стоял недвижим, пока шериф не скрылся в доме. Теперь-то он мог всыпать Луммксу по первое число, но у него уже не было сил.

Г л а в а 2

ДЕЛО МЕЖЗВЕЗДНОГО ДЕПАРТАМЕНТА

Тревоги и заботы, обрушившиеся на головы Джона Томаса XI и Луммкса, казались им ужасными и в своем роде уникальными, а между тем даже в Вествилле были люди, которые также могли пожаловаться на свои заботы. Так, маленький мистер Ито страдал от болезни, от которой еще не придумано лекарство, от старости. В скором времени она одержала над ним верх. За бесчисленным количеством закрытых дверей Вествилла мужчины, женщины и дети решали, как справиться с проблемами денег, здоровья, семейных дел, внешности и так далее.

Далеко от Вествилла, в столице штата, губернатор в отчаянии смотрел на груды бумаг—они доказывали, что он обязан отправить в тюрьму

своего самого старого и преданного друга. А за миллионы километров от столицы, на Марсе, изыскатель покинул сломавшийся вездеход и двинулся в далекий путь к Форпосту, но никогда не достигнет его.

А в непредставимом для глаз расстоянии в двадцать семь световых лет звездный корабль «Боливар» вошел в подпространство. Маленькая неисправность в одном крохотном реле привела к тому, что оно сработало на десятую секунды позже, чем следовало. И теперь «Боливар» обречен долгие годы скитаться меж звезд... и никогда не найдет дороги домой.

В непостижимой дали от Земли, на полпути к расположенной в этом районе звездной туманности, раса древолазающих ракообразных медленно отступала под натиском более молодой и агрессивной расы амфибий. Пройдет еще несколько земных тысячелетий, пока ракообразные окончательно вымрут, но этот исход вне сомнений. Ситуация эта вызывала глубочайшее сожаление (по земным меркам), потому что раса ракообразных придерживалась системы ценностей, близкой к человеческой, что позволяло надеяться на сотрудничество двух рас в будущем. Но когда через одиннадцать тысяч лет на той планете совершит посадку корабль с Земли, ракообразные уже давно вымрут и от них не останется и следа.

А если снова вернуться на Землю, мы увидим, что в столице Федерации Его Превосходительство Досточтимый Генри Гладстон Кику, магистр искусств (Оксон), доктор гонорис кауза (Кейптаун), Постоянный Заместитель Секретаря Межзвездного Департамента, отнюдь не был обеспокоен горестной судьбой ракообразных, потому что ничего не знал о них. Не тревожился он и о судьбе «Боливара», хотя уже подходило время узнать о нем.

В круг ответственности и забот мистера Кику входило все и вся за ионосферой Земли. Он отвечал и за все, что касалось взаимоотношений между Землей и остальной частью исследованного Космоса. Даже те дела, которые внешне касались только Земли, находились в поле его зрения, если они тем или иным образом были связаны с внеземными, межпланетными или межзвездными проблемами, — словом, круг дел, которыми он занимался, был достаточно широк. К ним относились, например, такие, как импорт травы с Марса, великолепно мутирующей на песчаных почвах и которая должна была покрыть Тибетское плато. Служба мистера Кику пока еще не собиралась давать своего согласия на эту операцию — до тех пор, пока не будет тщательно изучено влияние марсианской травы на овцеводство Австралии и на добрую дюжину других отраслей народного хозяйства. Аклиматизацию инопланетных организмов надо проводить очень осмотрительно: перед глазами мистера Кику постоянно стоял страшный пример Мадагаскара, где был некогда высажен марсианский лимонник. Экономические сложности не волновали мистера Кику; он никогда не обращал внимания на то, сколько пальцев ему придется отдавать, — а вот другие проблемы порой не давали заснуть по ночам: например, решение не давать полицейского эскорта студентам с Проциона VII, направляющимся

по обмену в Годдард. Он принял это решение, несмотря на вполне реальную опасность, угрожающую гостям со стороны провинциалов, с предубеждением относящихся к существам со щупальцами или им подобным, — а с другой стороны, цефалоподы с этой планеты — весьма ранимые существа и вряд ли были бы в восторге от полицейского эскорта, который на их собственной планете не связан иначе как с преступниками. Конечно, в распоряжении мистера Кику был большой штат сотрудников, и, конечно же, ему помогал лично сам Секретарь. Последний произносил речи, встречал Очень Важных Персон, давал интервью и во многих других случаях освобождал мистера Кику от подобных невыносимо тяжелых обязанностей — мистер Кику первый признавал это. И в той мере, в какой нынешний Секретарь корректно вел себя, занимался своими делами, заботился о связях с общественностью и не мешал Заместителю заниматься делами Департамента, мистер Кику относился к нему с симпатией. Если же Секретарь уваливал от выполнения этих обязанностей, мистер Кику всегда знал, как избавиться от него. В последний раз он проявил подобную непреклонность пятнадцать лет назад.

Нынешний Секретарь не доставлял мистру Кику больших хлопот, и сейчас он думал отнюдь не о нем. Он просматривал стопку листов, касающихся Проекта Церебрус, — весьма интересное предложение относительно станции на Плутоне. Но тут на панели замигал огонек, и Кику посмотрел на дверь, отделяющую его помещения от апартаментов Секретаря. Тот вошел, насвистывая модную песенку «Возьми меня с собой и поиграем в мячик».

— Приветствую вас, Генри. Нет, нет, вставать не надо.

Мистер Кику и не собирался вставать.

— Как поживаете, господин Секретарь? Чем могу быть вам полезен?

— Ничего особенного. — Он остановился у стола мистера Кику и взял папку с Проектом. — Что штудируете? Никак Церебрус? Генри, пусть над этим думают инженеры. Чего ради нам беспокоиться?

— Здесь есть некоторые частности, — осторожно ответил мистер Кику, — которые касаются и нас.

— Ну да, ну да... Бюджет и все такое... — Секретарь бегло пробежал по четким строчкам: — «Примерная стоимость: 3,5 МЕГАДОЛЛАРОВ и 7,4 ЖИЗНИ». Что это такое? Я не могу предстать перед Советом с такими подсчетами и просить утвердить их. Это фантастика.

— Первоначальная прикидка давала нам, — спокойно сказал мистер Кику, — более восьми мегадолларов и более сотни жизней.

— Я имею в виду не деньги, а все остальное... Вы представляете, что значит убедить Совет подписать смертные приговоры семи или четырем десяткам человека! Кстати, что это значит — часть человека, что ли?

— Господин Секретарь, — терпеливо ответил подчиненный, — любой проект, несколько больший, чем строительство школьной спортплощадки, включает в себя возможность человеческих жертв. Но в данном случае фактор риска довольно низок.

— М-м-м? — Секретарь снова просмотрел конспект. — Так почему бы так прямо и не сказать? Изложить ситуацию в наилучшем освещении и так далее?..

— Такое изложение уже подготовлено для меня... то есть и для вас тоже. В сообщении для Совета подчеркиваются меры предосторожности и не будет включена оценка возможных смертных случаев, которая, в конце концов, является всего лишь предположением.

— Ну, если всего лишь предположением... Да, конечно... — Секретарь вернул доклад на место, по всей видимости, потеряв к нему интерес.

— Что-нибудь еще, сэр?

— Ах, да! Генри, старина, вы знаете того сановника с Раргиллиана, которого я сегодня должен встречать? Доктор... как бишь его зовут?

— Доктор Фтаемл. — Мистер Кики взглянул на контрольную панель. — Ваша встреча состоится через час и семь минут.

— Совершенно верно. Боюсь, что мне придется просить вас заменить меня. Извинитесь за меня и все такое прочее. Скажите ему, что я по горло занят делами государственной важности.

— Видите ли, сэр... Я не могу советовать вам, но он ждет встречи с официальным лицом вашего ранга... а раргиллианцы исключительно скрупулезно относятся к протоколу.

— Ах, бросьте, эти туземцы даже не поймут разницы между нами.

— Но он поймет, сэр.

— Ну, скажите ему, что вы — это я... неважно. Но я не могу быть одновременно в двух местах. Генеральный Секретарь пригласил меня на партию в гольф, а когда Г.С. говорит «прошу вас», это значит, что я должен, вы же знаете...

Мистер Кики знал, что действительность не имела ничего общего с этими словами, но воздержался от продолжения этой темы.

— Хорошо, сэр.

— Спасибо, старина. — И, насвистывая, Секретарь удалился.

Когда за ним закрылась дверь, мистер Кики гневным жестом выключил все сигнальные тумблеры на панели своего стола. Теперь до него не добраться ни по телефону, ни по видео, ни по УКВ-передатчику, ни через автоответчик; задействованным оставался лишь сигнал тревоги, который его Секретарь пустил в ход лишь один раз за двенадцать лет. Мистер Кики поставил локти на столешницу, опустил голову на руки и запустил пальцы в густые волосы.

Постоянные заботы и тревоги — здесь, там, снова здесь... и вечно под ногами толкаются какие-то идиоты! Отчего ему было не остаться в Африке! Откуда взялся этот зуд служения обществу? Зуд, который давно превратился в пустую привычку...

Кики выпрямился и выдвинул средний ящик стола. В нем лежали описания ферм, разбросанных по долинам Кении. Он вынул пачку листов и погрузился в сравнительное изучение данных. Вот то, что ему надо, рай земной — не больше восьмисот акров, половина из которых возделана.

Он разложил перед собой карты и фотографии, чувствуя, как к нему возвращается хорошее настроение. Теперь он может сложить бумаги и вернуть их на старое место.

Он не говорил об этом шефу, но его реакция на предложение встретиться с доктором Фтаемлом коренилась в давних традициях предков, смертельно боявшихся змей. Если этот доктор Фтаемл чистокровный раригиллианин, медузоподобный гуманоид... Конечно, он знал, что щупальца, шевелящиеся на головах раригиллиан, не имеют ничего общего со змеями — но он ничего не мог поделать со своим желудком. Будь у него время для гипнотического внушения... нет, времени не хватит; он сможет лишь принять пилюли.

Вздохнув, он снова включил тумблеры. Корзина для входящих бумаг стала стремительно наполняться, а цепочка сигнальных лампочек замигала разноцветными огоньками. Но так как тревожных красных огней среди них не было и они мирно отливали янтарем, мистер Кику не обратил на них никакого внимания и потянулся за бумагами. Большинство из них носило чисто информативный характер, остальные относились к его подчиненным. Мистер Кику ставил закорючку своей подписи, набрасывал несколько слов указаний и бросал бумаги в разверстую пасть корзинки для исходящих документов.

Поползла лента телекса, что случалось довольно редко; обычно по телексу сообщалось о существах неземного происхождения, вид и происхождение которых не удалось установить. История, о которой шла речь, была малоинтересной — какое-то происшествие в одном из маленьких городков на западе континента. Но поскольку оно имело отношение к существу неземного происхождения, местная полиция автоматически переслала сообщение в Межзвездный Департамент.

Мистер Кику никогда не видел Луммокса и не проявил к нему никакого интереса. Но мистер Кику знал, что каждый контакт с тем, кто находился «Вне», всегда уникален. Космос бесконечен в своем разнообразии. Принимать решения без точного знания, действовать, основываясь на аналогиях и прецедентах, закрывать глаза на неизвестное — значило подвергаться большой опасности.

Мистер Кику пробежал список сотрудников в поисках свободного человека, который мог бы заняться этим делом. Все без исключения могли выступать в судах любого подчинения, когда речь шла о существах внеземного происхождения, но кто из них сейчас на Земле и достаточно свободен? Хм-м-м...

Сергей Гринберг — вот кто ему нужен. День-другой Системоразведка обойдется без своего шефа. Он нажал кнопку.

— Сергей?

— Да, шеф.

— Ты занят?

— И да и нет. Я полирую ногти и пытаюсь понять, чего ради налогоплательщики платят мне зарплату.

— Интересная мысль. Высылаю тебе копии кое-каких бумаг. — Мистер Кику вложил их в шель «исходящих», нажал на телексе тумблер с фамилией «Гринберг» и обождал несколько секунд, пока бумаги не появились перед Сергеем. — Прочти-ка.

Гринберг просмотрел бумаги.

— Итак, шеф...

— Свяжись с местными законниками, сообщи им, что мы займемся этим делом, затем отправляйся туда и посмотри, что там такое.

— Слушаюсь и повинуюсь, ваше величество.

— Совершенно верно. Посмотри, нет ли там какой-то «особой ситуации», мы должны быть в курсе дела.

— В крайнем случае я займусь строевой подготовкой с местными стражниками. Где эта деревушка? Как ее — Вествилл?

— Откуда я знаю? Бумаги перед тобой.

Гринберг взглянул на них.

— Ого! Это же в горах! История может занять две-три недели...

— Попробуйте задержаться больше, чем на три дня, и я вычту их из твоего отпуска. — Мистер Кику отключился и вернулся к другим делам: ответил на дюжину вызовов, опустошил до дна корзину входящих бумаг, которая тут же наполнилась снова, и заметил, что подходит время встречи с раргиллианином. Он почувствовал, как спина покрывается гусиной кожей, и поспешно нырнул в ящик стола за таблетками, относительно которых доктор предупредил его, чтобы Кику не злоупотреблял ими. Он едва успел проглотить их, как из динамика раздался голос его секретаря.

— Сэр? Прибыл доктор Фтаемл.

— Проси его. — Мистер Кику пробормотал несколько слов, которые его предки использовали, заклиная змей. Дверь широко распахнулась, и на его лице появилось выражение, приличествующее встрече высокопоставленных гостей.

Г л а в а 3

ВОПРОС ПОСТАВЛЕН НЕКОРРЕКТНО

Вмешательство Межзвездного Департамента в историю с Луммоксом отнюдь не было результатом слухов; оно, скорее, усилило их. Гринберг позвонил окружному судье, попросил его разрешения использовать зал судебных заседаний и предупредил, чтобы все свидетели и участники были на месте завтра к десяти часам утра. Включая, конечно, и внеземное существо — причину всей суматохи. Судья О'Фаррел переспросил:

— И существо... оно вам тоже необходимо?

Гринберг уточнил, что именно оно и нужно ему больше всего, так как участие этого внеземного существа и явилось причиной его, Гринберга, прибытия.

— Судья, мы в Межзвездном не любим совать нос в ваши дела. После того, как я взгляну на это создание и задам пару дюжин вопросов, я, скорее всего, поспешу откланяться... что устроит нас обоих. Это злосчастное существо — единственная причина моего появления. Итак, я могу надеяться, что он будет на месте?

— Э-э-э... видите ли, он слишком велик, чтобы его можно было доставить в суд. Я не видел его пару лет и предполагаю, что с тех пор он несколько подрос... хотя и в то время он был непомерно велик. Не могли бы вы ознакомиться с ним в том месте, где он пребывает?

— Не исключено, хотя должен признаться, у меня есть предубеждение против всего, что запутывает дело. А где он находится?

— Там, где обычно, у своего владельца. У них небольшой домик за городом, в нескольких милях.

Гринберг задумался. Он был вполне современным человеком, который не придает значения тому, где ест и спит, когда находится при исполнении служебных обязанностей, но он предпочитал, чтобы все остальные исправно выполняли свой долг, иначе бесконечная чехарда дел в Межзвездном Департаменте никогда не кончится.

— Я предпочел бы избежать поездки за город, так как намерен, если возможно, завтра к полудню вернуться в столицу. Дело безотлагательное... связанное с марсианской нотой. — Когда Гринберг хотел поторопить кого-то, он всегда прибегал к этому приему.

Судья О'Фаррел сказал, что примет это к сведению, и добавил:

— Мы постараемся возвести временную постройку на лужайке у суда.

Два дня назад, когда Луммокс отправился на злополучную прогулку, судья был на рыбалке. К его возвращению суматоха уже улеглась, и он, придерживаясь принципа, избегал слухов, газетных статей и пустой болтовни, связанной с делом, которое ему предстояло рассматривать. Позволив Дрейзеру, О'Фаррел не предполагал, что с доставкой Луммокса возникнут какие-то трудности.

Шериф встретил О'Фаррела, высунувшись из оконца на крыше.

— Судья, вы в своем уме?

— А? Что с вами?

Дрейзер попытался объяснить; судья отверг его объяснения. В конце концов они оба позвонили мэру. Но мэр тоже был с судьей на рыбалке, поэтому он положил свой голос на чашу весов О'Фаррела.

— Вы меня удивляете, — сказал он Дрейзеру. — Мы не можем позволить, чтобы важное официальное лицо думало о нашем городе, как о каких-то задворках, где не могут сделать такое простое дело.

Дрейзер застонал и отправился связываться со Стальной и Сварной Компанией.

Шериф Дрейзер принял решение переселить Луммокса еще до рассвета, когда улицы относительно пустынные, но никто не позаботился ознакомить с этим замыслом Джона Томаса; он проснулся в четыре утра в холодном

поту, прервав бредовые видения, в которых с Луммоком случилось что-то ужасное.

Пока мир вокруг не прояснился, Джон Томас был мрачен и неразговорчив; он был типичной «совой» — одним из тех, у кого по утрам низкое содержание сахара в крови и которые ни на что не годны, пока не позавтракают, — на этой процедуре он и настаивал.

Шериф Дрейзер выглядел рассерженным. Миссис Стюарт использовала выражение «мама-знает-лучше» и сказала: «Дорогой мой, не думаешь ли ты, что было бы лучше...»

— Я хочу позавтракать. И Луммокс тоже.

— Молодой человек, — сказал Дрейзер, — вы неправильно ведете себя. Прежде всего вы должны понять, что вас могут ожидать большие неприятности. Так что шевелитесь. Вы можете позавтракать в городе.

Но Джон Томас уперся.

— Джон Томас! — воскликнула мать. — Ты слышал, что тебе сказали?! Ты становишься таким же трудным, как твой отец.

Такое сравнение с отцом поразило сына.

— Почему ты не защищаешь меня, мама? — резко спросил он. — В школе меня учили, что человека не могут забрать из своего дома без предъявления ордера. Похоже, что ты стараешься помочь им, а не мне. На чьей ты стороне?

Столкнувшись с таким упрямым неповиновением, мать изумленно посмотрела на сына.

— Джон Томас! Ты не имеешь права так разговаривать со своей матерью!

— Это верно, — согласился Дрейзер. — Будь вежлив с матерью, а то я влеплю тебе затрещину — неофициально, конечно. Если тут есть что-то неправомерное, так это мальчик, который грубит старшим. — Он растегнул мундир и вынул сложенную бумагу. — Сержант Мендоза дождался, как ты пытался уклониться от ответственности... так что я подготовился. Вот ордер. Теперь ты пойдешь? Или мне придется тащить тебя?

— Это предписание из суда, — вздохнул Джон Томас, — здесь сказано, что я должен явиться и доставить Луммокса.

— Так оно и есть.

— Но к десяти часам! Здесь не сказано, что я не могу сначала позавтракать... и что я должен что-то делать до десяти часов.

Шериф раздулся и издал глухой стон. Его обычно розовое лицо побавело, но он промолчал.

— Мама! — сказал Джон Томас. — Я хотел бы поесть! А вы не присядете с нами?

Мать посмотрела на Дрейзера, потом перевела взгляд на сына и закусила губу.

— Не волнуйся, — наконец сказала она. — Сейчас я приготовлю завтрак. Мистер Дрейзер, не хотите ли кофе?

— А? Очень любезно с вашей стороны, мадам. Не откажусь. Я с самого утра на ногах.

Джон Томас посмотрел на них.

— Я сбегаю посмотреть на Луммокса. — Помедлив, он добавил: — Я сожалею, что был груб с тобой, мама.

— Не будем говорить об этом, — холодно ответила миссис Стюарт.

Джон Томас хотел добавить еще кое-что в свое оправдание, но благоразумно сдержался и вышел. Луммокс мирно посапывал, наполовину вывалившись из своего укрытия. Его центральный глаз, как обычно во время сна, был обращен к шее; когда Джон Томас подошел, глаз повернулся в орбите: та часть Луммокса, которая бодрствовала, узнала мальчика, но звездное создание не проснулось. Удовлетворенный, Джон Томас вернулся домой.

Во время завтрака атмосфера смягчилась. Когда Джон Томас умял две порции омлета, до крошки подобрал гренки и влил в себя pintу какао, он уже был готов признать, что шериф Дрейзер всего лишь выполняет свои обязанности, что он не из тех, кто ради собственного удовольствия пнет собаку. Что же касается шерифа, то и он, размягченный завтраком, решил, что с мальчиком не произойдет ничего страшного, если он время от времени будет чувствовать твердую руку... ведь его бедная мать вынуждена одна воспитывать сына; а она, похоже, достойная женщина. Он аккуратно кусочком хлеба подобрал с тарелки остатки омлета и сказал:

— Честное слово, миссис Стюарт, я чувствую себя куда бодрее. Одиной женщине нелегко торчать у плиты... а мои ребята обойдутся.

Миссис Стюарт приложила ладонь ко рту.

— О, я забыла о них! Сейчас я быстренько сварю еще кофе, — засуетилась она. — Сколько их?

— Пятеро. Но не стоит беспокоиться, мадам, они позавтракают после дежурства. — Он повернулся к Джону Томасу. — Вы готовы, молодой человек?

— Мхм... — Джон Томас повернулся к матери. — А почему бы не покормить их, мама? Мне все равно еще рано будить Луммокса и кормить его.

К тому времени как Луммокс проснулся и поел, а пятеро полисменов наслаждались второй чашкой кофе после куска горячего мяса, Джон Томас уже воспринимал все случившееся не как арест, а как приключение. И когда процессия наконец двинулась в путь, давно уже минуло семь.

Луммокса удалось доставить во временное убежище позади здания суда лишь после девяти. Луммокс с наслаждением вдохнул запах стали и тут же выразил желание попробовать. Джон Томас был вынужден проявить твердость. Он вошел в клетку вместе с Луммоксом, лаская его и уговаривая не волноваться, и оставался вместе с ним, пока накрепко не приварили дверь. Он не на шутку встревожился, увидев, сколько стали пошло на клетку, у него не было возможности объяснить шерифу Дрейзеру, что для Луммокса нет ничего более лакомого, чем сталь.

Теперь говорить об этом было поздно, тем более что шериф прямо раздувался от гордости, глядя на клетку. Времени для рытья фундамента не было, поэтому помещение для Луммокса представляло собой ящик, все стенки которого, а также потолок состояли из стальных брусьев.

Ладно, подумал Джон Томас, черт с ними. Умники! Не сочли нужным даже обратиться ко мне... Придется сказать Луммоксу, чтобы не пытался под страхом наказания полакомиться своей тюрьмой. Будем надеяться на лучшее.

Луммокс попытался уклониться от спора. С его точки зрения, это было так же глупо, как попытка заключить голодного мальчишку в тюрьму из шоколада и бисквитных пирожных. Один из рабочих прислушался и сказал:

— Похоже, гора заговорила?

— Он таков и есть, — коротко ответил Джон Томас.

— Ага, — человек посмотрел на Луммокса и вернулся к работе. Человеческая речь, которую можно услышать от внеземных существ, не в новинку, особенно в стереопрограммах, и человек, похоже, воспринял ее как должное. Но вскоре он снова остановился.

— Вообще-то, это никак не годится, чтобы животное говорило.

Джон Томас промолчал; это были не те слова, на которые стоило отвечать.

Наконец у него появилось время тщательнее поинтересоваться тем, что его беспокоило. Впервые он заметил это после злосчастной прогулки Луммокса: две припухлости в районе плеч. Со вчерашнего дня они увеличились, и это встревожило Джона Томаса, так как сначала он думал, что это простые синяки, хотя поставить синяк Луммоксу было не так-то просто.

Выстрел из базуки мистера Ито не причинил ему никакого вреда, в том месте, куда ударил заряд, была лишь небольшая, чуть припудренная ссадина; взрыв, который мог бы уничтожить танк, был для Луммокса не больше, чем легкий пинок копытом... он удивил, но не принес вреда.

Луммокс мог пораниться, прорываясь сквозь садовый домик, но это выглядело неправдоподобно. Скорее всего, он пострадал, когда обвалился виадук. Такая масса могла убить и слона. Конечно, Луммокс был далеко не таким хрупким, как слон... и все же он мог пострадать при обвале.

Черт возьми! Припухлости стали больше, настоящие опухоли, и поверхность их мягче и тоньше, она уже не напоминала броню, в которую Луммокс был закован с головы до ног. Насколько Джон Томас помнил, Луммокс никогда не болел; отец тоже никогда не упоминал, чтобы с Луммоксом что-то было не в порядке. Он не менялся ни сегодня, ни вчера, ни позавчера — исключая то, что все рос и рос.

Сегодня вечером надо посмотреть дневник дедушки и записки прадедушки. Может быть, он в чем-то ошибается...

Джон Томас попытался вдавить палец внутрь одной из опухолей; Луммокс слегка дернулся. Джон Томас остановился и обеспокоенно спросил:

— Болит?

— Нет, — ответил детский голосок. — Щекотно.

Ответ ничего не дал. Джон Томас знал, что Луммокс боится щекотки, но обычно для этого требовалось нечто вроде лома или мотыги. Значит, опухоль очень чувствительна. Он уже хотел продолжить дальнейшее исследование, как его остановил голос из-за спины.

— Джон! Джонни!

Он повернулся. С другой стороны клетки на него смотрела Бетти Соренсен.

— Здорово, Червячок. Получила мое послание?

— Да, но только после восьми. Ты же знаешь, какие у нас в общегитии правила. Привет, Луммокс! Как ты себя чувствуешь, малыш?

— Отлично, — сказал Луммокс.

— Вот почему и я здесь, — сказал Джон Томас. — Идиоты вытряхнули меня из постели еще до рассвета. Чушь какая-то.

— Наконец-то тебе повезло увидеть рассвет. Но из-за чего вся суматоха? Я думала, что слушание будет только на будущей неделе.

— Так оно и должно было быть. Но явился какой-то столичный сундук из Межзвездного Департамента. Он и потребовал...

— Что?

— А в чем дело?

— В чем? Да во всем! Я не знаю этого человека из столицы. Я думала, что придется иметь дело с судьей О'Фаррелом... и я знаю, как его пронять. А этот новый судья... ну, тут я не знаю. А во-вторых, у меня появились кое-какие идеи, над которыми надо еще подумать. — Она нахмурилась. — Мы должны добиться отсрочки.

— Чего ради? — спросил Джон Томас. — Почему бы нам не пойти в суд и не рассказать всю правду?

— Джонни! Ты безнадежен! Будь все так просто, не нужно было бы никакого суда.

— Может, это было бы и к лучшему.

— Но... Слушай, Упрямец, перестань распускать сопли. И если нам нужно там быть меньше, чем через час... — Она взглянула на башенные часы на старинном здании суда. — Хорошенькие дела. Нам нужно двигаться побыстрее. Первым делом надо зарегистрировать Луммокса как движимое имущество.

— Глупо. Я тебе говорю, что это ни к чему. Мы не можем считать его имуществом. Он не кусок земли.

— Человек может зарегистрировать в этом качестве корову, лошадей, дюжину свиней. Плотник — свои инструменты. А актриса может объявить своим имуществом гардероб.

— Но это не значит, что можно зарегистрировать в этом качестве Луммокса. Я прослушал тот же курс коммерческого права, что и ты. Они поднимут нас на смех.

— Перестань увливать. Я говорю о втором разделе этого курса. Если бы ты представил Лумми на выставку, он был бы «орудием твоего труда», не так ли? И пусть они доказывают, что это не так. Наше дело — успеть зарегистрировать Луммокса как имущество, на которое невозможно наложить арест, до того как дело решится не в твою пользу.

— Если они что-то затевают против меня, им придется иметь дело с моей матерью.

— Нет, это не так. Я уже узнавала. После того как твой отец составил завещание, она не имеет права тронуть ни одного цента.

— Неужели? — с сомнением спросил он.

— Ох, да поторопись же! Если мы сумеем убедить суд, закон будет на нашей стороне.

— Ну, ты и проныра, Бетти. — Джон Томас проскользнул сквозь загородку, обернулся и сказал: — Лумми, я буду через минуту. Ты оставайся здесь.

— Почему? — спросил Луммокс.

— Не спрашивай «почему?». Просто жди меня здесь.

— Хорошо.

На лужайке перед зданием суда уже собралась толпа: люди глазели на Луммокса в его новых владениях. Шериф Дрейзер отдал приказ обнести этот участок канатами, а двое его сотрудников следили за порядком. Молодые люди нырнули за ограждение и пробились сквозь толпу к ступенькам суда. Нотариальная контора находилась на втором этаже; там они и обнаружили заведующую, сухопарую старую деву.

Мисс Шрейбер выразила ту точку зрения на факт регистрации Луммокса, какую и ожидал Джон Томас. Но Бетти возразила, что в функции провинциального чиновника не входит решать, что человеку определять как свое движимое имущество, и тут же привела совершенно фантастическую историю, как один человек потребовал зарегистрировать свое эхо. Мисс Шрейбер неохотно заполнила соответствующие бумаги, получила причитающийся налог и вручила им заверенную копию.

Было уже почти десять часов. Джон Томас выскочил и торопливо побежал вниз, но остановился, увидев, что Бетти встала на площадку напольных весов.

— Поторопись, Бетти, — попросил он. — У нас для этого нет времени.

— Я уже давно не взвешивалась, — сказала Бетти, разглядывая себя в зеркале. — И, кроме того, мне надо привести себя в порядок. Я должна выглядеть как можно лучше.

— Ты и так прекрасно выглядишь.

— О Джонни, никак это комплимент?

— Это не комплимент. Поторопись. Я еще должен кое-что сказать Луммоксу.

— Спусти пары. Ты должен выглядеть не меньше чем на десять тысяч. — Она разгладила брови, потом придала им окраску по модели «мадам Сатана», решив, что это делает ее старше. Потом она решила нарумянить щеки, но отказалась от своего намерения, видя, что Джонни закипает. Они выскочили из здания суда.

Несколько минут было потрачено на то, чтобы убедить полисмена, что у них есть право оказаться по ту сторону загородки. Джонни увидел, что у клетки Луммокса стоят двое мужчин. Он прибавил шагу.

— Эй! Вы, двое! Уходите отсюда!

Судья О'Фаррел обернулся и моргнул.

— Почему вы так взволнованы, молодой человек?

Его спутник тоже повернулся, но промолчал.

— Я? Во-первых, я его хозяин. Во-вторых, он не любит, когда на него глазят посторонние. Поэтому идите за канаты. — Он повернулся к Луммоксу. — Все в порядке, малыш, Джонни с тобой.

— Привет, Джонни.

— Как поживаете, судья?

— Добрый день, Бетти. — Судья посмотрел на Бетти, пытаясь понять, что в ней изменилось, затем повернулся к Джону Томасу: — А ты, должно быть, из дома Стюартов. Я — судья О'Фаррел.

— Ох, простите меня, господин судья, — краснея, сказал Джон Томас. — Я думал, вы просто зевака.

— Естественно. Мистер Гринберг, этот мальчик Стюарт... Джон Томас Стюарт. Молодой человек, это досточтимый Сергей Гринберг из Межзвездного Департамента. — О'Фаррел обернулся: — Ах, да... Это мисс Бетти Соренсен... Что ты сделала со своим лицом?

Бетти с достоинством проигнорировала это замечание.

— Имею честь приветствовать вас, господин Посланник.

— Прошу вас — просто «мистер Гринберг», мисс Соренсен. — Гринберг повернулся к Джонни. — Вы имеете какое-то отношение к тому Джону Томасу Стюарту?

— Я Джон Томас Стюарт Одиннадцатый, — спокойно ответил Джонни. — Наверное, вы имеете в виду моего прапрапрадедушку.

— Скорее всего, так оно и есть. Сам-то я родился на Марсе, довольно далеко... Я не знал, что ваша семья имеет отношение к этому делу. Может быть, как-нибудь попозже мы поболтаем об истории Марса.

— Я никогда не был на Марсе, — признался Джонни.

— Да? Удивительно. Хотя вы еще так молоды.

Бетти слушала их разговор, наострив уши, и пришла к выводу, что этот судья, если это именно он, должен быть мягче и покладистее, чем О'Фаррел. Ведь припомнить, что с фамилией Джонни что-то связано... это нельзя скидывать со счета.

— Вы заставляете меня проиграть два пари, мистер Стюарт, — продолжал Гринберг.

— Простите, сэр...

— Относительно этого создания. Я думал, вряд ли удастся доказать, что он из «Вне». Я ошибался: эта громадина, конечно, не с Земли. Но в любом случае, окажись оно внеземного происхождения, я был уверен, что ранее сталкивался с подобным существом, по крайней мере, видел в каталогах. Но сейчас я просто ошеломлен. Кто он и откуда явился?

— Это всего лишь Луммокс. Так мы его зовем. Мой прапрадедушка привез его на «Летающем Лезвии»... это был его второй рейс.

— Так давно? Ну что ж, это кое-что проясняет во всей этой таинственной истории; полет состоялся еще до того, как наш Департамент стал вести свои записи... точнее, еще до того, как появился сам Департамент. Но я все еще не могу понять, как это милое создание могло исчезнуть, не оставив и следа в исторических книгах. Я читал о рейсе «Летающего Лезвия» и помню, что они привезли много экзотики. Но такого не припоминаю... кроме того, все внеземные существа в те дни были большой диковинкой.

— Видите ли... Словом, капитан не знал, что Луммокс на борту. Прапрадедушка пронес его на корабль в своей сумке и так же вынес.

— В сумке? — Гринберг не мог оторвать глаз от необъятной фигуры Луммокса.

— Да, сэр. Конечно, Луммокс был тогда куда меньше.

— В таком случае я вынужден поверить.

— У меня есть снимки. Он был ростом со щенка колли.

— Мда... Он напоминает скорее трицератопса, чем колли. Не слишком ли дорого вам обходится его кормежка?

— О нет. Лумми ест все. Ну, почти все, — торопливо поправился Джон Томас, бросив опасливый взгляд на стальные брусья. — И вообще может долго обходиться без еды. Да, Лумми?

Луммокс лежал, вытянув все свои ноги и демонстрируя бесконечное терпение, что он мог делать, когда это было необходимо. Поглядывая на Бетти и на судью, он слушал болтовню своего друга и мистера Гринберга. Услышав вопрос, он открыл огромную пасть:

— Да, только мне это не нравится.

Мистер Гринберг поднял брови.

— Я не знал, что он говорящий.

— Что? О, конечно. Лумми болтал, еще когда мой папа был мальчиком... Да, надо же вас познакомить. Эй, Лумми... Я хочу представить тебе мистера Гринберга.

Луммокс посмотрел на Гринберга без всякого интереса и сказал:

— Как поживаете, господин Посланник Гринберг?

«Как поживаете» он выговорил достаточно ясно, а титул и имя проормотал.

— Здравствуйте, Луммокс. — Гринберг рассматривал Луммокса, пока часы на башне не пробил десять. О'Фаррел повернулся к нему:

— Десять часов, господин Посланник. Я думаю, нам пора начинать.

— Не спешите, — рассеянно сказал Гринберг, — без нас слушание все равно не начнется. В этом расследовании меня интересует один аспект. Мистер Стюарт, каков ОКИ, относительный коэффициент интеллектуальности у Луммокса в сравнении с человеческой шкалой?

— Что? Ах, это... Я не знаю, сэр.

— Господи, неужели никто не пытался его установить?

— В общем-то нет, сэр... То есть я имею в виду «да, сэр». Кто-то пытался предлагать ему какие-то тесты во времена моего дедушки, но дедушке так не понравилось, как они обращались с Луммоксом, что он прогнал всех. С тех пор мы стараемся, чтобы посторонние не общались с Луммоксом. Но он очень сообразительный. Можете сами убедиться.

— Это животное, — прошептал судья О'Фаррел на ухо Гринбергу, — не более сообразительное, чем такса, оно всего лишь может, как попугай, подражать человеческой речи. Я знаю.

— Я все слышал, судья, — возмущенно сказал Джон Томас. — Вы просто предубеждены!

Судья собрался было ответить, но Бетти опередила его:

— Джонни! Помни, что я тебе говорила... все разговоры буду вести я. Гринберг не обратил на нее внимания.

— Были ли какие-нибудь попытки изучить его язык?

— Сэр?

— Мда... скорее всего, нет. И он мог попасть сюда в таком юном возрасте, что просто еще не умел разговаривать... на своем собственном языке, я имею в виду. Но какой-то центр речи должен быть: все ксенологи в один голос утверждают, что центр управления речью имеется только у тех существ, которые могут его использовать. Иными словами, он никогда бы не смог освоить даже зачатки человеческой речи, если бы его соплеменники не использовали вербальную форму общения. А писать он умеет?

— Каким образом, сэр? У него же нет рук.

— Мда... верно. Ну, что ж, отвлекаясь от теории, могу ручаться, что относительный индекс у него не ниже сорока. Ксенологи считают, что высокоразвитые виды, которые можно сравнивать с хомо сапиенс, всегда характеризуются тремя параметрами: центром речи, способностью к манипулированию предметами и, как следствие первых двух, определенным уровнем письменности. Мы должны признать, что Луммокс обладает только первым. Вы изучали ксенологию?

— Немного, сэр, — смутившись, признался Джон Томас, — те несколько книг, которые я мог найти в библиотеке.

— Для вас неплохо. Здесь широкое поле для исследований. Вы были бы удивлены, узнав, как трудно найти толковых ксенологов даже для работы у нас. Но я не случайно задал этот вопрос: как вы знаете, наш департамент оказался вынужденным вмешаться в это дело. Из-за него, — Гринберг показал на Луммокса. — Не исключено, что ваш воспитанник принадлежит

к расе, которая связана с нами договором о взаимных обязательствах. Несколько раз, как это ни странно, посетителей с других планет принимали за диких животных, и результаты таких заблуждений были, как бы это поточнее выразиться, довольно печальны. — Гринберг невольно нахмурился, припомнив тщательно скрываемый факт, что член семьи посла с Аландора был найден обычным чучелом в лавке древностей на Виргинских островах. — Но здесь такой опасности нет.

— Конечно, сэр, Луммокс...ну, он просто как член нашей семьи.

— Отлично. — Посланник вернулся к судье О'Фаррелу. — Могу я посоветоваться с вами, судья? С глазу на глаз, всего на одну минуту.

— Да, сэр.

Мужчины отошли в сторону, а Бетти поспешила к Джону Томасу.

— Дело в шляпе, — прошептала она, — если, конечно, ты будешь держать себя в руках и не наделаешь глупостей.

— А я что делаю? — возмутился Джон Томас. — Но с чего ты взяла, что все в порядке?

— Это очевидно. Ему нравишься ты, ему нравится Луммокс.

— Одно с другим не связано.

— Постарайся, чтобы твой пульс был в норме, и следуй за мной. Мы еще с них взыщем, вот увидишь.

Поодаль Гринберг беседовал с судьей О'Фаррелом.

— После того, что я тут услышал и увидел, мне кажется, судья, что Межзвездный Департамент должен отказаться от участия в этом деле.

— Что? Не понимаю вас, сэр.

— Позвольте, я объясню. Все, что я хотел бы сделать, — это отложить слушание на двадцать четыре часа, за это время я успел бы связаться с Департаментом и изложить свои соображения. Затем я мог бы откланяться, оставив дело на усмотрение местных властей. Я имею в виду вас, естественно.

Судья облизал губы.

— Мне не нравятся отсрочки в последний момент, господин Посланник. Мне никогда не доставляло удовольствия собирать занятых людей, отрывая их отдела, от семьи, а затем объявлять, что им нужно прийти на следующий день. Это не служит вящей славе суда.

Гринберг нахмурился.

— Действительно. Давайте подумаем, как поступить иначе. Исходя из того, что рассказал мне молодой Стюарт, я уверен, что в данном случае нет никакого нарушения ксенополитики Федерации, хотя здесь и замешано внеземное существо и, таким образом, есть формальный повод для вмешательства. Департамент обладает достаточными возможностями, однако они используются лишь в том случае, когда надо избежать осложнений в отношениях с другими планетами. На Земле находится более тридцати тысяч негуманоидных инопланетян, не говоря уже о резидентах и посетителях, имеющих легальный статус «человека», хотя совершенно ясно, что

они не имеют ничего общего с этим понятием. Ксенофобия, неприязнь к инопланетянам, в сущности, позорное пятно на нашей культуре... нет, нет, я не имею в виду Вествилл. Люди часто рассматривают всех этих инопланетян как потенциальную опасность в отношениях с государственными образованиями.

Простите, что вынужден говорить то, что вы, без сомнения, и так отлично знаете. Департамент не может заниматься тем, чтобы вытирать носы нашим инопланетным посетителям, если у них вообще есть носы. У нас нет для этого ни желания, ни работников. Если кто-то из них попадает в неприятную историю, достаточно посоветовать местным властям свериться с договором, который мы заключили с родной планетой несчастного. Департамент вмешивается лишь в редких случаях. Здесь, мне кажется, не тот случай. Вероятнее всего, наш друг Луммокс попадает под определение «животное» и...

— Можно ли в этом сомневаться? — в изумлении спросил судья.

— Да. Именно поэтому я здесь. Несмотря на ограниченные способности к вербальному общению, остальные достоинства Луммокса позволяют предположить, что его раса в состоянии достичь уровня, при котором мы сочтем ее достаточно цивилизованной; тем не менее он животное. Таким образом, у него есть обычные права животных, находящихся под защитой человеческих законов. А следовательно, Департамент не видит необходимости вмешиваться...

— Я понимаю. Ну что же, никто не собирается поступать с ним жестоко, включая и состав суда.

— Без сомнения. Но есть еще одна веская причина, по которой Департамент не хотел бы участвовать в процессе. Давайте предположим, что это создание является «человеком» в том смысле, который законы, обычаи и договоры вкладывают в это понятие с тех пор, как мы впервые вступили в контакт с Великой Марсианской Расой. Просто предположим.

— Условно, — согласился судья.

— Однако и в этом случае он не может представлять интереса для Департамента, потому что... Судья, вы знаете историю «Летающего Лезвия»?

— Смутно, еще со школьных времен. Я не занимаюсь историей космических исследований. У нас и на Земле хватает хлопот.

— Вот как? «Летающее Лезвие» совершило три межзвездных перелета в те времена, когда для этого требовалось столько же отваги, как в дни Колумба. Они не знали, куда летят, и имели очень смутное представление, как вернуться обратно... во всяком случае, «Летающее Лезвие» так и не вернулось из своего третьего полета.

— Да, да, я припоминаю.

— Молодой Стюарт рассказал мне, что это неуклюжее существо с глупой улыбкой — память о втором полете «Летающего Лезвия». Это все, что мне необходимо было знать. У нас нет никаких договоров ни с одной

из планет, которые посетил корабль. Официально они для нас не существуют. И единственные законы, которые имеют отношение к Луммоксу, — это наши доморошенные правила. Поэтому, если Департамент вмешается, он будет вынужден руководствоваться законами Земли. А вы это сделаете лучше, чем я.

Судья О'Фаррел кивнул.

— Иными словами, я могу приступить к делу.

— Минутку. Я попросил об отсрочке, чтобы удостовериться, что мои предположения верны и я не упустил из виду какой-нибудь существенный прецедент или статью закона. Но я готов сразу же отказаться от участия, если смогу получить от вас заверения относительно одного аспекта. Это существо... может оно причинить неприятности, быть опасным?

О'Фаррел кивнул.

— Так я его воспринимаю... неофициально, конечно.

— Скажите, были ли какие-нибудь предложения относительно... его уничтожения?

— Ну, — медленно ответил судья, — говорю опять-таки неофициально. Я знаю, что такие предложения поступят. До меня дошли сведения, что шеф полиции собирается обратиться в суд с просьбой считать решение об уничтожении этого зверя мерой общественной безопасности. Но я не люблю получать информацию из неофициальных источников.

Гринберг не мог скрыть волнения.

— Дела так плохи? Скажите, судья, а вы что думаете об этом? Склонны ли вы к уничтожению животного?

Судья О'Фаррел возмутился.

— Сэр, этот вопрос некорректен.

Гринберг покраснел.

— Прошу прощения. Но мне нужно разобраться. Вы понимаете, что это существо уникально? Несмотря на то что Луммокс может быть опасным (хотя могу поклясться, что это не так), интересы науки требуют, чтобы он остался в живых. Можете ли вы заверить меня, что его не уничтожат?

— Молодой человек, вы принуждаете меня заранее вынести решение! Ваше поведение выходит за рамки, оно совершенно недопустимо!

Шериф Дрейзер выбрал далеко не самое лучшее время, чтобы вмешаться в разговор.

— Судья, я вас обыскался. Начнется, наконец, слушание? Я привел семь человек, которые...

О'Фаррел прервал его.

— Шериф, это мистер Гринберг. Господин Посланник, наш шеф полиции.

— Рад познакомиться с вами, шериф.

— Добрый день, мистер Гринберг! Я хотел бы знать...

— Шериф, — резко прервал его судья, — передайте моему бейлифу, чтобы он подготовился. А теперь, будьте любезны, оставьте нас.

Судья повернулся, оставив шерифа в некоторой растерянности.

У Посланника было время прийти в себя и понять, что эмоциям здесь не место.

— Я снимаю свой вопрос, судья, — вежливо сказал он. — Я не собирался посягать на prerogatives суда. — Он улыбнулся. — При других обстоятельствах меня, пожалуй, обвинили бы в неуважении к суду.

О'Фаррел улыбнулся в ответ.

— Возможно.

— Тюрьма у вас хорошая? Я с удовольствием провел бы в ней месяцев семь, только бы меня никто не беспокоил.

— Не изматывайте себя работой, молодой человек. Я лично всегда нахожу время порыбачить, независимо от того, сколько дел лежит у меня на столе. Время, проведенное за удочкой, Аллах не засчитывает в отпущенное время жизни.

— Приятное времяпровождение. Но мне необходимо решить одну проблему. Вы понимаете, я должен настаивать на отсрочке, пока не проконсультируюсь с Департаментом.

— Конечно. Но ничто не повлияет на мою точку зрения.

— Ни в коем случае. Я согласен с вами, отсрочка в последнюю минуту досадна. — Он подумал о том, что будет, когда он свяжется с Департаментом... представил раздражение и ехидные замечания мистера Кику об «инициативе», «ответственности» и «бога ради, неужели никто в этом сумасшедшем доме не может принять самое простое решение?!». Гринберг приуныл. — Впрочем, я думаю, Департамент предпочтет продолжить начатое. Во всяком случае, не будет возражать против предварительного слушания.

О'Фаррел широко улыбнулся.

— Я так и думал, что вы согласитесь. Я понимаю, что вы в Департаменте иногда имеете дело с самыми неожиданными поворотами.

— В самом деле? Надеюсь, нас минет чаша сия. Хотелось, чтобы мне хватило знаний выпускника юридического колледжа Гарварда.

— Гарварда? Да ведь и я оттуда! Вы так же ругались с Рейнхартом?

— Во всяком случае, когда я там учился, так оно и было.

— Ну и тесен же мир! Жаль, что случай свел меня с одноклассником именно на таком деле; боюсь, оно будет горячим, как картофель на жаровне.

— Разве у вас есть другие дела? Ладно, давайте разжигать костер. Почему бы нам не сесть рядом? Так и так придется кончать с этим делом.

Они направились к зданию суда. Шериф Дрейзер, который подпрыгивал от нетерпения поодаль, понял, что судья забыл о нем; он кинулся было за ним, но вдруг заметил, что мальчишка Стюарт и Бетти Соренсен все еще находятся в клетке Луммокса. Они стояли, тесно прижавшись, и, казалось, не заметили ухода двух важных лиц. Дрейзер двинулся к ним.

— Эй! Эй вы, там, внутри! Джонни Стюарт! Вам надо было быть в суде уже двадцать минут назад.

Джон Томас изумился.

— А я думал... — начал он и вдруг увидел, что судьи и мистера Гринберга уже нет рядом с ними. — Ох! Подождите минуточку... Я должен кое-что сказать Луммоксу.

— Ты ему уже больше ничего не скажешь. Давай, двигай.

— Но, шериф...

Мистер Дрейзер схватил его за руку и потянул за собой. Поскольку он весил больше мальчика примерно на сотню фунтов, Джон Томас не стал сопротивляться.

— Декан Дрейзер! — вмешалась Бетти. — Что за манеры!

— Я сыт вами по горло, леди, — ответил Дрейзер. Он направился к суду, волоча на буксире Джона Томаса. Бетти не оставалось ничего другого, как замолчать и последовать за ними. По пути она было решила еще раз сцепиться с шефом полиции, но, подумав, отказалась от этой мысли.

Джон Томас подчинился неизбежному. Он хотел сказать Луммоксу, что тот должен вести себя тихо, оставаться на месте и не есть стальные брусья, но мистер Дрейзер не дал ему такой возможности. Джон Томас пришел к выводу, что большинство пожилых людей в мире заняты лишь тем, что никого не слушают.

Луммокс не сразу заметил его исчезновение. Лишь немного погодя он встал, заполнив собой все отведенное ему пространство, и посмотрел вслед уходящему Томасу. Брусья крикнули, когда он облокотился на них. Бетти оглянулась и крикнула:

— Луммокс! Жди нас! Мы скоро вернемся!

Луммокс остался стоять, размышляя над сказанным. Указание Бетти вообще-то не было приказом. Или было? В прошлом уже бывали случаи, подобные тому, который он сейчас должен обдумать.

А пока он снова улегся.

Г л а в а 4

ПЛЕННИК СТАЛЬНОЙ КЛЕТКИ

Как только О'Фаррел и Гринберг вошли в зал суда, бейлиф объявил: «Встать! Суд идет!» Говор стих, и посетители стали занимать места. Молодой человек в шляпе, увешанный фотоаппаратурой, преградил путь двум судьям.

— Минуту! — сказал он и щелкнул затвором. — Еще разок... Улыбнитесь нам, судья, и сделайте вид, будто Посланник сказал вам что-то смешное.

— Хватит и одного раза. И снимите свою шляпу. — О'Фаррел прошел мимо. Молодой человек пожал плечами, но шляпу не снял.

Секретарь суда привстал. У него было красное потное лицо; по всему судейскому столу были разбросаны бумаги.

— Извиняюсь, судья, — сказал он. — Полсекунды... — Он придвинул к себе микрофон и забубнил в него. — Проверка... один, два, три, четыре... Цинциннати... шестьдесят шесть... Ну и намучился я с этим микрофоном сегодня.

— Надо было раньше проверить его.

— Будь я проклят, судья, если знал, что он не в порядке. Когда в десять минут десятого я включил микрофон, что-то там сломалось, и мы из сил выбились, пока нашли неисправность.

— Хорошо, хорошо, — примиряюще ответил судья, смущенный присутствием высокопоставленного гостя. — Освободите мое место.

— Если вам все равно, — торопливо сказал Гринберг, — я бы предпочел не занимать место судьи. Мы могли бы сесть все вместе за большой стол. Я думаю, это ускорит ход дела.

О'Фаррел выглядел донельзя расстроенным.

— Я всегда стараюсь соблюдать древние традиции суда. Я думаю, они имеют смысл.

— Вполне возможно. Не могу не согласиться, что люди, которым приходится рассматривать самые разнообразные дела и в самых разных условиях, приобретают некоторую неряшливость в привычках. Но с этим ничего не поделаешь. Возьмите для примера Минатар. Как там обращаются с судьями... пока судья не вынесет решение, его оставляют без еды и питья. Честно говоря, я не принимаю такое отношение. А вы?

О'Фаррел смутился — этот бойкий молодой человек усмотрел сходство между столь ясными и понятными ритуалами его суда и практикой этих язычников. С досадой он припомнил три куска мясного пирога, обильно политых соусом, и омлет, с которого он начал свой день.

— Ну... иные времена, иные нравы, — пробормотал он.

— О, несомненно. И благодарю вас, что откликнулись на мою просьбу. — Гринберг кивнул на служителей суда, которые уже начали составлять столы.

Лишь сейчас судья сообразил, что все это время подбирал выражение повесомее. Но пока суд да дело, пятнадцать человек уже уселись за стол, и Гринберг отослал бейлифа на поиски пепельницы. Затем он повернулся к технику, который, надев наушники, уже склонился над индикаторами контрольной панели в той неудобной позе, которая почему-то свойственна всем электронщикам.

— Ваше хозяйство в порядке?

Техник сложил колечком большой и указательный пальцы.

— Как часы.

— Отлично. Суд готов.

Техник взял микрофон, четко назвал время, место и дату суда, изложил суть рассматриваемого дела и подчиненность суда, затем назвал имя и звание специального посланника, сбившись в произношении имени Гринберга, но тот не поправил его. Появился бейлиф с охалкой пепельниц и торопливо

провозгласил: «Внимание! Внимание! Все, кто имеет отношение к этому делу...»

— Все это неважно, — прервал его Гринберг. — Благодарю вас... Данный суд собрался на предварительное слушание, в ходе которого предстоит разобрать все детали событий, случившихся в прошлый понедельник, причиной которых было внеземное существо, постоянно проживающее здесь и известное под именем «Луммокс». Я имею в виду то огромное животное, которое в данный момент находится в клетке за зданием суда. Бейлиф, если у вас есть снимки этого существа, размножьте их.

— Будет сделано, ваша честь.

— Суд хотел бы довести до всеобщего сведения, что слушание может превратиться в судебное заседание с правом вынесения решения, если суд в силу объективных причин сочтет это необходимым. Другими словами, будьте предельно откровенны перед судом; возможно, он продлится всего один день. Ах, да... суд принимает как письменные заявления, так и устные по поводу вышеупомянутого внеземного существа.

— У меня вопрос, ваша честь.

— Да?

— Мой клиент и я не возражаем против предварительного рассмотрения дела. Но я хотел бы осведомиться у суда: можем ли мы вернуться к привычной процедуре, если в этом появится необходимость?

— Данный суд, действующий в пределах Федерации и руководствующийся сводом законов, именуемых «Правила Цивилизации», а также опирающийся на соглашения, договоры, прецеденты между двумя и более планетами, входящими в Федерацию, или с другими цивилизациями, с которыми какая-либо из планет Федерации имеет дипломатические отношения, не связан местными законами. Цель данного суда — установить правду и, кроме того, провозгласить равенство... равенство всех перед законом. Суд не может слепо придерживаться местных законов и обычаев, особенно в случаях, когда они в корне противоречат высшим законоположениям. Там, где местные обычаи носят сугубо ритуальный характер, суд может игнорировать формальности и приступать непосредственно к делу. Понимаете меня?

— Э-э-э... думаю, что да, сэр, — смущенно сказал небольшой человек средних лет. — Я хотел бы внести дополнения позже.

— Каждый участник процесса может внести их в любое время и может быть уверен, что его выслушают. Кроме того, вы можете обжаловать и мое решение. Хотя... — Гринберг тепло улыбнулся. — Сомневаюсь, чтобы это пошло вам на пользу. До сих пор мои решения не подвергались сомнению.

— Я отнюдь не утверждаю, — поспешно сказал человек, — что суд не в состоянии...

— О, конечно, конечно. Давайте к делу. — Гринберг придвинул к себе пачку бумаг. — Итак, перед нами гражданское дело. Торговая корпорация «Бон Марше» против Луммокса, Джона Томаса Стюарта Одиннадцатого...

(Это имя не дает мне покоя, — шепнул Гринберг судье О'Фаррелу)... Мэри Бредли Стюарт и... Интересы «Бон Марше» представляет Западная страховая компания. Здесь есть еще один иск, предъявленный мистером К.Ито и его страховой компанией, и еще один от города Вествилла... а также иск от миссис Изабеллы Донахью. А также несколько обвинений уголовного характера... одно за содержание опасного животного, другое за халатность в присмотре за ним и еще одно за создание общественных беспорядков.

Джон Томас был мертвенно бледен. Гринберг посмотрел на него и сказал:

— Навалили на тебя, сынок? Держись бодрее... после приговора всегда появляется аппетит.

Джон Томас ответил кривой улыбкой. Бетти нащупала под столом его колено и крепко жала.

В стопке была еще одна бумага; Гринберг, не зачитывая, сунул ее среди прочих. Это было прошение, подписанное шефом полиции от имени жителей Вествилла, вызывающее к суду о необходимости уничтожения «опасного животного, именуемого Луммокс». Вместо этого Гринберг оглядел собравшихся и сказал:

— Итак, кто есть кто? Вот вы, сэр?

Человек, к которому он обратился, был адвокатом, он представился Альфредом Шнейдером и заявил, что представляет интересы «Бон Марше» и Западной страховой компании.

— А этот джентльмен рядом со мной — мистер де Грасс, управляющий магазином.

— Отлично. Будьте любезны, следующий. — Таким образом Гринберг установил, что все главные действующие лица на месте; кроме самого Гринберга, список включал еще судью О'Фаррела, Джона Томаса, Бетти, шерифа Дрейзера, миссис Донахью и ее адвоката мистера Бенфилда, мистера Ломбарда, советника вествиллского муниципалитета, адвоката страховой компании мистера Ито (представляющего интересы своего отца), служащих полиции Карнеса и Мендозу (свидетели) и мать Джона Томаса с ее адвокатом мистером Постлом.

— Я считаю, — сказал Гринберг мистеру Постлу, — что вы действуете и в интересах мистера Стюарта?

— О господи, конечно нет, — прервала его Бетти. — В интересах Джон-ни действую я.

Гринберг поднял брови.

— А я как раз собирался спросить, что вы здесь делаете? Никак вы его адвокат?

— Н-н-ну... я его советник.

Судья О'Фаррел наклонился вперед.

— Это невозможно, господин Посланник, — прошептал он. — Конечно, она никакой не юрист. Я знаю эту девочку. Она мне нравится... но, откровенно говоря, я совершенно не уверен, что она справится с этим делом.

Бетти, вам тут нечего делать, — строго добавил он. — Идите отсюда и перестаньте валять дурака.

— Нет, видите ли, судья...

— Одну минуту, леди, — вмешался Гринберг. — Обладаете ли вы достаточной квалификацией, чтобы действовать в качестве советника мистера Стюарта?

— Конечно. Я стала его советником, потому что он так захотел.

— М-да, весьма убедительно. Тем не менее этого недостаточно. — Он повернулся к Джону Томасу. — Вы согласны?

— Да, сэр.

— Не делай этого, сынок, — прошептал судья О'Фаррел. — Ты об этом пожалеешь.

— Я тоже этого боюсь, — тем же тоном сказал ему Гринберг. Нахмурившись, он обратился к мистеру Постлу: — Готовы ли вы представлять интересы и матери, и сына?

— Да!

— Нет! — возразила Бетти.

— Что? Вы считаете, что сможете лучше защитить интересы мистера Стюарта?

Джон Томас покраснел и выдавил из себя:

— Я его не хочу...

— Почему?

Джон Томас упрямо молчал, а Бетти ехидно сказала:

— Потому, что его мать не любит Луммокса, вот почему. И...

— Это неправда! — резко вмешалась в разговор миссис Стюарт.

— Правда... как и то, что это древнее ископаемое, Постл, дует с ней в одну дудку. Они хотят избавиться от Лумми, они оба!

О'Фаррел поднес ко рту носовой платок и натужно закашлялся. Постл побагровел.

— Леди, — серьезно сказал Гринберг, — вам придется встать и извиниться перед мистером Постлом.

Бетти посмотрела на Посланника, моргнула и встала.

— Мистер Постл, — печально сказала она. — Простите, что вы древнее ископаемое. То есть я имела в виду, простите меня за то, что я назвала вас древним ископаемым.

— Садитесь, — торжественно сказал Гринберг. — И впредь следите за собой. Мистер Стюарт, никто не собирается навязывать вам советника без вашего на то желания. Но вы ставите нас перед дилеммой. В сущности, вы еще подросток и выбираете себе в советники такого же подростка. Вся эта ситуация выглядит не лучшим образом. — Он потер подбородок. — Не собираетесь ли вы... или ваш советник... или вы оба... внести дезорганизацию в работу суда?

— Ни в коем случае, сэр, — с подчеркнутой убедительностью сказала Бетти.

— Хм-м...

— Ваша честь...

— Да, мистер Ломбард?

— Все это кажется мне достаточно смешным. Эта девочка не имеет статуса юриста. Она не является членом коллегии адвокатов. Очевидно, что она никогда не выступала в суде. Я далек от мысли указывать суду, что ему надлежит делать, но совершенно ясно, что ее надо выставить и назначить официального советника. Могу ли я сообщить вам, что данное лицо находится здесь и готово приступить к своим обязанностям?

— Можете. Это все?

— Э-э-э... да, ваша честь.

— Хотел бы напомнить вам, что суд также находит недопустимым указывать на то, что ему надлежит делать; надеюсь, это больше не повторится.

— Э-э-э... Да, ваша честь.

— В конце концов, суд имеет право ошибаться. В соответствии с правилами, которыми руководствуется данный суд, отнюдь нет необходимости, чтобы советник имел формальный статус... пользуясь вашими словами, «был членом коллегии адвокатов», дипломированным юристом... Если вы находите данное правило не совсем обычным, разрешите заверить вас, что паства с Дефлая, где обязанности юристов возлагаются на священников, пришла бы от такого требования просто в изумление. Тем не менее я благодарен вам за внесенное предложение. Здесь ли названное вами лицо?

— Здесь, ваша честь. Цирус Эндрю.

— Благодарю вас. Готовы ли вы принять участие в слушании?

— Да. Но мне надо посоветоваться с моим доверителем.

— Естественно. Ну, мистер Стюарт? Может ли суд считать мистера Эндрю вашим советником?

— Нет! — снова вмешалась Бетти.

— Мисс Соренсен, я обращался к мистеру Стюарту. Итак?
Джон Томас посмотрел на Бетти.

— Нет, ваша честь.

— Почему?

— Я отвечаю, — перехватила слово Бетти. — Я говорю быстрее, чем он, поэтому я и стала его советником. Мы не хотели бы пользоваться услугами мистера Эндрю, потому что советник муниципалитета настроен против нас из-за глупостей, которые наделал Луммокс... а мистер Эндрю и советник муниципалитета — деловые партнеры, так что их спор в суде будет чистым жульничеством!

Гринберг повернулся к Эндрю.

— Так ли это?

— Видите ли, сэр, у нас в самом деле есть юридическая консультация. Вы должны понять, что в таком небольшом городе...

— Я вполне понимаю вас. Так же, как понимаю возражения мисс Соренсен. Благодарю вас, мистер Эндрю. Садитесь.

— Мистер Гринберг?

— Что еще, леди?

— Я хотела бы обратить ваше внимание вот еще на что. У меня есть смутные подозрения, что кое-кто из тех, кто любит вмешиваться в чужие дела, хотел бы отвести меня от участия в деле. Поэтому я хотела бы предупредить такое намерение. Я — совладелица.

— Совладелица?

— Луммокса. Посмотрите. — Бетти вынула из сумочки бумагу и протянула ее. — Квитанция об уплате... все правильно и законно. Все, как и должно быть.

Гринберг просмотрел документы.

— Составлены они по форме. Датированы вчерашним числом... что дает вам право в данном гражданском деле защищать свои интересы. Но это не относится к обвинениям уголовного характера.

— Фу! Здесь нет никакой уголовщины.

— Это нам и предстоит выяснить. И оставьте, наконец, свое «Фу». Но теперь мы должны установить, кто владелец Луммокса.

— Как кто? Джонни! Так сказано в завещании его отца.

— Вот как? Это оговорено, мистер Постл?

Предварительно пошептавшись с миссис Стюарт, мистер Постл поднялся.

— Оговорено, ваша честь. Существо, именуемое «Луммокс», является движимым имуществом Джона Стюарта Томаса-младшего. Миссис Стюарт владеет им лишь косвенно.

— Очень хорошо. — Гринберг протянул клерку квитанцию об уплате налога. — Присовокупите к документам.

Бетти успокоилась.

— Как хотите, ваша честь... можете назначать кого угодно. Но, по крайней мере, теперь у меня есть право голоса.

Гринберг вздохнул.

— Для вас это так важно?

— Думаю, что теперь нет.

— В протоколе будет зафиксировано, что вы оба, несмотря на то что суд возражал, продолжали настаивать, чтобы вы оставались советником. Суд с сожалением снимает с себя обязанность по защите ваших прав перед законом.

— О, не огорчайтесь, мистер Гринберг, мы вам доверяем.

— Предпочел бы, чтобы было наоборот, — мрачно сказал Гринберг. — Однако продолжим. Вон тот джентльмен внизу... кто вы?

— Вы мне, судья? Я репортер из Галактик-пресс. Фамилия — Хови.

— Вот как? Секретарь суда подготовит сообщение для прессы. Я был бы признателен, если бы интервью состоялось несколько позже — если оно кому-нибудь понадобится. Моих снимков рядом с Луммоксом не будет. Есть еще кто-нибудь из прессы?

Встали двое.

— Бейлиф подготовит для вас место у барьера.

— Да, судья. Но, во-первых...

— Прошу вас — только за барьером. — Гринберг огляделся. — Похоже, что все... нет, есть еще один джентльмен внизу. Ваше имя, сэр? Человек, к которому был обращен вопрос, встал. Он был одет в строгий пиджак, полосатые брюки и держал себя с достоинством.

— Имею честь предстать перед высоким судом: мое имя, сэр, Т. Омар Эсклунд, доктор философии.

— Обращение в свой адрес суд не воспринимает ни как честь, ни наоборот, доктор. Имеете ли вы отношение к данному делу?

— Да, сэр. Я представляю здесь *amicus curiae*, я друг суда.

Гринберг нахмурился.

— Суд предпочитает сам выбирать себе друзей. Изложите суть своего дела, доктор.

— С вашего разрешения, сэр. Я исполнительный секретарь Лиги «Сохраним Землю для Человечества». — Гринберг застонал, но доктор Эсклунд не обратил на него внимания, так как углубился в лежащую перед ним толстую рукопись. — Как хорошо известно, начало безбожной практики космических путешествий, обрушившихся на нашу родную Землю, данную нам божьим соизволением, привело к тому, что нас наводнили существа... точнее говоря, животные... чье происхождение весьма сомнительно. И тлетворные последствия данной развратной практики ныне видны каждому...

— Доктор Эсклунд!

— Сэр?

— Что привело вас в данный суд? Представляете ли вы здесь кого-нибудь по одному из исков?

— Дело значительно проще, ваша честь. В широком смысле, я адвокат всего человечества. Общество, которое я имею честь...

— Имеете ли вы что-нибудь заявить? Подать жалобу, например?

— Да, — торжественно ответил Эсклунд. — У меня есть жалоба.

— Представьте ее.

Эсклунд порылся в своих бумагах, вынул одну и протянул Гринбергу, который даже не взглянул на нее.

— А теперь кратко, для протокола, изложите суть вашего заявления. Говорите в ближайший микрофон, четко и ясно.

— Ну... если суд будет настолько любезен. Общество, административным лицом в котором я имею честь состоять... лига, которая, если можно так выразиться, выражает интересы всего человечества, просит... нет, настаивает, чтобы сие исчадие ада, которое своей яростью чуть не уничтожило сей райский уголок, было уничтожено. Это деяние предусмотрено и санкционировано — да, да! — тем святым...

— Таково ваше заявление? Хотите, чтобы суд вынес решение об уничтожении внеземного существа, известного как Луммокс?

— Совершенно верно! И, более того, я имею в своем распоряжении тщательно подобранные документы... неопровержимые аргументы, так сказать, которые...

— Минутку. Вы употребили слово «настаивает»; имеется ли оно в вашем заявлении?

— Нет, ваша честь, оно вырвалось из моего сердца, от полноты возмущения...

— Ваше сердце полно неуважения к суду. Желаете ли вы изменить формулировку?

Эсклунд помолчал, а затем сказал с явной неохотой:

— Я беру свои слова назад. У меня не было намерения оскорблять суд.

— Очень хорошо. Ваше заявление получено и приобщено к делу. Решение по нему будет вынесено позже. Теперь относительно речи, которую вы собираетесь произнести: судя по величине рукописи, я предполагаю, что она займет не менее двух часов?

— Я думаю, что этого будет достаточно, ваша честь, — явно смягчившись, сказал Эсклунд.

— Ясно. Бейлиф!

— Да, ваша честь.

— Прекрасно. Проводите адвоката на улицу. Доктор Эсклунд, все мы уважаем свободу слова... так же, как и вас. Ящик из-под мыла на два часа в полном вашем распоряжении.

Лицо доктора Эсклунда стало цвета баклажана.

— Вы еще о нас услышите!

— Не сомневаюсь.

— Мы знаем таких, как вы! Предатели человечества! Ренегаты! Фигляры!..

— Выведите его.

Ухмыляясь, бейлиф подчинился приказанию. Один из репортеров последовал за ним.

— Итак, все в порядке, — мягко сказал Гринберг. — Перед нами несколько исков, но, в сущности, все они излагают одни и те же факты. Надо выбирать: мы можем слушать доказательства по всем вместе или же по каждому в отдельности. Есть возражения?

Адвокаты переглянулись, и адвокат мистера Ито сказал:

— Ваша честь, мне кажется, что было бы предпочтительнее рассматривать каждый в отдельности.

— Возможно. Но в таком случае мы будем сидеть здесь до Рождества. Я не могу себе позволить, чтобы так много занятых людей выслушивали одно и то же. Но требовать отдельного рассмотрения фактов — ваше право... тем более что ваши доверители понимают, что они должны будут оплачивать каждый день суда.

Сын мистера Ито потянул адвоката за рукав и что-то прошептал ему. Тот кивнул и сказал:

— Мы признаем необходимость совместного рассмотрения... как факт.

— Очень хорошо. Есть еще возражения?

Возражений не последовало. Гринберг повернулся к О'Фаррелу.

— Скажите, в данном зале имеется измеритель истины?

— А? Да, конечно. Правда, я редко им пользуюсь.

— А мне он нравится. — Гринберг повернулся к остальным. —

Измеритель истины мы повесим вот здесь. Никто не обязан представлять перед ним, так же, как никого нельзя заставить принести присягу. Но данный суд имеет право оценивать с юридической точки зрения все сказанное, а также тот факт, если кто-либо откажется от использования измерителя истины.

— Смотри, осторожнее, Червячок, — прошептал Джон Томас на ухо Бетти.

— За меня-то ты не беспокойся, — прошептала она в ответ. — Следи лучше за собой.

— Нам понадобится некоторое время, чтобы установить его, — сказал судья О'Фаррел Гринбергу. — Не сделать ли перерыв для ленча?

— Ах, да, ленч. Прошу общего внимания... суд не будет делать перерыв для ленча. Я попрошу бейлифа дать указание принести кофе и сэндвичи для всех желающих, пока секретарь разыскивает измеритель. Мы перекусим здесь же, на месте. И... есть тут у кого-нибудь спички?

А на лужайке Луммокс, размышляя над непростым вопросом о праве Бетти приказывать ему, был вынужден прийти к выводу, что она обладает особым статусом. Все, с кем Джон Томас знакомил его в течение жизни, были похожи на Бетти; таким образом, в данном случае имело смысл прислушиваться к ее словам, в них не было ничего тревожного. Он снова лег и погрузился в сон, оставив бодрствовать лишь сторожевой глаз.

Сон был тревожен, поскольку Луммокса мучительно терзал ароматный запах стали. Спустя какое-то время Луммокс проснулся и потянулся, отчего клетка затрещала по швам. Ему пришла в голову мысль, что столь долгое отсутствие Джона Томаса ничем не оправдано. Это во-первых. А во-вторых, ему не понравилось поведение мужчины, который уволок Джона Томаса... нет, он ему явно не понравился. Луммокс задумался, что же делать? И что сказал бы Джон Томас, будь он здесь?

Проблема оказалась слишком сложной. Луммокс снова лег и лизнул один из брусьев клетки. Нет, он не прикусил его, он просто попробовал на вкус. Слегка суховато, решил он, но неплохо.

В суде шериф Дрейзер закончил свое выступление перед судом и уступил место Карнесу и Мендозе. Их рассказы были логичны и последовательны, и измеритель истины не шелохнулся; мистер Грасс выступил с требованием расширить доказательную базу. Адвокат мистера Ито признал, что

доверитель стрелял в Луммокса; сын мистера Ито представил снимки последствий визита Луммокса. И, чтобы завершить историю Л-дня, осталось выслушать лишь показания миссис Донахью.

Гринберг повернулся к ее адвокату.

— Мистер Бенфилд, вы хотите сами допросить своего клиента или предпочитаете, чтобы это сделал суд?

— Прошу вас, ваша честь. Возможно, я задам один или два вопроса.

— Это ваше право. Расскажите нам, миссис Донахью, что произошло.

— Это я и собираюсь сделать. Ваша честь, друзья, уважаемые посетители, хотя я и не привыкла к публичным выступлениям, тем не менее завещаю вас, что мой безупречный образ жизни...

— Все это неважно, миссис Донахью. Только факты. Итак, полдень прошлого понедельника...

— Да, тогда это и было!

— Очень хорошо, продолжайте. И не волнуйтесь.

— Ну, как раз тогда я прилегла на несколько минут, решив отдохнуть... Я изнемогаю от своих обязанностей: клуб, благотворительный комитет, а также...

Гринберг наблюдал за измерителем истины над ее головой. Стрелка беспокойно колебалась, но не переходила красную черту, после которой должен был раздаться предупредительный сигнал. И он решил, что пока нет смысла останавливать свидетельницу.

— ... как внезапно я была чудовищно поражена.

Стрелка прыгнула далеко за красную черту, зажегся рубиновый сигнал, и зуммер издал громкий тревожный звук.

Кое-кто захихикал, и Гринберг торопливо сказал:

— Порядок в зале! Бейлиф выведет каждого, кто будет нарушать порядок работы суда.

Когда зуммер зазвучал, миссис Донахью сразу же остановилась. Мистер Бенфилд, помрачнев, тронул ее за локоть и сказал:

— Не обращайтесь внимания, моя дорогая. Просто расскажите суду о том, что вы услышали, что увидели и что делали.

— Он подсказывает свидетелю, — воскликнула Бетти.

— Ничего подобного, — возразил Гринберг.

— Но...

— Возражение не принимается. Свидетель может продолжать.

— И... ну, словом, я услышала странные звуки и подумала, что никогда в жизни не слышала ничего подобного. Я выглянула и увидела это огромное свирепое животное, которое носилось взад и вперед...

Зуммер снова зазвучал; несколько слушателей расхохотались.

— Выключит кто-нибудь эту глупую трещотку? — гневно сказала миссис Донахью. — Неужели кто-то может рассказать о том, что происходило, лучше меня?

— Порядок в зале! — провозгласил Гринберг. — Если будут еще какие-то нарушения, суд сочтет необходимым принять соответствующие

меры. — Он повернулся к миссис Донахью. — Если свидетель дал согласие на использование измерителя, его решение не может быть изменено. Но показания измерителя носят чисто информативный характер; суд не обязан подчиняться им. Продолжайте.

— В жизни еще не сказала ни слова лжи.

Зуммер не издал ни звука.

Гринберг прикинул, что это должно произвести на миссис Донахью впечатление.

— Я имею в виду, — сказал он, — что у суда есть свое собственное мнение. И никакая машина не вынесет приговор вместо суда.

— Мой отец всегда говорил, что подобные штучки — проделки дьявола. Он говорил, что честный деловой человек никогда не должен...

— Прошу вас, миссис Донахью.

Мистер Бенфилд наклонился к ее уху. Миссис Донахью стала говорить тише.

— Словом, у меня в саду оказалось это... это ужасное животное, что живет у мальчишки в соседнем дворе. Оно ело мои розовые кусты.

— А что сделали вы?

— Я не знала, что мне делать. Я схватила первое, что мне попало под руку... кажется, это была метла... и бросилась к дверям. Зверюга рывнула на меня и...

«Бзззззззззз!» — прозвенел зуммер.

— Не могли бы вы повторить то, что сказали, миссис Донахью?

— Оно кинулось прочь, это трусливое создание, и покинуло мой двор. Я не знаю, куда оно направилось. Но мой любимый садик... о, он весь был в руинах. — Игла качнулась, но зуммер не прозвучал.

Гринберг повернулся к адвокату.

— Мистер Бенфилд, оценивали ли вы размеры убытка, нанесенного миссис Донахью?

— Да, ваша честь.

— Будьте любезны, сообщите нам результаты оценки.

Мистер Бенфилд решил, что он скорее потеряет клиента, чем позволит, чтобы эта коварная штука зазвучала при его словах.

— Съедено пять кустов, ваша честь. Небольшие повреждения нанесены лужайке, и в узорной ограде проломана дыра.

— В какую сумму все это оценивается?

— Мы предпочитаем, чтобы вы сами оценили ущерб, — осторожно сказал Бенфилд.

— Вы рискуете, мистер Бенфилд.

Адвокат пожал плечами и вытянул из-под рук миссис Донахью листок с перечислением ущерба.

— Имуществу нанесен ущерб примерно на пару сотен, ваша честь. Но суд должен учесть те неудобства и расстройства, которые повлекло за собой данное происшествие...

Миссис Донахью воскликнула:

— Это невероятно! Мои призовые розы!

Игла дернулась, но вернулась обратно столь быстро, что зуммер не успел отреагировать.

— Что за розы, миссис Донахью? — участливо спросил Гринберг.

— Речь идет, — вмешался ее адвокат, — о широко известных розах миссис Донахью, не имеющих себе равных. И я счастлив сообщить, что ее мужественное поведение сберегло бесценные растения.

— Имеете ли вы что-либо добавить?

— Думаю, нет. Кроме заверенных фотоснимков.

— Очень хорошо.

Миссис Донахью бросила взгляд на своего адвоката.

— А у меня есть, что добавить! Я настаиваю, слышите, настаиваю, чтобы это опаснейшее, кровожадное чудовище было уничтожено!

Гринберг повернулся к Бенфилду:

— Можем ли мы считать эти слова официальным заявлением, мэтр? Или имеет смысл отнести их на счет риторики?

Бенфилд смущенно повел плечами.

— Мы подали такую жалобу, ваша честь.

— Суд рассмотрит ее.

Бетти вскочила.

— Эй, подождите минуту! Все, что Лумми сделал, — это съел несколько ее паршивых старых...

— Потом, мисс Соренсен.

— Но...

— Прошу вас, потом. У вас будет такая возможность. В настоящий момент суд считает необходимым рассматривать лишь факты, имеющие отношение к делу. Есть ли какие-нибудь новые факты у кого-либо? Возможно, кто-нибудь хочет задать дополнительные вопросы свидетелям? Или вызвать дополнительного свидетеля?

— Мы хотим, — сразу же откликнулась Бетти.

— Что вы хотите?

— Вызвать дополнительного свидетеля.

— Очень хорошо. Он находится здесь?

— Да, ваша честь. Снаружи. Это Луммокс.

Гринберг задумался.

— Должен ли я понимать ваши слова в том смысле, что вы предлагаете Луммоксу занять свидетельское место и выступить в свою собственную защиту?

— А почему бы и нет? Он может говорить.

Один из репортеров, пошептавшись со своими коллегами, выскочил из помещения. Гринберг закусил губу.

— Это я знаю, — признал он. — Я обменялся с ним несколькими словами. Но способность говорить не идентична возможности выступать в роли компетентного свидетеля. Ребенок порой умеет говорить еще до того, как

ему минует год, но исключительно редко можно полагаться на показания малыша... Ну, скажем, до пяти лет. Данный суд имеет право считать, что представители негуманоидных рас... негуманоидных в биологическом смысле, могут давать показания. Но ничто пока не убедило нас в том, что данное вземное существо может исполнить эти обязанности.

— Видите ли, господин Посланник, — обратилась Бетти к Гринбергу, — вы произнесли ужасно много слов, но что, в сущности, они означают? Вы готовы приговорить Луммокса... и не хотите задать ему ни единого вопроса. Вы говорите, что он не может давать достаточно убедительные показания. Здесь я видела тех, кто тоже не может этого делать. И я держу пари: если Луммокс предстанет перед измерителем правды, тот не издаст ни звука. Конечно, он делал вещи, которые не должен был делать. Он съел несколько старых трухлявых кустов роз и капусту мистера Ито. Ну и что страшного? Вы ведь тоже, когда были маленьким, таскали пирожные, когда были уверены, что вас никто не видит. — Бетти перевела дыхание. — И вот теперь представьте себе, что в тот момент, когда вы тянетесь за пирожным, кто-то бьет вас метлой по голове. Или стреляет в вас из пушки. Неужели вы не испугаетесь? Не кинетесь бежать? Лумми полон дружелюбия. Все вокруг знают об этом... по крайней мере, любой человек, если он не старается казаться глупее и раздражительнее, чем он есть на самом деле. Но пытался хоть кто-нибудь поговорить с ним, успокоить его? Увы, нет! На него кидались, били его, в него стреляли, запугали до смерти и наконец загнали под мост. Вы говорите, что Лумми ничего не понимает. А кто понимает? Все эти люди, которые травили его? А теперь добиваются его смерти. Укради маленький мальчик пирожное, они оторвали бы ему голову — только чтобы он впредь не сделал ничего подобного. Да есть тут хоть один нормальный человек? Что за комедия разыгрывается здесь?

Она остановилась, сглатывая слезы, катившиеся по щекам. Искусству в нужный момент вызывать слезы Бетти научилась в школьном драматическом кружке; но сейчас, к своему удивлению, убедилась, что слезы подлинны.

— У вас все? — спросил Гринберг.

— Вроде, да. По крайней мере, пока.

— Должен сказать, что ваше выступление было довольно трогательным. Но суд не может руководствоваться эмоциями. Правильно ли я понял ваши слова, что большая часть разрушений... включая сюда и кусты роз, и капусту... возникла из-за неправильных действий людей и, таким образом, не может быть вменена в вину Луммоксу или его владельцу?

— Оцените ситуацию сами, ваша честь. Как правило, хвост следует за собакой, а не наоборот. Почему бы вам самому не спросить Луммокса, как он смотрит на все случившееся?

— До этого мы еще доберемся. Теперь второе: я не могу считать ваши аналогии достаточно весомыми. Мы имеем дело не с маленьким мальчиком, а с животным. И если мы примем решение о необходимости его уничтожения, мы не будем руководствоваться ни местью, ни наказанием,

потому что животному недоступны такие понятия. Цель данного решения будет сугубо предупредительной, так как мы не можем допустить, чтобы потенциальная опасность обрела силу и причинила вред жизни, здоровью или имуществу любого члена общества. Вашего маленького мальчика может схватить за руку няня... а здесь мы встречаемся с созданием весом в несколько тонн, способным убить человека одним неосторожным движением. Так что у него нет ничего общего с шаловливым малышом, который крадет печенье.

— Ах вот как? Ничего общего? А вам не приходит в голову, что маленький мальчик может вырасти, нажать маленькую аккуратную кнопочку — и снести с лица земли целый город? Так давайте ему голову долой — до того, как он вырастет! Не спрашивайте его, почему он стащил пирожное, вообще ничего не спрашивайте — оторвите ему голову и живите спокойно.

Гринберг невольно закусил губу.

— Значит, вы хотите, чтобы мы допросили Луммокса?

— Я уже сказала об этом.

— Было не совсем ясно, что вы, в сущности, сказали. Суд принимает к сведению...

— У меня возражение, ваша честь, — торопливо встрял мистер Ломбард. — Если этот экстраординарный...

— Прошу вас, придержите ваши возражения. Суд удаляется на десять минут. Всем оставаться на местах. — Гринберг встал и вышел. Вытащив из кармана сигареты, он поискал спички и, не обнаружив, сунул сигареты обратно в карман.

Черт бы побрал эту девчонку! Он уже прикидывал, как половчее раздеться с этой историей, так, чтобы Департамент был доволен и ни у кого не было бы претензий... разве что у мальчишки Стюарта, но тут уж ничего не поделаешь... у мальчишки и у его чудовищного питомца, которого он пригрел на своей груди.

Он не может позволить, чтобы это уникальное создание было уничтожено. Но добиться этого надо достаточно тонко... отвергнуть жалобу, с которой этот старый дурак, словно с алебардой наперевес, бросился на него (а ведь жалоба продиктована не чем иным, как злобой и раздражением), а затем уговорить шефа полиции забрать все остальные претензии. На жалобу «Спасти-Мир-От-Неандертальцев» можно не обращать внимания. Но поскольку эта дерзкая девчонка получила право присутствовать на суде, она может повернуть дело так, что высокий суд, за которым наблюдает сам Межзвездный Департамент, будет вынужден выслушивать всякий сентиментальный антропоморфический бред! Ох, эти ее невинные голубые глазки! Может статься, его еще обвинят в том, что он поддался ее чарам. Ах, как плохо, что дети не сидят по домам!

Потери и убытки должен нести владелец животного; имеются тысячи прецедентов со «зверями на привязи», когда это правило действовало неукоснительно, — тем более, что мы не на планете Тенкора. Все эти

разговоры; что поведение Луммокса объясняется неправильными действиями тех лиц, которые напугали его, — детский лепет. Но данный экземпляр неземного существа может представлять такой интерес для науки, что он далеко перекроет нанесенные убытки; кроме того, решение суда не должно нанести мальчику большой финансовый ущерб.

Гринберг поймал себя на том, что мысли его отклонились далеко в сторону от рамок законодательства. Способен ответчик оплатить нанесенный ущерб или нет — не должно волновать суд.

— Простите, ваша честь. Я попросил бы вас не баловаться с этими вещами.

Гринберг в ярости обернулся и увидел, что к нему обращается секретарь суда. Тут он обнаружил, что в рассеянности перебирал выключатели и тумблеры на панели. Он отдернул руку.

— Прошу прощения.

— Человек, который не разбирается в этом, — извиняющимся тоном сказал секретарь, — может наделать неприятностей.

— Вы правы. К сожалению, вы совершенно правы. — Гринберг резко встал. — Суд продолжает заседание. — Снова сев, он сразу же повернулся к Бетти: — Суд пришел к выводу, что Луммокс не может быть свидетелем.

Бетти вздохнула.

— Ваша честь, вы делаете большую ошибку.

— Возможно.

Она задумалась на несколько секунд.

— Мы хотим, чтобы дело рассматривалось в другом судебном округе.

— Откуда вы набрались этих слов? Куда бы вы ни забрались, Департамент будет контролировать это дело. Тем и кончится. Так что о переносе дела помалкивайте.

Бетти побагровела.

— Вы должны сами себе дать отвод!

Гринберг напрягся, стараясь сохранить присущее ему олимпийское спокойствие. Тем не менее ему пришлось сделать три глубоких вдоха.

— Леди, — отчетливо произнес он, — весь день вы пытаетесь помешать работе суда. Теперь вы можете помолчать, вы и так сказали достаточно много. Ясно?

— Я ещё не все сказала, и я еще буду говорить!

— Что? Повторите, пожалуйста!

Бетти посмотрела на Посланника.

— Ну уж нет. Лучше я возьму свои слова обратно... а то вы еще обвините меня в неуважении к суду.

— Нет, нет. Я просто хотел бы запомнить их. Не думаю, чтобы мне когда-либо приходилось слышать столь смелое заявление. Впрочем, неважно. Держите язык за зубами. Если только вы знаете, как это делается. Вам будет дано слово позже.

— Да, сэр.

Он повернулся к остальным.

— Суд уже объявлял, что, если мы не уложимся в установленный срок, об этом будет сделано соответствующее оповещение. Но суд не видит причин для такого решения. Есть ли возражения?

Адвокаты помялись и обменялись вопросительными взглядами. Гринберг обратился к Бетти:

— Ваше мнение?

— Мое? Я думала, что лишена права голоса.

— Можем ли мы закончить слушание дела сегодня — ваше мнение.

Бетти взглянула на Джона Томаса и мрачно сказала:

— Не возражаю, — а затем склонилась к нему и шепнула: — Ох, Джонни, я так старалась!

Под столом он нашупал ее руку и потрепал по ладошке.

— Ты выкладывалась изо всех сил, Червячок.

Гринберг сделал вид, что ничего не слышал.

— Суд рассмотрел прошение, — сказал он холодным официальным тоном, — об уничтожении внесемного существа Луммокса на том основании, что он опасен и не поддается контролю. Факты не подтверждают эту точку зрения — прошение отклоняется.

Бетти со взхлипом глотнула воздух. Джон Томас с изумлением огляделся, а затем в первый раз за день улыбнулся.

— Соблюдайте порядок, — мягко сказал Гринберг. — Перед нами еще одно прошение о том же самом, но на другом основании. — Он приподнял листок бумаги из Лиги «Сохраним Землю для Человечества». — Суд считает для себя невозможным следовать положениям данного документа. Простение отклоняется. Из четырех исков уголовного характера я отклоняю все четыре. Суд считает...

Советник городского муниципалитета не мог сдержать удивления.

— Но, ваша честь...

— Если у вас есть иная точка зрения, придержите ее при себе. Никаких преступных намерений не обнаружено, следовательно, не было и преступления. Конструктивный подход должен проявляться в тех случаях, когда закон требует от человека принимать все необходимые меры предосторожности для защиты окружающих, и именно с этой точки зрения должны рассматриваться все представленные иски. Исходя из опыта... из опыта, который мы приобрели в прошлый понедельник, суд считает, что принятые меры должны быть достаточными. — Повернувшись, Гринберг обратился непосредственно к Джону Томасу: — Я имею в виду, молодой человек, следующее: можно считать, что вы сделали все, что могли. Но если ваш питомец снова вырвется на свободу, вам крепко достанется.

Джонни сглотнул комок в горле.

— Да, сэр.

— Остались гражданские иски о возмещении ущерба. Критерии здесь могут быть различными. Воспитатель малолетнего ребенка или хозяин животного отвечает за ущерб, нанесенный этим ребенком или животным, и

суд считает, что в данном случае тяжесть закона должен почувствовать воспитатель или хозяин, а не невинная третья сторона. И, кроме одного момента, который я пока оставляю в стороне, ситуация подпадает под данное правило. Первым делом должен отметить, что во всех исках говорится о преднамеренном нанесении ущерба. Что же касается его возмещения, то, поскольку Межзвездный Департамент призван действовать в интересах общества, он берет это возмещение на себя.

— Как хорошо, — шепнула Бетти, — что мы успели назвать Луммокса нашим имуществом. Ты только посмотри на этих стервятников из страховых компаний.

— Теперь о том пункте, который я пока оставил в стороне, — продолжил Гринберг. — Вопрос этот возник косвенным образом и связан с тем, что Луммокс, возможно, не животное... и тем более не имущество... а мыслящее существо, подпадающее под действие «Законов Цивилизации»... так же, как и его хозяин. — Гринберг помолчал: теперь важно было выбрать правильную линию поведения. — Мы давно покончили с рабством. Ни одно мыслящее существо не может принадлежать другому. Но как поступить, если Луммокс в самом деле — мыслящее существо? Может ли он находиться в чьем-то личном пользовании? И в таком случае является ли так называемый хозяин его фактическим владельцем и несет ли он за него ответственность? Словом, все сказанное сводится вот к чему: Луммокс — имущество или свободное существо?

Данный суд в какой-то мере выразил свое мнение, когда пришел к выводу, что Луммокс не может присутствовать перед судом... в настоящее время. Но суд не обладает достаточной эрудицией, чтобы прийти к окончательному решению, — даже если будет убежден, что Луммокс всего лишь животное.

Суд вернется к рассмотрению этого вопроса в дальнейшем, когда будет окончательно установлен статус Луммокса. А пока местные власти возьмут на себя заботу о Луммоксе и его безопасности, а также о безопасности общества. — Гринберг замолчал и сел.

Муха могла бы залететь в открытые рты присутствующих. Первым опомнился мистер Шнейдер, представитель Западной страховой компании.

— Ваша честь, а что же делать нам?

— Не знаю.

— Но... видите ли, ваша честь, давайте обратимся к фактам. Миссис Стюарт не имеет какой-либо недвижимости или накоплений, которые могли бы быть описаны; она пользуется лишь процентами с капитала по завещанию. То же самое и с мальчиком. Мы надеялись выручить определенную сумму непосредственно за животное: соответствующий покупатель может дать за него неплохую цену. А теперь вы, если позволите мне так выразиться, опрокидываете тележку с яблоками. Если эти ученые... м-м-м, простите, ученые начнут свои бесконечные тесты и испытания, может быть, пройдут годы. То же произойдет, если они подвергнут сомнению

его статус как имущества... и что же мы получим в возмещение? Должны ли мы возбуждать дело против городских властей?

Едва Шнейдер кончил, тут же вскочил на ноги Ломбард.

— Ну нет, город здесь ни при чем! Город — одна из пострадавших сторон. С этой точки зрения...

— Призываю вас к порядку, — сухо сказал Гринберг. — Ни на один из этих вопросов сейчас ответить невозможно. Рассмотрение всех гражданских исков откладывается до окончательного выяснения статуса Луммокса. — Он посмотрел в потолок. — Есть и другая возможность. Имеются все основания думать, что это создание прибыло на Землю с «Летающим Лезвием». Если мне не изменяет память, все существа, доставленные данным кораблем, являются собственностью государства. Даже если Луммокс будет признан движимым имуществом, все равно он не может находиться в частном владении. В таком случае вопрос о возмещении потерь и убытков станет предметом долгого судебного разбирательства.

Мистер Шнейдер остолебенел, мистер Ломбард преисполнился гнева, Джон Томас смутился и прошептал Бетти:

— Что он там говорит? Луммокс принадлежит мне.

— Тс-с-с, — прошептала Бетти. — Я же говорила тебе, что мы выкабачаемся. Ох, мистер Гринберг просто душка!

— Но...

— Заткнись! Мы на коне!

Все время, за исключением дачи свидетельских показаний, сын мистера Ито хранил молчание. Наконец он встал.

— Ваша честь!

— Да, мистер Ито.

— Ничего я тут не понимаю. Я простой фермер. Но я хотел бы знать одно. Кто заплатит за садовый домик моего отца?

Джон Томас вскочил.

— Я, — коротко сказал он.

Бетти дернула его за рукав.

— Идиот! Садись!

— Сама помолчи, Бетти. Вы тут много чего говорили, — Бетти поперхнулась и замолчала, — и мистер Гринберг, и все остальные. Могу я наконец сказать?

— Давайте.

— Весь день я только и делал, что слушал. Тут старались доказать, что Луммокс опасен, хотя это вовсе не так. Его старались убить, просто из-за... да, я вас имею в виду, миссис Донахью!

— Обращайтесь к суду, — тихо сказал Гринберг.

— И вы тоже много чего сказали. Все я не помню, но, простите меня, сэр, кое-что показалось мне ужасно глупым. Простите меня.

— Я понимаю, что вы не собирались меня оскорблять.

— Ну... взять хотя бы вот это — является ли Луммокс движимым имуществом или нет. Или хватит у него мозгов, чтобы голосовать.

У Луммокса-то мозгов хватит, и думаю, никто, кроме меня, не знает, как он умен. Но он ничему не учился и нигде не был. Но все это не имеет никакого отношения к тому, кому он принадлежит. Он принадлежит мне. Так же, как я принадлежу ему... Мы вместе выросли. Теперь... я знаю, что несу ответственность за все, что в прошлый понедельник сделал Луммокс... да помолчи ты, Бетти! Сразу я не могу заплатить все, но заплачу обязательно. Я...

— Минутку, молодой человек. Суд не разрешает вам брать на себя ответственность без предварительной консультации с вашим советником. И если таково ваше намерение, суд вынужден обратиться к советнику.

— Вы сказали, что я могу говорить сам.

— Продолжайте. Отметьте в протоколе, чтобы это не вносили.

— Нет, пусть вносят, потому что я собираюсь поступить именно так.

Скоро я получу деньги по страховке за мое образование и смогу покрыть все расходы. Я надеюсь, что смогу...

— Джон Томас! — резко оборвала его мать. — Ты этого не сделаешь!

— Мама, тебе бы лучше не вмешиваться. Я хотел просто сказать...

— Ты ничего не будешь говорить. Ваша честь, он...

— К порядку! — призвал Гринберг. — В протокол ничего не заносите!

Пусть мальчик говорит.

— Спасибо, сэр. Я уже кончаю. Но я хотел кое-что сказать и вам, сэр. Лумми очень застенчив. Я могу общаться с ним, потому что он мне доверяет. Но если вы думаете, что я позволю посторонним тыкать в него, и щупать, и задавать ему глупые вопросы, и гонять его по лабиринтам, и все такое прочее, то вы глубоко ошибаетесь, потому что я не позволю этого. Сейчас Лумми себя плохо чувствует. Он нахлебался развлечений по горло. Бедняга, он...

Луммокс ждал Джона Томаса дольше, чем ему хотелось бы, потому что не знал, куда тот делся. Он видел, как Джон Томас исчез в толпе, но не был уверен, вошел ли он в большое здание по соседству. Проснувшись в первый раз, Луммокс попытался было заснуть снова, но был вынужден окончательно проснуться, потому что вокруг толпилась масса людей.

Наконец Луммокс решил, что пришло время выяснить, куда делся Джон Томас, и отправиться домой. Образно говоря, он нарушил приказ Бетти, но ведь Бетти — это не Джон Томас.

Луммокс настроил все свои органы чувств на «поиск» и начал разыскивать Джонни. Слушал он долго, несколько раз слышал голос Бетти — но она его не интересовала. Он продолжал прислушиваться.

Наконец объявился и Джонни! Луммокс напряг слух до предела. Хозяин находился в большом доме, и с ним все было в порядке. О! Джонни говорил так, будто спорил со своей матерью. Луммокс повернулся в сторону здания суда и попытался понять, что происходит.

Люди говорили о вещах, в которых он не разбирался. Но одно было ясно: кто-то спорил с Джонни. Кто? Его мать? Да, он слышал ее голос, он знал, что у нее есть право спорить с Джонни, так же, как Джонни мог спорить с ним, — все это было неважно. Но здесь был кто-то другой... точнее, другие, и ни у кого из них не было такого права.

Луммокс решил, что пришло время действовать. Он поднялся на ноги.

Едва Джон Томас дошел в своей речи до слов «Бедняга, он...», как снаружи раздался скрип и скрежет; все присутствующие в зале суда поспешно повернулись. Звuki стремительно приближались, и Гринберг уже собирался послать бейлифа выяснить, что происходит, как внезапно в этом отпала необходимость. Дверь в суд выгнулась, крикнула и сорвалась с петель. Передняя половина туловища Луммокса вдвинулась в помещение, таща на себе часть стены, а дверной косяк красовался, как воротничок. Луммокс открыл рот и радостно пискнул:

— Джонни!

— Луммокс! — закричал его друг. — Стой на месте! Стой там, где ты стоишь! Не двигайся!

Все присутствующие, включая Посланника Гринберга, с перекошенными лицами застыли от изумления.

Глава 5

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Высокоцитимый мистер Кику, помощник Секретаря по Межзвездным Дела́м, открыл ящик стола и окинул взглядом свою коллекцию пилюль. Со́мнений больше не было: снова начиналась изжога. Он принял одну таблетку и нехотя вернулся к работе.

Перед ним лежало распоряжение Инженерного Бюро Департамента, предписывающее всем межпланетным кораблям класса «Пеликан» оставаться на Земле, пока не будет закончена очередная модификация. Мистер Кику не стал вчитываться в соответствующее инженерное обоснование, а просто черкнул на документе «К немедленному исполнению» и кинул бумаги в корзину для исходящих. Обеспечение безопасности в космосе входило в обязанности Бюро; сам Кику ничего не знал о технических тонкостях его деятельности, да и не хотел знать: он всецело полагался на мнение своего главного инженера — в противном случае он давно бы его выгнал и взял другого.

Но он догадывался, что финансовые лорды, которым принадлежали корабли класса «Пеликан», скоро примутся обрабатывать Секретаря... и тот, вынырнув из глубин своего интеллекта и преклоняясь перед политическим влиянием сих обаятельных джентльменов, смахнет все эти бумаги в мусорную корзину.

Он начал размышлять о новом Секретаре, но его сомнения так и не обрели законченную форму.

Следующая порция бумаг предназначалась только для Кику и оказалась у него в соответствии с установившимся порядком, по которому все, предназначенное для Секретаря, предварительно попадало к его помощнику независимо от содержания. Содержание казалось банальным и неинтересным: как видно было из резюме, организация, именующая себя «Друзья Луммокса» и возглавляемая миссис Бейлой Мургатройд, хотела попасть на прием к Секретарю по Межзвездным Делах и была направлена к специальному помощнику Секретаря по Общественным Отношениям.

Дальше мистер Кику читать не стал. Вес Роббинс может целоваться с этими Друзьями до умопомрачения, но пусть его и Секретаря оставят в покое. Он было развеселился при мысли, какой шок испытает Секретарь, натрави на него миссис Мургатройд, но оставил эту пустую фантазию: время Секретаря должно быть посвящено только укладке краеугольных камней, а не общению с обществами любителей битых горшков. А все эти организации, именующие себя «Друзья Того-то и Сего-то», как правило, состоят из тех, кто только и ждет случая поточить на ком-нибудь зубы, плюс обычный набор дураков — кисельные уши и профессиональных делег. Но такие компании могут причинять беспокойство... впрочем, бог с ними.

Кику засунул бумаги в соответствующую папку и принялся за меморандум из Экономбюро: в районе Сан-Луиса вирус поразил большие дрожжевые плантации, что, похоже, могло привести к сокращению количества протеина и введению более жесткого рациона. Даже возможность голода на Земле не входила в круг непосредственных интересов мистера Кику. Но пока данные, считанные со слайдов, не превратились в его мозгу в несколько четких понятий, он сидел задумавшись. Затем вызвал помощника.

— Вонг, вы видели документ из Экономбюро АУ-ноль-четыре-двадцать восемь?

— Да, босс. История с дрожжами в окрестностях Сан-Луиса?

— Да. Что вами сделано?

— Э-э-э... ничего. Я думаю, это не моя епархия.

— Ах, вы думаете? Наши внешние станции разве не твоё дело, а? Посмотри загрузку своих кораблей на предстоящие восемнадцать месяцев, сверься с АУ-ноль-четыре-двадцать восемь и действуй. Закупи, наконец, овец в Австралии. Мы не можем позволить, чтобы наши люди голодали, потому что какой-то идиот в Сан-Луисе уронил в чан с дрожжами свой носок.

— Да, сэр.

Мистер Кику вернулся к работе, с сокрушением подумав, что был слишком резок с Вонгом. Он знал, что его состояние объяснялось не ошибками Вонга, а мыслями о докторе Фтаемле.

Впрочем, и со стороны доктора Фтаемла не было никаких ошибок... Ошибки были его собственные! Он знал, что не может позволить себе

никаких расовых предрассудков, во всяком случае, на этой работе. Разум подсказывал, что он относительно свободен от предубеждений, которые могут возникнуть из-за разницы в цвете кожи, структуре волос или контуре лица, по той единственной причине, что для такого загадочного существа, как доктор Фтаемл, различия в человеческих особях могут показаться совершенно несущественными.

И все же от этого никуда не деться... в глубине души он испытывал к Фтаемлу неприязнь. И тут он был бессилен.

Куда ни шло, если бы этот как-его-там носил тюрбан... вместо того, чтобы разгуливать с грязным клубком копошащихся на голове змей. Но нет! Для рагиллиан прическа была предметом гордости. Во всех их манерах сквозило убеждение, что никто, кроме них, не достоин звания разумного существа.

Хотя... в общем-то, Фтаемл неплохой парень. Кику отметил для себя, что надо, не откладывая, пригласить Фтаемла на обед. Кроме того, он, Кику, может подвергнуться глубокой гипнотической обработке, что сделает обед не таким уж трудным мероприятием. Но при одной мысли об обеде изжога снова дала о себе знать.

Кику ничего не имел против рагиллианина, поставившего перед уставшими сотрудниками Департамента неразрешимые проблемы; решать такие задачи было привычным делом. Просто... черт возьми, почему бы этой образине не сделать себе нормальную прическу?

Представив себе доктора Фтаемла причесанным «а ля лорд Честерфилд», Кику невольно улыбнулся и почувствовал себя значительно лучше. Следующая подборка бумаг — отчет о командировке... ах, да! Сергей Гринберг. Хороший мальчик. И, еще не кончив читать, Кику потянулся за карандашом, чтобы поставить утверждающую визу.

Но вместо этого он застыл на полсекунды, а затем нажал кнопку.

— Полный отчет о командировке мистера Гринберга! О той, из которой он вернулся несколько дней назад.

— Не припомните ли вы его номер, сэр?

— Найдете. Хотя подождите... ага, РТ-ноль-четыреста одиннадцать, за субботу. Жду!

Мистер Кику успел пробежать лишь пару абзацев, как пневматическая почта всхлипнула и на стол шлепнулся маленький цилиндр. Кику засунул его в машину и расслабился, держа палец на тумблере, регулирующем скорость появления текста на экране.

Меньше чем через семь минут он имел не только представление о процессе, но и прочел отчет Гринберга обо всем, что произошло. С монитора Кику проглатывал не менее двух тысяч слов в минуту. Выслушивать многословные доклады и давать интервью он не любил и оставлял эти занятия на долю тех, кто не ценит время. Но в данном случае возникла необходимость в устном докладе. Наклонившись к микрофону, он нажал кнопку.

— Гринберг! — раздалось в динамике.

— Будь-ка любезен, зайди ко мне. — Мистер Кику, не утруждая себя любезностью, отключился.

Гринберг решил, что желудок босса снова дает о себе знать. Но было уже слишком поздно сочинять какое-нибудь неотложное дело вне Департамента; поспешив наверх, он предстал перед шефом с неизменной веселой улыбкой.

— Доброе утро, — буркнул Кику. — Я читал твой отчет.

— И?

— Сколько тебе лет, Гринберг?

— Мне? Тридцать семь.

— Хм-м-м. И в каком ты сейчас звании?

— Сэр? Я дипломатический офицер второго класса... но действую по первому.

«Какого черта! Дядя Генри все это прекрасно знает... ему известен даже номер моей обуви».

— Хватает, чтобы иметь мозги, — задумчиво пробормотал Кику. — Да и по званию мог бы быть послом... или исполнительным советником по политическим вопросам. Сергей, почему ты бываешь так непростительно туп?

На скулах Гринберга вздулись желваки, но он сдержался.

— Ну?

— Сэр, — холодно ответил Гринберг, — вы старше и значительно опытнее меня. Могу я осведомиться, чем вызвана ваша грубость?

Мистер Кику пожевал губами, но удержался от улыбки.

— Прекрасный вопрос. Мой психиатр говорит, что я анархист, занимающийся не своим делом. А теперь садись и поговорим, чем вызвана твоя тупоголовость. Сигареты в ручке кресла. — Гринберг сел, выяснил, что ему нечем прикурить, и попросил огня.

— Не курю, — сказал Кику. — Сигареты — страшное искушение. А как ты думаешь?

— Так оно и есть, — ответил Гринберг, прикуривая.

— Ясно. Сергей, я вижу, что глаза и уши тебе ни к чему. Если этот зверь способен говорить, ты должен был сразу же отложить процесс, чтобы мы успели получить о нем всю информацию.

— М-м-м... я так и собирался сделать.

— Он собирался! Сынок, подсознательная тревога должна была оглушить тебя как колокол. А получилось, что ты оказался втянутым в это дело, и когда ты думал, что процесс окончен, все только и началось. И все из-за этой девчонки, просто ребенка! Слава богу, что я не читал протокол, держу пари, что вот там-то бы я посмеялся.

Гринберг вспыхнул. Он-то все читал.

— А теперь, когда она поймала тебя в ловушку, ты потерял ориентировку, вместо того чтобы принять вызов и встретить его... Чем встретить? Первым делом, отсрочить процесс, назначить дополнительное расследование, с чего ты должен был начать и...

— Но я назначил его.

— Не прерывай меня. Я хочу, чтобы ты рассмотрел ситуацию со всех сторон. Ты вынес решение, равного которому не было с тех пор, как Соломон приказал разделить ребенка на две части. Где ты изучал право?

— В Гарварде, — мрачно ответил Гринберг.

— М-да... Ну ладно, не буду больше казнить тебя, ты и так находишься в затруднительном положении. Но во имя семидесяти семиглазых богов Сарванчилла, скажи, что ты собираешься делать? Сначала ты отклонил прошение местных властей об уничтожении этого создания... потом дал задний ход и удовлетворил просителей, сказав им, что они могут избавиться от него... Исходя из того, что Департамент подмахнет это решение. И все это за десять минут. Сынок, я не думаю, что ты хотел выглядеть дураком, но зачем надо было втягивать в эту петрушку и Департамент?

— Босс, — смиренно признал Гринберг, — я сделал ошибку. Когда я это понял, то предпринял единственное, что мне оставалось: дал задний ход. Зверь в самом деле опасен, и Вествилл не в состоянии держать его под контролем. И если бы это не было выше моих сил, я бы приказал уничтожить его немедленно, не дожидаясь санкции Департамента... и вашей лично.

— Фу!

— Вы не были на моем месте, сэр. Вы не видели, как рушились массивные стены здания суда. Вы не видели, как он разметал их.

— Не старайся поразить меня. Ты когда-нибудь видел город после бомбежки? Что там стены в вашем суде... может быть, на них нажился какой-то вороватый подрядчик.

— Но, босс, вам надо было видеть клетку, которую он разворотил. Сваренные стальные первосортные брусья. Он переломил их как соломинки.

— Я не сомневаюсь, что ты их тщательно осмотрел. Но почему ты не обратил внимания, что его в ней заперли и он не мог выйти?

— А? Ну, это не дело Департамента — проверять тюрьмы.

— Сынок, все факты, хоть каким-то боком касающиеся понятия «Вне», имеют самое прямое отношение к Департаменту. И ты это знаешь. Но когда ты будешь помнить об этом во сне и наяву, чистя ботинки или разливая суп на благотворительном базаре, ты поймешь, что это суть нашей работы. И ты будешь держать уши на макушке и ловить носом все, что может быть названо «особыми ситуациями». А теперь расскажи мне об этом существе. Я читал твой отчет, я видел снимки, но я не чувствую его.

— Ну, он относится к многоногому несбалансированному типу. Восемь ног, примерно семь футов в холке. Он...

Кикю выпрямился.

— Восемь ног? А руки?

— Руки? Их нет.

— Какие-нибудь другие органы для манипуляций? Видоизмененные конечности?

— Ничего, шеф... будь что-либо подобное, я бы сразу приказал провести полное и всестороннее обследование. Ноги у него как бочонки, но двигаются он с изяществом. Но чего ради вы...

— Неважно. Что еще? Продолжай.

— Он напоминает нечто среднее между риноцеросом и трицератопсом, хотя артикуляция у него весьма своеобразная.

Молодой хозяин зовет его Луммоксом^{*}, и это имя ему подходит. Обаятельное, но глупое существо. В этом и кроется опасность: он настолько огромен и могуч, что из-за своей неповоротливости и несообразительности может причинить человеку вред. Он разговаривает, но это речь примерно четырехлетнего ребенка... голос у него такой, словно он проглотил маленькую девочку.

— Почему ты считаешь его глупым? Из твоего отчета я понял, что владелец считает это существо достаточно сообразительным.

Гринберг улыбнулся.

— Ему очень хочется, чтобы это было так. Я говорил с ним, босс. Оно в самом деле глупо.

— Не вижу, из чего ты сделал такой вывод. Считать, что вземное существо глупо только потому, что оно не может разговаривать на языке землян, — то же самое, что считать итальянцев неграмотными лишь потому, что они говорят на ломаном английском. Одно не вытекает из другого.

— Но, видите ли, босс, у него нет рук. Высший уровень его интеллекта не превышает обезьяний. Может быть, собачий. Но не больше.

— Могу допустить, что ты придерживаешься ортодоксальных взглядов на теорию ксенологии. Но когда-нибудь твое предубеждение станет подавляющим и оскорбительным для классической ксенологии. Мы обнаружили цивилизацию, которая развивается вне нашей системы понятий и не нуждается в них...

— Хотите пари?

— Нет. Где сейчас данные об этом увальне?

Гринберг несколько смутился.

— Босс, я отдал все материалы в лабораторию для микрофильмирования. С минуты на минуту они будут на вашем столе.

— О'кей, ты расторопен. Изложи-ка устно...

— У меня установились добрые отношения с местным судьей, и я попросил его держать меня в курсе дела. Конечно, они не могут содержать эту гору в местной Бастилии; в сущности, у них нет таких заповор, которые могли бы остановить его... в чем они убедились на горьком опыте. И выстроить они тоже ничего не успеют... уж поверьте мне, та клетка,

¹ Л у м м о к с — увальень.

что он разворотил, была что надо. Правда, шеф полиции кое-что придумал: у них есть бетонный резервуар высотой в девять футов, часть противопожарной системы. Они возвели рампу, подняли Луммокса, опустили в резервуар и убрали рампу. Похоже, так они выкрутятся из положения: эта зверюга не умеет прыгать.

— Звучит неплохо.

— Да, но это не все. Судья О'Фаррел сообщил мне, что шеф полиции так взбудоражен, что решил не ждать одобрения Департамента и немедленно приступить к экзекуции.

— Что?

— Разрешите мне кончить. Он никому ничего не сказал — но входной клапан вроде бы случайно оказался открытым, и за ночь резервуар наполнился водой до краев. К утру Луммокс оказался на дне. Шериф Дрейзер решил, что его «забывчивость» принесла успех и Луммокс потонул.

— Ах, вот как?

— Но Луммокс вышел сухим из воды. Когда ее спустили, он сказал: «С добрым утром».

— Возможно, земноводное. Какие действия ты предпринял, чтобы остановить это своеволие?

— Минутку, сэр. Дрейзер знал, что огнестрельное оружие и взрывчатка бесполезны... вы читали об этом... во всяком случае в том объеме, который можно пускать в ход в черте города. Он решил прибегнуть к яду. Ничего не зная об этом существе, он взял полдюжины сортов и разновидностей яда в количестве, достаточном, чтобы отправить на тот свет целый полк, и смешал их с разной пищей.

— Ну и?

— Луммокс слопал все подчистую. Его даже в сон не потянуло; в сущности, это угощение лишь подхлестнуло его аппетит, ибо следующим блюдом для него стал тот самый входной клапан, и резервуар снова стал наполняться. Они должны были остановить насосную станцию.

Кику фыркнул от смеха.

— Он начинает мне нравиться, этот Луммокс. Ты говоришь, он съел этот клапан? Из чего тот был сделан?

— Не знаю. Думаю, обычный сплав.

— Х-м-м... Похоже, его диета несколько суховата. А может быть, у него зоб, как у птиц.

— Я бы не удивился.

— Что шериф сделал потом?

— Пока ничего. Я попросил О'Фаррела предупредить Дрейзера, что он кончит в исправительной колонии в тридцати световых годах от Вествилла, если попытается свалить вину на Департамент. И сейчас он ломает голову, как решить эту проблему. Последняя его идея — залить Луммокса бетоном и оставить подыхать. Но О'Фаррел поставил на этом проекте крест как на бесчеловечном.

— Таким образом, Луммокс все еще сидит в резервуаре, ожидая, что мы предпримем, не так ли?

— Думаю, что так, сэр. Во всяком случае, вчера он еще был там.

— Ладно, он может подождать. Пока они не придумают чего-нибудь еще. — Мистер Кику взял краткий отчет Гринберга и его рекомендации.

— Как я понимаю, вы не одобряете мои действия, сэр? — спросил Гринберг.

— Нет. С чего ты это взял? — Кику подписал санкцию на уничтожение Луммокса, которую тут же поглотила корзинка для исходящих бумаг. — Если я отменяю что-то распоряжения... мне остается только выгнать такого работника... а у меня есть другая работа для тебя.

— Ох, — вздохнул Гринберг; лучше было бы отсрочить смертный приговор. — Что ж... очень жаль... но зверь в самом деле опасен.

— Ты боишься змей? — продолжил мистер Кику.

— Нет. Они мне даже нравятся.

— Прекрасно! Хотя не могу представить, как они могут нравиться. Я всегда до смерти боялся их. Еще мальчишкой в Африке... впрочем, неважно. Ты когда-нибудь работал с раригиллианами? Я что-то не припомню.

— У меня был переводчик с Раригиллиана в деле «Вега-четыре». Мы неплохо сработались.

— Надеюсь, что так. Сергей, на мне висит дело, в котором участвует посредник с Раригиллиана, доктор Фтаемл. Ты должен был слышать о нем.

— Да, конечно, сэр.

— Должен сказать, что, когда он появляется... — Кику издал сдавленное проклятие. — Впрочем, с Фтаемлом все в порядке. Но его присутствие связано с каким-то запахом тревоги... и боюсь, моя личная фобия не позволяет моему носу достаточно точно улавливать этот запах. Так что я назначаю тебя моим ассистентом по вынюхиванию.

— Вы так доверяете моему носу, босс?

— Мы сейчас в положении, когда слепой ведет слепого, если ты позволишь мне вольное обращение с метафорой. Но, между нами, кое-что мы должны выяснить.

— Пусть будет так, сэр. Могу я осведомиться, в чем сущность вашего поручения?

— Дело в том...

Но Кику не дали закончить — на пульте вспыхнул огонек, и голос секретаря сказал:

— Явился ваш психотерапевт, сэр.

Кику взглянул на часы.

— Как летит время... Проводи его в мой гардероб. Я сейчас буду. — Он повернулся к Гринбергу: — Фтаемл будет здесь через тридцать минут. Я должен привести себя в форму. Все, что нужно, ты найдешь в моей папке «К исполнению»... дел хватит! — Мистер Кику бросил взгляд

на корзину для входящих бумаг, которая за время их разговора успела наполниться до краев. — Да, пяти минут будет маловато. Но надо разобраться с этим ворохом. Визируй моим именем, а все, что, как ты считаешь, я должен просмотреть сам, оставляй... но лучше, чтобы таких бумаг было не больше полдюжины — иначе я отошлю тебя обратно в Гарвард!

Мистер Кику торопливо вышел и, заглянув к секретарю, дал указание фиксировать все, что будет происходить в течение следующего получаса... Интересно, как парень справится с делами. Мистера Кику давно уже беспокоила мысль о преемнике, ему хотелось, чтобы Гринберг занял его место. А пока этого не произошло, он должен безжалостно натаскивать мальчишку.

Кику направился в свой гардероб; откатившись в сторону, дверь мягко закрылась за ним, и Гринберг остался один. Едва он потянулся за папкой, в которой лежали документы, требующие срочного исполнения, как в корзину для входящих скользнула очередная бумага, а на панели мигнул красный огонек и зажужжал зуммер.

Он подхватил бумагу, быстро пробежал глазами до середины, но только успел понять, что она срочная, как комбинация из света и звука на панели сообщила, что вызывают по линии внутридепартаментской связи. На засветившемся экранчике Гринберг узнал шефа Бюро Систем Связи.

— А где босс? — возбужденно спросил тот.

Гринберг перекинул тумблер двухсторонней связи.

— Я за него, — сказал он. — Грею его кресло. Я получил твою памятную записку, Стен, и читаю ее.

Ибаньес раздраженно дернулся.

— Не в этом дело. Дай мне босса.

Гринберг помедлил. Проблема, которой занимался Ибаньес, относилась к числу простых, но достаточно занудных. На каждом корабле, регулярно совершающем рейсы Земля—Венера, есть врач, являющийся представителем бюро общественного здоровья. Но вот «Ариэль», уже готовящийся к посадке в Порт-Либия, внезапно был поставлен своим врачом на карантин и теперь томился в ожидании на предпосадочной орбите. На его борту был венерианский министр иностранных дел... что было очень кстати, так как ожидалось, что Венера поддержит позицию Земли против Марса на предстоящей тройственной конференции.

Гринберг мог отложить решение проблемы до появления босса, мог взвалить ее решение на его плечи, мог обратиться через голову босса непосредственно к Секретарю (что, впрочем, предполагало, что он придет к нему с уже готовым решением и получит на него санкцию) или... он мог действовать сам, используя авторитет мистера Кику.

Мистер Кику не предполагал, что возникнет острая ситуация... но у босса была досадная привычка бросать щенят на глубокое место и смотреть, как они выплывают.

Гринберг быстро собрался с мыслями.

— Прости, Стен, — сказал он, — с боссом поговорить тебе не удастся. Я действую от его имени.

— С каких пор?

— Только пока он отсутствует.

Ибаньес нахмурился.

— Слушай, парень, лучше бы тебе найти босса. Может быть, ты шлепаешь его фамилию на обыкновенные бумаги... но это дело не из таких. Мы должны спешно посадить корабль. Тебе крепко намылят шею, если ты возьмешь на себя право отмены такой базовой установки, как карантинная политика. Пошевели мозгами.

Нарушить карантин? Гринберг вспомнил Большую Чуму 51-го года, когда все биологи были безмятежно уверены, что все живое на планете надежно защищено от инфекций из других миров.

— Карантин мы нарушать не будем.

Ибаньес болезненно сморщился.

— Сергей, мы можем поставить конференцию под угрозу... Да что я говорю?! Поставить под угрозу? Мы не можем допустить, чтобы работа десяти лет пошла насмарку лишь потому, что у кого-то из механиков легкая лихорадка. Карантин должен быть нарушен. Но я не хочу, чтобы ты брал это на себя.

Гринберг помедлил.

— Босса ждет тяжелая работа, и он под глубоким гипнозом. Ты сможешь увидеть его не раньше, чем через пару часов.

Ибаньес побледнел.

— Я попытаюсь убедить Секретаря. Мы не можем ждать два часа. Эта священная корова с Венеры в таком состоянии, что может приказывать своему шкиперу рулить домой... мы не имеем права рисковать.

— С другой стороны, нельзя допустить возможность эпидемии. Вот что ты сделаешь. Вызови министра и скажи, что лично отправляешься за ним. Возьми десантную шлюпку. Посади его к себе на борт и оставь «Ариэль» на карантинной орбите. Как только он окажется на борту шлюпки... и не раньше... скажи ему, что вы оба, он и ты, примете участие в конференции, не выходя из скафандров. В скафандрах своя опрессованная система подачи воздуха; они используются при посещении планет, чья болезнетворная флора еще не исследована. Конечно, команда шлюпки должна будет тоже отправиться на карантин.

— Скафандр! О, он будет в восторге! Уж лучше отменить конференцию. Такое унижение может настроить его против нас — это совершенно точно. Такие деятели жутко самолюбивы.

— Конечно, он будет в восторге, — подтвердил Гринберг, — когда ты объяснишь ему, в чем дело. «Безопасность выдающейся личности», «нежелание рисковать благополучием нашей возлюбленной сестры» и так далее. Если у него еще будут какие-то сомнения, свяжи его с кем-нибудь из отдела общественных отношений. И позаботься, чтобы во время конференции

рядом с ним был врач в белом халате и пара сестер. Во время перерывов, чтобы он мог отдыхать, в Зале Героев, рядом с конференц-залом, организуй ему чуть ли не больничную палату с отлаженной системой коммуникаций. Пусть он думает, что даже на краю гибели он мужественно исполняет свои обязанности. Понял? Как-то подведи его к этой мысли... еще до того, как шлюпка приземлится.

— Думаешь, это сработает? — нерешительно спросил Ибаньес.

— Зависит от тебя. Я спущу твой меморандум, прикажу соблюдать карантин, но одновременно дам тебе указание проявить инициативу, чтобы обеспечить его присутствие на конференции.

— Ну что ж... ладно. — Ибаньес внезапно улыбнулся. — Черт с ним, с меморандумом. Берусь за дело. — Он отключился.

Гринберг вернулся к столу, чувствуя радостное возбуждение от мысли, что он сыграл роль господина бога. Интересно, подумал он, что бы на моем месте сделал босс?... Могло быть много правильных решений, он выбрал одно из них и чувствовал, что не ошибся. Сергей снова обратился к папке с неотложными делами.

Внезапно он остановился. Что-то подсознательно угнетало его. Он чувствовал, что боссу не хотелось утверждать смертный приговор Луммоксу. Черт возьми, босс же говорил ему, что он не прав, что следовало бы провести полное расследование. Но босс, уважая право подчиненного на самостоятельные решения, не стал настаивать на своем.

Но теперь он сам сидел в кресле босса. И что?

Чего ради босс сунул его на это место? Не для того ли, чтобы он получил возможность исправить свои собственные ошибки? Вряд ли. Шеф проныцателен, но не всезнающ; он не мог предположить, что Гринберг решит пересмотреть свои действия.

И все же... Он позвонил личному секретарю босса.

— Милдред?

— Да, мистер Гринберг?

— Это краткое резюме о вмешательстве, где я участвовал... номер РТ-ноль-четыреста одиннадцать. Оно прошло пятнадцать минут назад. Я хочу вернуть его.

— Его, наверное, уже отправили, — с сомнением сказала Милдред. — Отдел отправки завершил все свои операции семь минут назад.

— Нужно поторопиться. Если бумага уже покинула здание, вышлите ее аннулирование и подтверждение одного, ясно? И верните мне оригинал.

Наконец Сергей добрался до папки с неотложными делами. Как мистер Кику и говорил, отделение с пометкой «Фтаемл» не отличалось полнотой. Он прочитал на обложке надпись «Чудовище и Красавица» и удивился. Босс не был обделен чувством юмора... но оно проявлялось порой столь неожиданно, что люди нередко попадали в трудное положение.

Внезапно брови Гринберга поползли вверх. Эти неутомимые переводчики, маклеры, посредники и толкователи, эти рагиллиане, как правило, появлялись на сцене лишь во время переговоров между двумя расами.

Присутствие доктора Фтаемла на Земле означало, что негуманоиды встречены... Негуманоидами их можно было назвать лишь условно: психология этих существ настолько отличалась от человеческой, что общение с ними было довольно затруднительным. Но Гринберг не ожидал, что ученый доктор будет представлять расу, о которой он ничего не слышал... «Хрошии».

Вполне возможно, что Гринберг просто забыл о существовании народа с именем, напоминающим чих; они могли представлять совершенно незначительную популяцию с низким культурным уровнем, с неразвитой экономикой, не способную к самостоятельным космическим путешествиям. Или же они могли быть приняты в Сообщество Цивилизаций, пока Гринберг был занят делами вне Солнечной Системы. Как только человечество начало устанавливать контакты с другими расами, тоже совершающими межзвездные путешествия, семья тех, кто по праву мог считаться «гуманоидами», стала пополняться так быстро, что их всех было трудно удержать в памяти. Чем больше человечество расширяло свои горизонты, тем труднее было держать эти горизонты в поле зрения.

Или, может быть, он знал хрошии под каким-то другим именем? Гринберг повернулся к универсальному справочнику мистера Кику и ввел в него это имя.

Машина проглотила название, а затем на экране дисплея вспыхнуло: «ИНФОРМАЦИЯ ОТСУТСТВУЕТ».

Гринберг с трудом перевел дыхание при мысли, что информация о хрошии могла как-то исчезнуть... или ее вообще не существует.

Он расширил круг поисков. Универсальный справочник Британского Музея был осведомлен не более, чем компьютер Заместителя Секретаря, хотя его память занимала огромное здание в другой части Столицы и целая армия кибернетиков и энциклопедистов не покладая рук кормила фактами его ненасытное чрево. ~~Теперь Гринберг мог быть уверен, что, откуда бы хрошии ни явились, Федерация о них ничего не знала.~~ Что само по себе было удивительным.

Вздохнув, Гринберг продолжил чтение. Он выяснил, что хрошии находились в пределах досягаемости передач, — на круговой орбите, в пятидесяти тысячах миль от Земли. Отметив, что он ничего не слышал об этих пришельцах лишь потому, что доктор Фтаемл настоятельно советовал мистеру Кику воздержаться от попытки подняться на борт чужеземцев, Гринберг опять вздохнул.

Вскоре внимание его отвлекло возвращение бумаг по делу Луммокса, среди которых было и утвержденное мистером Кику решение. Подумав несколько мгновений, Сергей дополнил резолюцию следующими словами: «Решение утверждаю... но оно не должно быть проведено в жизнь до завершения полного научного исследования данного существа. Местные власти по рекомендации Бюро Ксенологии должны обеспечить приемлемые условия его существования, произвести транспортировку, а также оценку стоимости».

Гринберг удостоверил приписку печатью Кику и отправил бумаги обратно, не без смущения отметив, что ныне распоряжение приобрело несколько странный вид... словно на Луммокса наложил лапу какой-то ксенобиолог, чего босс никогда бы не допустил. Тем не менее на сердце у него полегчало. Все, что он делал до сих пор, было неправильно, но тут он был прав.

Внимание его снова вернулось к хрошии... и снова брови поползли вверх. Хрошии явились не для того, чтобы установить отношения с Землей, они повисли над планетой в поисках какой-то соотечественницы. Исходя из того, что сообщил доктор Фтаемл, они уверены, что Земля держит ее в плену, и намерены требовать ее освобождения.

Гринберг почувствовал себя участником дурной мелодрамы. Эти существа с именем, напоминающим астматический хрип, избрали явно не ту планету для своих игр. На Земле негуманоидное существо без паспорта, без досье, находящегося в их Департаменте, без веских и санкционированных причин для посещения Земли столь же беспомощно, как невеста, потерявшая церковь, в которой она должна венчаться. В свое время его, конечно, обнаружат... что за идиотизм! Ведь оно даже не пройдет карантина!

Чего ради босс не сказал, чтобы они собирали свои пожитки и уматы-вали домой?

Кроме того, они представляют, как она попала на Землю? Пешком? Или на крыльях лебеда? Межзвездный корабль не может приземлиться сам, его обслуживают «челноки». Неужели они считают, что их соотечественница пробралась на Землю на «челноке»: «Простите меня, сэр, но я спасаюсь от своего мужа, он вон в той части Галактики. Вы не против, если я залезу под сиденье и таким образом проникну на вашу планету?» «Бог подаст» — вот что ей скажут. На «челноках» терпеть не могут зайцев; Гринберг чувствовал это каждый раз, предъявляя дипломатическое удостоверение.

Что-то все время не давало ему покоя... наконец он вспомнил, как босс попытывался, есть ли руки у Луммокса? Он понял, что Кики хотел удостовериться, не является ли Луммокс пропавшим хрошии, ведь последние, по словам Фтаемла, имеют восемь ног. Гринберг присвистнул. Луммокс не мог ни построить космический корабль, ни управлять им. И у него не было родственников. Естественно, босс не видел Луммокса и не представлял, насколько он страшен.

И, кроме того, Луммокс на Земле уже больше сотни лет. Что-то поздновато для поисков.

Главный вопрос заключался в том, что делать с хрошии, раз уж мы вошли в контакт с ними. Все, что имело отношение к «Вне», оказывалось интересным, познавательным и полезным для человечества, как только с ним удавалось познакомиться поближе и проанализировать... а та раса, которая была способна на самостоятельные межзвездные перелеты, без сомнения, относилась к таковым явлениям. Гринберг не сомневался, что босс

постарается поводить их за нос, пока не присмотрится, что сулит будущее. Ну и отлично — Гринбергу остается лишь поддержать его.

Сергей пробежал глазами оставшуюся часть сообщения. Все, что нужно, он почерпнул из краткого резюме; все остальное было цветистыми оборотами Фтаемла.

Мистер Кики объявился над его плечом и сказал:

— Корзина полна, как всегда.

— Привет, босс. Но подумайте, сколько в ней было бы, если бы каждые две секунды я не опустошал ее, не читая.

Гринберг освободил кресло.

Мистер Кики кивнул.

— Я знаю. Порой я шлепаю «Согласен» без разбору.

— Как самочувствие?

— Готов хоть обниматься с ним. И что в этих змеях, что я не могу их выносить?

— Это относится к области духа.

— Доктор Морган знает свое дело. Если у тебя когда-нибудь расшатятся нервы, можешь обратиться к нему.

Гринберг ухмыльнулся.

— Босс, единственное, что меня беспокоит, это бессонница в рабочее время. Никак не могу уснуть за столом.

— Это самый первый симптом. Ты еще вспомнишь о нервах. — Мистер Кики взглянул на часы. — Наш друг с шевелящимися волосами уже давал о себе знать?

— Еще нет. — Гринберг рассказал о карантине на «Аризле» и о том, что он сделал. Мистер Кики кивнул, что было равнозначно благодарности на плацу у развернутого полкового знамени. Гринберг ощутил прилив теплого счастья и взялся рассказывать, как он начал пересматривать решение о Луммоксе, самокритично, но в допустимых пределах. — Знаете, босс, когда сидишь в этом кресле, появляется совершенно особый угол зрения.

— Это я понял довольно давно.

— Ага. И пока я тут сидел, все думал об этой истории с посещением.

— Ну и что? Нам придется иметь с ними дело.

— Так я и думал. И тем не менее... хотя... — Гринберг выпалил, какую он наложил резолюцию относительно Луммокса, и застыл в ожидании.

Мистер Кики снова кивнул. Он решил было сказать Гринбергу, что его действия помогли ему сохранить лицо, но удержался. Вместо этого он наклонился к панели.

— Милдред? Что-нибудь слышно от доктора Фтаемла?

— Только что прибыл, сэр.

— Хорошо. Западный конференц-зал, пожалуйста. — Он отключился и повернулся к Гринбергу: — А теперь, сынок, будем очаровывать змей. Флейта у тебя с собой?

КОСМОС ГЛУБОК, ЭКСЕЛЕНЦ

— Доктор Фтаемл, это мой коллега, мистер Гринберг.

Раргиллианин склонился в глубоком поклоне. Потрясая двойными коленными суставами, он изобразил странный для человеческого глаза ритуальный танец.

— Я знаю о высокой репутации достопочтенного мистера Гринберга из уст моих сопатриотов, которым выпало счастье работать с ним. Я польщен, сэр.

Гринберг ответил в том же стиле вежливых преувеличений, который был избран для космолингвы.

— Я давно тайл надежду почерпнуть опыта в общении со столь высокоученой персоной, как доктор Фтаемл, но никогда не предполагал, что моя надежда распухнет таким пышным цветом. Ваш слуга и ученик, сэр.

— Хм-м-м! — прервал их мистер Кику. — Доктор, то деликатное дело, в котором вы взяли на себя миссию посредника, столь важно, что до недавнего времени я со своим обычным штатом не мог уделить ему столько времени, сколько оно заслуживает. Мистер Гринберг является чрезвычайным послом и полномочным министром, выделенным в мое распоряжение Федерацией специально для этой цели.

Гринберг удивленно моргнул при этих словах босса, но сохранил каменное выражение лица. Он уже раньше обратил внимание, что босс сказал «коллега» вместо «помощник», но счел эту оговорку обычной уловкой, чтобы повысить престиж стороны, участвующей в переговорах, — но он не ожидал, что ему будет выдан такой щедрый патент на следующий чин. Интересно, скажется ли это на зарплате?

Доктор Фтаемл снова поклонился.

— Я бесконечно благодарен, что имею возможность сотрудничать с вашим превосходительством.

Гринберг подозревал, что им не удалось одурачить раргиллианина; тем не менее благодарность Фтаемла была искренней, так как он сам был в ранге посла.

Пока секретарша расставляла угощение, они перевели дыхание. Фтаемл выбрал французское вино, а Гринберг и Кику, как им посоветовал Хобсон, раргиллианский напиток — нечто, названное «вином» лишь из-за бедности языка и напоминающее хлеб, разболтанный в молоке и отдающий серной кислотой. Пока напиток не коснулся губ, Гринберг поторопился изобразить редкостное удовольствие и с уважением отметил, что босс рискнул попробовать жидкость.

Ритуальная церемония, которой придерживались семь — десять цивилизаций, шла своим чередом, и Гринберг получил время присмотреться к Фтаемлу. Медузонд был одет в дорогую пародию на земной мундир: кургузый фрак, кружевное жабо и полосатые брюки. Данное одеяние успешно скрывало его истинную, нечеловеческую сущность: сейчас он напоминал

обыкновенного гуманоида с двумя ногами, двумя руками и продолговатой головой.

Но Гринберг вырос в обществе Великих Марсиан и имел дело с различными существами; он не считал, что «человек» должен иметь только человеческое обличье, и не отдавал предпочтения чисто человеческим формам. С точки зрения самого Фтаемла, он был обаятелен и грациозен. Его сухая хитиновая кожа, оранжевая с зелеными подтеками, была ничуть не хуже декоративной леопардовой шкуры. Отсутствие носа ничуть не портит впечатление и компенсировалось подвижным чувственным ртом.

Гринберг решил, что Фтаемл прячет свой хвост под одеждой, обернув его вокруг туловища, дабы избежать ненужных намеков, что он похож на какое-то земное существо, к коим раригилиане очень чувствительны: до сих пор им была памятна та история в Риме, когда на приеме один из них смахнул хвостом свечу. Другие раригилиане, с которыми Гринбергу приходилось сотрудничать, старались вообще не пользоваться одеждой и носили свои хвосты гордо вздернутыми вверх, как мартовские коты. Так было, например, на Веge-VI, воспоминания о которой заставили Гринберга содрогнуться.

Он посмотрел на вибриссы медузоида. Они отнюдь не напоминали змей. Босс явно относился к ним с излишней нервозностью. Конечно, они были с фут длиной и толщиной с его большой палец, но у них не было ни глаз, ни пасти, ни зубов — это были просто вибриссы, усики, и не больше. У многих других рас тоже есть такие усики. А что такое наши пальцы, как не короткие усики?

Мистер Кику и доктор Фтаемл опустили на стол бокалы почти одновременно.

— Доктор, консультировались ли вы со своими доверителями?

— Сэр, мне была оказана такая честь. И могу ли я выразить вам благодарность за десантную шлюпку, которую вы столь любезно предоставили в мое распоряжение, чтобы я имел возможность, покидая поверхность вашей очаровательной планеты, снестись с теми, кого я имею честь здесь представлять. И, отдавая должное тем выдающимся личностям, которым я ныне служу, должен сказать, что она куда больше подходит для моей конституции, нежели аналогичное устройство их корабля.

— Не стоит благодарности. Мы всегда рады услужить нашим друзьям.

— Вы исключительно любезны, господин Заместитель.

— Итак, что же они сказали?

Доктор Фтаемл содрогнулся всем телом.

— Я искренне сокрушаюсь от необходимости сообщить вам, что они непоколебимы. Они настаивают, чтобы их малыш (он женского пола) был возвращен им без промедления.

Мистер Кику нахмурился.

— Я не сомневаюсь, вы объяснили им, что мы никогда не слышали о нем, что у нас есть веские основания считать, что он никогда

не посещал нашу планету, и еще более веские основания считать, что он... то есть она, никогда не жила на нашей планете.

— Все это я сделал. Надеюсь, вы простите мою невежливость, если я передам их ответ в выражениях грубых, но точных. — Он смущенно повел плечами. — Они говорят, что вы лжете.

Мистер Кику не возразил, зная, что, когда раргиллиане исполняют роль посредника, они не вкладывают в эти обязанности ничего личного, действуя как телеграф.

— Было бы куда лучше, если бы я в самом деле лгал. Тогда в конце концов я мог бы поймать их пострела и с этим делом было бы покончено.

— Лично я верю вам, — внезапно сказал доктор Фтаемл.

— Благодарю вас. Почему?

— Потому что вы употребили сослагательное наклонение.

— Ах, вот как. Сообщили ли вы им, что на нашей планете пребывает более семи тысяч разновидностей внеземных существ, каждая из которых представлена сотнями и тысячами индивидуумов? Что из них примерно тридцать тысяч — разумные существа? Но что только очень немногие из них обладают физическими характеристиками, отдаленно напоминающими ваших хрошии, и относительно всех их мы знаем, откуда они родом, с какой планеты?

— Я раргиллианин, сэр. Я сказал им все это и даже больше, используя их собственный язык и изложив факты гораздо яснее, чем вы могли бы это объяснить какому-нибудь землянину.

— Я верю вам. — Мистер Кику хлопнул по крышке стола. — У вас есть какие-то предложения?

— Минутку, — вмешался Гринберг. — Нет ли у вас изображения типичного хрошии? Оно могло бы помочь.

— Хрошии, — поправил Фтаемл. — Или, в данном случае, хрошиа. Прошу простить, они не употребляют символику типа изображений. К сожалению, у меня нет возможности исполнить вашу просьбу.

— Раса безглазых?

— Нет, экселенц. Выглядят они вполне прилично и даже изящно. Но их глаза и нервная система несколько отличаются от наших. То, что они называют изображением, было бы для нас совершенной бессмыслицей. Даже я нахожу это довольно затруднительным, хотя общепризнано, что моя раса наиболее приспособлена для интерпретации абстрактных символов. Если раргиллианин... — Он замолчал и принялся прихорашиваться.

— Ну хорошо... опишите нам одного из них. Используя все свои широкоизвестные семантические способности.

— С удовольствием. Корабль, созданный хрошии, относится к боевому классу и...

Мистер Кику прервал его.

— К боевому классу? Доктор, вы хотите сказать, что это военное судно? Вы мне этого не говорили.

Доктор Фтаемл изобразил огорчение.

— Я считал, что этот факт общеизвестен и достаточно непригляден.

— И я такого же мнения. — Мистер Кику задумался: не стоит ли ему поднять по тревоге Генеральный Штаб Федерации. Не сейчас, решил он. Мистер Кику всегда был настроен резко отрицательно к вмешательству военной мощи в процесс переговоров, ибо был уверен, что демонстрация силы служит признаком неудачи со стороны дипломатов, а также практически сводит на нет шансы достичь соглашения в будущем. Свое мнение он мог обосновать, но предпочитал держать его при себе. — Продолжайте, пожалуйста.

— Хрошии-военные являются трехполыми; разница между ними не бросается в глаза, и у нас нет необходимости в уточнениях. Мои доверители, руководящие экспедицией на этом корабле, примерно на шесть дюймов выше этого помещения и вдвое тяжелее вас. У каждого из них четыре пары ног и две руки. Руки у них маленькие, но сильные и исключительно ловкие. По-моему, хрошии отличаются необыкновенной красотой и функционируют с редкой грацией. Они с большим искусством работают с машинами, инструментами и совершают очень тонкие манипуляции.

Пока Фтаемл говорил, Гринберг слегка расслабился. До этого намеки раригилианина все же беспокоили его; вдруг это создание Луммокс окажется одним из хрошии... но теперь он понял, что опасения его основывались всего лишь на случайном совпадении числа ног... точно так же страуса можно было бы спутать с человеком, потому что у него две ноги! Мысленно Сергей упорно пытался отнести Луммокса к какой-нибудь категории существ, но ни одна из известных пока не подходила.

Доктор Фтаемл продолжал:

— ... но выдающиеся характеристики хрошии не исчерпываются простыми данными о размерах, весе, строении тела и функциях, ибо самое потрясающее впечатление производит их интеллектуальная мощь. — Медузоид причмокнул от восхищения. — Я почти уже пришел к решению отказаться от профессионального вознаграждения и считать мою службу не обязанностью, а привилегией.

Вот это уже произвело на Гринберга впечатление. Эти хрошии в самом деле что-то представляют собой; насколько бы честным посредником раригилианин ни был, он позволит человеку умереть от жажды, но не скажет ему ни слова об источнике воды прежде, чем гонорар не будет у него в руках.

— Единственное, — добавил Фтаемл, — что удержало меня от подобного решения, — это понимание, что кое в чем я их превосхожу. Они не лингвисты. Их речь богата и выразительна, но, кроме нее, они не владеют никаким другим языком. Даже вы талантливее их в лингвистическом отношении. — Фтаемл вытянул свои гротескные руки чисто по-галльски и закончил: — Таким образом, я пересмотрел отношение к себе и потребовал двойной оплаты.

Он замолчал.

Мистер Кику молча смотрел на стол, а Гринберг просто ждал. Наконец Кику сказал:

— Что вы предлагаете?

— Мой уважаемый друг, есть только один путь. Хрошиа, которую они ищут, должна быть найдена.

— Но у нас ее нет!

Фтаемл испустил глубокий вздох.

— Все это достойно сожаления.

Гринберг внимательно посмотрел на него: вздох не содержал осуждения. Он чувствовал, что раргиллианин приберег что-то из ряда вон выходящее... что было смешно; приняв на себя роль посредника, раргиллианин был больше, чем кто-либо другой, озабочен успехом переговоров: любой исход, кроме успешного, вызывал у них потерю самоуважения.

— Доктор Фтаемл, — сказал он, — когда вы принимали на себя миссию посредника, предполагали ли вы, что мы будем в состоянии удовлетворить их требование и доставить эту хрошиа?

Ноздри собеседника внезапно опали. Гринберг вздернул бровь и сухо сказал:

— Я вижу, что нет. Могу ли я осведомиться, почему в таком случае вы все же взяли на себя роль посредника?

Фтаемл ответил медленно и без своей обычной доверительности:

— Сэр, никто не может отказаться от сотрудничества с хрошии. Поверьте мне — никто.

— Хм-м-м... эти мне хрошии. Доктор, надеюсь, вы простите меня, но из ваших слов нам так и не удалось составить полное представление об этих созданиях. Вы сказали, они обладают такой интеллектуальной мощью, что даже лучшие умы столь высокоразвитой расы, как ваша... я имею в виду вас... полностью подавляются ими. Вы дали понять, что они сильны и в других областях... И даже вы, гордый, свободный народ, вынуждены повиноваться их желаниям. Сейчас они прибыли к нам на единственном корабле, который висит над планетой, способной установить полную и всепоглощающую гегемонию в этом секторе космоса... и все же вы говорите, что «достойно сожаления», если мы не удовлетворим их невыполнимое требование, — сказал Кику.

— Так оно и есть, — осторожно сказал Фтаемл.

— Когда раргиллианин находится при исполнении своих профессиональных обязанностей, я не могу ему не верить. Это-то и вызывает у меня тревогу. Эти сверхсущества... почему мы никогда раньше не слышали о них?

— Космос глубок, экселенц.

— Да, да. Не сомневаюсь, — сказал Кику, — что есть тысячи великих рас, которых мы никогда не встречали и не встретим. Но неужели и для вас это первый контакт с хрошии?

— Нет. Мы давно знали о них... раньше, чем о вас.

— Что? — Гринберг кинул на Кику быстрый взгляд.

— Что за отношения между Раргиллом и хрошии? И почему Федерации о них ничего не известно? — продолжил Кику.

— Должен ли я считать ваш вопрос упреком? Если да, то могу сказать, что я не отвечаю за действия своего правительства.

— Мы просто интересуемся, — заверил его Гринберг. — Федерация стремится постоянно расширять свои дипломатические связи. И я удивлен, узнав, что ваша раса, которая всегда декларировала дружбу с нами, зная о существовании могучей цивилизации, не поставила Федерацию об этом в известность.

— Не могу не отметить, экселенц, что я поражен вашим удивлением. Космос глубок и неисчерпаем... а моя раса испокон веков известна как раса путешественников. Может быть, Федерация не догадалась правильно сформулировать вопрос? Что же касается остального, то мои соотечественники не имеют с могущественными хрошии ни дипломатических, ни каких-либо иных отношений. Они существа, которые, как вы выражаетесь, заняты своими собственными делами, и мы очень рады... рады тому, что не имеем к ним отношения. Корабли хрошии не появлялись в нашем небе уже более пяти ваших столетий, но вот хрошии прилетели и потребовали от нас определенных услуг...

— Чем больше я узнаю, — сказал Гринберг, — тем больше ничего не понимаю. Значит, они остановились на Раргилле, чтобы взять посредника, вместо того, чтобы направиться прямо сюда?

— Не совсем так. Появившись в нашем пространстве, они осведомились, слышали ли мы когда-нибудь о вас. Мы сказали, что да, мы знаем о вас... ибо когда хрошии спрашивают, им нельзя не ответить! Мы указали им, где находится ваше светило, и на мою долю выпала редкая удача предстать перед ними. — Он пожал плечами. — И вот я здесь.

— Минутку, — сказал Гринберг. — Значит, они сообщили вам, что ищут пропавшую хрошию, уже на подходе к Земле? И, должно быть, именно тогда вы решили, что их миссия не увенчается успехом. Почему?

— Разве это не очевидно? Мы, раргиллиане, используя вашу любимую и довольно точную идиому, самые большие сплетники в космосе. Из вежливости вы можете называть нас «историками», но я предпочитаю более жизненное выражение. Сплетники. Мы всюду бываем, всех знаем, говорим на всех языках. Мне не нужно «поднимать документы», дабы удостовериться, что люди с Земли никогда не были в средоточии звездной системы хрошии. Окажись вы там, вы, конечно, не обошли бы их своим вниманием, результатом чего была бы война. Она могла бы превратиться в «переполох в курятнике»... кстати, интересное выражение, и я хотел бы побывать в курятнике, коль скоро я здесь. И эта война породила бы массу анекдотов и интересных историй, которые рассказывались бы всюду, где собирались хотя бы два раргиллианина. Поэтому я понял, что они должны ошибаться; им не удастся найти то, что они ищут.

— Иными словами, — подвел итог Гринберг, — вы указали им не ту планету... и взвалили все проблемы на нас.

— Нет! Нет! — запротестовал доктор Фтаемл. — Идентифицировали мы вас совершенно точно. Дело было не столько в вашей планете, поскольку хрошии не знали, откуда вы пришли, сколько в вас самих. Существа, которых они хотели разыскать, были люди с Земли — до мельчайших деталей, вплоть до ногтей на руках и расположения внутренних органов.

— И тем не менее, вы знали, что они ошибаются. Доктор, я не так искушен в семантике, как вы. Но я вижу здесь определенное противоречие... или парадокс.

— Разрешите, я вам объясню. Мы, для которых слова являются профессиональным оружием, лучше других знаем их ничтожность. Парадокс может существовать только в словах, а не в фактах, которые обозначаются этими словами. Как только я понял, что люди не имеют представления о хрошии, я пришел к тому выводу, к которому и должен был прийти, — что в этой Галактике есть еще одна раса, похожая на вашу как две горошины из одного стручка. Или бобы? Вам больше нравятся бобы?

— Хватит и горошины, — сказал серьезно мистер Кику.

— Благодарю вас. У вас очень богатый язык: пока я здесь, я постараюсь освежить свои знания. Поверите ли, человек, у которого я брал первые уроки, научил меня идиомам, совершенно неприемлемым в вашем изысканном обществе. Вот как, например...

— Да, да, — поспешно согласился мистер Кику. — Я вам верю. Некоторые из наших соотечественников обладают весьма странным чувством юмора. Значит, вы считаете, что в нашем звездном скоплении есть раса, похожая на нашу как близнецы? Оценивая возможность такого совпадения, я нахожу данный факт весьма... м-м-м... забавным.

— Просторы космоса, господин Заместитель, с точки зрения юмора, достаточно неприглядны. Мы на Раргилле всегда считали создателя изрядным юмористом.

— Вы познакомили с этим выводом ваших клиентов?

— Да... и впоследствии, в беседах с ними, я, тщательно аргументировав, излагал его не раз. Но результат можно было предсказать.

— Что вы имеете в виду?

— У каждой расы свои достоинства, свои слабости. Когда мощный интеллект хрошии приходит к какому-то выводу, они не отказываются от него с легкостью. Вы называете таких людей «упрямыми».

— Тупоголовыми, доктор Фтаемл, тупоголовыми!

— Прошу вас, мой дорогой сэр! Я надеюсь, что вы сможете держать себя в рамках. Если мне будет позволено, я сообщу, что вы оказались не в состоянии найти их сокровище, хотя и провели тщательные всеохватывающие поиски. Я ваш друг... и не надо считать, что эти переговоры завершатся неудачей.

— Я в своей жизни еще не проигрывал переговоры, — кисло ответил мистер Кику. — Если вам не удастся переспорить какого-нибудь типа, вы

можете пережить это. Но я не вижу, что еще мы можем им предложить. Правда, есть одна возможность, о которой мы говорили в прошлый раз... вы захватили с собой координаты их планеты? Или они отказались их дать?

— Они со мной. Говорю вам, хрошии совершенно не боятся, что кто-то узнает их местонахождение. Их это просто не волнует. — Доктор Фтаемл открыл маленький плоский чемоданчик, искусно имитирующий земной. — Тем не менее, все выяснить будет не просто. Сначала я перевел координаты из их системы единиц в те, которые в ходу на Раргилле, который считает себя центром мироздания; для этой цели мне пришлось убеждать в целесообразности такой работы, а затем соотносить их космическое время с раргиллианским. А теперь я со стыдом должен признаться, что не знаком с вашей методикой оценки космических величин, что необходимо для перевода наших мер.

— Вам нечего стыдиться, — ответил мистер Кику, — я сам ничего не знаю о наших методах астронавигации. Придется обращаться к специалистам. Минутку. — Он нажал кнопку, вмонтированную в стол. — Мне Астробюро.

— Они все ушли домой, — ответил бесстрастный женский голос, — кроме дежурного офицера по астронавигации.

— Он-то мне и нужен. Подать его сюда!

— Доктор Вернер, — быстро отозвался мужской голос, — дежурный офицер.

— Здесь Кику. Доктор, вы можете перевести космические координаты из одной системы в другую?

— Конечно, сэр.

— Имели ли вы дело с раргиллианской системой единиц?

— Раргиллианской? — дежурный офицер присвистнул. — Это не простая штука, сэр. Тут вам нужен доктор Сингх.

— Ну-ка, быстренько доставьте его.

— Так он уже ушел домой, сэр. Будет только утром.

— Я не спрашиваю, где он; я сказал, доставьте его сюда... и побыстрее. Пусть полиция обшарит город. Может поднять армию, если необходимо. Он нужен мне немедленно.

— Э-э-э... да, сэр.

Мистер Кику повернулся к доктору Фтаемлу.

— Я надеюсь, что смогу доказать, что ни один корабль с Земли не посещал планету хрошии. К счастью, у нас есть астронавигационные данные по каждому межзвездному путешествию. И мое мнение таково: настало время, когда обе стороны должны встретиться для переговоров лицом к лицу. С вашей неоценимой помощью мы сможем доказать им, что нам нечего скрывать, что все достижения нашей цивилизации к их услугам и что мы были бы рады помочь им в поисках их младенца... но ее здесь нет. А затем, если у них есть что предложить, мы могли бы... — Дверь в дальнем конце комнаты отворилась, мистер Кику остано-

вился а затем сказал ровным тоном: — Как поживаете, господин Секретарь?

Высокочитимый Рой Макклюр, Секретарь Межзвездного Департамента Федеративного Союза Цивилизаций, вошел в помещение. При виде мистера Кику взор его оживился.

— Вот вы где, Генри! А я уже обыскался. Эта глупая девчонка не знает, куда вы делись, но я прикинул, что вы еще не покинули Департамент. Вы должны...

Мистер Кику решительно взял его за локоть и громко сказал:

— Господин Секретарь, разрешите мне представить доктора Фтаемла, посланника де-факто могущественных хрошии.

— Как поживаете, доктор? Или вы предпочитаете титул «Ваше превосходительство»? — У Макклюра хватило ума не отвести взгляда.

— «Доктор» звучит как нельзя лучше. Благодарю вас, я чувствую себя прекрасно. Могу ли я осведомиться о вашем здоровье?

— О, неплохо, неплохо... если бы не навалилось все сразу. В связи с этим... позволите ли вы похитить у вас моего заместителя? Я приношу извинения, но возникла неотложная необходимость.

— Конечно, господин Секретарь. Я полон искреннего желания сделать все для вашего удовольствия.

Мистер Макклюр с подозрением взглянул на медузоида, но пришел к выводу, что не в состоянии понять выражение его лица... если оно вообще может иметь выражение, уточнил он про себя.

— Э-э-э... надеюсь, о вас позаботились, доктор?

— Да, благодарю вас.

— Отлично. Право, я очень извиняюсь, но... Генри, можно вас?

Мистер Кику поклонился раригиллианину и встал из-за стола с такой невозмутимостью на лице, что Гринберг содрогнулся. Он подошел к Макклюру, и они о чем-то зашептались. До Гринберга донеслось:

— Да, да! Но это исключительно важно, я уверяю вас, Генри, чего ради вы вздумали посадить этот корабль, не посоветовавшись предварительно со мной?

Что ответил Кику, расслышать не удалось. Макклюр продолжал:

— Чепуха! Вы должны были просто выйти и встретить их. Вы не могли...

Мистер Кику резко отвернулся от собеседника.

— Доктор Фтаемл, намерены ли вы вернуться к хрошии до вечера?

— Спешить нет оснований. Я всецело в вашем распоряжении, сэр.

— Вы очень любезны. Могу ли я оставить вас на попечение мистера Гринберга? Мы побеседуем позже.

Раригиллианин поклонился.

— Почту за честь.

— Я предвкушаю удовольствие видеть вас завтра.

Доктор Фтаемл еще раз поклонился.

— До завтра, господин Секретарь. Ваш слуга, господин Заместитель.

Секретарь и его заместитель удалились, а Гринберг не знал: то ли плакать, то ли смеяться. Ему было стыдно за все человечество. Медузоид молча наблюдал за ним.

Гринберг криво усмехнулся и сказал:

— Доктор, есть ли ругательства в раригиллианском языке?

— Сэр, я могу богохульствовать более чем на тысяче языках... например, сравнение с тухлым яйцом имеет сотни разновидностей. Не желаете ли с моей помощью освежить некоторые из них?

Гринберг сел и от души рассмеялся.

— Доктор, вы мне нравитесь. Нет, вы мне в самом деле нравитесь... безотносительно к тому, что мы должны проявлять обоюдную вежливость.

Фтаемл сложил губы в гримасу, отдаленно напоминающую улыбку.

— Благодарю вас, сэр. Я испытываю к вам такие же чувства... благодарю вас. Могу ли я откровенно высказать свое мнение по поводу происходящего? Ко всему надо относиться философски.

— Я понимаю. Извините. Большинство из моих соотечественников искренне убеждены, что их предрассудки санкционированы самим господом богом. Я хотел бы, чтобы это было не так.

— Вам нечего стыдиться. Уверяю вас, сэр, такие же предрассудки свойственны всем расам и распространены повсеместно... включая и мою собственную расу. Если бы вы знали языки... Все они несут в себе образ их владельца, а сквозь все идиомы прослеживается одна настойчивая мысль: «Он чужеземец, а потому варвар».

Гринберг мрачно усмехнулся.

— Ничего приятного, не так ли?

— Приятного? Почему, сэр? Это очень забавно. Это единственная шутка, которую господь бог не перестает повторять. — И медузоид добавил: — Каковы ваши намерения, сэр? Продолжим исследование данной темы? Или вы хотите просто поболтать, потянуть время до возвращения вашего... коллеги?

Гринберг понял, что раригиллианин со всей возможной вежливостью дал ему понять, что он, Гринберг, не может действовать без Кику. Спорить не имело смысла... и, кроме того, он был голоден. — Мне кажется, что сегодня мы уже поработали достаточно, доктор. Не окажете ли мне честь отобедать со мной?

— Я буду в восторге! Но... вы знаете особенности нашей диеты?

— Конечно. Ведь я провел несколько недель с одним из ваших соотечественников. Мы можем отправиться в отель «Универсал».

— Да, конечно, — без особого энтузиазма согласился доктор.

— Но, может быть, найдем что-нибудь получше.

— Я слышал, у вас есть рестораны с варьете... это возможно? Или это?..

— Ночной клуб? — Гринберг задумался. — Да! «Космик»! Кухня такая же, как в «Универсале».

Они уже собирались уходить, как дверь приоткрылась и в нее заглянул невысокий смуглый человек.

— О, простите. Я думал, мистер Кику здесь.

Гринберг вспомнил, что шеф искал специалиста по релятивистской математике.

— Минутку. Вы, должно быть, доктор Сингх?

— Да.

— Мистеру Кику пришлось выйти. За него я. — Он познакомил математика с раргиллианином и объяснил, в чем суть проблемы. Доктор Сингх просмотрел расчеты раргиллианина и кивнул.

— Потребуется время.

— Могу ли я помочь вам, доктор? — спросил Фтаемл.

— В этом нет необходимости. Ваших записей вполне достаточно. — Получив это заверение, Гринберг и Фтаемл отправились в город.

В варьете участвовали жонглеры, восхитившие Фтаемла, и девочки, которые понравились Гринбергу. Было уже довольно поздно, когда Гринберг оставил Фтаемла в одном из спецномеров, резервированных Межзвездным Департаментом в «Универсале» для негуманоидов. Спускаясь на лифте, Гринберг не мог сдерживать зевоты, но решил, что с точки зрения налаживания хороших отношений вечер отнюдь не был потерян. Несмотря на усталость, он все же остановился около Департамента. В ходе вечера Фтаемл выболтал нечто, о чем шефу стоило бы знать... если Кику нет на месте, он хотя бы оставит ему на столе записку. Наслаждаясь мастерством жонглеров, раргиллианин высказал сожаление, что, увы, все должно скоро кончиться.

— Что вы имеете в виду? — спросил Гринберг.

— Когда могущественная Земля превратится в прах... — начал было медузоид, но осекся.

Гринберг пристал к Фтаемлу как с ножом к горлу, но медузоид отговорился, что пошутил.

Гринберг не был уверен, что в словах Фтаемла заключалось что-то существенное. Но раргиллианский юмор обычно отличался тонкостью. И Сергей решил как можно скорее сообщить боссу об этом разговоре. Может быть, это странное судно нуждается в обработке парализующими частотами или в ударе вакуумной бомбы.

У дверей Сергея остановил ночной стражник.

— Мистер Гринберг, мистер Кику искал вас полчаса тому назад.

Он поблагодарил стражника и поспешил наверх. Гринберг обнаружил шефа за столом; корзинка для входящих была, как обычно, набита до краев, но он не обращал на нее никакого внимания.

— Добрый вечер, Сергей, — взглянув на Гринберга, тихо сказал Кику. — Посмотри эти бумаги.

В бумагах был результат обсчета Сингхом заметок доктора Фтаемла. Гринберг быстро просмотрел геоцентрические координаты и подвел итог:

— Больше девятисот световых лет! — сказал он. — И в том направлении. Неудивительно, что мы не принимали их в расчет.

— Не в этом дело, — возразил Кику. — Не в цифрах. Эти выкладки подтверждают заявление хрошии о том, что их планету посещал наш корабль. А вот дата посещения...

Гринберг еще раз просмотрел расчеты и почувствовал, как у него стянуло кожу на лбу. Повернувшись к компьютеру, он хотел набрать код вопросов, но Кику остановил его.

— Не трудись. Твое предположение совершенно верно. «Летающее Лезвие». Второй полет.

— «Летающее Лезвие», — тупо повторил Гринберг.

— Да. Мы никогда в точности не знали, где они были, и поэтому не могли ничего предполагать. Но мы совершенно точно знаем, когда был совершен этот полет. Все сходится. И это куда проще, чем гипотеза доктора Фтаемла о двух расах-близнецах.

— Конечно. — Сергей посмотрел на босса. — Значит, это Луммокс?

— Да. Это Луммокс.

— Но этого не может быть. У Луммокса нет рук. Он глуп. Глуп, как кролик.

— Да, этого не может быть. Но это есть.

Г л а в а 7

«МАМА ЗНАЕТ ЛУЧШЕ»

В резервуаре Луммокса уже не было. Он устал и решил отправиться домой. Для этого надо было сделать пролом в стене, чтобы без хлопот выбраться наружу, и Луммокс постарался проломить стену как можно аккуратнее, с минимальным ущербом для резервуара. О таких пустяках он не собирался спорить с Джоном Томасом — о чем тут говорить?

Кое-кто из людей всполошился, когда Луммокс выбрался наружу, но он не обратил на них внимания. Главное — ни на кого не наступить, и двигался он с горделивым достоинством. Даже когда пожарники стали поливать Луммокса из брандспойтов, он уже не реагировал так, как в тот день, когда вышел на прогулку; он просто зажмурил глаза, закрыл ноздри, опустил голову и затрусил домой.

Джон Томас встретил Луммокса на полпути, его взбудоражили чьи-то истерические крики о помощи. Луммокс остановился, и после взаимных приветствий Джон Томас вскарабкался ему на спину, и они отправились домой.

Шериф Дрейзер был непоколебим.

— Разворачивай животное, — рявкнул он, — гони его обратно!

— Сами попробуйте, — мрачно сказал Джон Томас.

— Я с тебя шкуру спущу! Я... я...

— А что я сделал?

— Ты... лучше бы ты ничего не делал. Эта зверюга вырвалась и...

— Я там даже не был, — сказал Джон Томас.

Луммокс продолжал двигаться неторопливой рысью.

— Да, но... все равно! Он на свободе. Твоя обязанность — оказать содействие закону и водворить его обратно. Джон Стюарт, тебя ждут крупные неприятности!

— Не понимаю, что вы имеете в виду. Вы его у меня забрали. Вынесли ему приговор и сказали, что он мне больше не принадлежит. Вы пытались убить его, не дожидаясь, пока правительство утвердит приговор. Если он принадлежит мне, я должен подать на вас в суд. Если он мне не принадлежит, то меня ни капельки не волнует, как Луммокс выбрался из этой идиотской банки. — Джон Томас наклонился и посмотрел вниз. — Почему бы вам не залезть в свою машину, шериф, вместо того чтобы с вашей одышкой бегать вокруг нас?

Вряд ли шерифу Дрейзеру пришелся по душе этот совет, но он и впрямь влез в машину и приказал шоферу гнать вперед. Едва придя в себя, он высунулся из окна.

— Джон Стюарт, — прорычал он, — я не бросаю слов на ветер. И не твое дело обсуждать мои действия. Горожане возложили на меня обязанность поддерживать мир и покой в городе. Я обращаюсь к тебе официально — и учти, магнитофон в машине включен, — ты должен мне помочь вернуть это животное в резервуар.

— А потом я смогу пойти домой? — с невинным видом спросил Джон Томас.

— А? Конечно.

— Спасибо, шериф. А как вы думаете — долго ли Луммоксу торчать в резервуаре после того, как я водворю его туда и пойду домой? Или вы планируете сделать из меня полицейского?

Шериф Дрейзер задумался. Луммокс тем временем продолжал двигаться к дому.

Тем не менее Дрейзер решил, что столкнулся лишь с временным затруднением: настойчивость, которая сделала его хорошим офицером, была его врожденной чертой. Но он должен был признать, что в округе станет куда спокойнее, если зверь будет находиться под присмотром Джонни, пока он не найдет безошибочный способ покончить с ним. Распоряжение Заместителя Секретаря Межзвездного Департамента об уничтожении Луммокса было у него на руках, и он чувствовал себя достаточно уверенно... хотя старый судья О'Фаррел лишь саркастически ухмылялся, когда он хватался за пистолет. Отмена же этого приказа не попала к нему. Новый клерк из Бюро Связи Департамента сделал маленькую ошибку, всего лишь переставив один символ. Отмена приговора пошла на Плутон... и все последующие бумаги под тем же шифром последовали за ней.

Дрейзер сидел в своей конторе, крутя в руках смертный приговор Луммоксу, и размышлял, как лучше привести его в исполнение. Электроток? Может быть... но он не знал, какое напряжение потребуется в данном случае. Перерезать Луммоксу горло? Шериф никак не мог представить, какой нужен нож и что станет делать в это время зверь.

Ни взрывчатка, ни огнестрельное оружие не подойдут. Хотя... Если заставить чудовище как можно шире открыть пасть, тогда можно зашвырнуть ему в глотку заряд, который выпотрошит его дочиستا. Так точно — оно сразу же подохнет! Броню носят многие животные — черепахи, крокодилы, например, — но у всех она снаружи, а не внутри. И эта зверюга не исключение: шериф несколько раз заглядывал ему в пасть, когда пытался скормить яд. Броневые плиты у Луммокса только снаружи, а внутри все розовое, влажное и мягкое, как у всех.

Значит, так: он скажет, чтобы мальчишка Стюарт приказал зверюге открыть пасть, и... нет, тоже не пойдет. Мальчишка увидит, что я собираюсь делать, и тогда... еще одна вдова полицейского будет получать пенсию. Мальчишка совершенно отбился от рук... просто удивительно, как мальчик из хорошей семьи катится по наклонной плоскости прямоком в тюрьму.

Нет, мальчишку надо под каким-нибудь предлогом отправить вниз, в город, и в его отсутствие все сделать. Они могут предложить животному какую-нибудь вкуснятину и сказать: «Ах, какая прелесть!», и оно откроет пасть...

Он посмотрел на часы. Сегодня? Нет, ему еще надо выбрать оружие и кое с кем переговорить, чтобы все шло, как часы. Завтра рано утром... лучше всего убрать мальчишку сразу же после завтрака.

Луммокс был счастлив очутиться дома, всем своим видом показывая — кто старое помянет, тому глаз вон. Он ни словом не обмолвился о шерифе Дрейзере, он всегда, если даже знал, что кто-то к нему настроен неблагоприятно, делал вид, что все в порядке. Его прекрасное настроение выражалось в том, что он то и дело старался водрузить свою голову Джонни на колени, чтобы тот поласкал его. Прошло много времени с тех пор, как он был достаточно мал для таких игр; теперь он клал Джонни на колени один нос и держал голову на весу, пока Джонни чесал ему нос осколком кирпича.

Джонни был почти счастлив. С возвращением Луммокса он чувствовал себя значительно лучше, но знал, что ничего еще не решено, шериф Дрейзер обязательно попытается убить Луммокса. И Джонни постоянно, до головной боли, думал, что предпринять.

А тут еще мать подлила масла в огонь, взбеленившись, когда увидела, что «это животное!» возвращается в дом Стюартов. Джон Стюарт, пропустив мимо ушей ее крики, угрозы и приказания, принялся кормить и поить своего друга. Несколько позже шторм продолжился уже в доме, когда мать

заявила, что позвонит шерифу Дрейзеру. Джонни ждал шторма, но был совершенно уверен, что ничего не произойдет... Так оно и случилось: мать осталась дома. Джонни погрузился в размышления; опыт жизни бок о бок с матерью научил его уступать и повиноваться. Вступать с ней в конфликт было для него гораздо мучительнее, чем для нее. Каждый раз, когда отец улетал или возвращался, он говорил Джонни: «Забиться о своей матери, сынок. Не причиняй ей горя...» Ну что ж, он пытался... он в самом деле делал все, что мог. Но совершенно ясно, у отца и в мыслях не было, что мать постареется избавиться от Луммокса. А уж она-то должна была знать: она выходила замуж, прекрасно понимая, что Луммокс — неотъемлемая часть их жизни. Так что же она?..

Вот Бетти никогда бы так не поступила.

Или и она тоже?..

Женщины вообще очень странные существа. Может быть, он и Луммокс должны собрать пожитки и попробовать жить самостоятельно. Он размышлял обо всем этом до самого вечера, пока возился и играл с Луммоксом. Припухлости Лумми по-прежнему беспокоили его. Одна, похоже, была готова лопнуть. Может, ее надо вскрыть? А спросить не у кого.

Не хватало, чтобы ко всему Лумми еще заболел!

Обедать Джонни не пошел. И в конце концов мать пришла во двор с подносом.

— Я думаю, ты можешь позавтракать здесь вместе с Луммоксом, — мягко сказала она.

Джонни подозрительно посмотрел на нее.

— Спасибо, мама. В самом деле, и... словом, спасибо.

— Как Лумми?

— О, с ним все в порядке.

— Это хорошо.

Она ушла, и Джонни посмотрел ей вслед. Плохо, когда мать сердится, но еще хуже ее мягкое, ласковое обращение и этот хитрый кошачий взгляд. Тем не менее обед был отличным, и Джонни съел все подчистую — после завтрака у него крошки во рту не было. Мать вернулась через полчаса.

— Ты поел, дорогой?

— Да... все было отлично, спасибо, мама.

— И тебе спасибо, дорогой. Не можешь ли ты отнести поднос? И будь, пожалуйста, дома: к восьми часам должен прийти мистер Перкинс, он хочет поговорить с тобой.

— Мистер Перкинс? Кто это? — Но мать уже скрылась за дверью.

Джонни нашел ее в холле, где, расположившись в кресле, она штопала его носки. Улыбнувшись, она сказала:

— Ну, как ты себя чувствуешь?

— Отлично. Скажи, мама, что это за мистер Перкинс? Почему он хочет встретиться именно со мной?

— Он позвонил и попросил о встрече. Я сказала ему, что он может подойти к восьми.

— Он сказал, что ему надо?

— М-м-м... он что-то говорил, но я считаю, что мистер Перкинс должен объясниться непосредственно с тобой.

— Насчет Луммокса?

— Перестань меня допрашивать. Скоро сам все узнаешь.

— Но, видишь ли...

— Давай больше не будем говорить об этом. Сними ботинки, дорогой. Я хочу примерить тебе носки.

Сбитый с толку, он стал снимать обувь, но внезапно остановился.

— Мама, не надо штопать мне носки.

— В чем дело, дорогой? Маме нравится что-то делать для тебя.

— Да, но... Видишь ли, я не люблю штопанных носков. Они вечно натирают ноги, и я уже много раз показывал тебе.

— Не говори глупости! Как могут мягкие шерстяные носки натирать ноги? Знал бы ты, сколько приходится платить за носки из натуральной шерсти и ручной вязки! Любый сын был бы только благодарен!

— Но я же тебе сказал, что они мне не нравятся!

— Иногда, сынок, я прямо не знаю, что с тобой делать, честное слово. — Мать вздохнула и отложила в сторону вязание. — Иди вымой руки... и лицо тоже. Причешь волосы. Мистер Перкинс будет с минуты на минуту.

— Скажи, этот мистер Перкинс...

— Поторопись, дорогой. Матери и так трудно...

Мистер Перкинс оказался сама любезность; несмотря на все подозрения, Джону Томасу он понравился. После обмена любезностями за ритуальным столиком с кофе он перешел к делу.

Перкинс представлял лабораторию Экзотических Форм Жизни Музея Натуральной Истории. И услышав об истории Луммокса, увидев его изображение и узнав о процессе... Музей решил купить Луммокса.

— К моему удивлению, — добавил он, — просматривая архивы Музея, я выяснил, что мы уже пытались купить это существо... у вашего дедушки, настолько я понимаю. Все данные совпадают. Известно ли вам...

— Это был мой прапрадедущка, — прервал его Джонни. — Но он не продавался тогда — не продается и сейчас!

Миссис Стюарт подняла глаза от спиц и сказала:

— Будь поумнее, мой дорогой. У тебя сейчас не то положение.

Джон Томас упрямо молчал. Мистер Перкинс продолжал с мягкой улыбкой:

— Я уважаю ваши чувства, мистер Стюарт. Но прежде, чем я вылетел, наш юридический отдел исследовал суть дела, и я знаком с вашими насущными проблемами. Поверьте, я прибыл не для того, чтобы усложнять их; мы берем вашего питомца под защиту, и вам не придется больше волноваться.

— Я не продам Луммокса, — настойчиво сказал Джон Томас.

— Почему? А если это единственный выход из положения?

— Ну... потому что я не могу. Если бы даже хотел. Он достался мне не для продажи, еще до того, как я появился на свет... еще до моей матери. Вот в чем дело. — Джонни строго посмотрел на мать. — Мама, я не понимаю, к чему ты клонишь?

— Хватит об этом, — тихо сказала она. — Мама знает, что лучше для тебя.

Джон Томас помрачнел, и мистер Перкинс ловко сменил тему разговора.

— Во всяком случае, раз уж я проделал такой путь, не мог бы я познакомиться с вашим питомцем? Мне очень интересно...

— Почему же нельзя. — Джон Томас медленно поднялся на ноги и пошел к выходу.

Увидев Луммокса, мистер Перкинс сделал глубокий вдох и с шумом выпустил воздух.

— Восхитительно! — Он обошел Луммокса, изумляясь на каждом шагу. — Просто потрясающе! Уникально! Это самое большое внеземное существо, которое я когда-либо видел! Ума не приложу, как его доставили на Землю!

— Ну, с тех пор он немного подрос, — признал Джон Томас.

— Понимаю. Я слышал, он немного подражает человеческой речи. Не могли бы вы попросить его произнести несколько звуков?

— Чего? Он не подражает... он говорит.

— В самом деле?

— Конечно. Эй, Лумми, мальчик мой, как ты поживаешь?

— Отлично, — пискнул Луммокс. — А что ему надо?

— Да ничего особенного. Он просто хочет посмотреть на тебя.

— Он говорит! — Мистер Перкинс в изумлении вытаращил глаза. — Мистер Стюарт, лаборатория просто обязана получить этот образец!

— Я уже сказал вам — с этим покончено.

— Я с самого начала готов был выложить приличную сумму, а теперь, когда я увидел... и услышал его...

Джон Томас почувствовал, что сейчас взорвется, но сдержался и сказал:

— Мистер Перкинс, вы женаты?

— Да. А что?

— И дети есть?

— Девочка. Ей всего пять лет. — Лицо Перкинса смягчилось.

— Я предлагаю вам сделку. Давайте обменяемся. И без всяких вопросов. И пусть каждый делает со своим «образцом» все, что захочет.

Перкинс залился румянцем, а затем улыбнулся.

— Туше! Я сражен наповал. Но, — продолжал он, — давайте не будем торопиться. Вы не представляете, какое искушение представляет это суще-

ство для человека науки. В самом деле. — Он с тоской посмотрел на Луммокса и спросил: — Не вернуться ли нам?

Когда они вошли, миссис Стюарт взглянула на них. Перкинс отрицательно качнул головой. Они расположились в креслах, и мистер Перкинс сложил кончики пальцев.

— Миссис Стюарт, вы предупреждали меня, что разговор будет нелегким, но если я скажу директору Лаборатории, что мы даже не смогли толком поговорить, я буду выглядеть просто глупо. Могу ли я рассказать вам конкретнее о предложении Музея... просто ради информации?

— Ну что ж... — Джон Томас нахмурился. — Я думаю, беды в этом не будет.

— Спасибо. Я должен сделать хоть что-нибудь, чтобы оправдать расходы на дорогу. Разрешите мне проанализировать ситуацию. Это создание... ваш друг Луммокс... или, лучше, «наш друг Луммокс», ибо я влюбился в него, как только увидел... наш друг Луммокс под угрозой смертного приговора, не так ли? Таково решение суда.

— Да, — вынужден был признать Джон Томас. — Но приговор еще не утвержден Межзвездным Департаментом.

— Я знаю. Но полиция уже готовится привести его в исполнение, не дожидаясь формального утверждения. Так?

Взглянув на мать, Джон Томас удержал ругательства, готовые сорваться с языка.

— Тупые идиоты! Но как бы там ни было, им не удастся убить Луммокса, они слишком глупы.

— Я согласен с вашей оценкой... в частном порядке. Этот буйвол, шеф полиции... Но они все же могут уничтожить совершенно уникальное создание! Непостижимо!

Откашлявшись, миссис Стюарт сказала:

— Шериф Дрейзер — прекрасный джентльмен.

Мистер Перкинс повернулся к ней.

— Миссис Стюарт, я не собирался порочить вашего приятеля. Но я должен сказать прямо: у шерифа нет прав самолично вершить суд. Такое отношение нетерпимо со стороны любого гражданина, тем более — представителя закона.

— Он должен думать о безопасности общества, — настойчиво сказала миссис Стюарт.

— Совершенно верно. Возможно, у него есть какие-то смягчающие обстоятельства. Я беру обратно свои слова. В данном случае я не настаиваю на своей точке зрения.

— Я рада слышать, что вы не собираетесь продолжать эту тему. Но можем ли мы вернуться к предмету разговора?

Джон Томас почувствовал, что в нем начинает просыпаться теплое чувство к ученому — мать обошлась с Перкинсом точно так, как не раз поступала с ним. И, кроме того, Перкинсу нравился Луммокс.

— В любую минуту, завтра или даже еще сегодня, Межзвездный Департамент санкционирует уничтожение Луммокса и...

— А вдруг нет...

— Можете ли вы класть на одну чашу весов жизнь Луммокса, а на другую — столь слабую надежду? Шеф полиции снова возьмется за дело — и на этот раз он обязательно доберется до Луммокса.

— Нет! Он не знает, как это сделать! Мы еще посмеемся над ним!

Мистер Перкинс печально покачал головой.

— Это голос не разума, а сердца. Шериф не будет терять времени даром. Он только выглядит глупым; второй раз он не попадет впросак. Если сам не додумается — обратится к экспертам, специалистам. Мистер Стюарт, любой биолог, лишь посмотрев на Луммокса, может прикинуть два или три верных способа, как покончить с ним быстро и эффективно. Даже я, лишь увидев его, подумал об этом.

Джон Томас с тревогой посмотрел на ученого.

— Но ведь вы не станете подсказывать шерифу Дрейзеру?

— Конечно нет! Я скорее язык себе откушу. Но есть тысячи других, которые с удовольствием придут ему на помощь. Или он может нащупать путь сам. И будьте уверены: если вы решите ждать утверждения или отмены смертного приговора, может быть слишком поздно.

Джон Томас не нашелся, что ответить. Миссис Стюарт тихо добавила:

— Ты не можешь в одиночку выступать против всех. И ты должен понять: твое упрямство приведет к гибели Луммокса.

Джон Томас вцепился зубами в костяшки кулака.

— Что же я могу сделать? — еле слышно сказал он.

— Многое, если вы позволите мне помочь вам. Прежде всего, давайте внесем ясность. Если вы доверите нам своего питомца, никто не сможет причинить ему вред. Вы, наверное, слышали разговоры о вивисекциях и всем таком прочем... так вот — забудьте их. Наша цель — создать для животного среду, как нельзя больше похожую на ту, в которой он жил на своей родной планете, и изучать его. Мы хотим, чтобы животные были здоровы и счастливы, и прилагаем немало усилий, чтобы достичь этого. И когда в конце концов Луммокс умрет естественной смертью, его останки займут свое место на нашей постоянной выставке.

— А вы бы хотели, чтобы вас выпотрошили и выставили? — резко спросил Джон Томас.

— Что? — Перкинс сначала удивился, а потом рассмеялся. — Меня лично это не волнует: я уже завещал свой скелет медицинскому колледжу — моей альма матер. Да и Луммокса это не будет волновать. Суть дела в том, чтобы вырвать его из лап полиции... и чтобы он мог в спокойствии дожить до преклонных лет.

— Подождите. Даже если вы его купите, он все равно останется здесь. И они доберутся до него и убьют. Разве не так?

— И да, и нет. Скорее нет. Продажа его Музею не означает отмену

приговора, но, верьте мне, он никогда не будет приведен в исполнение. Я консультировался с нашим юридическим отделом. Во-первых, вы дадите мне расписку в получении денег, и это сразу же обеспечит Музею легальное положение. Должен сказать, что сегодня вечером я уже беседовал с вашим судьей и получил временное распоряжение, откладывающее приведение приговора в исполнение на несколько дней. Это решение он принял сам, дабы наконец выяснилась ситуация с окончательным владельцем. Теперь, если в этом возникнет необходимость, мы можем прямоком отправить к Секретарю Межзвездного Департамента... и я обещаю вам, что, как только права Музея будут подтверждены, Луммокс окажется в полной безопасности.

— Вы уверены в этом?

— Достаточно, чтобы рисковать деньгами Музея. Если я ошибаюсь, меня просто выгонят с работы. — Перкинс улыбнулся. — Но я не ошибаюсь. Едва я получил временное распоряжение, я позвонил в Музей и сделал его постоянным. Следующим шагом я устраню все опасности. Средств для этого хватит... и они произведут соответствующий эффект. Останется один шериф полиции... и если в вас он еще видит препятствие, с которым может справиться, он никогда не сможет противостоять той силе, которую, в случае необходимости, выдвинет против него наш Музей. И все будет в порядке, все будут счастливы! — Перкинс снова улыбнулся. — Все продумано!

Джон Томас прошелся по комнате, сел и уставился в потолок.

— Видите ли, мистер Перкинс, я понимаю, что должен что-то делать для спасения Луммокса. Но сегодня я не вижу никакого пути... и, наверное, у меня не хватает смелости посмотреть фактам в лицо.

— Значит, вы согласны?

— Прошу вас, не торопитесь! Во всем этом нет ничего хорошего. Лумми будет тосковать в одиночестве. Он никогда не привыкнет к нему. Ему лучше умереть, чем быть пожизненно заключенным. Не знаю... но ему, наверное, в самом деле лучше умереть, чем мучиться от одиночества, в окружении чужих существ, которые будут тыкать и тормозить его, приставая с разными тестами. Но я не могу спросить его, чего он хочет, потому что он просто не понимает, что такое смерть. Но он знает, что такое чужаки.

Мистер Перкинс закусил губу и подумал, что с этим молодым человеком очень трудно сговориться.

— Мистер Стюарт! А если вы отправитесь к нам вместе с Луммоком?

— Что? Как?

— Думаю, что могу обещать вам должность при Музее... Во всяком случае, в моем отделе есть вакансия; я могу оформить вас на работу тотчас же, а бюрократическими формальностями займемся позже. Кроме того, неплохо, если экзотическими животными будет заниматься человек знающий.

Но прежде, чем Джонни ответил, подала голос его мать:

— Нет!

— Простите, что вы сказали, миссис Стюарт?

— Это не тема для разговора, мистер Перкинс. Я надеялась, что вы найдете приличный способ помочь нам выпутаться из этой дурацкой ситуации. Но с вашим последним предложением согласиться не могу. Мой сын должен поступить в колледж. Я не позволю, чтобы он тратил свою жизнь, убирая в клетках за животными... как мусорщик! Ни за что!

— Мама, но ведь если...

— Джон Томас! Прошу тебя! Все разговоры кончены!

Мистер Перкинс перевел взгляд с опечаленного лица мальчика на суровое лицо его матери.

— Хочу уточнить, — сказал он, — что для Музея это не представляет трудности. Разрешите, я вам все объясню, миссис Стюарт. Я буду держать это место... ну, скажем, месяцев шесть... о, прошу вас, миссис Стюарт! Примет ли ваш сын мое предложение или нет — это ваши проблемы... и я уверен, что вы не нуждаетесь в моих советах. Я только хотел бы уверить вашего сына, что Музей отнюдь не собирается разлучать его с питомцем. Разве в этом есть что-то плохое?

Спицы миссис Стюарт пощелкивали, как отлаженный механизм.

— Думаю, что нет, — признала она.

— Мистер Стюарт?

— Подождите. Мама, ты же не думаешь, что я...

— Прошу вас, мистер Стюарт. Музей Естественной Истории не интересуют ваши семейные отношения. Вы знаете наше предложение. Принимаете ли вы его?

— Мне кажется, вы не упомянули о финансовой стороне вопроса, мистер Перкинс, — вмешалась миссис Стюарт.

— О, в самом деле! Ну, скажем, двадцать тысяч...

— Чистыми?

— Чистыми? Вряд ли... сумма включает в себя и накладные расходы.

— Чистыми, мистер Перкинс, — твердо сказала она.

Перкинс пожал плечами.

— Хорошо.

— Договорились.

— Отлично.

— Эй, постойте! — запротестовал Джон Томас. — Ни о чем еще мы не договорились. Нам надо еще кое-что уладить. Я не позволю, чтобы Луммокса...

— Тихо! Дорогой мой, я терпела, сколько могла, но всему есть предел. И глупостям тоже. Мистер Перкинс, он согласен. Бумаги у вас с собой?

— Мы еще не договорились!

— Минуту! — мистер Перкинс поднялся. — Мадам, я понял, что могу получить подпись вашего сына на платежных документах?

— Вы ее получите.
— Хм-м-м... Ну, мистер Стюарт?
— Я ничего не буду подписывать, пока мы не договоримся, что я буду вместе с Луммоксом.

— Миссис Стюарт?

— Это смешно.

— Я тоже так думаю. Но тут я бессилен. — Мистер Перкинс встал. — Спокойной ночи, мистер Стюарт. Благодарю вас за то, что дали возможность изложить мое предложение, и за то, что я увидел Луммокса. Нет, нет, не провожайте меня, дверь я найду.

Перкинс двинулся к выходу. Мать и сын не смотрели друг на друга. У дверей он остановился.

— Мистер Стюарт?

— Да, мистер Перкинс.

— Не можете ли вы сделать одно одолжение? Сделайте как можно больше снимков Луммокса. Если можете — в цвете, стерео, в движении, со звуками. Я мог бы вызвать сюда профессионалов... но, думаю, у нас уже нет времени. Вы понимаете, о чем я говорю. Мы не оберемся стыда, если для науки не останется никаких следов от него. Поэтому сделайте все, что в ваших силах. — И он снова двинулся к выходу.

Джон Томас сглотнул комок в горле и вскочил с кресла.

— Мистер Перкинс! Эй! Вернитесь!

Через несколько минут он уже подписывал бумаги. Буквы подрагивали, но подпись была четкой и разборчивой.

— А теперь, миссис Стюарт, — мягко сказал Перкинс, — будьте любезны подписаться внизу, там, где слово «опекун»... благодарю вас! Ах, да! Всей суммы у меня нет с собой: я приехал уже после закрытия банка. Поэтому сейчас вы получите то, что у меня в наличии, а остальное — до того, как мы перевезем Луммокса.

— Нет, — сказал Джон Томас. — Я забыл вам сказать. Музей может возмещать свои расходы, как хочет, но я не возьму никаких денег. Я буду чувствовать себя Иудой.

— Джон Томас! — резко сказала мать. — Я запрещаю тебе...

— Ты лучше помолчи, мама; — вспыхнул он. — Ты же знаешь, что обо всем этом сказал бы отец.

Мистер Перкинс громко откашлялся.

— Мне надо еще привести в порядок кое-какие дела. Времени у меня маловато: судья О'Фаррел сказал, что ложится в десять часов. Миссис Стюарт, Музей считает себя связанным моим предложением. Мистер Стюарт, я оставляю вас улаживать свои отношения с матушкой, как вы найдете удобным. Спокойной вам ночи! — Он положил документы в карман и быстро вышел.

Через час они все так же сидели в гостиной, и на лицах их были усталость и раздражение. Мать заставила Джонни согласиться на предложение,

что деньги будут лежать нетронутыми, пока он не даст на то своего согласия. «Я должен был пойти на это, — думал он, — взамен разрешения на работу с Луммоксом».

Мать покачала головой.

— Мы забыли еще об одном вопросе. Кроме всего прочего, ты должен поступить в колледж. И ты не можешь взять с собой это животное. Так что у тебя нет оснований предполагать, что ты вечно будешь с ним.

— Да? Но я помню, что ты обещала заботиться о нем... ты обещала отцу.

— Оставь отца в покое! Теперь-то я могу тебе сказать: еще давным-давно я решила, что в тот день, когда ты кончишь школу, зверюга отправится в зоосад. Эта история опередила мое решение всего на несколько дней.

Он смотрел на нее, не в состоянии что-либо сказать.

— Джонни... Мой дорогой Джонни...

— Да?

— Послушай меня, дорогой. Мы наговорим друг другу немало горьких слов, и я жалею, что они были сказаны... я уверена, что ты не хотел их говорить. Но ты понимаешь, что мама думает только о том, чтобы тебе было хорошо? Не так ли?

— Ну... я надеюсь.

— Мама только об этом и думает... чтобы ее большому мальчику было хорошо. Ты еще молод, а когда человек молод, некоторые вещи кажутся ему куда более важными, чем они есть на самом деле. Но когда ты вырастешь, ты поймешь, что мама все знала лучше. Разве ты этого не понимаешь?

— Мама... вот насчет той работы. Если бы я только мог...

— Прошу тебя, дорогой. У мамочки ужасно болит голова. Мы больше не будем говорить на эту тему. Иди, выспись, а завтра все станет на свои места. — Миссис Стюарт потрепала Джонни по щеке, наклонилась и поцеловала. — Спокойной ночи, дорогой.

— Ага...

Джонни еще долго сидел в холле, пытаясь понять, что происходит. Он знал, что должен чувствовать себя победителем... ведь кто, как не он, спас Лумми?

Но спокойствия не было; он чувствовал себя, как зверь, который, спасаясь от капкана, отгрыз себе лапу... боль и ужас, а не спасение и облегчение.

Наконец он встал и пошел посмотреть на Луммокса.

Глава 8

БЛАГОРАЗУМНЫЕ ПОСТУПКИ

С Луммоксом Джон Томас пробыл недолго, потому что правду он ему сказать не мог, а больше говорить было не о чем. Луммокс чувствовал, что Джон Томас чем-то расстроен, и все время задавал ему вопросы; наконец Джон Томас обнял его, шлепнул по боку и сказал:

— Да все в порядке! Замолчи и спи! И дай мне слово, что ты никуда не уйдешь со двора, а то я тебе ноги переломаяю.

— Честное слово, Джонни. Снаружи мне не нравится. Люди такие странные.

— Вот запомни это и больше не повторяй того, что ты делал.

— Не буду, Джонни. Лопни мое сердце.

Расставшись с Луммоксом, Джон Томас залез в постель. Но ему не спалось. Полежав, он кое-как оделся и полез на чердак. Дом был очень старый, и у него был самый настоящий чердак, куда надо было взбираться по лестнице и затем пролезать через люк в потолке. Мансарда принадлежала только Джону Томасу. Хотя уборка своей комнаты входила в его обязанности (впрочем, он делал это с охотой), мать иногда «прибирала» в ней. И тогда могло произойти все, что угодно. Кое-какие бумаги могли исчезнуть, затеряться, или мать, уверенная, что между родителями и детьми не должно быть никаких секретов, могла прочесть их.

Поэтому все, что Джонни считал нужным хранить в тайне, он держал на чердаке; мать никогда не поднималась сюда — на лестнице у нее кружилась голова. Чердак представлял собой маленькую, душную и захламленную комнату, нечто вроде семейного склада. На самом же деле чердачная комната предназначалась для самых разных целей: несколько лет назад он выращивал на чердаке змей; здесь же хранились книги, о которых каждый мальчишка не считает нужным ставить в известность своих родителей. На чердаке у Джонни был даже телефон, он сам его сделал с помощью инструментов, хранившихся в спальне. Телефон был результатом его занятий курсом физики и работал прекрасно. Джон Томас позаботился, чтобы мать не догадалась о его существовании, а то к ним обязательно явился бы техник с телефонной станции.

В этот вечер он не стал ни с кем говорить, тем более что было слишком поздно звонить в общежитие, где жила Бетти. Ему хотелось побыть одному... и снова перелистать кое-какие бумаги, в которые он уже давно не заглядывал. Нырнув под свой рабочий стол, он нажал потайную защелку, и в стене открылась панель. На полке лежали книги и бумаги. Он вынул их.

Вот блокнот — дневник его прадедушки, который тот вел во время второго исследовательского полета «Летающего Лезвия». Бумагам было более ста лет, и чувствовалось, что они прошли через много рук. Джон Томас перечитывал дневник десятки раз и подозревал, что и отец, и дедушка

делали то же самое. Страницы были хрупкими и чуть ли не рассыпались в руках.

Осторожно перелистывая страницы, Джонни скорее проглядывал их, чем вчитывался. Его глаза остановились на запомнившихся строчках:

«...Кое-кто из ребят паникует, особенно женатые. Но они должны были подумать обо всем раньше, прежде, чем поставили свои подписи. Теперь известны границы, к которым мы стремимся; мы сделаем рывок и вынырнем где-то далеко от дома. Кто знает, что нас ждет. Мы уходим в дальнейшее плавание».

Джон Томас перевернул еще несколько страниц. Историю «Летающего Лезвия» он знал почти наизусть, и теперь она не вызывала в нем ни благоговения, ни трепета. Один из первых межзвездных кораблей — и его команда уходила в неизвестность с теми же чувствами, с которыми пускались в плавание по загадочным морям моряки золотого пятнадцатого века, под ногами которых была шаткая дощатая палуба их суденышек. «Летающее Лезвие» и его братья двинулись в тот же путь, одолели эйнштейновский барьер, надеясь, что обязательно вернуться. Джон Томас Стюарт VIII был на борту «Летающего лезвия» во время второго путешествия, вернулся домой, женился, произвел на свет сына и стал устраиваться... именно он пристроил чердак на крыше дома.

А затем в одну из ночей он услышал клич диких гусей, вечных бродяг, и снова подписал контракт. И уже не вернулся.

А вот первое упоминание о Луммоксе:

«Эта планета как нельзя лучше напоминает добрую старую Землю, и мы поистине отдыхаем после последних трех, хаос которых бросился в глаза еще до посадки. Здесь же эволюция пошла по другому пути... похоже, что все сущее вокруг имеет по восемь ног. Здешняя «мышь» похожа на сороконожку, кроликоподобное создание с шестью короткими опорными ногами и двумя толчковыми; взлетая, оно запросто перепрыгивает дерево. Одного такого малыша я поймал (если можно так выразиться... в сущности, он сам подошел ко мне и вскарабкался на колени) и успел так привязаться к нему, что, наверное, возьму его с собой как талисман. Он напоминает мне щенка, только несколько половчее. Постараюсь протащить его на борт, чтобы никто не увидел, и пуще всего — биологи».

В событиях следующего дня Луммокс не упоминался, автор был занят более серьезными вещами.

«Это неожиданно, как горшок с полки, свалилось нам на голову... Цивилизация. Наши офицеры в таком восторге, что потеряли головы. Одного я видел на расстоянии. То же обилие ног, но, с другой стороны, не можешь не думать, что станет с нашей бедной Землей, если эти динозавры соберутся к нам в гости».

И дальше...

«Я все время ломал себе голову, чем кормить сосунка. Но оказалось, беспокоиться не о чем, он ест все, что ни дашь... грызет все, что не привинчено и не приклепано. Недавно он съел мое вечное перо, что заставило

меня немного поволноваться. Не думаю, чтобы чернила отравили его, но вот как насчет металла и пластика? Он же как ребенок: все, до чего может дотянуться, тащит себе в рот.

Сосунок развивается с каждым днем. Похоже, эта маленькая дворняжка пытается разговаривать; общаясь со мной, он поскуливает, а я ему отвечаю таким же образом. Затем он взбирается ко мне на колени и откровенно сообщает, что очень любит меня. И провалиться мне сквозь землю, если я отдам его биологам, даже если они застукают меня. Эти умники готовы распотрошить любое живое существо, лишь бы посмотреть, что там у него внутри тикает. А малыш мне доверяет, и я никого не подпущу к нему».

Джон Томас-юниор никогда не пускался в дальнейшее плавание. Он погиб при аварии этажерки, которая только-только получила название «аэроплан». Это было как раз перед первой мировой войной.

Д.Т. Стюарт III погиб, стремясь к более высокой цели: подлодка, на которой он был артиллеристом, проникла в Цусимский пролив, но так и не вернулась.

Джон Томас Стюарт IV нашел свой конец во время первого броска на Луну.

Джон Томас V эмигрировал на Марс. Его сын — самая известная личность династии; Джонни вспомнил, как его утомляли, пока он рос, постоянные упоминания, что он носитель того же имени, что и генерал Стюарт — первый губернатор Марсианской Общины после революции. Джонни подумал, что бы случилось с его прапрапрадедушкой, если бы революция не увенчалась успехом? Наверно, его повесили бы... а теперь ему ставят памятники.

Много страниц и строк были посвящены попытке дедушки Джона обелить имя своего собственного дедушки — сын генерала Стюарта отнюдь не был героем в глазах общества: последние пятнадцать лет своей жизни он провел в исправительной колонии на Тритоне. Его жена вернулась к своей семье на Землю и взяла девичью фамилию, которую унаследовал и ее сын.

Но он подрос, и настал день, когда ее сын гордо предстал перед судом, чтобы сменить фамилию Карлтон Джиммидж на Джон Томас Стюарт VIII. Именно он притащил Луммокса на Землю и потратил все наградные за второе путешествие «Летающего Лезвия» в расчете восстановить бывшее благосостояние семьи. Он много рассказывал своему сыну о неприятной истории, случившейся в его семье; в его записях этому было посвящено немало страниц.

Защищая доброе имя, дедушка Джонни стал своим собственным адвокатом. В записках коротко упоминалось, что Джон Стюарт IX ушел в отставку и никогда больше не был в космосе; но Джонни знал, что поступил он так не по собственной воле, а по приговору суда; отец рассказывал ему об этом... но, кроме того, он сообщил, что дедушка мог полностью обелить себя, будь у него на то желание. «Джонни, — добавил как-то

отец, — я бы предпочел, чтобы ты был всегда верен друзьям, а не стремился украсить грудь наградами».

В то время старик был еще жив. Как-то, при случае, когда отец нес патрульную службу, Джонни дал деду понять, что ему кое-что известно.

Дед пришел в ярость.

— Болтун! — рявкнул он. — Он меня в гроб вгонит!

— Но папа сказал, что шкипер был один из тех, кто...

— Твой папа не был там. Капитан Доминик был лучшим шкипером из тех, кто когда-либо задрал за собой люк... пусть его душа почитает в мире. Расставь лучше шашки, сынок. Я сейчас положу тебя на лопатки.

После того как дедушка умер, Джонни попытался выяснить все до конца, но отец уходил от ответа.

— Твой дедушка был сентиментальным романтиком, Джонни.

Джонни спрятал книги и бумаги, уныло подумав, что воспоминания о предках ничего не дали: Луммокс по-прежнему не выходил из головы. Джонни решил, что надо бы спуститься вниз и немного поспать.

Он уже двинулся к выходу, как на телефоне загорелась лампочка вызова: он схватил трубку прежде, чем зазвучал сигнал, ибо не хотел, чтобы проснулась мать.

— Да?

— Это ты, Джонни?

— Ну да. Я не могу тебя увидеть, Бетти: я на чердаке.

— Не только поэтому. Я отключила видео. В холле темно, как в могиле, и мне не разрешают звонить так поздно. А твоя графиня не подслушивает?

— Нет.

— Тогда я быстренько. Мои шпионы донесли, что Дрейзер получил одобрение.

— Нет!

— Да. Что нам теперь делать? Мы не можем сидеть сложа руки.

— Ну, я уже кое-что сделал.

— Что именно? Надеюсь, никаких глупостей. Не надо было мне сегодня уезжать.

— Тут я с мистером Перкинсом...

— Перкинсом? С этим типом, который сегодня вечером встречался с судьей О'Фаррелом?

— Да. Откуда ты знаешь?

— Слушай, давай не будем терять времени. Я все знаю. Рассказывай, чем кончилось.

— Ну... — Смушаясь, Джон Томас все рассказал. Бетти слушала его молча, что придало ему бодрости; он поймал себя на том, что излагает скорее точки зрения матери и мистера Перкинса, чем свою. — Вот так нынче обстоят дела, — грустно закончил он.

— Значит, вот что ты им сказал. Хорошо. Следующий наш шаг. Если

это может сделать Музей, значит, и мы можем. Все дело в том, чтобы уговорить дедушку О'Фаррела на...

— Бетти, ты не понимаешь. Я продал Луммокса.

— Что? Ты продал Луммокса?

— Да. У меня не было другого выхода. Если бы я не...

— Ты продал Луммокса.

— Бетти, я ничего не...

Но она отключилась.

Он попытался созвониться с ней снова, но услышал только голос автоответчика: «Аппарат отключен до восьми часов утра. Если вы хотите что-то сообщить, то...» — Он повесил трубку.

Джонни сидел, поникнув головой, и думал, что было бы лучше умереть. Хуже всего, что Бетти права. Он позволил загнать себя в угол и сделал ошибку. Просто потому, что ему показалось: ничего другого он не может сделать.

Но Бетти вокруг пальца не обведешь. Может быть, ей тоже ничего бы не удалось... Но она, по крайней мере, знала — надо что-то предпринять.

Так он сидел, мучаясь, не зная, где выход. И чем больше он размышлял, тем больший гнев охватывал его. Он поддался каким-то глупостям... потому что глупости эти выглядели столь рассудительными... столь логичными... столь полными здравого смысла.

Черт побери этот здравый смысл! Никто из его предков не придерживался этого проклятого здравого смысла, никто! И кто он такой, чтобы изменять традициям?

Никто из предков не был благоразумен. Взять хотя бы его прапрапрадедушку... когда ему все осточертело, он вверг планету в кровавый хаос семилетней войны. Да, теперь его называют героем... Но разве началась бы революция, если бы он руководствовался только здравым смыслом?

Или взять... Проклятие, взять любого из них! Пай-мальчиков среди них не было. Неужели дедушка продал бы Луммокса? Да он бы весь этот суд разнес голыми руками. Будь дед здесь, он бы встал с кольцом рядом с Луммоксом — и будь против него хоть весь мир, он не позволил бы тронуть и волосок на спине Лумма.

Нет, он не притронется ни к одному центу из грязных денег Перкинса: это он знал точно.

Но что делать?

Бежать на Марс? В соответствии с Законом Лафайетта он — гражданин Марса и может претендовать на участок земли. Но как попасть туда? И, что хуже всего, как переправить Луммокса?

В этом все дело. Надо обдумать спокойно.

Наконец Джонни набросал план, в котором была лишь одна ценность, — не было здравого смысла и в равной мере были перемешаны глупость и риск. И Джонни решил, что дедушка остался бы доволен.

ОБЫЧАИ, ПРАВИЛА И ГАДКИЙ УТЕНОК

Джонни спустился вниз и постоял, прислушиваясь, у дверей в комнату матери. Он не ожидал услышать ничего тревожного; действие это было скорее инстинктивным. Затем он вернулся к себе и стал спешно собираться, начав с того, что натянул походное обмундирование и горные ботинки. Спальный мешок лежал в ящике стола; Джонни вытащил его оттуда, приоткрыл к рюкзаку и засунул в боковой карман мешка маленькую силовую установку. Все остальное, необходимое для бродячей жизни под открытым небом, он рассовал по остальным карманам и клапанам.

Подсчитав наличность, Джонни тихо присвистнул: все его деньги лежали на срочном вкладе и не было никакой надежды раздобыть их оттуда. Ну что же, ничего не поделаешь... он стал спускаться вниз, но, вспомнив нечто важное, вернулся к своему столу.

«Дорогая мама, — написал он. — Пожалуйста, скажи мистеру Перкинсу, что наши с ним дела кончены. Ты можешь использовать деньги, отложенные на мой колледж, чтобы расплатиться с пострадавшими. Мы с Луммоксом уходим, и искать нас не стоит. Прости меня, но я должен это сделать». Прочитав записку, Джонни решил, что добавлять к ней ничего не стоит, приписал «С любовью» и подписался.

Он начал было набрасывать записку к Бетти, но порвал ее, попытался написать снова и наконец сказал себе, что отправит ей письмо, когда у него будет что сказать. Джонни спустился вниз, положил записку на обеденный стол и направился в кладовую за припасами. Через несколько минут, таща большой мешок, набитый пакетами и банками, он вошел в домик Луммокса.

Его друг спал. Сторожевой глаз узнал Джонни, и Луммокс не пошевелился. Джон Томас подошел к Луммоксу и шлепнул его изо всех сил.

— Эй, Лум! Просыпайся!

Зверь открыл остальные глаза, сладко зевнул и потянулся.

— Здравствуй, Джонни, — пискнул он.

— Поднимайся. Мы уходим в путешествие.

Луммокс вытянул ноги и встал. По его спине от ушей до копчика пробежала сладкая дрожь.

— Хорошо.

— Сделай мне сиденье и возьми вот это. — Джонни подхватил мешок с припасами. Луммокс повиновался без комментариев. Джонни закинул припасы Луммоксу на спину и влез сам. Скоро они уже были на дороге, которая вела от дома Стюартов.

При всей импульсивности своих действий Джон Томас понимал, что скрыть и спрятать Луммокса — дело почти неосуществимое; в любом месте Луммокс будет привлекать к себе внимание, как турецкий барабан в

ванной. И все же во всех действиях Джона Томаса была толика логики: как ни странно, в окрестностях Вествилла были места, где можно спрятать Луммокса.

Город лежал в долине между горами; сразу к востоку от равнины хребты поднимались в небо. В нескольких милях от городка простирались тысячи квадратных миль девственных лесов, которые выглядели точно так же, как в те времена, когда индейцы встречали Колумба. В течение короткого охотничьего сезона леса кишели охотниками в красных камзолах, которые гоняли оленей, лосей и всякую другую живность, но большую часть года в лесах было тихо и безлюдно.

Если он с Луммоксом сможет незамеченным добраться до этих мест, вполне возможно, что они и спасутся от погони — по крайней мере, пока у него хватит припасов. А когда они кончатся... что ж, он будет жить так, как Луммокс... питаться тем, что ему удастся раздобыть, может быть, оленьей. Или, скажем, он спустится в город без Луммокса и ни за что не скажет, где тот находится, пока его не согласится выслушать. Сейчас он не хотел прикидывать, как развернутся события; пока главной заботой было укрыть Луммокса от преследования, а потом уже обдумывать их положение... словом, надо было засунуть Луммокса куда-нибудь, где старый хорек Дрейзер его не найдет.

Джон Томас решил повернуть Луммокса к востоку и через долину направиться к горам. Луммокс мог идти по любой почве, будучи зависимым от нее не более чем танк... но на мягкой земле он оставлял следы столь же отчетливые, как тот же танк. Необходимо было найти твердое покрытие.

Джон вспомнил о старой дороге. Столетие назад трансконтинентальная трасса пересекала эти места в югу от Вествилла и, извиваясь, уходила еще выше, к Большому Каньону. Она была проложена задолго до появления энергетических дорог, которые прорезали горы, вместо того чтобы карабкаться по ним. Но старая дорога, заброшенная и местами заросшая, покрытие которой растрескалось от мороза и жары, все же сохранилась... и вполне годилась для могучей поступи Луммокса. Они обогнули дом, пересекли три мили открытого пространства и достигли того места, где экспресс-трасса нырнула в первый туннель и где от нее, поднимаясь в гору, ответвлялся старый путь. Джонни направился не прямо к развилке, а, остановившись в сотне ярдов от нее, замаскировал Луммокса, строго наказав ему не шевелиться, и отправился на разведку. Он не хотел рисковать, неосмотрительно переводя Луммокса через экспресс-трассу.

Память его не подвела: петля развилки нырнула под трассу. Дорога в этом месте была утрамбована гранитной крошкой, и Джонни пожалелся, что даже тяжелые ноги Луммокса не оставят на ней следов. Вернувшись, он обнаружил, что Луммокс меланхолично доедает какое-то объявление. Поругав его, он отнял объявление, но затем, решив, что лучше не оставлять следов, вернул его Луммоксу. И, когда тот перестал чавкать, они тронулись в путь.

Джонни расслабился только на старой дороге. Первые несколько миль дорога была в хорошем состоянии. Но сквозного движения по ней не было, поскольку она кончалась тупиком. Пару раз над ними пролетали аэрокары, доставляя домой припозднившихся посетителей театров, но если водители и заметили огромное животное, трусившее по дороге вниз, то не подали виду.

Дорога, извивавшаяся по краю каньона, вынырнула на равнину, где их встретил барьер поперек трассы: «ДОРОГА ЗАКРЫТА... ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН». Джонни слез со спины Луммокса и осмотрелся.

Шлагбаум представлял собой обыкновенный брус, поддерживавшийся противовесом.

— Лумми, ты можешь перешагнуть через это бревно, не касаясь его?

— Конечно, Джонни.

— Отлично. Давай — только помедленнее. Ты не должен его ронять. Даже не прикасайся к нему.

— Не буду, Джонни. — Вместо того чтобы переступить через барьер, подобно лошади, перешагивающей через небольшое препятствие, Луммокс подобрал все свои ноги и перелетел через препятствие.

Джонни ожидал его, присев за барьером.

— Я не знал, что ты можешь так.

— Я тоже.

Дорога круто пошла вверх. Джонни остановился, чтобы покрепче примотать груз. Веревку он пропустил под брюхом Луммокса, а оставшуюся бухту положил себе на колени.

— Все в порядке, Лумми. Ну-ка, прибавь скорость. Но только не прыгай, я не хочу свалиться.

— Держись, Джонни! — Луммокс ускорил шаг, не меняя, впрочем, его обычного порядка. Перешел на быструю рысь. Джонни почувствовал, что крепко притомился и духом и телом. Теперь, когда он понял, что здесь, вдалеке от домов и оживленных дорог, они в безопасности, он позволил усталости овладеть им. Он прилег на спину, почувствовав, как Луммокс устраивает для него удобное ложе. Мерное движение и ровный топот могучих ног усыпили его.

Луммокс продолжал уверенно прокладывать себе путь по каменному крошеву. Сейчас он пользовался ночным зрением и шел, не опасаясь, что споткнется. Он знал, что Джонни спит, и старался двигаться как можно более плавно. Наконец и он притомился и решил подремать. Все то время, что Луммокс провел вне дома, ему не удавалось как следует выспаться... вокруг творились разные глупости, и он, кроме того, беспокоился, не зная, где Джонни. Поэтому он вытарашил свой сторожевой глаз, прикрыл остальные и переключился на задний мозг, который располагался около крестца. Луммокс продолжал двигаться в глубоком сне, оставив бодрствовать лишь небольшую часть мозга, которая вела его по правильному пути, предупреждала о препятствиях на дороге и обеспечивала ровную неутраченную работу восьми огромных ног.

Джон Томас проснулся, когда звезды уже начали меркнуть в утреннем небе. Передернувшись от холода, он потянулся. Вокруг стояли высокие горы, дорога вилась вокруг одной из них, а затем ныряла к реке далеко внизу. Джонни приподнялся.

— Эй, Лумми!

Ответа не последовало. Джонни снова окликнул друга. Луммокс ответил сонным голосом:

— В чем дело, Джонни?

— Да ты спал!

— А ты не говорил, что нельзя, Джонни.

— Ну ладно... Мы на той же самой дороге?

Луммокс проконсультировался со своим вторым мозгом.

— Конечно. А ты хотел на другую дорогу?

— Нет. Но нам надо сойти с нее. Становится светло.

— Почему?

Джон Томас не знал, что ответить; попытка объяснить Луммоксу, что над ним висит смертный приговор и поэтому они вынуждены скрываться, не увенчалась бы успехом.

— Надо, вот почему, — сказал он. — А сейчас продолжай идти. Я скажу, где свернуть.

Русло потока поднималось им навстречу; пройдя милю или около того, они обнаружили, что дорога лежит всего лишь в нескольких футах над стремниной. Вскоре они вышли к месту, где речная долина, заваленная валунами, расширялась.

— Здесь! — крикнул Джонни.

— Будем завтракать? — осведомился Луммокс.

— Еще нет. Видишь эти скалы внизу?

— Да.

— Я хочу, чтобы ты прошел между ними. Только не ступай своими лапами туда, где мягко. Иди между скалами по булыжникам. Понял меня?

— И не оставлять никаких следов? — недоверчиво спросил Луммокс.

— Совершенно верно. Если кто-нибудь спустится и увидит следы, тебе придется отправиться обратно в город — потому что по следам нас могут найти. Понимаешь?

— Я не буду оставлять следов, Джонни.

Луммокс сполз вниз в сухое русло, извиваясь, словно гигантский червяк. Спасаясь от падения, Джон Томас одной рукой схватился за веревку, а другой — за мешок с припасами и завопил.

Луммокс остановился.

— С тобой все в порядке, Джонни? — спросил он.

— Да. Просто ты удивил меня. Спустись пониже и оставайся на камнях.

Затем подошли к потоку, нашли брод и перебрались на другую сторону. Скоро они оказались в нескольких сотнях ярдов от дороги. День стоял во

всей красе, и Джонни обеспокоился, как бы их не заметили с воздуха, хотя вряд ли тревогу могли поднять так быстро.

Впереди иверху сосны спускались к берегу. Сосняк был достаточно густ, даже чтобы скрыть Луммокса, хотя с высоты он выглядел как огромный горный валун. Но искать место лучше уже не было времени.

— Вверх и под те деревья, Лум. Только не обвали берег. Ступай аккуратно.

Они вошли под сень деревьев и остановились. Джонни прыгнул на землю. Луммокс оборвал охапку веток и стал жевать их. Джон Томас вспомнил, что тоже давно уже не ел, но он настолько устал, что не ощущал голода. Он хотел спать, только спать... потому что всю дорогу он, придерживаясь за веревку, дремал вполглаза.

Но Джонни боялся, что если он пустит Луммокса пастись, пока спит, то этот большой увалень может выбраться на открытое место, откуда его легко можно засечь.

— Знаешь что, Лумми? Давай вздремнем перед завтраком.

— Зачем?

— Ну, видишь ли, Джонни смертельно устал. Ты просто приляг здесь, а я пристрою рядом с тобой мой спальный мешок. А потом, когда встанем, мы поедем.

— А пока не встанем, есть не будем?

— Не будем.

— Что ж... ладно, — печально кивнул Луммокс.

Джон Томас вытащил из укладки спальный мешок. Раздернув легкую мембрану, он сунул внутрь силовую установку и, включив нагреватель, принялся надувать матрац. От разреженного горного воздуха он быстро запыхался, поэтому, надув матрац лишь наполовину и подрагивая от холодного воздуха, Джонни скользнул внутрь и задернул мембрану, оставив лишь дырочку для носа.

— Спок-ночи, Лумми.

— Спок-ночи, Джонни.

Мистер Кику спал плохо и поднялся рано. Позавтракал он сам, решив не будить жену, и отправился в Межзвездный Департамент. В огромном здании еще было совершенно тихо и пусто, только несколько ночных дежурных. За столом мистер Кику попытался погрузиться в размышления.

Всю ночь подсознание не давало ему покоя, заставляя вспоминать, что же такое важное он упустил из виду. Мистер Кику относился к своему подсознанию с большим уважением, придерживаясь теории, что подлинный процесс мышления происходит отнюдь не в коре больших полушарий, которые всего лишь окошко дисплея, на котором высвечивается ответ.

Молодой Гринберг что-то говорил... что-то относительно того, что рариллианин верит в серьезную опасность, которую несет для Земли даже единственный корабль хрошии. Мистер Кику оценил это утверждение как неуклюжую попытку хитрого мальчишки оправдать собственную сла-

бость. Но теперь переговоры практически закончены... осталась лишь одна деталь, которая имела отношение к хрошии.

Однако подсознание так не считало.

Он наклонился к панели видеофона и вызвал ночного дежурного.

— Говорит Кику. Дайте мне отель «Универсал». Найдите в нем доктора Фтаемла, раргиллианина. Как только он закажет завтрак, свяжите меня с ним. Нет, не будите его, пусть отдыхает.

Сделав то, что необходимо было сделать, Кику вернулся к рутинной работе по расчистке накопившихся бумаг.

В первый раз за несколько дней его корзина для входящих полностью опустела, а здание только начало оживать, когда на панели вспыхнул красноватый огонек срочного вызова.

— Кику.

— Сэр, — на экране появилось встревоженное лицо, — я относительно этого звонка в отель «Универсал». Доктор Фтаемл не заказывал завтрака.

— Наверное, поздно лег. Это его право.

— Нет, сэр. Я думаю, он вообще отказался от завтрака. Он направляется в космопорт.

— Как давно он выехал?

— Пять—десять минут тому назад. Мне только что это стало известно.

— Отлично. Вызови космопорт, скажи им, чтобы они не торопились с его кораблем. Дай им понять, что речь идет о дипломатических тонкостях и что они должны пошевелить мозгами... а не просто нацарапать разрешение на старт и снова завалиться спать. Затем найди доктора Фтаемла и передай, что я приветствую его и осведомляюсь, не окажет ли он мне честь подождать меня несколько минут? Я отправляюсь в космопорт.

— Да, сэр.

— Моя просьба имеет особое значение и для вас... поняли, Знедов? Приложите все усилия, и я посмотрю, на что вы способны.

— Понял вас, сэр.

Мистер Кику отключился и вызвал транспортный отдел.

— Говорит Кику. Я вылетаю в космопорт, как только поднимусь на крышу. Обеспечьте мне «молнию» и полицейский эскорт.

— Есть, сэр!

Мистер Кику остановился только, чтобы сказать своему секретарю, куда он направляется, и взлетел на крышу.

В космопорте доктор Фтаемл ждал его у прохода для пассажиров, наблюдая за взлетным полем и пытаясь раскурить сигару. Мистер Кику пошел и поклонился.

— Доброе утро, доктор. Очень любезно с вашей стороны, что вы ждали меня.

Раргиллианин широким жестом ответил сигару в сторону.

— Это честь для меня, сэр. Отправляться в путь, провожаемым особой вашего ранга, столь занятой... — Он закончил пожатием плеч, выразившим и изумление, и удовольствие.

— Долго я вас не задержу. Но я не хотел лишать себя удовольствия увидеть вас сегодня и не знал, что вы собираетесь нас покинуть.

— Это моя вина, господин Заместитель. Я собирался обернуться туда и обратно и завтра ожидать удовольствия встречи с вами.

— Ясно. Ну что же, возможно, уже завтра я смогу представить вам на рассмотрение приемлемое решение проблемы.

Фтаемл был несколько удивлен.

— Успешное?

Надеюсь. Данные, которые вы вчера нам предоставили, дали ключ к ее решению.

— Должен ли я понимать, что вы нашли пропавшую хрошиа?

— Возможно. Знаете ли вы сказку о гадком утенке?

— О гадком утенке? — У раргиллианина был такой вид, словно он спешно перелистывал свое досье. — Да, мне знакома эта идиома.

— Используя данный вами ключ, мистер Гринберг напал на след гадкого утенка. И если он окажется тем лебедем, которого мы ищем, то...

Казалось, раргиллианин с трудом верил сказанному.

— И это... тот самый «лебедь», господин Заместитель?

— Увидим. Логика подсказывает, что он должен быть им, но так ли это, трудно сказать.

— М-м-м... могу ли я сообщить эти сведения моим клиентам?

— Я бы предпочел подождать, пока я не свяжусь с мистером Гринбергом. Он покинул столицу с целью провести расследование. Могу ли я проводить вас до шлюпки?

— Конечно, сэр.

— Доктор... есть еще кое-что.

— Да, сэр?

— Прошлой ночью в разговоре с мистером Гринбергом вы обронили несколько странных слов... возможно, это была шутка... или, может быть, он вас неправильно понял. Вы сказали что-то вроде того, что Земля может «испариться».

Несколько мгновений раргиллианин молчал. Но, заговорив, он ушел от вопроса.

— Скажите, сэр, какое логическое умозаключение подвело вас к мысли, что гадкий утенок окажется лебедем?

Мистер Киду тщательно обдумал свой ответ.

— Один земной корабль посетил некую странную планету в то время, которое совпадает с вашими данными. Главенствующей расой там были хрошии: идентификация доказывает это. Одна из форм жизни была доставлена на Землю. Прошло около двадцати десятков лет, но она до сих пор жива; мистер Гринберг хочет доставить ее для опознания вашим доверителям.

— Должно быть, все так и есть, — мягко сказал доктор Фтаемл. — Я не верю, но так должно быть. — Он заговорил громче и веселее. — Сэр, вы доставили мне огромное счастье.

— В самом деле?

— Огромное. В то же время вы дали мне возможность говорить совершенно открыто.

— За время нашего сотрудничества вы всегда могли говорить совершенно свободно. Правда, я не знаю, что за инструкции вы получили от ваших клиентов.

— Они не накладывали никаких ограничений на мою речь. Но... Обращали ли вы внимание, как обычаи той или иной расы находят отражение в ее языке?

— Пару раз у меня была возможность отметить данный факт, — осторожно ответил мистер Кику.

— Я был в этом уверен. Когда вы посещаете своего друга в больнице и знаете, что он должен умереть, а вы ничем не можете помочь ему, — неужели вы будете с ним говорить о его беде?

— Нет. Во всяком случае, пока он сам не заговорит об этом.

— Совершенно верно! Общаясь с вами и мистером Гринбергом, я был вынужден приспосабливаться к вашим обычаям.

— Доктор Фтаемл, — медленно сказал мистер Кику, — давайте будем совершенно откровенны. Правильно ли я вас понял? Вы уверены, что этот единственный корабль представляет серьезную опасность для нашей планеты, которая обладает достаточными средствами защиты?

— Я буду совершенно откровенен, сэр. Как только хрошии придут к выводу, что в результате действий данной планеты или же отдельных ее обитателей их соплеменник умер или же исчез навсегда, Земле не будет причинен какой-либо вред — Земля будет просто уничтожена.

— Этим одним кораблем?

— Одним-единственным.

Мистер Кику покачал головой.

— Доктор, я убежден, что вы верите в правоту своих слов. Я — нет. Всеобъемлющая защитная мощь основной планеты Федерации вряд ли известна вам во всей полноте. Я не могу предположить, что ваши доверители столь глупы и не представляют, что у нас есть зубы.

У доктора Фтаемла был печальный вид.

— Даже используя языки всех цивилизованных народов, я не смогу найти слов, чтобы убедить вас. Но верьте мне... все, что вы можете им противопоставить, будет столь же беспомощно, как камешки против ваших ракет.

— Увидим. Или, к счастью, не увидим. Мне не нравится оружие, доктор; это последний довод, который пускает в ход примитивная дипломатия. Говорили ли вы с ними, что Федерация была бы не против принять их в Сообщество Цивилизаций?

— Мне было очень нелегко объяснить им сущность вашего предложения.

— Неужели они настолько воинственны?

— Они совершенно не воинственны. Как бы мне это объяснить вам? Считаете ли вы себя воинственным, когда вы гоняете... шлепаете... давите мух? С вашей точки зрения, да и с моей, хрошии практически бессмертны. Они настолько неуязвимы для обычных опасностей, что они ведут себя, как... что за идиома у вас?.. да, олимпийцы... они смотрят на нас с олимпийских высот. Они не видят никакого смысла в общении с низшей расой; поэтому ваше предложение не было воспринято всерьез, хотя, верьте мне, я приложил все усилия...

— Они сущие идиоты, — мрачно сказал мистер Кику.

— Отнюдь, сэр. Они совершенно точно оценивают и вашу расу, и мою. Они понимают, что любая культура, овладевшая межзвездными путешествиями, обладает хотя бы определенным уровнем способностей. К тому же они знают, что вы считаете себя довольно могущественными. Именно поэтому они рассматривают возможность применения силы как средство убедить вас, что вы должны вернуть их хрошиа... они считают, что это будет чем-то вроде стрекала для быка: указание, которое он способен понять.

— Хм-хм-хм... И вам известно, как они собираются это продемонстрировать?

— Известно. Этим утром я направляюсь к ним с целью убедить их помедлить. Они собираются, так сказать, легонько притронуться к поверхности вашего спутника, оставив на нем выжженную полосу длиной примерно в тысячу миль, чтобы убедить вас, что они... м-м-м... не собираются шутить.

— На меня это не произвело бы впечатления. Мы можем отдать нашему флоту соответствующий приказ и оставить такой же знак. Но мы этого не собираемся делать.

— Неужели вы можете сделать это всего лишь одним кораблем, за несколько секунд, без всяких приготовлений и с дистанции в четверть миллиона миль?

— А вы считаете, они могут?

— Я уверен в этом. Всего лишь небольшая демонстрация. Господин Заместитель, в этой части небосклона появилась новая звезда, у которой нет аналогов в природе.

Мистер Кику помедлил. Если все это правда, то тогда ситуация, при которой хрошии покажут свои когти, может служить и его собственным целям. Потеря нескольких бесполезных лунных гор ничего не значит... но эвакуировать даже нескольких обитателей этих мест будет довольно трудно.

— Вы говорили им, что наша Луна обитаема?

— Их хрошиа там не обитает — и это все, что имеет для них значение.

— М-да... я понимаю. Доктор, могли бы вы сообщить им, что, во-первых, мы практически обнаружили их хрошиа, и, во-вторых, она находится на одном из спутников, что и объясняет столь затянувшиеся поиски?

Раргиллианин изобразил широкую человеческую улыбку.

— Сэр, я восхищаюсь вами. Я буду счастлив доставить подобное известие. Я уверен, что демонстрации силы не будет.

— Доброго вам здоровья, доктор. Я буду на связи с вами.

— И доброго вам здоровья, сэр.

На обратном пути мистер Кики обнаружил, что присутствие медузоида уже не производит на него отталкивающего впечатления... то есть, внешность Фтаемла была столь же ужасна, но доктор Морган в самом деле оказался умелым психотерапевтом.

Корзина для бумаг, как обычно, была полна до краев. Кики выкинул всех этих хроший из головы и с наслаждением погрузился в работу. Несколько позже полудня отдел связи оповестил его, что с ним хочет поговорить мистер Гринберг.

— Давайте его сюда, — сказал мистер Кики, чувствуя, что куски головоломок наконец складываются в законченную картину.

— Босс? — начал Гринберг.

— Да, Сергей. Какого черта ты такой расстроенный?

— Потому что я ломаю себе голову, как мне наняться рядовым во Внешний Легион.

— Кончай бродить вокруг да около. Что случилось?

— Птичка улетела.

— Улетела? Куда?

— Хотел бы я знать. Скорее всего, в леса к западу от Вествилла.

— Тогда чего ради ты тратишь время на болтовню со мной? Отправляйся и доставь мне ее.

Гринберг вздохнул.

— Мне бы вашу уверенность. Видите ли, босс, эти заросли покрывают примерно десять миллионов квадратных акров — высокие деревья, огромные горы и ни одной тропинки. А местный шеф полиции со всей своей командой наступает мне на пятки. Он отдал приказ стрелять во все, что движется, и такой же приказ получили все разведывательные корабли.

— Что?

— То, что я сказал. Пришла ваша подпись на приговоре суда, а отмена его где-то затерялась... как, я не знаю. А шериф — ископаемое с психологией мелкого клерка. Он тычет пальцем в приказ, и его ни в чем не убедить... он даже не позволил мне использовать полицейскую систему связи. И поскольку наше вмешательство не предусмотрено, я не могу сдвинуть его ни на йоту.

— И ты с этим смирился? — едко спросил мистер Кики. — Скоро дождешься, что тебя будут бить по физиономии.

— Ближе к этому. Я дозвонился до мэра — его нет в городе. До губернатора — он на сессии. Сунулся к главному лесничему... похоже, он в отпуске. После нашего разговора я пойду выламывать руки этому деятелю, пока у него в глазах не потемнеет и...

— Тебе давно следовало это сделать.
— Я не трачу времени зря. Я позвонил вам, чтобы вы поддали им жару. Мне нужна помощь.
— Ты ее получишь.
— Да, но не только для того, чтобы дозвониться до губернатора и обеспечить ваше вмешательство. Даже когда я доберусь до этого полицейского идиота и уговорю его отозвать своих псов, мне все равно нужна будет помощь. Босс, десять миллионов квадратных акров сплошных гор... это означает люди и корабли, много людей и много кораблей. Это работа не для одного человека с портфелем. Нет, я все-таки завербуюсь во Внешний Легион.
— Мы оба туда пойдем, — хмыкнул мистер Кику. — Ладно, давай. Двигай.

— Как приятно было поговорить с вами.
Отключившись, мистер Кику начал стремительно действовать, обеспечивая вмешательство Департамента: он послал сверхсрочные телеграммы губернатору штата, мэру Вествилла и в Вествиллский окружной суд. Сделав все необходимое, он несколько секунд сидел неподвижно, перебирая в памяти, что еще надо было бы сделать... затем отправился к Секретарю предупредить, что, возможно, потребуется помощь военных.

Глава 10

ЗАКОН СИГНИ

Проснувшись и вспомнив, где он находится, Джон Томас ощутил беспокойство. В спальном мешке было тепло. Чувствовал Джонни себя хорошо отдохнувшим и расслабленным. Постепенно перед его глазами всплыли картины окружающей местности; вспомнив, как и почему он здесь очутился, Джонни высунул нос из спальника. Солнце стояло уже высоко, и вокруг разливалось приятное тепло. Луммокс бродил поблизости.

— Эй, Лумми!
— Хей, Джонни! Ты долго спал. И храпел.
— Неужто? — Выбравшись наружу, Джонни собрал одежду, скатал спальный мешок. Затем он повернулся в сторону Луммокса — и застыл.
— Что это?

Рядом с Луммоксом лежал мертвый медведь гризли — расплюснутый в лепешку. Из рта и носа зверя тянулись струйки засохшей крови.

— Это завтрак, — объяснил Луммокс.

Джонни с отвращением смотрел на то, что осталось от медведя.

— Только не для меня. Где ты его раздобыл?

— Я поборол его, — сказал Луммокс и смущенно улыбнулся.

— Не поборол, а поймал.

— Но я в самом деле поборол его. Он хотел добраться до тебя, и мы с ним поборолись.

— Ну ладно. Спасибо тебе. — Джон Томас снова посмотрел на медведя, отвернулся и открыл мешок с припасами.

Вынув банку, где была яичница с ветчиной, он отвинтил крышку и стал ждать, пока содержимое банки согреется.

Луммокс воспринял его действия как сигнал, что настало время позавтракать и для него, что он немедленно и сделал — первым делом запихнул в пасть медведя, затем пару сосенок и пустую банку от завтрака. Когда они спустились к воде, Джонни осторожно оглядел небосклон, а Луммокс запил свой завтрак чистой горной водой. Встав на колени, Джонни тоже напил, после чего вымыл лицо и руки и вытер их подолом рубашки.

— Что теперь будем делать, Джонни? — спросил Луммокс. — Пойдем гулять? Может быть, еще кого-нибудь поборем?

— Нет, — отрезал Джонни. — Мы вернемся под эти деревья и будем лежать там до темноты. Ты должен вести себя точно камень. — Джонни поднялся на берег в сопровождении Луммокса. — Садись, — приказал он. — Я хочу посмотреть на твои опухоли.

Луммокс повиновался, и его хозяин начал осмотр. Ощупывая опухоли, Джонни чувствовал растущую тревогу. Опухоли заметно увеличились, и Джонни пытался припомнить, к чему это может привести. Кожа на них воспалилась и натянулась, заметно утончившись, и теперь уже ничем не напоминала могучую броню, прикрывавшую тело Луммокса. На ощупь опухоли были сухими и горячими. Джонни осторожно ощупал левую — Луммокс отпрянул.

— Беспокоит? — с тревогой спросил Джонни.

— Я так больше не могу, — запротестовал Луммокс. Он вытянул ноги, поднялся и, подойдя к сосне, стал тереться об нее опухолью.

— Эй! — крикнул Джонни. — Не делай этого! Ты повредишь себе...

— Но оно зудит, — возразил Луммокс, продолжая чесаться.

Твердо намереваясь добиться своего, Джон Томас подошел к другу. И в тот же момент опухоль лопнула. Джонни в ужасе отпрянул.

Что-то непонятное, мокрое и темное, облепленное клочьями разорванной кожи, вывалилось из опухоли, повисло, а затем развернулось как змея, повисшая на лианах в джунглях. В эти ужасные мгновения Джонни пришло в голову, что он видит нечто... нечто вроде гигантского червя, который, паразитируя, поедает изнутри своего хозяина. С запоздалым раскаянием он вспомнил, как заставлял Лумми карабкаться в гору... когда эта штука грызла его.

Луммокс облегченно потянулся и вздохнул.

— Ух! Теперь мне куда лучше.

— Луммокс, ты в порядке?

— А что со мной должно быть, Джонни?

— Но... что это такое?

— Что? — Странное образование свисало вниз, и Луммокс посмотрел на него. — Ах, это... — небрежно сказал он.

Оконечность отростка развернулась, как распустившийся цветок, и Джонни увидел, что это было.

Луммокс вырастил руку.

Скоро рука высохла, обрела окраску и начала твердеть. Луммокс не обращал на нее особого внимания, но Джон Томас следил, как она приобретает законченную форму. У руки были два сустава, типа локтевых, и кисть с пальцами. Пальцев было пять, каждый состоял из семи фаланг, и средний палец было более длинным и гибким, напоминая маленький слоновый хобот. От человеческой кисти рука эта отличалась, но не было никаких сомнений в ее предназначении — во всяком случае, если сначала фаланги пальцев двигались довольно беспомощно, то постепенно их движения становились все увереннее.

Луммокс не возражал против того, чтобы Джон Томас изучал его руку, но не проявлял особого интереса к ее развитию; он вел себя так, словно с ним после завтрака всегда случалось нечто подобное.

— Дай я посмотрю вторую опухоль, — сказал Джонни. Нарост с правой стороны набух еще больше. Как только Джон Томас притронулся к нему, Луммокс отпрянул и направился к соседнему дереву. — Подожди! — окликнул его Джон Томас. — Постой!

— Но мне надо почесаться.

— Ты изувечишь себя. Стой тихонько. Я кое-что попробую сделать.

Луммокс неохотно повиновался; из ножен на поясе Джонни вынул клинок и сделал осторожный надрез в центре опухоли.

Разрез стремительно расширился и вылетевшая правая рука Луммокса едва не шлепнула Джонни по лицу.

— Спасибо, Джонни!

— Всегда пожалуйста. — Джонни спрятал нож и задумчиво посмотрел на новорожденную руку.

Он не мог еще представить, что Луммокс будет делать со своими так неожиданно появившимися новыми органами. Но он понимал, что они меняют дело. Каким образом, Джонни еще не знал. Может быть, теперь ему не придется заботиться о Лумми так, как прежде. С другой стороны, теперь за ним надо присматривать, потому что Лумми обязательно сделает что-то, чего делать не должен. Джонни вспомнил поговорку: «Слава богу, что у кошек нет рук...» А Луммокс любопытнее любого котенка.

Но, как бы там ни было, без колебаний решил Джонни, одного это не меняет: шериф Дрейзер до них не доберется!

Сквозь ветви он оглядел небо, прикидывая, можно ли их заметить сверху.

— Лум...

— Да, Джонни?

— Подогни ноги. И стань похожим на скалу.

— Ой, давай лучше погуляем, Джонни.

— Мы пойдем гулять вечером. А пока не стемнеет, я хочу, чтобы ты оставался на месте и не шевелился.

— Ох, Джонни!

— Слушай, ты же не хочешь снова отправиться в город, не так ли? Так что перестань болтать.

— Что ж, если ты так считаешь... — Луммокс опустился на землю. Джон Томас сел рядом, прислонился к нему и задумался.

Возможно, он как-то выкрутится, и они с Лумми смогут зарабатывать себе на жизнь... например, будут участвовать в карнавалах. Ни один карнавал не обходится без В.З.-существ — даже если половина из них всего лишь чучела — а Луммокс самый что ни на есть настоящий внеземной. Возможно, Джонни научит его делать какие-нибудь штуки своими руками, играть там или что-то еще. Может быть, в цирк им пойти?..

Нет, все это не годится для Лумми: на людях он начинает нервничать. Черт, как бы им заработать... не говоря уже о том, что должна улечься вся эта шумиха! Заняться фермерством? Луммокс сильнее любого трактора, а с руками он может делать любые работы на ферме. Может, в этом выход, хотя, честно говоря, он никогда серьезно не думал о работе на земле.

Джонни представил себя и Луммокса обрабатывающими землю... колося ржи... грядки с овощами... и не заметил, как уснул.

Разбудил его странный звук, и он смутно припомнил, что уже слышал нечто подобное. Открыв глаза, он огляделся и увидел, что лежит рядом с Луммоксом. Тот оставался на старом месте... но всюду размахивал руками. Одну, с зажатым в кисти камнем, он занес над головой. Раздался тот же самый звук... и небольшая осинка неподалеку внезапно рухнула. Несколько других осин уже лежали на земле.

Джон Томас вскочил на ноги.

— Эй, прекрати!

Луммокс остановился.

— В чем дело, Джонни? — обиженно спросил он. Перед ним лежала куча булыжников, за одним из которых он потянулся.

— Перестань бросать камни в деревья.

— Но ты это сам делаешь, Джонни.

— Да, но я не ломаю их. Можешь есть их на здоровье, но не надо выдирать с корнем.

— Тогда я пойду есть их.

— Отлично. — Джонни огляделся. Уже смеркалось, через несколько минут солнце закатится. — Иди и подкрепись. Хотя подожди минутку. — Он осмотрел руки Луммокса. Они уже были такого же цвета, как и остальное тело, и начали заметно твердеть. Но самое удивительное, что руки стали примерно вдвое толще, чем при появлении, и теперь достигали объема бедра Джонни. Кожа с них почти вся слезла, а оставшаяся шелушилась, и Джонни ободрал ее. — Ладно, давай.

Пока Джонни готовил себе еду, Луммокс расправился с обломанными осинками и закусил на сладкое консервной банкой. Стемнело. Они выбрались на дорогу.

В эту вторую ночь происшествий было еще меньше, чем в первую. Чем выше они взбирались, тем холоднее становилось; наконец Джонни засунул силовую установку прямо под свитер. Скоро он согрелся и перестал дрожать.

— Лум, если я засну, разбуди меня, когда начнет светать.

— О'кей, Джонни, — Луммокс переадресовал приказ своему заднему мозгу — просто так, на всякий случай. Холод Луммокса не беспокоил, он его просто не чувствовал, потому что терморегуляция тела у него была гораздо эффективнее, чем у Джонни, эффективнее даже, чем у силовой установки.

Джон Томас дремал, просыпался и снова проваливался в дремоту. В таком состоянии он находился, когда первые лучи солнца коснулись далеких вершин и Луммокс окликнул его. Джонни сел и стал озиаться в поисках места, которое могло бы дать им приют. На этот раз счастье от них отвернулось: они были прямо на открытом месте, которое кончалось глубоким мрачным провалом. По мере того, как шли минуты и становилось все светлее, его охватывала паника.

Ничего другого не оставалось, как идти дальше вперед. Далеко над ними прошел стартоплан. Он услышал лишь рев его моторов, но самого корабля не увидел. А через несколько минут, оглядевшись, он заметил пятнышко в небе, смахивающее на орла.

Но очень быстро ему пришлось убедиться, что над ними висит на крыльях одинокая человеческая фигурка.

— Стоп, Луммокс! Замри, как камень.

— Как камень, Джонни?

— Заткнись и делай, что тебе говорят!

Луммокс замолчал и повиновался. Джон Томас скользнул вниз и скорчился под головой Луммокса, стараясь стать как можно меньше. Он надеялся, что флаер пролетит мимо.

Но флаер в знакомом залихватском стиле сделал петлю и пошел на посадку. Джонни с облегчением вздохнул, увидев, что на пятачок, который он приметил впереди, садится Бетти Соренсен.

— Привет, Лумми! — крикнула она, затем повернулась к Джонни, уперла руки в бока и сказала: — Ну! Хорош! Удрал, не сказав мне ни слова!

— Да я... я хотел, Червячок, честное слово. Но у меня не получилось... извини меня.

Сердитое выражение исчезло с ее лица, и она улыбнулась.

— Ну, ладно. Раньше я думала о тебе куда хуже. Наконец-то ты что-то сделал, Джонни. Я уж боялась, что ты сам станешь таким же увальнем, как Луммокс, который только и ждет, чтобы его кто-то растолкал.

Джон Томас был слишком обрадован ее появлением, чтобы спорить.

— Слушай... а как ты нас нашла?

— Чего? Ты, умная голова, две ночи уходишь от города, а находишься всего лишь на расстоянии одного короткого перелета... как было тебя не найти?

— Понимаю, но как ты вычислила, где нас надо искать?

Она пожала плечами.

— Старое правило: я представила себя упрямым ослом и пошла прямо, куда глаза глядят. Я прикинула, что ты обязательно пойдешь по этой дороге, поэтому и крутилась над ней. А если ты не хочешь, чтобы тебя через несколько минут заметили, тебе надо побыстрее убираться отсюда куда-нибудь под прикрытие. Так что давай! Лумми, старина, включай свою машину.

Она протянула руку, Джонни помог Бетти взобраться на спину Луммкса, и они двинулись в путь.

— Я хотел уйти с дороги, — волнуясь, объяснил Джонни, — но мы так и не нашли подходящего места.

— Вижу. Теперь выпусти пары... за этим поворотом — водопад Адама и Евы, и мы можем сойти с дороги как раз над ним.

— Вот мы где оказались!

— Да. — Бетти наклонилась вперед, тщетно пытаясь рассмотреть дорогу из-за поворота скалы. И в это время она впервые увидела руки Луммкса. — Джонни! — воскликнула она, схватив его за плечо. — На Луммкса напал боа-констриктор!

— Что? Не глупи. Это всего лишь его правая рука.

— Его что? Джонни, ты с ума сошел!

— Успокойся и перестань меня тискать. Я сказал «рука»... помнишь те опухоли? Так вот, в них были руки.

— Опухоли... руки? — Бетти вздохнула. — Я встала слишком рано и еще не позавтракала. И тут еще такое потрясение. Ладно, скажи ему, чтобы он остановился. Я хочу посмотреть на них.

— А как быть с укрытием?

— Ах, да! Ты прав. Ты всегда прав — правда, с опозданием в две-три недели.

— Не заводишься. Вот и водопад.

Они подошли к воде поближе, подножие каньона поднималось к их ногам, как бы встречая путешественников. Здесь была единственная возможность сойти с дороги и разбить бивак в месте, напоминающем их предыдущую стоянку. Джонни чувствовал себя гораздо спокойнее, когда Луммкс был укрыт под густой сенью деревьев.

Пока Джон Томас готовил завтрак, Бетти изучала новорожденные колючести Луммкса.

— Луммкс, — укоризненно сказала она, — ты ничего не говорил маме о них.

— А ты не спрашивала меня, — возразил Луммкс.

— Прошу прощения! Ну ладно, а что ты можешь делать своими руками?

— Я могу бросать камни. Джонни, я хорошо бросаю камни?

— Нет! — торопливо сказал Джонни. — Бетти, ты кофе будешь пить с молоком?

— Обыкновенное, — ответила Бетти, продолжая изучать руки Луммокса. Что-то не давало ей покоя, и Бетти надеялась, что скоро сообразит, в чем тут дело. Но теперь — завтрак.

После того как они скормили пустые банки Луммоксу, Бетти приступила к «допросу» Джонни.

— Имеешь ли ты представление, невинное дитя, — сказала она Джону Томасу, — какую бурю ты вызвал своим исчезновением?

— Я думаю, шерифу Дрейзеру пришлось побегать.

— Не сомневайся. Ты совершенно прав. Но оставь его в покое: есть еще кое-что.

— Мистер Перкинс?

— Точно. Еще?

— Конечно, ма.

— Естественно. Она разрывается между рыданиями по поводу ее исчезнувшего ребенка и угрозами в твой адрес, криками, что ты ей больше не сын.

— Представляю, — невесело согласился Джонни. — Я знаю свою маму. Ладно... я знал, что доставлю всем беспокойство. Но я был должен...

— Конечно, ты должен, мой дорогой упрямец, хотя ты проделал все с грацией гиппопотама. Но я не о них вела речь.

— Что?

— Джонни, в штате Джорджия есть маленький городок... ну, скажем, Адриан. Он так мал, что в нем нет даже отделения полиции, всего лишь один констебль. Знаешь ли ты, как его зовут?

— Чего? Конечно, нет.

— Очень плохо. Ибо, насколько я смогла выяснить, этот констебль является единственным полицейским в Америке, который не разыскивает тебя. Поэтому я и полетела разыскивать тебя — хотя как ты мог, подлое животное, исчезнуть, не потрудившись поставить меня в известность?

— Я же говорил тебе, что извиняюсь!

— И я простила тебя. Я буду тебя прощать не меньше десяти лет.

— Что за глупости с этим констеблем? И почему все должны меня разыскивать? Мне вполне хватает одного шерифа Дрейзера.

— Он объявил общую тревогу и назначил награду за Луммокса, живого или мертвого... желательно мертвого. Они серьезно взялись за дело, Джонни... Очень серьезно. Поэтому, какие бы планы ты ни строил, мы должны их отбросить и придумать новый, получше. Что ты об этом думаешь? И думаешь ли вообще?

— Ну... я думал продержаться таким образом ночь-другую, — поблуднев, медленно ответил Джонни, — пока не найдем место для укрытия.

Бетти покачала головой.

— Не годится. Если идти таким путем, они без труда догадаются, в каком месте поблизости от Вествилла можно укрыть такое создание, как Луммокс. И...

— Да мы уйдем с дороги!

— Конечно. И они будут прочесывать этот лес, дерево за деревом. Они в самом деле собираются это сделать.

— Ты не дала мне кончить. Знаешь старую урановую шахту? «Власть и Слава»? Ты идешь наверх по дороге Мертвого Волка, потом берешь к северу на гравийную дорогу. Вот там мы и спрячемся. Большой туннель вполне подходит, чтобы скрыть Луммокса.

— Проблеск здравого смысла в этом есть. Но его не хватает, чтобы противостоять всем...

Бетти замолчала. Джонни поерзал и сказал:

— Ну ладно. Если это не годится, что делать?

— Умолкни. Я думаю. — Бетти лежала на спине, глядя в синее небо над горами. — Твоя мысль о шахте «Власть и Слава» не так уж и плоха; пока я не придумаю чего-нибудь лучшего, она вполне годится.

— Не понимаю, как они смогут там нас обнаружить. Шахта расположена так далеко...

— Не сомневайся, ее обыщут. Хотя это может ввести в заблуждение шерифа Дрейзера; я уверена, что он свою собственную шляпу не возьмется искать без ордера на обыск. Но он организовал воздушную разведку, и они уверены, что обнаружат вас. В полиции знают, что ты взял спальник и припасы; это значит, что ты будешь останавливаться на ночевки. Нашла тебя я, найдут и они. Я обнаружила тебя, потому что знала, как ты будешь действовать, а они прибегнут к логике, которая срабатывает медленнее. Но безошибочно. Они найдут вас... и это будет конец для Луммокса. Шансов вам они не оставят... может быть, разбомбят его.

Джон Томас живо представил себе столь мрачное будущее.

— Тогда какой смысл прятать его в шахте?

— Чтобы протянуть день-другой, потому что я еще не готова вытащить его оттуда.

— Как?

— Вот как. Мы спрячем его в городе.

— Что? Червячок, на тебя действует высота.

— В городе и под крышей... единственное место в большом-пребольшом мире, где его не будут искать. Может быть, в домике мистера Ито, — добавила она.

— Что? Я теперь точно вижу: ты сошла с ума.

— А тебе известно более безопасное место? Сын мистера Ито ничего не имеет против тебя; не далее как вчера мы с ним очень душевно поговорили. Я пошла прямо к нему и все ему объяснила. Один из его садовых домиков вполне подойдет... может, домик и неказистый, но подключен

к электропитанию. Никому не придет в голову, что за его матовыми окнами скрывается Лумми.

— Не понимаю, как мы все это сделаем?

— Предоставь это мне. Если я не доберусь до садового домика, а я доберусь... тогда я раздобуду какой-нибудь пустой сарай или что-то вроде этого. Сегодня вечером мы отведем Лумми к шахте, а я улечу и все органирую. Завтра вечером я с Лумми отправлюсь в город и...

— Что ты несешь? Нам потребовалось две ночи, чтобы дойти сюда, и остается еще хороший кусок вечера, чтобы добраться до шахты. Ты не сможешь доставить его обратно за одну ночь.

— Как быстро Лумми может двигаться, если постарается?

— Но никто не усидит на нем, когда он идет галопом. Даже я.

— А я и не собираюсь ехать на нем верхом; я буду лететь над ним, указывая дорогу, и помогу ему осторожно спуститься с кручи. Три часа, примерно так?.. И еще час, чтобы укрыть его в садовом домике.

— Ну... разве что так.

— Так, потому что ничего лучшего нет. А потом ты дашь себя поймать.

— Чего ради?

— Мы их за нос поведем. Они поймают тебя, а ты скажешь, что отправился на поиски урановых залежей... я снабжу тебя счетчиком Гейгера. Где Луммокс, ты не знаешь; ты поцеловал его на прощание и ушел себе, оставив его там, где он был, а теперь вернулся, потому что не хочешь больше ни с кем ссориться. Ты должен убедить их... ни в коем случае не позволяй, чтобы использовали измеритель истины.

— Да, но... Слушай, Червячок, а какой в этом смысл? Луммокс не может вечно оставаться в садовом домике.

— Мы просто тянем время. Как только они его увидят, они прикончат его... И они это сделают. Поэтому мы будем скрывать его, пока не сможем изменить положение вещей.

— А я-то думал, что смогу его спасти, продав Музею, — грустно сказал Джонни.

— Нет! Твой внутренний голос был совершенно прав, Джонни, хотя у тебя самого мозгов не больше, чем в дверной ручке. Слушай... ты согласишься с Законом Сигни?

— Закон Сигни? Мы проходили что-то такое, когда изучали основы Обычаев Цивилизации.

— Совершенно верно. Припомни его.

— Как там было? — Сдвинув брови, Джон Томас стал копаться в памяти. — Ага! «Факт владения речью и манипуляторами должен восприниматься таким образом, что их владелец является мыслящим существом и, следовательно, обладает всеми неотъемлемыми человеческими правами — пока не будет убедительно доказано обратное». — Джонни вскочил. — Вот оно что! Они не могут теперь убить Луммoxa!.. У него есть руки!

«СЛИШКОМ ПОЗДНО, ДЖОННИ»

— Шевели мозгами, — сказала Бетти. — Ты знаешь историю об одном типе, которого адвокат уверял, что за это его в тюрьму не посадят?

— За что «за это»?

— Неважно. А клиент ответил: «Но, ваша милость, пока мы об этом только говорим». Суть дела в том, что Закон Сигни — это только теория; пока мы не заставим суд изменить свою точку зрения, мы должны прятать Луммокса.

— Ну да, понятно. Наверное, ты права.

— Я всегда права, — с достоинством признала Бетти. — Джонни, я прямо умираю от жажды: думать — очень утомительная работа, и у меня всегда горло пересыхает. Ты захватил воды из ручья?

— Нет.

— Ведра не было?

— Где-то оно есть. — Джонни порылся в мешке, нашел складное ведро и расправил.

— Дай мне его. Я хочу размять ноги.

— Следи за флаерами!

— Поучи свою бабушку. — Взяв ведро, Бетти, держась в тени деревьев, побежала по склону к берегу. Джонни смотрел, как ее стройная фигура мелькает в лучах солнца, пробивающихся меж сосен, и думал, какая она симпатичная... С головы до ног настоящий товарищ, лучше любого парня. И не будь у нее этого дурацкого стремления командовать, которым вообще отличаются все женщины, Бетти была бы хоть куда...

Осторожно неся пластиковое ведро, Бетти поднялась наверх.

— Пей!

— Ты первая.

— Я уже напилась из ручья.

— Ну ладно. — Джонни жадно припал к ведру. — Знаешь, Бетти, не будь у тебя коленки вывернуты, ты была бы ничего.

— У кого коленки вывернуты?

— А мордашка симпатичная, — невозмутимо продолжал Джонни. — Не будь этого небольшого недостатка, ты бы...

Он не успел закончить — Бетти поднырнула и сшибла его на землю. Вода облила Джонни с головы до ног. Они продолжали возиться, пока Джонни не перехватил и не зажал Бетти руки.

— Проси пощады!

— Черт бы тебя побрал, Джон Стюарт! Ладно, прошу пощады. А теперь дай мне встать.

— Идет.

Джонни поднялся, Бетти осталась сидеть, поджав ноги. Взглянув на Джонни, она рассмеялась. Оба были в грязи и царапинах, которые кое-где

переходили в синяки, но чувствовали себя как нельзя лучше. Луммокс наблюдал за их шутливой борьбой не без интереса, но спокойно, поскольку Джонни и Бетти никогда не дрались по-настоящему.

— Джонни весь мокрый, — прокомментировал Луммокс исход поединка.

— Конечно, Лумми, он самый мокрый из нас. — Бетти оглядела приятеля сверху донизу. — Будь у меня две прищепки, я бы подвесила тебя на дереве. За уши, естественно.

— Сегодня такой день, что мы высохнем через пять минут.

— Я не промокла, ведь я в комбинезоне. А ты выглядишь, как драный кот.

— Ну и пусть. — Джонни прилег, нашел сосновую иголку и задумчиво прикусил ее. — Какие здесь прекрасные места, Червячок. Может, нам не стоит идти в шахту?

— Знаешь что — после того, как вся эта неразбериха кончится, перед школой мы вернемся сюда и разобьем здесь на несколько деньков лагерь. И Луммокса возьмем... пойдешь с нами, Лумми?

— Конечно, — согласился Луммокс. — Буду ловить. Бросать камни. Весело.

— И чтобы о нас говорил весь город?

— Не капризничай. Мы здесь — это главное.

— Это исключительный случай.

— Беспокоишься о своей высоконравственной репутации?

— Ну, кто-то же должен думать и о таких вещах. Мать говорит, что мальчишкам не нравится, если девочки проявляют уж очень большую активность. Она говорит, что все должно быть наоборот.

— Конечно, так было — и будет. — Бетти задумалась. — Но, Джонни, ты слишком прислушиваешься к словам матери.

— Наверное, так оно и есть.

— Старайся жить своим умом. А то ни одной девочке не придет в голову выйти за тебя замуж.

Джонни улыбнулся.

— Я этим и страхуюсь.

Бетти моргнула и покраснела.

— Я не о себе говорю! Ты-то мне и даром не нужен!..

Джонни решил сменить предмет разговора.

— Честно говоря, — сказал он, — когда человек привыкает к чему-то, ему трудно жить по-другому. Вот, например, ты помнишь мою тетю Тесси? Она верит в астрологию.

— Не может быть!

— Точно тебе говорю. А ведь выглядит она вполне нормально, не так ли? Но с ней ничего не поделаешь, и я прямо схожу с ума, потому что она только об этом и говорит, а мать настаивает, чтобы я был с тетей вежливым. Скажи я ей, что у нее что-то с головой не в порядке, на нее это не подействует. Куда там! Я должен выслушивать ее бред и делать

вид, что тетя совершенно нормальна, хотя она может сосчитать до десяти только на счетах.

— Счеты?

— Ну, такие прутики с нанизанными костяшками. Ей нравится, чтобы ее слушали, открыв рот, а я должен доставлять ей это удовольствие.

— А ты не доставляй, — внезапно сказала Бетти. — Не обращай внимания на то, что говорит мать.

— Червячок, ты оказывешь на меня плохое влияние.

— Конечно, Джонни, — согласилась Бетти. — Я рассказывала тебе, почему я развелась с моими родителями?

— Нет. Никогда. Это ваши дела.

— Так оно и есть. Но я подумала, если я тебе расскажу, ты будешь лучше понимать меня. Наклонись. — Притянув Джонни за мочку уха, Бетти стала что-то шептать. По мере того как она говорила, на лице Джона Томаса появлялось выражение искреннего изумления.

— В самом деле?

— Факт. Они этого никогда не оспаривали, поэтому я никому и не должна была говорить. Но так оно и было. Я пришла в суд и развелась, и мне дали профессионального опекуна без всяких нудных идей. Но, понимаешь, Джонни, я не для того все это рассказывала, чтобы ты хлопал глазами. То, что тебе досталось в наследство, еще далеко не все; ты сам должен быть личностью, индивидуальностью. Ты — это не твои родители. Не мать и не отец. Но ты слишком поздно стал понимать это. — Бетти выпрямилась. — Так что будь самим собой и имей смелость принимать собственные решения. И никому не подражай.

— Червячок, когда ты говоришь обо всех этих вещах, ты выглядишь такой... такой рассудительной.

— Потому что я всегда такая. А теперь я хотела бы заняться твоими припасами. Очень проголодалась.

— Ну, прямо как Луммокс. Мешок с припасами наверху.

— Перекусим? — встрепенулся Луммокс, услышав свое имя.

— М-м-м... Бетти, я бы не хотел, чтобы он обламывал деревья, особенно днем. Сколько им потребуется времени, чтобы засечь меня?

— Думаю, не больше трех дней.

— Ладно. Я захватил еды дней на пять, просто на всякий случай. — Джонни отобрал двенадцать консервных банок и дал их Луммоксу. Открывать их он не стал, потому что Луммокс любил проглатывать их целиком и потом ощущать, как в животе у него внезапно становится тепло. Луммокс покончил со своей порцией консервов раньше, чем Бетти вскрыла свою банку.

После еды Джонни вернулся к старой теме.

— Бетти, ты в самом деле думаешь, что... — он оборвал себя. — Ты что-нибудь слышишь?

Бетти прислушалась и серьезно кивнула.

— Как далеко?

— Не больше двухсот.

— Они прощупывают. Луммокс! Замри!

— Замру, Джонни. А почему я должен замереть?

— Молчи!

— Не сходи с ума, — сказала Бетти. — Скорее всего, они просто прочесывают все подряд. Они не смогут обнаружить нас под этими деревьями даже в телескоп. — Но теперь и Бетти выглядела встревоженной. — Как бы я хотела, чтобы Луммокс уже был в туннеле. Если у кого-то хватит ума просканировать нашу дорогу, пока мы здесь... ну, тут уже ничего не поделаешь.

Джон Томас не слушал ее. Он весь наклонился вперед, приставив ладони к ушам, как рупоры.

— Т-с-с! — прошептал он. — Бетти! Они возвращаются!

— Не паникуй. Просто нас захватило другое крыло поисков.

Но, говоря эти слова, Бетти уже знала, что ошибается. Звук прошел над ними, взмыл и перешел в ровный стон. Они посмотрели вверх, но из-за плотности крон и высоты ничего не увидели.

Внезапно в глаза им ударила вспышка света такой яркости, что, когда она погасла, свет солнца, казалось, поблек. Бетти сглотнула комок в горле.

— Что это?

— Сверхчувствительная аппаратура. Ультрафлеш, — мрачно ответил Джонни. — Теперь они приглядываются к тому, что разглядели в телескоп.

Звук у них над головами ушел еще выше, а затем почти исчез; снова сверкнула ослепляющая вспышка.

— Стереоснимок сделали, — с такой же мрачностью объяснил Джонни. — И если раньше они только подозревали, то теперь-то они нас точно увидят.

— Джонни, мы должны уводить Луммокса отсюда!

— Как? Пустить его вверх по дороге, чтобы его разбомбили? Нет, девочка, наша единственная надежда, что они примут его за большой валун, — слава богу, что я заставил его стоять, не шевелясь. И мы не должны двигаться, — добавил он. — Может, они уйдут.

Но и эта последняя надежда исчезла. Они услышали, как один за другим подошли еще четыре корабля. Джонни вычислял их движение.

— Один занял позицию с юга. Третий, похоже, пошел к северу. Теперь они закрывают запад... сукины дети. Они нас взяли в оборот, Червячок.

Бетти посмотрела на Джонни, лицо у нее было мертвенно-бледным.

— Что нам делать, Джонни?

— Что делать? Скорее всего, ничего... Хотя подожди. Нырй между деревьями вниз, к ручью. Возьми с собой крылья. Затем вниз по потоку, уйди подальше — и в воздух. Держись пониже, пока не вырвешься из-под их зонтика. Тебя они выпустят — ты им не нужна.

— А что ты будешь делать?

— Я? Я остаюсь здесь.

— И я тоже.

Джонни вышел из себя.

— У меня и так хватает забот, Червячок. Ты должна уже быть в пути!

— Как ты думаешь, что они могут сделать? У тебя нет даже оружия.

— Есть, — ответил Джон Томас, притрагиваясь к ножу, висевшему у него на поясе. — А Луммокс может кидать камни.

Бетти посмотрела на Джонни, а затем истерически расхохоталась.

— Что? В самом деле — камни! Ох, Джонни...

— Во всяком случае, голыми руками они нас не возьмут. А теперь удирай отсюда — и быстро!

— Нет!

— Слушай, у нас нет времени спорить. Все ясно и понятно. Я остаюсь с Луммоксом, это мое право. Он мой.

Бетти залилась слезами.

— А ты — мой, ты, большой глупый дурачок!

Джонни попытался ответить ей и не смог. Лицо его исказилось гримасой от сдерживаемых слез. Луммокс переступил с ноги на ногу.

— В чем дело, Джонни?

— А? Ничего. — Джонни встал и потрепал своего друга по спине. — Ничего, старина. Джонни с тобой. Все в порядке.

— В порядке, Джонни.

— Да, — еле слышно подтвердила Бетти. — Все в порядке. Это будет быстро, Джонни? — прерывающимся шепотом спросила она. — Мы ничего не почувствуем?

— Надеюсь! Эх, всего полсекунды мне не хватило, чтобы дать тебе по загривку и спихнуть вниз... и все бы у тебя было в порядке!

Бетти спокойно покачала головой, на лице ее теперь не было ни гнева, ни страха.

— Слишком поздно, Джонни. И ты это знаешь. Не ругай меня... только держи меня за руку.

— Но... — Джонни остановился. — Слышишь?

— Их становится все больше.

— Точно. Скорее всего, они строят вокруг нас восьмиугольник... чтобы мы уж точно не ушли от них.

Внезапный громовой раскат избавил Бетти от необходимости отвечать. Стало ясно, что один из кораблей снижается, и вот они уже могли его видеть в тысяче футов над их головами. Затем оттуда раздался металлический голос чудовищной силы:

— Стюарт! Джон Стюарт! Выходи на открытое место!

Джонни вырвал нож из ножен, закинул голову и крикнул:

— Приходи и возьми меня!

Бетти вся просияла, с гордостью посмотрела на Джонни и вцепилась ему в рукав.

— Скажи им, Джонни! — шепнула она. — Мой Джонни!

По всей видимости, человек с металлическим голосом имел микрофон направленного действия.

— Ты нам не нужен, — ответил он, — и мы никому не хотим причинить вреда. Выходи!

Джонни выплюнул односложное ругательство и крикнул:

— Мы не выйдем!

Громовой голос продолжал:

— Последнее предупреждение, Джон Стюарт. Выходи с пустыми руками. Мы высылаем за тобой шлюпку.

— Высылайте! — крикнул в ответ Джонни. — Мы взорвем ее! Собери побольше камней, Лумми! — хрипло приказал он Луммоксу.

— А? Конечно! Можно, Джонни?

— Еще нет. Я скажу, когда.

Голос молчал. Ни одно судно не спускалось к ним. Вместо этого другой, не командирский корабль приблизился и завис в ста футах над вершинами сосен и примерно на таком же расстоянии сбоку от них. Медленно, с черепашей скоростью, он начал описывать круг над ними.

Затем раздался режущий уши грохот, и гигантское дерево рухнуло навзничь. За ним последовало другое. словно невидимая гигантская рука, протянувшаяся с зависшего корабля, проламывала просеку, отжимая их в сторону, и скоро круговая просека обложила их со всех сторон.

— Почему они это делают? — прошептала Бетти.

— Это судно лесной службы. Они выживают нас.

— Но зачем? Почему бы им разом не покончить со всем этим?

Бетти начала бить дрожь, и Джонни обхватил ее за плечи.

— Не знаю, Червячок. Здесь они командуют.

Судно завершило круг и зависло прямо перед ними, похоже, собираясь совершить посадку. С осторожностью зубного врача, выдирающего зуб, оператор, опускаясь, нацелился на одно дерево, выдернул его из земли и отбросил в сторону. Затем другое — и еще одно. Постепенно сквозь мачтовый сосняк пролегла широкая тропа, которая вела как раз к их убежищу.

Им не оставалось ничего, кроме как ждать. Корабль, в котором, как понимал Джонни, уже ждали встречи с ними рейнджеры, отбросил последнее дерево, которое еще как-то скрывало их, и пополз к ним, заставив их задрожать, а Луммокса взвизгнуть от страха. Джон Томас ласково шлепнул Луммокса по боку.

— Спокойнее, мальчик. Джонни с тобой.

Он подумал было, что они могли бы куда-нибудь отступить с той прогалыны, которая окружала их, но понял: смысла в этом уже нет.

Теперь на атаковую позицию вышло другое судно. Оно внезапно вынырнуло из-за лесного танка и резко сникировало в конце коридора. Джонни сглотнул слюну и сказал:

— Давай, Лумми! В любого, кто только высунется из этого корабля, — и без промаха!

— Держу пари, Джонни! — Луммокс набрал в обе руки по пригоршне боеприпасов.

Но ему не пришлось пустить их в ход. Джон Томас почувствовал, что словно опускается в мокрый бетон, который поднялся ему до груди. Рядом хрипло дышала Бетти и вскрикивал Луммокс. Затем он пискнул:

— Джонни! Вязну...

— Все в порядке, мальчик, — попытался выдавить из себя Джон Томас. — Не сопротивляйся. Спокойней. Бетти, как ты?

— Не могу дышать, — прохрипела она.

— Не сопротивляйся. Они нас взяли.

Из открытой двери люка показались восемь фигур. В них не осталось почти ничего человеческого, с головы до ног они были покрыты тяжелой металлической чешуей. На каждом — шлем, напоминающий маску фехтовальщика, а за спиной — горб полевого антигравитатора. По двое нападавшие осторожно выдвинулись на открытое пространство прохода между деревьями и замедлили шаг; что-то заискрило, и каждого из них окружил фиолетовый ореол, после чего солдаты продолжили движение.

Вторая четверка тащила большой цилиндр из металлической сетки. Они легко вели его по воздуху. Мужчина во главе группы приказал:

— Растягивайтесь пошире, подальше от зверя. Сначала вытащим ребят, а потом займемся им. — Командовал он четко и весело. Стараясь держаться подальше от Луммокса, команда приблизилась к странной троице. — Полегче! Давай этих двух! — приказал командир. Продолговатая клетка нависла над Бетти и Джонни Томасом, медленно опускаясь им на головы; командир щелкнул каким-то тумблером — сетка заискрила и, упав, накрыла обоих.

— Неплохая шумовка, чтобы вытащить вас из патоки, а?

У Джонни дрожал подбородок, но он смотрел прямо на командира и, напрягая все мускулы, чтобы высвободить ноги, выкрикнул оскорбление в его адрес.

— Ну-ну, — мягко пожурил офицер. — Не стоит так себя вести. Вы нас сами к этому вынудили. — Он посмотрел на возвышавшегося над ним Луммокса. — Ну и создание! В самом деле громадина! Вот уж с кем не хотел бы встретиться на лесной тропинке и без оружия.

Джонни почувствовал, как потоком хлынули слезы.

— Ну, давай! — крикнул он прерывающимся голосом. — Кончайте, наконец!

— Что?

— Он никому не приносил вреда! Поэтому убейте его побыстрее, не надо играть с ним в кошки-мышки. — Джонни опустил на колени и зарыдал, закрыв лицо руками. Бетти обхватила его за плечи и рыдала вместе с ним.

Офицер растерянно огляделся.

— О чем ты говоришь, сынок? Мы здесь не для того, чтобы причинить ему вред. У нас приказ доставить его без царапинки — пусть даже я потеряю своих людей. Самый идиотский приказ, который я когда-либо получал.

И ТУТ ПРИШЛА ПИГГИ-ВИГГИ

Мистер Кику чувствовал себя прекрасно. Завтрак не лежал горячим комом у него в желудке, прибегать к таблеткам не было необходимости — так же, как углубляться в созерцание его будущего поместья. Трехсторонняя Конференция прошла как нельзя лучше, и даже марсианская делегация наконец взялась за ум. Не обращая внимания на мерцающие желтые огоньки на своей панели, он принялся распевать: «Франки и Джонни любили друг друга... ах, ребята, как они любили друг друга... и в верности клялись...» Мистер Кику обладал приятным баритоном и полным отсутствием слуха.

Больше всего его радовало, что эта глупая, ни с чем не сообразная история с хрошиа подошла к концу... и никто себе не поломал шеи на ней. Старый добрый доктор Фтаемл намекнул, что имеются неплохие шансы на установление дипломатических отношений, ибо хрошии были предельно обрadowаны, обнаружив наконец свою пропавшую соотечественницу.

Да, дипломатические отношения с такой могучей расой, как хрошии, были бы весьма полезны... они должны стать нашими союзниками, хотя это не так просто, скорее всего придется подождать какое-то время. Возможно, не очень долго, прикинул мистер Кику, пока они перестанут сходиться с ума от Луммокса; они его... или ее прямо обожают.

Вспоминая все происшедшее, можно понять их реакцию. Кто мог предположить, что существо величиной в полдома и возрастом в сто пятьдесят лет все еще ребенок? Или что у представителей этой расы руки появляются лишь тогда, когда ребенок становится достаточно взрослым, чтобы пользоваться ими? Интересно, почему эта хрошиа значительно крупнее, чем ее соотечественники? Именно ее размеры смущали Гринберга, да и его самого сбили с толку. Интересно, в чем тут дело... надо посоветоваться с ксенологами.

Хотя не стоит. Наконец Луммокс отправился... точнее, отправилась на корабль хрошии. Без шума, без хлопот, без особых церемоний. Опасность позади. Неужели они в самом деле могли испепелить, испарить Землю? Хорошо, что мы так и не выяснили это. Все хорошо, что хорошо кончается. И мистер Кику снова замурлыкал.

Мистер Кику продолжал напевать, когда тревожно замерцал сигнал «срочный вызов», и промурлыкал последние строчки прямо в лицо Гринбергу: «...пока будут звезды сиять, мы...»

— Сергей, ты можешь петь тенором? — спросил он.

— Чего ради вас это волнует, босс? Никогда не пробовал.

— Ты просто завидуешь. В чем дело, сынок? Все в порядке?

— Видите ли, босс... тут маленькая заминка. Со мной доктор Фтаемл.

Можем ли мы с вами встретиться?

— В чем дело?

— Поговорим, когда будем одни. Годится комната для совещаний?

— Приходи в кабинет, — мрачно сказал мистер Кику. Отключившись, он открыл ящик стола и потянулся за таблетками.

Гринберг и медузоид явились тотчас же; Гринберг, демонстрируя крайнее изнеможение, сразу же шлепнулся в кресло, вытащил из кармана сигареты, но обронил их. Вежливо поприветствовав доктора Фтаемла, мистер Кику сразу же обратился к Гринбергу.

— Ну?

— Луммокс не хочет трогаться с места.

— Что?

— Отказывается. Хрошии носятся с места на место, как муравьи, буквально выходят из себя. Пришлось поставить заграждения, и теперь та часть космопорта, где они сели, блокирована. Надо что-то делать.

— Чего ради? Тут есть чему удивляться, но это уже не наше дело. А почему она отказывается грузиться?

— Ну... — Гринберг беспомощно посмотрел на Фтаемла.

— Разрешите мне разъяснить ситуацию, — вежливо вступил в разговор раргиллианин. — Видите ли, сэр, хрошиа отказывается идти на судно без своего хозяина.

— Хозяина?

— Без мальчика, босс. Без Джона Томаса Стюарта.

— Совершенно верно, — подтвердил Фтаемл. — Хрошиа утверждает, что она растила и воспитывала «Джонов Томасов» долгое время, и она отказывается возвращаться домой без Джона Томаса. И тут она непоколебима.

— Понятно, — кивнул мистер Кику. — Иными словами, мальчик и хрошиа привязаны друг к другу. Ничего удивительного: они вместе росли. Но Луммоксу придется примириться с этой разлукой — так же, как Джон Томасу. Насколько я понимаю, он доставил нам немало хлопот; пришлось сказать ему, чтобы он держал язык за зубами, и отправить его домой. Вот что они должны сделать: сказать ей, чтобы она помалкивала, запихнуть ее, если понадобится, силой на корабль и отправляться восвояси. В конце концов, ради этого они и явились к нам.

— Разрешите сказать вам, сэр, — ответил раргиллианин, — что используя привычные термины, вы ошибаетесь, оценивая суть проблемы. Я говорил с ней на ее собственном языке.

— Что? Неужели она успела так быстро выучить его?

— Она давно уже знает его. Хрошии, господин Заместитель Секретаря, знают собственный язык с колыбели. Это инстинктивное знание языка служит объяснением того, почему им так трудно осваивать другие языки и пользоваться ими. Хрошиа говорит на вашем языке примерно на уровне четырехлетнего ребенка, хотя, насколько я понимаю, она познакомилась с ним довольно давно. Но на своем собственном языке она говорит совершенно бегло... и достаточно резко, что я с сожалением вынужден признать.

— Ах вот как? Ну что ж, изложите. Слова не могут нас задеть.

— Она сказала... она отдала командиру экспедиции приказ немедленно найти ее любимца. Немедленно. В противном случае, заявила она, она останется здесь и будет растить «Джонов Томасов».

— И, — добавил Гринберг, — командир предъявил нам ультиматум: немедленно представить Джона Томаса... или же...

— И это «или же» означает то, что я предполагал? — медленно сказал мистер Кику.

— То самое. И после того, как я увидел их корабль, я не сомневаюсь в их возможностях.

— Вы должны понять, сэр, — серьезно добавил доктор Фтаемл, — что командир расстроен так же, как и вы. Но он должен приложить все усилия, чтобы удовлетворить желание хрошии. Определенное сочетание генов было запланировано более двух тысяч ваших лет назад, и они не могут столь легко отказаться от него. Он не может позволить ей остаться... и не может заставить ее силой отправиться в путь. Он очень встревожен.

— Так же, как и мы, не так ли? — Мистер Кику взял еще две пилюли. — Доктор Фтаемл, у меня есть послание вашим доверителям. Прошу вас передать его совершенно точно.

— Будет исполнено, сэр.

— Передайте им, пожалуйста, что мы с возмущением отвергаем их ультиматум. Я прошу вас...

— Сэр! Я вас умоляю!

— Я прошу вас точно следовать моим указаниям. Не пытайтесь смягчить то, что я скажу. Скажите, что мы устали всемерно помогать им. Что мы добились успехов, но не приемлем, когда на нашу любезность нам отвечают угрозами. Скажите, что их поведение нетерпимо среди цивилизованных существ и что мы отзываем свое предложение вступить в Сообщество Цивилизаций. Скажите, что я плюю им в физиономию... найдите столь же выразительную идиому. Скажите им, что свободный человек может умереть, но никогда не подчинится силе.

Широко ухмыляясь, Гринберг похлопал в ладоши, изображая древний знак одобрения. Казалось, что внешняя хитиновая оболочка доктора Фтаемла покрылась смертельной бледностью.

— Сэр, — сказал он, — я выражаю огромное сожаление в связи с тем, что вынужден доставить ваше послание.

Мистер Кику холодно усмехнулся.

— Передайте все, что я сказал. Но прежде, чем вы это сделаете, найдите возможность поговорить с этой хрошиа... с Луммоксом. Можете вы это сделать?

— Могу вас заверить в этом, сэр.

— Скажите ей, что командир экспедиции, одержимый непомерным рвением, собирается убить этого человека, Джона Томаса Стюарта. Проследите, чтобы она точно поняла, в чем смысл угрозы.

Раргиллианин растянул ротовое отверстие в широкой улыбке.

— Простите меня, сэ, я вас недооценивал. Оба послания будут доставлены — именно так, как вы сказали.

— Это все.

— Желаю вам доброго здоровья, сэ. — Раргиллианин, повернувшись к Гринбергу, обнял его за плечи свободной рукой. — Брат мой Сергей, в каком бы лабиринте мы с вами ни оказались, мы всегда найдем тот или иной выход — не так ли?

— Совершенно верно, док.

Фтаемл покинул их. Мистер Кику повернулся к Гринбергу и сказал:

— Доставь мне сюда этого мальчишку, Стюарта. Сам, лично — и поскорее. М-м-м... захвати и его мать. Ведь он еще несовершеннолетний?

— Да. Босс, что вы задумали? Вы же не хотите передать его этим?.. Особенно после того, как они получили от вас хорошую зуботычину?

— Конечно, хочу. Но на моих условиях. Ни в коем случае я не дам этому зверинцу оснований думать, что они могут диктовать нам условия. Мы используем ситуацию, чтобы добиться своих целей. А теперь отправляйся!

— Иду.

Мистер Кику остался сидеть за столом, рассеянно перебирая бумаги, пока его подсознание решало проблему Луммокса. Он подозревал, что прилив достиг высшей точки... для людей. Надо было прикинуть, каким образом удастся справиться с ситуацией. Он как раз обдумывал эту проблему, когда дверь открылась и вошел досточтимый мистер Рой Макклюр.

— Вот вы где, Генри! Собирайтесь и пойдем... Бейла Мургатройд будет ждать встречи с вами.

— Бейла — кто?

— Бейла Мургатройд. Та самая Бейла Мургатройд.

— Я должен ее знать?

— Что? Человеке, неужели вы никогда не смотрите стереовидение?

— Если я могу избежать этого — никогда.

Мистер Макклюр осуждающе покачал головой.

— Генри, вы заработались. Вы похоронили себя в этих четырех стенах, вы лишь нажимаете свои кнопки и даже не знаете, что делается в мире.

— Возможно.

— Так оно и есть. Вы стали неприкасаемым... хотя это хорошая штука, если вам не приходится иметь дело с людьми.

Мистер Кику позволил себе усмешку.

— Я тоже так думаю, сэ.

— Ставлю три против одного, что вы даже не подозреваете, кто выигрывает в Мировых Сериях?

— Мировые Серии? Бейсбол, что ли? Прошу прощения, но в свое время я не мог даже следить за матчами по крикету.

— Теперь вы понимаете, что я имел в виду?.. Если вы могли спутать крикет с бейсболом... впрочем, неважно. Раз не знаете, кто такая знаменитая Бейла Мургатройд, я вам скажу. Она, так сказать, мать Пигги-Вигги.

— Пигги-Вигги? — непонимающе откликнулся мистер Кику.

— Я сойду с вами с ума. Она придумывает для детей истории с Пигги-Вигги. Ну, вы же знаете — «Пигги-Вигги на Луне», «Пигги-Вигги отправляется на Марс», «Пигги-Вигги и пираты космоса».

— Боюсь, что не знаю.

— Трудно поверить. Разве у вас нет детей?

— Трое.

Мистер Макклор продолжил тираду:

— Теперь она подняла Пигги-Вигги на такую высоту, что это в самом деле нечто. Естественно, для детей, но все это так уморительно, что и взрослые смотрят. Видите ли, Пигги-Вигги — кукла, примерно с фут величиной. Она летает в космос, спасает людей, борется с пиратами, она воспекает добрые старые времена... и детям она очень нравится. А в конце каждого выпуска появляется миссис Мургатройд, они берут по стакану «Ханки» и очень мило болтают. Вам нравится «Ханки»?

— Нет.

— Ну, есть-то вы его ели. Эта самая сногшибательная реклама завтраков, все ее знают.

— Это так важно?

— Важно? Человеке, знаете ли вы, сколько людей едят завтрак по утрам?

— Нет, не знаю. Надеюсь, не так много. Во всяком случае, я не завтракаю.

Мистер Макклор посмотрел на свои часы.

— Мы должны спешить. Техники уже готовят аппаратуру. Она будет здесь с минуты на минуту.

— Техники?

— Разве я не сказал вам? Миссис Мургатройд будет интервьюировать нас, а на коленях у нее будет сидеть Пигги-Вигги и принимать участие в разговоре. Затем они вставят наш с вами разговор в передачу. Прекрасная реклама для Департамента.

— Нет!

— Что? Мистер Киду, правильно ли я вас понял?

— Господин Секретарь, — сдерживаясь, сказал Киду. — Скорее всего, я не смогу участвовать... Я... я испытываю страх перед публичными выступлениями.

— Что я слышу? Это абсурд! Вы помогали мне открывать Трехстороннюю Конференцию. Вы говорили без малейших записей полчаса.

— Это другое дело. Это был деловой разговор между профессионалами.

Секретарь нахмурился.

— Я не могу настаивать, тем более если это заставляет вас нервничать. Но миссис Мургатройд специально попросила, чтобы вы участвовали. Видите ли... — Макклор слегка смутился. — ...Пигги-Вигги выступает за расовую терпимость и все такое. Под разной кожей все мы братья... словом, такие штуки, за которые мы все ратуем, не так ли?

— Простите, — твердо стоял на своем мистер Кику. — И тем не менее.
— Да перестаньте, Генри! Вы ведь, конечно, не хотите, чтобы я настаивал?

— Господин Секретарь, — тихо ответил Кику, — вы без труда можете выяснить, что мои рабочие обязанности не требуют участия в качестве актера в стереовизионных передачах. Если вы дадите мне письменное распоряжение, я буду вынужден представить его на рассмотрение в соответствующую инстанцию, которая и даст вам официальный ответ.

Мистер Макклюр нахмурился.

— Генри, каким упрямым маленьким созданием вы можете иногда быть! Могу только удивляться, каким образом вам удалось так высоко взобраться?

Мистер Кику промолчал, а господин Секретарь продолжал:

— Я не хочу, чтобы вы подсовывали мне книгу приказов; я слишком стар, чтобы играть роль лисы, которая загоняет кроликов. Должен сказать, что никогда не предполагал, что вы можете поставить меня в такое положение.

— Простите, сэр. Мне в самом деле неудобно.

— И мне тоже. Я все же попытаюсь убедить вас, что это очень важно для нашего Департамента... хотя мы не можем приказывать его работникам делать то или это. Видите ли, Бейла Мургатройд выражает интересы «Друзей Луммокса». Таким образом...

— «Друзей Луммокса»?

— Я знал, что теперь вы посмотрите на это по-другому. Кроме того, вся эта суматоха заварились не без вашей помощи. И отсюда следует...

— Ради всех святых, что это значит — «Друзья Луммокса»?

— Участвуя в интервью, вы можете задать этот вопрос им самим. И если бы я не был вынужден спешить на ленч с Весом Роббинсом, мы с вами оказались бы в одной лодке.

— Я должен заняться бумагами, как обычно.

— Миссис Мургатройд — это не как обычно, я все время пытаюсь вам это доказать. Ваши мальчики погрязли в своих протоколах и прецедентах и потеряли всякий контакт с людьми. И если вы не учтете мои слова, вам никогда не забраться на самый верх.

— Меня это меньше всего интересует.

— Да? — Секретарь слегка смутился. — Я имел в виду, туда, где обитают самые обычные политики вроде меня, которые держат руку на пульсе... хотя, должен признать, у меня нет ваших способностей. Понимаете?

— В этой работе придется применение талантам любого из нас, сэр. Но продолжим. Упоминание о «Друзьях Луммокса», возможно, проскочило мимо меня, не оставив следа в памяти.

— Возможно. Я ни в коем случае не критикую ваше отношение к работе. Что говорить, она достаточно тяжела... космос требует постоянного внимания. Но что касается истории с этим «Д.Л.» — мы были вынуждены

принять участие в какой-то глупой истории на западной окраине. Вы должны знать о ней, потому что посылали туда кого-то из своих ребят, — и дело это было связано с какой-то... м-м-м... хорушей Луммокс. Приговор суда... то есть наш приговор, можете вы уточнить, требовал уничтожить животное. Кстати, Генри, добьетесь ли вы когда-нибудь дисциплины от своих работников?

— Нет, сэр.

— В чем дело?

— Он не проявил недисциплинированности, сэр. Исходя из имеющихся данных, он был совершенно прав.

— Я смотрю на это по-другому... лучше перешлите это дело мне. Я хочу лично ознакомиться с ним.

— Сэр, — мягко спросил мистер Кику, — не думаете ли вы упрекнуть меня в пренебрежении административной дисциплины?

— Что? Я всего лишь хочу просмотреть дело.

— Ибо в таком случае вы можете тотчас же получить мое прошение об отставке. Если я не могу больше исполнять свои обязанности...

— Что вы имеете в виду? Генри, не торопитесь. — Секретарь побарабанил пальцами по столу мистера Кику. — Успокойтесь, человек, и давайте откровенно поговорим друг с другом. Я понимаю, что ваши ребята, стоит вам захотеть, представят любое дело так, как вам выгодно... и завтра мне уже в политике делать будет нечего. Но пока я тащу этот груз, я буду настаивать на соблюдении дисциплины. Имею я на это право?

— Да... право вы имеете.

— Не говоря уж об ответственности. Возможно, вы и правы относительно этого работника, кто бы он ни был... вы обычно правы, в противном случае, у нас бы все застопорилось. Но когда я считаю необходимым ознакомиться с каким-то делом, это мое право. Если я считаю, что вы должны подписать какой-то документ, вы его подписываете, потому что я прошу вас это сделать. Если же не прошу, то держитесь в определенных рамках. Я достаточно ясно выразился?

— Яснее некуда. Я поторопился, господин Секретарь. Досье с делом будет на вашем столе.

— И, во-вторых, не волнуйтесь. Если речь идет об одном из ваших любимчиков...

— У меня нет любимчиков, мистер Макклур. Я ко всем отношусь одинаково, невзирая на личности.

— Иногда мне кажется, что вы ненавидите сами себя. Итак, на чем мы остановились? Ах, да! Так вот, когда мы оказались впутаны в эту ужасную историю с хорушиями, миссис Мургатройд увидела шанс для неплохого дела. Конечно, она увидела в нем и возможность оживить свою собственную программу, но это к делу не относится. Так или иначе, Пигги стала рассказывать всем малышам об этих ужасах и обратилась к ним с просьбой писать и вступать в ряды «Друзей Луммокса». В первые двадцать четыре часа было получено три миллиона посланий. А теперь половина ребятшек

нашего континента и бог знает сколько еще во всех остальных местах входят в число «Друзей Луммокса» и умоляют спасти его от преследований.

— Ее, — поправил мистер Кику.

— Что?

— Прошу прощения. Думаю, что в данном случае ни одно из местоимений не является верным. У хрошии шесть различных полов. Вы можете звать Луммокса «он» или «она», но, в сущности, нам нужно какое-то новое слово. Но имеет ли это значение?

— Во всяком случае, не для меня, — согласился Макклюр. — Но если бы мы в самом деле вынесли Луммоксу смертный приговор, я верю, эти детишки совершили бы революцию. Честное слово. Я уже не говорю просто о поклонниках, о фанах Пигги-Вигги. Но Бейла Мургатройд хочет во что бы то ни стало нам помочь. Значит, она проинтервьюирует нас, и я отвечу на основные вопросы, а вы уточните детали. Ну, словом, все, касающееся того, как Департамент защищает права наших негуманоидных друзей и о том, что обязаны проявлять терпимость... наша обычная линия. Потом Пигги-Вигги спросит вас, что случилось с Луммоксом, а вы расскажете малышам, что Луммокс на самом деле оказался заколдованным принцем... или принцессой... и как Луммокс улетит к себе домой в небо. Это будет сногшибательно. Это все, что вы должны будете сделать, — добавил Макклюр. — Они сделают снимок, как Луммокс поднимается в корабль и делает на прощание ручкой. А мы съедем по тарелке «Ханки» — не беспокойтесь, я уж позабочусь, чтобы ваша тарелка была пуста! — а Пигги-Вигги споет своего «Жаворонка». Конеч. Займет все это не больше двадцати минут, но мы сделаем большое дело для Департамента. О'кей?

— Нет.

— Ну, Генри... ладно, вы можете не есть эти «Ханки».

— Нет.

— Генри, вы невозможный человек. Разве вы не согласны, что это наше прямое дело — помогать детям осознавать их ответственность и учить, как правильно поступать в наш сложный век, век Сообщества Цивилизаций?

— Нет, сэр, не согласен. Это дело родителей и учителей, а не правительства. Департамент делает больше, чем в его силах. Перед лицом растущих ксенологических проблем. — И про себя мистер Кику добавил: «Даже если бы я согласился, все равно бы не ел эти «Ханки»!

— Хм-м-м... Довольно узкий подход, Генри. Бюрократический, позволяю себе сказать. Вы прекрасно знаете, что во всей этой истории мы чувствовали себя, как на горячей сковородке, тем более что нас подогревали со всех сторон — вопило «Общество за Сохранение Статус-Кво», а Лига «Сохраним Землю для Людей» прямо накидывалась на нас. Совету пришлось нелегко. И вот у нас появляется возможность настроить общественное мнение против этих любителей бить горшки, а вы отказываетесь нам помогать. Вам никогда не приходилось иметь дело с типами из «Статус-Кво» и шутами из «Земли для Людей» — потому что именно я оберегал вас.

— Простите, сэр. Но вам не стоит тратить на них время. Вне всякого сомнения, вы знаете, что за спинами этих шумных организаций кроются чисто денежные интересы. Пусть с ними борются люди и организации, придерживающиеся противоположной экономической ориентации, — импортеры, владельцы транспортных линий, ученые. Наше дело — международные отношения. Если на нас будут оказывать давление различные группы, мы выпустим на них группы специалистов по общественному мнению — для этого они и существуют.

— А кто же я, как не тот самый высококвалифицированный специалист? — рассердился Макклор. — И у меня нет никаких иллюзий относительно этой чертовой работы.

— Неправда, сэр. Вы берете на себя политическую ответственность. Я же стараюсь держаться в стороне от нее — насколько мне позволяет моя работа.

— Ха! Политикой заправляете именно вы. А потом прищипываете меня. Я начинаю это понимать.

— Простите, сэр. Насколько я понимаю, все занимаются политикой... даже швейцар в пределах своих возможностей. Это неизбежно. Я стараюсь делать свою работу.

Вошел личный секретарь мистера Кику.

— Мистер Кику, у вас ли господин Секретарь? Его ждет миссис Бейла Мургатройд.

— Сейчас буду, — отозвался мистер Макклор.

— Милдред, — тихо добавил мистер Кику, — посмотрите, чтобы ею занялись. Мы немного задерживаемся.

— Да, сэр. Помощник господина Секретаря позаботится о ней.

— Отлично.

— Задерживаться мы не будем, — предупредил Макклор мистера Кику. — Не хотите, как хотите... хотя вы меня разочаровали. Но я не могу заставлять ее ждать.

— Садитесь, господин Секретарь.

— Что?

— Садитесь, сэр. Есть вещи, из-за которых даже могущественная миссис Мургатройд может подождать. Большая беда свалилась нам на голову. Вы должны предстать перед Советом, зная о ней... возможно, нам придется собрать специальную сессию уже сегодня вечером.

— Что? Почему вы мне ничего не говорили?

— Я как раз прикидывал, как вам сообщить об этом, когда вы вошли. И последние несколько минут я уже не раз пытался дать вам понять, что у Департамента есть куда более важные дела, чем продавать «Ханки».

Макклор посмотрел на него, затем подошел к столу Кику.

— Милдред! — вызвал он секретаря. — Это я. Скажи commodору Мэр-ти, что я задерживаюсь по неотложному делу и что он должен из кожи вылезти, но развеселить миссис Мургатройд.

— Да, господин Секретарь.

Макклор снова повернулся к Кику.

— Итак, Генри. Прекратите читать мне лекции и приступайте к сути.

Мистер Кику исчерпывающе изложил состояние дел с новым кризисом. Мистер Макклор слушал молча, без комментариев. Когда мистер Кику пошел к тому пункту, где он отверг ультиматум, снова ожила связь.

— Шеф? Здесь Мэрти. Миссис Мургатройд ждет еще одно свидание.

— Она спешит?

— Конечно, сэр.

— Слушай, Джек, я буду через несколько минут, займись ею.

— Но...

— Обольсти ее, если понадобится. А теперь отключайся. Я занят! —

Нахмурившись, Макклор повернулся к мистеру Кику.

— Генри, вы снова повесили меня на гвоздик. Вы не оставили мне ничего другого, кроме как играть в ваши игры.

— Могу ли я осведомиться, что вы можете сделать?

— М-м-м? — Макклор снова нахмурился. — Думаю, могу повторить только то, что вы сказали... только в более крепких выражениях. Признаю, что, скорее всего, и не предполагал вмешиваться в эту историю с Луммоксом. Вы проявили находчивость.

— Понимаю, сэр. Перед лицом того факта, что мы отвергли их ультиматум, что в предварительном порядке может предпринять Секретарь? Я должен добавить, что хотел бы избежать необходимости от имени Департамента наекать Совету, что необходимо привести в боевую готовность наши станции на внешних планетах.

— О чем вы говорите? Ничего такого не понадобится! Я могу приказывать Внутренней Гвардии приблизиться и вышвырнуть их в небо — под мою ответственность. Кроме того, они в нашей внутренней защитной зоне... это будет простая полицейская акция.

«Это то, что, как я и предполагал, он собирается сделать», — подумал мистер Кику...

— Вы предполагаете, — сказал он, — что их корабль кубарем улетит в небеса... а если наоборот?

— Что? Это абсурд!

— Господин Секретарь, единственная вещь, которую я усвоил за сорок лет работы на этом посту, — это следующее: когда вы имеете дело с тем, что «Вне», такие слова употреблять не стоит.

— Ну, я бы... Генри, а ведь вы серьезно верите, что они могут угрожать нам. Вы по-настоящему напуганы. — Он всмотрелся в лицо мистера Кику. — Вы что-то не договариваете? У вас есть доказательство того, что они могут привести в исполнение свои абсурдные угрозы?

— Нет, сэр.

— Ну и?

— Мистер Макклор, в моей стране более трехсот лет назад существовало могучее и мужественное племя. Кучка европейцев что-то потребовала от них... какие-то налоги, как они их называли. Вождь племени был очень

храбр, его окружали многочисленные опытные воины. Он знал, что у чужеземцев есть оружие, но свое оружие было и у них. Но полагался он, главным образом, на храбрость своих воинов и на их численность. Он умно продумал план боя и завлек врагов в каньон.

— И что дальше?

— Люди племени никогда не слыхали о пулеметах. Знакомство с ними было последним, что они узнали в жизни, — потому что они были очень смелыми и шли на врага стройными рядами. Племени больше не существует, ни одного человека.

— Если вы хотите запугать меня, то... впрочем, неважно. Но свидетельств вы мне так и не представили. Кроме того, мы отнюдь не какое-то племя дикарей. Ничего общего.

— Возможно. Но пулеметы тех лет были лишь немногим лучше обыкновенного оружия. Да, у нас есть то, по сравнению с чем пулемет будет чем-то вроде перочинного ножа. И тем не менее...

— Вы имеете в виду, что эти хорушии обладают оружием, которое способно превратить все наши достижения в металлолом. Честно говоря, мне не хочется верить в это, и я не верю. Выше мощи атомного ядра в космосе нет ничего. Вы знаете это, и я знаю это. У нас оно есть. Не сомневаюсь, что у них оно есть тоже, но нас больше в миллионы раз и мы на своей земле.

— Так думал и вождь племени.

— Совершенно разные вещи.

— Может быть, — устало ответил мистер Кику. — Я не запугиваю вас каким-то таинственным оружием, которое лежит вне пределов нашего понимания; просто я каждый раз удивляюсь, видя, как незначительное усовершенствование может преобразить известное оружие... а возможности такого подхода предоставляет любая теория. Конечно, я не знаю точно...

— В общем-то, и я, но уверен, что... Вот что, Генри, я сейчас же отдам приказ начать полицейскую акцию.

— Да, сэр.

— Ну! Да не сидите же с каменным лицом — «Да, сэр!» Вы же не знаете — так? Так почему я должен знать?

— Я не осуждаю вас, сэр. Вам потребуется прямая связь? Или вы предпочитаете, чтобы командир базы прибыл сюда?

— Генри, вне всякого сомнения, на всех семнадцати планетах вы самый ужасный человек. Я спрашиваю вас, почему я не должен этого делать?

— Причин к тому я не вижу, сэр. Я могу только изложить свои соображения, почему я не рекомендую вам так поступать.

— Ну?

— Потому что я не знаю. Потому что я чувствую только страх перед гуманоидами, которые могут быть и куда более контактными, чем мы сами, но которые, руководимые суеверным страхом, могут наделать массу бед. И пока я не буду знать, я не собираюсь играть в русскую рулетку,

ставя на карту судьбу своей планеты. Я предпочитаю использовать словесное оружие, доколе это возможно. Итак, вы хотите отдать приказ, сэр? Должен ли я позаботиться о дальнейших деталях?

— Перестаньте меня доводить! — Макклюр, побагровев, посмотрел на своего заместителя. — Думаю, что сейчас вы будете угрожать мне отставкой.

Мистер Кикю позволил себе слегка улыбнуться.

— Мистер Макклюр, я никогда не подаю прошения об отставке дважды в течение одного дня. Я подожду с ним до окончания полицейской акции, — добавил он. — И если мы оба останемся живы и я должен буду признать, что ошибался в главном, моя отставка станет необходима. Я надеюсь, сэр, что вы окажетесь правы. Я предпочту доживать свой век не у дел, но в мире и покое, чем посмертно доказывать свою правоту.

Макклюр пожевал губами, но не ответил. Мистер Кикю продолжал тихим голосом:

— Могу ли я в рамках моих обязанностей внести предложение?

— Конечно. Вы отвечаете только перед законом. Говорите.

— Можем ли мы начать атаку через несколько минут? Стремительность поможет нам компенсировать то, что мы потеряли при задержке. Астробюро может дать элементы орбиты вражеского корабля. — Мистер Кикю наклонился к панели.

Она ожила прежде, чем он прикоснулся к ней.

— Шеф? Это Мэрти. Я лезу из кожи вон, но она...

— Скажи ей, что я не могу встретиться с ней!

— Сэр?

— Ну... подольстись к ней. Ты знаешь, как это делается. А теперь заткнись и не мешай мне.

— Понял, сэр.

Мистер Кикю снова вызвал Астробюро.

— Главного баллистика... и немедленно. А, Картье... подбивайте итоги — и побыстрее. Словом, мне нужны элементы...

Макклюр потянулся и прервал связь.

— Ладно! Будем считать, что вам удалось взять меня на пушку.

— Я не брал вас на пушку, сэр.

— Хорошо, хорошо, вы меня убедили, что у вас на плечах мудрая голова. Я не более, чем вы, хочу вслепую рисковать пятью миллиардами жизней. Ну хотите, я встану перед вами на колени?

— Ни в коем случае, сэр. Но я испытываю большое облегчение. Благодарю вас.

— Ах, это вы испытываете облегчение? А как насчет меня? А теперь скажите, как вы собираетесь распутывать этот клубок? Я в полных потемках.

— Я понял вас, господин Секретарь. Первым делом я послал за этим мальчишкой Стюартом...

— За Стюартом? Зачем?

— Надо убедить его ехать. Мне нужно его согласие.

Секретарь посмотрел на мистера Кику, не веря своим ушам.

— Должен ли я вас понимать, мистер Кику, так, что после того, как вы отвергли их ультиматум, вы собираетесь капитулировать — и это все, что вы можете предложить?

— Вы неправильно поняли меня, сэр.

— Меня не интересуют ваши дипломатические выражения. Мы никогда не уступим им мальчишку. Я не хочу рисковать вслепую, но это другое дело. Какое бы на меня ни оказывалось давление, я никогда не отдам ни единого человека... и могу вас уверить, что Совет согласится со мной. Есть такое понятие, как человеческое достоинство. Должен добавить, что я изумлен... и возмущен.

— Могу я продолжать, сэр?

— Ну что ж... продолжайте. Излагайте свои мысли.

— Мысль о том, чтобы отдать мальчика, не приходила мне в голову. Наука дипломатического умиротворения давно уже разработана. И собираюсь я принести мальчика в жертву, я должен был бы аплодировать вашему возмущению.

— Но вы сказали...

— Прошу вас, сэр. Я знаю, что я сказал. Я послал за мальчиком, чтобы получить представление о его собственных желаниях. Вполне возможно, что и он хочет быть вместе с Луммоксом, даже страстно желает этого.

Макклюр покачал головой.

— Даже если парень настолько сошел с ума, мы все равно не можем ему позволить сделать это. На расстоянии девятист световых лет от любого человеческого существа? Я скорее предпочел бы отравить ребенка...

— Это не совсем верная картина, сэр. Даже если я заручусь его согласием, я не собираюсь выкладывать на стол этот факт во время переговоров... а буду вести игру с тузом в рукаве. И тут нам будет о чем поторговаться.

— Например?

— Их наука. Их торговля. Новые горизонты в космосе. Остальные возможности даже я с трудом могу проследить.

Макклюр обмяк.

— Я в этом не уверен, но что нам делать, только атаковать? Человек должен быть готов к риску. Раздавить гадину, которая нам угрожает... но мне это не нравится.

— Господин Секретарь, если мой план не сработает... или же не получит вашего одобрения, я вместе с вами брошу вызов небу. Но мы должны попробовать заключить сделку... не забывая о своем человеческом достоинстве.

— Ну что ж... начинайте. Держите меня в курсе дела, — вздохнул Макклюр.

«НЕТ, ГОСПОДИН СЕКРЕТАРЬ»

На следующее утро жена мистера Кику разбудила его очень поздно. Она делала это время от времени, резонно полагая, что нет такого кризиса, из-за которого человек не мог бы поспать, если ему надо отдохнуть. Поднявшись в свой кабинет, он обнаружил там Весли Роббинса, специального помощника Секретаря по связям с общественностью, который спал в его кресле. Роббинс был далеко не дипломатом, не собиравшимся им быть и демонстрировавшим это при каждом удобном случае.

— Доброе утро, Вес, — мягко поздоровался мистер Кику.

— Как вам это нравится? — Вес бросил на стол Заместителя Секретаря пачку «Столичной газеты». — Это вы видели?

— Нет, — мистер Кику развернул газету.

— Двадцать три года имею дело с газетами... и меня обошли как мальчишку.

**ИНОЗЕМНЫЕ ЗАХВАТЧИКИ УГРОЖАЮТ ВОЙНОЙ!!!
ВРАЖЕСКИЙ ВЫЗОВ!**

Столица. 12 сент... Секретарь по делам космоса Макклюр сообщил сегодня, что иноземные пришельцы, именуемые «хрошии», приземлившись в космопорту Столицы, угрожая военными действиями, выдвинули требование, что Федерация...

Мистер Кику просмотрел заметку, отметив, что его ответ хрошии исказили и приписали Макклюру и что нигде не упоминалось о возможности мирного соглашения. Анонс оповещал, что, по мнению Генерального Штаба, у всех планет Федерации нет ни малейшего повода беспокоиться из-за наглого вызова пришельцев. Сенатор из Южной Азии обратился с запросом, какие шаги предпринимаются... Мистер Кику просмотрел все полосы, отбросив 90 процентов их содержания, включая взрыв возмущения со стороны Лиги «Сохраним Землю для Людей» и редакционную колонку «Мы стоим на распутии». Было здесь и интервью с миссис Мургастройд, но у него не было времени выяснять, на чьей стороне Пигги-Вигги.

— Что за суматоха? — спросил Роббинс. — Где вы прячете сигареты?

— Похоже, мы слишком щедро тратим бумагу, — заметил мистер Кику. — Сигареты в ручке кресла для гостей.

— И как вам все это нравится? Я застигнут врасплох. Почему никто мне ничего не сказал?

— Минутку! — Мистер Кику наклонился к панели на своем столе. — Отдел безопасности? А, это вы, О'Нейл... Разместить дополнительные полицейские силы вокруг корабля хрошии!..

— Уже сделано, босс. Но почему нас никто не поставил в известность?

— Прекрасный вопрос. Какие бы силы вы ни использовали, пусть их будет как можно больше. Не должно быть только волнений: мы не можем допустить ни малейшего инцидента. Наскребите как можно больше специалистов по умиротворению толпы, обратитесь к другим агентствам. Затем обратите особое внимание на организацию лунатиков... и всех ксенофобов, я имею в виду. Что вас еще беспокоит?

— Ничего, с чем бы мы не могли справиться. Но я ничего не обещаю. Все же я думаю, что кто-то должен выступить и...

— Конечно. Держите со мной связь, — мистер Кику повернулся к Роббину. — Как появилось это интервью?

— Разве я имею к нему отношение? Он отправлялся на обед, посвященный Трехсторонней Конференции, спокойный, как сейф. Речь, которую я ему подготовил, он одобрил. Я вручил ему одну копию, а остальные раздал ребятам, намекнув, как лучше ее обыгрывать. Все были спокойны и счастливы. Утром я проснулся, как ни в чем не бывало, а после того, как выпил кофе, уже кипел и булькал. Если бы кто-нибудь знал, чем мне приходится заниматься! Нет, уйду и буду валяться на пляже.

— Разумная мысль. Вес, разрешите мне ввести вас в курс дела. Ничто не предвещало такого развития событий, но теперь... — мистер Кику кратко обрисовал последний кризис.

— Я понимаю, и Номер Первый выдернул из-под вас одеяло. Ловко сработано.

— Надо с ним увидеться. Он здесь?

— Да. Я вас дожидался, старина. Вы его придержите, пока я ему врежу. Или придумаем что-то другое?

— Все, что хотите. Двинулись?

Секретарь был у себя; о них было доложено, и Макклор встал, чтобы усадить их. После того как все уселись, Роббинс помедлил, ожидая, что слово возьмет мистер Кику, но тот сидел с невозмутимым лицом, напоминая статую из черного дерева.

Макклор начал нервничать.

— Ну, Генри! Нелегкое утречко выдалось... я уже завяз по горло с...

— Я предполагал, что вы хотите проинструктировать нас, господин Секретарь?

— Насчет чего?

— Вы просматривали утренние газеты, сэр?

— М-м-м... да.

— Наша политика изменилась. Помощник Секретаря Роббинс и я хотели бы получить инструкции относительно новой политики.

— Какой новой политики?

— Вашей новой политики, касающейся хрошии, господин Секретарь. Или газеты ошибаются?

— А? Ну, это не совсем точно. Они, конечно, несколько преувеличили. Но политика не меняется. Я просто сказал людям то, что они должны знать.

— То, что они должны знать. — Мистер Кику сцепил пальцы рук. — Ах, да. В правительстве, действующем на основе свободного волеизъявления свободных людей, это действительно так. А некий старый бюрократ, подобный вашему покорному слуге, иногда забывает эту фундаментальную истину. Спасибо, что вы мне ее напомнили. — На минуту он потерял свое космическое спокойствие, а затем добавил: — Думаю, сейчас самое время исправить мое упущение и сказать людям все.

— Что вы имеете в виду?

— Ну как же, всю историю целиком, господин Секретарь. Как из-за нашего пренебрежения и неуважения к правам других существ, и сейчас и в прошлом, мы похитили представителя цивилизованной расы. Как только слепой случай сохранил этого инопланетянина в живых! Как в результате этих действий мы поставили нашу собственную планету на грань уничтожения и как высокоинтеллектуальные личности, представляющие дружественную нам силу (я имею в виду доктора Фтаемла), дали нам понять, что эти хрошии могут в самом деле уничтожить нас. Необходимо также сообщить человечеству, что вчера лишь несколько минут отделяли нас от того, чтобы отдать приказ о нападении на этих инопланетян, но у нас сдали нервы, и мы решили поторговаться, так как не имели точного представления об их силе, кроме трезвого мнения доктора Фтаемла. Да, вы должны это сказать.

Во время этой тирады рот Макклюра был открыт так же широко, как и его глаза.

— Силы небесные, Генри! Вы что — хотите вызвать бунт?!

— Сэр! Я уже принял все меры, чтоб предотвратить бунт... ксенофобия всегда готова вспыхнуть, а это... — он указал на газеты, — может сыграть роль детонатора. Но пусть вас это не останавливает. Мы, бюрократы, страдаем патерналистским отношением, когда проще делать то, что нам кажется благом, и потом уже сообщать об этом... скажем, о том, как мы раздумывали, вступить ли в переговоры или же взорвать корабль. Господин Секретарь, помните ли вы, что этот Совет, членом которого вы являетесь, несет ответственность не только перед Северо-Американским Союзом, не только перед людьми Земли, но и перед всеми суверенными членами Федерации, и на Земле, и где бы то ни было?

— Ну и что с того? Главная сила — это мы.

— Что вы имеете в виду, говоря «мы»? Конечно, не мою маленькую страну. Я думаю, что, если эта проблема будет вынесена на голосование в Совет, сможет ли он проголосовать за то, чтобы отдать одного малозначащего гражданина, дабы избежать риска межзвездной войны? И как, интересно, проголосует Марс?

Секретарь встал и стал мерить шагами свой кабинет. Кабинет занимал большое помещение, куда больше, чем у Кику. Остановившись в дальнем его конце, Макклюр стоял и смотрел на Башню Трех Планет, на Зал Цивилизаций. Мистер Кику сидел молча. Вес Роббинс заворочался в кресле,

вытянув перед собой длинные ноги. Он полировал ногти карманным ножом; длинные и черные, они давно нуждались в уходе.

Макклюр внезапно повернулся к мистеру Кику.

— Видите ли, Генри, если бы вы не играли словами, я не оказался бы в таком положении.

— В таком положении?

— Да, именно. О, я знаю ваше искусство говорить витиевато и запутанно, но я не вчера родился. Вы отлично знаете, что, если бы мы сообщили прессе все эти несущественные детали... все эти глупости, которыми вас снабдил доктор Фатима... или как его там... это рагиллианское чудовище... да, и вы угрожаете сообщить прессе, что я недрогнувшей рукой был готов отдать приказ о нападении... о чем я впервые слышу!.. Эти шакалы получили бы все, что им необходимо, и в Совете поднялся бы такой шум, что был бы слышен до Плутона! Все правительства снабдили бы своих делегатов специальными инструкциями, и, возможно, блок Земли был бы забаллотирован. И как раз во время этой сложной Трехсторонней Конференции... это было бы гибельно! Да, именно так... гибельно! — Макклюр перевел дыхание. — Нет, вы так просто не уйдете! Вы уволены... понимаете меня? Уволены! Я позабочусь, чтобы найти подходящий предлог, но это будет сделано — и незамедлительно! Я увольняю вас. Можете отправляться домой.

— Очень хорошо, господин Секретарь, — бесстрастно сказал мистер Кику и, встав, направился к дверям, ведущим в его кабинет.

В тишине громко щелкнул складной нож Веса Роббинса. Роббинс встал.

— Подождите, Генри! Мак...

Мистер Макклюр оглянулся.

— Что? А вы что тут делаете? И я вам не «Мак» — здесь официальное учреждение. Здесь я — Секретарь, как только что дал понять Кику.

— Да, пока еще вы Секретарь — на ближайшие два часа, не больше.

— Что? Не будьте смешны! Вес, вы вынудите меня уволить и вас, если будете говорить со мной подобным образом. Мистер Кику, вы можете идти.

— Не уходите, Генри! И перестаньте лезть из кожи, Мак. Вы не можете уволить меня: я ушел со службы десять минут назад. Мак, вы в самом деле ничего не понимаете? Вспомните, я знал вас еще тогда, когда вы были свежиспеченным сенатором, мечтающим, чтобы ему посвятили пять строчек в колонке светских сплетен. Тогда вы мне нравились. У вас было чисто звериное чутье, которое так редко встречается. А теперь вы готовы выбросить меня на свалку, и вы мне больше не нравитесь. Но, в память о былых днях, скажите мне: почему вы так стремитесь перерезать собственное горло?

— Что? Ну, уж только не мое. Я не из тех, кто позволяет перерезать себе горло. Я видел, как это делалось... Но Кику не на того напал.

Роббинс медленно покачал головой.

— Мак, вы сами пускаете себя ко дну. Вам лучше отрезать Генри язык прежде, чем газетчики доберутся до него. Можете использовать мой нож.

Макклюр потерял было дар речи, но оправился и рявкнул:

— Мистер Кику! Вы не имеете права говорить с прессой. Это приказ!

Роббинс откусил заусеницу, сплюнул и сказал:

— Ради бога, Мак! Вы не можете одновременно увольнять его и запрещать ему говорить...

— Секреты Департамента...

— Эти департаментские секреты — мое больное место! Может быть, в соответствии с ними, вы имеете право назначить ему какое-то особое выходное пособие, но неужели вы думаете, что его это остановит? Генри — человек, у которого нет страхов, нет надежд, нет иллюзий, и вы не можете дотянуться до него. И если все, что он может рассказать репортерам, вы окрестите «секретами», это принесет вам куда больше вреда, чем если вы не будете дурачить их.

— Могу я сказать несколько слов?

— А? Пожалуйста, мистер Кику.

— Благодарю вас, господин Секретарь. Я не собираюсь сообщать прессе аспекты этого дела. Я просто хотел доказать, доводя ситуацию до абсурда, что правило, по которому народ должен быть информирован... может, как и каждое правило... привести к неприятным результатам, если его применять слепо. Я вижу, что вы действовали непродуманно, сэр. Я хотел удержать вас от дальнейших необдуманных поступков, пока мы не выработаем меры, которые смогут предотвратить неприятности.

Макклюр внимательно посмотрел на Кику.

— Что вы имеете в виду, Генри?

— Я всегда имею в виду только то, что говорю. Это экономит время.

Макклюр повернулся к Роббинсу.

— Вы видите, Вес? Не на то дерево лаает. Генри благородный человек, если даже мы и расходимся с ним во мнениях. Видите ли, Генри, я поторопился. Я решил, что вы мне угрожаете. Забудьте все, что я говорил относительно вашей отставки и принимайтесь за дело. Ну?

— Нет, сэр.

— Что я слышу? Хватит, человек, не будьте ребенком. Я был вне себя. Я был оскорблен, я сделал ошибку. Я извиняюсь. Кроме того, мы не должны забывать о благе общества.

Роббинс оскорбительно хмыкнул. Мистер Кику был вежлив.

— Нет, господин Секретарь, на меня это не действует. После того, как я один раз был вами уволен, я не могу больше пользоваться таким вашим доверием, которого требует работа под вашим руководством. Дипломат может действовать, только если ему доверяют; часто это его единственное оружие.

— М-м-м... ну, я готов признать, что ошибался. В самом деле.

— Я верю вам, сэр. Могу ли я высказать последнее и совершенно неофициальное предположение?

— Что за вопрос, конечно, Генри.

— Кампф будет самым подходящим человеком для обыденной работы, пока вы не подберете новую команду.

— Да, да, конечно. Если вы так считаете, так оно и должно быть. Но, Генри... он будет исполнять эти обязанности только временно, пока вы все не обдумаете. Потом мы скажем, что он плохо себя чувствует или что-то в этом роде.

— Нет, — холодно отклонялся мистер Кику и направился в свой кабинет.

Но прежде чем он сделал несколько шагов, Роббинс гаркнул:

— Вы, двое, успокойтесь. Ничего еще не решено. Макклюр! Вы сказали, что Генри благородный человек. Но вы кое-что забыли.

— Да? Что именно?

— Генри всегда играет строго по правилам. Что же касается меня, я вырос на заднем дворе и меня все эти тонкости не интересуют. Я соберу ребят и все им выложу. Я им расскажу, где собака зарыта, что тележку опрокинул и кто кладет ноги на стол.

— Если вы сообщите такие непроверенные сведения, — возмутился Макклюр, — не рассчитывайте, что вам когда-нибудь удастся получить работу при нынешней администрации!

— Не угрожайте мне, вы, перезревшая тыква! Карьера меня не интересует, и без работы я не останусь. После того, как я спою свою песенку, меня ждет работа в «Столице — от и до», где я буду вести колонку и с удовольствием рассказывать читателям, как живут наши супермены.

— Вам совершенно чужды всякие понятия о верности и благородстве.

— В ваших устах, Мак, это звучит поистине прекрасно. А чему верны вы? Только стремлению сберечь свою политическую физиономию?

— Это в самом деле не совсем благородно. Вес, — мягко вмешался мистер Кику, — Секретарь совершенно твердо высказывался относительно того, что мальчик не должен быть принесен в жертву.

— О'кей, Мак, запишем это на ваш счет. Но вы хотели принести в жертву сорок лет беспорочной службы Генри, чтобы спасти свою собственную отвратную физиономию. И не беспокойтесь: что касается меня, я позабочусь, чтобы она украсила первые полосы всех газет. Мак, больше всего газетчики не терпят тех, кто рвется в заголовки. В стремлении человека видеть свое имя набранным большими буквами есть что-то омерзительное и отвратное. Я не могу переделать вас, да и не хочу, но будьте уверены, ваше имя будет вынесено во все заголовки вот такими буквами... но это будет в последний раз, пока...

— Что вы имеете в виду... «пока»?

— Пока мы не соберем Шалтая-Болтая опять.

— Ах, вот как? Смотрите, Вес, я ни с чем не посчитаюсь.

— Конечно, вы так и будете действовать. — Роббинс нахмурился. — Яснее ясного. Можно преподнести голову Генри на блюде. Взвалить на него всю ответственность за вчерашнее интервью. Он дал вам неправильный совет. Он уволен — все довольны и ликуют.

— Так я и предполагал. И я буду рад помочь... советом, как завершить всю эту историю с хрошии, — вмешался мистер Кику.

— Но вы не радуйтесь, Мак, — предупредил Роббинс. — Это вполне приемлемое решение, и оно сработает... потому что Генри мыслит гораздо шире, чем вы, и не изменяет своим взглядам. Но это не то, что мы собираемся делать.

— Но если сам Генри согласен, то ради высших интересов...

— Бросьте! На блюде будет голова не Генри, а ваша.

Их взгляды встретились. Наконец Макклор сказал:

— Если вы собираетесь так действовать, можете убираться. Если вы хотите драки, вы ее получите. И первая история, которая получит огласку, будет о том, как я уволил вас обоих за непопавность и некомпетентность.

Роббинс нахально усмехнулся.

— Надеюсь, вы так и поступите. Вот тогда-то я и посмеюсь. Хотите послушать, как пойдут дела?

— Ну что ж... попробуйте.

— Так или иначе, с вами все ясно. А теперь помолчите и дайте мне сказать. С вами покончено, Мак. Я не специалист по ксенологии, но даже я вижу, что может дать цивилизации ваш подход. Вы действуете, как сельский судья в таком тонком и деликатном деле, как отношения с негуманоидными расами. Именно поэтому вы дошли до точки. Вопрос стоит так: хватит ли у вас сил выбрать нелегкий путь? Или вы ищете путь полегче, чтобы заработать пару напыщенных фраз в учебнике истории?

Макклор насутился, но Роббинса не прерывал.

— Я вынужден выложить то, что мне известно, — продолжил Вес. — Произойдет одно из двух. Или же Генеральный Секретарь вышвырнет вас к чертовой матери, или же он рискнет вернуть вас и быть готовым к тому, что Совету будет выражено недоверие. Так оно и будет. Марсианская Община с визгом и воплями ударится в паническое бегство, Венера последует за ней, а внешние колонии и присоединившиеся к нам ксенокультуры примкнут к ним. И в конце концов вы обнаружите, что большинство народов Земли требует, чтобы Северо-Американский Союз выдал виновную личность, чтобы избежать окончательного банкротства Федерации. Единственное, что вы должны сделать, — это толкнуть первую костяшку домино; остальные упадут сами собой... и вы будете погребены под ними. Вас не выберут даже ловцом бродячих собак и кошек. Но есть и более простой путь. Вы уходите в отставку... но мы не сообщаем об этом примерно в течение двух недель... Генри, как вы думаете, двух недель хватит?

— Должно хватить, — серьезно сказал мистер Кику.

— В течение этого времени вы и нос не высунете без разрешения Генри. Слова не скажете, пока я это слово не одобрю. Затем, на вершине славы,

после окончания Дела Хрошии, которое увенчает вашу карьеру, вы уйдете в отставку. Может быть, со временем появится возможность дать вам какую-нибудь должность попышнее... если только вы будете хорошим мальчиком. А, Генри?

Мистер Кику кивнул.

Макклюр перевел взгляд с бесстрастного лица Кику на Роббинса.

— Вы двое устроили заговор против меня. А как вы посмотрите на то, если я вас обоих пошлю к дьяволу?

— Поверьте мне, это ничего не изменит. После того как администрация рухнет, новый Генеральный Секретарь вернет Генри из отставки, на ваше место сядет надежный человек, и Генри начнет выкручиваться с хрошии. Будет потеряно три дня или того меньше. Отмыть вас добела почти невозможно, но мы хотим дать вам шанс. Так, Генри?

— Так будет лучше всего. Не будем выносить сор из избы. Грязное белье не стоит перетряхивать на людях.

Макклюр пожевал губами.

— Я должен все это обдумать.

— Отлично! Я подожду, пока вы с этим справитесь. Генри, почему бы вам не вернуться к работе? Держу пари, что эта чертова панель светится, как рождественская елка.

— Очень хорошо, — и мистер Кику покинул помещение.

Его панель в самом деле напоминала праздничный фейерверк, в котором выделялись три красных огонька и дюжина желтых. Он справился с самыми срочными вызовами, быстро разделался с остальными и принялся разгребать свою корзину, стремительно подписывая все, что ему попало.

Едва он задобрил выездную визу весьма выдающегося лектора, вошел Роббинс и бросил на стол бумагу.

— Его отставка. Надо сразу же показать ее Генеральному Секретарю.

Мистер Кику взял документ.

— Я это сделаю.

— Я не хотел, чтобы вы присутствовали при том, как я ему выкручивал руки. Без свидетелей легче говорить «Ой, дяденька!» Понимаете?

— Да.

— И не роняйте слез. С нас хватит. А теперь я отправлюсь писать речь, которую он произнесет перед Советом. Затем я постараюсь найти ребят, с которыми он говорил прошлой ночью, и, ради блага нашей старой милой планеты, к которой мы все так привыкли, убедить их в дальнейшем придерживаться правильной линии. Им это не понравится.

— Думаю.

— Но им придется с этим смириться. Нам, людям, надо держаться вместе, ведь нас так мало.

— Это я всегда чувствовал. Спасибо, Вес.

— Не стоит благодарности. Я не сказал ему одну вещь...

— А именно?

— Я не сказал ему, что мальчика зовут Джон Томас Стюарт. Я не уверен, что Марсианская Община проглотила бы, не разжевывая, этот факт. Кроме того, Совет мог поддержать Мака... и тогда у нас был бы шанс убедиться, держит ли свое слово хрошианская леди.

— Я тоже думал об этом. Не нашлось времени высказать сомнение.

— Это точно. Так много возможностей держать язык за зубами, что... Чему вы улыбаетесь?

— Я думаю, как хорошо, что хрошии не читают наших газет.

Г л а в а 14

«СУДЬБА? ЧУШЬ!»

Миссис Стюарт газеты читала. Гринберг выбился из сил, убеждая ее отправиться в Столицу вместе с сыном. Он не имел права объяснить ей, в чем дело. Но убедил ее встретиться с ним на следующее утро. И, в конце концов, он добился своего, миссис Стюарт согласилась поехать в Столицу на следующее утро.

Когда же он явился за ними, то выяснил, что он уже «персона нон гра-та». Миссис Стюарт была просто вне себя от ярости и сунула ему газету в лицо.

— Ну и что? Я просмотрел ее в отеле. Сушая ерунда.

— Это я и хотел сказать маме, — мрачно сказал Джон Стюарт, — но она меня не слушает.

— Вам бы лучше помолчать, Джон Томас. Ну, мистер Гринберг? Что вы теперь скажете?

Гринберг не мог подобрать нужных слов. Как только он увидел интервью Секретаря, сразу же попробовал созвониться с мистером Кику, но Милдред сказала, что босс и мистер Роббинс у Секретаря и их нельзя беспокоить. Он сказал ей, что позвонит позже, смутно догадываясь, что хлопот у него еще хватит.

— Миссис Стюарт, вы, конечно, знаете, что газетные сообщения бывают преувеличены. Не было и речи о заложниках, и, кроме того...

— Что вы мне рассказываете, когда здесь все сказано совершенно ясно! Это интервью, которое дал Секретарь по делам космоса. Кто знает лучше? Вы? Или Секретарь?

У Гринберга было свое мнение на этот счет, но он предпочел придерживаться его при себе.

— Прошу вас, миссис Стюарт. Газетные сообщения нельзя принимать на веру. Бывает, что они не имеют ничего общего с действительностью. Я просто прошу вас прибыть в Столицу для спокойного разговора с заместителем Секретаря.

— Ничего подобного! Если заместитель Секретаря хочет видеть меня, пусть он приезжает сюда.

— Мадам, если это будет необходимо, он непременно придет. Мистер Кику — джентльмен, придерживающийся старомодных воззрений, и он никогда бы не заставил леди ехать к нему, если бы это не было связано с общественными делами. Вы же знаете, что сейчас идет межпланетная конференция?

— Я взяла за правило, — чопорно ответила миссис Стюарт, — никогда не интересоваться политикой.

— Кое-кто из нас должен этим заниматься. — Гринберг вздохнул. — Из-за этой конференции мистер Кику не может прибыть сюда. Но мы надеемся, что вы пойдете ему навстречу.

— Мистер Гринберг, я дала свое согласие с большой неохотой. Теперь я выяснила, что вы обманывали меня. Почему я должна верить вам? Вы готовите какой-то фокус? Заговор, чтобы отдать моего сына этим чудовищам?

— Мадам, клянусь честью офицера Федерации и заверяю вас...

— Избавьте меня, мистер Гринберг. А теперь вы должны извинить меня...

— Миссис Стюарт, я прошу вас. Если вы только...

— Мистер Гринберг, не заставляйте меня проявлять невежливость по отношению к гостю. Мне нечего больше сказать.

Гринберг ушел. На пороге он оглянулся, надеясь увидеть мальчика, но Джон Томас исчез. Гринберг вернулся в отель. Он не собирался возвращаться в Столицу, не завершив свою миссию, но он понимал, что сейчас, пока миссис Стюарт не остыла, говорить с ней бесполезно.

В надежде избежать репортеров, он попросил водителя аэротакси опуститься на крышу отеля, но репортер с диктофоном уже ждал его там.

— Полминутки, господин Посланник. Мое имя Хови. Нельзя ли несколько слов относительно заявления мистера Макклюра?

— Комментариев не будет.

— Иными словами, вы согласны с ним?

— Комментариев не будет.

— Значит, не согласны?

— Комментариев не будет. Я спешу. — Это было правдой: он торопился позвонить и выяснить, во имя всех голубых Галактик, что же там в самом деле произошло.

— Простите, одну секунду. Вествилл — довольно отдаленное место, и я хотел бы узнать все из первых уст прежде, чем из центральной конторы придет тяжеловес, который меня просто задвинет в угол...

Гринберг задумался... как бы он ни относился к прессе, парень прав; Сергей знал, как это бывает, когда кто-то постарше отнимает у тебя из-под носа тему.

— О'кей. Но давайте побыстрее. Я и в самом деле спешу. — Он вынул сигареты. — Огонька не найдется?

— О, конечно! — Они закурили, и Хови продолжил: — Люди говорят, что эта бомба Секретаря — всего лишь дымовая завеса и что вы явились

сюда, чтобы заполучить мальчишку Стюарта и передать его этим типам хрошии. Как насчет этого?

— Комментариев не... Впрочем, сделаем так; точно прицитируйте меня. Никто из граждан Федерации не был и не будет выдан заложником кому бы то ни было.

— Это официальное заявление?

— Официальное, — твердо сказал Гринберг.

— Тогда что вы здесь делаете? Я понимаю, что вы хотите доставить Стюарта и его мать в Столицу. Но анклав Столицы не является легальной частью Северо-Американского Союза, не так ли? Если они окажутся там, наши местные национальные власти будут не в состоянии защитить их.

Гринберг гневно вздернул голову.

— Каждый гражданин Федерации находится у себя дома в анклав. Он обладает теми же правами, что и у себя на родине.

— Чего ради они нужны там?

Гринберг соврал легко и без запинки.

— Джон Томас Стюарт знает психологию хрошии лучше других людей. И поскольку мы имеем с ними дело, мы нуждаемся в его помощи.

— Вот это да! «Мальчик из Вествилла становится дипломатическим послом». Как вам такой заголовок?

— Звучит отлично, — одобрил Гринберг. — Ну, хватит с вас? Я спешу.

— Вполне, — согласился Хови. — Растяну на тысячу слов. Спасибо, господин Посланник. Увидимся позже.

Спустившись, Гринберг запер двери и направился к телефону, твердо решив дозвониться до Департамента, но его опередили. С экрана ожившего аппарата на него смотрел шериф Дрейзер.

— Господин Посланник Гринберг...

— Как поживаете, шериф?

— Неплохо, благодарю вас. Но, мистер Гринберг... мне только что позвонила миссис Стюарт.

— Да? — Гринберг ощутил острое желание съесть одну из пилюль своего шефа.

— Мистер Гринберг, мы всегда старались относиться к вам по-джентльменски.

— Неужели? — едко отпарировал Гринберг. — Неужели, когда вы пытались уничтожить хрошиа, не дожидаясь утверждения решения, это тоже было джентльменским отношением?

Дрейзер побагровел.

— Это было ошибкой. Но это не имеет ничего общего с тем, что я должен вам сказать.

— Например?

— Сын миссис Стюарт исчез. Она считает, что он должен находиться у вас.

— Вот как? Она ошибается. Я не знаю, где он.

— Это правда, господин Посланник?

— Шериф, я не привык, чтобы меня называли лжецом.

Но Дрейзера уже понесло.

— Извиняюсь. Но вот что я должен добавить. Миссис Стюарт не хочет, чтобы ее сын покидал город. И полиция дала ей стопроцентную гарантию в этом.

— И правильно сделала.

— Не сбивайте меня с толку, господин Посланник. Вы очень важное официальное лицо, но если вы выходите за рамки своих полномочий, вы становитесь обыкновенным гражданином. Я читал это сообщение в газете, и оно мне не нравится.

— Шериф, если вы считаете, что я делаю что-то недозволенное, прошу вас выполнять свои обязанности.

— Так я и буду действовать, сэр. Именно так.

Отключившись, Гринберг снова стал названивать, но потом задумался. Будь у босса новые инструкции, он обязательно выслал бы их... но Кику не терпел тех полевых агентов, которые, едва их просквозит неожиданным ветерком, начинают кричать «мама!». Он должен переубедить миссис Стюарт — или сидеть ему здесь до зимы.

Пока он предавался размышлениям, аппарат снова ожил; ответив, он обнаружил, что смотрит на Бетти Соренсен. Она улыбнулась и сказала:

— Это мисс Смит.

— М-м-м... как поживаете, мисс Смит?

— Хорошо, спасибо. Но к делу. У меня есть клиент, мистер Браун. Он спешно хочет отправиться в путешествие. И вот что он хочет знать: в том городе, куда он намеревается отправиться, у него есть друг, и если он решится на путешествие, сможет ли он увидеть своего друга?

Гринберг быстро обдумал ситуацию. Хрошии кишат вокруг Луммокса как мухи; отпустить к ним мальчика было бы опасно, и мистер Кику никогда бы не стал настаивать на этом.

Но ведь, если необходимо, полиция может окружить космопорт непронходимой «липучкой»! А хрошии отнюдь не сверхсущества.

— Сообщите мистеру Брауну, что он увидит своего друга.

— Благодарю вас. Скажите, может ли ваш пилот взять нас на борт?

Гринберг помедлил с ответом.

— Для мистера Брауна лучше отправиться в путешествие на коммерческой линии. Минутку. — Он нашел расписание полетов, которое висело в каждой комнате отеля. — Корабль отправляется примерно через час. Он успеет?

— О, да. Но... видите ли, вопрос упирается в деньги.

— Не позволите ли предоставить вам небольшой заем? Вам, а не мистеру Брауну.

Бетти расплылась в улыбке.

— Это было бы прекрасно!

— Не подскажите ли, как я могу вам его передать?

Бетти подсказала — в закусочной «Шоколадный бар», напротив Центральной школы. Через несколько минут Гринберг ждал ее там, потягивая кофе с молоком. Бетти влетела в кафе; он передал ей конверт, и она исчезла. Сергей оставался, пока не выпил кофе, а затем вернулся в отель.

Подождав пару часов, он позвонил миссис Стюарт.

— Я только что получил сообщение, что ваш сын самостоятельно отправился в Столицу. — Подождав, пока она успокоится, он добавил: — Миссис Стюарт, пока я еще в Вествилле, но собираюсь лететь в Столицу. Не хотите ли отправиться вместе со мной? Мой корабль быстрее, чем коммерческие линии.

Через полчаса они приземдились в Столице.

Первым с Джоном Томасом встретился мистер Кику. Достаточно старый, чтобы быть его дедушкой, он встретил Джона Томаса как равного и, поблагодарив за приезд, предложил закусить и освежиться. Затем он сжато рассказал ему, в чем дело: Луммокс отказывается возвращаться домой без Джона Томаса.

— А для хрошии исключительно важно, чтобы Луммокс оказался дома. Важно это и для нас — но по другим причинам.

— Вы хотите сказать, — прямо спросил Джон Томас, — что, если я не соглашусь, они угрожают нам войной? Так сказано в газете.

Какое-то мгновение мистер Кику помедлил.

— Они могут пойти на это. Но я хотел посоветоваться с вами не только поэтому. Я сомневаюсь, что они решатся на что-то, если ваш друг Луммокс будет против этого. А Луммокс, конечно же, возмутится, если что-то будет угрожать вам смертью, например, нападение на нашу планету.

— В этом-то я уверен. Но чего ради они будут слушать его? Он что — королевская персона или что-то в этом роде?

— Возможно, именно так, хотя мы пока не разобрались в их обычаях. Но, во всяком случае, желания Луммокса очень важны для них.

Джон Томас в изумлении покачал головой.

— Во всяком случае, я не прошу вас спасти нас от возможного военного столкновения. Я прошу вас лишь об одной услуге, которая принесет только пользу, а не вред: мы хотим установить с ними дружественные отношения. И я пригласил вас сюда, чтобы услышать ваши намерения. Если бы я считал возможным, чтобы вы отправились с Луммоксом на эту планету — они называют ее Хрошииуд, — что бы вы сказали? Хорошенько подумайте, не торопитесь с ответом.

— Мне не надо обдумывать. Я поеду.

— Не торопитесь.

— Я не тороплюсь. Я необходим Лумми. С чужими он никогда не будет счастлив. Кроме того, он мне тоже нужен. Вы же не думаете, что я его брошу?

— Нет, не думаю. Но это серьезное решение. Вам придется отправиться примерно за тысячу световых лет от дома.

Джон Томас пожал плечами.

— Там был мой прапрадедушка. Почему я не могу?

— М-м-м... да. Я запомнил, чей вы потомок. Не хотите ли поинтересоваться, кто еще из людей отправится вместе с вами? Или вам все равно?

— Что? — Джон Томас задумался. — Это решится само собой. Такие детали — не мое дело.

— Мы тщательно проработали их, — ответил мистер Кику. Он встал. — Спасибо, что пришли.

— Не стоит благодарности, сэр. И... когда я смогу увидеть Луммокса?

Мистер Кику задумчиво закусил губу.

— Не сразу, первым делом кое-что еще надо отрегулировать. Пока у вас есть время, повеселитесь. Я выделил специального человека, который будет сопровождать вас и оплачивать ваши расходы. Кроме того, он будет вашим телохранителем.

— Телохранителем? Чего ради? Я уже вырос.

— Без сомнения. Но, кроме всего прочего, мне бы не хотелось, чтобы вас доносили репортеры. Понимаете? Конечно, я могу вас только просить об этом.

— О да, мистер Кику... если это нужно.

— Нужно.

Джона Томаса мистер Кику принимал в своем кабинете; миссис Стюарт — в роскошно убранном помещении рядом с конференц-залом, обстановка которого была тщательно продумана психологом с целью произвести впечатление на посетителей. Мистер Кику понимал, что ему предстоит нелегкая встреча.

Он вежливо предложил ей чай, придерживаясь в начале разговора общих мест.

— Очень любезно с вашей стороны, мадам, что вы откликнулись на мое приглашение. Сахар? Лимон?

— Благодарю вас, не надо. Мистер Кику, первым делом я хочу внести ясность...

— Попробуйте эти маленькие пирожные. Удобно ли устроил вас мистер Гринберг?

— Что? Ах, да, прекрасный номер, с великолепным видом на Небесный Сад. Но, мистер Кику...

— Прошу прощения, что вынудил вас явиться ко мне. Но я узник своих обязанностей. Понимаете, в каком я положении? — Он беспомощно вскинул руки. — Я никак не могу покинуть Столицу.

— Да, я это понимаю, но...

— Я ценю вашу отзывчивость. Вы можете оставаться здесь в качестве нашего официального гостя сколько вам заблагорассудится. В Столице есть что посмотреть, даже если вы бывали в ней не раз... в чем я не сомневаюсь. Уверен, что магазины доставили вам много радости.

— Ну, строго говоря, раньше я здесь не бывала. Что касается магазинов, то некоторые из них в самом деле выглядят интригующе.

— Так пусть они доставят вам удовольствие, моя дорогая леди. Нет никакого смысла из-за дел лишать себя радости. Что же касается дела, я беседовал с вашим сыном.

— Мистер Кикү...

— Прошу прощения. Я буду краток. Мы готовим на планету хороши обширную миссию с культурными и научными целями. Я хочу включить в ее состав вашего сына как специального посла. Он согласен. — Мистер Кикү помедлил, ожидая взрыва.

— Это невозможно! Это даже не подлежит обсуждению.

— Почему, миссис Стюарт?

— Мистер Кикү, неужели вы настолько бесчеловечное существо? Я знаю, что вы имеете в виду... вы намереваетесь отдать моего сына, моего единственного сына в качестве заложника этим чудовищам. Невероятно!

Мистер Кикү покачал головой.

— Мадам, вас, скорее всего, ввели в заблуждение эти дикие газетные статьи. Но видели ли вы последнюю? Речь Секретаря в Совете?

— Нет, но...

— Я подготовлю для вас экземпляр. Там объяснено, как это глупое недоразумение проникло в печать. И там же подчеркнуто, что Федерация придерживается своей древней и неизменной политики «Все За Одно-го...» — если даже необходимо встать против всей Галактики. В данном случае ваш сын и есть этот «Один»; за ним стоит много планет. Но главное в том, что ваш сын будет участником мирной миссии, направляющейся к дружественной расе. Он поможет строить мост культуры между двумя цивилизованными, но очень разными расами.

— Хм-м-м! В газетах сказано, что эти хороши потребовали от вас, чтобы вы немедленно доставили им моего сына. Объясните мне это, если сможете!

— Тут виноваты трудности перевода. Да, они говорили конкретно о вашем сыне, называя его по имени, но выражая желание видеть его от имени того, кто в течение долгих лет жил у вас, — Луммокса. Потому что Луммокс глубоко привязан к вашему сыну. Эта дружба между двумя существами, столь разными по форме, по образу мышления, по конструкции — одна из самых величайших удач, которые только выпадали на долю нашей расы, с тех пор как выяснилось, что мы не единственные избранные Все-вышнего. Это стечение обстоятельств позволит нам одним махом перекинуть мост через пропасть взаимного непонимания, преодоление которой обычно связано с годами заблуждений и трагических ошибок. — Он помолчал и добавил: — Я не могу не думать о вашем сыне как о подарке судьбы.

Миссис Стюарт фыркнула.

— Судьбы? Чуть!

— Вы в этом уверены, мадам?

— В этом-то я могу быть уверена: мой сын никуда не отправится. На следующей неделе он проследует в свой колледж.

— Вас беспокоят проблемы его образования, мадам?

— Что? Да, конечно. Я хотела бы, чтобы он получил хорошее образование. Его отец специально для этого оставил средства — и я выполню его волю.

— Я могу успокоить вас. Вместе с посольством мы высылаем миссию по вопросам культуры, экономики и торговли, научную миссию и много других специалистов самого высокого класса. Ни один колледж не может собрать у себя такое созвездие талантов. Это трудно даже для больших институтов. Ваш сын будет проходить обучение, и не от случая к случаю, а систематически. Если он получит ученую степень, она будет утверждена... м-м-м, ну, скажем, в Институте Внешних Наук.

Он улыбнулся.

— Это вас устроит?

— Господи, в жизни не слышала такого глупого предложения. Кроме того, институт — это не колледж.

— Степени он присуждать может. Но это не самое важное, мадам. Суть дела в том, что ваш сын получит высшее образование, не имеющее себе равных. Я знаю, что он хочет изучать ксенологию. Не только у его учителей будут для этого прекрасные возможности, но и он, в сущности, будет жить в подлинной ксенологической лаборатории и принимать участие в исследованиях. Мы так мало знаем о хрошии; ваш сын будет работать на передних рубежах науки.

— Он не будет изучать ксенологию.

— Вот как? А он говорил мистеру Гринбергу, что хотел бы...

— Да, у него есть эти глупые идеи, но я не намерена поддерживать их. Он будет изучать какую-нибудь настоящую профессию — юриспруденцию, например.

Брови мистера Киду поплыли вверх.

— Прошу вас, миссис Стюарт, — мягко сказал он. — Я сам юрист. И он может оказаться на моем месте.

Миссис Стюарт подозрительно взглянула на Киду. Он продолжал:

— Не можете ли вы сказать мне, почему вы собираетесь помешать ему?

— Но я не... Я не вижу причин, почему я должна. Мистер Киду, эта дискуссия не имеет смысла.

— Думаю, вы ошибаетесь, мадам. Могу ли я рассказать вам одну историю. — Получив согласие, мистер Киду продолжил: — Эти хрошии совершенно непохожи на нас. То, что привычно для нас, вызывает у них удивление и так далее. Единственное, что нас сближает, — это то, что обе расы разумны. Их недружелюбие по отношению к нам настолько непреодолимо, что я бы впал в отчаяние, если бы не одна вещь. Вы не догадываетесь, какая?

— Откуда? Я не могу себе представить.

— Ваш сын и Луммокс. Их отношения доказывают, что мы можем многого добиться, если очень постараться. Но я отвлекся. Много лет назад, больше сотни, молодая хрошиа, встретив приятного незнакомца, последовала за ним. Вы знаете нашу половину истории. Разрешите, я поведаю вам ее продолжение, я услышал его с помощью переводчика и наших ксенологов. Маленькая хрошиа была очень важна для своих соплеменников; они сбились с ног в ее поисках. У них для продолжения рода необходимо сплетение шести различных генетических разновидностей... словом, в этих тонкостях надо долго разбираться.

Своя роль была у маленькой хрошиа, роль, предназначенная ей две тысячи лет назад, во времена Иисуса Христа. Ее участие было необходимым звеном в огромном мероприятии для расы, которая должна развиваться. Развитие ее длилось, должен сказать, тридцать восемь тысяч лет, наших лет. Можете ли вы представить себе это, миссис Стюарт? Мне лично трудно. План этот реализовывался в те времена, когда кроманьонец спорил с неандертальцем за нашу планету... но, может быть, мое беспокойство объясняется тем, что мы самая недолговечная раса из тех, что встретились нам в космосе.

Что бы сделали мы, если бы наш ребенок пропал и о нем ничего не было бы слышно более ста лет? Не стоит даже говорить об этом; но наши возможные действия не имеют ничего общего с поведением хрошии. Ее благополучие не очень беспокоило их; они не думали о ней, как о мертвой... они считали, что она находится в другом месте, — и все. Так просто они не умирают. Даже голодая, они не умирают. Может быть, вы слышали о плоских червях? Об эйпланариях?

— Я никогда не проявляла интереса к ксенобиологии, мистер Кику.

— Мне было свойственно то же заблуждение, мадам. Я всегда спрашивал: «А что это за планета?» Эйпланарии — наши родственники; на Земле гораздо больше плоских червей, чем людей. Но их характеризует нечто общее с хрошии: и те и другие особи растут, когда их кормят, и усыхают в период голодовки... что делает их практически бессмертными, если исключить несчастные случаи. Я все время удивлялся, почему Луммокс значительно больше остальных хрошии. Тайны здесь нет... вы кормили Луммокса слишком хорошо.

— Сколько раз я говорила об этом Джону Томасу!

— Ничего страшного не произошло. Они уже пытаются вернуть ее к нормальным размерам. И похоже, хрошии не гnevаются на нас за кражу, или похищение, или умыкание их младенца. Они знали, что ее порода характеризуется живостью и любовью к приключениям. Но она нужна им, и они искали ее год за годом, исходя из того, что она могла исчезнуть лишь с помощью определенной группы визитеров из космоса; они знали, как те выглядят, но не знали, из какой части космоса они явились.

Такая неопределенность могла бы обескуражить нас... но только не их. Я лишь смутно представляю себе, как в течение ста лет они просеивали слухи, задавали вопросы, исследуя одну странную планету за другой, —

для них это время прошло, как для нас несколько месяцев. Наконец они нашли ее. Они не проявили в наш адрес ни гнева, ни благодарности; они просто не брали нас в расчет.

Это может быть нашим единственным контактом с благородными хрошии, если мы не используем представившуюся нам возможность для развития отношений. Хрошиа, ныне выросшая до столь внушительных размеров, но продолжающая оставаться ребенком, отказывается покидать Землю без своего друга, своего чудовища — с их точки зрения. Они находятся в ужасном положении, но они не могут ее заставить. И я прошу вас представить, какое горькое разочарование они испытывают в настоящий момент... все готово для продолжения рода, запланированного в те времена, когда Цезарь завоевывал Галлию, все остальные генетические разновидности, полные сил, готовы к исполнению своих функций, а Луммокс отказывается возвращаться домой. Она не проявляет никакого интереса к своему предназначению... учтите, она еще очень молода: наши собственные дети в таком возрасте так же далеки от понятия социальной ответственности. Во всяком случае, она не двинется с места без Джона Томаса Стюарта. — Мистер Киду простер руки. — Понимаете ли вы сложность положения, в котором они находятся?

Миссис Стюарт поджала губы.

— Простите, но меня это не касается.

— Понимаю. В таком случае, самое простое, что мы можем сделать, это вернуть Луммокса домой... к вам домой, я имею в виду... и...

— Что? О, нет!

— Мадам?

— Вы не имеете права возвращать это животное! Я не позволю.

Мистер Киду потер подбородок.

— Я не понимаю вас, мадам. У Луммокса есть дом; он был им задолго до того, как стал вашим. Луммокс, как я прикидываю, прожил в нем в пять раз дольше вас. И если мне не изменяет память, он принадлежит не вам, а вашему сыну. Не так ли?

— Я не хочу иметь с ним ничего общего! Вы не имеете права навязывать мне это животное!

— Суд может решить, что за него отвечает ваш сын. Но к чему так все усложнять? Я все время пытаюсь понять, почему вы столь явно противитесь благополучию вашего сына!

Миссис Стюарт сидела молча, с трудом переводя дыхание, и мистер Киду не прерывал ее молчания. Наконец она сказала:

— Мистер Киду, я потеряла в космосе мужа, и я не позволю сыну идти по тому же пути. Я настаиваю на том, чтобы он оставался и жил на Земле.

Мистер Киду печально покачал головой.

— Миссис Стюарт, сыновей мы теряем, едва только они появляются на свет.

Вынув платок, миссис Стюарт приложила его к глазам.

— Я не могу позволить ему уйти в космос... он всего лишь маленький мальчик!

— Он мужчина, миссис Стюарт. На поле битвы умирали те, кто был моложе его.

— Неужели, по вашему мнению, это единственный удел мужчины?

— Я не знаю лучшей доли. Я зову моих помощников «мальчиками», — продолжал он, — потому что я стар. Вы считаете своего сына мальчиком, потому что вы относительно немолоды. Простите меня. Но считать, что мальчик становится мужчиной после определенного дня рождения, — это заблуждение. Ваш сын — мужчина, и у вас нет морального права относиться к нему, как к ребенку.

— Вы говорите ужасные вещи! Это неправда: я всего лишь стараюсь помочь ему и уберечь от неверных шагов.

Мистер Кику печально усмехнулся.

— Мадам, самое распространенное заблуждение, свойственное нашей расе, — это способность рационально объяснять своекорыстные интересы. Я повторяю, у вас нет права ломать его характер.

— У меня больше прав, чем у вас! Я его мать.

— Неужели «родитель» означает то же, что и «владелец»? В любом случае мы на разных полюсах: вы стараетесь подавить его, я же стараюсь помочь ему делать то, что он хочет.

— Исходя из самых низменных мотивов!

— Ни ваши, ни мои не являются таковыми. — Кику встал. — Если вам нечего больше сказать, дальнейший разговор представляется мне бесплодным. Приношу свои извинения.

— Я не пушу его! Он еще маленький... у меня есть право!

— Ограниченное право, мадам. Он может разойтись с вами.

Миссис Стюарт вздрогнула.

— Он не посмеет! Со своей родной матерью!

— Отчего же? Наш суд по вопросам детства давно пришел к выводу о необходимости арбитражного рассмотрения в тех случаях, когда авторитет родителей превращается в давящее препятствие, мешающее человеку выбирать свой собственный путь; и обычно эти дела решаются однозначно. Миссис Стюарт, думаю, лучше всего принять все случившееся с искренней благодарностью. Не препятствуйте ему, иначе вы потеряете его окончательно. Он улетит.

Глава 15

НЕДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Мистер Кику вернулся в свой кабинет, когда его желудок начали сжимать голодные спазмы, но он не позволил себе терять время на таблетки. Вместо этого он наклонился над панелью.

— Сергей! Немедленно ко мне!

Войдя, Гринберг положил на стол две кассеты пленки.

— С удовольствием избавляюсь. Фу!

— Сотри их, пожалуйста. А также забудь, что когда-нибудь слушал их.

— Буду счастлив. — Гринберг кинул кассеты с пленками в открывшуюся полость. — Неужели вы не могли дать ему что-нибудь успокаивающее?

— К сожалению, нет.

— Вес Роббинс был ужасно груб с ним. Я чувствовал себя подглядывающим в замочную скважину. Чего ради вы пожелали, чтобы я там присутствовал и все слышал? Я не хочу иметь с этим дела. Или я обязан?

— Нет. Но тебе полезно знать, как это делается.

— М-м-м... Босс... хотели ли вы остаться, когда он выгонял вас?

— Не задавай глупых вопросов.

— Простите. А как вы завершили другое нелегкое дело?

— Она его не пускает.

— Вот как?

— Но он улетит.

— Она будет сходить с ума.

— Она сама этого хотела. — Мистер Кику снова наклонился над панелью. — Все?

— Мистер Роббинс на похоронах венерианского министра иностранных дел, — ответил женский голос, — вместе с Секретарем.

— Ах, да. Попросите его связаться со мной, когда он вернется.

— Да, мистер Кику.

— Спасибо, Шицуки. — Заместитель Секретаря повернулся к Гринбергу. — Сергей, твой ранг, когда вы приступили к этому делу, был дипломатический офицер первого класса?

— Был.

— Совершенно верно. Теперь ты будешь действовать в роли старшего дипломатического офицера. Но я не буду оповещать об этом три месяца, чтобы никто не совал сюда нос.

— Прекрасно. Но чем я заслужил? Тем, что регулярно чищу зубы? Или кому-то нравится, что мой атташе-кейс всегда отполирован?

— Ты отправишься на Хрошиинуд как представитель и глава миссии. Мистер Макклор будет послом, но я сомневаюсь, что он сможет выучить язык... Это потребует от тебя дополнительных усилий по исполнению и его обязанностей. Поэтому ты должен освоить их язык хотя бы в рабочих пределах. Понимаешь меня?

Гринберг прикинул, что его ждет: Макклор будет говорить с хрошии через него, что сделает Макклора полностью зависимым и заставит его ходить по струнке.

— Да, — задумчиво ответил он, — но как насчет доктора Фтаемла? Посол будет использовать его как переводчика куда чаще, чем меня.

Мысленно Сергей добавил: «Не делайте этого; если рядом будет Фтаемл, Макклор обойдется без меня... и я останусь на бобах в девятистах световых лет от Земли, без всякой помощи».

— Ты уж прости меня, — ответил Кику, — но я не могу уступить тебе Фтаемла. Я предпочту видеть его здесь как переводчика при миссии хрошии, которую они оставляют здесь. Он согласен.

— Если мне придется иметь дело с хрошии, — нахмурился Гринберг, — я буду с грустью вспоминать его ум. Но когда они успели обо всем договориться? Или я что-то проспал? Или когда я был в Вествилле?

— Они еще не договорились. Но договорятся.

— Я преклоняюсь перед вашей уверенностью, босс. Пока вы вели бои с миссис Стюарт, Фтаемл рассказал, что хрошии продолжают настаивать на прибытии мальчишки Стюарта. Теперь, когда вы знаете, что с ним все в порядке, может быть, стоит их успокоить? Фтаемл уже нервничает. Он говорит, что единственная вещь, которая удерживает их от того, чтобы задать нам жару, это опасение разгневать нашего старого друга Луммокса.

— Нет, — сказал Кику, — мы ничего не будем им говорить. И Фтаемлу тоже. Я хочу, чтобы он сам все понял.

Гринберг принялся грызть костяшки пальцев.

— Босс, — медленно сказал он, — не напрашиваемся ли мы на неприятности? Или вы считаете, что у них нет подавляющего преимущества над нами? И если нам придется померяться силами с ними, может, мы выиграем?

— Я серьезно сомневаюсь в этом. Но Стюарт — моя козырная карта.

— Так я и думал. Я далек от мысли подсказывать вам, как и что надо делать... но если риск так велик, не вправе ли люди знать, что их ждет?

— Вправе. Но мы ничего не скажем.

— Как и раньше?

Мистер Кику нахмурился.

— Сергей, — медленно сказал он, — это общество было знакомо с кризисами задолго до того, как первая ракета достигла Луны. В течение трех столетий ученые, инженеры и исследователи раз за разом осваивали новые рубежи, сталкивались с новыми опасностями. И каждый раз политики лезли из кожи вон, чтобы собрать все воедино, напоминая жонглера, запустившего в воздух слишком много предметов и ловящего их. Все это неизбежно.

Но мы избрали республиканскую форму правления, стараемся придерживаться демократических обычаев. Мы можем гордиться этими обычаями. Но настоящей демократии у нас нет и быть не может. И я считаю, наша обязанность — служить обществу, когда оно сталкивается со страшными и пугающими мирами. Было бы куда приятнее подвергать каждую проблему широкому обсуждению, выносить ее на голосование, а если коллективное решение оказывается ошибочным, повторять все снова. Мы редко можем позволить себе такую роскошь. Сплошь и рядом мы как пилот, который действует в минуты смертельной опасности. Его ли дело затевать дискуссии с пассажирами? Обязанность пилота в том, чтобы, используя свои знания и опыт, доставить их в безопасности на землю.

— Говорите вы весьма убедительно, босс. Боюсь, что вы правы.
— Боюсь, что так, — сказал мистер Кику. — Я приказал приготовить на завтра конференц-зал для встречи с хрошии.
— О'кей. Я скажу Фтаемлу. Пусть за ночь они успокоятся.
— Так как они все равно взбудоражены, мы еще потянем время до завтрашнего дня и доведем их до точки кипения. — Мистер Кику задумался. — И пусть Фтаемл скажет им вот что. Наши обычаи требуют, чтобы сторона, желающая вступить в переговоры, предварительно высылала подарки: то есть, они должны нас одарить. Скажи им, что богатство подарков будет говорить о серьезности, с которой сторона относится к предмету разговора; неказистые подарки вызовут предубеждение к их предложениям.

Гринберг нахмурился.

— Вы задумали какую-то хитрую штуку, но я пока ничего не понимаю. Фтаемл знает, что наши обычаи не требуют этого.

— Так постарайся убедить его, что он просто не знаком с этим обычаем. Или уговори Фтаемла, что так надо. Я вижу, что его мучает: он должен хранить верность своим хозяевам, но его симпатии принадлежат нам.

— Лучше я его не буду дурачить. Заставлять раггиллианина врать, когда он находится при исполнении служебных обязанностей... сомневаюсь, что он сможет это сделать.

— Тогда сформулируй наше требование так, чтобы оно не было ложью. Скажи ему, что это очень старый обычай... что является правдой... и что мы прибегаем к нему только в исключительно важных случаях... как, например, сейчас. Пусть он видит, что ты откровенен и к чему ты стремишься.

— Это можно. Но чего ради, босс? Только, чтобы выиграть дело?

— Совершенно верно. Мы вступаем в переговоры с позиции слабости, начинаем игру со второй руки. И я надеюсь, что проситель, приносящий подарки, — это универсальный символ для Вселенной и даст нам определенное преимущество.

— А вдруг они не примут наше предложение?

— Тогда будем сидеть до последнего, пока они не согласятся. Начиная собирать свою команду, — добавил мистер Кику. — Завтра покажешь мне список.

Гринберг тяжело вздохнул.

— А я еще хотел сегодня пораньше лечь спать.

— При нашей профессии на это трудно рассчитывать. Да, и еще... Как только закончится наша конференция, пошлите знающего человека... Возможно, Питерса... на их корабль, чтобы посмотреть, какие переделки нужно сделать для размещения пассажиров-землян. Затем мы сообщим об этом хрошии.

— Минутку, босс. Я предпочел бы наш корабль.

— Наши корабли последуют за ними, но хрошиа Луммокс полетит с остальными хрошии, а молодой Стюарт будет вместе с Луммоксом.

Поэтому ваша миссия разместится тоже на их корабле, мальчика должны сопровождать земляне.

— Да, понимаю.

— Тогда за дело, мой друг.

Глава 16

КОНФЕРЕНЦИЯ

Первый этаж здания Управления Межпланетных Дел был выбран для конференции потому, что двери в его комнатах и залах были достаточно высоки, а полы — достаточно прочны. Безопаснее, конечно, было бы провести конференцию в космопорте, как и предполагал доктор Фтаемл, но мистер Кику настаивал, чтобы хрошии явились к нему и чтобы соблюдены были все формальности дипломатических церемоний. Исходя из требований протокола, мистер Кику и настоял на встрече в конференц-зале, что был у него под боком.

Первыми были доставлены подарки.

Они громоздились по обе стороны огромного зала, впечатляя своим количеством, хотя их ценность и предназначение пока оставались неизвестными; ксенологи Департамента вели себя как дети, рвущиеся к сверткам под новогодней елкой, но мистер Кику приказал им держаться в стороне, пока не окончится конференция.

Сергей Гринберг присоединился к мистеру Кику в комнате для отдыха. Он был встревожен.

— Не нравится мне все это, босс.

Мистер Кику взглянул на Гринберга.

— Почему?

Гринберг посмотрел на остальных присутствующих — Макклюра и двойника Генерального Секретаря. Двойник, неплохой актер, кивнул и вернулся к изучению речи, с которой ему предстояло выступать, а Макклюр раздраженно сказал:

— В чем дело, Гринберг? Эти черти что-то замышляют?

— Надеюсь, что нет, — Гринберг обращался к Кику. — Я все осмотрел с воздуха. Выглядит неплохо. На Бульваре Солнца, отсюда и до порта, стоят баррикады, а за ними столько спецсил, что хватит для небольшой войны. Колонна хрошии только что двинулась из космопорта, и я пролетел над ней. Каждые четверть мили стоят их силы, и в каждом узловом пункте они оставляют какие-то приспособления. Возможно, это всего лишь устроительная связь, но я что-то сомневаюсь. Думаю, это оружие.

— Я тоже, — согласился мистер Кику.

Секретарь разволновался.

— Но, послушайте, мистер Кику...

— Прошу прощения, мистер Макклюр. Сергей, Начальник Штаба уже сообщал мне об этом. Я сказал Генеральному Секретарю, что, по моему

мнению, мы не должны ничего предпринимать, пока они не попробуют пересечь линию наших заграждений.

— Мы потеряем уйму людей.

— Может быть. Но что бы сделал ты, Сергей, будучи приглашенным во вражеский лагерь на переговоры? Полностью доверился бы врагам? Или бы попытался как-то прикрыть свой отход?

— М-м-м... да.

— Я рассматриваю сложившуюся ситуацию, как наиболее благоприятную для нас из всех, что были раньше. Если они ташат за собой оружие, на что я надеюсь, это значит, что они относятся к нам достаточно серьезно. Никто не будет стрелять из пушек по воробьям. — Он огляделся. — Не пора ли нам идти? Думаю, мы достаточно их потравили. Вы готовы, Артур?

— Конечно, — двойник Генерального Секретаря отбросил в сторону исписанные листки. — Этот парень Роббинс знает свое дело. Ни одно из предложений не перегружено согласными, а первые пять строк я выплесну прямо фонтаном!

— Отлично. — Они двинулись: актер первым, за ним Секретарь, а за ним — Постоянный Заместитель Секретаря в сопровождении своих помощников.

Из всей длинной процессии хрошии, которая покинула космопорт, в зал вошла только дюжина из них, но даже и сейчас зал оказался заполненным. Мистер Кику с интересом посмотрел на них: ведь он в первый раз оказался лицом к лицу с хрошии. Он удостоверился, что этим существам отнюдь не свойственно выражение дурашливого кукольного добродушия, которое было у Луммокса, хотя парламентарии были меньше Луммокса. Прямо перед платформой стоял один из них, сопровождаемый по бокам двумя спутниками, и все они смотрели в упор на Кику. Взгляд этот был холодный и оценивающий. Мистер Кику ощутил определенное неудобство — ему захотелось опустить глаза. Вместо этого он выпрямился и припомнил, что, по мнению его психотерапевта, взгляд он умеет выдерживать не хуже хрошии.

Гринберг тронул его за локоть.

— Они и сюда притащили оружие, — шепнул он. — Вон там, видите? Сзади?

— Мы не должны показывать, что нам это известно, — спокойно ответил мистер Кику. — Будем считать, что это их аппаратура для трансляции конференции.

Доктор Фтаемл стоял рядом с передним хрошии, и заместитель Секретаря сказал ему:

— Сообщите, что здесь присутствует Генеральный Секретарь. Представьте его как главу семнадцати могущественных планет.

Раргиллианин помедлил.

— А как быть с Президентом вашего Совета?

— В таких случаях обоих представляет Генеральный Секретарь.

— Очень хорошо, мой друг.

Раргиллианин заговорил на высоких тонах, которые напомнили Кику писк игрушечной куклы. Хрошии кратко ответил ему в том же тоне, и внезапно Кику перестал чувствовать напряжение, которое охватило его при виде этих существ. Невозможно испытывать почтение и преклонение по отношению к существу, которое питает, как брошенная кукла. Но он заставил себя вспомнить, что смертельно опасный приказ может быть отдан на любом языке.

Фтаемл обратился к нему.

— Рядом со мной... — Фтаемл издал короткий визг на странном языке, — тот, кто является командиром корабля и главой экспедиции. Она... нет, пожалуй, «он» будет лучше... он — потомственный маршал и... — Раргиллианин остановился и обеспокоенно дернулся. — В вашем языке нет обозначения соответствующего ранга. Я бы предпочел сказать «владелец дворца».

Гринберг внезапно вмешался.

— А как насчет слова «босс», док?

— Прекрасное предложение! Да, он — Босс. Ее... его положение в обществе, может быть, и не столь высоко, но его авторитет практически не имеет пределов.

— Достаточен ли его чин для того, чтобы вести переговоры и заключить договор? — спросил Кику.

— О, вне всякого сомнения!

— Тогда приступим. — Мистер Кику повернулся к актеру и кивнул. Затем, наклонившись к панели, стоящей перед ним, включил систему аварийной связи и спросил: — Все в порядке?

— Да, сэр, — раздался тихий голос в его ушной раковине. — Один раз картина пропала, но сейчас все в порядке.

— Видят ли нас Генеральный Секретарь и Начальник Штаба?

— Думаю, что да, сэр. Их кабинеты на связи.

— Отлично.

Мистер Кику стал слушать речь Генерального Секретаря. Она была многословна, но преисполнена большого достоинства. Актер говорил так, чтобы Фтаемл успевал переводить. Генеральный Секретарь приветствовал прибытие хрошии на Землю, заверил их, что все люди Земли испытывают большую радость, что наконец найден их потерянный ребенок, и добавил, что этот счастливый случай должен стать для хрошии поводом занять подобающее место в Обществе Цивилизаций.

Затем двойник Генерального Секретаря сел на место и, поскольку никаких практических действий от него больше не требовалось, сразу же отключился, оставшись горделиво сидеть с открытыми глазами. В такой позе римского императора он мог сидеть часами, не обращая внимания ни на какое зрелище или церемонию, в которых был вынужден участвовать.

Столь же краток был и Макклюр. Он повторил слова Генерального Секретаря, добавив, что теперь Федерация готова обсудить все дело-

вые вопросы взаимоотношений между Федерацией и благородными хрошии. .

Гринберг наклонился к Кику и шепнул:

— Хлопать надо, босс?

— Заткнись, — дружелюбно сказал ему мистер Кику и обратился к раргиллианину: — Доктор Фтаемл, собирается ли командир судна и экспедиции выступить с ответным словом?

— Думаю, что нет. — Фтаемл переговорил с главой хрошии и снова вернулся к мистеру Кику: — Его слова представляют собой не столько формальный ответ, сколько достаточно весомый комментарий к двум прослушанным речам. Он говорит, что хрошии не нуждаются в других... м-м-м... низших расах и говорит, что не собирается заниматься ничем другим, кроме того, что уже было обговорено.

— Если они в самом деле не испытывают нужды ни в ком, спросите его, чего ради они явились к нам и почему предлагают нам подарки?

— Но вы сами настаивали на них, мой друг! — изумился Фтаемл.

— Благодарю вас, доктор, но в данный момент я не нуждаюсь в ваших комментариях. Потребуйте от него ответа. И, пожалуйста, не подсказывайте ему.

— Попытаюсь. — Фтаемл обменялся несколькими визгливими звуками с командиром хрошии. — Прошу прощения. Он говорит, что они приняли ваше детское требование как простейший способ достичь своей цели. А сейчас он хотел бы поговорить о выдаче им Джона Томаса Стюарта.

— Скажите им, пожалуйста, что в данный момент этот вопрос не подлежит обсуждению. Повестка дня предполагает, что первым делом мы должны обсудить установление дипломатических отношений.

— Простите, сэр. Понятие «дипломатические отношения» довольно трудно для перевода. Я работал над его осмыслением и толкованием несколько дней.

— Тогда скажите ему, что в настоящий момент он видит перед собой образец дипломатических отношений. Свободные существа, беседующие как равные, с мирными намерениями, для общей выгоды.

Раргиллианин сделал вид, что вздохнул.

— Каждое из этих понятий достаточно сложно для перевода. Но я попытаюсь. — Наконец он перевел: — Потомственный маршал говорит, что если все, что мы делаем, является дипломатическими отношениями, то они у вас есть. Где мальчишка Стюарт?

— Не так быстро. Повестка дня должна быть исчерпана пункт за пунктом. Они должны допустить к себе наше посольство и миссию, ставящую перед собой цели торговли, культурного и научного обмена. Аналогичные посольство и миссия должны остаться у нас. Должно быть запланировано регулярное сообщение между двумя нашими суверенными образованиями. И прежде чем все эти вопросы не будут отрегулированы, не будет никакого разговора о Стюарте.

— Я еще раз попытаюсь. — Фтаемл долго втолковывал что-то «боссу» хрошии; ответ последнего был краток. — Он сказал, чтобы я передал вам следующее: все эти предложения отвергаются как несущественные для цели встречи. Где мальчишка Стюарт?

— В таком случае, — тихо сказал мистер Кику, — скажите им, что с варварами мы дела не имеем. Скажите им, чтобы они забирали свое барахло, — и чтобы перевод был совершенно точным! — которым они замусорили наш дом, и немедленно покинули Землю. Они могут забирать с собой свою драгоценную хрошиа, пусть даже силой, если они хотят когда-нибудь увидеть ее, — потому что им никогда больше не будет разрешена посадка на Землю.

Фтаемл выглядел так, словно с трудом сдерживал слезы.

— Прошу вас! Я умоляю вас не настраивать их против себя. Я буду изгнан из корпорации... я нарушаю свои профессиональные обязанности... но должен сообщить вам, что они в состоянии сразу же разрушить город, даже не прибегая к ресурсам своего судна.

— Передайте то, что я сказал. Конференция окончена. — Мистер Кику встал, непреклонным взглядом поднял с места всех остальных и-во главе их направился в комнату за конференц-залом.

Двойник Генерального Секретаря вышел вперед. Макклюр придержал мистера Кику за руку.

— Генри, вы блестяще провели встречу, благодарю. Но не увлеклись ли вы? Ведь они — дикие животные. Это может...

— Мистер Макклюр, — мягко прервал его мистер Кику, — как сказал один ваш достойный предшественник, в обращении с определенным типом существ вы должны им наступать на ноги, пока они не начнут извиняться. — Он вежливо пропустил Секретаря в двери.

— А если они не сделают этого?

— Да, тут есть определенный риск. Но прошу вас... не надо обсуждать эту тему в их присутствии. — Они вошли в комнату для отдыха, и дверь за ними закрылась.

— Прекрасно, босс, — Гринберг повернулся к Кику, — но что мы будем делать?

— Ждать.

— О'кей. — Гринберг, нервничая, подошел к стенной панели и, пощелкав тумблерами, включил изображение покинутой аудитории. Хрошии все еще находились на месте. Он с трудом различил Фтаемла, окруженного существами, значительно превосходящими его по размерам.

— Я вам больше не нужен, сэр? — спросил двойник мистера Кику.

— Нет, Артур. Вы хорошо справились.

— Благодарю вас. Мне осталось только снять грим — и мчусь подмывать другого.

— Ясно. Смотрите, чтобы не произошло путаницы.

— Ерунда. Фотографы знают свое дело.

Насвистывая, он ушел. Макклюр сел, закурил сигарету, выпустил кольцо дыма и стряхнул пепел.

— Генри, вы должны поставить в известность Начальника Штаба.

— Он знает. Нам остается только ждать.

Они сидели и ждали. Внезапно Гринберг сказал:

— Идет Фтаемл. — Рванувшись к дверям, он впустил паргиллнанина. Доктор Фтаемл выглядел предельно уставшим.

— Мой дорогой мистер Киду, командир хрошии сообщил мне, что они согласятся с вашими пожеланиями ради стремления к конечной цели. Он настаивает, чтобы доставили мальчика Стюарта.

— Будьте любезны, сообщите ему, что он заблуждается, пытаясь понять сущность дружеских отношений между цивилизованными народами. Мы не отдаем в залог свободу любого нашего гражданина против его желания — в любом случае. Затем сообщите им, что я приказываю им немедленно убраться.

— Я сделаю это против своей воли, — мрачно сказал Фтаемл.

Вернулся он почти сразу же.

— Они согласны на ваши условия.

— Отлично. Идем, Сергей. Мистер Макклюр, пока в вашем присутствии нет необходимости. — Мистер Киду вышел в холл, сопровождаемый Гринбергом и Фтаемлом.

Мистеру Киду показалось, что окраска «босса» хрошии стала бледнее, чем обычно. Но необходимость уточнения массы вопросов тут же заняла все его внимание — надо было отобрать равное количество людей и хрошии в состав миссий, обеспечить доставку всего необходимого на корабль хрошии, определить, кто будет послом от хрошии в Федерации, и так далее. Фтаемл заверил их, что ранг того, кто предназначен быть послом, лишь на одну ступень уступает командиру экспедиции.

— А теперь, — перевел Фтаемл требование маршала, — настало время получить в наше распоряжение Джона Томаса Стюарта. Я думаю, вы отдали все необходимые распоряжения, мой друг? — встревоженно добавил Фтаемл. — Мне не нравится, что все так затянулось. Надо торопиться.

Чувство напряжения, сковывавшее желудок, стало отпускать, и мистер Киду с облегчением сказал:

— Я не вижу трудностей. Теперь, когда между нами установлены подобающие отношения, Стюарт не будет иметь ничего против поездки. И со всей убедительностью дайте им понять, что он отправляется как свободный гражданин, а не как раб или чья-то игрушка. Хрошии обязаны гарантировать его статус и возможность свободного возвращения на их корабле, когда бы он ни выразил это желание.

Фтаемл перевел.

— Их все устраивает, — сообщил он ответ, — кроме того, что я перевел бы как «несущественная деталь». Мальчик Стюарт будет относиться к имуществу хрошиа Луммокс. И, естественно, — я стараюсь

переводить как можно точнее — вопрос о его возвращении будет личной прерогативой его владельца — хрошиа Луммокса. Если он устанет от его присутствия или захочет расстаться с ним, корабль будет к его услугам.

— Нет.

— Что нет, сэр?

— Простое отрицание. Обсуждение вопроса о мальчике Стюарте завершено.

Фтаемл повернулся к своим клиентам.

— Они говорят, — сообщил он, — что в таком случае не будет и договора.

— Я знаю. Договор не может быть подписан... у них есть слово, означающее «слуги»?

— У них есть слуги нескольких рангов, есть высшие, есть низшие.

— Используйте слово, обозначающее самый низший ранг. Скажите им, что никакого договора не будет, потому что слуги не имеют права подписывать договор. Наконец, скажите им, чтобы они убирались — и побыстрее.

Фтаемл с грустью посмотрел на Киду.

— Я восхищаюсь вами, мой друг, но не одобряю вас.

Он повернулся к командиру экспедиции и пропищал несколько фраз.

Тот широко открыл рот и, уставившись на Киду, заверещал, как кукла, которой наступили на живот. Фтаемл дернулся и отступил на несколько шагов назад.

— Ужасное богохульство... непереводимо... — Чудовище продолжало издавать звуки, Фтаемл, содрогаясь, пытался успеть за ним. — Полное презрение... низкие животные... съесть вас с потрохами... и все ваше потомство до седьмого колена... вашу презренную расу надо учить хорошим манерам... похитители детей... умыкатели младенцев... — Он остановился в крайнем возбуждении.

Огромный хрошии двинулся к краю платформы и остановился, оказавшись нос к носу с Кидой. Гринберг сунул руку под стол и нащупал контрольную кнопку, которая опускала платформу на нижний этаж... устройство было необходимо, потому что в этом зале, случалось, бывали острые баталли.

Но мистер Киду сидел с каменной неподвижностью. Они не мигая смотрели друг на друга — массивное существо откуда-то «извне» и маленький пожилой человек. В огромном зале стояла мертвая тишина, никто не шевелился.

Наконец сзади прорезался визгливый вопль, словно из корзины вылезла целая куча говорящих кукол. Командир хрошии резко повернулся, заставив содрогнуться перекрытия, и визгливо рывкнул на сопровождающих. Получив ответ, он пропищал несколько коротких команд. Все двенадцать хрошии кинулись к дверям, двигаясь неуклюже, но очень быстро.

Встав, мистер Кику смотрел им вслед. Гринберг схватил его за руку.
— Босс! К вам рвется Начальник Штаба!
— Скажи ему, чтобы он не торопился. Это сейчас самое главное — чтобы он не торопился. Наша машина на месте?

Г л а в а 17

«ПРОСТИТЕ, МЫ ВАМ ТУТ ВСЕ ПЕРЕПУТАЛИ»

Джон Томас Стюарт XI ждал, когда его пригласят на конференцию; сам он из своих апартаментов выбраться не мог. Он обитал в отеле «Универсал» в номере, предназначенном для него и его матери. Он играл в шашки со своим телохранителем, когда впрорхнула Бетти Соренсен в сопровождении мисс Хольц. Майра Хольц была оперативным работником Бюро Безопасности Департамента и исполняла обязанности полицейского под прикрытием приятного фасада своей внешности. Инструкции мистера Кику относительно Бетти, полученные ею, были просты: «Не спускать с нее глаз. У нее вкус к приключениям».

— Привет, Джонни, — сказала Бетти. — А я уж думала, что ты сидишь на верхушке вулкана.

— Они меня не пускают.

— Меня тоже, — Бетти огляделась. — А где ее высочество графиня?

— Побежала по магазинам. По крайней мере меня не трогает. Она купила уже двенадцать шляпок. Что ты сделала со своим лицом?

Бетти повернулась к зеркалу.

— Ах, это? Называется «Контурсы Космоса». Последний писк моды.

— Ты выглядишь, как размалеванная зебра.

— А ты неотесанный чурбан. Эд, а вам нравится?

Эд Коуэн оторвался от доски и торопливо ответил:

— Не могу понять. Но моя жена говорит, что у меня нет вкуса.

— Как и у большинства мужчин. Джонни, мы с Майрой хотели бы пригласить вас обоих прогуляться по городу. Как вы насчет этого?

— Я бы не советовал, Майра, — буркнул Коуэн.

— Это ее идея, — ответила Майра.

— Но почему бы и нет? — сказал Джон Томас Коуэну. — Меня уже тошнит от этих шашек.

— Ну что ж... думаю, надо связаться с конторой. Ты можешь понадобиться в любой момент.

— Фу! — вмешалась Бетти. — У вас же есть микрорации. Во всяком случае, у Майры.

Коуэн покачал головой.

— Давайте не будем рисковать.

— Неужели я арестована? — настаивала Бетти. — А Джонни?

— М-м-м... нет. Можно считать, что находитесь под охраной.

— Значит, вы можете охранять его в любом месте. Или оставайтесь здесь и играйте в шашки сами с собой. Идем, Джонни.

Коуэн взглянул на Майру, та, подумав, ответила:

— Думаю, все будет в порядке, Эд. Мы же будем с ними.

Коуэн пожал плечами и встал. Джонни сказал Бетти:

— Пока у тебя такая физиономия, я не покажусь с тобой на людях. Иди умойся.

— Но, Джонни! Мне потребовалось два часа, чтобы...

— Они оплачены, не так ли?

— Да, но...

— Иди умойся. Или мы никуда не пойдем. Как вы считаете, мисс Хольц?

Левую щеку специального оперативного работника Майры Хольц украшал только скромный цветочек, наложенный на общий тон.

— Бетти вполне может обойтись, — задумчиво сказала она. — Во всяком случае, в ее возрасте...

— Ах, вы, компания пуритан! — горько вздохнула Бетти, показала языком Джонни и побрела в ванную. Она вышла оттуда с розовым сияющим лицом. — Я чувствую себя прямо голой. Идем!

У лифта произошла очередная стычка, которую выиграл Эд Коуэн. Вместо того чтобы спуститься на улицу, он вынудил их подняться на крышу, чтобы взять аэротакси и полюбоваться городом с высоты.

— Вам, ребята, — сказал он, — надо бы внимательнее проглядывать газеты за последние несколько дней. В этом городе психов выше головы. И я не хочу никаких историй.

— Они бы все равно не цеплялись к нам — с таким лицом, как у меня было, никто бы нас не узнал...

— И тем не менее...

— Мы и вас могли бы раскрасить. Любого мужчину можно преобразить с помощью макияжа.

В конце концов Бетти безропотно вошла в лифт. Все поднялись на крышу, где и взяли аэротакси.

— Куда прикажете, шеф?

— Значит, так, — распорядился Коуэн, — сделайте большой круг и покажите нам город сверху. Рассчитывайте на час.

— Как прикажете. Я не могу только пересекать Бульвар Солнца. Какой-то парад или что-то в этом роде.

— Знаю.

— Слушайте, — вмешался Джонни, — а что, если нам слетать в космос?

— Нет, — уточнил Коуэн. — Только не туда.

— А почему, Эд? Я так и не видел Луммокса. Я хочу на него посмотреть. Может быть, ему плохо без меня.

— Это как раз то, что ты не должен делать. Мы не должны приближаться к кораблю хрошии.

— Но ведь с воздуха я могу на него посмотреть, не так ли?

— Нет!

— Но...

— Оставь его в покое, — посоветовала Бетти. — Мы просто возьмем другое такси. Деньги у меня есть. Пошли, Джонни! Пока, Эд.

— Послушайте, — взмолился пилот. — Я могу доставить вас хоть в Тимбукту. Но я не могу до бесконечности болтаться на посадочной площадке. Коп меня выставит.

— Давай в космопорт, — сдался Эд.

Обширное пространство, где расположились хрошии, было окружено сплошным кольцом ограждений. Лишь в одном месте, через которое двинулась делегация, в заграждениях был проем. Весь Бульвар Солнца был наглухо перекрыт баррикадами, тянувшимися вплоть до места встречи. Внутри огороженного пространства стоял огромный и неуклюжий грузовой корабль хрошии, не уступающий по размерам земным кораблям межзвездных рейсов. Джонни посмотрел на него и подумал, как он будет выглядеть на Хрошииуде. Он испытал дискомфортное ощущение при этой мысли — но не потому, что боялся, а потому, что еще не сказал Бетти, что его ждет. Пару раз он пытался поговорить с ней на эту тему, но каждый раз что-то мешало ему сказать, что они должны расстаться. И так как Бетти не пыталась возвращаться к этому разговору, он решил, что пока она не должна знать.

В воздухе болталось порядочно зевак; немало их стояло и по обе стороны заграждений. Впрочем, пустое любопытство не было свойственно обитателям Столицы; они гордились своей невозмутимостью, да и в самом деле хрошии ничем в принципе не отличались от дюжины других дружественных рас, некоторые из которых были даже членами Федерации.

Хрошии, как муравьи, копошились у своего корабля, делая что-то непонятное при помощи каких-то инструментов и орудий. Джонни попытался подсчитать их число, решил, что их там, как в муравейнике. Несколько дюжин, это точно... но сколько на самом деле?

Аэротакси заложило вираж неподалеку от полицейского вертолета. И вдруг Джонни заорал:

— Эй! Вон Лумми!

Бетти чуть не вывернула шею.

— Где, Джонни?

— Вон он, вышел из-за того конца их судна! Вон! — Он повернулся к пилоту. — Скажите, мистер, не могли бы вы подлететь к тому концу и опуститься пониже?

Пилот посмотрел на Коуэна. Тот кивнул. Они обогнули полицейских и подлетели к кораблю хрошии с другой стороны. Выбрав удобный момент, водитель аэротакси снизился. Теперь Луммокс был ясно виден. Его сопровождала группа хрошии, над которыми он высился подобно башне.

— Жаль, что нет бинокля, — пожаловался Джонни. — Я не могу его толком разглядеть.

— Поищи слева от себя, — посоветовал водитель.

Бинокль оказался самым обыкновенным, оптическим, без системы электронного увеличения, но Луммокс стал виден куда яснее. Он смотрел прямо на своего друга.

— Как он выглядит, Джонни?

— Вроде неплохо. Хотя немного отошал. Они его, наверное, не кормят как следует.

— Мистер Гринберг сказал мне, что они вообще его не кормят. Я думаю, ты знаешь.

— Что? Они не имеют права так относиться к Лумми!

— Но я не представляю, что мы тут можем сделать?

— Ну, ладно... — Джонни опустил иллюминатор и высунулся из него, пытаясь получше рассмотреть, что происходит внизу. — Слушайте, а нельзя ли поближе? Я хочу дать им хорошую взбучку.

Коуэн отрицательно покачал головой. Пилот проворчал:

— Я не хочу связываться с полицией. — Все же он еще приспустил аппарат, пока не оказался на одном уровне с полицейскими.

В ту же секунду рывкнул громкоговоритель на полицейском вертолете:

— Эй, вы! Номер четыре-восемьдесят четыре! Куда претесь на своей жестянке? Убирайтесь отсюда!

Пробормотав что-то, водитель начал разворачивать машину.

— Эй! — крикнул Джонни, не отрывая бинокля от глаз. — Слышит ли он меня? Лумми! — изо всех сил крикнул он, перекрывая свист ветра. — О, Луммокс!

Хрошия поднял голову и с волнением стал оглядываться вокруг.

Коуэн отбросил Джонни от иллюминатора и потянулся закрыть его. Но Джонни высвободился из его рук.

— Вы все яйцеголовые! — в гневе закричал он. — Хватит водить меня за нос! Луммокс! Это я, Джонни-бой! Я над тобой! Иди ко мне!..

Коуэн оттащил его в глубь салона и задрал иллюминатор.

— Я знал, что нам нельзя быть здесь! Пилот, в другую сторону!

— С удовольствием!

— Выходите за линию ограждения. Я хочу посмотреть, что там будет происходить.

— Как вам будет угодно.

Теперь увидеть, что делалось внизу, можно было и без бинокля. Луммокс рванулся напрямик на барьер, и пчелиный рой такси, сновавших взад и вперед, рассыпался во все стороны. Заграждения не остановили хрошия ни на секунду, Луммокс просто разметал их.

— Прыгающий танк! — с уважением сказал Коуэн. Но «липучка» его остановит.

Он ошибся. Луммокс только несколько замедлил свое неудержимое движение вперед, его могучие ноги двигались с некоторым усилием, словно

воздух вокруг него превратился в трясицу. Но он продвигался с неудержимостью ледника, пробиваясь к тому месту, где над ним висело аэротакси.

Остальные хрошии тоже хлынули через проем. Иммобилизационное поле притормаживало их, но они продолжали двигаться вперед. Коуэн увидел, что Луммокс первым освободился из пут поля и припустил галопом; люди рассыпались перед ним во все стороны.

— Майра, — рывкнул Коуэн, — немедленно связь с военным командованием! Вызываю Штаб!

Бетти схватила Коуэна за рукав.

— Нет!

— Что? Снова ты? Заткнись, или я дам тебе затрешину!

— Мистер Коуэн, вы должны меня выслушать! — Она говорила быстро, захлебываясь и глотая слова. — Не надо вызывать подмогу. Луммокс не будет слушать никого, кроме Джонни, а они не будут слушать никого, кроме Луммокса. И вы это знаете. Поэтому опустите такси ниже, чтобы Джонни мог поговорить с Луммоксом, а то пострадает масса людей, и вы будете в этом виноваты.

Оперативный работник Службы Безопасности Первого Класа посмотрел на Бетти и быстро прикинул, что в таком случае останется от его надежд и намечающейся карьеры. Это отняло не больше секунды, и он почти немедленно принял смелое решение.

— Вниз! — рывкнул он. — Выпусти ее с мальчиком и нас!

— И зачем только я связался с вами, — застонал пилот. — Но бросил машину вниз столь стремительно, что внутри все задребезжало. Коуэн распахнул дверь и вместе с Джоном Томасом выскочил наружу. Майра Хольц попыталась придержать Бетти, но безуспешно. Она сама выпрыгнула в последний момент, когда аэротакси уже стало подниматься.

— Джонни! — вне себя запищал Луммокс и протер могучие руки в универсальном для всего космоса знаке приветствия.

Джон Томас рванулся к звездному зверю.

— Лумми! Как ты себя чувствуешь? С тобой все в порядке?

— Конечно. Почему бы и нет? Привет, Бетти.

— Привет, Лумми.

— Правда, есть хочется, — задумчиво сказал Луммокс.

— Мы тут все наладим.

— Тогда хорошо. Я еще ничего не ел.

Джон Томас продолжал обниматься с Луммоксом, отвечая на его вопросы и сам спрашивая, когда заметил, что один из хрошии оттирает от них мисс Хольц. Остальные столпились вокруг, словно прикидывая, как им надлежит поступить в такой ситуации. Когда Джонни увидел, как Эд Коуэн, выхватив пистолет, кинулся между хрошии и Майрой, он быстро сказал Луммоксу:

— Слушай, это мои друзья. Скажи своим приятелям, чтобы они оставили их в покое и пропустили сюда внутрь. И быстро!

— Как скажешь, Джонни.

Хрошиа высоким визгливым голосом обратилась к своей родне, и все мгновенно повиновались.

— И сделай нам седло. Мы пойдем с тобой и будем долго говорить.

— О, конечно, Джонни.

Вскарабкавшись на загрибок Луммоксу, Джонни за руку подтянул Бетти, и они двинулись сквозь пролом в барьере. Дойдя до границы «липучки», все остановились, но «липучка» уже исчезла, и дальнейшее движение не представляло трудностей.

Когда мистер Киду, Сергей Гринберг и доктор Фтаемл прибыли в космопорт, они обнаружили вереницу боевых бронированных машин, занявших позиции. Все хрошии были внутри проломанного ограждения, но полицейские патрули уже были сменены военными формированиями, а где-то далеко вне поля зрения тяжелые бомбардировщики были готовы для последнего рывка, который должен был превратить окружающее пространство в радиоактивную пустыню.

Генеральный Секретарь и Начальник Штаба встретили их у баррикады. Генеральный Секретарь был мрачен и серьезен.

— Это вы, Генри! Похоже, мы проиграли. В этом нет вашей ошибки.

Мистер Киду посмотрел на сгрудившихся хрошии.

— Может быть.

Начальник Штаба добавил:

— В радиусе взрыва мы постараемся эвакуировать все живое, и как можно быстрее. Но если до этого дойдет... я не знаю, что делать с двумя молодыми людьми там внутри.

— Поэтому давайте пока ничего не будем делать. Пока.

— Думаю, вы не понимаете всей серьезности ситуации, господин Заместитель Секретаря. Например, мы разместили вокруг данного места иммобилизационное поле. Его больше не существует. Они просто отшвырнули его. И не только здесь. Повсюду.

— Ясно. Мне кажется, это вы не понимаете всей серьезности положения, генерал. Во всяком случае, несколько слов не принесут вреда. Идем, Сергей. А вы, доктор? — Мистер Киду покинул группу, столпившуюся вокруг Генерального Секретаря, и двинулся к пролому в баррикаде. Ветер, свирепствовавший на плоской равнине в милом радиусом, заставил его согнуться и придержать шляпу. — Не люблю ветреную погоду, — пожаловался он доктору Фтаемлу. — Есть в ней какая-то беспорядочность.

— Нас ждут еще более сильные ветры, — печально ответил раргиллианин. — Друг мой, достаточно ли мудро вы поступаете? Меня-то они не тронут: я у них на службе. Но вы...

— Что еще я должен делать?

— Не знаю. Но бывают ситуации, в которых смелость становится бесцельной.

— Возможно. Я еще не сталкивался с такими.

— Сегодня мы находимся именно в таковой.

Они достигли огромной массы хрошии, закрывавших Луммокса. Две человеческие фигурки на спине Луммокса были от них не ближе ста ярдов. Мистер Кику остановился.

— Скажите им, чтобы они освободили мне путь. Я хочу увидеть хрошиа Луммокс.

Фтаемл перевел. Ничего не произошло, хотя хрошии и зашевелились.

— Босс, — вмешался Гринберг, — а если попросить Луммокса и ребят подойти сюда? От этой толпы пахнет неприятностями.

— Нет. Я не могу перекричать этот ветер. Мне это не нравится. Так что позови сам парнишку Стюарта и попроси его проложить нам дорогу.

— О'кей, босс. Вот посмеются мои внучата... если вообще они у меня будут. — Гринберг приложил руку ко рту и закричал:

— Джонни! Джон Стюарт! Скажи Луммоксу, пусть они нас пропустят!

— Обязательно!

Перед ними мгновенно, словно выметенное метлой, открылось пространство, достаточное, чтобы по нему проехала колонна грузовиков. Маленькая процессия двинулась мимо хрошии вперед. Гринберг почувствовал, что по спине у него забегали мурашки.

Казалось, что мистера Кику беспокоила только борьба с ветром, который стремился сорвать с него шляпу. Они остановились перед Луммоксом.

— Как поживаете, мистер Кику? — крикнул Джон Томас. — Нам спуститься?

— Наверное, это будет лучше всего.

Соскользнув, Джонни поймал Бетти.

— Простите, мы вам тут все перепутали.

— Это я должен извиниться. Будьте любезны, не могли бы вы представить меня своему другу?

— О, конечно, Луммокс, это мистер Кику. Он прекрасный человек и мой друг.

— Как поживаете, мистер Кику?

— Здравствуйте, Луммокс. — Мистер Кику задумался. — Доктор, нет ли здесь среди хрошии того командира? Ну, того, кто так свирепо смотрел на меня.

— Да, он здесь.

— Ясно. Спросите его, сообщил ли он о результатах конференции?

— Очень хорошо. — Медузонд поговорил с командиром хрошии. — Он говорит, что нет.

— Ага. Джон Томас, мы были готовы заключить договор с хрошии относительно того, о чем мы с вами говорили. Внезапно они разорвали соглашение, когда выяснили, что мы решительно отказываемся выдавать вас просто заложником без всяких гарантий. Не можете ли вы помочь мне выяснить, было ли это желанием вашего друга?

— Вы имеете в виду Луммокса? Сейчас.

— Отлично. Подождите минутку. Доктор Фтаемл, будьте любезны, сообщите суть нашего соглашения Луммоксу — но обязательно в присутствии командира. Или все эти понятия вне ее понимания?

— С чего вы взяли? Да ей было не меньше двухсот земных лет, когда она попала сюда.

— Так много? Тогда излагайте.

Почтительно взвизгнув, раргиллианин обратился к Луммоксу. Несколько раз Луммокс прерывал его вопросами, а затем снова продолжал слушать. Когда доктор Фтаемл закончил, Луммокс обратился к командиру экспедиции. Фтаемл перевел:

— Она спрашивает: «Неужели это правда?»

Командир оттеснил всех остальных настолько далеко, насколько мог, и теперь стоял перед Луммоксом рядом с маленькой группкой людей. Переминаясь с ноги на ногу, он напоминал включенный трактор. Уткнувшись физиономией в землю, он пропищал ответ.

• — Он признает, что все было именно так, но просит принять во внимание...

— Поскорее бы они разобрались, — поежился мистер Кику. — А то я начинаю мерзнуть. — Его колени в самом деле подрагивали.

— Объяснение не принято. Я могу передать вам смысл слов, но интонации их непередаваемы!

Внезапно Луммокс издал пронзительный визг и четырьмя ногами сдвинулся назад, освободив перед собой пространство. Подняв голову, огромное существо размахнулось и вlepило несчастному командиру сокрушительную затрещину.

Оторвавшись от земли, маршал пролетел несколько метров и рухнул на толпу хроши. Медленно и неуверенно поднявшись на ноги, он подполз к Луммоксу.

Луммокс принялся говорить.

— Она говорит... о, я хотел бы, чтобы вы слышали, как она говорит!.. Что так долго, как будет существовать Галактика, друзья Джонни будут ее друзьями. Она говорит, что те, кто не являются друзьями ее друзей, для нее ничто, меньше, чем ничто, она их просто не замечает. И она призывает в подтверждение сказанного имена... ну, тут идет перечисление всех ее предков, со всех сторон, что довольно утомительно. Переводить дальше?

— Не трудитесь, — сказал мистер Кику. — «Да» — это «да» на любом языке.

— Но с какой изысканностью она излагает, — удивился Фтаемл. — Какие ужасные и удивительные события она вспоминает, простираясь памятью в далекое прошлое.

— Меня интересует только ее оценка будущего... и как нам спрятаться от этого проклятого ветра, — поежился мистер Кику. — Я тронут.

Доктор Фтаемл снял свой плащ и набросил его на узкие плечи мистера Кику.

— Мой друг... брат мой... простите меня.

- Нет, нет, вам будет холодно.
- Ни в коем случае.
- Тогда давайте поделим его.
- Для меня это большая честь, — растрогался медузонд, и его ноздри задрожали от наплыва эмоций. Он нырнул под плащ, и они вдвоем тесно прижались друг к другу, пока Луммокс кончал свою речь. Бетти повернулась к Джонни.
- Ты бы этого для меня никогда не сделал.
- Так ведь, Червячок, тебе ведь никогда не бывает холодно.
- Хотя бы просто обними меня!
- Да? Перед всеми? Иди обнимайся с Луммоксом.
- Все хорошии почтительно слушали Луммокса. И по мере того, как красноречие его достигало пределов, они все больше принакиали к земле, вытягивая ноги, пока все не застыли в той же униженной позе, что и командир. Наконец все было закончено, и Луммокс бросил короткое резкое замечание. Хорошии задвигались.
- Она говорит, — перевел Фтаемл, — что сейчас она хочет побыть со своими друзьями.
- Спросите ее, — попросил мистер Кику, — может ли она заверить своего друга Джона Томаса, что все, сказанное ею, свято и нерушимо?
- Секунду. — И пока все остальные хорошии торопливо покидали их, Фтаемл сказал Луммоксу несколько слов.
- Выслушав их, Луммокс повернулся к Джону Томасу. Из огромной пасти раздался голос маленькой девочки:
- Это так, Джонни. Лопни мое сердце.
- Серьезно и торжественно Джон Томас кивнул Луммоксу в ответ.
- Не беспокойтесь, мистер Кику. На Луммокса вы можете положиться.

Глава 18

ДЕВЯНОСТО СЕМЬ БЛЮД С УГОЩЕНИЯМИ

- Запускайте ее.
- Мистер Кику нервничал. Окинув взглядом сервировку чайного столика, он убедился, что уютная небольшая комнатка для совещаний узкого круга выглядит так, как он хотел. В это время дверь распахнулась, и в помещение впорхнула улыбающаяся Бетти Соренсен.
- Здравствуйте, мистер Кику, — сказала она и непринужденно устроилась в кресле.
- Как поживаете, мисс Соренсен?
- Зовите меня Бетти. Все мои друзья так обращаются ко мне.
- Благодарю вас. Хотел бы я быть одним из них.
- Посмотрев на Бетти, мистер Кику невольно вздрогнул. Бетти только что кончила экспериментировать с новой раскраской, и сейчас лицо ее напоминало нечто вроде шахматной доски. Кроме того, чувствовалось, что

она не обошла своим вниманием магазины, и на ней был наряд явно не для ее возраста. Мистер Кику был вынужден напомнить, что к моде надо подходить осторожно.

— Видите ли... моя дорогая юная леди, мне довольно затруднительно объяснить вам цель нашей встречи.

— А вы не торопитесь. Мне лично спешить некуда.

— Разрешите предложить вам чаю?

— Давайте я вам налью. Будет совсем по-домашнему. — Мистер Кику не спорил и, взяв чашку чая, растянулся в кресле с чувством облегчения, которого давно не испытывал.

— Думаю, вам нравится ваше сегодняшнее положение?

— Еще бы! Мне никогда еще не доводилось ходить по магазинам, не тратя ни пенни. Только счета подписываю.

— Так пусть вас это радует. Заверяю вас, что ваши траты не пройдут ни по какой статье бюджета. Для этого у нас есть специальный фонд. Вы же сирота, не так ли?

— Сирота по закону. Я — Дитя Свободы. Мой опекун — Вествиллский Дом для Детей Свободы. А в чем дело?

— Значит, вы еще несовершеннолетняя?

— Это зависит от точки зрения. Я лично считаю, что уже совершенно-летняя, а суд придерживается другого мнения. Но, слава богу, долго он не будет упорствовать.

— М-да. Наверное, мне надо было сказать, что все это я знаю.

— Я так и думала. А в чем дело?

— М-м-м... Разрешите начать несколько издалека. Вы когда-нибудь вырашивали кроликов? Или держали кошек?

— Кошки у меня были.

— Мы столкнулись с определенными трудностями относительно хрoшиа, которую мы знаем под именем Луммокс. Ничего страшного: договор с ними в порядке, поскольку она дала слово. Но, как бы это поточнее выразиться, если бы нам удалось поставить Луммокса в определенное положение, он... она еще теплее бы относилась к нам и наши будущие отношения стали бы еще лучше...

— Я думаю, мы можем говорить совершенно откровенно. В чем суть дела, мистер Кику?

— М-да... Мы оба знаем, что хрoшиа Луммокс в течение долгих лет была воспитанником Джона Томаса Стюарта.

— Это верно. Сейчас об этом смешно говорить, правда?

— В общем-то, да. А до этого Луммокса воспитывал отец Джона Томаса, а до этого... словом, с ним имели дело четыре поколения.

— Да, совершенно точно. И лучшего воспитанника нельзя было и пожелать.

— В этом-то все и дело, мисс Соренсен... Бетти. С точки зрения Джона Томаса и его предков. Но всегда есть, как минимум, две точки зрения. Как считает Луммокс, он... она... отнюдь не воспитанник. Наоборот. Это

Джон Томас его воспитанник. Цель жизни Луммокса — воспитывать Джо-нов Томасов.

Глаза Бетти расширились, а затем она рассмеялась.

— Мистер Кику! Не может быть!

— Я говорю совершенно серьезно. Все дело в точке зрения, а если принять во внимание отрезок времени, эта точка зрения вполне резонна. Это его единственное хобби, единственный, повторяю, смысл жизни. Пусть это звучит по-детски, но ведь Луммокс, в сущности, еще ребенок.

С трудом подавив приступ смеха, Бетти наконец взяла себя в руки.

— «Воспитывать Джонов Томасов!» А сам Джонни знает об этом?

— В общем-то, да, но я объяснил ему все это несколько по-иному.

— А миссис Стюарт знает?

— Э-э-э... я не считал необходимым сообщать ей об этом.

— Можно я расскажу ей? Хотела бы я видеть ее лицо. «Джонов Томасов»... о, господи!

— Я думаю, это будет для нее слишком жестоко, — твердо сказал мистер Кику.

— Да, наверное. Ладно, я не буду этого делать. Но помечтать-то можно?

— Все мы можем мечтать. Но я продолжаю: это невинное занятие доставляет Луммоксу огромное удовольствие. И он намерен продолжать его до бесконечности. В этом-то и причина того, что мы столкнулись с любопытной ситуацией, когда хрошии, обнаружив своего исчезнувшего младенца, оказались не в состоянии покинуть Землю. Луммокс хочет продолжать... м-м-м, воспитывать Джонов Томасов. — Мистер Кику помедлил.

— Ну же, мистер Кику! Продолжайте!

— Э-э-э... каковы ваши собственные планы, Бетти... мисс Соренсен?

— Мои? Я их еще ни с кем не обсуждала.

— М-да. Простите, если я слишком назойлив. Видите ли... возникла необходимость в продолжении... и Луммокс очень обеспокоен этим. Если бы мы имели дело с кошками... или с кроликами... — Он остановился, не в силах дальше продолжать.

Бетти внимательно посмотрела на измученное лицо Кику.

— Мистер Кику, вы, очевидно, хотите сказать, что необходимо, как минимум, два кролика, чтобы получился третий?

— В общем-то, да.

— Ах, вот в чем дело? Стоило ли из-за этого огород городить? Всем это известно. Я хочу спросить, Луммоксу известно это правило, относящееся к Джоном Томасам?

Мистер Кику мог только кивнуть.

— Ах вы, бедняга, вам стоило черкнуть мне пару слов — и все. И вам бы не пришлось так мучиться. И я бы сообразила, что должна вам помочь. Вы именно это имели в виду, когда спрашивали о моих планах?

— Я не имею намерений вмешиваться в вашу жизнь... просто я хотел осведомиться о ваших намерениях.

— Собираюсь ли я выходить замуж за Джона Томаса? А никаких других намерений у меня и не было. Естественно.

Мистер Кику облегченно вздохнул.

— Благодарю вас.

— Я это делаю отнюдь не для того, чтобы порадовать вас.

— Ни в коем случае! Я благодарю вас за помощь и содействие.

— Благодарите Луммокса. Добрый старый Луммокс! Вы не имеете права обманывать его.

— Значит, я могу считать, что мы обо всем договорились?

— Что? Я ему еще не делала предложения. Но я сделаю... хотя обожду — ближе к отлету. Вы же знаете, каковы эти мужчины, — нервничают, суетятся. Я не хочу, чтобы у него было время для волнений. А как было у вас? Жена сама сделала вам предложение? Или она ждала, пока вы созреете и перезреете?

— Видите ли, обычаи моего народа несколько отличаются от ваших. Ее отец договорился с моим отцом.

— Просто какое-то рабство, — ужаснулась Бетти.

— Без сомнения. Тем не менее я бы не сказал, что несчастлив. — Мистер Кику встал. — Я очень рад, что наш разговор окончился на столь приятной дружественной ноте.

— Минутку, мистер Кику. Кое-что еще надо урегулировать. Например, что получит Джон Томас?

— Э-э?

— Контракт.

— А, это! С финансовой точки зрения ему не на что будет жаловаться. В основном, он будет заниматься образованием, но я подумываю о том, чтобы дать ему какой-нибудь номинальный титул в посольстве — специальный атташе, или помощник секретаря, или что-то еще.

Бетти молча слушала.

— Конечно, поскольку вы отправляетесь вдвоем, было бы неплохо и вам дать какой-нибудь полуофициальный статус. Скажем, вас устроит специальный помощник на полставки? Это вам обоим даст прекрасную возможность свить уютное гнездышко, если вы вернетесь... то есть, когда вы вернетесь.

Она покачала головой.

— Джонни не честолюбив. Честолюбива я.

— Да?

— Джонни должен быть послом у хрошии.

Мистер Кику с трудом нашелся, что ответить. Наконец он выговорил:

— Моя дорогая юная леди! Это совершенно невозможно.

— Это вы так думаете. Смотрите сами — мистер Макклюр туп, как пень, и всюду прикрывается вами, не так ли? И не наводите тень на плетень: теперь-то у меня есть хорошие друзья в вашем Департаменте. Так оно и было. Так что этот пост должен принадлежать Джонни.

— Но, моя дорогая, — слабо пытался сопротивляться мистер Кику, — это не та должность для неподготовленного мальчика... хотя я питаю к мистеру Стюарту искреннее уважение.

— Макклюр — пустое место, не правда ли? Это знают все. А Джонни отнюдь не пустое место. Кто больше всех знает о хрошии? Джонни.

— Моя дорогая, я охотно признаю богатство его знаний и искренне благодарен судьбе, что мы имеем возможность использовать их. Но послom? Нет.

— Да.

— Полномочный. Посол? Это исключительно высокое звание, но я хотел бы вот на что обратить внимание. В сущности, послom будет мистер Гринберг. Нам нужны дипломаты.

— А что трудного в том, чтобы быть дипломатом? Или, говоря другими словами, что Макклюр может, чего не мог бы мой Джонни сделать еще лучше?

Мистер Кику глубоко вздохнул.

— Все, что я могу сказать, — в данном случае мы имеем дело с ситуацией, которую я вынужден принимать, как таковую, даже зная ее порочность, а также другие недостатки, которые я не собираюсь излагать. И будь вы моей дочерью, я бы отшлепал вас. Словом — нет.

Бетти мило улыбнулась мистеру Кику.

— Держу пари, вы бы со мной не справились: мы в разных весовых категориях. Но дело не в этом. Мне кажется, что вы не понимаете положения дел.

— Не понимаю?

— Не понимаете. В этой сделке для вас важны Джонни и я. Особенно Джонни.

— Да. Особенно Джонни. Ваше присутствие не столь существенно... даже для... э-э-э... появления новых Джонов Томасов.

— Хотите пари? Неужели вы думаете, что могли бы оторвать Джона Томаса Стюарта хоть на дюйм от поверхности этой планеты, если я буду против?

— М-да... Тут есть над чем подумать.

— Вот и я о том же. Я могу все поставить на карту. И если бы не я, что бы с вами было? Один, в пустынном поле, под ветром, вы старались бы снова, снова и снова пробиться сквозь эту толпу... но рядом не было бы Джонни, который пришел бы к вам на помощь.

Мистер Кику подошел к окну и выглянул из него. Внезапно он повернулся.

— Хотите еще чаю? — вежливо спросила Бетти.

— Спасибо, нет. Мисс, имеете ли вы хоть какое-то представление, что такое чрезвычайный посол и полномочный министр?

— Я слышала эти термины.

— Это звание того же ранга и так же оплачивается, как и полномочный посол, не считая особых случаев. Здесь мы имеем дело с таковым. Мистер

Гринберг будет послом с вытекающими из этого обязанностями; особый ранг будет присвоен Джону Томасу Стюарту.

— И ранг, и зарплата, — уточнила Бетти. — Я почувствовала, что мне нравится ходить по магазинам.

— И зарплата, — согласился Кику. — У вас, леди, мораль упрямой черепахи и хватка лесной сороки. Ладно, можете считать, что мы договорились... если вы уговорите нашего молодого человека согласиться с вами.

Бетти хмыкнула.

— Вот это-то меня не беспокоит.

— Я о другом. Как бы его врожденная скромность не возмутилась вашей хваткой. Я считал, что его устроит пост помощника секретаря посольства. Впрочем, увидим.

— Увидим. Кстати, где он?

— Простите?

— В отеле его нет. Вы его видели?

— Он должен быть здесь.

— Тогда все в порядке. — Встав, Бетти погладила мистера Кику по щеке. — Вы нравитесь мне, мистер Кику. А теперь тащите Джонни сюда и оставьте нас одних. Минут на двадцать. И вам не о чем беспокоиться.

— Мисс Соренсен, как случилось, что вы не потребовали должности посла для себя?

Луммокс был единственным негуманоидом, который присутствовал на бракосочетании. Мистер Кику стоял рядом с невестой. Он отметил, что на этот раз она обошлась без макияжа, что заставило его задуматься.

Жених и невеста получили, как полагается, девяносто семь блюд с подношениями, большинство из которых они не могли ни взять с собой, ни использовать, включая полностью оплаченное путешествие на Гавайские острова. Миссис Стюарт плакала, хотя картина происходящего доставляла ей удовольствие: как бы там ни было, свадьба прошла как нельзя лучше. Мистер Кику пролил несколько слезинок во время церемонии, но надо учесть, что он был очень сентиментальный и чувствительный человек.

На следующее утро он сидел за своим рабочим столом, разложив перед собой проспекты ферм в Кении, но он не смотрел в них. После того как столь удачно поженили детей, они с доктором Фтаемлом покинули церемонию и пустились в долгое путешествие по городу — и сейчас он чувствовал приятное расслабление. И хотя в голове у него позванивало, а координация оставляла желать лучшего, с желудком все было в порядке. Словом, чувствовал он себя отлично.

Мистер Кику сделал над собой усилие и попытался вспомнить все, что произошло. Слава богу, все эти тревоги и беспокойства, начало которым было положено неким недалевидным космонавтом столетие назад, теперь не имели смысла и можно было унести мыслью к сельским просторам, поскольку все бумаги и протоколы были подписаны. Ох, люди, люди!

Затем он сказал себе, что не стоит угрызаться допущенными ошибками.

Прошлой ночью добрый старый Фтаемл что-то сказал ему... что-то... но что именно? Во всяком случае, он пришел к выводу, что у хрошии никогда не было оружия, способного причинить Земле серьезный урон. Конечно, раргиллианин не в состоянии лгать, он же профессионал... но можно сказать, что он скользнул по касательной рядом с правдой, чтобы столь трудные переговоры завершились успехом.

Ну что же, если все завершилось без серьезных катаклизмов, он может только радоваться. Но должен помнить, что угроза, которая может в очередной раз свалиться на него с неба, будет подлинной. И тут уж придется снова ломать себе голову.

До него донесся голос Милдред:

— Мистер Кику, вас ждет рандавианская делегация.

— Скажите им, что у меня линька!

— Сэр?

— Впрочем, неважно. Скажите им, что я сейчас буду. В восточном конференц-зале.

Мистер Кику вздохнул, кинул в рот очередную пилюлю, поднялся и направился к дверям, в очередной раз чувствуя себя мальчишкой, которому предстоит затыкать пальцем дыру в плотине. Китайские церемонии, подумал он, но коль скоро ты уж включился в них, они будут вечно с тобой.

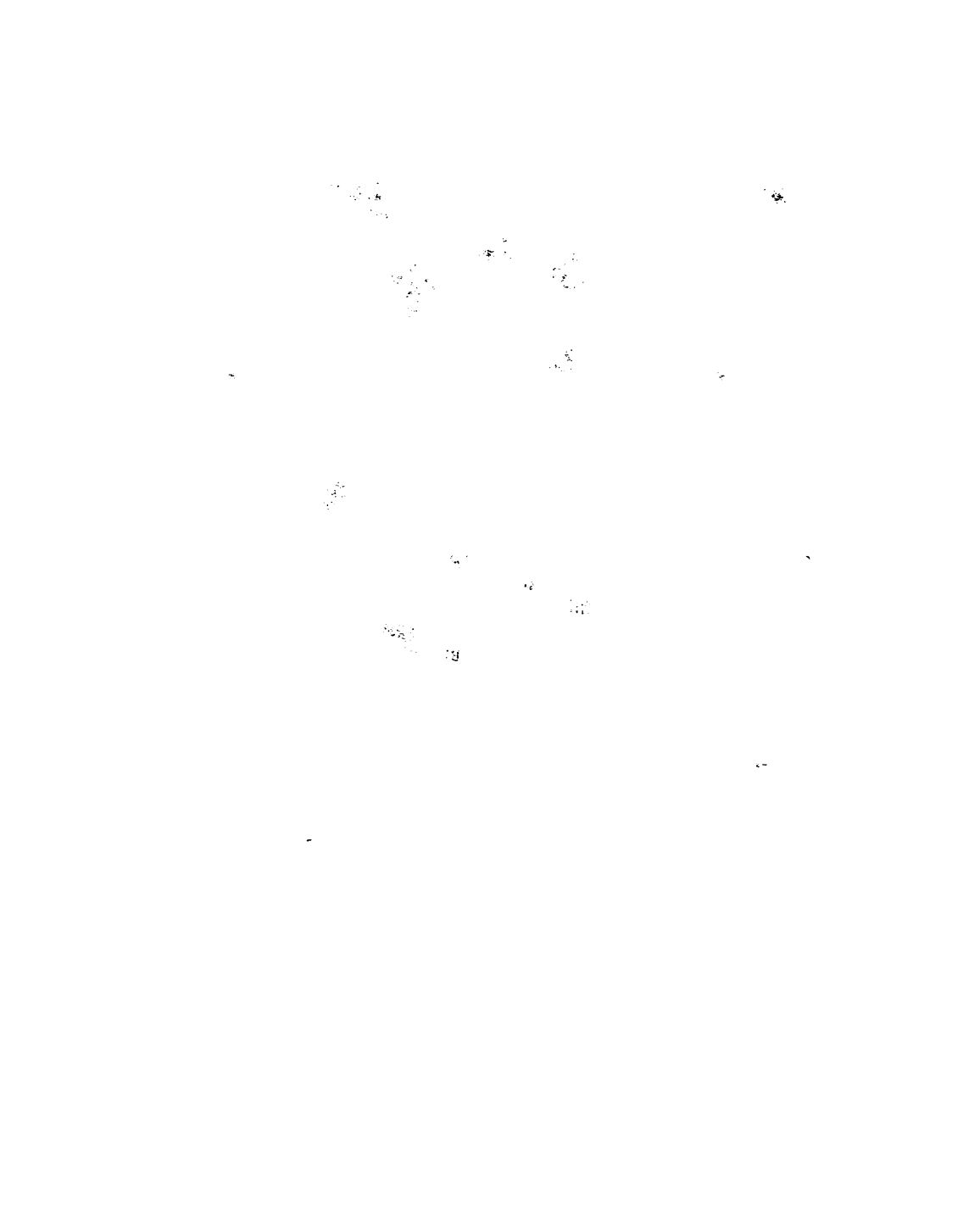
Благодушное настроение по-прежнему не покидало его, и он замурлыкал единственную известную ему песенку: «... у этой сказки нет конца, у этой сказки нет морали. И я вам только покажу, что люди вечно в мире врали...»

А в это время далеко в пространствах космоса новый Секретарь по Межзвездным Делах беседовал с благородными хрошии. И Ее Императорское Высочество, Инфанта своего народа, 213-я по прямой восходящей линии, наследница матриархата Семи Солнц, будущая правительница восьми миллиардов своих соплеменников, некогда известная под именем «Лум-мокс», с наслаждением принимала двоих своих питомцев на борту имперской яхты.

ТУННЕЛЬ В НЕБЕ

РОМАН

Глава 1

МАРШИРУЮЩИЕ ТОЛПЫ

Доска объявлений у лекционного зала 1712-А Высшей школы Патрика Генри освещалась вспышками красного света. Род Уокер проталкивался через толпу студентов, пытаясь разглядеть объявление на доске. Он почувствовал толчок в живот и услышал:

— Эй! Перестань толкаться!

— Прошу прощения. Полегче, Джимми, — Род ухватил локоть Джимми Трокстона болевым приемом, но сжимать не стал. Вытянув шею, он глядел через голову Джимми. — Что за объявление?

— Сегодня занятий не будет.

— Почему?

Чей-то голос ответил ему:

— Потому что завтра «Аве, Цезарь, идущие на смерть...» — Вот как! — Род почувствовал тяжесть в желудке, как всегда перед экзаменом.

Толпа расступилась, и он смог прочесть объявление:

«Высшая школа Патрика Генри. Отделение социальных наук. Специальное объявление для всех студентов курса 420 (избравших высший семинар), успешно изучивших курс выживания, инструктор доктор Мэтсон, 1712-А, МВТ.

1. В пятницу, 14-го, занятий не будет.

2. Настоящим объявляется двадцатичетырехчасовая подготовка к выпускному экзамену по курсу одиночного выживания. Студенты должны явиться в 9-00 в субботу в помещение ВЫХОДА Темплтона и в 10-00 начать с трехминутным интервалом проходить ВЫХОД.

3. Условия испытания: а) любая планета, любой климат, любая территория; б) никаких правил, любое вооружение, любое снаряжение; в) объединение в группы разрешается, но группы не будут пропускаться через выход совместно; г) продолжительность испытания не менее сорока восьми часов и не более десяти дней.

4. Доктор Мэтсон дает советы и консультации до 17-00 в пятницу.

5. Испытание может быть отложено только по решению экзаменационной комиссии, но любой студент может отказаться от него без административного наказания до 10-00 субботы.

6. Удачи и долгой жизни всем вам!

Б.П.Мэтсон.

Утверждаю:

Дж.Р.Рерих, за Совет».

Род Уокер медленно прочел объявление, стараясь унять нервную дрожь. Он еще раз взглянул на условия испытания — но ведь это не условия, а полнейшее их отсутствие. Никаких ограничений! Они выбросят тебя через выход, и в следующее мгновение ты можешь оказаться лицом к лицу с белым медведем при 40 градусах ниже нуля или вступить в борьбу с осьминогом глубоко в теплой соленой воде. Или встретиться лицом к лицу с трехглавым чудовищем на планете, о которой ты никогда не слышал.

Он услышал чье-то сопрано:

— Двадцатичетырехчасовая подготовка! Но осталось уже меньше двадцати часов. Несправедливо.

Род отвернулся и потянул за собой Джимми Трокстона. Он знал, что сказал бы «Дьякон» — Мэтсон — что-нибудь о том, что справедливости не место на экзамене по выживанию. Подумал об искушении, скрывавшемся в пятом параграфе объявления: никто не осудит его, если он бросит курс обучения. В конце концов «Выживание» было всего лишь одним из университетских курсов; он мог закончить колледж и без него.

— Что ты думаешь об этом, Род? — беспокойно спросил Джимми.

— Я думаю, все будет в порядке. Но хотел бы я знать, нужно ли надевать теплое белье? Как ты думаешь, не намокнет ли нам Дьякон?

— Он? Только не он! Он считает, что сломанная нога — отличная хохма. Этот человек готов съесть собственную бабушку... без соли.

— Пойдем! Он ест с солью. Да, Джим. Ты видел, что сказано о группах?

— А что? — Джимми отвел глаза.

Род почувствовал раздражение. Он намекнул так же деликатно, как делал бы предложение девушке, что готов провести всю жизнь в одной корзине с Джимми. Наибольший риск в одиночном испытании заключался в том, что человеку рано или поздно придется заснуть хоть ненадолго. Испытание в группе снижало эту опасность — пока один спит, другой бодрствует.

Джимми должен был знать, что Род сильнее его, как вооруженный, так и безоружный; предложение было выгодным для него. Однако он колебался, как если бы не желал давать Роду преимущество.

— В чем дело, Джим? — холодно спросил Род. — Ты считаешь, что безопасней идти одному?

— Нет, конечно нет.

— Может, ты не хочешь объединяться со мной?

— Нет, нет, я так не думал!

— Тогда что же ты думал?

— Я думал... Род, я очень благодарен тебе. Я не забуду этого. Но объявление говорит еще кое о чем.

— О чем же?

— Оно говорит, что мы должны спихнуть этот проклятый курс и окончить колледж. И я счастлив, как вспомню, что больше уже не нужно будет торговать брюками в розницу.

— А я думал, ты возгордился, став высокообразованным адвокатом.
— Такая экзотическая юриспруденция утрачивает всю привлекательность... Но о чем мне заботиться? Мои старики будут счастливы узнать, что я сохраняю верность семейному бизнесу.

— Это значит, что ты испугался?

— Ну, есть только один способ избежать этого. Как ты считаешь?

Род глубоко вздохнул:

— Да. Я тоже испугался.

— Господи! Теперь давай вдвоем продемонстрируем, как лучше всего выжить, пройдя в канцелярию колледжа и внося свои фамилии в список отказавшихся от экзамена.

— Ну, нет! Ты пойдешь один.

— Ты остаешься?

— Да.

— Род, а ты видел статистику последних выпусков?

— Нет. И не хочу. Пока.

Род быстро повернулся и вошел в аудиторию, провожаемый встревоженным взглядом Джимми.

В аудитории собралось около дюжины слушателей высшего семинара. Доктор Мэтсон, «Дьякон», сидел на краю стола и держался весьма непринужденно. Это был худощавый человек маленького роста, с желтым лицом и повязкой на одном глазу; на его левой руке не хватало трех пальцев. На груди три узкие ленточки, означавшие, что он принимал участие в трех знаменитых первых экспедициях; крошечный бриллиант на одной из них свидетельствовал, что в этой экспедиции он один остался в живых.

Род устроился во втором ряду. Глаза Мэтсона, «Дьякона», хлестнули по нему, затем инструктор продолжал.

— Я не понимаю недовольства, — сказал он весело. — В условиях сказано: «любое оружие», так что вы можете защищаться любым способом — от пращи до кобальтовой бомбы. Я думал, что на выпускной экзамен вы будете допущены с голыми руками, даже без пилочки для ногтей. Но Совет По Образованию не согласился, так что мы были вынуждены превратить экзамен в испытание для неженков.

— Но, доктор, наверное, Совет знает, что нам придется сражаться с опасными животными?

— О, конечно! С самыми опасными!

— Доктор, это правда?

— О да!

— Тогда я думаю, что лучше попасть на Митру и наблюдать там за снежными людьми, чем оказаться на Терре в обществе леопардов. Разве я не прав?

Дьякон безнадежно покачал головой:

— Мой мальчик, с такими знаниями вам не окончить курса. Эти глупые создания вовсе не опасны.

— Но Джеспер в «Хищниках и добыче» говорит, что самый хитрый, самый опасный...

— Сумасшедшая тетка Джеспера! Я говорю о подлинном царе зверей, единственном животном, которое всегда опасно, даже когда не голодно. О двуногом чудовище. Взгляните вокруг себя!

Инструктор наклонился вперед:

— Я говорил вам это тысячу раз, но вы все еще не верите. Человек — единственное животное, которое нельзя приручить. Когда ему удобно, он целые годы ведет себя мирно, как корова. Но когда мир ему невыгоден, он опаснее леопарда. Особенно это относится к женщинам. Еще раз оглянитесь вокруг. Вы все друзья. Вы все вместе проходили полевые испытания на выживаемость, вы можете положиться друг на друга. Так? Прочтите об отряде Доннера или о первой венерианской экспедиции. Так или иначе, на испытаниях в космосе могут возникнуть различные ситуации, незнакомые вам. — Доктор Мэтсон остановил свой взгляд на Роде. — Я не хотел бы видеть никого из вас после этого испытания. Некоторые из вас — типичные горожане по натуре. Боюсь, что я не успел вбить в ваши головы, что там вы не встретите полисмена. Но я не подам вам руки, если вы допустите глупую ошибку.

Он отвел глаза, Род подумал, не его ли имеет в виду Дьякон. Иногда он чувствовал, что Дьякону нравится учить его. Но Род знал, что сейчас он говорил серьезно: курс выживания был необходим при любой внеземной профессии, ибо в космосе ты должен быть приспособлен ко всему, иначе — неминуемая смерть. Род избрал этот курс перед окончанием колледжа, так как надеялся на получение стипендии — но это не значило, что изучение курса было для него пустой формальностью.

Он оглянулся, думая, с кем бы объединиться, так как Джимми отпал. Перед ним сидели Боб Бакстер и Кармен Гарсия. Их он исключил, так как они, несомненно, объединятся друг с другом: они рассчитывали стать космическими медиками и пожениться, как только будет возможность.

А как насчет Джона Брауна? Он был бы хорошим партнером — сильный, крепко стоящий на ногах, быстрый. Но Род не доверял ему и к тому же не был уверен, захочет ли Браун объединиться с ним. Он подумал, что сделал ошибку, не обращая внимания на остальных однокурсников, общаясь только с Джимми.

Рослая зулуска Керолайн с непроизносимой фамилией. Сильна, как бык, и абсолютно бесстрашна. Но ему не хотелось объединяться с девушкой: девушки склонны приносить в дело романтические чувства. Его взгляд перемещался все дальше, пока он не пришел к выводу, что здесь нет никого, кому бы он хотел предложить партнерство.

— Проф, не намекаете ли? Надо ли нам брать крем от загара? Или мазь от обморожения?

Мэтсон ухмыльнулся и протянул:

— Мальчики, я сказал вам все, что знаю. Это испытание подготовлено европейским преподавателем, а я подготовил испытание для его группы. Но я знаю о нем не больше вас.

— Но... — парень, говоривший это, запнулся. Затем неожиданно встал: — Проф, это несправедливое испытание. Я отказываюсь от него.

— В чем же несправедливость? Ведь все в равных условиях.

— Ну, вы можете отправить нас куда угодно...

— Верно.

— ...на обратную сторону Луны, в космический вакуум по уши. Или на хлорную планету. Или в середину океана. Я не знаю, что брать с собой: космический скафандр или лодку. Черт возьми! В реальной жизни так не бывает.

— Разве? — Мэтсон заговорил медленнее. — То же самое сказал Иона, когда его проглотил кит. Но я кое-что добавлю. Испытание может быть выдержано всяким, кто достаточно проворен и вынослив. Мы, конечно, не пошлем вас в отравленную атмосферу или в вакуум без скафандра. Если вы окажетесь в воде, земля будет достаточно близка, чтобы вы смогли доплыть до нее. И так далее. Я не знаю, куда вас отправят, но я видел прошлые испытания: Находчивый человек выдержит любое из них. Поймите, Совет По Образованию вовсе не заинтересован в смерти всех кандидатов на важнейшие профессии.

Студент сел, затем снова встал. Инструктор спросил его:

— Вы опять передумали?

— Да, сэр. Если испытание справедливое, я согласен.

Мэтсон покачал головой:

— Вы все равно провалитесь. Вы исключены. Можете не беспокоить регистратора: я сам предупреджу его.

Парень стал протестовать. Мэтсон кивком указал на дверь:

— Вон!

В классе стояла мертвая тишина, затем Мэтсон бодро сказал:

— Я один могу судить, кто из вас готов, а кто нет. Каждый, кто рассуждает о том, как должно быть, а не о том, что есть на самом деле, еще не готов к экзамену. Вы получите передышку и билет с компостером, не будучи истощены ударами судьбы, как уколами адреналина. У кого еще есть вопросы?

Задали еще несколько вопросов, но было ясно: Мэтсон либо действительно ничего не знает об испытании, либо скрывает свои знания; его ответы ничего не прояснили. Он отказался дать им совет об оружии, сказав просто, что у выхода их будет ждать любое оружие из арсенала колледжа.

— Помните, однако, что ваше лучшее оружие у вас между ушами и под скальпом, — и постарайтесь его использовать получше.

Студенты начали расходиться. Род направился к выходу. Мэтсон поймал его взгляд, сказав:

— Уокер, вы будете держать испытание?

— Конечно, сэр!

— Пойдемте со мной. — Он провел Рода в свой кабинет, закрыл дверь и сел. Посмотрел на Рода, повертел в руках бумажку со стола и медленно заговорил.

— По-моему, вы хороший парень, Род... но кое-что с вами не в порядке. Род ничего не ответил.

— Скажите, — продолжал Мэтсон, — почему вы хотите держать испытание?

— Сэр?

Мэтсон раздраженно буркнул:

— Что «сэр»? Отвечайте на вопрос.

Род смотрел удивленно, так как помнил, что уже проходил такое собеседование с доктором Мэтсоном, прежде чем был зачислен на курс. Но он вновь объяснил свое стремление к внеземной профессии:

— Я хочу специализироваться в выживании. Без этого я не смогу служить ни в колониальной администрации, ни заниматься планетографией или планетологией.

— Хотите стать исследователем?

— Да, сэр.

— Подобно мне?

— Да, сэр. Подобно вам.

— Гм... поверите ли вы мне, если я скажу, что это была величайшая ошибка в моей жизни?

— Что? Нет, сэр!

— Я так и думал. Мальчик, то, что ты поймешь потом, перечеркнет то, что, как тебе кажется, ты понимаешь сейчас. Иного пути нет. Но я все же скажу тебе откровенно: я думаю, что ты родился не в свое время.

— Сэр?

— Я думаю, ты романтик. Сейчас очень романтическое время, но в нем нет места романтикам: оно требует практичных людей. Сто лет назад ты стал бы банкиром, адвокатом или профессором и удовлетворял бы свой романтизм чтением фантастики или мечтами о том, кем бы ты стал, если бы родился не в такое скучное время. Но ты родился в дни, когда приключения и романтика составляют часть повседневности. И чтобы справиться с этим, нужны практичные люди.

Род почувствовал раздражение:

— Но что за дело до этого мне?

— Ничего. Ты нравишься мне. Я не хотел бы, чтобы тебе было плохо. Но ты слишком эмоционален, слишком сентиментален, чтобы стать специалистом по выживанию.

Мэтсон протянул руку.

— Не волнуйся. Я знаю, что ты способен огорчиться из-за нескольких сухих слов. Я достаточно осведомлен, что тебе хотелось бы познать все.

Я знаю, ты сумел бы голыми руками собрать фильтр для очистки воды. Ты знаешь, на какой стороне дерева растет мох. Но я не уверен, что ты сможешь уберечься от Перемирия медведя.

— Перемирия медведя?

— Ну, это неважно. Мальчик, я считаю, что тебя нужно исключить с курса. Если хочешь, можешь повторить курс обучения.

Род упрямо посмотрел на него. Мэтсон вздохнул:

— Я вычеркну тебя из списков. Я должен это сделать.

— Но почему, сэр?

— В этом-то все и дело. Я не буду объяснять. Но ты самый перспективный студент из всех, с кем я имел дело. — Он помолчал, затем встал. — Ладно. Желаю удачи. Когда начнутся испытания, вспомни, чему тебя учили, и не лей зря слезы.

* * *

Род отправился прямо домой. Его семья жила в пригороде Большого Нью-Йорка, расположенном на плато Гран Каньон вблизи выхода Хобокен Гейт.

Войдя в метро на ближайшей к колледжу станции, он на лифте поднялся на верхний уровень и направился к перрону Аризонской линии. При этом он не переставал думать о продовольствии, вооружении и боеприпасах для завтрашнего экзамена: ноги автоматически несли его налево, к бегающей дорожке, которая вела к большому залу планетарных выходов.

Он сказал себе, что побудет тут не более десяти минут, иначе опоздает к обеду. Пробился сквозь толпу и вошел в большой зал — не на экзаменационный перрон, а на балкон для зрителей, прямо против выходов. Это были совершенно новые выходы, открытые в 1968 году: старый эмигрантский выход теперь использовался для сообщения с Терраном и торговли с Луной и находился на равнине Джерси, на несколько километров западнее огромного здания, в котором сейчас стоял Род.

С балкона было видно шесть выходов. Огромный балкон мог вместить восемьдесят шесть тысяч человек, но был полупустым, лишь в центре собрались люди. Отсюда Род мог бы наблюдать действие всех шести выходов. Он спустился ниже по центральному проходу, придерживаясь за перила, и увидел свободное место. Род успел его занять, бросив насмешливый взгляд на человека, направлявшегося к этому же сиденью с другого прохода.

Род бросил монетку в подлокотник кресла, и оно раздвинулось. Он сел и оглянулся. Место находилось против статуи Свободы, копии той статуи, которая сто лет назад стояла на месте кратера Веддос. Ее факел почти достигал потолка: по обе стороны ее, слева и справа, находилось по три выхода, через которые эмигранты отправлялись в другие миры.

Род не смотрел на статую, его интересовали выходы. Приближался вечер, небо над всем восточным берегом Северной Америки было затянуто

тучами, но выход № 1 открывал частичку какой-то планеты, где сверкало полуденное солнце: Род смог только разглядеть людей, одетых в шорты и тропические шлемы, и ничего больше. Выход № 2 был закрыт прочной перегородкой, над которой был изображен череп, две кости и химический знак хлора. Над всем этим горела красная лампа. Подождав немного, Род увидел, что красная лампа погасла, вспыхнула голубая: дверь медленно отворилась и пропустила капсулу с существом, дышащим хлором. Его поджидали восемь человек в полном дипломатическом наряде. Один из них держал золотой жезл.

Род хотел узнать, кто был этот важный посетитель, но его внимание привлек выход № 5. Перед ним, как раз под балконом, был подготовлен запасной выход. Две высокие стальные перегородки ограждали оба выхода, образуя между ними проход, по ширине равный самим выходам, — всего было отгорожено пространство пятьдесят на семьдесят пять. Оно было заполнено людьми, двигавшимися от запасного выхода к выходу № 5 и далее через пятый выход — на какую-то отдаленную планету. Они возникали как бы из ничего, так как пол за запасным выходом был пуст, проходили, как стадо скота, между двумя перегородками, входили в пятый выход и исчезали. Отряд мускулистых полицейских — монголов, вооруженных палками в рост человека, — располагался с внутренней стороны загородки. Своими палками полицейские подгоняли эмигрантов и делали это не особенно вежливо. Один из них так сильно толкнул старика-эмигранта, похожего на кули, что тот споткнулся и упал. Старик нес все свое имущество, все, что у него будет в новом мире, связав все это в два тюка, переброшенных через правое плечо.

Старик поднялся на колени, попытался встать и снова упал. Род был уверен, что его затопчут, но он кое-как вновь поднялся без своей поклажи. Он пытался удержаться в стремительном потоке людей, прикрывая свои пожитки, но охранник вновь ударил его, и старик вынужден был продолжить путь с пустыми руками. Род потерял его из виду через пять метров.

Местная полиция, находившаяся вне огороженного пространства, не вмешивалась. Очевидно, узкая дорога между двумя выходами была экстерриториальной: юрисдикция местной полиции сюда не распространялась. Один из полицейских, казалось, возмутился жестоким обращением со стариком: он наклонился к отверстию в стальной перегородке и сказал что-то на терра-лингва. Монгольский полицейский ответил на том же упрощенном языке, что он думает об американцах, и, повернувшись спиной, продолжал толкать и бить бегущих еще сильнее.

Толпа, стремившаяся через огороженное пространство, состояла из азиатов — японцев, индонезийцев, сиамцев, изредка индусов, но главным образом жителей Южного Китая. Роду они все казались одинаковыми — миниатюрные женщины с детьми за спиной или с одним ребенком за спиной, а другим на руках, дети с сопливыми носами и бритыми головами, отцы с жалким скарбом, увязанным в огромные узлы на спине; некоторые

толкали перед собой тачки. Здесь было также несколько тощих пони, тащивших слишком большие для них телеги с поклажей, но большинство из толпы обладали только тем, что могли унести.

Род слышал старый анекдот о том, что если китайцы построятся по четыре в ряд и будут проходить мимо определенной точки, то колонна никогда не кончится, ибо рождаться китайцев будет больше, чем проходить через этот пункт. Понимая, что это чепуха, Род все же попытался проверить анекдот арифметическими подсчетами: вышло, без учета вновь рождавшихся, что последний китаец пройдет через четыре года. Тем не менее, глядя на эту толпу, бегущую подобно стаду из одного выхода в другой, Род почувствовал, что старый анекдот в чем-то прав, хотя с точки зрения математики он абсурден. Казалось, идущим не будет конца.

Он решил выяснить, что будет дальше. Опустил монету в щель громкоговорителя, установленного в кресле: до него донесся голос комментатора:

«...прибывший министр. Наследник престола был встречен официальными представителями Объединенной Земли, включая генерального директора, которые сопровождали его на закрытую Ратунианскую территорию. Представитель генерального директора указал, что для предотвращения возможных конфликтов между кислородными существами, подобными нам, и ратунианцами желательное присутствие максимально возможного числа представителей на конференции.

Если вы обратите внимание на пятый выход, то увидите то же, что и раньше: пятый выход на сорок восемь часов предоставлен Южно-Азиатской республике. Запасной временный выход, расположенный под вами, через гиперпространство связан с определенным местом в Австралии в пустыне Арунта, где в большом лагере на протяжении многих недель собирались эмигранты. Его светлейшее величество председатель Южно-Азиатской республики Фунг Чи-Му информировал Объединение, что его правительство намерено за сорок восемь часов переправить около двух миллионов человек, то есть более сорока тысяч за каждый час. Плановое задание по эмиграции для всех выходов — эмигрантского прохода, Петра Великого и Ворот Витвотерсренд — всего семьдесят миллионов эмигрантов, или около восьми тысяч за час. То, что вы видите, в пятнадцать раз превышает обычные нормы эмиграции». Комментатор продолжал: «Однако, когда мы видим быстроту, эффективность и прямолинейность, с которой проводится вся операция, кажется, что они добьются своей цели. Подсчеты показывают, что за первые девять часов они даже слегка перевыполнили намеченную норму. За эти же девять часов у эмигрантов родилось сто семьдесят младенцев и умерло восемьдесят два человека; очень высокая смертность, очевидно, объясняется волнением при эмиграции.

Планета назначения, ЖО — 8703 — IV, согласно приказу председателя Фунга, отныне именуемая «Небесные горы», относится к типу пригодных для жизни планет, хотя до сих пор не предпринимались попытки ее колонизации.

Объединение заверили, что все эмигранты являются добровольцами. — Роду показалось, что тон комментатора стал ироничным. — Это вполне понятно, если учесть феноменально быстрый рост населения Южно-Азиатской республики: Можно привести краткую историческую справку. После переезда остатков прежнего австралийского населения на Новую Зеландию согласно Бэйпинскому мирному договору первые усилия нового правительства были направлены на создание большого внутреннего моря...». — Род выключил радио и вновь посмотрел вниз. Он не позаботился в свое время запомнить школьный рассказ о том, как австралийская пустыня расцвела подобно розе, а затем превратилась в сплошные трущобы, населенные большим количеством людей, чем во всей Северной Америке. Что-то новое происходило у четвертого выхода.

Когда он пришел, через четвертый выход пропускали какой-то груз. Теперь весь груз был переправлен, и для отправки уже строилась партия эмигрантов. Это не был отряд бедных переселенцев, подгоняемый полицией; здесь каждая семья имела свое средство передвижения: длинный, широкий, крытый крепкой парусиной фургон, который тянули три пары животных; квадратный практичный «студебеккер» со стальным корпусом, с высокими, забрызганными грязью колесами, который также тянули одна или две пары животных. Тягловыми животными были морганы, гордые глайдисдейлы и миссурийские мулы с сильными плечами и унылыми подозрительными глазами. Собаки бежали между колесами, повозки были доверху набиты домашним имуществом, инструментами и детьми, в клетках, привязанных наверху, домашняя птица громко протестовала против унижений судьбы; маленький шотландский пони без всадника, но с седлом, слишком высокий, чтобы бежать вместе с собаками под повозками, стоял возле остатков имущества какой-то семьи.

Род удивился отсутствию крупного рогатого скота и вновь обратился к помощи комментатора. Однако тот все еще говорил о высокой рождаемости южноазиатов.

Род выключил радио и подождал. Повозки двигались по полу и располагались уступом вблизи выхода, готовые к перемещению; вереница заканчивалась где-то под балконом. Выход еще не был готов, и эмигранты сошли с повозок и собрались у киосков Армии Спасения, получая чашку кофе и добродушно посмеиваясь. Род подумал, что, вероятно, там, куда они отправляются, кофе не будет еще много лет, так как Земля никогда не экспортирует пищу — напротив, пища и радиоактивные металлы были единственным товаром, импорт которого был разрешен. Внеземная колония могла рассчитывать на помощь Земли, только если у нее был излишек пищи или расщепляющихся материалов.

Лишь крайняя нужда в уранидах могла позволить открыть межзвездный выход, и люди в повозках будут вне коммерческих связей с Землей до тех пор, пока у них не создастся излишек нужных Земле товаров; тогда они могут рассчитывать на регулярное использование выхода. Но до тех пор они предоставлены самим себе и лишены всякого снабжения — это

делало лошадей нужнее вертолетов, кирки и лопаты полезнее бульдозеров. Техника выходила из строя и требовала сложного оборудования для ремонта, а старые добрые «едоки сена» размножались сами и питались подножным кормом.

Дьякон Мэтсон говорил своему курсу, что самой большой трудностью первых переселенцев в космос было не отсутствие водопровода, отопления, электрического освещения, а быстрое истощение запасов кофе и табака.

Род не курил и очень редко пил кофе, он не стал бы расстраиваться из-за их отсутствия. Он поерзал в кресле, стараясь разглядеть через выход причину задержки. Ему было плохо видно, так как поле зрения ограничивал высокий кузов фургона одного из переселенцев, но ему показалось, что оператор выхода ошибся: там, где должна была быть земля, виднелось небо. Искажение гиперпространства, необходимое для соединения двух планет, находящихся друг от друга на расстоянии многих световых лет, требовало не только огромного количества энергии: это была сложная задача, связанная с тщательными математическими расчетами и операторским искусством — расчеты выполнялись машиной, а оператор при установлении связи между отдаленными планетами во многом руководствовался интуицией.

Скорости движения обеих планет складывались или вычитались друг из друга, но следовало учитывать еще и вращение каждой планеты. Задача заключалась в том, чтобы в момент включения выхода оси обеих планет располагались строго параллельно, а вращение должно было быть в одном направлении. Теоретически возможно было соединить планеты и при противоположном направлении вращения, производя обратное вращение в искривленном пространстве-времени: практически же это было почти невыполнимо — поверхность земли за выходом стремилась ускользнуть и принять наклонное положение.

Род не обладал достаточными математическими познаниями, чтобы оценить эту трудность. Его обучение не выходило за рамки высшей школы и ограничивалось тензорным исчислением, статической механикой, анализом бесконечно малых величин, общей геометрией шести измерений и практическими познаниями в электронике, простейшей кибернетике и робототехнике, а также в аналоговых машинах; к тому же он не очень хорошо успевал по математике. Тем не менее он понимал, что оператор выхода должен во всем этом разбираться очень хорошо. Он вновь взглянул на группу эмигрантов.

Эмигранты все еще стояли у киосков, пили кофе и ели пирожки. Большинство из них обросло бородами: Род заключил, что они путешествовали уже несколько месяцев. У главаря отряда, «капитана», была небольшая борода, усы и длинные волосы, но Роду показалось, что он не намного старше его самого. Это был, конечно, профессионал, прекрасно овладевший всем, что потребуется вне Земли: охотой, умением производить разведку, стрельбой, оказанием первой помощи, групповой психологией, тактикой группового выживания и дюжиной других необходимых умений.

У капитана был жеребец, прекрасный, как восход солнца, а сам капитан был одет, как калифорниец ранних столетий, ему можно было сделать тот же комплимент, что и его лошади. Вспыхнул предупреждающий свет на электротабло, и капитан, продолжая дожевывать пирожок, поехал вдоль вереницы повозок, осматривая их, по направлению к Роду. Его спина была прямой, посадка на лошади легкой и поза уверенной. К поясу прикреплены два пистолета, один из них в кобуре, украшенной серебряным орнаментом, тот же орнамент был на седле и упряжи.

Род сдержал дыхание, пока капитан проходил мимо него под балконом, затем вздохнул и подумал, как ему хочется быть похожим на него, больше, чем иметь другую высокоинтеллектуальную веземную профессию. Он не знал теперь, кем ему хочется быть, он знал только, что ему хочется как можно быстрее покинуть Землю и оказаться там, куда отправляются эти люди.

Он вспомнил, что первый барьер ему предстоит взять завтра: через несколько дней он либо получит право работать там, куда он так стремится, либо... но что толку об этом думать сейчас. Он подумал, что уже поздно, а он все еще не выбрал оружие и снаряжение. У этого капитана были пистолеты, нужно ли и ему брать их? Нет, этот отряд будет обороняться совместно, если только ему предстоит обороняться. Капитан выбрал это оружие лишь для поддержания своего авторитета, оно не пригодно для одиночного выживания. Хорошо, но что же взять ему?

Прозвучала сирена, и эмигранты разошлись по своим повозкам. Капитан возвращался быстрой рысью.

— Стойте! — кричал он. — Стойте!

Он занял позицию у выхода, обернувшись лицом к отряду, его лошадь пританцовывала на месте.

Девушка из Армии Спасения вышла откуда-то из-за угла, держа на руках маленькую девочку. Она что-то сказала капитану, но ее голос не достиг балкона. Голос капитана был громче:

— Номер четыре! Дойл! Забери свою девочку!

Красноголовый мужчина с рыжей бородой спрыгнул с четвертой повозки и неуверенно взял на руки девочку под хор одобрительных возгласов и кошачий визг. Он передал девочку жене, которая приняла ее в подол юбки. Дойл поднялся на сиденье и подтянул вожжи.

— Внимание! — прозвучал голос капитана. — Один! Два! Три! Четыре! Пять!

Счет долетел до балкона, поднялся до самой высокой ноты. Капитан поднял правую руку, глядя на электротабло.

Загорелся зеленый свет. Он резко опустил руку с возгласом:

— Вперед!

Его жеребец бросился вперед, проскочил перед первой повозкой и исчез в выходе. Щелкнули кнуты. Род слышал возгласы: «Но, Молли! Вперед, Нед!». Вереница повозок двинулась вперед. Спустя какое-то время последняя повозка подъехала к выходу, она двигалась галопом, мужчины широко

расставили ноги, их жены держали тормоза. Род попытался сосчитать их, он дошел до шестидесяти трех, когда последняя повозка проехала через выход, отправившись куда-то на расстояние в полгаллактики.

Он вздохнул и откинулся на спинку сиденья с чувством теплоты, смешанным со смутным сожалением. Затем включил радио: «...на Новый Ханаан, премиальную планету, названную великим Ленгфордом «Розой без шипов». Эти колонисты заплатили шестьдесят тысяч каждый за право иметь счастье и растить свое потомство на Новом Ханаане. Машина предсказывает, что цены на планеты значительно возрастут в последующие двадцать восемь лет, поэтому, если вы хотите, чтобы ваши дети стали гражданами Нового Ханаана, действуйте сейчас. За прекрасным микрофильмом об этой планете обратитесь в бюро информации, первый эмиграционный отдел, Нью-Джерси, Большой Нью-Йорк, и пошлите один плутон. Если вы хотите получить описания всех вновь открываемых планет, пошлите еще полплутона. Описания всех планет вы можете получить также в справочном бюро в фойе Большого зала».

Род не слушал. Он уже давно получил все описания, большинство из них рассылалось Комиссией по эмиграции и торговле. Он удивился, почему выход в Новый Ханаан все еще не освободился.

Наконец он понял, в чем дело. Перед четвертым выходом появился настил с крутым спуском, ведущим от пола Большого зала к выходу; затем большое стадо крупного рогатого скота наводнило выход, мыча и рыча. Это были коровы харфордской породы, из которых можно было бы приготовить немало прекрасных бифштексов для богатой, но слегка голодной Земли. За ними и между ними шли пастухи с кнутами; они подгоняли коров — от быстроты передвижения зависела цена: каждая минута открытого выхода стоила не очень дешево.

Род заметил, что комментатор замолчал: иссякли полчаса, за которые он заплатил. Он встал с чувством вины: нужно поторопиться, а то он может опоздать и к ужину. Бормоча извинения, он протиснулся к движущейся дорожке на Хобокен Гейт. Этот выход, употреблявшийся исключительно для внутриземных перемещений, постоянно раскрывался и закрывался без оператора: два пункта, которые он соединял, были связаны постоянно. Род показал свой билет электронному сторожу и вышел в Аризоне вместе с толпой соседей. Робот, управляющий выходом, объяснял преимущества этого способа перемещения, но не смог предупредить небольшого отклонения. Проходя через выход, Род почувствовал легкое дрожание, как при небольшом землетрясении, затем почва вновь стала сама собой. Он находился в тамбуре, где давление воздуха было таким же, как и на уровне моря. Механизмы уловили тепло людских тел, тамбур закрылся, и давление стало падать. Род широко зевнул, привыкая к давлению на плато Гран Каньон, которое было на семьдесят пять миллиметров ртутного столба ниже, чем в Нью-Йорке.

Хотя он проделывал это ежедневно, он вынужден был потерять рукой заболевшее правое ухо. Тамбур открылся, и он вышел. Переместившись

на две тысячи миль за долю секунды, он должен был теперь десять минут двигаться по скользящей дорожке, а затем около пятнадцати идти пешком. Он решил пробежаться и все-таки успеть домой вовремя. Возможно, это и удалось бы сделать, если бы не несколько тысяч людей, стремившихся к той же цели.

Глава 2

ПЯТЫЙ ПУТЬ

Ракетные корабли не преодолевали пространство, они только бросили ему вызов. Ракета, покидающая Землю со скоростью семь миль в секунду, движется ужасающе медленно в сравнении с необузданным пространством. Только Луна сравнительно близка — около четырех дней пути; Марс находится на расстоянии тридцати семи недель, Сатурн — почти шести лет. Плутон достижим за полстолетия по тем эллиптическим орбитам, которые доступны ракетам.

Фотонные корабли Ортегу пронесились через Солнечную Систему сквозь пространство. Основанные на релятивистском изменении массы, использующие бессмертное уравнение Эйнштейна $E = mc^2$, они развивали огромные ускорения на пределе человеческой выдержки. При их скорости внутренние планеты достигались за несколько часов, до далекого Плутона было только восемнадцать суток. В сравнении с ракетой они выглядели как реактивный самолет в сравнении с всадником.

Короткий век этой прекрасной новой игрушки объяснялся тем, что дальше применять ее было негде. Солнечная система с человеческой точки зрения состоит из крайне непривлекательной недвижимости, исключая, разумеется, любимую Землю, зеленую от буйной растительности и прекрасную.

Планеты типа Юпитера обладают невыносимой силой тяжести, а отравленная атмосфера и огромные давления делают их вообще непригодными для жизни человека. Марсиане живут почти в вакууме; ящерицы, живущие в лунных скалах, вообще не дышат. Все эти планеты не для людей.

Человек может существовать только на планетах, достаточно близко расположенных к звездам типа Ж, где температура не намного отличается от точки замерзания воды, как на Земле, кстати.

Зачем же уходить отсюда, если только тут можно жить? Причина заключалась в детях, в слишком большом количестве детей. Мальтус уже давно указал на это: количество пищи возрастает в арифметической прогрессии, а население увеличивается в геометрической. Перед первой мировой войной половина населения Земли жила на грани голода: перед второй население увеличивалось на пятьдесят пять тысяч ежедневно: перед третьей мировой войной, то есть в 1954 году, ежедневно прибавлялось сто тысяч ртов и животов. Ежегодно население Земного шара увеличивалось на тридцать пять миллионов человек.

Оно продолжало расти, и поля уже не в состоянии были прокормить его. Водородная бомба, бактериологическое оружие, нервные газы и прочие ужасы не смогли намного уменьшить население. И по-прежнему на Земле гибли больше людей от голода, чем от оружия.

Автор «Путешествия Гулливера» сардонически предполагал подавать ирландских детей на стол к английским джентльменам; другие предлагали менее решительные пути сокращения населения; впрочем, особой разницы тут не было. Жизнь, любая жизнь, всегда стремится выжить и воспроизвести себя. Разум есть побочный продукт этой основной жизненной тенденции.

Но, возможно, и разум призван обслуживать это неразумное требование жизни. Наша Галактика содержит примерно сто тысяч планет земного типа, таких же теплых и пригодных для жизни человека, как и родная Земля. Фотонные корабли Ортегю могли достигнуть звезд. Человечество нашло место колонизации, и голодные миллионы европейцев пересекли Атлантику, чтобы рожать детей в новых землях.

Но никакой народ, даже объединив свои усилия, не может сооружать и отправлять сотню кораблей, каждый из которых вмещает тысячу колонистов, ежедневно, и делать это день за днем, год за годом, бесконечно. Даже если найдутся рабочие руки и желание (чего всегда было недостаточно), не хватит стали, алюминия и урана в земной коре. Вряд ли нашлась бы и сотая доля необходимого количества.

Но разум способен найти выход там, где его, казалось бы, нет. Психологи однажды поместили человекообразную обезьяну в клетку, из которой вели только четыре выхода. Затем они стали наблюдать: какой же выход она предпочтет.

Обезьяна нашла пятый выход.

* * *

Доктор Джесси Эвелин Рамсботем не пытался решить проблему роста населения: он хотел построить машину времени. У него для этого были две причины: во-первых, считалось, что построить машину времени невозможно, во-вторых, у него потели руки и он заикался в присутствии женщин. Он не сознавал, что первая причина порождена второй: он вообще не думал о второй причине — это была тема, которой его сознание избегало.

Бесполезно размышлять, как изменилась бы история, если бы родители Джесси Эвелин Рамсботема дали бы ему обычное имя Билл, вместо того чтобы наделить его двумя женскими именами. Возможно, он стал бы знаменитым полужащитником, а кончил бы браком и выполнением своей нормы деторождения, чтобы усугубить и так катастрофическое положение. Но он стал физиком и математиком.

Прогресс в физике был достигнут отрицанием очевидного и признанием невозможного. Любой физик девятнадцатого века сказал бы, что атомная бомба невозможна, если бы не был оскорблен этим вопросом; любой

физик двадцатого века объяснил бы, почему путешествия во времени не совмещаются с реальным миром пространства-времени. Но Рамсботем начал перебирать три величайших уравнения Эйнштейна: два релятивистских уравнения пространства и времени и уравнение приращения массы; в каждом из них содержалась скорость света. Скорость была отправной координатой, изменения в пространстве вызывали изменения во времени, и он превратил эти уравнения в дифференциальные, начав играть с ними. Он получил результат на ракитиак, дальнем потомке униака, эпияка и маниака, больших вычислительных машин прошлого. Когда он проделывал все это, его руки не потели и он не заикался, за исключением тех минут, когда он вынужден был общаться с молодой женщиной — главным программистом гигантского компьютера.

Его первая модель производила поле темпорального статиса размером не более футбольного мяча, однако зажженная сигарета, помещенная внутрь, продолжала гореть и неделю спустя. Рамсботем вынул сигарету, затаился и принялся думать. Позднее он поместил туда однодневного цыпленка. При этом присутствовали в качестве свидетелей его коллеги. Три месяца спустя цыпленок был в том же возрасте и не более голоден, чем обычно бывают цыплята. Тогда он поменял фазы и включил электричество на кратчайшее мгновение.

В мгновение ока новорожденный цыпленок погиб от голода. За то же мгновение он совершенно разложился. Рамсботем понял, что изменил направление времени и решил, что находится на пути к настоящему путешествию во времени. На самом деле он не открыл путешествия во времени, хотя и думал, что сделал это. Он несколько раз повторял опыты с цыплятами по просьбе своих коллег.

Рамсботем построил большую модель, чтобы испытать ее действие на себе. Включив электричество, он увидел, что его окружают не стены лаборатории, а полные испарений джунгли. Он решил, что это леса каменноугольного периода. Ему всегда казалось, что разница между пространством и временем является лишь человеческим предубеждением. Он выхватил пистолет и храбро, но безрассудно ступил в джунгли.

Десять минут спустя он был арестован за применение огнестрельного оружия в ботаническом саду Рио-де-Жанейро и доставлен в полицию. Незнание португальского языка затруднило вначале его положение, но три дня спустя благодаря вмешательству американского консула он был уже на пути домой. Всю дорогу он думал и покрывал блокноты сотнями уравнений.

Кратчайшая дорога к звездам была найдена.

* * *

Открытие Рамсботема уменьшило вероятность войны и разрешило проблему роста народонаселения. Сто тысяч планет были теперь не дальше, чем противоположная сторона улицы. Девственные континенты, необработанные поля, плодородные джунгли, смертельно опасные пустыни, за-

мерзшие тундры, непроходимые горы лежали теперь сразу за городскими воротами, и человечество вновь вступало туда, где ночью улицы не освещены, где на углу нет дружески настроенного полисмена и где вообще нет угля, где нет хорошо прожаренных бифштексов, ветчины с яйцом, нет пиши для изнеженных тел. Человек вновь нуждался в своих кусающих, рвущих, звериных зубах, ибо он вновь вынужден (как это было столетия назад) убивать, чтобы не быть убитым, съедать, чтобы не быть съеденным.

Но у человека был великий дар выживания. Раса, давно преобразовавшая условия своего существования, раса урбанизированная, механизированная и цивилизованная больше, чем когда-либо раньше, теперь посылала лучших своих представителей, своих потенциальных лидеров, в первобытные условия — безоружный человек против природы.

* * *

Род Уокер знал о докторе Дж.Э.Рамсботеме, как знал об Эйнштейне, Ньютоне и Колумбе, но думал о нем не больше, чем об этих троих. Это было скорее соломенное чучело из книги, чем реальная фигура. Он пользовался рамсботемским выходом между Джерси и Аризоной, не думая о его изобретателе, так же, как его предшественники пользовались лифтом, не вспоминая об Отисе.

Если он и размышлял об этом чуде, то у него всегда появлялось полуосознанное сожаление, что аризонская часть выхода Хобокен Гейт была слишком далеко от дома его родителей. Она называлась Кайбаб Гейт и располагалась в семи милях от дома Уокеров.

Когда строился дом, этот район был последним, которого достигал туннель доставки и другие коммунальные городские линии. Поскольку это был старый дом, все его жилые помещения находились на поверхности земли. В доме были только спальни и столовая. Было так же подземное бомбоубежище. А жилые комнаты раньше одиноко торчали над землей, образуя эллиптическое укрытие: но когда Большой Нью-Йорк расширился, то вся местность в округе была застроена подземными апартаментами вплотную к девственному лесу. Строить что-либо на поверхности было запрещено. Уокеры покрыли свои жилые помещения почвой и высадили лиственные деревья, но они отказались закрывать смотровое окно. Это была главная прелесть дома, так как через него открывался вид на Большой Каньон. Муниципалитет старался принудить их закрыть его и заменить подобием окна с телевизионным изображением Большого Каньона, как это делается в подземных помещениях. Но отец Рода был упрямым человеком и утверждал, что наряду с природой, женщинами и вином, это лучшее, что есть в жизни. Окно все еще оставалось нетронутым.

Род застал свою семью сидящей перед этим окном: ожидалась сильная буря в Каньоне. Здесь находились его мать, отец и, к его удивлению, сестра. Элен была десятью годами старше его. Будучи капитаном аризонской полиции, сестра редко появлялась дома.

Он обрадовался, и вовсе не потому, что его собственное опоздание благодаря ее приезду могло пройти незамеченным.

— Сестренка! Как хорошо, я думал, ты в Туле.

— Я и была там несколько часов назад.

Род пожал ей руку. Сестра цепко обняла его и поцеловала, прижав к своему высоко поднятому желтому корсажу. Она все еще была в форме: это подсказало Роду, что она только что приехала — в свои редкие приезды домой она обычно сразу переодевалась в халат и домашние туфли, а волосы связывала узлом. Сейчас же она была в защитной одежде, вооруженная, а ее кожаные перчатки и украшенная перьями каска лежали на полу.

Она с гордостью посмотрела на него.

— Как ты вырос! Стал с меня ростом!

— Я выше!

— Не пытайся вырваться. Я сверну тебе руку. Снимай ботинки и стань спиной ко мне.

— Сядьте, дети, — мягко сказал отец. — Почему ты так поздно, Род?

— А... — он хотел выкрутиться, рассказав о завтрашнем экзамене, но вмешалась сестра.

— Не приставай к нему, папа! Требуя, чтобы он извинился, и кончим на этом. Я научилась этому, когда была сублейтенантом.

— Тише, дочь! Я и без твоей помощи разберусь с ним.

Род был удивлен раздраженным тоном отца и еще более удивился ответу Элен:

— Да неужели? — и тон ее был странным.

Род видел, как мать подняла руку, как бы собираясь что-то сказать. Она выглядела расстроенной. Его сестра и отец глядели друг на друга; все молчали. Род перевел взгляд с одного на другого и спросил:

— Что случилось?

Отец улыбнулся ему:

— Ничего. Не будем больше об этом. Обед ждет. Пойдем, дорогая! — он повернулся к жене и помог ей подняться с кресла.

— Минутку, — сказал Род настойчиво. — Я опоздал, так как задержался у выходов.

— Хорошо. Тебе лучше знать, но больше об этом говорить не будем. — Отец повернулся к лифту.

— Но мне нужно еще кое-что рассказать. Меня не будет дома всю следующую неделю.

— Хорошо... что? Что ты сказал?

— Меня не будет дома некоторое время. Может, десять дней, а может, и дольше.

Отец казался обескураженным, он покачал головой:

— Каковы бы ни были твои планы, тебе придется их изменить. Я не могу разрешить тебе отсутствовать столько времени.

— Но, папа...

— Мне очень жаль, но дело решено.

— Но, папа, я должен!

— Нет.

Род был огорчен. Неожиданно его сестра сказала:

— Папа, а не лучше ли спросить, почему он должен отсутствовать?

— Нет, дочь...

— Папа, я сдам экзамен на одиночное выживание, начало завтра утром!

Миссис Уокер вздохнула и начала плакать. Ее муж сказал:

— Ну, ну, дорогая! — затем повернулся к сыну и жестко проговорил: — Ты огорчил свою мать.

— Но, папа, я... — Род замолчал, с горечью подумав, что вряд ли кто-нибудь из них представляет, что это для него значит.

— Видишь, отец, — заметила сестра. — Он должен уехать. У него нет выбора, потому что...

— Ничего подобного! Род, я хотел поговорить с тобой об этом позже, я не думал, что экзамен будет так рано. Должен признаться, что, когда я давал тебе разрешение на этот курс, я кое о чем умолчал. Я думал, что жизненный опыт придет к тебе позже... когда ты будешь заканчивать курс в колледже. Я никогда не думал разрешать тебе сдавать этот экзамен. Ты еще слишком молод.

Род ошеломленно молчал. Но его сестра заговорила снова:

— Вздор!

— А? Дочь, прошу запомнить, что...

— Опять вздор! Любая знакомая мне девушка в его возрасте знает и знала больше тяжести в жизни, чем Бадди. Что ты собираешься делать, отец? Пожалей его нервы.

— Ты не права... Я думаю, что лучше обсудить это позже.

— Согласна.

Капитан Уокер взяла брата под руку, и они вдвоем пошли за родителями вниз, в столовую. Обед был на столе, все еще теплый в закрытых термосах. Они заняли места у стола, встали, и мистер Уокер торжественно зажег Лампу Мира. Семья принадлежала к евангелическим монистам по наследству: оба деда Рода участвовали во второй мировой войне и приняли эту религию в Персии в последнее десятилетие прошлого века, и отец Рода серьезно исполнял свои обязанности домашнего священника.

Автоматически выполняя свои обязанности в этом ритуале, Род напряженно думал о возникшей проблеме. Голос сестры звучал громко, но слова матери были едва слышны.

Тем не менее теплота привычного ритуала брала свое: Род почувствовал успокоение. Тем временем отец заканчивал: «...одна вера, одна семья, одна плоть!» Он сел на свое место и снял крышку с тарелки. Котлета из дрожжей выглядела, как настоящая отбивная, но в ней не было и грамма подлинного мяса; печеный картофель и жареное лобio, похожее на маленькие грибы... Род слотнул слюну, вдохнув запах кетчупа.

Он заметил, что мать почти ничего не ест, и это удивило его. Отец не ел много, он только отщипывал маленькие кусочки... С неожиданной теплотой Род вдруг заметил, что отец стал совсем седым и морщинистым. Сколько ему лет?

Его внимание привлек рассказ сестры:

— ...и тогда комендант сказала, чтобы я все это сделала. Я ей отвечаю: «Мадам, девушки остаются девушками. Если я каждый раз за такие проступки буду разжаловать своих офицеров, у меня скоро все будут рядовыми. А сержант Дворжак наш лучший пулеметчик...»

— Подожди, — прервал ее отец. — Я думал, что ты скажешь «Келли», а не «Дворжак».

— Она тоже так думала. Она плохо знает моих сержантов, а я не выдвигала Дворжак на повышение, ссылаясь на ее проступки. Между тем Тайпи Дворжак (а она старше меня) — наша главная надежда на ежегодных состязаниях квалеристов. Конечно, если бы Дворжак лишили всех наград, ей бы не пришлось участвовать в этих соревнованиях, а следовательно, никому из нас.

Так что я исправила свою «ошибку», заставив старую деву чуть ли не грызть свои ногти с досады, а затем сказала, что я держу обеих: и Келли, и Дворжак — на казарменном положении, пока не разбежится эта банда в колледже, и пела ей только о том, что милосердие и пощада не имеют границ, они проливаются подобно теплему дождю с неба, и имела удовольствие слышать, как она сказала, что ее не смущают скандальные — это ее слова, а не мои — инциденты... особенно когда ее окружают офицеры.

В конце концов она нехотя разрешила участвовать обеим, я отдала честь и исчезла как могла быстро.

— Я удивлен, — рассудительно заметил мистер Уокер, — что ты таким образом возражала своему командиру. В конце концов она старше тебя, и ей, вероятно, виднее.

Элен взяла немного грибов с тарелки и проглотила их.

— Чепуха в квадрате и в кубе! Прости меня, отец, но если бы тебе пришлось когда-либо нести военную службу, ты бы понял меня лучше. Я должна быть строга с моими девушками... Но я же за них готова идти в огонь, и это делает их лучшим отрядом на двадцати планетах. Все будет хорошо, пока у меня на правом фланге Келли, а на левом — Дворжак, и каждая из них заботится обо мне, как я о них. Я знаю, что делаю. «Волчата Уокера» — так называют наш отряд.

Миссис Уокер поежилась.

— Все это хорошо, дорогая, но я надеюсь, что ты не подвергаешь себя опасности.

Элен пожала плечами:

— Смертность у нас такая же, как и везде... Все умрут, рано или поздно. Чего же ты хотела, мама? На нашем континенте женщин на восемьдесят миллионов больше, чем мужчин, и ты хотела бы, чтобы я сидела дома

и вязала, пока не придет мой рыцарь? Там, где я работаю, мужчин больше, чем женщин. Одного из них, такого же старого и безобразного, как я, я подстрелила.

Род с любопытством спросил:

— Сестра, ты дала согласие на брак?

— Ну да! Я даже не считала его рук и ног. Если он все еще сохраняет страстность и способен кивнуть головой, он сделает то, что мне нужно. Моя цель — шестеро детей и ферма.

Род оглядел ее:

— Думаю, ты добьешься своего. Ты очень хорошенькая, несмотря на тощие лодыжки.

— Спасибо, братец. Большое спасибо. А что на сладкое, мама?

— Я не смотрела. Не посмотришь ли ты, дорогая?

На десерт было подмороженное манго, которое любил Род. Его сестра продолжала говорить:

— Моя служба — неплохая встряска. Моя обязанность — носить эту форму. Мои козлята толстеют, становятся неряшливыми и начинают ссориться друг с другом от полнейшего безделья. По моему мнению, скука в казарме хуже сражения. Надеюсь, что мой отряд примет участие в умиротворении планеты Байер.

Мистер Уокер посмотрел на жену, затем на дочь.

— Ты опять огорчила маму, дорогая. Большая часть твоего рассказа мало соответствует свету мира.

— Меня спросили, я ответила.

— Ну, хорошо...

Элен улыбнулась.

— Не пора ли вернуться к окну? Кажется, все кончили есть.

— Ну что ж, если хочешь. Хотя торопиться некуда.

Элен повернулась к Роду:

— Не ретироваться ли тебе, парень? Я хочу поговорить со стариками.

— Вот ничего себе, сестра: ты действуешь, а я...

— Пока, Бадди. Увидимся позднее.

Род ушел, чувствуя себя оскорбленным.

* * *

Он все еще составлял список оборудования, когда в его комнату вошла сестра.

— Привет, козлик.

— А, привет, сестра.

— Что ты делаешь? Готовишься к экзамену?

— Что-то вроде этого.

— Не возражаешь, если я присяду? — Она расчистила себе место на кровати и улеглась. — Ну, давай продолжим.

Род поглядел на нее:

— Значит ли это, что отец не возражает?

— Да. Я капала ему на мозги, пока он не увидел свет истины. Но, как я сказала, давай продолжим. Я хочу кое-что сказать тебе, младшенький.

— О чем же?

— Во-первых, вот что. Наши родители совсем не так глупы, как ты, возможно, думаешь. Напротив, они далеко не глупы.

— Я никогда не говорил, что они глупы.

Отвечая, Род огорченно подумал о некоторых своих мыслях.

— Нет. Но я слышала все за обедом и поняла. Отец слушал невнимательно. Но, Бадди, возможно, тебе никогда не приходило в голову, какая трудная должность — быть родителем, может быть, труднейшая из всех, особенно, когда у тебя нет к этому таланта, как у нашего отца. Он признавал это и добровольно пытался исправить свои ошибки. В большинстве случаев это ему удавалось. А теперь тебе следует знать вот что: отец близок к смерти.

— Что? — пораженно воскликнул Род. — Я не знал, что он болен.

— Ты и не должен был знать. Но тебе придется уступить отцу: все же у тебя остается выход. Отец опасно болен и умрет через несколько недель, если не будет найдено чудодейственное средство. Но вряд ли что-нибудь найдется. Поэтому уступи.

Она прямо объяснила ситуацию: мистер Уокер страдал наследственной болезнью, из-за которой медленно приближался к смерти, болезнь неизлечима обычными медицинскими средствами, возможно, он протянет еще несколько недель или месяцев, но обязательно вскоре умрет.

Род обхватил голову руками и сжал ее. Отец умрет... а он даже не замечал. От него скрывали, как от ребенка, а он оказался слишком глупым, чтобы заметить что-нибудь.

Сестра тронула его за плечо:

— Перестань. Нет ничего хуже, чем казнить себя, зная, что ничем не можешь помочь. Все равно мы должны что-то сделать.

— Что? Ты ведь сказала, что ничего нельзя сделать.

— Старики готовятся совершить «прыжок Рамсботема» в масштабе пятьсот к одному — двадцать лет за две недели. Они заключили контракт с «Энтропи Инкорпорейтед».

Отец ушел из «Дженерал Синтетикс» и привел в порядок все свои дела: они скажут миру «прощай» в следующую среду — вот почему отец был расстроен твоим сообщением о том, что ты будешь отсутствовать в это время. Ты ему дорог, как зеница ока, — бог знает почему...

Род постарался осмыслить услышанное: это была такая неожиданность! Прыжок во времени... конечно! Это позволит отцу остаться живым через двадцать лет. Но...

— Сестра, но это ему ничего не даст! Хотя... конечно, эти двадцать лет для него займут всего две недели... и отец все так же будет болен.

Я знаю, о чем говорю: то же самое сделали для прадедушки Хэнка Робинса, и он все равно умер, как только его извлекли из стасиса. Хэнк рассказывал мне.

Капитан Уокер пожала плечами:

— Возможно, это и бесполезно. Но лечащий врач отца, доктор Хэнсли, сказал, что убежден: случай отца не безнадежен... через двадцать лет... Я ничего не знаю о развитии медицины в области нарушения обмена веществ, но доктор Хэнсли сказал, что они на верном пути и что через двадцать лет отца смогут вылечить так же легко, как сейчас приживляют ногу.

— Ты на самом деле так думаешь?

— Откуда мне знать? В подобных случаях нужно нанимать лучшего специалиста и следовать его советам. Если мы не сделаем этого, отец умрет. Поэтому мы идем на это.

— Конечно, конечно, это нужно сделать.

Она пристально посмотрела на него и добавила:

— Хорошо. Хочешь ли ты поговорить с ним?

— Что? — он вздрогнул. — Зачем? Они что, ждут меня?

— Нет. Я убедила их, что лучше все от тебя скрывать, пока все не произойдет. Затем я должна была все рассказать тебе. Теперь поступай как хочешь. Можешь притвориться, что ничего не знаешь, и продолжать готовиться к своему экзамену на выживание. В таком случае лучше уйди не попрощавшись, как кошка.

Мысли Рода путались. Не попрощаться казалось ему неестественным, неблагодарным по отношению к семейным чувствам — но перспектива прощания была еще более невыносимой.

— Что ты сказала о кошке?

— Приветствуя тебя, кошка проделывает массу действий: мурлычет, трется о ноги, потягивается. Но, уходя, она никогда не оглядывается.

— Ну...

— Я советую тебе уйти так, — добавила она. — Тем более что они делают это для своих целей, а не для твоих.

— Но отец может...

— Конечно, он должен попытаться. — Она подумала, что огромная плата за прыжок во времени оставит Рода практически без средств; решила, что эту сторону проблемы лучше не обсуждать. — Но мама не последует за ним.

— Но она должна идти с ним!

— Почему? Она может оставить тебя одного на двадцать лет, чтобы пробыть с отцом две недели. Или наоборот: чтобы не делать тебя сиротой, она станет вдовой на двадцать лет.

— Это не очень хорошо для мамы, — ответил медленно Род.

— Я не осуждаю ее. Она сделала правильный выбор. Они оба испытывают чувство вины перед тобой...

— Передо мной?

— Да, перед тобой. Я не преувеличиваю. Если ты будешь настаивать на прощении, чувство вины заставит их искать самооправдание, они начнут добиваться справедливости любой ценой, и всем будет очень плохо. Я не хочу этого! Вы все — моя семья.

— Да, наверное, тебе виднее.

— Я не сильно ни в логике эмоций, ни в военном руководстве, но я знаю: человек — не разумное животное, он лишь организованное животное. А теперь давай обсудим твои планы на будущее.

Она просмотрела подготовленные им записи и мягко сказала:

— Род, я никогда не видела такой груды снаряжения. Ты не сможешь двинуться с места. На кого ты похож? На Твиддлума, готовящегося к сражению, или на Белого Короля?

— Хорошо, я постараюсь сократить список, — смущенно ответил он.

— Надеюсь, ты сделаешь это.

— Да, сестра, какое огнестрельное оружие мне лучше всего захватить с собой?

— Что? Какого дьявола тебе нужно оружие?

— Конечно, для защиты. Хищники и дикари. «Дьякон» Мэтсон определенно сказал, что нас ждет встреча с ужасными животными.

— Сомневаюсь, чтобы он посоветовал тебе взять оружие. Я знаю, он практичный человек. Глядя на все это, малыш, можно забыть, что ты кролик, старающийся спастись от лисы... Как будто ты лиса.

— Что ты имеешь в виду?

— Твоя единственная задача — выжить. Не показывать свою храбрость, не бороться, не побеждать дикарей — только продолжать дышать. В одном случае из ста оружие может спасти тебе жизнь: в остальных девяти случаях оно будет искушать тебя на безрассудный поступок. О, конечно, Мэтсон взял бы оружие, и я взяла бы. Но мы стреляные воробьи: мы знаем, когда применять оружие. Подумай над этим. Во время этого испытания ты можешь столкнуться с воинственными юными наглецами. Если один из них расстреляет тебя, то уже не будет иметь значения, есть ли у тебя оружие — ты будешь мертв. Если у тебя будет оружие, это делает тебя самоуверенным и ты не позаботишься о надежном убежище. Зато если у тебя не будет оружия, ты всегда будешь помнить, что ты кролик. И будешь заботиться о своей безопасности.

— А ты брала оружие на свой экзамен по выживанию в одиночестве?

— Да. И потеряла его в первый же день. Это спасло мне жизнь.

— Как?

— Потому что, потеряв оружие, я старалась избежать встречи с грифонами Бессмера, а не подстрелить их.

— Да, на Спайе Пятой.

— Спайе Четвертой. Я не знаю, насколько глубоко вы, нынешние козлята, изучаете космическую зоологию — познакомившись с невежественными новобранцами-полицейскими, я пришла к выводу, что новомодное

«функциональное образование» упразднило учебу в угоду штамповке стандартных личностей. Да, я даже встретила девушку, которая хотела... впрочем, не в этом дело. Дело в том, что этих грифонов нельзя назвать подлинно живыми организмами. Их нервная система децентрализована, так же как и их органы обмена веществ. Убить их можно, только превратив в рубленый шницель. Выстрелы для них как шекотка. Но я не знала этого, и если бы у меня было ружье, я бы попыталась его использовать. Но так как у меня его не было, грифон загнал меня на дерево и продержал там три дня: пребывание на дереве было полезным для моей фигуры, и, кроме того, у меня было много времени для размышлений о философии, этике и путях самосохранения.

Она не переубедила Рода: он все еще считал, что оружие — это такая вещь, которую полезно иметь под рукой. Это позволяло ему чувствовать себя лучше, выше, сильнее и увереннее в себе. Он не будет использовать его — во всяком случае, без причины. И будет заботиться об убежище, хотя никто в группе не назвал бы его трусом. Его сестра — хороший солдат, но всего она не знает.

Сестра тем временем продолжала:

— Я знаю, как хорошо себя чувствуешь с ружьем в руках. Кажешься себе трехметровым гигантом, покрытым шерстью. Готов ко всему и надеешься на встречу с неизвестным. Такое состояние особенно опасно, потому что ты не готов к подобным испытаниям. Ты всего лишь слабое безвольное существо, которое легко убить. Ты держишь ружье, поражающее на две тысячи метров, у тебя запас взрывчатки, достаточный, чтобы взорвать холм, но у тебя нет глаз на затылке, как у Януса, и ты не можешь видеть в темноте, как пигмеи Тетиса. Смерть может подкрасться к тебе сзади, в то время как ты взял что-то на мушку впереди.

— Но, сестра, твой отряд тоже вооружен ружьями.

— Винтовки, радар, бомбы, газы, деформаторы и другое оружие, которое мы используем, секретны. Да и что тебе пользы от них? Ты ведь не будешь захватывать города? Бадди, иногда я посылаю девушку на разведку с целью сбора информации — пойти и разыскать что-то, и вернуться живой. Как, по-твоему, я снаряжаю ее?

— Ну...

— Прежде всего, я не посылаю **рьяного новобранца**: посылаю бывалого солдата. Она сбрасывает форму и, **если темно**, то покрывает черной краской кожу; уходит с голыми руками и **босая**. До сих пор я не потеряла в таких походах ни одного солдата. **Когда** ты беспомощен и беззащитен, у тебя появляются глаза на **затылке**, а нервные окончания ощущают все вокруг. Я об этом узнала, **когда** была младшим лейтенантом, от женщины-солдата, которая могла бы по возрасту быть моей матерью.

Пораженный, Род медленно сказал:

— Дьякон Мэтсон говорил, что если бы это было в его власти, он отправил бы нас на испытание с голыми руками.

— Доктор Мэтсон умный человек!

— Но что бы взяла в таком случае ты?

— Напомни еще раз условия испытания.

Род изложил их. Капитан Уокер пробормотала:

— Мм... Не слишком густо. От двух до десяти дней, вероятно, будет около пяти. Климат не слишком неблагоприятный. Есть ли у тебя специальный скафандр?

— Нет, но у меня есть походная меховая одежда. Я думаю взять ее с собой, а если испытания будут проходить в не слишком уж холодном месте, оставить ее у выхода. Мне бы не хотелось потерять ее: она весит только полкило, а стоит очень дорого.

— Ни о чем не жалей. Нет смысла жалеть об одежде и в результате отправиться на тот свет. Ну, ладно, одежда и продовольствие потянут четыре килограмма, пять — вода, два килограмма — необходимые вещи, вроде лекарств, спичек и прочего содержимого карманов... и нож.

— Это не слишком много на пять дней, а может, и все десять.

— Это именно столько, сколько ты можешь взять с собой и оставаться на ногах. Дай мне посмотреть на твой нож, дорогой.

У Рода было несколько ножей, но один из них был «его» ножом, любимым оружием с двадцатисантиметровым стальным лезвием. Он протянул его сестре, которая взвесила нож в руке.

— Отлично! — сказала она и осмотрелась. Заметив муху, она взмахнула рукой. Лезвие рассекло насекомое на две части. Она достала из-за голенища другой нож.

— Это тоже хорошая вещь. — Держа в руках оба ножа, она поочередно взвешивала их. Затем защелкнула свой нож и протянула рукоятку к Роду.

— Это мой любимец, «Леди Макбет». Я брала его на свое одиночное испытание, Бадди. А теперь хочу, чтобы и ты взял его.

— Ты хочешь поменяться ножами?

Род почувствовал сожаление при мысли о том, что придется расстаться со своим «Полковником Бови». Его вовсе не вдохновляла необходимость брать с собой другой нож. Никому, кроме сестры, он бы этого не позволил.

— Мой дорогой! Я не хочу лишать тебя ни твоего ножа, ни твоего испытания. Я хочу, чтобы ты захватил оба ножа. Ты не умрешь с голоду или от жажды, а запасной нож может оказаться ценнее, чем запас тория, равный ему по весу.

— Спасибо, сестренка! Но я не хочу брать твой нож — ты, кажется, готовишься к решительным действиям. Я могу взять запасной нож из числа своих.

— Мне он не понадобится. Мои девушки позволят мне годами не использовать свой нож. Я хочу, чтобы «Леди Макбет» была с тобой на испытании. — Она вложила нож в ножны. — Содержи его в порядке, брат.

Глава 3

ЧЕРЕЗ ТУННель

На следующее утро Род вышел из Темплтон Гейт не в самом лучшем настроении. Он собирался выспаться как следует перед тяжелым испытанием, но приезд сестры и ее рассказ о семейных делах помешали ему исполнить это намерение. Как и большинство детей, Род принимал свою семью и дом как нечто само собой разумеющееся: он думал о семейных делах нечасто и не ценил семейного благополучия, как рыба не ценит воду. Оно просто было.

Теперь его внезапно не стало. Они с Элен проговорили допоздна. Сестра опасалась рассказывать ему подробности о семейных происшествиях накануне тяжелого испытания. Обдумав все, она решила, что поступила правильно, а потом вспомнила старинную истину о том, что «правильное» и «неправильное» часто различаются лишь много лет спустя при взгляде на прошлое. Позже она поняла, что было не очень хорошо занимать его чем-то посторонним перед самым испытанием. Однако ей казалось, что еще хуже было бы оставить его в неведении перед возвращением в пустой дом.

Решение необходимо было принимать ей: она с этого дня становилась опекуном брата. Необходимые документы были подписаны и заверены печатью: судья дал разрешение. И она внезапно обнаружила, что быть «родителем» не всегда просто и приятно.

Увидев, что ее «ребенок» успокоился, она решила, что ему пора спать, слегка шлепнула его по спине и приказала ложиться; ушла она, когда Род, казалось, уже спал.

Но Род не уснул, он просто хотел остаться один. Его мозг работал со скоростью машины, идущей без груза. Около часа он долго и бесполезно размышлял о болезни отца, удивляясь тому, что увидит его снова только через двадцать лет — да ведь он в то время будет почти таким же старым, как мама! Потом он внезапно обратился к столь же бесполезным размышлениям о неизвестности, ожидающей его во время завтрашнего испытания.

Наконец он решил попытаться уснуть — проделал несколько умственных упражнений на расслабление, чтобы очистить мозг, загипнотизировать себя. Это удалось нескоро, но наконец он погрузился в большое теплое облако и уснул.

Механизм кровати дважды принимался будить его. Проснувшись, он почувствовал, что глаза как будто зашиты иглой. С трудом раскрыв их, он поглядел в зеркало, решив, что бритье не понадобится ему там, куда он направляется... затем все же решил побриться.

Мать еще не встала: ей вообще трудно было вставать так рано. Отец в эти дни редко завтракал... Род с внезапной болью вспомнил — почему. Но он ожидал увидеть сестру. Хмуро открыл свой обеденный поднос и обнаружил, что мать забыла набрать заказ — на его памяти такого случая

не было. Ему пришлось самому сделать заказ и подождать — потеряно еще десять минут.

Элен показалась, когда он кончил есть. Она, к его удивлению, была в обычном платье.

— Доброе утро.

— Привет, сестра! Заказала ли ты завтрак? Мама забыла это сделать, а я не знаю, что ты любишь.

— О, я завтракала час назад. Я поджидала тебя.

— Да, но мне придется уйти. Я опаздываю.

— Я не задержу тебя. — Она подошла и обняла его. — Не волнуйся, парень. Тебя ждет важное испытание. Многие от страха умирают раньше, чем от настоящей опасности. Но если уж тебе придется бить, бей изо всей силы!

— Хорошо, я буду помнить это.

— Я возьму отпуск и буду здесь, когда ты вернешься. — Она поцеловала его. — Иди.

* * *

Доктор Мэтсон сидел на столе возле медицинских помещений Темплтон Гейт и отмечал имена в своем списке. Он смотрел на подходящего Рода.

— Привет, Уокер. Я думал, ты проворней.

— Простите за опоздание, сэр. Что-нибудь случилось?

— Не волнуйся. Я знал одного парня, который не увидел восхода солнца, так как проспал свидание.

— Правда? Кто же он?

— Я сам.

— Неужели вы? Но ведь говорили...

— В этом нет и слова правды. Правдивые рассказы так редки. А теперь иди на медосмотр, не надо раздражать докторов.

Его прослушивали, просвечивали рентгеном, снимали энцефалограмму мозга и проделывали все, что полагалось делать на медосмотре. Старший из врачей послушал его сердце и пожал влажную от пота руку.

— Боишься, малыш?

— Конечно, сэр! — выпалил Род.

— Хорошо, что ты сказал правду. Если бы ты солгал, я не пропустил бы тебя. Что за повязка у тебя на ноге?

В пояске был спрятан нож Элен, «Леди Макбет».

— Сними повязку.

— Сэр?

— Я знаю, что кандидаты часто пускаются на всякие хитрости, чтобы избежать дисквалификации. Поэтому я хочу взглянуть.

Род вынужден был снять повязку. Доктор убедился, что это ножны для оружия, а не перевязанная рана.

— Можешь одеваться. Доложи своему инструктору.

Род надел сумку с продовольствием и со всякой всячиной, прикрепил флягу. Фляга, сделанная из синтетики, крепилась к поясу. Груз был ремнями укреплен у него за плечами: слева шла трубка, кончавшаяся у рта, так что он мог пить, не снимая груза. Он хотел растянуть свой скудный запас продовольствия на все испытания, избегая риска использовать загрязненную воду или остаться без воды вообще — он надеялся, что свежая вода в конце концов найдется.

Он обмотал вокруг пояса двадцать метров крепкого тонкого каната. Трусы, брюки, куртка и сапоги-мокасины составляли его костюм; поверх всего он привязал свой нож «Полковник Бови». Одевшись, он выглядел толще, чем был на самом деле. Меховую одежду он держал в левой руке. Это была очень удобная парка с капюшоном, меховыми унтами и перчатками, но сейчас ее нельзя было надеть: слишком уж она была теплой. Род слышал, что эскимосы в такой одежде никогда не потеют. Доктор Мэтсон встретил его за дверью медицинского кабинета.

— Опоздавший мистер Уокер, — заметил он, затем взглянул на ношу за его плечами. — Много вооружения взял, сынок?

— Нет, сэр. Всего лишь пакет со снаряжением.

— Сколько же он весит?

— Одиннадцать килограммов. В основном вода и продукты.

— Ну, что ж... сначала у всех тяжело, потом становится легче. Ты не взял с собой набора «Хэнди-денди» для юного первопроходца космоса? И не взял складного патентованного вигвама?

Род почти выкрикнул:

— Нет, сэр!

— Можешь оставить теплую одежду. Я отправлю ее к тебе домой.

— Спасибо, сэр, — Род опустил одежду, добавив: — Я не был уверен, что она мне понадобится. Захватил на всякий случай.

— Она тебе не понадобится.

— Сэр?

— Я уже провалил пятерых за то, что они собрались в слишком уютную поездку... и еще четверых, явившихся в вакуумных скафандрах. Оба эти пути слишком глупы. Они должны были бы понять, что их не отправят в вакуум или хлорную атмосферу без соответствующих указаний в тексте экзаменационного задания.

Род посмотрел на оставленную им теплую одежду.

— Вы уверены, сэр, что она мне не понадобится?

— Совершенно. Разве что вернешься за ней, если провалишься. Теперь скажи, какое огнестрельное оружие ты взял с собой.

Род с усилием сглотнул:

— Я подумал, что лучше не брать его совсем, Дьякон, — я хотел сказать, доктор.

— Ты можешь называть меня Дьяконом — в течение десяти дней. Но меня удивляет твое решение. Как ты пришел к нему?

— Видите ли, сэр... это предложила моя сестра.

— Да? Я хотел бы увидеться с нею. Как ее зовут?

— Капитан Элен Уокер, — гордо ответил Род. — Корпус амазонок. Мэтсон записал.

— Теперь иди. Все готово к отправке.

Род заколебался.

— Сэр, — сказал он с неожиданным опасением, — если я все же захвачу огнестрельное оружие, что бы вы мне посоветовали?

Мэтсон посмотрел на него с негодованием.

— Я потратил годы, чтобы вас, козлят, накормить с ложечки тем, что сам добыл тяжелым трудом. Подходит экзамен, и ты задаешь мне вопросы о том, как ухитриться сдать его половчее. Я не могу дать тебе более определенного ответа, чем говорил вчера.

— Простите, сэр.

— Давай изменим тему. Эта твоя сестра... она, наверное, хорошая девушка?

— О, конечно, сэр.

— Гм... если бы я встретил в свое время такую девушку, я не был бы сейчас эксцентричным старым холостяком. А теперь ступай и тяни свой номер. Номер первый отправляется через шесть минут.

— Хорошо, доктор. — Он прошел мимо школьного оружейника, сидевшего в небольшом киоске у двери. Род поймал его взгляд.

— Привет, пушечник!

— Здорово, парень! Опаздываешь? Что тебе дать?

Взгляд Рода остановился на груди первоклассного оружия. Может, захватить хотя бы маленькое игольное ружье, стреляющее отравленными пулями? Но он должен будет использовать его...

Потом он подумал, что доктор Мэтсон уже дал ему вполне определенный совет.

— Нет, пушечник, я снаряжен всем необходимым. Спасибо.

— Прекрасно. В таком случае, счастливого пути и благополучного возвращения.

— Спасибо за все.

Он вошел в помещение выхода. На их курсе занималось свыше пятидесяти студентов. Здесь ожидало экзамена около двадцати человек. Род огляделся, и тут его позвал ассистент.

— Сюда! Тяни свой жребий.

В большой вазе было множество капсул. Род взял одну из них и вскрыл:

— Номер семь!

— Счастливый номер! Поздравляю. Назови свое имя.

Род назвал и огляделся в поисках сиденья, так как сообразил, что ждать придется не менее двадцати минут. Он медленно прошелся по залу, с интересом посматривая на то, какое снаряжение захватили его однокурсники.

Он увидел Джона Брауна, по обе стороны от которого были пустые сиденья. Причина этого находилась у его ног — большой сильный пес

породы боксер с холодными злыми глазами. Через плечо подвешена «молния» Джeneral Электрик, миниатюрная модель с телескопическим прищелком. К поясу прикреплен бинокль, нож, пакет первой помощи и три подсумка.

Род остановился и полюбовался вооружением, думая, как дорого все это обошлось. Собака подняла голову и заворчала. Браун положил руку на голову собаки.

— Держись на расстоянии, — предупредил он. — Тор признает только одного человека.

Род отступил на шаг.

— Да, ты действительно хорошо вооружен.

Высокий блондин удовлетворенно улыбнулся:

— Мы с Тором пройдем где угодно.

— Но с такой пушкой тебе не понадобится собака.

— Надеюсь. Тор — моя защита от грабителей. С ним рядом я могу спать совершенно спокойно. Ты поразился бы, узнав, на что он способен. Тор находчивее большинства людей.

— Не удивляюсь...

— Дьякон болтал, что мы вдвоем с Тором образуем команду и должны быть отправлены порознь. Я объяснил ему, что Тор разорвет окружающих, если нас попробуют разлучить. — Браун почесал пса за ухом. — Я лучше отправлюсь с Тором, чем с целым взводом первопроходцев.

— Джо, не разрешишь ли ты мне испытать это твое жало? Конечно, когда мы вернемся.

— Подумаю. Это моя любимица. С ее помощью так же легко подстрелить воробья в воздухе, как уложить лося на расстоянии в тысячу метров. Прости, но Тор нервничает из-за тебя. Увидимся позже.

Род понял намек, отошел в сторону и сел на скамейку. Он огляделся, думая о том, что у него еще есть возможность подобрать себе компаньона по испытанию. У закрытой арки выхода он заметил священника. Перед ним на коленях стоял парень, вблизи ожидали своей очереди еще четверо.

Парень, получивший благословение, поднялся — и Род поспешно вскочил:

— Эй, Джимми!

Джимми Трокстон огляделся, поймал его взгляд и улыбнулся, направившись к Роду.

— Род! — сказал он. — Я думал, ты избегаешь меня. Ты все еще не подобрал себе товарища?

— Нет.

— Все еще хочешь объединиться?

— Конечно!

— Хорошо! Я могу заявить, что выбираю тебя в товарищи, если только ты не вытянул номер два. У тебя ведь не второй номер?

— Нет.

— Хорошо, потому что я...

— Номер один! — провозгласил служащий выхода. — Трокстон Джеймс.

— Уже?

Он схватился за оружие, прикрепленное к поясу, и отвернулся, затем бросил через плечо:

— Увидимся на той стороне! — и поспешил к выходу, теперь уже открытому.

Род позвал его:

— Эй, Джимми! Как же мы встретимся?

Но было уже слишком поздно... Даже если бы Джимми хотел довести дело до конца, у него оставалось время лишь на то, чтобы бросить прощальный взгляд.

— Номер два! Мшиени Керолайн.

Через помещение проходила зулуска, о возможности объединения с которой размышлял Род. Она была одета в куртку и шорты, руки и ноги у нее были голые. Казалось, она не вооружена, в руках — большой рюкзак.

Кто-то окликнул ее:

— Привет, Керол! Что у тебя в рюкзаке?

Она мрачно бросила в ответ:

— Булыжники.

— Держу пари, там сандвичи с ветчиной. Отложи для меня один.

— Я отложу тебе булыжник, дорогой.

Очень скоро служащий вызвал:

— Номер семь — Уокер Родрик.

Род быстро направился к выходу. Служащий протянул ему листок бумаги и пожал руку.

— Счастливо, парень! Гляди в оба.

Он шлепнул Рода по спине и подтолкнул к выходу. Род очутился с той стороны выхода и, к своему удивлению, оказался в помещении... Шок при переходе был легким, состояние слегка напоминало морскую болезнь. Сила тяжести заметно меньше земной.

Род пришел в себя от шока и постарался обдумать положение. Где он? На Луне? На одном из спутников Юпитера? Или где-нибудь еще? Скорее всего, он на Луне. Большинство дальних прыжков проходило через Луну, поскольку была опасность совмещения планет, особенно планет-близнецов. Но, конечно, они не оставят его здесь: Мэтсон обещал, что они не будут проходить испытание в вакууме.

На полу лежал раскрытый рюкзак: он узнал в нем сумку, которую держала Керолайн. Наконец он догадался заглянуть в листок, который держал в руке. Там было написано:

«ИСПЫТАНИЕ НА ОДИНОЧНОЕ ВЫЖИВАНИЕ

(Инструкция)

1. Вы обязаны пройти через дверь, находящуюся перед вами, за те три минуты, что отделяют вас от прибытия очередного кандидата. Задержка вызовет дисквалификацию.

2. Отказ от испытания можно осуществить обычным визуальным или звуковым сигналом. Вы предупреждены, что опасность может ожидать вас даже после сигнала отказа от испытания.

3. Возврат будет осуществлен не через этот выход. Возврат будет происходить за двадцать километров в направлении восхода солнца.

4. Никакой зоны перемирия за выходом нет. Испытание начинается немедленно. Опасайтесь стобора. Желаем удачи!

Б.П.М.»

Род все еще привыкал к уменьшенной силе тяжести и смотрел на листок с условиями испытания, когда открылась дверь в дальнем конце длинной узкой комнаты, в которой он находился. Кто-то крикнул ему:

— Торопись! Потеряешь место.

Род, пошатываясь и испытывая головокружение, заторопился к двери. Он готовился к изменению силы тяжести в специальных тренажерах; вместе с семьей однажды посетил Луну, но так и не привык к пониженной силе тяжести. Он с трудом проскользнул в дальнюю дверь.

За дверью было другое помещение. Служащий поглядел на таймер над выходом и сказал:

— Двадцать секунд. Отдай мне инструкцию.

Род протянул ему листок. Что бы значило это «стобор»?

— Время! Иди.

Служащий схватил листок, повернул рукоять на пульте, и что-то вышвырнуло Рода в раскрытую дверь выхода.

* * *

Он опустился на четвереньки: сила тяжести здесь была близка к земной, и изменение ее застало его неподготовленным. Но он остался на четвереньках, стараясь не двигаться и не шуметь, и быстро осмотрелся. Он находился на широкой равнине, покрытой высокой травой; кое-где возвышались отдельные деревья и кустарники; позади был густой лес.

Он поворачивал голову, продолжая быстрый осмотр. Планета земного типа, сила тяжести близка к нормальной: звезда в небе, вероятно, типа Ж... Много растительности, не видно живых существ — но это ничего не означает: их может быть сотни, незаметных и неслышимых. Даже стобор, кем бы он ни был.

Выход был за ним, темно-зеленые заграждения, которые в действительности были так далеко. Они стояли без видимой опоры в высокой траве, такие нереальные на этой первобытной сцене. Род решил обогнуть выход, зная, что он односторонний и что за ним может скрываться кто-нибудь, недоступный его взору.

Это напомнило ему, что он сам может быть обнаружен вблизи выхода: он решил двигаться. Где может быть Джимми? Он должен находиться за выходом, поджидая Рода... Единственный способ свидания для Джимми

было ожидать появления Рода; у Рода также не было другого пути в поисках друга.

Род еще раз медленно огляделся, пытаясь найти хоть какое-нибудь указание на присутствие Джимми. Ничего... Но когда его взгляд вернулся к выходу, того уже не было здесь.

Род почувствовал холод в груди: как бы укол адреналина подействовал на его организм от макушки до кончиков пальцев. Он заставил себя успокоиться, говоря, что так и должно быть. Он знал теорию выхода: сейчас его переместили для другой пары студентов, возможно, на многие километры отсюда.

Но это не может быть правдой — «Двадцать километров по направлению восхода солнца» означало слишком небольшое расстояние. Или правда? Он подумал, что инструкция, которую он получил, может не совпадать с инструкциями для других студентов. Приходилось признать, что он ничего не знает... Он не знает, где он находится, где Джимми, где другие однокурсники, он не знал, что может ожидать его здесь.

Его задачей было остаться живым на протяжении десяти земных дней. Он выбросил из головы Джимми Трокстона, выбросил все, кроме необходимости прислушиваться к малейшим шорохам. Определил направление ветра по верхушкам травы. Оказалось, что у поверхности земли ветер дул в ином направлении, чем выше. Он решил крайне осторожно идти в направлении нижнего ветра, скрываясь среди травы.

Это оказалось трудным делом. Его первой мыслью было идти вслед за верхним ветром, тогда бы он шел выпрямившись, обычной походкой. Но он помнил совет сестры: без оружия он чувствовал себя беззащитным и все время помнил, что он здесь не охотник. Если он будет следовать по нижнему ветру, ему легче будет заметить подкрадывающегося противника, тогда как при другом направлении он сам легко может быть обнаружен.

Что-то впереди в траве! Он замер и выжидал. Впереди было заметно легкое движение; Род продолжал ждать. Затем появилось существо, медленнодвигающееся справа налево прямо перед ним. Оно выглядело как темный клин, с хохолком волос на верхушке; возможно, это был только хвост, поднятый вверх.

Он никогда не видел существ, обладающих подобным хвостом, если только это был все же хвост. Неожиданно оно остановилось, видимо, уловив запах, быстро побежало и скрылось из виду. Род продолжал красться, переждав несколько минут. Это была тяжелая работа, с него лился пот, промочивший куртку и брюки. Ему страшно хотелось пить, но он помнил, что пяти литров воды хватит ненадолго, если он будет пить в первый же час испытания. Небо было покрыто, как дымкой, высокими перистыми облаками, но светило — он решил называть его Солнцем — сильно жгло сквозь них. Оно стояло низко в небе позади него. Он призадумался, что было бы, если бы оно стояло прямо над головой. Возможно, оно убило бы его. Впрочем, в лесу должно быть прохладней: во всяком случае, там легче уберечься от солнечного удара.

Местность перед ним понизилась: в небе кружили ястребоподобные птицы. Он снова остановился и стал выжидать. «Братцы, — сказал он про себя, — если вы похожи на хищников моей земли, то передо мной находится что-то мертвое или вы ждете, чтобы оно стало мертвым, и тогда позавтракаете им. Если это так, то я лучше поверну в сторону, ибо это место может привлечь и других существ... с некоторыми из них я не хотел бы встречаться». Он свернул вправо, следуя по направлению легкого ветерка. Местность начала повышаться, и в конце концов он приблизился к выступающей из почвы скале. Род решил, укрываясь за этой скалой, разведать, что находится в окружающей низине. Вдали он заметил что-то, похожее на человека, и возле него — ребенок. Нашупав в кармане крошечный восьмикратный бинокль, Род достал его и смог рассмотреть фигуры получше. Человеком оказался Джон Браун, а «ребенком» — его боксер. Они, несомненно, были мертвы, ибо Браун лежал, как брошенная тряпичная кукла, с неестественно вывернутой головой и подогнутой ногой. Его горло и видимая сторона головы были ярко-алого цвета.

Пока Род разглядывал это, какое-то собакоподобное существо подбежало к боксеру и начало рвать его... затем к нему присоединилась одна из многочисленных птиц, круживших вокруг в ожидании пиршества. Род опустил бинокль, почувствовав тошноту. Да, старина Джо продержался недолго — может, его прикончил «стобор», и его свирепый пес не смог защитить его. Очень плохо! Но это показывает, что здесь есть опасные хищники. Следовательно, он должен быть еще осторожнее, если не хочет, чтобы шакалы и грифы спорили из-за того, что от него останется.

Он вспомнил еще кое-что и опять поднял бинокль к глазам. Ружья-молнии, которым так гордился Джо, не было видно; на трупе не было и подсумков, в которых находились источники энергии. Род присвистнул и призадумался. Единственное существо, которое способно украсть такое ружье, ходит на двух ногах. Род припомнил, что «молния» убивает почти на любом расстоянии; сейчас оружием владеет кто-то, кто, очевидно, готов воспользоваться отсутствием законов и порядка в этом испытании на выживание.

Что ж, единственное, что оставалось делать, это не попадаться ему на глаза. Род попятился от скалы и незаметно проскользнул в кусты. Лес находился на расстоянии примерно в два километра от выхода.

Род находился ближе к нему, когда с некоторым испугом заметил, что солнце садится. Придется быть менее осторожным и поторопиться, если он хочет провести ночь на дереве. Чтобы взобраться на дерево, нужно хоть немного света: ему так же улыбалась перспектива провести ночь на земле в лесу, как и остаться беззащитным в траве.

Его путешествие не могло занять целого дня. Хотя было утро, когда он подошел к выходу на Земле, здесь время не имело ничего общего с временем там. Он вышел из выхода гораздо позже полудня, а высоких деревьев достиг в сумерках.

Уже стемнело настолько, что он вынужден был остановиться и задуматься над тем, что делать дальше. Он остановился на краю леса все еще в высокой траве и разыскал в кармане монтерские кошки. Сестра заставила его отказаться от большинства приспособлений и изобретений, которые он хотел захватить с собой, но против этого приспособления она не возражала. Кошки представляли собой два удобных клинка, почти таких же, какими пользовались в старину, но значительно усовершенствованных: они были маленькими и легкими — пара весила меньше ста граммов — и очень прочными, сделанными из титанового сплава.

Род раскрыл кошки, прикрепил их к голеням ног и защелкнул замок. Затем принялся пристально разглядывать выбранное им дерево. Это был гигант, возвышающийся в массе других деревьев, с него в случае необходимости можно было перебраться на соседние.

Наметив маршрут, Род побежал и быстро достиг ближайшего дерева. Затем он сделал перебежку к следующему дереву и уже готов был направиться к избранному им убежищу. До него оставалось каких-то пятнадцать метров, когда кто-то напал на Рода.

Он преодолел оставшееся расстояние со скоростью, сделавшей бы честь рамсботемскому прыжку через пространство. Он достиг первой ветки в десяти метрах над землей, как если бы был способен к левитации. Отсюда он начал подниматься спокойнее, погружая кошки глубоко в кору дерева и опираясь на ветви, которые становились все толще, образуя некое подобие лестницы.

Поднявшись на двадцать метров над землей, он остановился и поглядел вниз. Ветви перекрещивались, закрывая поверхность земли; к тому же под деревьями было гораздо темнее, чем на открытом месте; тем не менее Род сумел разглядеть что-то крадущееся между деревьями, что привлекло его внимание.

Род старался рассмотреть подробности, но быстро наступила темнота. Однако оно выглядело, как... если бы он не был уверен, что находится на неизвестной и неколонизированной планете, он сказал бы, что это лев.

Он надеялся, что, кем бы ни был хищник, он не умеет лазить на деревья. Спокойно, Род! Если оно способно взобраться на дерево, ты через пять минут превратишься в мясной ужин. Будь настороже и приготовь место для ночлега, пока не стало совсем темно. Он двинулся вверх, внимательно оглядываясь в поисках такого места.

Вскоре он нашел его, как только начал подумывать о том, чтобы спуститься пониже. Он увидел две прочные ветки, находящиеся вблизи друг от друга и на одном уровне, чтобы можно было повесить замок. И он принялся за дело наперегонки с наступающей темнотой. Из кармана своего рюкзака он достал гамак, сделанный из чрезвычайно прочной и легкой ткани. Используя веревку, намотанную вокруг пояса, он закрепил гамак и постарался лечь в него.

Опытный акробат с цепкими пальцами, возможно, нашел бы это простым делом: он бы просто ступил в гамак и сел в него. Но Род чувствовал,

что без поддержки сделать это непросто. Он чуть не упал с дерева, пытаясь забраться в гамак.

Гамак был очень удобным, и Род раньше часто спал в нем. Сестра одобрила его, говоря, что полевые сетки, которыми снабжают ее девушек, гораздо менее удобны.

— Только не садись во сне, — напутствовала она.

— Не буду, — заверил ее Род. — Кроме того, я всегда буду привязываться ремнями.

Но он никогда еще не подвешивал гамак подобным образом. Поблизости не было ни одной ветки, которую можно было бы использовать как опору. После нескольких неловких и захватывающих дух попыток он подумал, не придется ли ему остаток ночи провести, подобно реликтовой птице, на насесте. Он не решался провести ночь на земле — особенно по соседству с тем существом, что бродило внизу.

Над гамаком находилась прочная ветвь. Может быть, если он перебросит через нее конец своей веревки и закрепит ее... Он попробовал. Но уже было слишком темно. Он не потерял свою веревку только потому, что другой конец ее был привязан к гамаку. В конце концов он решил сделать еще одну попытку забраться в гамак, действуя с большей осторожностью. Крепко ухватившись руками за ветку над головой, он принялся осторожно перемещать ноги. Вскоре он уже сидел в гамаке. Осторожно перемещая центр тяжести вниз и стараясь не делать резких движений, он заполз в гамак, как в кокон. Наконец он занял устойчивое положение.

Род сделал глубокий вдох, выдохнул воздух и заставил себя расслабиться. Впервые с момента выхода он почувствовал себя в относительной безопасности.

После нескольких минут восхитительного отдыха Род достал наконец трубки и позволил себе сделать два глотка воды. Затем приготовил ужин. Ужин состоял из четвертькилограммового брикета полевого рациона, включавшего все необходимое для организма: дрожжевой протеин, крахмал, жиры и глюкозу, всего на тысячу сто калорий. Ярлык на брикете, уже неразличимый в темноте, убеждал, что эта пища «и вкусна, и высококалорийна, и приятна», в то время как вкус его напоминал разжеванный старый башмак и вряд ли привлек бы внимание гурмана.

Но голод послужил для Рода лучшей приправой. Он не оставил ни крошки брикета и завершил ужин, облизав наконечник трубки. Род подумал, не раскрыть ли еще один брикет, но подавил это желание и позволил себе лишь еще раз глотнуть воды, затем опустил полог от насекомых и привязался ремнем. Он получил прививки от укуса всех насекомых и разносимых ими земных и известных неземных болезней, но совсем не хотел, чтобы ночные насекомые использовали его лицо как фонтан для питья или как танцевальную площадку.

Даже несмотря на легкую одежду, было слишком жарко. Род решил остаться в шортах: эта планета или по крайней мере эта часть планеты

казалась имеющей тропический климат. Но раздеться было слишком трудно в этом гамаке: ночь придется провести в одежде, даже если это будет стоить дневного рациона воды. Он поразмышлял над тем, какая же это планета, затем попробовал разглядеть сквозь вершины деревьев небо, пытаясь узнать созвездия. Но либо ветви вверху были слишком густыми, либо небо покрыто облаками — он ничего не увидел. Род заставил себя выбросить все из головы и уснуть.

Десять минут спустя он все еще пытался уснуть. Занятый устройством гамака и ужином, он не обращал внимания на окружающие звуки; теперь же звуки ночи обрушились на него. Насекомые жужжали и звенели, листва шуршала и шелестела, что-то кашляло под ним. В ответ на кашель раздался дикий смех, который взвизывался вверх, опускался, закончившись астматическим удушьем.

Род надеялся, что это была птица. Он понял, что напряженно, затаив дыхание, прислушивается к отдаленным звукам. И сердито приказал себе успокоиться: здесь он в безопасности от девяти десятых своих потенциальных врагов. Даже змея, если тут есть змеи, не смогла бы пробраться сквозь покров его гамака. Змеи вообще не представляли опасности для существ крупнее ласточки. Вероятность того, что в вершине дерева может находиться существо, способное напасть на него, была слабой. Итак, приятель, забудь эти странные звуки и спи. В конце концов они мешают не больше, чем шум транспорта в городе.

Он напомнил себе лекции Дьякона о состоянии организма в напряженных ситуациях и тезис о том, что чаще погибают люди, слишком долго пребывающие в состоянии тревоги. Как сказала бы его сестра, многие люди умирают от тревоги прежде, чем истекут кровью. Он добросовестно заставил себя проделать умственные процедуры, способствующие крепкому сну.

Род начал засыпать. Внезапно из сладкой полудремы его вывел звук, донесшийся издалека: он невольно прислушался. Похоже на человеческий голос... нет, это и есть человеческий голос: душераздирающие крики взрослого человека, рвущиеся, низкие рыдания, которые раздирают грудь.

Что он должен делать? Это не его дело, кто бы это ни был, его это не касается — но так противоестественно слышать звуки агонии человеческого существа и не обращать на них внимания! Должен ли он спуститься вниз и в темноте попытаться отыскать этого беднягу? Придется спотыкаться о корни деревьев, подумал он, попадать в ямы, и вполне можно очутиться в челюстях какого-нибудь большого хищника.

Итак, что делать? Имеет ли он право ничего не делать? Сомнения были разрешены многочисленными рыданиями, прозвучавшими как бы в ответ на человеческий голос, но звучавшими ближе и громче. Это кричал не человек, и от неожиданности Род привстал в гамаке, — только привязной ремешок спас его.

Второй голос объединился с третьим, звучавшим немного дальше. В несколько мгновений ночная тишина сменилась целым хором завываний,

полных ужаса, агонии, нестерпимой боли. Род понял, что в этом нет ничего человеческого: ничего подобного он до сих пор не слышал. Неожиданно он заключил, что это и есть те стоборы, от которых его предостерегала инструкция.

Но где они? Как ему избежать их? Ближайший голос, казалось, раздавался с высоты, чуть ли не с соседнего дерева... а может быть, с этого дерева! Что вы станете делать, встретив стобора в ночной тьме? Плюнете ему в лицо? Или же пригласите на вальс?

Одно несомненно: существо, производящее такой шум в джунглях, ничего не боится; бояться его следовало другим. Однако ничего нельзя сделать; Род лежал неподвижно, с напряженными мышцами, покрытый гусиной кожей и холодным потом. Он старался ничем не выдать свой страх.

Адский концерт, производимый стоборами, продолжался. Казалось, звуки еще более приблизились. Подгоняемый этими звуками, Род готов был отрастить крылья и улететь. До этого ему только раз пришлось провести ночь в одиночестве в дикой местности Северной Америки. Там опасности были известны и невелики... несколько медведей, случайная ленивая гремучая змея; опасности, которых легко избежать.

Но как ему бороться с совершенно неизвестным? Этот стобор — Род решил, что так можно называть источник этих звуков — этот стобор, возможно, приближается к нему сейчас; рассматривает его своими видящими во тьме глазами, решает, утащить его в логово или съесть там, где он убьет его.

Должен ли он двигаться? Как он должен бороться? Откуда и когда ждать опасности? Дьякон, вероятно, объяснял, как поступать в подобном случае. Может быть, они проходили материал о стоборе как раз тогда, когда он после Нового Года пропустил занятия? Или, может, он просто забыл... и поплатится за это своей шкурой. Род хорошо успевал по космической зоологии, но там было слишком много материала, чтобы усвоить его весь. Живой мир одной только Земли давал столько материала зоологам, что они не в состоянии были с ним справиться. Как можно было ожидать, что он способен усвоить абсолютно весь зоологический материал, относящийся к десяткам планет!

Это несправедливо! Когда Род понял, насколько бесполезен и смешон его протест, он внезапно вспомнил циничную усмешку Дьякона. Услышал его сухую медлительную речь: «Справедливость? Ты ждешь справедливости, парень? Это не игра. Я пытался объяснить вам это, городским мальчишкам, слишком мягким и глупым для такого испытания. Вы не захотели слушать...» Он почувствовал взрыв негодования; это изгнало ужас из его мозга. Джимми был прав: Дьякон съел бы собственную бабу! Холодная, бессердечная рыба!

Да, но что бы стал делать в такой ситуации Дьякон? Снова он услышал, как в его мозгу раздается голос учителя. Мэтсон как-то ответил на вопрос, заданный однокурсником Рода, таким образом: «Когда нечего

делать, я засыпаю». Род повернулся, положил руку на «Полковника Бови» и попытался уснуть.

Дьявольский хор делал это невозможным, но Род решил, что стобор на его дереве — или он был на соседнем? — как ему кажется, не приближается. Не то, чтобы он был очень далеко; во всяком случае, Род не ощущал его дыхания на своей коже, и тот, видимо, не был расположен к падению.

После некоторого времени Род впал в легкий сон, который не принес ему облегчения, ибо во сне он видел себя в окружении рыдающих, воющих стоборов, глядящих на него и караулящих его действия. Но он был крепко связан и не мог двигаться.

Самое плохое заключалось в том, что, как только он поворачивал голову, чтобы поглядеть на стобора, тот отпрыгивал в темноту, оставляя только воспоминание о красных глазах и длинных клыках.

* * *

Род проснулся в холодном поту, попытался сесть, но не смог: его удерживал привязной ремень. Что это? Что случилось?

Потребовалось некоторое время, чтобы понять причину внезапного пробуждения: шум прекратился. Не слышно было ни одного из стоборов — ни близко, ни далеко. Рода их молчание встревожило больше, чем крики: кричащий стобор, по крайней мере, указывает на свое местоположение, в то время как молчащий может быть везде — возможно, он стоит на ветке у головы Рода. Он осторожно повернул голову и откинул полог от насекомых, чтобы лучше видеть. Однако было слишком темно: стоборы могли стоять по три в ряд, и он их не увидит. Тем не менее молчание принесло большое облегчение. Род почувствовал себя спокойнее, в то время как слушал другие ночные голоса, звуки, казавшиеся дружескими после дьявольского хора. Он решил, что скоро утро. Вскоре он вновь уснул.

Род проснулся с ощущением, что кто-то на него смотрит. Осознав свое положение и увидев, что еще темно, он решил, что это был сон. Он пошевелился, глядя по сторонам, и вновь постарался уснуть.

Кто-то несомненно смотрел на него! Его глаза, привыкшие к темноте, рассмотрели какой-то призрак на ветке возле его ног. Черный на черном фоне, он не позволял разглядеть очертаний тела — Род различил только два тускло светящихся немигающих глаза.

«Когда делать нечего, я засыпаю». Род не заснул. Казалось, целую вечность он и существо на дереве глядели друг на друга. Род сжал в руке ручку ножа, стараясь унять биение сердца, не двигаясь и не пытаясь сообразить, как бы поскорее выбраться из гамака. Существо на двигалось, не издавало звуков, оно просто смотрело и, казалось, готово было просидеть так всю ночь.

Когда это тяжелое испытание нервов продолжалось уже так долго, что Род готов был выпрыгнуть и броситься вперед, существо повернулось к

стволу и исчезло. Род испустил вздох облегчения: он рассудил, что существо весило не меньше, чем он. Род решил больше не спать. Не стало ли светлее? Он пытался доказать себе это, однако по-прежнему не различал даже своих пальцев. Он решил сосчитать до десяти тысяч и затем спуститься.

Что-то большое и стремительное пронеслось по стволу к земле, затем еще одно и еще. Они не останавливались у спальни Рода, но прямо спускались вниз. Род вновь выхватил нож и пробормотал:

— Шумные соседи! Можно подумать, что здесь эмиграционный выход. Он подождал, но безумное шествие не возобновилось.

* * *

Его разбудил солнечный свет, бивший в лицо. Род чихнул, попытался сесть, но был остановлен привязным ремнем. Окончательно проснувшись, он тут же пожалел об этом. Нос его был заложен, глаза горели, во рту чувствовалась горечь, зубы покрылись слизью, спина болела. Повернувшись, чтобы облегчить свое положение, он почувствовал, что руки и ноги у него тоже болят, да и голова тоже. Шея отказывалась поворачиваться вправо.

Тем не менее он чувствовал себя счастливым от сознания, что ночь кончилась. И окружающее не пугало, оно было идиллическим. Поднятый так высоко, что не мог разглядеть земли, он все еще находился под крышей джунглей, откуда не было видно неба; он плавал в облаке из листьев. Утренний луч, достигший его лица, был единственным, что пробился сквозь листву.

Это напоминало ему, что он должен определить направление восхода солнца. Гм... это не очень просто. Может ли он увидеть солнце с поверхности земли в джунглях? А возможно, ему следует спуститься, выйти на открытое место и заметить направление, пока солнце еще низко. Но тут он заметил, что разбудивший его луч упал на другой лесной гигант в пятидесяти метрах от него. Прекрасно, значит, это дерево находится к западу от него, и он сможет восстановить направление, когда спустится вниз.

Выбраться из гамака было так же трудно, как и забраться в него: ноющие мышцы протестовали против любого усилия. Наконец он осторожно перебрался на сук. Род двинулся к стволу, стараясь держаться прямо, затем прижался к нему и принялся развязывать узлы гамака. Тело постепенно перестало болеть, только шея еще напоминала о себе, как зубная боль.

Он поел и попил, сидя на суку и прижавшись спиной к стволу. Он не производил особой разведки, справедливо рассудив, что ночные хищники отправились спать в свои логова, а дневные вряд ли способны взобраться на вершину дерева, во всяком случае крупные хищники: они должны быть приспособлены к жизни на земле и к охоте на травоядных. Правда заключалась в том, что его зеленое убежище выглядело уж слишком мирным, чтобы скрывать в себе опасность.

Окончив завтрак, он продолжал сидеть, думая о том, стоит ли еще пить воды и не нужно ли вновь забраться в гамак. Беспокойная ночь утомила его, он чувствовал сонливость, а день обещал быть жарким и влажным. Почему бы не полежать еще? Его единственная цель — выжить. Не лучший ли путь для этого — сон, берегающий пищу и воду?

Прежде всего следовало установить, который час. Его часы показывали без пяти двенадцать, но он не мог сообразить, что наступает: полдень воскресенья или полночь понедельника. Род был уверен, что эта предыдущая ночь была такой долгой, как полный земной день. Испытание может быть прекращено и через двадцать шесть часов и через тридцать восемь, но скорее всего — через сорок восемь часов. Возможно, это будет сегодня до захода солнца; он сохранил хорошую форму, он все еще жив и у него достаточные запасы пищи и воды.

Он почувствовал гордость при этой мысли. В конце концов, чем стобор превосходит человека? Только громким голосом... Однако выход для возвращения будет находиться в двадцати километрах к западу от того места, где он впервые появился; следовательно, ему нужно пройти на запад еще около десяти километров; он готов биться об заклад, что в этом случае выход будет в одном-двух километрах от него. Немного пройтись, отыскать убежище и подождать — возможно, следующую ночь он уже проведет в своей постели, приняв предварительно горячую ванну.

Он принялся укладывать гамак и в это время подумал, что хорошо бы заметить время восхода и захода солнца, чтобы определить продолжительность дня на этой планете. Больше он об этом не думал, занимаясь укладкой гамака. Его следовало уложить очень аккуратно в карман рюкзака. Тонкий, как паутина, материал нужно разложить на столе, но самой большой ровной поверхностью, которой он располагал, была его ладонь.

Наконец он скомкал гамак, засунул его в карман и начал спускаться. На нижней ветви он задержался и посмотрел вниз. Огромного голодного существа, загнавшего вчера Рода на дерево, не было видно, однако подлесок был настолько густым, что нельзя было быть уверенным в его отсутствии. Придется весь день замечать поблизости деревья, на которые удобно взбираться: минутная рассеянность может дорого обойтись ему.

Хорошо, теперь сориентируемся — посмотрим, где дерево, расположенное к западу. Где же оно? Может, вот это или то? Он понял, что не может установить, какое же именно, и отругал себя за то, что сразу не заметил направление по компасу. Он просто забыл, что у него есть компас. Род достал его, но теперь компас ничего не говорил ему. Лучи солнца больше не пробивались сквозь листву; лес был освещен тусклым, смешанным с тенями светом.

Однако открытое пространство недалеко: он быстро доберется до него. Спустившись при помощи кошек ниже, он спрыгнул на болотистую почву и отправился к открытому месту. Считая в уме шаги, он в то же время настороженно оглядывался по сторонам, опасаясь нападения неизвестных хищников.

Отсчитав сто шагов, Род повернул обратно по своему следу. Он узнал «свое» дерево. Здесь он спустился на землю: еще сохранились следы его ног. С какой же стороны он взобрался? Должны же быть какие-то следы на дереве.

Он нашел их... и был удивлен собственным подвигом: следы монтерских когтей начинались на высоте его головы. «Я прыгнул на ствол, как кошка!» Однако это указало направление, с которого он пришел вчера. А пять минут спустя он был уже на краю равнины, на которой провел вчерашний день.

Здесь были видны тени, отбрасываемые солнцем, и он заметил их направление по компасу. К счастью, запад совпадал с западом на компасе, и ему теперь следовало только справляться с прибором. Компас вновь привел его в лес.

Здесь Род пошел выпрямившись. Трусливое ползание, которым он пользовался вчера, здесь не требовалось; он старался двигаться бесшумно, пользуясь укрытиями и внимательно всматриваясь в кусты впереди и по сторонам от себя. Род держался поближе к большим деревьям и все время проверял правильность направления по компасу.

Один участок его мозга считал шаги. Зная, что тысяча пятьсот его шагов составляют километр, Род рассчитывал, что через пятнадцать тысяч шагов он достигнет места, где нужно будет подготовить убежище и ждать появления выхода. И хотя он считал шаги, следил за компасом и напряженно всматривался в ожидании нападения хищников, змей или других опасностей, Род продолжал радоваться дню и красоте окружающей местности. Нервное напряжение прошлой ночи забылось, он чувствовал себя бодрым и даже самоуверенным. И хотя он продолжал быть настороже, но чувствовал, что вокруг нет никакой опасности — ни стобора, ни кого-либо еще.

Он решил, что это субтропический лес, не настолько густой, чтобы серьезно препятствовать его продвижению. Лес изрезан тропами животных, однако Род избегал их, считая, что крупные хищники могут поджидать добычу у этих троп, а он не хотел стать такой добычей.

Тропы, казалось, принадлежали антилопам различных видов. Они, очевидно, были пятнистыми, и в кустарнике их было очень трудно различить, но по мельканию фигур Род определил, что их должно быть очень много. Род избегал их, потому что не был охотником; кроме того, он опасался, что даже животные-вегетарианцы могут представлять опасность, защищаясь рогами и копытами.

Вокруг было также множество птиц и вьющихся растений. Он заметил семейство животных, похожих на обезьян, и подумал, что эта планета, возможно, произвела собственную гуманоидную расу. Он опять подумал о том, какая же это может быть планета. Она чрезвычайно напоминает Землю — если не считать необычайно длинного дня — и, если бы она была открыта давно, то уже кишела бы колонистами. Это была настоящая премияльная планета! Открытый участок, по которому он проходил вчера,

легко можно превратить в плодородное поле. Возможно, позже он вернется сюда и поможет очистить планету от стоборов.

Рассуждая таким образом, он тем не менее сохранял осторожность, осматривая каждую ветвь, мимо которой проходил, и прислушиваясь к каждому звуку. Он понял теперь, что имела в виду его сестра, когда говорила, что отсутствие вооружения делает человека очень осторожным: он понял и то, как мало шансов у него было бы применить оружие при внезапном нападении. Какая-то сверхпроницательность подсказала Роду, что кто-то подкрадывается к нему.

Вначале это было только предположение, но постепенно оно превратилось в убеждение. Некоторое время он ждал у дерева, замерев и прислушиваясь; дважды он заметил что-то, пробирающееся в кустарниках и идущее по его следам. Но кем бы оно ни было, оно двигалось совершенно бесшумно и прекрасно пряталось, не оставляя никаких следов.

Род подумал, не лучше ли взобраться на дерево и переждать там. Но желание поскорее достичь цели пересилило осторожность, и он убедил себя, что будет в большей безопасности, если быстрее двинется вперед. Он продолжал внимательно следить за своим тылом, но вскоре решил, что больше его никто не преследует.

Пройдя около четырех километров. Род почувствовал запах воды. Он подошел к оврагу, преграждавшему его путь. Охотничьи тропы показывали, что где-то внизу расположен водопой — место, представлявшее для Рода особую опасность. Поэтому Род решил спуститься по склону обрыва, где не было троп.

Этот склон привел его к берегу скрытого в зарослях водоема; звуки текущей воды он услышал раньше, чем увидел ее. Он пробирался сквозь кустарники ползком, выискивая место, где бы можно было выбраться из убежища. Род находился примерно в десяти метрах над уровнем воды. Овраг уходил вправо и образовывал ложе ручья. Не было видно ни одного животного, хотя и оставалось множество следов: илистый берег прекрасно сохранял их.

Однако Род не собирался пить, хотя это было так просто: ведь так же просто было и умереть от этого. Его беспокоила необходимость перебраться через ручей, чтобы достичь предполагаемого района выхода. Небольшая река или широкий ручей, не настолько широкий, чтобы его нельзя было переплыть, и, вероятно, не слишком глубокий, так что можно его перейти вброд, если только удастся найти подходящее место. Тем не менее Род не собирался преодолевать ручей, не забросив туда предварительно приманку: ручей у его дома совершенно безопасен, но тропический ручей может быть населен местными аналогами аллигаторов, рыбы-пираии или чего-нибудь похуже.

Ручей слишком широк для того, чтобы перебраться по ветвям деревьев. Род некоторое время обдумывал положение, затем решил пойти вверх по ручью, надеясь, что тот либо станет уже, либо разделится надвое.

Это было последнее, о чем он успел подумать.

Очевидно, он очень скоро пришел в себя: перед ним фыркнула шакалоподобная тварь. Род оттолкнул ее одной рукой, а второй попытался достать нож. Уродливая собака отскочила, ворча, затем повернулась и исчезла в кустах.

Ножа не было! Сознание этого привело его в ужас; он сел. Голова кружилась и болела. Он увидел, что пальцы его в крови. Осторожный осмотр обнаружил болезненную шишку на голове, волосы в крови не давали возможность определить, есть ли трещина в черепе. Он больше не благодарил за то, что жив: понял, что удар должен был убить его.

Но пропал не только нож. Он был совершенно раздет. Исчез запас пресной воды, исчез рюкзак с продовольствием и всем снаряжением — антибиотиками, солью, компасом, кошками, спичками, гамаком — все исчезло.

Первое чувство отчаяния сменилось гневом. Потеря пищи и снаряжения вполне очевидно свидетельствовала: он был так глуп, что забыл о преследователе, глядя на ручей. Ну, кто-то поплатится за это воровство! Гнев привел его в себя. Он ощупал повязку на ноге и убедился, что она не развязана.

Конечно! Кем бы ни был этот бандит, обокравший его, он не догадался развязать повязку. Род сжал «Леди Макбет» в руке. Кое-кому придется поплатиться.

Г л а в а 4

ДИКАРЬ

Род Уокер, съжившись, сидел на ветке дерева. Он не двигался два часа, и еще долгое время ему предстояло просидеть неподвижно. В небольшом леске поблизости от него маленькое стадо годовалых оленей шипало траву; если один из них подойдет поближе, Род попытается схватить его. Он был очень голоден.

Его мучила и жажда, так как в течение всего дня он не пил. Кроме того, его слегка лихорадило. Три длинные полузажившие царапины на левой руке вполне объясняли его лихорадку, но Род не обращал внимания ни на царапины, ни на лихорадку: он был жив, он собирался и дальше оставаться живым.

Олень подошел поближе; Род сдерживал дрожь волнения. Однако олененок поднял голову, посмотрел на ветвь и повернул обратно. Он не мог видеть Рода; вероятно, мать научила его опасаться свисающих ветвей или опыт борьбы за существование сотен и тысяч поколений отпечатался в его генах.

Род перевел дыхание и вновь лег. Один из оленей неизбежно совершит ошибку, тогда он поест. Он не мог думать ни о чем, кроме пищи... пищи, а также того, как сберечь свою шкуру, как напиться без опасения попасть

в засаду, как заснуть без опасения проснуться в брюхе какого-нибудь местного хищника.

Заживающие раны на руке показывали, как дорого стоило ему обучение. Он отошел уже слишком далеко от дерева и не имел даже времени, чтобы выхватить нож. Он совершил невероятный прыжок и подтянулся на ранных руках. Существо, ранившее его, принадлежало к тому же виду, что и зверь, загнавший его на дерево в день прибытия. Род считал, что это был лев. На этот счет у него была своя теория, но он не был в состоянии действовать в соответствии с ней.

Он был очень истощен и утратил счет времени. Род считал, что время, отведенное на экзамен по выживанию, истекло, но он не представлял себе, как долго лежал на развилке ветвей, ожидая, пока подживут его раны; сколько времени прошло, пока он, подгоняемый голодом и жаждой, спустился вниз. Он предполагал, что сигнал к возвращению был дан в то время, когда он лежал без сознания, но не беспокоился и даже не думал об этом. Он больше не интересовался экзаменом на выживание; его интересовало, как выжить. Несмотря на ухудшившиеся обстоятельства, его шансы выжить теперь были выше, чем когда он только что прибыл на планету. Он уже не был наивным горожанином, перестал многого бояться, чего боялся раньше, зато с осторожностью относился к вполне на первый взгляд безопасному. Создания с дикими голосами, которые он принял за «стоборов», больше не пугали его. Он видел одного из них при дневном свете и слышал его голос. Оно было не больше его ладони и напоминало рогастую ящерицу с привычками древесной жабы. Единственным его талантом был голос: оно могло втрое увеличить объем воздушного пузыря на шее, затем с силой выталкивать оттуда воздух, издавая дикие, пугающие рыдания.

Но это было все, что оно могло делать. Род предположил, что это его любовная песня; он все еще называл этих существ «стоборами».

Он изучил вьющиеся лесные растения, такие прекрасные в свете утренней зари, но жалящие сильнее, чем крапива, ядовитые и вызывающие своим ядом оцепенение. На других растениях были большие плоды, напоминающие виноград, такие соблазнительные и приятные на вкус; на собственном горьком опыте Род убедился, что они действовали, как сильнейшее слабительное.

Он знал, что здесь есть крупные хищники, хотя по-настоящему не рассмотрел ни одного из них. Об их присутствии свидетельствовали полустеменные тела антилоп, а также звериные тропы в кустах. Насколько он мог судить, здесь не было лазающих по деревьям хищников, достаточно крупных, чтобы напасть на человека, однако он не был в этом окончательно убежден и всегда спал чутко, ожидая опасности.

Поведение стада подсказало ему, что здесь должны быть хищники, охотящиеся, как он сейчас охотится, хотя ему посчастливилось не встретиться ни с одним из них. Олени спокойно паслись, подходили к небольшим деревьям, но ни один не приближался к тому, на котором притаился Род.

Спокойно, парень... кажется, один подходит. Род схватил рукоять «Леди Макбет» и приготовился прыгнуть, как только грациозное маленькое существо окажется под ним. Но в пяти метрах от него олененок заколебался, заметив, что отделился от стада, и повернул обратно.

Род метнул нож. Он услышал тупой звук, с которым лезвие ножа вошло в мышцу, увидел, что рукоять торчит из плеча оленя. Он спрыгнул на землю, чтобы завершить охоту. Олень замотал головой, повернулся и побежал. Спрыгнув, Род не дотянулся до него. Когда он поднялся на ноги, поляна была пуста. Горькие мысли охватили его: ему не следовало бросать нож, пока оставалась надежда воспользоваться более надежным способом. Он занялся изучением следов.

Род помнил первую заповедь охотника-спортсмена: раненое животное нужно преследовать и прикончить, не давая ему страдать и медленно умирать. Однако в своем поведении он не мог руководствоваться правилами спортивной охоты: он вынужден преследовать раненое животное потому, что нуждался в пище, а главным образом потому, что без ножа он погибнет.

Олень не оставлял кровавых пятен, и его следы перемешивались с соотнями других. Род трижды возвращался на поляну и начинал поиски заново, пока ему не удалось найти первое кровавое пятно. Теперь идти по следу было легче, но он все еще немного отставал от раненого животного, которое двигалось гораздо быстрее, чем он мог следовать за ним. Его добыча оставалась со стадом, которое остановилось на новом пастбище в полукилометре от первого. Род оставался в укрытии и стал оттуда наблюдать. Однако казалось, что «его» оленя в стаде не было.

Но кровавый след вел сюда; Род следовал за стадом, и оно вновь обратилось в паническое бегство. Ему трудно было успевать за стадом; изучая след, он заметил, что раненый олень свернул в кусты и отделился от стада. Это облегчило и в то же время затруднило преследование: облегчило, ибо не нужно было больше отличать одного оленя от множества других; затруднило, так как пробираться сквозь кусты гораздо труднее и опаснее и в любую минуту можно из охотника превратиться в жертву; наконец, в кустах очень трудно находить следы. Но он не унывал, зная, что раненое животное вскоре вынуждено будет лечь илизать рану. Род надеялся вскоре найти оленя.

Но животное не останавливалось; казалось, его воля к жизни была не менее сильной, чем у Рода. Он преследовал оленя бесконечно и уже начал задумываться, что он будет делать, когда стемнеет. Он должен вернуть свой нож.

Внезапно он обнаружил, что перед ним два следа. Кто-то наступил на свежий, только что проложенный след маленькой антилопы, наступил на пятно крови.

Сдерживая волнение, обострив до предела свои чувства, Род молча двигался вперед. И вновь обнаружил след... человека! Отпечаток человеческой

ноги в обуви — и таким дикарем он стал, что даже не почувствовал облегчения; находка сделала его еще более осторожным.

Двадцать минут спустя он нашел их — человека и оленя. Олень, добитый вторым охотником, лежал на земле мертвый. Человек, который оказался юношей моложе Рода и значительно ниже его, свежевал тушу. Род отпрянул в заросли. Отсюда он наблюдал и обдумывал положение. Охотник, казалось, был всецело занят своим делом... а это дерево нависает как раз над тем местом, где он...

Через несколько минут Род находился на ветке этого дерева, без ножа, но с большим шипом, зажатым в зубах. Оттуда он поглядел вниз и увидел, что его противник находится как раз под ним. Род взял шип в правую руку и стал ждать. Охотник под ним отложил нож в сторону и наклонился над тушей. Род прыгнул.

Он ощутил перед собой тело противника, одетое в комбинезон. Придав свой шип к шейным позвонкам противника, он схватил его за незащищенное горло. Человек под ним перестал сопротивляться.

— Так-то лучше, — одобрительно сказал Род. — Заключили мир?

Ответа не было. Род слегка прижал шип.

— Я с тобой не в игрушки играю, — жестко сказал он. — У тебя только один шанс остаться живым. Заключим мир, поклянись в этом, и мы поедем вместе. Но при малейшей неосторожности с твоей стороны ты больше никогда не сможешь есть.

Мгновение его противник колебался, затем послышался сдавленный голос:

— Мир.

По-прежнему держа шип у горла своего пленника, Род дотянулся до ножа, которым тот разделял тушу. Это была его собственная «Леди Макбет». Он вложил нож в ножны, ощупал тело своего противника и обнаружил нож там, где и ожидал. Сжав найденный нож в руке, он отбросил шип и поднялся:

— Можешь встать.

Юноша встал и угрюмо поглядел на него.

— Отдай мой нож.

— Потом... если будешь себя хорошо вести.

— Я сказал «мир».

— Да, ты сказал это. Повернись, я хочу убедиться, что у тебя нет другого оружия.

— Я потерял его... У меня ничего нет, кроме ножа. Отдай его мне.

— Где потерял?

Парень не ответил. Род сказал:

— Хорошо, повернись, — и погрозил отнятым ножом.

Противник повиновался. Род быстро и тщательно осмотрел его, опасаясь, что его оружие может быть спрятано под одеждой. Сам Род был одет только в грязные шорты. Другой одежды, если не считать царапин на теле, у него не было.

— Не находишь ли ты, что одежда ни к чему в этом жарком климате? — весело спросил он. — Хорошо, можешь повернуться. Держись на расстоянии.

Юноша повернулся все еще с кислым выражением лица.

— Как тебя зовут, крошка?

— Джек.

— А фамилия? Я — Род Уокер.

— Джек Доде.

— Какой колледж, Джек?

— Институт «Понс де Лион».

— А я из «Высшей школы Патрика Генри».

— Курс Мэтсона?

— Да, самого Дьякона.

— Я слышал о нем. — Джек был поражен.

— А кто о нем не слышал? Но кончим пережевывать одно и то же. Давай лучше поедим. Ты покараулишь, пока я ем, а потом подежурю я.

— Тогда отдай мой нож. Он мне нужен для еды.

— Не торопись. Я отрежу тебе один или два куска.

Род продолжил разрез, начатый Джеком, и срезал шкуру с правого плеча, затем вырубил два больших куска нежного мяса. Один кусок он бросил Джеку и начал грызть другой, бросая время от времени взгляды по сторонам.

— Ты смотришь по сторонам? — спросил он.

— Конечно.

Род продолжал набивать рот мягким теплым мясом.

— Джек, как могли допустить до испытания такого коротышку, как ты? Ты же еще слишком молод.

— Держу пари, что я не моложе тебя.

— Сомневаюсь.

— А я доказал свою пригодность.

— Каким же образом?

— Я здесь и я жив.

Род усмехнулся:

— Ты доказал это. Молчу. — Он вырезал толстую кость, расколол ее и высосал из нее мозг. — Хочешь еще мяса?

— Хочу.

Род вырезал еще один хороший кусок. Джек взял его, поколебался, затем выпалил:

— Хочешь соли?

— Соль? У тебя есть соль?

Казалось, Джек сожалел о своем неосторожном признании.

— Немного. Но я ее очень берегу.

Род протянул свой кусок:

— Дай немного. Сколько не жалко.

Джек достал небольшую баночку, отсыпал оттуда немного соли на порцию Рода, поколебался и добавил еще.

— А разве ты не брал с собой соли?

— Я? — Род отвечал, не отводя глаз от соли, один вид которой наполнил его рот слюной. — О, конечно! Но... со мной произошел несчастный случай.

Он решил, что сейчас не стоит объяснять, что он стал жертвой нападения. Джек тщательно закрыл и упрятал баночку с солью. Они спокойно жевали, продолжая наблюдать за окружающим. Род тихо сказал:

— Джек, за тобой шакал.

— Больше никого нет?

— Нет. Но давай заберем мясо и уйдем отсюда: мы привлекли внимание. Сколько ты заберешь?

— Заднюю ногу и кусок печени: больше я не смогу унести.

— И, конечно, не сможешь съесть прежде, чем оно испортится. — Род принялся отрубать заднюю ногу оленя. Он отрезал часть оленьей кожи с брюха и с ее помощью подвесил свою долю через плечо. — Хорошо, парнишка. Держи свой нож. Спасибо тебе за соль.

— О, не стоит.

— Желаю тебе успешно завершить испытание. Будь осторожен.

— И тебе того же. Удачи!

Род постоял немного. Затем как бы с неохотой проговорил:

— Джек, не хочешь ли объединиться со мной?

Он тут же пожалел о сказанном, вспомнив, как неожиданно напал на парня. Джек облизнул губы:

— Ну... я не знаю.

Род почувствовал себя оскорбленным.

— В чем дело? Ты меня боишься?

— Нет, я думаю, ты хороший парень.

У Рода появилось неприятное подозрение:

— Ты боишься, что я потребую часть твоей соли?

— Что? Конечно, нет. Я и так поделюсь с тобой солью.

— Я не возьму ее! Я только думаю...

Род замолчал. Он подумал, что оба они пропустили возврат.

— Я не считаю тебя сумасбродом, Род. Ты прав. Мы должны объединиться.

— Но мне не нужны подачки! Я могу продолжать испытание один.

— Я уверен, что можешь! Но все же давай объединимся. Договорились?

— Ну... идет!

Договор был заключен, и Род возглавил их союз. Это само собой разумелось: он просто говорил, что делать, и Джек исполнял.

— Ты пойдешь впереди, — приказал Род, — а я прикрою тыл.

— Хорошо. Куда мы направимся?

— К тому холму вниз по течению. Там мы найдем подходящие для ночлега деревья, лучших не найти. Хорошо бы добраться до них засветло — поэтому пошли и больше не будем разговаривать.

Джек с сомнением сказал:

— Хорошо. Ты уверен, что это лучший способ проводить ночь?

Род удивился:

— Ты хочешь ночевать на земле? Как же ты тогда так долго остаешься живым?

— Первые ночи я проводил на деревьях, — спокойно ответил Джек. — Но, возможно, что нашел место получше.

— Да? Что же это?

— Пещера.

Род подумал немного. Пещера может оказаться ловушкой. Но его соблазняла перспектива растянуться во сне.

— Давай осмотрим ее, если она не слишком далеко.

— Она недалеко.

Глава 5 НОВАЯ ЗВЕЗДА

Убежище Джека находилось в крутом обрыве, нависшем над ручьем, вблизи которого был ограблен Род. В этом месте берега оврага расходились, образуя небольшую долину, и ручей извивался меж низких берегов, прорывая русло в наносных слоях. В глинистом обрыве вода вымыла пещеру, накрытую сверху известняковым выступом. Обрыв над пещерой был очень крутой, взобраться по нему невозможно; сверху нависал известняковый выступ, а ручей струился у самого подножия обрыва; единственным возможным путем к пещере был спуск ниже по течению к самому ручью, а затем крутой подъем по глинистому берегу.

Они осторожно пересекли глинистый участок, протиснулись под известняковым навесом и ступили наконец на твердый сланцевый пол. С одной стороны пещера была открыта, а с другой переходила в длинную глубокую расщелину, однако только в самом конце этой расщелины было достаточно места, чтобы выпрямиться. Джек подобрал несколько камней, швырнул их во тьму расщелины и ждал некоторое время с ножом в руке.

— Никого нет, — сказал он, и, опустившись на колени, они проползли в пещеру. — Как она тебе нравится?

— Хороша. Но все равно придется дежурить по очереди. Кто-нибудь сможет пройти нашим путем. Впрочем, тебе повезло.

— Возможно. — Джек нырнул во тьму, вытащил охапку сухих веток и забаррикадировал ими вход в пещеру. — Вот моя охрана.

— Это вряд ли остановит того, кто почует наш запах и захочет войти.

— Нет, я проснусь и заставлю его получить несколько камней в морду. Я приготовил дубинку. Кроме того, у меня здесь есть факелы.

— Разве у тебя нет огнестрельного оружия?
— Есть, но я не доверяю ему, если не видишь, куда стреляешь.
— Очень хорошо. Я рад, что мы с тобой объединились. — Род огляделся. — У тебя есть огонь?
— Да, я разжигаю его, но только днем... Мне очень надоело сырое мясо.

Род глубоко вздохнул:

— Мне тоже. Но разжигать огонь опасно.
— Да, я никогда не разжигал костер, если его могли заметить. Как насчет жареной печенки на завтрак? С солью?

Рот Рода наполнился слюной.

— Ты прав, Джек. Я хочу напиться, прежде чем станет темно. Давай спустимся по одному, а второй будет прикрывать.

— Незачем. Здесь есть полный мех воды. Пожалуйста.

Род поздравил себя с тем, что объединился с очень хозяйственным человеком. Шкура маленькой антилопы была полна воды. Род напился.

Они не легли сразу спать, а сидели в темноте и делились впечатлениями. Курс Джека принял участие в испытании на день раньше, но получил те же инструкции. Джек согласился с тем, что сигнал возврата запаздывает.

— Думаю, что я пропустил его, когда был без сознания, — заметил Род. — Не знаю, как долго я был без чувств... Я чуть не умер.

— Ты не прав, Род.

— Почему?

— Я все время был в сознании и следил за временем. Не было никакого сигнала возврата.

— Ты уверен?

— Я не мог ошибиться. Сирена слышна на расстоянии двадцати километров. Кроме того, днем сигнализируют дымом, а ночью — сильным прожектором, и так продолжается в течение хоть всей недели, пока все не вернется... ничего подобного за это время не было.

— Может, мы находимся за пределами сигнала? Дело в том... не знаю, как ты, а я заблудился. Приходится признать это.

— А я — нет. Я нахожусь примерно в четырех километрах от того места, куда прибыл. Я могу показать тебе следы. Род, нужно смотреть правде в глаза: произошло что-то нехорошее. Трудно сказать, как долго мы еще вынуждены будем тут оставаться. — Джек спокойно добавил: — Поэтому твое предложение объединиться было очень кстати.

Род обдумал его слова, решив, что пора изложить свои планы.

— Я тоже рад, что мы объединились.

— Да. Одиночество хорошо на несколько дней. Но если мы будем здесь неопределенно долго...

— Я не это имел в виду, Джек.

— А что?

— Ты знаешь, что это за планета?

— Нет. Я, конечно, думал об этом. Наверное, это одна из вновь открытых планет.

— Я знаю, что это такое.

— Что? Что же это?

— Это Земля.

* * *

Наступило долгое молчание. Наконец Джек сказал:

— Род, ты здоров? У тебя нет лихорадки?

— Я здоров, особенно теперь, когда как следует наелся и напился. Я знаю, Джек, это звучит глупо, но сначала выслушай. Мы на Земле, и я думаю, что знаю, где именно. Я думаю, что сигнал вызова был. Это шутка из числа тех, которые любит Дьякон Мэтсон.

— Но...

— Помолчи немного. Болтаешь, как девчонка. Планета земного типа, так?

— Да, но...

— Прекрати это и дай мне сказать. Звезда типа Ж? Планета вращается точно так же, как и Земля.

— Но это не Земля!

— Я делал ту же ошибку. Первая ночь показалась мне с неделю длинной. Но на самом деле я просто дрожал за свою шкуру, и это делало ночь бесконечной. Теперь я знаю лучше. Вращение точно такое же.

— Нет, это не так. Мои часы показывают, что сутки длятся около двадцати шести часов.

— Когда вернешься, проверь как следует свои часы. Они должны здорово спешить.

— Но... ладно. Продолжай.

— Посмотри. Флора похожа. Я знаю, как они сделали это и куда нас отправили. Это вызвано экономической необходимостью.

— Чем?

— Экономией. Слишком много студентов оканчивают курс в колледжах, а держать межпланетный выход открытым слишком дорого, да и уран не растет на деревьях. Я понимаю их. Но Дьякон Мэтсон говорит, что это ложная экономия. Он говорит, что, конечно, такие испытания дорого обходятся, но есть еще более дорогая вещь — это как следует подготовленный исследователь или предводитель переселенцев. Без такой подготовки он обречен на гибель.

— Однажды после занятий он сказал нам, — продолжал Род, — что скупцы из Высшего Совета хотели проводить практику и испытания в определенных местах Земли, но он потребовал, чтобы главный экзамен на выживание проводился в космосе, ибо только так вырабатывается умение обращаться с неведомым. Он заявил, что, если испытания пройдут на Земле, кандидаты будут знать только земную или подобную земной среду. Он сказал, что любой бойскаут сможет изучить все природные зоны Земли,

даже не отрываясь от книги... но было бы преступлением называть это испытанием на выживаемость, а затем швырять человека в неземное окружение, с которым он столкнется на первой же своей должности... Он сказал, что это так же отвратительно, как если бы малышей обучили игре в шахматы, а потом послали на дуэль.

— Он прав, — ответил Джек. — Командор Бенбо говорил то же самое.

— Конечно, он прав. Он поклялся, что, если они осуществят этот замысел, он не будет больше обучать кандидатов. Но они провели его.

— Как же?

— Очень просто. Дьякон забыл, что любая среда кажется человеку неизвестной, если он заранее убежден, что находится в космосе. Поэтому они организовали все так, чтобы мы ничего не знали. Вначале они отправили нас на Луну: лунные выходы всегда открыты; следовательно, это ничего им не стоило. Конечно, это убедило нас, что мы готовы к дальнему прыжку. Мы не знали, что затем они отправили нас в то же гравитационное поле, которое мы только что покинули, — на Землю. Куда? Я думаю, что в Африку. Они использовали лунный выход, чтобы переправить нас к выходу Витвотерсренд, вблизи Йоганнесбурга, а здесь отправили нас в кустарники. Думаю, что это мемориальный парк Чаки, заповедник, в котором сохраняется дикая природа. Многообразие видов антилоп, хищники — я даже видел семейство львов...

— Ты их видел?

— Но они прибегли и к другим хитростям, чтобы запутать нас. Здешнее звездное небо выдавало бы все, особенно если бы была видна Луна. Поэтому они повесили сплошную облачность. Готов поклясться, что где-то поблизости находятся генераторы облаков. Затем они постарались нас еще более запутать. Ты опасался стобора?

— Да.

— Видел хоть одного?

— Но я не знаю, что это такое.

— Я тоже. Ручаюсь, никто из нас не знает. Стобор — это привидение, которое должно держать нас в страхе. Никакого «стобора» здесь нет, но мы были уверены в его существовании. Даже такой подозрительный человек, как я, был обманут этим. Я даже приписал звуки существ, которых не мог узнать, стобору. Этого они и добивались.

— Как будто все логично, Род.

— Потому что это правда. Как только мы согласимся, что это Земля, — он похлопал по полу пещеры, — все встанет на свои места. Теперь что же нам делать дальше? Я собирался предпринять это один, хотя мне очень мешает раненая рука, когда заметил тебя. Вот мой план. Я думаю, что это Африка, но это может быть и Южная Америка или любое другое место в тропиках. Но это в конце концов неважно. Мы двинемся вниз по течению ручья, оставаясь все время настороже: ведь опасности здесь настоящие — здесь можно погибнуть так же, как и в космосе. Может, нам

потребуется неделя, а может, и месяц, но в конце концов мы придем к мосту. Мы пойдем по дороге, на которой он стоит, пока не встретим кого-либо. Добравшись до любого населенного пункта, мы отправимся домой... и наш экзамен на выживание выдержан. Просто?

— Мне кажется, слишком просто, — медленно сказал Джек.

— О, у нас будут свои трудности. Но мы можем их одолеть, так как знаем, что нам делать. Мне бы не хотелось возвращаться, но найдется ли у тебя достаточно соли, чтобы засолить несколько килограммов мяса? Если мы не будем охотиться ежедневно, то сможем двигаться гораздо быстрее.

— Погоди, Род. Не нужно этого делать.

— Как? Разве мы не объединились в команду?

— Спокойно. Видишь ли, Род, все, что ты говорил, очень логично, но...

— Никаких «но».

— Это логично... но абсолютно неверно!

— Что? Послушай, Джек...

— Ты послушай. Ты и так говорил слишком долго.

— Но... Ладно, говори теперь ты.

— Ты сказал, что небо выдало бы их затею, поэтому они закрыли небо облаками.

— Да. Они вынуждены были это сделать, особенно ночью. Они не могли рисковать и оставить погоду естественной. Она могла их выдать.

— Я и пытаюсь тебе сказать, что небо разъясняет все. Не каждую ночь оно покрыто облаками. Может, ты был в густом лесу и не заметил того, что оно иногда бывает ясным. Но я видел ночное небо. Род, я видел звезды.

— Да? Ну и что?

— Это не наши звезды, Род. Прости, но это так.

Род облизнул губы.

— Наверное, ты просто плохо знаешь южные созвездия, — предположил он.

— Я узнал Южный Крест раньше, чем научился читать. Это не наши звезды, Род: я знаю это. В той стороне, где садится солнце, пятиугольник из ярких звезд: ничего подобного с Земли не увидишь. И, кроме того, мы бы видели Луну, если бы она была.

Род старался припомнить, в какой фазе должна быть сейчас Луна.

— Может быть, Луна просто не видна и сейчас новолуние.

— Нет, Род. Я не видел нашу Луну, зато я видел луны... их две, маленькие, и двигаются они быстро, как спутники Марса.

— Ты хочешь сказать, что это Марс, — насмешливо сказал Род. — Думаешь, я сошел с ума? Ведь с Марса звезды видны так же, как с Земли.

— Род, зачем спорить? Небо прояснялось, когда садилось солнце. Давай выберемся и посмотрим. Может, своим глазами ты согласишься.

Род вскочил и последовал за Джеком. Снаружи ничего не было видно, кроме темных деревьев над ручьем, но с конца выступа можно было видеть часть неба. Род посмотрел и прикрыл глаза.

— Ну как? — спокойно спросил Джек.

Род не отвечал. Обрамленный выступом пещеры и верхушками деревьев над ручьем, виднелся рисунок из шести звезд, наклоненный пятиугольник со звездой в центре. Эти шесть звезд были такими же яркими и несомненными признаками чужого неба, как семь звезд Большой Медведицы — признак земного неба... Не нужно быть знатоком астрономии, чтобы понять: такое созвездие никогда не наблюдалось с Земли.

Род почувствовал, что созданная им стройная теория распадается, как картонный домик. Он ощутил себя брошенным и одиноким. Деревья вокруг казались пугающими. Он повернулся к Джеку, его самоуверенность исчезла.

— Ты убедил меня, — сказал он ровным голосом. — Что же нам теперь делать?

Джек не отвечал.

— Ну, — настаивал Род. — Не останемся же мы здесь.

— Род, — ответил Джек, — этой звезды в центре пятиугольника раньше не было.

— Что? Ты, наверное, забыл.

— Нет, нет, я уверен. Род, знаешь что? Мы видим Новую Звезду.

Род не был способен испытывать чистую радость научного открытия: его ум был занят поисками выхода из создавшегося положения. Это открытие не значило для него ничего.

— Может, один из спутников?

— Нет, спутники слишком близко, видны их диски. Это Новая, я уверен. Какая удивительная удача видеть это!

— Не вижу никакой удачи, — уныло ответил Род. — Для нас это ничего не значит. Она, наверное, в сотне световых лет, а может, и дальше.

— Да, но разве это не волнует тебя?

— Нет. — Род шагнул и забрался в пещеру.

Джек бросил последний взгляд на звезды и последовал за ним. Воцарилось долгое молчание, особенно унылое со стороны Рода. Наконец Джек сказал:

— Прости, я тебя огорчил.

— До сих пор не могу понять, — ответил Род, — как я мог так ошибаться. Все было так логично.

— Забудь об этом, — посоветовал Джек. — Мой инструктор часто говорил, что вся логика тавтологична. Он говорил, что нельзя что-либо изучить только при помощи логики.

— Тогда какая же польза от логики? — поинтересовался Род.

— Спроси меня о чем-нибудь полегче. Слушай, напарник, я смертельно хочу спать. Я лягу.

— Хорошо. Но если это не Африка, Джек, а я должен согласиться, что это так, — то что же нам делать? Нас потеряли.

— Делать? То же, что мы делали до сих пор. Есть, спать, оставаться живыми. Эта планета открыта; если мы только выживем, когда-нибудь нас отыщут. Может, это случится завтра.

— В таком случае...

— В таком случае, давай прекратим и уснем.

Г л а в а 6

«Я ДУМАЮ, ЧТО ОН МЕРТВ»

Рода разбудил неземной аромат. Он повернулся, замигал от яркого света, пробивавшегося в отверстие пещеры, и с большим усилием вспомнил, как он здесь очутился... Он увидел, что Джек сидит на корточках у маленького костра на выступе скалы; доносился аппетитный запах жареной печенки.

Род поднялся на ноги, заметив, что тело его оцепенело: всю ночь он боролся во сне со столбами. Стоборы из сна оказались страшными чудовищами с фасеточными глазами; эти страшилища вполне соответствовали планете, неожиданно грозной и пугающей. И кошмарный сон был прерван удивительным ароматом жаркого.

Джек заглянул в пещеру.

— Я думал, ты проспишь весь день. Почисти зубы, причешись, умойся наскоро и иди сюда. Завтрак готов. — Джек заглянул снова. — И побрейся.

Род усмехнулся и потер подбородок.

— Ты завидуешь моей мужественной бороде, малыш. Подожди год или два и увидишь, какой она станет. Бритье, грипп и такси — мои старики говорили, что это три вечные проблемы, которые никогда не будут решены. — Род почувствовал угрызения совести при мысли о родителях: он даже не вспоминал о них в предыдущие дни. — Тебе помочь, приятель?

— Садись и бери соль. Твоя порция готова.

— Давай разделим ее.

— Ешь и не спорь. Я приготовлю себе другую.

Род уступил, взял обжаренный и прокопченный ломоть печени и подул на него. Он осмотрелся в поисках соли. Джек отрезал второй кусок; Род взглянул на эту операцию — и отвел глаза.

Джек пользовался ножом «Полковник Бови». Это открытие заставило Рода немедленно действовать: он перехватил руку Джека и цепко сжал его запястье.

— Ты украл мой нож!

Джек не двигался.

— Род, ты сошел с ума.

— Ты стрелял в меня и украл мой нож.

Джек не пытался бороться.

— Ты все еще не проснулся, Род. Твой нож у тебя на поясе. Это другой нож... мой.

Род и не побеспокоился посмотреть на пояс.

— Тот, который у меня на поясе, «Леди Макбет». Я говорю о том ноже, которым ты пользуешься, — о «Полковнике Бови», моем ноже.

— Отпусти мою руку.

— Попробуй вырвись!

— Род... ты можешь отобрать у меня этот нож. Ты сильнее, и, кроме того, ты и напал первым. Но вчера мы заключили с тобой союз. Сейчас тырываешь этот союз. Если ты прав, то наш союз разорван. А потом ты должен будешь убить меня... если ты этого не сделаешь, я пойду за тобой. Я буду идти за тобой, пока ты не уснешь. И тогда я убью тебя.

Они смотрели друг на друга над маленьким костром, не отводя глаз. Род тяжело дышал и старался обдумать положение. Обстоятельства были против Джека. Но неужели этот коротышка выследил его, выстрелил и обворовал? Похоже, что так. Он чувствовал, что здесь что-то не то. Род подумал, что всегда сможет победить парня, если его рассказ будет ложью. Он продолжал сжимать запястье Джека.

— Хорошо, — сердито сказал он, — расскажи мне, как ты добыл мой нож. Джек продолжал резать печень.

— История не очень длинная... и я не знал того, что это твой нож. Но это был и не мой нож — вначале. Я использовал его как кухонный. Он плохо наточен.

— «Полковник Бови»? Плохо наточен?! Это лучший нож из всех, какие ты видел когда-нибудь.

— Можешь ты меня выслушать? Я нашел того беднягу в кустах, так как к нему шло множество следов шакалов. Не знаю, кто его прикончил, — может быть, стобор: но он был истерзан и полусъеден. Он не с нашего курса: лицо его было не тронuto, и я его не узнал. Он держал «молнию»...

— Минуту. Ружье-«молнию»?

— Да. Думаю, что он пытался защититься им, но неудачно. Я сделал все, что мог, — взял этот нож и еще кое-какие вещи; я покажу тебе их. «Молнию» я оставил: источник энергии был исчерпан, и ружье превратилось в ненужный хлам.

— Джек, посмотри на меня. Ты не врешь?

Джек призадумался и пожал плечами.

— Я могу отвести тебя на это место. От человека, наверное, ничего не осталось, но «молния» все еще лежит там.

Род разжал руку.

— Прости. Я поторопился с выводами.

Джек посмотрел на свою руку, не сжимая ее.

— Думаю, ты не очень подходящий партнер для меня. Лучше нам расстаться. — Нож выпал из его руки и ударился о землю у ног Рода. — Бери свою колючку и убирайся подобру-поздорову.

Род не поднял ножа.

— Не сердись, Джек. Я просто ошибся.

— Да, это была ошибка. Ты не поверил мне, а мне теперь не хочется верить тебе. На такой основе нельзя строить союз. — Он заколебался. — Кончай завтрак и уходи. Это будет лучше всего.

— Джек, мне очень жаль. Прости меня. Но на моем месте любой бы ошибся так же — ты еще не слышал моего объяснения.

— Но и ты не хотел ждать моего объяснения.

— Я был не прав, говорю же, я был не прав. — Род торопливо рассказал, как он был лишен своего снаряжения, — ...Естественно, что когда я увидел своего «Полковника Бови», я подумал, что это ты ограбил меня. Это логично, не так ли?

Джек не отвечал. Род настаивал:

— Ну так как? Разве я не прав?

Джек медленно ответил:

— Ты опять пользуешься своей логикой. То, что ты называешь логикой, для многих людей заменяют наркотики. Почему ты не желаешь поработать мозгами?

Род покраснел и замолчал. Джек продолжал:

— Если бы я украл твой нож, разве я показал бы его тебе? И вообще, разве я заключил бы с тобой союз?

— Нет, конечно, нет. Джек, я поторопился с выводами и ошибся.

— Командор Бенбо говорил, — холодно ответил Джек, — что поспешность, приводящая к ошибкам, — прямая дорога на кладбище.

Род выглядел глуповато.

— Дьякон Мэтсон говорил то же самое...

— Наверное, они были правы. Так что давай не будем больше торопиться. Собака разрешает укусить себя только один раз.

Род посмотрел на протянутую руку Джека.

— Значит, мы снова партнеры?

— Да. Наверное, для нас так лучше. — Они торжественно пожали друг другу руки. Затем Род подобрал «Полковника Бови», с сожалением посмотрел на него и протянул Джеку.

— После всего, что произошло, это твой нож.

— О, нет! Я рад, что он вернется к тебе.

— Нет, — настаивал Род. — Он причинил тебе неприятности.

— Не глупи, Род. У меня есть «Голубая птица» — мой собственный нож.

— И этот твой. У меня останется «Леди Макбет».

Джек нахмурился.

— Мы партнеры, не так ли?

— Конечно.

— Поэтому у нас все общее. «Голубая птица» принадлежит как мне, так и тебе. Точно так же и «Полковник Бови» принадлежит нам обоим. Но ты привык к нему, и для нашего союза лучше, если ты будешь вооружен им. Соответствует это твоей искаженной логике?

— Ладно...

— Кончай болтать и доедай. Или поджарить тебе другой кусок? Этот остыл.

Род отрезал кусок от своего ломтя прожаренной печени, пожевал и сказал:

— Все хорошо.

— Брось его в реку и возьми горячий кусок. У нас много печени.

* * *

Плотнo поев, согрeтый теплoм вновью обрeтенной дружбы, Род выбрался из пещеры после завтрака и посмотрел на небо. Джек загасил костер и бросил остатки завтрака в ручей. Что-то выпрыгнуло из воды и перехватило остатки печени прежде, чем они коснулись поверхности. Джек обернулся к Роду:

— Ну, что мы будем делать сегодня?

— Ну... мы должны доестъ все запасы до завтрашнего утра. Поэтому сегодня не нужно охотиться.

— Я обычно охочусь раз в два дня, с тех пор как нашел это место. Мясо на второй день лучше, чем на первый, но на третий... фу!

— Конечно. Итак, что бы ты хотел сделать?

— Что ж, прежде всего я бы купил толстую плитку шоколада и порцию солодового молока... или лучше фруктовый салат. Нет, и то и другое. Я бы съел все это...

— Стой! Это слушать невозможно!

— Затем я принял бы горячую ванну, оделся бы получше и отправился бы в Голливуд смотреть хорошее шоу. Вначале я бы посмотрел этот сверхспектакль Дирка Менлая, а затем хороший приключенческий фильм. После этого я бы взял еще порцию молока... на этот раз земляничного, и затем...

— Остановись!

— Ты спросил, что бы я хотел сделать.

— Да, но я думал, что ты будешь исходить из наших возможностей.

— Почему же ты так сразу не сказал? Разве это «логично»? Я думал, что ты всегда придерживаешься логики.

— Слушай, оставь. Я же попросил прощения.

— Да, ты извинился, — согласился Джек, — но я все еще не воспользовался твоим извинением.

— Ты, наверное, из числа тех, что обожают ворошить прошлое?

— Только когда ты сам побуждаешь меня к этому. Seriously, Род, я считаю, что мы сегодня должны поохотиться.

— Но ведь ты согласился, что в этом нет необходимости. Нехорошо убивать, когда в этом нет нужды, да и опасно, к тому же.

— Я думаю, мы должны охотиться за людьми.

— Повтори, что ты сказал.

— Мы должны привести день в охоте за людьми.

— Ну, я сам иногда шучу. И что же мы будем делать, когда поймаем их? Снимем с них скальпы или только поугаем?

— Снять скальпы более необходимо. Род, сколько мы здесь про-
будем?

— Что? Все, что мы знаем, это то, что произошло какое-то серьезное нарушение возврата. Ты говорил, что мы здесь уже три недели. Мне казалось, что дольше, но ты сделал календарь из зарубок, а я — нет. Одна-
ко... — он остановился.

— Однако что?

— Однако ничего. У них могут быть какие-нибудь технические неполадки, которые поддаются скорому исправлению, и нас вызовут сегодня утром. Дьякон Мэтсон и его любящие шутку коллеги могут даже решить, что такая задержка полезна для нас, и не предпринимать ничего. А может, далай-лама разбомбил весь цивилизованный мир и превратил выходы в радиоактивные руины. Или, может быть, трехголовые змеелюди с Малого Магелланова Облака захватили Землю. Когда нет ничего определенного, предполагать что-либо совершенно бесполезно. Очевидно, что мы пробу-
дем здесь долго.

Джек кивнул:

— Я согласен с тобой.

— Я думаю, мы должны считать себя высаженными на необитаемый остров. Это очевидно.

— Род, отряд из двух человек вполне продержится несколько недель. Но предположим, наше пребывание здесь продлится несколько месяцев. Предположим, что кто-то из нас лишится ноги. Но даже если этого не случится, как долго мы продержимся в этих колючих кустарниках, полных опасностей? Мы должны убрать тропу в эту пещеру и сделать подвесную лестницу, которую кто-то должен спускать сверху. Мы должны отыскать соль, подумать о лечении ран и о многом другом. Для того, чтобы продержаться долго, нас должно быть не меньше четырех.

Род задумчиво поскреб свои худые бока.

— Не знаю. Я думал об этом прошлой ночью, когда ты вышиб дух из моей оптимистической теории. Но я ждал, пока ты сам заговоришь об этом.

— Почему?

— Это твоя пещера. Ты владелец всего снаряжения, оружия, лекарств и многого другого, чего я не видел. У тебя есть соль. У меня только

ножи — теперь, благодаря тебе, два ножа. Думаю, что ты намного богаче меня.

— Но ведь мы партнеры, Род.

— Гм... да. И мы оба согласны, что наша команда усилится, если в нее вступят новобранцы. Итак, сколько же человек может быть здесь? — Он жестом указал на зелень, начинавшуюся за ручьем.

— В моей группе было семнадцать парней и одиннадцать девушек. Командор Бенбо говорил нам, что здесь одновременно будут проходить испытания четыре группы.

— Это больше, чем позволил сказать себе Дьякон. В моей группе около двадцати человек.

Джек поглядел задумчиво:

— Приблизительно сто человек.

— Не считая жертв несчастных случаев.

— Не считая жертв несчастных случаев... Вероятно, две трети парней и треть девушек. Большой выбор, если только мы сумеем их найти.

— Нашей команде не нужны девушки, Джек.

— Что ты имеешь против девушек?

— Я? Ничего. Девушки очень подходят для пикников, они скрашивают долгие зимние вечера. Я горячий поклонник женской расы. Но в условиях, подобных нашим, они чистый яд.

Джек ничего не ответил. Род продолжал:

— Подумай сам, братец. Как только в нашей команде окажется несколько хорошеньких девочек, у нас будет больше беспокойства, чем смог бы принести стобор. У нас достаточно хлопот и без этого.

— Ну ладно, — задумчиво ответил Джек, — допустим, первой мы встретим девушку. Как мы поступим? Снимем шляпу и скажем: «Прекрасная погода сегодня, мадам. А теперь можете умирать и больше не беспокойте нас?» Род начертил в золе пятиугольник, посадил в центр его звезду, затем стер все.

— Не знаю, — сказал он медленно. — Но будем надеяться, что мы не встретим их... Лучше пусть они создадут свои команды без нас.

— Я думал, что нам следует заранее выработать свою политику.

— Я сторонюсь всякой политики. Только что ты обвинил меня в излишней логичности. Есть ли у тебя план, как найти кого-нибудь?

— Возможно. Кто-то охотился вверх по течению отсюда.

— Как? Ты знаешь, кто это?

— Я видел его только на расстоянии. Он не из нашей группы. На поголовы ниже тебя, светловолосый, кожа розовая и очень мало загоревшая. Знакомые приметы?

— Возможно, — ответил Род, с некоторым раздражением подумав, что описание выглядит слишком знакомо. — Пойдем прямо к нему или вначале понаблюдаем?

— Я могу привести тебя к нему. Но не уверен, что мы захотим с ним объединиться.

— Почему? Если он выдержал так долго, значит, пригодится нам.

— Откровенно говоря, я его не видел так близко, но он слишком шумит при движении, и, кроме того, всю последнюю неделю он ночевал на одном дереве.

— Ну что ж... если он нам не понравится, мы не пригласим его.

— Правильно.

Перед тем как выступить, Джек нырнул в темноту пещеры и извлек оттуда монтерские кошки.

— Род, это не твои?

— Очень похожи на мои. Откуда они?

— Я их взял там же, где и «Полковника Бови», на мертвце. Даже если они не твои, это хорошее приобретение.

Джек достал другие кошки и прикрепил их поверх своего защитного комбинезона. Род удивился, что Джек спал в комбинезоне, но промолчал. Если Джек считает такую эфемерную защиту более надежной, чем проворство и ловкость, это его дело. «Каждый действует по-своему», как говорил Дьякон.

Дерево, на котором ночевал неизвестный, стояло на полуоткрытом месте, но Джек привел к нему Рода через кусты, подходившие к самому стволу. Последний участок пути они проделали ползком. Джек прошептал на ухо Роду:

— Если мы пролежим здесь три-четыре часа, бьюсь об заклад, что он спустится с дерева или поднимется на него.

— Хорошо. Следи за нашим тылом.

В течение часа ничего не произошло. Род старался не обращать внимания на крошечных насекомых, которые, казалось, покрыли его укусами с ног до головы. В молчании он изменил позу, почувствовав, что его тело ооченело от неподвижности, и однажды подавил желание чихнуть. Наконец он произнес:

— Тсс...

— Что, Род?

— Видишь, где две ветви встречаются со стволом? Может быть, там его гнездо?

— Возможно.

— Видишь руку, торчащую оттуда?

— Где? А, думаю, что вижу. Но это могут быть прутья с листочками.

— Это рука. Я думаю, что он мертв. Он не движется с тех пор, как мы здесь.

— Может, спит?

— Спящий человек не может быть так неподвижен. Я пойду вперед. Прикрой меня. Если рука шевельнется, крикни.

— Будь осторожен, Род.

— А ты будь внимателен.

Род пополз вперед.

Владельцем руки оказался Джимми Трокстон, как и предположил Род, услышав описание. Джимми не был мертв, но он лежал без сознания, и Род не смог привести его в чувство.

Джим лежал в гнезде, полустественном, полуискусственном. Род видел, что Джим нарубил веток и покрыл ими тройную развилку, образованную двумя ветвями и стволом. Он лежал в своем гнезде, как в колыбели, одна его рука высывалась наружу.

Спустить его вниз было очень трудно: он весил не меньше Рода. Род пропустил ремень под мышками Джима, привязал к нему веревку, перебрал ее через ветвь и, пользуясь трением веревки о ветвь, начал осторожно спускать его. Самое трудное было извлечь Джима из его колыбели, не уронив.

На полпути вниз ноша застряла, и Джек, взобравшись на дерево, освободил ее. Пролив немало пота, они вдвоем достигли земли; Джимми все еще был без сознания. Род понес его. Джек предложил нести по очереди, но разница в силах была очевидной. Род сердито приказал Джеку прикрывать его спереди, сзади, со всех сторон: он был бы беспомощен, если бы им встретились псевдольвы.

Труднее всего было прокладывать путь по рыхлому грунту на подъеме к пещере. Род утомился до изнеможения, неся безвольное тяжелое тело более километра, пока они не достигли твердого грунта. Он вынужден был передохнуть, прежде чем продолжить путь. Затем нужно было идти над обрывом. Джек с тревогой сказал:

- Не урони его в воду! Выловить его оттуда будет очень трудно.
- Знаю. Не давай глупых советов!
- Прости.

Род пошел вперед, беспокоясь как за свою безопасность, так и за жизнь Джима. Он не знал, кто населяет эти воды, но знал, что эти твари наверняка голодны. Самое трудное было протиснуться под нависшей известняковой скалой, прежде чем достигнуть выступа перед входом в пещеру. Он нагнулся как можно ниже, чувствуя, как ноша на его спине касается скалы, и начал лезть.

Руки Джека все время поддерживали его... Когда, наконец, они достигли пещеры и без сил растянулись перед входом в нее, Род тяжело дышал и пытался унять дрожь перенапряженных мускулов.

Они уложили Джима в пещере, и Джек пощупал его пульс.

- Частый и прерывистый. Не знаю, что с ним.
- Какие лекарства у тебя есть?
- Два вида неосульфита и вердомицин. Но я не знаю, что ему дать.

- Давай все.
- У него может быть аллергия к лекарствам...
- У него еще большая аллергия к смерти. У него горячка. Идем.

Род тряс Джимми за плечи, шипал мочки его ушей, пытаясь вывести его из коматозного состояния. Они втокнули в рот Джима пилюли и дали ему запить. После этого ничего не оставалось делать, как только терпеливо ждать.

Они по очереди дежурили всю ночь. К утру температура больного понизилась, Джим приподнялся и попросил воды. Род поддерживал его, пока Джек поил. Джим напился и уснул.

* * *

Они не оставляли его одного. Джек ухаживал за ним, а Род ежедневно охотился, пытаясь отыскать других и привести их к импровизированному госпиталю. На второй день Джим, все еще слабый и беспомощный, был уже в состоянии говорить, не впадая при этом в беспамятство.

Род возвращался вечером с тушей маленького животного, похожего на неудачный гибрид кота и кролика. Он встретил Джека у выхода из пещеры. Джек нес шкуру для воды.

— Привет!

— Привет! Вижу, ты удачно поохотился... Род, снимай с него шкуру осторожней. Нам нужен новый сосуд для воды. Она сильно порезана?

— Совсем нет. Я убил его камнем.

— Прекрасно!

— Как наш пациент?

— С каждой минутой лучше. Я скоро вернусь.

— Я прикрою тебя, пока ты наполняешь шкуру.

— Я буду осторожен. Иди к Джиму.

Род положил добычу у пещеры и забрался внутрь.

— Тебе лучше?

— Я в полном порядке. Уложу тебя на обе лопатки в двух боях из трех.

— На следующей неделе, не раньше. Джек хорошо присматривает за тобой?

— Очень. Род, я не знаю, как и благодарить вас. Если бы не вы...

— Не беспокойся. Ты мой лучший друг, а Джек мой партнер. Джек — отличный парень. Мы с ним прекрасно сработались.

Джим удивленно посмотрел, раскрыл рот, а затем вновь закрыл его.

— В чем дело? — спросил Род. — Тебя что-то укусило? Или тебе снова плохо?

— Что? — сказал медленно Джимми. — Что ты сказал о Джеке?

— Я сказал, что мы с ним отлично подходим друг другу, ну, как яйцо и ветчина... Прекрасный товарищ этот парень.

Джимми Трокстон посмотрел на него.

— Род... Ты с рождения такой или потом поглупел?

— Что?

— Джек — девушка!

«Я ДОЛЖЕН ИСПЕЧЬ ТОРТ»

Последовало долгое молчание.

— Ну, — сказал Джим, — закрой рот, пока не влетела муха.

— Джимми, ты все еще не в себе.

— Может, я и не в себе, но не настолько же, чтобы не отличить девушку от парня. Когда этот день настанет, я не буду болен, я буду просто мертв.

— Но...

Джимми пожал плечами:

— Спроси ее.

Тень упала через отверстие: Род повернулся и узнал Джека, протискивающегося в пещеру.

— Свежая вода, Джимми!

— Спасибо, малыш! — Джим добавил, обращаясь к Роду: — Ну давай, недотепа.

Джек переводил взгляд от одного к другому.

— Что за неожиданная сцена? Что ты смотришь на меня так, Род?

— Джек, — сказал Род медленно, — как тебя зовут?

— Джек Доде. Я же говорил тебе.

— Нет; нет! Как твое полное имя, настоящее имя?

Джек перевел взгляд на улыбающееся лицо Джимми, потом вновь посмотрел на Рода.

— Мое полное имя... Жаклин Мария Доде — но это совершенно не ваше дело.

Род глубоко вздохнул.

— Жаклин, — сказал он осторожно, — я не знал. Я...

— Ты и не догадывался об этом!

— Я... послушай, если я тебя чем-нибудь оскорбил, то поверь, я не хотел этого.

— Ты не сказал ничего обидного. Если не считать истории с ножом.

— Я не это имел в виду.

— Ты имел в виду, что девушки — это чистый яд? Дошло ли до тебя теперь, что и парни могут быть отравой? И в наших обстоятельствах тоже? Нет, конечно, не дошло. Но теперь твое знание уже не так опасно... нас здесь трое.

— Но Жаклин...

— Называй меня, пожалуйста, Джеком. — Она передернула плечами. — Теперь, когда ты все знаешь, я не могу больше выносить эти вериги. Повернитесь к стене, оба!

Род отвернулся. Джимми тоже повернулся, глядя в стену. Через несколько секунд Жаклин сказала:

— Готово!

Род повернулся к ней. В блузке и шортах, без грубого комбинезона она казалась тоньше и изящнее, а плечи ее стали гораздо уже. Она рукой разглаживала свои бока.

— Я не могла даже почесаться с того времени, как мы с тобой встретились, Род Уокер, — укоризненно сказала она. — Иногда мне казалось, что я умру.

— А я все думал, почему ты не снимаешь комбинезон.

— Думаешь, я не хотела? Ну что, ты все еще хочешь быть в одной команде со мной? Мы все еще партнеры?

— О, конечно, конечно!

— Тогда давай вновь пожмем руки друг другу. На этот раз к нам присоединится и Джимми. Согласен, Джим?

— Спрашиваешь, Джек!

Они протянули друг другу руки. Джеки положила свою левую руку на их сжатые ладони и торжественно сказала:

— Все за одного!

Род своей левой рукой вытащил «Полковника Бови», раскрыл его и поставил лезвием вверх:

— И один за всех!

— По высшей таксе, — добавил Джимми. — Где бы найти нотариуса для заверки подлинности?

Глаза Жаклин наполнились слезами:

— Джимми Трокстон, — сказала она гневно, — однажды я устрою тебе веселую жизнь!

— У меня и так веселая жизнь, — возразил он. — Никогда мне не было веселее. Когда попадаешь в такое положение, как мы, нужно уметь пошутить.

— Прекрати, Джимми, — ответил Род. — Слишком много болтаешь.

— От кого я слышу? От парня по прозвищу «Децибел»?

— Ну... ты не должен насмехаться над Жаклин. Она столько для тебя сделала.

— Несомненно.

— Поэтому...

— Поэтому ничего! — резко сказала Жаклин. — Меня зовут Джек, Род. Забудь Жаклин. Если кто-нибудь из вас будет приставать ко мне с ухаживаниями, у нас будут все те беды, о которых ты предостерегал, Род. «Чистый яд» — это твоё выражение, если я не ошибаюсь.

— Но было бы разумно ожидать...

— Ты, кажется, опять обращаешься к своей логике? Давай лучше обратимся к нашим насущным нуждам. Помоги мне снять шкуру с этого зверька и приготовь новый мех для воды.

На следующий день Джимми остался в пещере, а Джеки и Род отправились охотиться вместе. Джим хотел идти с ними, но получил двойной запрет. Охотиться втроем не особенно удобно, в то время как вдвоем Род и Джеки действовали так удачно, что никогда не ждали добычи больше

часа. Джеки гнала животное, а Род убивал его. Они выбирали себе жертву в стаде ближе к его краю, затем Джеки своим криком наводила на животных панику и гнала их прямо к Роду.

Они все еще охотились при помощи ножа, несмотря на то, что ружье Джеки было хорошо приспособлено к первобытным условиям их жизни — это было пневматическое ружье, стрелявшее отравленными стрелами. Так как стрелы можно было собрать и вновь отравить, ружье не нуждалось в большом количестве боеприпасов: Джеки именно по этой причине предпочла его другим ружьям — энергетическим, как «молния», или стреляющим пулями.

Роду очень нравилось это ружье, но пока он решил охотиться без него.

— Давление воздуха, вырвавшись из ствола, может ранить тебя.

— Этого никогда не случится. И потом — воздух так легко накачать вновь.

— Гм... ты права. Но если мы будем использовать его, однажды потеем последнюю стрелу, как бы внимательны мы ни были... и когда этот день придет, ружье станет бесполезным. Мы пробудем здесь долго, давай побережем его.

— Ты наш вожак, Род.

— Нет. У нас у всех равные права.

— Ты все же главный среди нас. Джимми и я так считаем. Кто-то должен быть вожаком.

Охота занимала около часа каждый второй день. Они проводили большинство дневных часов в поисках других членов команды, разделив окружающее пространство на секторы и систематически осматривая их. Однажды они нашли животное, питающееся падалью, убитое ударом ножа; они осмотрели все вокруг и обнаружили след человека, но быстро приближающаяся тьма заставила их вернуться в пещеру.

Они пытались найти этот след на следующий день, но ночью прошел дождь и смыл его; они ничего не нашли. В другой раз они нашли пепелище от костра, но Род решил, что оно оставлено не менее чем две недели назад.

Однажды ближе к вечеру они возвращались после недели безуспешных поисков. У огня их встретил Джимми:

— Как идет перепись?

— Не спрашивай, — ответил Род, устало располагаясь у костра. — Что у нас на обед сегодня?

— Сырая оленина, жареная оленина и печеная оленина. Часть оленины я испек во влажной глине. Получилось не очень хорошо, зато у нас на десерт прекрасно пропеченная глина.

— Спасибо.

— Джим, — сказала Джеки, — надо постараться изготовить горшок из глины.

— Я пытался. Но мой первый большой горшок тут же раскололся... Вот вы торопитесь, суетитесь и бегаєте взад и вперед, но ничего, кроме

обильного пота, не находите. Может, лучше сидеть на месте и ждать, пока к нам не придут.

— Как?

— Давайте сигнализировать дымом.

— Мы ведь уже обсуждали это. Мы не хотим раскрывать свое убежище всем. Нам нужны люди, которые усилят нашу команду.

— Это как раз то, что инженеры называют полуопределенными критериями. Опытный охотник, которого вы хотели бы отыскать, это такой парень, которого вам никогда не подстеречь. Это он способен отыскать вас в то время, как вы с шумом продираетесь сквозь кусты, запинаясь за камни, наступая на прутья и распугивая птиц. Он может тенью следовать за вами и узнать, куда вы направитесь. Но вы не сможете отыскать его.

— Род, в этом что-то есть, — сказала Джеки.

— Но тебя-то мы нашли достаточно легко, Джим, — сказал Род. — Правда, ты сам не тот высший тип охотника, о котором говоришь.

— Я был болен в это время, — вежливо ответил Джимми. — Подожди, пока я обрету силы, и тогда я покажу, на что способен. Уг-Уг, вождь лю-доедов, — вот кто я такой. Наполовину неандерталец, наполовину черный лоснящийся леопард. — Он ударил себя в грудь и закашлялся.

— В каких же пропорциях? Мне кажется, что большая часть принадлежит неандертальцу.

— Не хами. Помни, что ты мой должник.

— Я думаю, ты мошенничаешь и узнаешь карты по их рубашкам. Их обратная сторона напоминает вафли. — Когда Джимми принесли в пещеру, оказалось, что у него в кармане колода игральных карт; позже он объяснил, что это часть его снаряжения для экзамена по выживанию.

— Во-первых, — говорил он, — если бы я заблудился, я бы сидел и раскладывал пасьянсы. Вскоре кто-нибудь наткнулся бы на меня и...

— Есть у тебя черная десятка или красный валет? Вот что я хотел бы узнать.

— Со временем узнаешь, Род. Во-вторых, я ожидал, что мы составим здесь команду со стариной Стоунфейсом. Я всегда побеждал бы его в криббедж, а он не мог бы отыгаться. Думаю, что за время экзамена я бы выиграл все его доходы на год вперед. Тактика выживания.

Итак, у Джимми оказались карты. Втроем они ежевечерне играли в криббедж, ставя в банк миллионы плутонов. Жаклин обычно оставалась при своих, но Род задолжал Джимми несколько сот миллионов. Они продолжали свой спор во время вечерней игры. Род все еще опасался раскрывать их убежище.

— Все же придется где-то устроить дымовой сигнал, — сказал он задумчиво. — Поищем безопасное место. Отбивайся, Джимми...

— Определенный риск, конечно, есть, — пятерка, именно то, что мне нужно было! Если разложить костер далеко, чтобы сохранить в секрете наше жилище, это будет означать долгое путешествие туда и обратно

дважды в день. Не всегда нам будем сопутствовать удача: однажды кто-нибудь из нас не вернется. Дело не в том, что я обожаю вас, а просто тогда не с кем будет играть в карты.

— Чей ход?

— Ход Джеки. А если мы разложим костер поблизости и на виду, то будем сидеть вот здесь в уюте и безопасности. Я буду разглядывать стены, мечтая о ванне и держа ружье Джеки у себя на коленях. Если лицо, которое заглянет в пещеру, мне не понравится, — бах! А если понравится, пусть он присоединится к нашей игре.

— Подсчитывай!

— Пятнадцать — шесть, пятнадцать — двенадцать, пара, шестерка за валета и опять валет. Это будет стоить тебе еще один миллион, дружок.

— Один из твоих валетов — дама, — заметил Род мрачно.

— Ты уверен? Впрочем, для игры уже слишком темно. Сдаешься?

Они последовали плану Джима. Это дало им возможность больше играть в криббедж и довело долг Рода до миллиардов. Сигнальный огонь был разложен внизу у ручья, господствующий ветер уносил дым от пещеры, но когда дым изменил направление, его невозможно стало переносить, и они были вынуждены разбежаться со слезящимися глазами.

Так случилось трижды за четыре дня. Но по их объявлению никто не явился. Они очень устали, непрерывно подтаскивая хворост для огня и зеленые ветви для дыма. Когда они в третий раз спасались от дыма, Джими сказал:

— Род, я сдаюсь. Ты победил. Так мы ничего не добьемся.

— Нет!

— Да. Имей сочувствие, приятель. Я не могу жить в дыму... в нем не хватает витаминов. Давай поднимем флаг. Жертвую на это свою рубашку.

Род задумался:

— Мы так и сделаем.

— Эй, подожди минутку. Я говорил чисто теоретически. У меня очень нежная кожа. Без рубашки я сгорю.

— Нет, ты просто загоришь. Мы используем твою рубашку как сигнальный флаг. Но и огонь будем продолжать жечь. Но не совсем здесь, а ниже по течению — может быть, на глинистой отмели.

— И снова будем коптиться в нашем прекрасном летнем коттедже?

— Ну ладно, еще ниже по ручью. Или разведем большой костер, и столб дыма будет виден очень далеко. А флаг мы повесим как раз над пещерой.

— И таким образом добьемся посещения огромных волосатых личностей, не признающих права собственности.

— Мы обсудим эту возможность во время устройства костра. Пошли, ребята.

Род выбрал высокое дерево на краю обрыва. Он вскарабкался на такую высоту, что ствол с трудом выдерживал его вес: здесь он провел несколько

утомительных часов, работая своим ножом. Он привязал к вершине рукава рубашки Джима и потом начал отрубать закрывавшие видимость ветви. Постепенно ветви становились все толще, и их все труднее было обрубать ножом, но пространство в несколько метров было расчищено: рубашка могла быть видна далеко вверх и вниз по течению. Ветер подхватил ее, и рубашка затрепетала. Усталый, но довольный, Род смотрел вверх — это был настоящий сигнальный флаг.

Джимми и Жаклин разложили новый костер дальше по течению, взяв для этого огонь от пещерного костра. У Жаклин все еще было несколько спичек, а у Джима сохранился целый коробок, но они берегли их, понимая, сколь незначителен их запас перед ожидавшим их долгим пребыванием здесь. Род спустился и помог им. Огонь был гораздо больше, чем раньше: здесь их не ограничивало пространство пляжа, да и поддерживать костер здесь было гораздо легче.

Род оглядел их. Потное лицо Жаклин, обычно ясное, теперь было черно от копоти, в то время как кожа Джимми была еще больше покрыта сажей. «Пара пироманьяков», — подумал он.

— Ну, дым мы привели в порядок, — сказал ему Джим. — Думаю, что пылающий Рим выглядел так же, как наш костер. Принеси мне скрипку и тогу.

— А скрипка сюда попала по ошибке. Нерон играл на арфе.

— Не придирайся к мелочам. У нас будет отличный дымовой столб, не правда ли?

— Пойдем, Род, — сказала Жаклин, вытирая лицо, впрочем без всякого результата. — Это просто шутка! — Она окунула зеленую ветвь в ручей, затем бросила ее в костер. Толстое облако дыма и пара окутало ее. — Нужно больше сухих дров, Джимми.

— Пошли.

Род присоединился к ним и вскоре был так же грязен и закопчен, как и остальные. Когда солнце дошло до вершины деревьев, они наконец прекратили свои старания разжечь костер ярче и сделать столб дыма больше и неохотно поднялись к пещере. Только тогда Род осознал, что совершенно забыл об обычной осторожности.

— Ну ладно, — успокаивал он себя, — опасные хищники обычно избегают огня.

Пока они могли его видеть, костер все еще посылал вверх столб дыма. После еды Джимми вытащил карты:

— Кто интересуется игрой? Необычайно выгодные ставки.

— Я слишком устал, — ответил Род. — Припиши себе мой обычный проигрыш.

— Ну, это не спортивно. И потом, ведь на прошлой неделе ты однажды выиграл. А как ты, Джеки?

Жаклин начала отвечать, но внезапно Род знаком велел замолчать:

— Тсс! Я что-то слышу.

Остальные замолчали и осторожно вытащили свои ножи. Род зажал в зубах «Полковника Бови» и пополз к выходу. Тропинка, ведущая к пещере, была пуста; изгородь из колючих ветвей неподвижна.

— Эй, внизу! — послышался негромкий голос. Род оглянулся. Джимми двигался по диагонали, чтобы прикрыть тропу. Жаклин направила вверх свое пневморужье.

— Кто там? — спросил Род.

Последовало короткое молчание. Затем голос ответил:

— Боб Бакстер и Кармен Гарсия. А вы кто?

Род вздохнул с облегчением:

— Род Уокер, Джимми Трокстон. И еще один, не с нашего курса...
Джек Доде.

Бакстер, казалось, задумался:

— Эй, можем ли мы присоединиться к вам? По крайней мере на эту ночь?

— Конечно!

— Как нам спуститься? Кармен не может карабкаться, у нее болит нога.

— Вы прямо против нас?

— Думаю, да. Я вас не вижу.

— Стой там. Я сейчас поднимусь. — Род повернулся, улыбнувшись остальным. — Гости к обеду. Разжигай огонь, Джим.

Джимми мрачно заворчал:

— А в доме ничего съестного. Я должен испечь торт.

К тому времени, когда они вернулись, Джимми уже успел приготовить жаркое. Хромота Кармен задержала их. Это было просто растяжение связок, но она могла спускаться только при помощи рук, поэтому двигались они очень медленно и осторожно.

Узнав, что незнакомец в отряде — женщина, Кармен разразилась слезами. Джеки мрачно поглядела на парней, затем увела Кармен в отгороженный угол пещеры, где она спала. Здесь они шептались, пока Боб Бакстер говорил с Родом и Джимми.

У Боба с Кармен не было особых затруднений, пока Кармен два дня назад не растянула связки... кроме совершенно очевидного факта, что что-то неожиданное и плохое задерживает их возврат.

— Я потерял голову, — добавил Боб, — когда понял, что нас не собиравшись возвращать. Но Кармен привела меня в чувство... Кармен очень практична.

— Женщины все очень практичны, — согласился Джимми. — Возьми, например, меня — я поэтический тип.

— Чистый лист бумаги, я бы сказал, — заметил Род.

— Ты заболел ревностью, Род. Боб, старина, не хочешь ли еще кусок? Тебе поджаренный или не очень?

— Второе. У нас было не очень много еды последние дни. Ребята, как вкусно!

— Мой собственный соус, — скромно сказал Джимми. — Вначале нужно растопить в кастрюле кусок сливочного масла, затем...

— Перестань трепаться, Джимми! Боб, хотите ли вы с Кармен присоединиться к нам? Мы должны думать о будущем.

— Ты прав.

— Род всегда прав, — поддержал Джимми. — Планы на будущее... гм, да... Боб, играете ли вы с Кармен в криббедж?

— Нет.

— Ну, ничего. Я вас научу.

Г л а в а 8

ЛОВИТЕ РЫБУ С НАМИ ИЛИ СМАТЫВАЙТЕ УДОЧКИ

Решение зажечь сигнальный огонь и поддерживать его, чтобы собрать столько новобранцев, сколько это возможно, не ставилось на голосование. На следующее утро Род собирался обсудить это решение, но Джимми и Боб разожгли костер от угольков, захваченных с собой, когда рано утром спустились за свежей водой. Род был поставлен перед свершившимся фактом; девушки были пассивны в течение всего дня.

Не было никакого формального договора о союзе, не было и выбора капитана: Род все еще продолжал руководить совместной деятельностью, и Боб Бакстер принял это распределение ролей. Род и не думал об этом, так как был слишком занят.

Проблемы питания, убежища и безопасности для их растущего населения не давали ему возможности беспокоиться о чем-либо ином. Прибытие Боба и Кармен истощило их кладовую. Необходимо было на следующий же день отправиться на охоту. Боб Бакстер предложил свою помощь, но Род решил взять с собой, как обычно, Джеки.

— Сегодня ты отдохнешь. Не разрешай Кармен слишком много ходить и не оставляй Джимми одного у костра. Он думает, что уже здоров, однако это не так.

— Да, вижу.

Джеки и Род отправились и довольно быстро закончили охоту. Но Род не сумел прикончить животное одним ударом, и когда Жаклин подбежала, чтобы помочь ему, раненый самец оленя ударил ее копытом. Она утверждала, что у нее ничего не болит, но на следующее утро ее бок воспалился, и Боб Бакстер высказал мнение, что у нее сломано ребро.

Вскоре добавилось еще два рта, требовавших пищи; Род обнаружил, что у них больны три человека. Но один из вновь появившихся ртов, большой и улыбающийся, принадлежал Керолайн Мшиени; Род выбрал ее в качестве партнера в охоте. Джеки выглядела недовольной. Она подозвала Рода и прошептала:

— Не нужно этого делать. Я могу охотиться. Я вполне здорова, небольшая царапина...

— Конечно, Джеки. Но это заставит тебя двигаться медленнее, когда мне понадобится твоя помощь. Этого я не могу допустить.

Она взглянула на Керолайн, сжала губы и упрямо отвернулась. Род настойчиво говорил:

— Джеки, вспомни, что я говорил о ревности. Ты мне не помогаешь. Если ты будешь делать глупости, я тебя отшлепаю.

— Ты недостаточно силен для этого!

— Мне помогут. Слушай, мы ведь партнеры.

— Да, во всяком случае, я надеюсь.

— Тогда оставайся и не создавай дополнительных трудностей.

Она пожала плечами:

— Хорошо. Перестань долбить свое — я остаюсь дома.

— Я хочу, чтобы ты сделала больше. Возьми мою повязку — она где-то в пещере, — и пусть Боб Бакстер перетянет тебе ребра.

— Нет!

— Тогда пусть это сделает Кармен. Хотя они оба скорее знахари, чем доктора.

Он повысил голос.

— Керол, ты готова?

— Только захвачу колчан.

Род рассказал Керолайн, как они охотились с Жаклин, объяснил, чего он ждет от нее. Они выследили два семейства оленей. Однако там были старые быки, а их мясо слишком жестко; кроме того, раненые, эти самцы становятся очень опасными. Около полудня они нашли стадо годовалых оленей, расположенных по ветру. Они разделились и, используя ветер, дувший к ним от стада, поползли к нему. Род ждал, когда Керолайн начнет гнать к нему.

Ждать пришлось долго. Он уже начал беспокоиться, когда появилась Керолайн и неторопливо направилась к нему. Она знаком предложила следовать за ней. Он послушался, все еще сохраняя осторожность. Неожиданно она остановилась. Он подошел и увидел убитого оленя. Его убила Керолайн. Род глядел на нее, сдерживая вспыхнувший гнев.

Керолайн заговорила:

— У этого оленя нежное мясо. Как ты думаешь, Род?

Он кивнул:

— Лучше быть не может. Хорошо сделано, Керолайн.

— Гм...

— Я думаю, у тебя это получается лучше, чем у меня.

— О, ерунда! Это просто дело случая, — она заулыбалась и выглядела смущенной.

— Не думаю, что это просто удача. В любое время, как только захочешь возглавить охоту, дай мне знать. Поклянись, что дашь мне знать об этом.

Она поглядела на его хмурое лицо и сказала медленно:

— Ты недоволен мной?
— Можно сказать и так. Но я просто сказал, что как только ты захочешь возглавить охоту, ты это сделаешь.
— Что случилось, Род? Ты разозлился, потому что я убила животное, а не ты? Но это же глупо!

Род вздохнул:

— Может быть, и так. А может, мне не нравится, когда девушка убивает добычу раньше меня. Но я убежден в одном: мне не нужен на охоте партнер, на которого я не могу рассчитывать. Я лучше буду охотиться один.

— Может, мне лучше охотиться одной? Мне не нужна ничья помощь.

— Я уверен в этом. Давай забудем о происшествии и отнесем добычу к пещере.

Керолайн молчала, пока они свеживали оленя. Когда они закончили это дело и уже готовы были отрезать часть мяса, чтобы отнести его в лагерь, Род сказал:

— Иди одна. Я пойду один.

— Род?

— Что?

— Мне жаль, что так получилось.

— Что? А, забудь это.

— Давай скажем, что это ты добыл оленя.

Он положил руку на ее плечо:

— Зачем говорить что-либо вообще? Никого не касается, как мы организуем нашу охоту, если в конце концов приносим домой мясо.

— Ты все еще сердишься на меня?

— Я никогда не сержусь, — солгал он. — Я, правда, хочу, чтобы в лагере было больше мяса.

— Родди, я больше не буду противоречить тебе. Прости.

* * *

К концу недели девушки оказались в большинстве. Пещера, удобная для троих и при необходимости способная вместить еще столько же, больше не могла давать приют все увеличивающемуся населению лагеря. Род решил превратить ее в женскую спальню и предложил мужчинам ночевать на свежем воздухе, на тропе, ведущей к пещере.

Здесь не было защиты от непогоды и от нападения зверей, но это был единственный доступ к пещере. Погода не доставляла беспокойства; от нападения зверей должны были обезопасить постоянные дежурства. Обязанность дежурных заключалась в том, чтобы поддерживать костры между обрывом и берегом ручья.

Род не любил организационную деятельность, но сейчас это было необходимо. Он послал Боба Бакстера и Роя Килроя вниз по течению в поисках пещеры, а Керолайн и Марджори Чанг — вверх по течению с той же

целью. Ни один отряд не добился успеха, по крайней мере в однодневный срок, который им установил Род; но девушки привели с собой нескольких однокурсников.

Группа из четырех парней явилась примерно через неделю после того, как была реквизирована рубашка Джима. Это увеличило число обитателей лагеря до двадцати пяти и изменило соотношение в пользу мужчин. Четверых новоприбывших скорее следовало назвать мужчинами, чем юношами, так как они были старше остальных на два-три года. Три из четырех групп, проходивших экзамен на выживание, были из высших школ, четвертая — из колледжа внеземных профессий Толлерского университета.

«Совершеннолетие» — очень неопределенный термин. У некоторых цивилизаций граница совершеннолетия очень низка — с одиннадцати лет, у других очень высока — с тридцати пяти. А в некоторых цивилизациях человек вообще не признавался совершеннолетним, пока был жив его отец. Род не думал об этих вновь прибывших, как о старших по отношению к себе. Среди них были выпускники Толлерского университета; они вызывали у Рода смутные опасения: ему показалось, что на Земле у них были какие-то неприятности. Но он был слишком занят решением проблем, количество которых росло, как снежный ком, чтобы заботиться о делах далекой Земли.

Эти четверо были Джок Мак-Гоун, очень сильный парень, с мощными руками и ногами, и его младший брат Брюс, а также Чед Эймс и Дик Берк. Они появились поздно вечером, и у Рода не было времени как следует познакомиться с ними, не было такого времени и на следующее утро, так как неожиданно появилась группа из четырех девушек и пяти юношей. Это довело затруднения в его административной деятельности до критической точки: теперь пещера не вмещала и женщин.

Необходимо было отыскать или построить новое жилище. Род подошел к четырем парням, бездельничавшим у кухонного костра. Он присел на корточки и спросил:

— Кто-нибудь из вас знаком с ремеслом строителя?

Он обращался сразу ко всем, но трое из четверых ждали, что скажет Джок Мак-Гоун.

— Что ж, — наконец заметил Джок, — я считаю, что я мог бы построить все, что захочу.

— Ничего сложного строить не придется, — объяснил Род, — всего лишь каменную стену. Придется заняться каменной кладкой.

— А зачем?

— Есть одна мысль. Население у нас увеличивается и, наверное, будет еще увеличиваться. Первое, что мы должны сделать, — это протянуть каменную стену от обрыва до берега ручья по этой отмели. Затем мы сможем соорудить хижины, но сначала построим крааль для защиты от опасных животных.

Мак-Гоун засмеялся:

— Чем поможет тебе стена? Видел ли ты здесь животных, похожих на длинного кугуара? Такой ребенок перепрыгнет через твою стену раньше, чем ты успеешь сказать «брысь»!

— Я знаю о них, — согласился Род, — но я не их имел в виду. — Он потер длинные царапины на левой руке. — Они преодолеют любую построенную стену. Но для них мы приготовим сюрприз. — Он выбрал прут и начал рисовать в золе. — Мы построим стену... и доведем ее до этого места. Затем с внутренней стороны, на расстоянии до шести метров, вкопаем заостренные колья. Тот, кто перепрыгнет через стену, разорвет на этих кольях кишки.

Джок Мак-Гоун посмотрел на рисунок.

— Бесполезно.

— Глупость, — согласился его брат.

Род вспыхнул, но ответил:

— У вас есть лучшие предложения?

— А в них нет нужды.

— Ладно, — сказал Род неторопливо, — пока у кого-нибудь не появится лучшая идея или пока мы не найдем подходящую пещеру, мы будем укреплять это место, как можем... Я пошлю девушек вырубать и заострять колья. Оставшиеся будут строить каменную стену. Если постараемся, то до темноты сделаем большую часть работы. Хотите работать вместе? Часть из нас будет собирать обломки скал, другая часть — копать глину и готовить раствор для кладки. Выбирайте, в чем будете участвовать.

Трое опять выжидали. Джок Мак-Гоун лег на спину и подложил ладони под голову:

— Прошу прощения. Я сегодня собираюсь охотиться.

Род почувствовал, что краснеет.

— Мы сегодня не нуждаемся в мясе, — сказал он.

— А тебя никто и не спрашивает, сопляк.

Род почувствовал, что его охватывает возбуждение, как на охоте. Он видел, что вокруг собралось немало слушателей. Он постарался успокоиться и сказал:

— Возможно, я ошибаюсь, но...

— Ты ошибаешься.

— Я думал, что вы четверо вступили в нашу команду. Не так ли?

— Может, так. А может, и нет.

— Либо ловите рыбу с нами, либо сматывайте удочки. Если вы с нами, то будете работать, как и все остальные. Если нет, — что ж, мы накормим вас, и ступайте на все четыре стороны. Я не могу позволить вам бездельничать, когда остальные трудятся.

Джок Мак-Гоун оскалил зубы, руки его все еще оставались под головой.

— Ты еще не понял, сынок, что никто не может отдавать приказы Мак-Гоуну. Никто. Правда, Брюс?

— Конечно, Джок.

— Правда, Дик? Чед?

Остальные двое утвердительно промычали. Мак-Гоун продолжал глядеть в небо.

— Итак, — спокойно сказал он, — я пойду куда захочу, и останусь здесь, сколько захочу. Вопрос не в том, присоединимся ли мы к вам, а в том, что решу я. Но решать будешь не ты, сынок: у тебя еще молоко не обсохло на губах.

— Вставайте и убирайтесь!

Род начал подниматься. Он, как всегда, был вооружен «Полковником Бови», но не доставал его. Джок Мак-Гоун взглянул на брата. Род все еще распрямлялся... и очутился на земле с лицом, прижатым к почве, с затрудненным дыханием. Он почувствовал острый укол ножа в области ребер и перестал сопротивляться.

Брюс спросил:

— Что с ним сделать?

Род не видел Джок Мак-Гоуна. Но услышал его ответ:

— Подержи его так.

— Ладно, Джок.

Джок Мак-Гоун был вооружен двумя ружьями и ножом. Род услышал его голос:

— Еще кто-нибудь хочет потанцевать? Ну, смотрите, как бы я не отрезал вам уши.

Род все еще не мог видеть Джок, но по испуганным, напряженным лицам окружающих понял, что тот встал на ноги и держит всех под прицелом. Все имели ножи, большинство было вооружено ружьями, но в лагере их старались не носить и сдавали в маленький арсенал, в котором хозяйничала Кармен.

Но никто не успел достать ни ножа, ни ружья: все произошло слишком быстро, поначалу ничто не предвещало переход от словесной перепалки к насилию. Со своего места Род не видел никого из своих близких друзей; те, кого он видел, казалось, не были способны рискнуть жизнью, чтобы выручить его.

Джок Мак-Гоун быстро сказал:

— Чед, Дик, вы всех держите на прицеле?

— Да, капитан.

— Продолжайте, пока я рассчитаюсь с этим нахалом. — Его волосатые ноги приблизились к лицу Рода. — Ты выдернул у него зубы, Брюс?

— Нет еще.

— Я сделаю это. Повернись, детка, и отдай свой нож. Отпусти, пусть он повернется, Брюс.

Брюс Мак-Гоун отпустил Рода, а Джок наклонился к нему. Как только он дотронулся до ножа Рода, маленький стальной цветок расцвел у него на боку ниже ребер. Род ничего не слышал, выстрел не сопровождался ни малейшим звуком. Джок с криком распрямился и схватился за бок.

Брюс выпалил:

— Джок! Что с тобой?

— Меня прикончили...

Как подкошенный, он свалился на землю. На спине Рода все еще сидел человек с ножом, нельзя было упускать момента. Род повернулся и быстро перехватил руку Брюса с ножом своей левой, правая рука Рода с «Полковником Бови» замерла перед лицом Брюса. Положение мгновенно изменилось.

Прозвучало громкое контральто:

— Полегче, эй вы там, внизу!

Род взглянул вверх. На вершине тропы, ведущей к пещере, стояла Керолайн с ружьем у плеча. На противоположном конце тропы со своим маленьким пневматическим ружьем, стрелявшим стрелами, на коленях сидела Жаклин; она быстро накачивала воздух. Потом подняла ружье и направила его на Брюса.

— Не стрелять! — крикнул Род. Он огляделся. — Вы, двое, бросьте оружие!

Чед Эймс и Дик Берк бросили свои ружья. Род добавил:

— Рой! Грант Купер! Соберите их оружие. Отберите у них и ножи. — Он повернулся к Брюсу Мак-Гоуну, уколол его в подбородок и проговорил: — Отдай твой нож.

Брюс выпустил нож, Род подхватил его и отбросил в сторону.

Те, кто находился в пещере, сейчас во главе с Керолайн спускались вниз. Джок Мак-Гоун лежал, раскинувшись на земле, и лицо его посинело, дыхание, парализованное ядом стрелы, прерывалось. Боб Бакстер подошел к нему, глянул и сказал Роду:

— Я сейчас осмотрю твою рану на боку.

Он наклонился к Джоку. Керолайн возмущенно сказала:

— Ты не должен заботиться о нем!

— Почему?

— Как почему! Его надо швырнуть в ручей.

Бакстер взглянул на Рода. Род почувствовал сильное искушение последовать предложению Керолайн. Но ответил:

— Сделай для него все, что сможешь, Боб. Где Джеки — у тебя есть противоядие? Достань его.

Жаклин презрительно посмотрела на лежащего на земле.

— Зачем? Он не отравлен.

— Как?

— Всего лишь булавочный укол. Я зарядила ружье неотравленной стрелой. Мои охотничьи стрелы я убираю подальше, чтобы никто не мог ими пораниться, и у меня не было времени достать их. — Она пнула Джокса ногой. — Он не отравлен. Он просто до смерти перепугался.

Керолайн расхохоталась и помахала своим ружьем:

— А это не заряжено. Всего лишь хорошая дубинка.

Бакстер сказал Джеки:

— Ты уверена? У него типичная для отравления реакция.

— Конечно, уверена! Посмотри маркировку на конце стрелы. Это учебная стрела.

Бакстер наклонился к своему пациенту и пошлепал его по щекам.

— Кончай, Мак-Гоун! Вставай! Я хочу выдернуть эту стрелу.

Мак-Гоун застонал и попытался встать, а Бакстер зажал конец стрелы в пальцах и выдернул ее. Джок вновь закричал. Бакстер опять шлепнул его по щеке.

— Не падай в обморок, — проворчал он. — Твое счастье. Сейчас осушим рану, и все будет в порядке. — Он повернулся к Роду. — Теперь твоя очередь.

— Но я не ранен.

— Рана в боку у тебя кровоточит. — Он огляделся. — Кармен, принеси мою сумку.

— Я уже принесла ее.

— Прекрасно, Род, сядь и наклонись на бок. Придется немного потерпеть. Будет больно.

Было действительно больно. Род болтал, стараясь не показать, как ему больно.

— Керол, — спросил он, — как вам с Жаклин удалось так быстро сговориться о совместных действиях? Ведь до этого все было спокойно.

— О, мы не сговаривались. Просто действовали как можно скорее. — Она подошла к Жаклин и хлопнула ее по плечу. — Это отличная козочка, Родди, отличная!

Жаклин смутилась. Ей было приятно, но она старалась этого не показать.

— О, Керол!

— Я благодарен вам обеим.

— Не стоит благодарности. Я думаю, этот шут гороховый уже пришел в себя. Род, что ты собираешься с ним делать?

— Ну... ой!

— Фу, — сказал рядом с ним Бакстер. — Я говорил, что будет больно. Я зажал рану. Хорошо бы ее перевязать, но у нас нечем. Придется тебе пока воздержаться от тяжелой работы и спать на животе.

— Уф! — сказал Род.

— Теперь все. Можешь встать. Будь осторожен и дай ей зажить.

— Я думаю, — настаивала Керолайн, — что им следует выкупаться в ручье. Будем держать пари, доберутся они до другого берега или нет.

— Керол, ты дикарка.

— Я никогда не претендовала на цивилизованность. Но я знаю разницу между шуткой и укусом волка.

Род игнорировал ее замечание и отправился взглянуть на пленников. Рой Килрой приказал им лечь навзничь рядом друг с другом, это делало их совершенно беспомощными.

— Пусть они сядут.

Килрой и Грант Купер охраняли их. Купер сказал:

— Вы слышали слова капитана. Садитесь.

Они сели, угрюмо глядя по сторонам. Род поглядел на Джока Мак-Гоуна.

— Что же нам делать с вами?

Мак-Гоун ничего не ответил. Прокол в его боку все еще кровоточил, он был бледен. Род медленно сказал:

— Некоторые считают, что вас следует швырнуть в ручей. Это то же самое, что приговорить вас к смерти — но в таком уж случае проще вас расстрелять или повесить. Мне бы не хотелось, чтобы вас сожрали живьем. Итак, мы должны вас повесить?

Брюс Мак-Гоун крикнул:

— Мы больше не будем спорить.

— Нет? Но вы уже пытались. Вы опасны для окружающих.

Кто-то выкрикнул:

— Пристрелить их, и дело с концом!

Род игнорировал это замечание. Грант Купер подошел поближе и сказал Роду:

— Надо поставить это на голосование. А может, дадим им испытательный срок?

Род покачал головой.

— Нет. — Он подошел к пленным. — Мне не хочется наказывать вас. Но мы не можем рисковать, оставляя вас поблизости. — Он повернулся к Куперу. — Отдай им их ножи.

— Род! Но ты ведь не будешь драться с ними?

— Конечно нет! — Он вновь повернулся к ним. — Получите ножи. Ваши ружья мы оставляем себе. Пойдете вверх по течению. Идти будете непрерывно не меньше недели. Если только сунете свой нос обратно, объяснить, в чем дело, уже не успеете. Поняли?

Джок Мак-Гоун кивнул. Дик Берк, сглотнув, сказал:

— Но прогонять нас с одними ножами — все равно что убить нас.

— Ерунда! Никаких ружей. И помните, если вы вернетесь даже для охоты, вас будет ждать пуля. Мы будем караулить.

— Эй, Родди! — крикнула Керолайн. — Эта работа по мне. Отдай ее мне. Пожалуйста.

— Помолчи, Керол! Рой, ты и Грант, проводите их.

Когда изгнанники и их охрана в сопровождении любопытных выступили в путь, они встретились с возвращавшимся в лагерь Джимми Трокстоном. Он остановился, уставившись на них.

— Что за процессия? Род... что с твоими ребрами, парень? Снова поцарапался? — Несколько человек наперебой принялись рассказывать о происшедшем. — А я в это время искал камни покрасивее для нашей садовой ограды. Кое-кто забыл спросить меня. Дискриминация.

— Постой, Джимми, тут не до шуток.

— А я и не шучу. Это дискриминация.

Род предложил начать сооружение стены. Он пытался работать вместе со всеми, несмотря на запрет Бакстера, но почувствовал, что не может. Он чувствовал слабость, и реакция у него замедлилась.

После обеда к нему подошел Грант Купер.

— Капитан, могу я поговорить с тобой? Наедине?

Род отошел с ним в сторону:

— Что случилось?

— Род, сегодня утром тебе повезло. Ведь ты знаешь это? Преступления не произошло.

— Да, знаю. Ну так что?

— А знаешь, почему возникло это осложнение?

— Что? О, конечно, знаю — теперь. Слишком я доверял тем, кому нельзя верить.

Купер покачал головой:

— Не совсем так. Род, что тебе известно о теории управления обществом?

Род выглядел удивленным.

— Я прослушал обычный курс гражданского права. Вот и все.

— Сомневаюсь, чтобы я был с ним знаком, однако в Толлерском университете я изучал курс колониального управления. Мы изучали, как в человеческом обществе появляется власть, как она укрепляется. Я не критикую... но если говорить правду, ты мог потерять жизнь, так и не зная таких вещей.

Род почувствовал раздражение:

— К чему ты это клонишь?

— Спокойнее. Это происшествие показало, что у тебя нет власти. Мак-Гоун хорошо об этом знал и поэтому не послушался тебя. Кто-нибудь еще в будущем может поступить так же. Когда наступит решительный момент, тебе могут отказаться повиноваться. Поскольку у тебя нет ни миллиграмма реальной власти.

— Минутку. Ты считаешь, что я не лидер нашего отряда?

— Ты лидер де-факто, это несомненно. Но тебя никто не избирал лидером. И в этом твоя слабость.

Род обдумал его слова.

— Знаю, — сказал он медленно. — А так случилось потому, что мы были слишком заняты.

— Конечно. Я последним стал бы критиковать твои действия. Но вожак, несомненно, должен быть избран.

Род вздохнул:

— Я хотел провести выборы, но считал, что закончить стену гораздо важнее. Хорошо, давай соберем всех.

— О, не стоит заниматься этим тотчас же.

— Почему? Чем быстрее, тем лучше, по-моему. Скоро вечер, и все равно нельзя будет работать.

— Ну... ладно.

Когда все собрались на ужин, Род объявил, что сейчас состоится организационное собрание, которое должно выработать план на будущее. Никто не удивился, хотя Род никого не предупреждал заранее. Он почувствовал раздражение и вынужден был напомнить себе, что никакого секрета в этом нет: Грант не давал обещаний сохранить все в тайне. Он назначил дежурных в охрану и для поддержания огня, затем вернулся в освещенный круг и провозгласил:

— Тише! Начинаем. Если дежурным не слышно, пусть скажут. — Он подождал немного. — Мы приступаем к выборам. Кое-кто указал мне, что меня никто не избирал капитаном нашего отряда. Если это кому-то не нравится, очень сожалею. Я старался делать все так, чтобы польза была для всех. Но вы должны выбрать капитана. Ваши предложения.

Джимми Трокстон крикнул:

— Я предлагаю Рода Уокера.

Отозвался голос Керолайн:

— Я также предлагаю его! Заканчивайте выдвижение кандидатур.

— Керол, твое предложение незаконно, — сказал Род быстро.

— Почему?

Прежде чем он ответил, заговорил Рой Килрой:

— Род, могу я выступить? Вопрос о порядке ведения собрания.

Род обернулся и увидел Роя, сидящего на корточках возле Гранта Купера.

— Конечно. Давай твой вопрос.

— Вопрос о процедуре собрания. Прежде всего следует выбрать временного капитана.

Род быстро ответил:

— Согласен. Джимми, твое предложение снимается. Предлагайте кандидатуры временного капитана.

— Пусть Род Уокер будет временным капитаном!

— Кончай, Джимми! Я не хочу быть временным капитаном.

Был избран Рой Килрой. Он взял воображаемый молоток и объявил:

— Предлагаю Куперу быть секретарем-организатором нашего собрания.

Джимми Трокстон отозвался:

— Для чего длинные речи? Выберем Рода и пойдем спать. Я очень устал.

— Замечание не по делу. Слово предоставляется Гранту Куперу.

Купер встал. Огонь костра освещал его красивое лицо и курчавую короткую бородку. Род потер тошую растительность на своем подбородке и пожалел, что не выглядит, как Купер. Купер был одет лишь в поношенные шорты и мягкие сапоги, но держался с легкостью и достоинством, которые даются оратору многолетним опытом.

— Друзья, — сказал он, — братья и сестры, мы собрались сегодня вечером не для выбора временного капитана отряда, а для основания новой нации.

Он сделал паузу, чтобы сказанное было всеми осознано.

— Вы знаете, в какой ситуации мы оказались. Мы горячо надеемся, что будем вызволены отсюда, и я больше всех остальных... я даже пойду так далеко, что заявлю, что нас обязательно освободят... в конце концов. Но мы не знаем и не можем даже предположить, когда это будет. Это может быть завтра... или через тысячи лет у наших далеких предков. — Последнее он произнес очень торжественно. — Но когда большая часть нашей великой расы восстановит связь с нами, то уже от нас, маленькой группы, собравшейся здесь сегодня вечером, зависит, что встретит на этой планете Земля — цивилизованное общество... или блохастых тварей, утративших свет разума, без языка, без промышленности... или вообще ничего не встретит, кроме чисто обглоданных костей.

— Но не моих! — выкрикнула Керолайн.

Килрой сердито посмотрел на нее и призвал к порядку.

— Не твоих, Керолайн, — серьезно согласился Купер. — И не моих. И никого из нас. Ибо сегодня вечером мы делаем важный шаг к тому, чтобы наша колония выжила. Мы бедны имуществом — и мы сделаем все, в чем нуждаемся. Мы богаты знаниями, мы храним основы знаний нашей великой расы. Мы должны сохранить их... мы обязаны сделать это!

Керолайн заполнила драматическую паузу в речи Купера своим громким шепотом:

— Красиво говорит, правда? Выйду-ка я за него замуж.

Он сделал вид, что не заметил этого высказывания.

— Каково важнейшее знание, добытое нашей расой? То, без чего все остальное бесполезно! Какое пламя мы должны поддерживать подобно древним весталкам?

— Огонь! — выкрикнул кто-то.

Купер покачал головой.

— Письмо!

— Десятичная система!

— Атомная энергия!

— Колесо, конечно!

— Нет, ничего из этого. Все это важно, но ничто из этого не является краеугольным камнем. Величайшее открытие человечества — правительство. Сделать это было труднее всего. Более индивидуалистичные, чем кошки, мы тем не менее научились объединяться эффективнее, чем муравьи или термиты. Более дикие и кровожадные, чем акулы, мы научились жить вместе мирно, как овцы. Все это было не так легко. Вот почему принятые сегодня вечером решения должны определить наше будущее... а возможно, и будущее наших детей, наших внуков, наших потомков в неизвестном будущем. Мы выбираем не временного вожака недолговечного отряда — мы выбираем правительство. И мы должны выбрать главу нашей новой нации, мэра нашего города-государства. Мы должны выработать конституцию, пункты которой объединят нас. Мы должны организовать и спланировать наше будущее.

— Слушайте, слушайте!

— Браво!

— Мы должны установить законы, выбрать судей, наметить правила на все случаи жизни. Возьмем, например, сегодняшнее утро, — Купер вернулся к Роду и дружески улыбнулся ему. — Ты знаешь, Род, я ничего против тебя не имею. Ты действовал мудро, и я счастлив, что ты сумел соединить милосердие и справедливость. Никто не осудил бы тебя, если бы ты поддался гневу и убил бы этих четырех... антиобщественных индивидуалистов. Но справедливость не должна быть прихотью диктатора. Мы не можем допустить, чтобы наша жизнь зависела от твоего характера — плохого или хорошего. Ты согласен со мной?

Род не ответил. Он почувствовал, что его обвиняют в плохом характере, в том, что он тиран и деспот, что он опасен для группы. Но он не мог доказать этого. Замечания Купера сделаны очень дружественным тоном... и все же они направлялись именно по его адресу.

Купер настаивал на ответе:

— Ты согласен со мной, Род? Не так ли? Ты ведь не хочешь абсолютной власти над жизнью и правами всех нас? Ты не можешь этого хотеть! Не так ли? — Он подождал.

— Что? О, конечно! Я согласен с тобой.

— Прекрасно! Я был уверен, что ты поймешь правильно. Должен добавить, что ты прекрасно придумал собрать нас всех вместе. С этой работой ты хорошо справился. Я не соглашусь ни с кем, кто бы вздумал упрекнуть тебя. Ты поступил наилучшим образом, а дальше — кто старое помянет, тому глаз вон. — Купер опять дружески улыбнулся ему, и Род почувствовал себя так, как будто был покрыт слюнявыми поцелуями.

Купер обернулся к Килроу:

— Вот и все, что я хотел сказать, мистер председатель. — Он сверкнул улыбкой и добавил, садясь: — Простите за длинную речь, друзья.

Килрой вновь возвысил голос:

— Как председатель, объявляю выборы... Кстати, Грант, если мы не назовем нашего вожака капитаном, как же мы будем его называть?

— Гм... — ответил рассудительно Купер. — Президент — кажется немного помпезно. Я думаю, мэр будет самое правильное. Мэр нашего города-государства.

— Как председатель, объявляю выборы мэра.

— Эй, — окликнул Джимми Трокстон. — Могу я внести проект резолюции?

— Исключается.

— Нет, — заметил Купер, — я думаю, что ты напрасно отказал Джимми. Всякий, кто хочет внести предложение, должен быть заслушан. Мы не имеем права спешить.

— Хорошо, Трокстон, давай твое предложение.

— О, я не хочу шуметь слишком долго. Просто мне бы не хотелось, чтобы были запрещены карточные игры.

— Прекрасно! Кто еще хочет высказаться? Никто? В таком случае приступаем...

— Минутку, мистер председатель!

Род увидел, что это был Артур Нильсен, один из студентов Толлерского университета. Даже в этих обстоятельствах он выглядел крайне аккуратным, хотя пришел в лагерь совершенно без снаряжения, даже без ножа. Тогда он едва не умирал с голоду.

Килрой посмотрел на него:

— Ты хочешь говорить, Чистюля?

— Меня зовут Нильсен, как тебе известно. Или Артур. Да.

— Хорошо. Только покороче.

— Я буду так краток, как позволяют обстоятельства. Друзья, перед нами уникальная возможность, вряд ли когда-нибудь представлявшаяся кому-либо в истории. Как заявил Купер, мы должны все обдумать. Но, по-моему, мы на ложном пути. Наша цель — основать первое подлинно научное общество. Что я имею в виду? Вы предлагаете выбрать лидера подсчетом голосов. Лидеры не должны зависеть от общего мнения: мы должны руководствоваться сразу строго научными критериями. Будучи однажды избранными, эти лидеры должны получить полную свободу направлять свою группу в соответствии с естественным законом, не сдерживаемым такими анахронизмами, как статусы, конституции и кодексы. У нас здесь примерно равное соотношение полов: наша цель — вывести новую расу, расу, которая...

Пригоршня грязи шлепнулась в грудь Нильсена, он неожиданно остановился.

— Я видел, кто это сделал! — гневно закричал он. — Он из тех придурков, которые всегда...

— К порядку, к порядку! — проговорил Килрой. — Никаких безобразий, иначе я буду вынужден вызвать полицию. Ты кончил, Чистюля?

— Я только начал.

— Минутку, — заговорил Купер. — К порядку ведения собрания, мистер председатель. Артур имеет право быть заслушанным. Но думаю, что он говорит неверно. Я уверен, что мы создадим конституционную комиссию. Ей он и предложит свои аргументы. Затем, если понадобится, мы сможем обсудить его идеи.

— Ты прав, Грант. Садись, Чистюля.

— Как! Я протестую!

Рой сказал:

— Как председатель, предлагаю лишить Чистюлю слова. Ставлю это предложение на голосование. Кто «за», пусть скажет «Эй».

Послышался хор одобрительных голосов.

— Кто против? Нет. Садись, Чистюля.

Килрой огляделся:

— Кто еще хотел бы выступить?

— Я.

— Не вижу. Кто ты?

— Билл Кеннеди, Понс де Лион. Я не согласен с Нильсеном, за исключением одного пункта: мы на неверном пути. Конечно, нам нужен вожак, но, за исключением заботы о продовольствии, мы не должны думать ни о чем, кроме возвращения. Я не хочу жить в научном обществе. Я нуждаюсь в горячей ванне и приличном продовольствии.

Раздались разрозненные аплодисменты, и председатель сказал:

— И я не против ванны... и отдал бы полжизни за тарелку кукурузных хлопьев. Но, Билл, что же мы можем делать?

— Что? Мы разработаем проект и построим выход. Все будут трудиться для этого.

Последовало молчание, затем одновременно заговорили несколько человек:

— Безумие! У нас нет урана.

— Мы можем найти уран.

— Где мы возьмем инструменты? Ребята, у нас нет даже отвертки.

— Мы не знаем, где мы.

— Дело в том, что...

— Спокойно! — крикнул Килрой. — Билл, знаешь ли ты, как построить выход?

— Нет.

— Сомневаюсь, знает ли кто-нибудь из нас.

— Это пораженческие настроения. Те из нас, кто учился в Толлерском университете, хотя бы частично знакомы с этим. Мы соберем все наши знания и начнем работать. Конечно, это может занять много времени. Но это именно то, что мы должны делать прежде всего.

Купер сказал:

— Минутку, Рой. Билл, я не хочу обсуждать то, что ты сказал: каждая высказанная ценная мысль должна быть использована. Мы создадим плановую комиссию. Может, сейчас лучше заняться выборами мэра, или капитана, или как мы его еще назовем. А затем уже углубиться в твою схему. Тогда мы сможем обсудить все детально. По-моему, это нужно отложить и обсудить в дальнейшем. Как вы на это смотрите?

— Конечно, Грант. Давайте вернемся к выборам. Последнее, что мы слышали, это глупейшее предложение вывести высшую расу.

— Мистер председатель! Я протестую...

— Кончай, Чистюля. Согласны ли вы с названием «мэр»? Если других мнений нет, то объявляю обсуждение законченным. Выдвигайте кандидатуры.

— Я предлагаю Гранта Купера!

— Поддерживаю.

— И я тоже!

Джимми Трокстон еле прорвался сквозь эти крики:

— Я предлагаю Рода Уокера!

Боб Бакстер вставил:

— Мистер председатель?

— Говори, Бакстер.

— Я также предлагаю Рода Уокера.

— Хорошо. Две кандидатуры: Грант Купер и Род Уокер. Кто-нибудь еще вносит предложения?

Наступила короткая тишина. Затем заговорил Род.

— Секундочку, Рой, — он почувствовал, что голос его дрожит. Глубоко вздохнув, он продолжил: — Я не хочу быть мэром. За эти дни я очень устал и хочу отдохнуть. Спасибо, Боб. Спасибо, Джимми.

— Есть еще предложения?

— Секунду, Рой, — встал Грант Купер. — Я понимаю, Род, что ты чувствуешь. И никто в здравом уме не стремится к административным обязанностям... если только его не призывает долг. Если ты снимешь свою кандидатуру, я сделаю то же самое. Я не хочу пользоваться никакими привилегиями.

— Подожди, Грант. Ты...

— Нет, это ты подожди. Я думаю, что никто из нас не должен отказываться. Мы должны выполнить те обязанности, что на нас возложат, — так же, как мы дежури́м по ночам, когда подходит наша очередь. Но, мне кажется, следует выдвинуть больше кандидатур. — Он огляделся. — У нас столько же женщин, сколько мужчин... однако оба кандидата мужчины. Это неверно. Мистер председатель, я выдвигаю кандидатуру Керолайн Мшиени.

— Эй, Грант, не дурачься. Я лучше буду женой мэра. Во всяком случае, голосовать я буду за Родди.

— Это твое право, Керолайн. Но ты должна участвовать в выборах наравне со мной и Родом.

— Но никто не будет голосовать за меня!

— Ты не права. Я проголосую за тебя. Но нужны еще кандидатуры.

— Выдвинуты три кандидатуры, — объявил Килрой. — Кто еще? Если никто, я объявляю...

— Мистер председатель!

— Эй, Чистюля, не хочешь ли ты выдвинуть кандидата?

— Да.

— Кого же?

— Себя.

— Ты хочешь выдвинуть себя самого?

— Вот именно. А что в этом особенного? Я занимаю платформу подлинно научной организации общества. Я хочу усовершенствовать человечество хотя бы в лице нашей группы, и за меня будут голосовать.

Килрой выглядел ошеломленным.

— Я не уверен, что это соответствует правилам парламентской процедуры. Боюсь, что сам Чистюля не имеет...

— Неважно! — крикнула Керол. — Я выдвигаю его кандидатуру... Но голосовать я буду за Родди, — добавила она.

Килрой вздохнул.

— Ладно, у нас четыре кандидата. Думаю, что голосовать будем поднятием руки. У нас не из чего изготовить бюллетени.

Встал Боб Бакстер:

— Замечание, мистер председатель. Я предлагаю тайное голосование. Мы найдем способ, как его осуществить.

Способ, действительно, нашелся. Камешки означали голоса за Рода, очищенные прутья — за Купера, зеленые листья — за Керолайн. Горшок, изготовленный Джимми, служил урной для голосования.

— А как насчет Нильсена? — спросил Килрой.

Джимми сказал:

— Может, сделаем так: одновременно с этим горшком я сделал еще один, но неудачно. Разобьем его, и черепки будут означать голоса за Чистюлю.

— Мистер председатель, я отвергаю инсинуа...

— Оставь, Чистюля. Куски засохшей глины — голоса за Нильсена, камешки — за Рода, прутья — за Гранта, листья — за Керол. Голосуйте, друзья! Шорти, ты и Мирджори будете подсчитывать голоса.

Счетчики торжественно принялись считать предметы при свете костра. Пять голосов было подано за Рода, один за Нильсена, ни одного — за Керолайн и двадцать два — за Купера. Род пожал Куперу руку и отошел в темноту, чтоб никто не видел его лица. Керолайн взглянула на результаты голосования и сказала:

— Эй, Грант! Ты обещал голосовать за меня. Что случилось? Неужели ты голосовал сам за себя? Что скажешь?

Род ничего не сказал. Он голосовал за Купера и был убежден, что новый мэр не ответит ему тем же... он знал, что его пятеро друзей голосовали за него. К черту! Посмотрим, что будет дальше.

Грант игнорировал замечание Керолайн. Он встал на возвышение и сказал:

— Спасибо. Спасибо вам всем. Я знаю, все устали и хотят спать, поэтому я ограничусь сегодня вечером назначением нескольких комиссий...

* * *

Род не мог уснуть. Он говорил себе, что нет никакого позора в провале на выборах. Черт! Его отец однажды баллотировался в муниципальный совет с тем же итогом. Он говорил себе также, что управлять людьми так же приятно, как и стадом человекообразных обезьян — он никогда не хотел для себя такой работы. Тем не менее в глубине души он чувствовал себя уязвленным.

Постепенно он начал засыпать... отец смотрел на него и говорил: «Мы гордимся тобой, сын. У тебя достаточно предусмотрительности, чтобы...» — когда кто-то дотронулся до его руки.

Он проснулся и в тревоге выхватил «Полковника Бови».

— Убери эту кусачку, — прошептал Джимми, — не то убьешь кого-нибудь. Меня, например.

— Что случилось?

— Ничего, я слежу за огнем. У нас сейчас состоится совещание оппозиционного кабинета.

— Что?

— Молчи и пошли. Иди тихонько, все спят.

Оппозиционный кабинет состоял из Джимми, Керолайн, Жаклин, Боба Бакстера и Кармен Гарсия. Они собрались у костра, но как можно дальше от спящих. Род посмотрел на своих друзей.

— В чем дело, в конце концов?

— Вот в чем дело, — сказал Джимми серьезно. — Ты наш капитан. И нам нравятся эти выборы так же, как мне — фальшивая колода карт.

— Верно, — поддержала его Керолайн. — Все это демагогическая болтовня.

— Но ведь все могли выступить. Все могли проголосовать.

— Да, — согласился Бакстер, — да... и нет.

— Все было правильно. Я не протестую.

— Я и не думал, что ты будешь протестовать, Род. Однако... ну, я не знаю, знаком ли ты с политиками. Я не очень, за исключением церковных дел: мы, квакеры, не очень интересуемся подобными вопросами... Но, несмотря на всю болтовню, сегодня мошеннически протасили кандидатуру Гранта. Утром ты был бы избран подавляющим большинством голосов, вечером у тебя не оказалось ни малейшего шанса.

— Вопрос в том, — продолжал Джимми, — согласимся ли мы с этим.

— Но что мы должны сделать?

— Что мы можем сделать? Мы можем не остаться здесь. Мы составляем особый отряд, уйдем и поищем другое место... Может, большую пещеру.

— Да, — поддержала Керолайн. — Сегодня же ночью.

Род задумался. Мысль была соблазнительной: они не нуждались в других... парнях типа Нильсена и Купера. Открытие, что друзья поддерживают его, поддерживают в такой степени, что готовы вместе с ним покинуть обжитое место, вдохновило его. Он повернулся к Жаклин:

— А как ты, Джеки?

— Мы партнеры, Род. Как всегда.

— Боб, ты на самом деле этого хочешь? И ты и Кармен?

— Да. Но...

— Что «но»?

— Род, мы пойдем с вами. Вы поддержали нас, когда мы нуждались в помощи, и заключили с нами союз. Мы никогда не забудем этого. И вообще я считаю, что ты гораздо лучший капитан, чем Купер или кто-нибудь еще. Но есть одна вещь.

— Какая именно?

— Если вы решите уходить, Кармен и я просим отложить уход на день.

— Почему? — удивилась Керолайн. — Сейчас самое время.

— Ну... они объявили о создании настоящей колонии, государства со своим мэром. Все знают, что законно избранный мэр имеет право совершать бракосочетание.

— О! — сказала Керолайн. — Простите за неуместные возражения.

— Кармен и я можем заключить брак в соответствии с нашей религией. Это совсем несложно. Но поскольку нас могут вернуть на Землю, мы бы хотели, чтобы наш брак был законным и там. Понимаешь?

Род кивнул:

— Вполне.

— Но если вы решите уходить немедленно...

— Нет, — ответил Род, внезапно приняв решение. — Мы остаемся и пождем, пока не будет заключен ваш брак. Затем...

— Затем мы все уберемся подобру-поздорову, — закончила Керолайн.

— А затем посмотрим. Купер может оказаться неплохим мэром. Мы не должны уходить только потому, что я не был избран. — Он посмотрел на их лица. — Но... я вам очень благодарен. Я...

Он не закончил. Кармен подошла и быстро поцеловала его.

— Спокойной ночи, Род. Спасибо.

Глава 9

СЧАСТЛИВОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

Мэр Купер начал с доброго дела. Он выдвинул, поддержал и разукрасил предложение, чтобы у Кармен и Боба была отдельная квартира. Он приостановил работу по постройке стены и отправил население всего поселка соорудить дом для проведения медового месяца. Его помощник, Рой Килрой, вынужден был напомнить ему, что следует выслать охотничий отряд.

Он сам принялся за работу, желая совершить обряд бракосочетания в этот же вечер и постановив, что строительство нужно кончить до захода солнца. Пришлось разрушить часть стены и использовать камни, приготовленные для ее строительства. Сооружение было по необходимости простым, так как у них не было ни инструментов, ни извести, только глиняный раствор, не было и топоров для рубки деревьев. Это был каменный ящик высотой в рост человека, квадратный, несколько метров в длину и с дырой вместо двери. Крыша из толстых стеблей местной травы, напоминавшей бамбук, — колонисты так и называли ее между собой. На стебли положили тростник, смазав его глиной. Крыша некрасиво провисла.

Но это был дом, и даже с дверью, в качестве которой использовалась травяная циновка, сплетенная женщинами. Дверь не имела петель и не заперлась на замок, но она закрывала все отверстие и изнутри могла быть

закреплена камнями или колом. Пол посыпан песком и выстелен свежими широкими листьями.

Помещение вполне подходило для собачьей конуры, в которой когда-то жил святой Бернард, но мало напоминало жилище человека. Но оно было лучше, чем те жилища, которыми располагали люди на протяжении тысячелетней истории и предыстории их расы. Боб и Кармен не склонны были критиковать его.

Когда работа была прервана для обеда, Род неловко сел вблизи группы, окружавшей Купера. Он долго боролся со своей совестью и решил не показывать своего настроения. Он не мог демонстративно избегать Купера.

Марджори Чанг в этот день готовила еду. Она отрезала Роду кусок жареного мяса. Он поблагодарил и начал жевать его. Купер говорил. Род не старался подслушивать, но у него не было причины, чтобы не слушать.

— ...который является единственным путем для поддержания дисциплины в группе. Я уверен, что вы согласитесь. — Купер обернулся, поймал взгляд Рода, раздраженно нахмурился, затем улыбнулся. — Хэлло, Род.

— Привет, Грант.

— Прости, старина, у нас заседание исполнительской комиссии. Не можешь ли ты найти другое место для еды?

Род встал, покраснев.

— Ну конечно.

Купер, казалось, учел его состояние.

— Ничего секретного, конечно, — текущая работа. Может быть, ты прийдешь на следующее заседание и выскажешь свои соображения?

— О, нет! Я не знаю, о чем вы говорите.

Род пошел прочь. Купер не настаивал.

— Ну, продолжай работать. Осталось немного. Увидимся позже.

Он улыбнулся и отвернулся.

Род бродил, как неприкаянный, бросаясь всем в глаза. Он услышал, что его окликнул кто-то, благодарно обернувшись, увидел Джимми Трокстона.

— Пойдем за стены, — спокойно сказал Джимми. — У нашей шестерки будет пикник. Видел счастливую пару?

— Ты имеешь в виду Кармен и Боба?

— Разве появились другие? О, вот и они — как голодные не могут оторваться от своего дворца. Встретимся снаружи.

Род вышел за стену и увидел Жаклин и Керолайн. Они сидели у воды и ели. По привычке он огляделся, ища возможное убежище от хищников, и сообразил, как в случае необходимости быстрее всего отступить в кралю, но его тревога оказалась необоснованной: никакой опасности так близко от людей не было. Он подошел к девушкам и присел на камень.

— Привет, друзья.

— Привет, Род.

— Привет, Родди, — повторила Керолайн. — Какие новости?

— Никаких. Послушайте, разве Грант назначал вчера вечером исполнительную комиссию?

— Он назначал тысячу разных комиссий, но среди них не было исполнительной. Она появилась после окончания собрания.

— Что тебя беспокоит, Род? — спросила Жаклин.

Род припомнил лица тех, кого он видел вокруг Купера, и назвал их. Жаклин призадумалась.

— Это все его приятели по Толлерскому университету.

— Я так и думал.

— Мне это не нравится, — сказала она.

— Что тебя беспокоит?

— Может, ничего... а может... Но лучше, если бы там были представители всех групп, а не только его старые приятели.

— Ерунда, Джеки, еще рано делать выводы.

— Не понимаю, почему, — заговорила Керолайн. — Это тесная клика. Вы заметили, что никто из нас не попал ни в одну важную комиссию. Я — в комиссию по санитарному состоянию лагеря, Джеки — в комиссию по запасам пищи, а ты — вообще ни в какой. Ты можешь говорить о конституции, кодексах, справедливости, но он сделал себя вожаком и выбросил тебя. Сопоставь все факты.

Род не отвечал. Керолайн продолжала:

— Я сделаю это за тебя. Вначале будет создан комитет по подготовке к выборам. Затем будет объявлено, что голосовать можно только с определенного возраста, скажем, с двадцати одного года. Вскоре исполнительная комиссия преобразуется в сенат (название, конечно, будет другое) с правом вето, которое может быть отменено двумя третями голосов, а мы столько голосов никогда не наберем. А уж тогда они себя покажут. Так всегда действовал и мой дядя Фил.

— Твой дядя Фил?

— Ребята, вот это был политикан! Я не любила его: он перещеловал столько детей, что у него губы сморщились. Я пряталась, когда он приходил к нам. Но я знаю о том, как он сражался со своими противниками... Вот это была битва динозавров! Род, они свяжут нас по рукам и ногам. Мы постепенно утратим наши права после этого венчания. — Она обернулась к Жаклин. — Разве я не права, подружка?

— Конечно... а что скажет Род?

— Я не вполне согласен с вами. Слушай, Керол, ситуация мне не нравится. По правде говоря... ну, я был обижен тем, что меня не избрали капитаном. Но я не могу согласиться с тем, что нам нужно уходить. Нас слишком мало, чтобы основать новую колонию, это небезопасно.

— Ну, Роди, здесь в округе на деревьях все еще ночует вдвое больше людей, чем собралось в нашем лагере. На этот раз мы не будем принимать всех, а только тех, кто нам понравится. Шестерых для начала вполне достаточно.

— Не шесть, Керол. Четверо.

— Как? Шестеро! Мы собирались вшестером ночью, когда Джимми разбудил тебя.

Род отрицательно покачал головой:

— Керол, как мы можем рассчитывать, что Боб и Кармен пойдут с нами... после того, как весь лагерь строил для них отдельный дом?

— Ну... черт возьми! Мы построим им другой дом.

— Они, пожалуй, пойдут с нами, но мы не можем требовать от них этого.

— Я думаю, — неохотно сказала Жаклин, — что Род прав.

Спор был окончен появлением Боба, Кармен и Джимми. Они опоздали, как объяснил Роду Джимми, так как им необходимо было осмотреть дом.

— Как будто я не таскал камни для него? О, моя спина!

— Я ценю это, — мягко сказала Кармен. — Я разотру тебе спину.

— Разыгрываешь? — Джимми улегся на живот.

— Эй! — запротестовала Керолайн. — Я носила больше камней, чем он. Он большей частью стоял и командовал.

— Руководящие работы гораздо утомительнее, — чопорно ответил Джимми. — Ну, ладно, пусть Боб потрет твою спину.

Растирание спин еще не началось, когда со стены к ним обратился Рой Килрой:

— Эй, вы там, внизу, — обед окончен. Пора за работу.

— Прости, Джимми. Попозже, — Кармен пошла к стене.

Джимми вскочил на ноги:

— Боб, Кармен, не уходите. Я хочу вам кое-что сказать.

Они остановились. Род махнул рукой Килрою:

— Сейчас придем, — и вернулся к остальным.

Джимми, казалось, с трудом подбирал слова:

— Ну, Кармен... Боб. Будущие Бакстеры... Вы знаете, как мы к вам относимся. Это хорошо, что вы решили пожениться — каждая семья должна справлять свадьбу. Но... тут поблизости нет магазинов, и мы не знали, что подарить вам. Мы поговорили друг с другом и решили отдать вам это. Это от всех нас. Свадебный подарок. — Джимми запустил руку в карман, вытащил грязную, растрепанную колоду карт и протянул ее Кармен.

Боб Бакстер удивленно поглядел на него.

— Черт возьми, Джимми, мы не можем взять твои карты — твои единственные карты.

— Я... мы все хотим, чтобы вы их взяли.

— Но...

— Спокойно, Боб! — сказала Кармен и взяла карты. — Спасибо, Джимми. Большое спасибо. Спасибо вам всем. — Она огляделась. — Наша свадьба ничего не меняет, вы знаете. Мы все — одна семья. Мы ждем вас... приходите играть в карты... в наш дом всегда.

Она неожиданно остановилась и заплакала, уронив голову Бобу на плечо. Он осторожно похлопал ее. Джимми, казалось, тоже готов был заплакать, Род выглядел явно смущенным.

Они пошли обратно, Кармен под руку с Джимми, а остальные вокруг ее жениха. Род шел рядом с Жаклин и Керолайн.

— Говорил ли вам Джимми, — прошептал он им, — что-нибудь об этом?

— Нет, — ответила Жаклин.

— И мне не говорил, — подтвердила Керолайн. — Я хотела подарить им мою кастрюлю, но теперь подожду день-два.

«Рюкзак с булыжниками» Керолайн содержал множество вещей, которые она считала необходимыми для выживания, — например, тонкую записную книжку, крошечную губную гармошку, пол-литровую кастрюлю. Время от времени она извлекала новые немыслимые вещи. На каком основании она выбирала их и как умудрилась сохранить, было совершенно необъяснимо, но, как часто говорил им Дьякон Мэтсон: «Каждый действует по-своему. Выживание — это искусство, а не наука». Это был незабываемый момент, когда она появилась в пещере здоровой, сытой, в удивительно аккуратной и чистой одежде, несмотря на то что прошел уже месяц в первобытных условиях.

— Они не ждут, что ты подаришь им свою кастрюлю, Керолайн.

— Я не могу ее сейчас использовать: тут собралась слишком большая толпа. А они не смогут без нее вести домашнее хозяйство. Во всяком случае, я хочу ее подарить.

— Я подарю ей две иголки и немного ниток. Но я тоже немного подожду.

— А у меня нечего подарить им, — печально сказал Род.

Жаклин ласково посмотрела на него:

— Ты можешь изготовить им новую шкуру для воды, Род. Это понадобится им.

Род согласился.

— Слушай, это отличная идея!

* * *

— Мы собрались здесь, — бодро говорил Грант Купер, — чтобы связать этих двух людей узами брака. Я не буду произносить обычного опроса, ибо все мы знаем, что никаких препятствий к этому браку нет. Это прекрасное событие в жизни нашей маленькой нации, счастливое предзнаменование, предвестник будущего, гарантия того, что мы крепко держим факел цивилизации, ярко разгорающийся на этой планете. Это означает, что...

Род перестал слушать. Он стоял справа от жениха в качестве шафера. Его обязанности не были обременительными, но тут он почувствовал нестерпимое желание чихнуть. Он с отчаянием начал тереть губы и преодолел свое желание. Он молчаливо вздохнул и впервые почувствовал радость, что не на него, а на Гранта Купера возложены почетные обязанности. Грант, видимо, знает нужные слова, а он — нет.

Невесту сопровождала Керолайн Мшиени. У обеих девушек были букеты разноцветных диких цветов. Керолайн, как обычно, была в шортах и куртке, а невеста была одета в традиционные голубые брюки из грубой бумажной материи и блузку. Волосы были убраны в высокую прическу; ее оттертое лицо сияло в свете костра; она была, несомненно, прекрасна.

— Кто отдает эту женщину?

Джимми Трокстон выступил вперед и хрипло сказал:

— Я!

— Кольцо, пожалуйста.

Кольцо было у Рода на пальце; неумело повертев, он снял его с мизинца. Это было отличительное кольцо студента старшего курса Понсе де Лион, заимствованное на время у Билла Кеннеди. Род протянул его Куперу.

— Кармен Элеонора, берешь ли ты этого человека в мужья, будешь ли ты с ним в радости и в горе, в болезни и в здравии до самой смерти?

— Да.

— Роберт Эдвард, берешь ли ты эту женщину в жены? Будешь ли ты беречь ее и заботиться о ней, будешь ли верным ей до самой смерти?

— Да, конечно.

— Возьми ее за руку. Надень кольцо ей на палец. Повторяй за мной...

Род опять почувствовал желание чихнуть; он пропустил часть церемонии.

— ...своей властью, как исполняющий обязанности мэра нашего независимого государства, объявляю этих людей мужем и женой! Поцелуйтесь.

Керол и Джеки плакали. Род удивился: ничего плохого не случилось. Он пропустил свою очередь поцеловать невесту, но она внезапно повернулась к нему, обняла за шею и поцеловала. Он обнаружил, что трясет руку Бобу, и довольно торжественно.

— Боб, поздравляю. Не забудь пронести в ваш дом свою невесту.

— Не забуду.

— Пусть бог благословит вас обоих.

Глава 10

«ИМЕННО ЭТО Я И ПРЕДЛАГАЮ»

Разговора об уходе больше не было. Даже Керолайн оставила эту тему. Но на другие темы велись бесконечные разговоры. Купер созывал общие собрания ежевечерне. Они начинались докладами комиссий — комиссии по заготовке продуктов, комиссии по производству и инвентаризации, комиссии по расселению и санитарному состоянию, комиссии по людским ресурсам и распределению рабочей силы, комиссии по внешней безопасности, комиссии по разработке кодексов и законов, комиссии по приготовлению пищи, комиссии по строительству и планированию...

Кубер, казалось, наслаждался бесконечными речами, и Род вынужден был признать, что и другие неплохо проводили время; он даже, к своему удивлению, обнаружил, что сам с нетерпением ждет вечера. Это была единственная возможность жить общественной жизнью. Каждое заседание порождало многословные речи и споры, особые мнения и критические замечания; то, чего иногда не хватало в старых парламентах, тут было налицо. Роду нравилось, растянувшись на земле рядом с Джимми Трокстоном, слушать его насмешливые замечания об уме, желаниях и происхождении каждого выступающего. Он ожидал нарушающего порядок хохота Керолайн.

Однако Керолайн теперь было не до хохота: Купер назначил ее историком, узнав, что у нее есть записная книжка и что она владеет стенографией.

— Чрезвычайно важно, — заявил он ей, — чтобы у нас был подробный отчет о днях становления нашего общества. Ты ведешь свой дневник ежедневно?

— Конечно. Ну что из этого?

— Отлично! Отныне это будет официальный документ. Я хочу, чтобы ты делала записи о важнейших событиях дня.

— Хорошо. Но я не вижу ни малейшего отличия. То же самое я делала до сих пор.

— Да, да, но пиши подробнее. Я хочу, чтобы ты вела протоколы наших заседаний. Для историков этот документ будет сокровищем, Керол.

— Ладно.

Купер, казалось, думал о чем-то.

— Сколько чистых страниц осталось в твоем дневнике?

— Несколько сот, вероятно.

— Отлично! Это решает проблему, которая меня беспокоила. Мы реквизируем у тебя половину запаса бумаги для официальных нужд — для объявлений, протоколов заседаний и т.д.

Керолайн широко раскрыла глаза:

— Понадобится ужасно много бумаги. Пришли двух-трех сильных парней перетаскивать ее.

Купер ошарашенно поглядел на нее:

— А, ты шутишь.

— А еще лучше — пришли четырех парней. Трех я прогоню... а может, и покалечу.

— Но, послушай, Керолайн, это временная реквизиция, в общественных интересах. Намного раньше, чем кончится твой дневник, мы изобретем новые материалы для письма.

— Отправляйся и изобретай. Это мой дневник.

Керолайн обычно сидела рядом с Купером, держа дневник на коленях и ручку в руках: она делала заметки. Каждый вечер она открывала заседание, читая протокол предшествующего заседания. Род спросил ее, записывает ли она все на этих бесконечных заседаниях.

— Конечно нет!

— Я так и думал. Но твои протоколы довольно точны.

Она засмеялась.

— Родди, хочешь знать, что я на самом деле записываю? Обещай никому не рассказывать.

— Конечно, не буду.

— Когда я «читаю» протоколы, я просто вспоминаю, о чем болтали прошлым вечером: у меня очень хорошая память. Но чем я на самом деле мараю бумагу... вот здесь... — и она вытащила свой дневник из кармана. — Вот прошлое заседание. «Доклад комиссии по кошкам и собакам. Нет ни кошек, ни собак. Обсуждалось их отсутствие. Обсуждение перенесено на следующее заседание».

Род улыбнулся:

— Как жаль, что Грант этого не знает.

— Конечно, если происходит что-нибудь действительно серьезное, я записываю. Но не эти разговоры, разговоры, разговоры...

Керолайн не была абсолютно непреклонной в вопросе о дележе своих запасов бумаги. Брачное свидетельство, написанное Говардом Голдстейном, студентом-юристом из Толлерского университета, было подписано Купером, Бобом и его женой, а также Родом и Керолайн, как свидетелями. Керолайн его разукрасила цветами.

Были и другие, которые почувствовали, что новое правительство скоро лишь на разговоры, а отнюдь не на дела. Среди них был и Боб Бакстер, но он, как квакер, не часто посещал вечерние собрания. Но однажды, когда истекала уже неделя пребывания Купера у власти, после очередного бесконечного доклада попросил слова Шорти Дюмон.

— Мистер председатель!

— Подожди, Шорти! У меня несколько объявлений, и затем мы перейдем к другим делам.

— У меня как раз вопрос о докладах комиссий. Когда состоится доклад конституционной комиссии?

— Я сделаю этот доклад сам.

— Ты говорил, что нужно переработать проект и поэтому отложил доклад. И до сих пор никакого доклада не было. Вот что я хочу узнать: когда у нас будет настоящая организация. Когда мы наконец прекратим перемалывать воздух, откладывая наиболее важные решения со дня на день?

Купер вспыхнул:

— Ты имеешь в виду мои распоряжения?

— Я не говорю ни да ни нет. Но мы убрали Рода и выбрали тебя, поскольку нуждаемся в конституционном правительстве, а не в диктатуре. Поэтому я голосовал за тебя. Прекрасно, но где же наши законы? Когда мы будем голосовать за них?

— Ты должен понять, — наставительно сказал Купер, — что выработка конституции — это не однодневное дело. Потребуются многочисленные обсуждения.

— Конечно, конечно, но пора бы уже знать, какой сорт конституции ты нам готовишь. Как насчет билля о правах? Будет ли он туда включен?

— Все в свое время.

— А зачем ждать? Для начала давай примем Виргинский билль о правах в качестве статьи номер один. Именно это я и предлагаю.

— Ты не имеешь права. Кроме того, у нас нет текста этого билля.

— Пусть это тебя не беспокоит: я помню его наизусть. Ты готова, Керол? Записывай.

— Не надо, — отозвалась Керолайн. — Я тоже помню его. Я запишу сама.

— Видишь, Грант, я предлагаю вовсе не нечто неосуществимое: большинство из нас смогут процитировать этот билль: Не откладывая больше обсуждение.

Кто-то крикнул:

— Эгей! Ты прав, Шорти. Я тоже за это!

Купер призвал к порядку. Он заговорил:

— Здесь для этого не место и не время. Когда комитет представит свой доклад, вы увидите, что все демократические права и гарантии свободы личности будут учтены... может быть, несколько модифицированы с учетом нашего полного опасностей положения. — Он сверкнул улыбкой. — Переходим к нашим очередным делам. У меня распоряжение для охотничьих отрядов. Каждый охотничий отряд обязан...

Дюмон продолжал стоять.

— Я говорю: больше не откладывая, Грант. Ты доказал, что нам необходимы законы, а не диктаторская власть капитана. Благодаря этому ты и стал мэром, но у нас до сих пор нет никаких законов. В чем заключаются твои обязанности? Какова твоя власть? Являешься ли ты одновременно главой законодательной и исполнительной власти? Имеет ли каждый из нас какие-нибудь права?

— Замолчи и садись!

— На какой срок тебя выбирали?

Купер с большим трудом сдерживал себя:

— Шорти, если у тебя есть предложения на этот счет, представь их в комиссию.

— А, ерунда! Дай мне прямой ответ.

— Ты не имеешь права требовать отчета.

— Я имею это право. Я настаиваю, чтобы комитет по выработке конституции отчитался в своей работе. Я не откажусь от выступления, пока не получу ответ. Это общее собрание, и я имею такое же право говорить, как и все остальные.

Купер покраснел.

— Я в этом не уверен, — угрожающе сказал он. — Сколько тебе лет, Шорти?

Дюмон яростно взглянул на него:

— О, так вот ты как! Наконец-то тайное стало явным! — Он огляделся. — Я вижу, что большинство здесь моложе меня. Друзья, посмотрите, что он задумал. Граждане второго сорта. В этой так называемой конституции будет введен возрастной ценз. Разве не так, Грант? Посмотри мне в глаза и попробуй отказаться.

— Дьявол! Рой, схвати его и приведи к порядку.

Род внимательно слушал: представление сегодня оказалось весьма интересным. Джимми сопровождал его своими обычными насмешливыми комментариями. Теперь он сказал:

— Вот где прорвало! Будем ли мы вмешиваться или подождем и посмотрим, чем же окончится этот театр?

Прежде чем Род успел ответить, Шорти ясно показал, что он не нуждается в посторонней помощи. Он шире расставил ноги и крикнул:

— Только дотронься до меня!

Сухое шелканье курка показало, что он не намерен шутить. Он продолжал:

— Грант, я кое-что скажу тебе, прежде чем закончить. — Он повернулся и заговорил, обращаясь ко всем: — Вы видите, что у нас никаких прав, однако мы организованы: так организует смирительная рубашка. Комиссия для того, комиссия для этого — а к чему хорошему это привело? Разве мы стали лучше жить после создания этих комиссий? Стена все еще не окончена, в лагере больше грязи, чем было раньше, и никто не знает, что ожидает его завтра. Чего уж там, даже сигнальный огонь вчера забыли разжечь. Когда протекает крыша, вы не нуждаетесь в комиссиях: вы чините крышу. Я призываю: пусть капитаном будет Род; довольно этих глупых комиссий, и давайте чинить нашу крышу. Кто со мной? Прошу — подайте голос!

Раздались одобрительные возгласы. Конечно, шумело менее половины собравшихся, но Купер понял, что утратил свое влияние. Рой Килрой стоял возле Шорти Дюмона и вопросительно смотрел на Купера. Джимми толкнул Рода в бок и прошептал:

— Сиди спокойно, парень!

Купер отрицательно покачал головой.

— Шорти, — сказал он спокойно, — ты кончил свое выступление?

— Это было не выступление, а предложение. И ты лучше не говори, что я не имею права его делать.

— Я не уловил твоего предложения. Сформулируй его.

— Ты все уловил. Я предложил убрать тебя и вернуть Рода.

Килрой прервал:

— Эй, Грант, он не может этого предлагать. Это не соответствует...

— Помолчи, Рой. Шорти, твое предложение незаконно.

— Я так и знал, что ты это скажешь.

— На самом деле это два предложения. Но я не буду мелочиться. Ты говоришь, что вам не нравится то, что я делаю. Ладно, обсудим. — Он быстро спросил. — Кто еще за это предложение?

— Я!

— И я тоже!

— Достаточно. Итак: предлагается сместить меня и вновь назначить капитаном Рода. Есть у кого-либо замечания?

По крайней мере десять из собравшихся просили слова. Род добился его, перебивая остальных:

— Мистер председатель, мистер председатель! Прошу слова.

— Слово предоставляется Роду Уокеру.

— Слушай, Грант, я ничего не знал о том, что Шорти собирается выступать. Подтверди это, Шорти.

— Верно.

— Ладно, ладно, — кисло сказал Купер. — У кого еще замечания? Не кричите, поднимайте руки.

— Я не кончил, — настаивал Род.

— Ну?

— Я не только не знал о выступлении, я вообще против него. Шорти, я хотел бы, чтобы ты снял свое предложение.

— Нет!

— Я думаю, ты должен это сделать. Ведь у Гранта была всего одна неделя: мы не можем ждать от него чудес за такой срок — я знаю это. Вам может не нравится многое из того, что он делает, мне самому многое не нравится. Этого следовало ожидать. Но если мы сейчас его сместим, то ясно, как день, что наш отряд распадется.

— Это не я обанкротился, а он! Он, может быть, старше меня, но если он думает, что это дает ему какие-то преимущества, то... пусть лучше дважды подумает сначала. Я предупредил его. Ты слышишь, Грант?

— Слышу. Ты меня не понял.

— Такие шутки я всегда понимаю.

— Шорти, — настаивал Род, — откажись от своего предложения. Я прошу тебя.

Шорти Дюмон смотрел упрямо. Род беспомощно посмотрел на Купера, пожал плечами и сел. Купер отвернулся и заговорил:

— Кто еще хочет выступить? Эгнис? Тебе предоставляется слово.

Джимми шепнул:

— И зачем ты так выступил? У тебя совсем нет самолюбия.

— Я не горд, но я знаю, что нужно делать, — тихим голосом ответил Род.

— Ты намного уменьшил свои шансы на переизбрание.

— Подожди, — Род слушал; кажется, у Эгнис тоже накопилось немало обид. — Джим!

— Что?

— Быстрее вставай и предложи отложить обсуждение.

— Что? Отложить сейчас, когда все идет так хорошо? Я надеюсь, что здесь еще немало волос будет вырвано.

— Не спорь, делай!

— Ну, ладно. Ты портишь мне все удовольствие. — Джимми неохотно встал, набрал в легкие воздуха и закричал: — Я предлагаю отложить обсуждение.

Род тоже встал:

— Я поддерживаю это предложение.

Купер едва взглянул на них:

— Не имеете права. Садитесь.

— Имеем право, — громко сказал Род. — Предложение об отсрочке обсуждения всегда законно, это даже обсуждать не нужно. Я вторично повторяю свое предложение.

— Я не узнаю вас. Я соглашаюсь обсуждать, и вы тут же выступаете против, — лицо Купера дрожало от гнева. — Ты тоже так считаешь, Эгнис? Или ты тоже хочешь обсуждать мои манеры?

— Ты не можешь отклонить предложение об отсрочке обсуждения, — настаивал Род. Поднялся гул возгласов, поддерживающих требование Рода или просьбу Эгнис Фрис. В суматохе раздавались неодобрительные восклицания и выкрики.

Купер поднял обе руки, требуя тишины, а затем заговорил:

— Ваше предложение ставится на обсуждение. Кто за то, чтобы отложить заседание, скажите «Эй»!

— Эй!!!

— Кто против?

— Нет, — сказал Джимми.

— Заседание откладывается. — Купер вышел из круга света.

Шорти Дюмон подошел, сел перед Родом и посмотрел на него:

— Хорошую ты со мной сыграл шутку! — Он плюнул на землю.

— Да, — согласился Джимми, — что с тобой? Шизофрения? Нянька стукнула тебя головой об пол? Благородство хорошо в умеренных дозах. Но ты не можешь остановиться.

В это время подошла Жаклин.

— Я не хочу никакого обмана, — настаивал Род. — Я думаю, что говорю. Сместить капитана через несколько дней после выборов означает разобщение нашего отряда на мелкие группы. Я бы не смог вновь собрать их вместе. И никто бы не смог.

— Ерунда! Джеки, скажи ему.

Она неодобрительно посмотрела на Джимми:

— Джимми, ты хороший парень, но недостаточно смышлен.

— И ты туда же, Джеки?

— Джеки заботится о всех вас. Хорошо сделано, Род. Теперь многие призадумаются. Кое у кого сегодня будет неспокойная ночь.

— Но я не понимаю, — задумчиво заговорил Род, — почему Шорти возмутился первым.

— Разве ты не слышал? Наверное, это случилось, когда ты был на охоте. Я сама тоже не слышала, но рассказывали, что Грант орал на него перед всеми. А Шорти не любит, чтобы на него кричали.

— А кто это любит?

* * *

На следующий день Грант Купер повел себя так, как будто ничего не случилось. Но он больше был похож на короля-чурбана, чем на короля-деспота из басни Эзопа. После полудня он разыскал Рода.

— Уокер, можешь ли ты уделить мне несколько минут?

— Почему бы и нет?

— Отойдем в сторону. — Грант увел его за пределы слышимости.

Они уселись на землю, и Род внимательно посмотрел на Купера. Тот, казалось, с трудом подбирал слова для начала. Наконец он сказал:

— Род, я считаю, что могу положиться на тебя. — Он сверкнул своей улыбкой, которая на этот раз казалась вымученной.

— Почему? — спросил Род.

— Ну... из-за твоего поведения прошлым вечером.

— Ах, так? Не заблуждайся, я сделал это вовсе не ради тебя. — Род помолчал, затем добавил: — Давай говорить прямо. Ты мне не нравишься.

На этот раз Купер не улыбнулся.

— Это взаимно. Я не больше люблю тебя, чем ты меня. Но мы должны действовать вместе... и я думаю, что могу тебе верить.

— Возможно.

— Я пойду на такой риск.

— Я согласен со всеми замечаниями Шорти. Не согласен лишь с его выводом.

Купер криво усмехнулся.

— Самое печальное, — сказал он, — что я тоже полностью согласен с этими замечаниями.

— Как?

— Род, ты, вероятно, считаешь меня глупым ничтожеством, но просто дело в том, что я лучше знаком с теорией управления обществом. Тяжелая участь — руководить им в переходный период. У нас здесь пятьдесят человек, и ни у одного нет навыков руководящей работы... не исключая и меня. Но каждый считает себя специалистом в этом вопросе. Возьми это предложение о «Билле о правах»: я не могу сопротивляться ему. Но я знаю достаточно, чтобы понять, что права и обязанности человека в таком поселении, как наше, не могут быть заимствованы слово в слово из документа аграрной демократии; они должны отличаться и от соответствующего документа, необходимого в индустриальном государстве. — Он выглядел расстроенным. — Это правда, что мы собираемся ограничить право участия в выборах.

— Если ты это сделаешь, тебя бросят в ручей.

— Я знаю. Это одна из причин того, почему законодательная комиссия не представляет свой доклад. Другая причина... как, в самом деле, готовить проект конституции, если нет ни листа писчей бумаги. Это раздражает меня. Но относительно права голоса: самым старшим из нас около двадцати двух лет, самым младшим — шестнадцать. Хуже всего то, что младшие по возрасту — это рано развившиеся подростки, считающие себя гениями или полугениями, — Купер взглянул на Рода. — Я не имею в виду тебя.

— О, нет, — быстро ответил Род, — я вовсе не гений.

— Но тебе и не шестнадцать. Эти драгоценные дети раздражают меня. «Законники» — каждый дурак может так сказать, не имея об этом ни малейшего понятия. Мы думали о возрастном цензе — это благоразумно: старшие будут останавливать младших, а младшие, повзрослев, остепенятся. Но это трудно сделать.

— Невозможно сделать.

— Но что тогда делать? Вот, например, это так и не объявленное распоряжение об охотничьих группах, оно не касается таких групп, как вы с Керолайн. Но большинство охотничьих групп способны причинить большой вред. Я просто забочусь об этих парнях. Мне хочется, чтобы они все повзрослели, женились и остепенились — Бакстеры, например, не доставляют никаких хлопот.

— Я не беспокоюсь об этом. Через год или около этого девяносто процентов населения колонии переженятся.

— Надеюсь на это. Скажи... а ты не думал о женитьбе?

— Я? — Род был очень удивлен. — Даже и в голову не приходило.

— Просто я думал... а, впрочем, не все ли равно? Я отозвал тебя не для разговоров о твоих личных делах. Слова Шорти трудно проглотить, но я собираюсь кое-что изменить. Я упраздняю большинство комиссий.

— Неужели?

— Да. Черт возьми, они действительно не делали ничего, только сочиняли доклады. Я хочу сделать одну девушку старшей над кухней и одного парня старшим над охранниками. А тебя я просил бы стать главой полиции.

— Что? Какого дьявола тебе нужен глава полиции?

— Ну... всем видно, что нам не хватает порядка. Ты знаешь, что я имею в виду: чистота лагеря и т. д. Кто-то должен поддерживать сигнальный огонь — мы не нашли еще тридцать семь человек, не считая тех, о которых известно, что они погибли. Кто-то должен дежурить ночью. Если их не заставлять, наши парни быстро распустятся... Ты один можешь сделать это. Ты будешь получать приказы и исполнять их.

— Почему?

— Надо быть практичными, Род. Мы будем здесь жить. И у нас будет гораздо меньше забот, если все увидят, что мы действуем вместе. Это хорошо для всех.

Род понимал, как и Купер, что отряд должен быть сохранен. Но Купер просил его поддержать свою покачнувшуюся власть, а Род не просто обижался на него, но и знал, что тот только говорил, но ничего не делал.

Дело не только в недостроенной стене, говорил он себе, но и в десятках других вещей. Кого-то следует послать на поиски соли. Нужно организовать постоянные поиски съедобных корней и сбор ягод и другой растительной пищи — он, например, устал от постоянной мясной диеты, да и кто бы захотел питаться только мясом, может быть, всю жизнь? А кроме того, собралось столько воняющих шкур... Грант приказал приносить шкуры всех убитых зверей.

— Что ты собираешься делать с этими сырыми шкурами? — спросил Род внезапно.

— Что?

— Они воняют. Если хочешь послушать моего совета, их нужно оттащить подальше и бросить в реку.

— Но они нам понадобятся. Половина из нас уже сейчас ходит в лохмотьях.

— Одежду из этих шкур сделать не удастся: нам необходима дубовая кора. А недубленные шкуры не выдержат местного климата.

— Но здесь не может быть дубовой коры. Не говори глупостей, Род.

— Пошли кого-нибудь искать замену. И давай избавимся от этих шкур.

— Если я сделаю это, ты примешь мое предложение?

— Может быть. Ты сказал «получать приказы и исполнять их». Чьи приказы? Твои? Или Килроя?

— Обоих. Рой мой заместитель.

Род покачал головой:

— Нет, спасибо. У тебя есть Рой, значит, не нужен я. Слишком много генералов, но мало рядовых.

— Но, Род, ты мне действительно нужен. Рою не справиться с младшими. Он не умеет найти с ними общий язык.

— Он не умеет найти общий язык и со мной. Ничего не поделаешь, Грант. Кроме того, я вообще не люблю титулы. Это, по-моему, глупо.

— Выбери себе любой. Капитан гвардии... Управляющий городом... Все равно, как ты себя назовешь. Я хочу, чтобы ты следил за ночной охраной нашего поселка и чтобы все шло гладко. Особо нужно будет присмотреть за молодежью. Ты можешь это сделать, и это твой долг.

— А что будешь делать ты?

— Я буду готовить свод законов. Подумаю о долгосрочном планировании. Черт возьми, Род, у меня есть о чем позаботиться. Шорти был прав: мы не можем ждать. Если я отдаю приказ, я хочу, чтобы он был поддержан законом и чтобы мне не приходилось выслушивать насмешки сопляков. Но я не могу делать все, я нуждаюсь в помощи.

— А как насчет Килроя?

— Слушай, Род, ты же не можешь просить меня уволить человека, чтобы освободить его место для тебя?

— Я вообще ни о чем не прошу тебя, — Род колебался. Не гордость побежденного заставляла его отказаться от поддержки Купера. Он не мог выразить это, но чувствовал, что Купер и Килрой — не одно и то же.

— Я не хочу таскать каштаны из огня для Килроя. Грант, я тебе подчиняюсь: ты избран капитаном. Но я не желаю подчиняться подчиненному.

— Род, будь рассудительным. Если ты получишь приказ от Роя, это будет мой приказ. Рой только передаст его.

Род встал:

— Ничего не выйдет.

Купер сердито вскочил и ушел.

* * *

В этот вечер, впервые за все время правления Купера, собрания не было. Род собрался навестить Бакстеров, когда его позвал Купер.

— Твоя взяла. Я назначаю Роя главой охотников. Ты — управляющий поселком, или Майская королева, или еще как угодно. Никто не назначен на ночное дежурство. Так что ступай займись.

— Минутку! Я не говорил, что согласен на эту должность.

— Ты дал ясно понять, что единственное препятствие — это Рой. Прекрасно, ты будешь получать все распоряжения непосредственно от меня.

Род колебался. Купер презрительно посмотрел на него и сказал:

— Ты не можешь присоединиться ко мне, даже когда я выполнил твое требование?

— Дело не в этом, но...

— Никаких «но». Принимаешь ли ты эту должность? Отвечай прямо: да или нет?

— Ну... да.

— Ладно. — Купер нахмурился и добавил: — Я надеюсь, ты не изменишь свое решение.

— Это зависит от нас обоих.

Род принялся за организацию ночного дежурства и обнаружил, что каждый, к кому он обращался, был убежден, что он более чем выполнил свою норму дежурства.

Поскольку комиссия по внешней безопасности не вела записей — у нее просто не было такой возможности, — было невозможно определить, кто прав, а кто увиливает от дежурства.

— С этим покончено! — заявил Род. — И с завтрашнего дня у нас будет алфавитный список, как из типографии. Я добыю этого, хотя бы пришлось высекать его на скале.

Он начал понимать, что Купер был прав, говоря о трудностях управления без бумаги.

— Почему ты не назначишь дежурить своего приятеля Бакстера?

— Ты знаешь: мэр дал ему две недели свадебного отдыха. Твое дежурство с полуночи до двух.

Большинство согласилось с неизбежностью дежурства, поверив, что в будущем оно будет распределяться справедливо, но Пиви Шнейдер, шестнадцатилетний парень, самый младший в поселке, стоял на своих «правах»: он дежурил прошлую ночь, теперь он не будет дежурить по крайней мере три ночи, и никто его не заставит.

Род сказал Пиви, что либо тот отдежурит свою смену, либо Род надеет ему уши, а затем добавил, что, если в пределах лагеря Пиви по-прежнему будет употреблять нецензурную брань, ему придется вымыть Пиви рот с мылом.

Шнейдер отверг его аргументы:

— Где ты возьмешь мыло?

— Пока его не будет, я использую песок. Заномни мои слова. Пиви: никакой брани в лагере. Либо мы остаемся цивилизованными, либо погибаем. Твоя очередь с четырех до шести, покажи Кенни, где ты будешь спать.

Отходя, Род сделал в уме заметку, что следует собирать древесную золу и жир: у него была мысль приготовить мыло; кто-нибудь в лагере знает, как это делается... а мыло нужно не только для обуздывания сквернословящих молокососов. Он испытывал сильное желание отойти от самого себя... и уже давно выбросил свои носки.

Род спал совсем немного. Все время он просыпался и проверял дежурство; дважды его будили дежурные, заметившие, как кто-то крался во тьме за сторожевым костром... Род не был уверен в своих впечатлениях, но тоже заметил какую-то большую длинную тень, передвигающуюся в темноте. Он все время держал наготове ружье, опасаясь, что ночной гость перепрыгнет через стену или ворвется через промежутки между кострами. У него было сильное искушение выстрелить в крадущуюся тень, но он преодолел его. Этот выстрел нанес бы ущерб их остаткам боеприпасов, не принеся существенного вреда ночным хищникам. Такие посетители приходили каждую ночь; они жили среди них.

На следующее утро он чувствовал усталость и раздражение, ему хотелось спать, и он решил после завтрака вздремнуть в пещере. После четырех утра он вообще не уснул, часто проверяя, как дежурит Пиви Шнейдер. Однако было слишком мало свободного времени и много дел; он обещал себе, что вздремнет позже, и разыскал Купера.

— Нужно обсудить два или три дела, Грант.

— Выкладывай, Род.

— Почему мы не используем на дежурстве девушек?

— Не думаю, что это хорошая мысль.

— А почему? Наши девушки не закричат при виде мыши. Все они собственными усилиями продержались почти месяц, прежде чем присоединились к нам. Ты когда-нибудь видел, как действует Кералайн?

— Нет.

— Погляди. Получишь удовольствие. Внезапная смерть в обеих руках и глаза на затылке. Если она будет дежурить, я усну спокойно. Сколько у нас теперь мужчин?

— Двадцать семь — с тремя, пришедшими вчера.

— Прекрасно. Кто из них освобожден от ночного дежурства?

— Все должны отдежурить свою смену.

— А ты?

— Я? Но это уж слишком. Я ведь не жду, что ты будешь дежурить ночью. Ты распоряжаешься этим и назначаешь других.

— Значит, уже двое не дежурят. Рой Килрой?

— Слушай, Род, пойми, что он, как мой заместитель и глава охотников, должен быть освобожден от ночного дежурства. Ты знаешь почему — это принесло бы дополнительные беспокойства.

— Я знаю. Боб Бакстер тоже не дежурит?

— До следующей недели.

— Но сейчас эта неделя. Комиссия постановила, чтобы дежурили по одному; я настаиваю на том, чтобы дежурили по двое. На каждую ночь я хочу назначить одного начальника охраны. Он должен дежурить всю ночь и отсыпаться на следующий день... Видишь, что мне остается? На каждую ночь мне надо двенадцать дежурных: и их нужно выбирать менее чем из двенадцати мужчин.

Купер выглядел обеспокоенным.

— Комиссия не предполагала, что нам понадобится более одного дежурного на ночь.

— Комиссию надо разогнать! — Род поцарапал свои шрамы и подумал о ночных тенях. — Могу ли я поступать так, как считаю нужным? Или мне следует выступить с предложением на собрании?

— Ну, не знаю...

— В одиночестве дежурный становится нервным и видит призраки... а некоторые, наоборот, слишком спокойны и поэтому бесполезны. Мне пришлось разбудить одного прошлой ночью... не буду говорить, кого. Нам нужна настоящая охрана, способная отразить нападение врага или сдержать его, пока не проснется весь лагерь. Но если ты со мной не согласен, тогда почему бы не освободить меня и не назначить кого-нибудь другого?

— Нет, нет, ты прав. Делай, как считаешь необходимым.

— Отлично, я буду назначать на дежурство девушек. Боба и Кармен также. И тебя.

— Что?

— И себя. И Роя Килроя. Каждого. Это единственная возможность добиться, чтобы все дежурили без принуждения. Только так можно убедить всех, что это серьезная и важная обязанность, даже более важная, чем охота.

Купер разглядывал заусеницу:

— Ты на самом деле считаешь, что я должен нести дежурство? И ты тоже?

— Несомненно. Это поднимет моральное состояние на семьсот процентов. Кроме того, это политически верный поступок.

Купер посмотрел на него без улыбки.

— Ты меня убедил. Дашь знать, когда моя очередь дежурить.

— Второе. Прошлой ночью нам едва хватило дров для костра.

— Это твое дело. Используй всех, кто не занят сегодня на охоте и на кухне.

— Я так и сделаю. Но ты услышишь немало жалоб. Но это все второстепенные дела, босс. Перехожу к самому важному. Прошлой ночью я взглянул на это место свежим взглядом. Оно мне не понравилось, для постоянного лагеря оно не пригодно.

— Почему?

— Это место трудно защищать. Наш лагерь вытянут на пятьдесят метров между обрывом и берегом ручья. Вниз по течению еще не так плохо — там узкое место, и мы перегораживаем его кострами. Но вверх по течению мы не дотянули стену и до середины; кроме того, за стеной нужно поставить множество кольев. Да через эту щель можно провести целую армию, а прошлой ночью ее закрывали два небольших костра. Мы должны закончить стену.

— Мы ее закончим.

— Но нужно искать лучшее место для поселения. Это годится лишь как временное... Прежде чем тебя избрали, я пытался найти новую пещеру, но искать далеко было некогда. Ты бывал в Меса Верде?

— В Колорадо? Нет.

— Пещерные жилища, ты их видел на картинках. Может, где-нибудь выше или ниже по течению — скорее ниже — мы найдем пещеры, подобные Меса Верде, где сможем устроить жилище для всех. Ты должен отправить разведывательный отряд на две недели или даже больше. Я вызываюсь участвовать в нем.

— Может быть. Но ты не можешь с ним идти: я нуждаюсь в тебе.

— К концу недели я так налажу ночное дежурство, что оно пойдет само собой. Боб Бакстер сможет заменить меня: его все уважают.

Ну... — Он подумал с минуту. Джеки? Джимми? — Я пойду с Керолайн.

— Род, я ведь сказал, что хочу, чтобы ты был здесь. Но собираешься ли ты жениться на Керолайн?

— Что? Почему ты так думаешь?

— Тогда ты ни в коем случае не должен идти с ней.

— Ну, ладно... Но первое, что нужно сделать, это закончить стену. Я хочу, чтобы все участвовали в этой работе.

— Гм... — сказал Купер. — К сожалению, это невозможно.

— Почему?

— Потому что сегодня мы будем строить дом. Билл Кеннеди и Сью Бригс пожениятся вечером.

— Я не слышал об этом.

— Ты слышишь первым. Они сказали мне об этом по секрету за завтраком.

Род не был удивлен: Билл и Сью давно уж почти не разлучались.

— Но неужели им необходимо пожениться именно сегодня? Закончить стену важнее. Я же объяснял тебе.

— Не будь так настойчив, Род. Мы можем провести одну-две ночи с большими кострами. Помни: моральное состояние важнее материальных ценностей.

Глава 11

«БЕРЕГ КОСТЕЙ»

«29 июня. Билл и Сью поженились сегодня вечером. Мэр никогда не выглядел так привлекательно. Он хорошо провел всю церемонию — я плакала, и многие девушки тоже. Если бы этот парень мог действовать так же хорошо, как говорит! Я играла Свадебный марш Мендельсона на своей губной гармошке, слезы текли у меня по носу и капали на гармошку — этот марш я хотела сыграть на свадьбе дорогой Кармен, но не могла, так как была подружкой невесты. Жених перенес невесту через порог своего «дома» — если его можно так называть — и, опустив, посадил ее перед собой. Потолок гораздо ниже, чем следует, так как мы истощили запас камней, и Родди устроил скандал, когда мы для этой цели начали разбирать стену. Мэр возглавлял разрушение стены, они оба покраснели и кричали друг на друга. Но мэр сдался после того, как Родди отвел его в сторону и что-то сказал; Билл обиделся на Родди, но Боб хорошо поговорил с ним и предложил поменяться домами, а Родди обещал Биллу, что мы поднимем крышу и надстроим стены, как только будет закончена ограда. Это будет не так скоро, как он думает: пригодные для наших целей камни находить все труднее. Я сломала все ногти, пытаюсь обломать куски скалы, которые мы могли бы использовать... Но я согласна с Родди, что прежде всего нужно закончить стену; я сплю крепче с тех пор, как он возглавляет дежурство, а совсем хорошо буду спать только тогда, когда стена станет непреодолимой и будет закончена подушкой для кольев-булавок за ней.

Конечно, мы, девушки, спим в самом безопасном месте лагеря, но кто хотел бы проснуться и обнаружить, что не хватает многих из наших парней. Это не потому, что мы приберегаем их про запас, желая осчастливить их глупые маленькие сердца. Мама всегда говорила, что только мужчина придает дому настоящий жилой вид.

30 июля. Ничего не пишу, так как ничего особенного не произошло. Мэр говорит об изготовлении папируса наподобие египетского, но я поверю, только когда сама это увижу.

5 августа. Прошлой ночью я была на дежурстве, и Родди не спал почти всю ночь. После завтрака я улеглась и проспала допоздна. Проснувшись, я увидела Родди, раздраженного, сердитого, с покрасневшими от бессонницы глазами; он организовывал заготовку дров для костра.

9 августа. Элис нашла соленое озеро. Оно ближе, чем найденное Шорти на прошлой неделе, но хуже.

14 августа. Джеки окончательно решила выйти замуж за Джима. Родди был поражен, хотя ему я говорила об этом месяц назад. В таких вещах Родди очень наивен.

15 августа. Джимми и Джеки, Эгнис и Курт поженились сегодня. Был прекрасный двойной обряд бракосочетания. Трокстоны временно будут жить в доме Бакстеров, а Пулвермахеры — в низком доме Кеннеди, пока мы не разделим пещеру на комнаты для семейных и на кладовую.

1 сентября. Я попробовала корни, выкопанные вчера, и не отравилась. К вечеру приготовлю из них кушанье. Защитный экран из сумок с энергией для ружья-молнии, принадлежавшего, вероятно, Джону, превращен в котел, достаточно большой для приготовления нескольких порций. Вкус необычный, может быть, потому, что Эгнис готовила в котле мыло — мыло, кстати, получилось не очень хорошее. Я буду называть эти корни ямсом, так как они похожи на ямс, хотя по вкусу больше напоминают пастернак. И их много вокруг. Завтра я сварю их с зеленью, мясом и солью. Кроме того, я испеку их в золе.

16 сентября. Чед Эймс и Дик Берк пришли с поджатыми хвостами. Мэр смиловился и разрешил им остаться. Они сказали, что Джок Мак-Гоун сошел с ума. Могу поверить в это.

28 сентября. Филипп Шнайдер погиб сегодня во время охоты. Рой принес его, но он был сильно изранен и потерял много крови. Рой отказался от должности начальника охотников, и мэр назначил на нее Клиффа. Рой тяжело переживает случившееся, хотя его не упрекнул никто. Бог дал, бог и взял. Да святится имя твое, господи!

7 октября. Я решила выйти замуж за М.

10 октября. Кажется, я ошиблась. М. решил жениться на Марджори Чанг. Они хорошие ребята, и я даже рада, что я буду одна: если нас освободят отсюда, я хочу вступить в корпус амазонок. Будь более сдержанной, Керолайн. Постарайся.

20 октября. Кармен???

21 октября. Да.

11 ноября. Я — новый управляющий поселком. Маленькая Керол, девочка с двумя левыми ногами. Правда, временно, на несколько недель, так как Родди не будет, но говорите «сэр», обращаясь ко мне. Мэр наконец отпустил Родди в разведку вниз по течению реки, на чем настаивал Родди, сопроводив свое разрешение тысячей советов и наставлений. Родди не обратил на них внимания и забудет сразу же, как скроется из виду, — если я знаю Родди. Отправлен отряд из двух человек, и Родди выбрал в качестве партнера Роя. Они отправились сегодня утром.

5 ноября. Быть управляющим поселком — не сахар. Поскорее бы вернулся Родди.

11 ноября. Мэр приказал мне записать «доклад комиссии по инвентаризации». Мик Махмуд держал все это в голове, которая, как мне кажется, подходящее место для этого. Но мэр в отсутствие Родди и Роя стал очень раздражительным, так что пришлось уступить ему. Вот этот список:

12 запасных ножей (кроме того, ножи есть у каждого).

3 огнестрельных ружья и ружей прочих типов — но только около половины из них с боеприпасами.

6 библий.

1 коран.

1 книга мормонов.

1 оксфордская хрестоматия английской поэзии, 27 издание.

1 самострел и 3 охотничьих стрелы.

1 котел, сделанный из защитного экрана, и некоторое количество металлического и пластикового хлама, оставшегося от найденного Джеки ружья-молнии.

1 кастрюля (принадлежит Кармен).

1 колода игровых карт (девятка червей потеряна).

13 коробков спичек, несколько зажигалок, уже не работающих, 27 зажигательных стекол.

1 маленький ручной топорик.

6 метров веревки: часть ее использована для различных целей.

91 рыболовный крючок (и ни одной съедобной рыбы).

61 карманный компас, некоторые из них разбиты.

19 часов.

2 куска душистого мыла, припрятанные Тео.

Несколько килограммов прочего хлама, который неизвестно для чего может быть использован.

Удивительная голова у Мика!

Некоторые предметы мы изготовили сами и можем изготовить еще — горшки, луки и стрелы, кирки, каменные ступки с пестами (в них можно растереть зерно так, что оно не будет скрипеть на зубах) и т.д. Мэр сказал, что оксфордская хрестоматия — самое ценное из всего, что мы имеем. Я с ним согласна, но по другой причине. Он хочет, чтобы я сделала с помощью стенографии подробное изложение всех наших специальных знаний — от математики до выращивания свиней. Клифф велел начать немедленно на полях книги, но не разрешил портить стихов. Не знаю, когда найдется для этого время. Я очень занята организацией охраны, пока отсутствует Родди, и о сне вспоминаю, как о чем-то давно забытом.

13 ноября. Осталось всего два дня. «Вы свободны, спасибо...»

16 ноября. Я и не думала, что они вернутся вовремя.

21 ноября. Сегодня, на первом общем собрании за эту неделю, мы окончательно приняли нашу конституцию и свод законов.

29 ноября. Джимми говорит: «Старина Род слишком умен, чтобы умереть». Надеюсь, что он прав. Почему, ну почему я не пожала руку мэра и не попросила освободить меня?

15 декабря. Нет больше смысла обманывать себя.

21 декабря. Трокстоны, Бакстеры, я и Грант собрались сегодня вечером в доме Бакстера. Грант прочел заупокойную молитву. Боб тоже прочел молитву за них обоих, и мы, по обычаю квакеров, посидели молча. Родди всегда напоминал мне моего брата Рики, и я часто просила Богородицу позаботиться о нем. Грант не делал публичного объявления: они официально еще считаются опаздывающими.

25 декабря. Рождество».

* * *

Род и Рой быстро двигались при дневном свете вниз по течению, по очереди идя впереди и прикрывая тыл. Каждый нес по несколько килограммов соленого мяса, но они собирались питаться в основном дичью. Вдобавок к дичи они знали теперь много видов съедобных фруктов, ягод и орехов: лес был настоящим кафетерием для тех, кто его знает. Они не несли с собой воды, собираясь идти вдоль реки. Но воду для питья они брали с большой осторожностью: вдобавок к ихтиозаврам, которые иногда вспарывали своими острыми плавниками поверхность реки, здесь были кровожадные маленькие рыбки, которые делали крошечные укусы, но они передвигались стаями и были способны в несколько минут оставить от зверя только кости.

Род был вооружен двумя ножами: «Леди Макбет» и «Полковник Бови»; Рой — своим ножом «Бритва Оккама» и ножом, одолженным у Кармен Бакстер.

Вокруг пояса Роя была обмотана прочная веревка. У каждого был пистолет, прикрепленный к поясу, но они предназначались только для крайних случаев: на каждый было всего три заряда. Рой, кроме того, нес пневматическое ружье Жаклин Трокстон с заново отравленными стрелами; используя это ружье, они надеялись сэкономить часы для путешествия за счет охоты.

На третий день они нашли маленькую пещеру, а в ней — заброшенную колонию из пяти девушек. Они обсудили положение, затем Род и Рой продолжили свой путь, а девушки отправились в противоположном направлении, чтобы отыскать поселок. Девушки рассказали им, что ниже по течению реку можно перейти вброд. Они нашли это место — широкую скалистую отмель с большими камнями, напоминавшими ступени. Проведя два дня на той стороне реки, они вернулись назад.

К началу седьмого дня они не нашли ни одной пещеры, кроме той, в которой жили девушки. Род сказал Рою:

- Сегодня прошла неделя. Грант велел нам через две недели вернуться.
- Да, он так сказал.
- Результат нулевой?

— К сожалению.

— Мы должны возвращаться.

Рой не ответил. Род ворчливо спросил:

— Ну, что ты думаешь?

Килрой лежал на земле, рассматривая местное насекомое, похожее на муравья. Казалось, он никуда не собирается. В конце концов он ответил:

— Род, ты командир отряда. Вверх, вниз — ты только скажи.

— А сам не хочешь пошевелить мозгами?

— Ну, если бы я был законником, вроде Шорти, я бы мог поставить под сомнение приказ Купера, как нарушающий гражданские свободы и независимость личности. И, может, был бы прав.

— Ладно, задержимся еще на день. Но возвращаться будем по противоположной стороне.

— Ясно. Но если бы я был командиром отряда... Впрочем, я не командир...

— Оставь этот тон! Я спрашиваю твоего совета.

— Ну, ладно. Мы здесь для поиска пещер, а не для соблюдения точного графика.

Род нахмурился.

— Тогда поднимайся и пошли.

Они двинулись вниз по течению.

* * *

Рельеф окружающей местности изменился. Кончилась лесистая равнина и началась возвышенность, изрытая каньонами. Русло реки прорезало ее посередине. Становилось все труднее отыскивать дичь, и они были вынуждены приняться за солонину. Через два дня они встретили первую гряду горной цепи, сформировавшейся в предшествующие эпохи: извилистые обрывы, в которых чернели складки горной породы и провалы.

— Похоже на черные глаза, глядящие с горы.

— Да, — согласился Рой. Он осмотрелся. — Но дальше могут начинаться более симпатичные места.

— Возможно.

Они двинулись дальше.

Постепенно река стала широкой, берега ее — пологими, в них больше не было пещер. Каньоны уступили место широкой саванне, безлесой, если не считать кустарников вдоль берега реки. Род принялась.

— Я чувствую запах соли.

— Так и должно быть. Где-то поблизости океан.

— Не думаю.

Они пошли дальше.

Они избегали высокой травы, стараясь двигаться вблизи деревьев. Колонисты знали уже не менее дюжины хищников, достаточно крупных для нападения на человека: от огромного, похожего на льва, но вдвое больше

него размерами, до небольшой злобной чешуйчатой твари, особенно опасной, когда она была загнана в тупик. Большинство согласилось, что львоподобное чудовище и есть «стобор», о котором их предупреждали заранее; меньшинство же считало, что «стобор» — хищник помельче, но более быстрый, проворный и более склонный к нападению на людей.

Один из местных хищников никогда не нападал на людей. Он был не больше шакала, с непропорционально большой головой, огромными челюстями, длинными передними и короткими задними ногами и без хвоста. Он получил прозвище «пьяный Джо» из-за своих нелепых и неуклюжих медлительных движений. Он питался полевыми грызунами, поджидая их у нор. Его шкуру легко было снять и изготовить из нее сосуд для воды. Травяные поля, подобные этой саванне, были полны таких зверей.

Путешественники сделали привал в роще у воды. Род сказал:

— Можно истратить спичку или придется потрудиться?

— Решай сам. Я пойду добуду что-нибудь на обед.

— Будь осторожен. Не забирайся в траву.

— Я поохочусь на опушке. В страховой компании меня прозвали «осторожный Килрой».

Род разложил свои три спички, надеясь, что их окажется четыре, затем начал добывать огонь трением. Едва он успел сделать это, потеряв время из-за мха, который оказался недостаточно сухим, как вернулся Рой с небольшим тельцем убитого им животного.

— Произошло невероятное событие, — заикнулся было Рой.

Добычей оказался «пьяный Джо». Род поглядел на него с отвращением.

— Ничего получше ты не мог найти? У него мясо воняет керосином.

— Подожди, пока я расскажу. Я не охотился на него, это он охотился на меня...

— Кончай меня разыгрывать.

— Это правда. Я вынужден был убить его, потому что он вцепился мне в лодыжку. Пришлось его притащить.

Род посмотрел на маленькое существо.

— Никогда не слышал ни о чем подобном. Может, в их семье наследственное сумасшествие?

— Вероятно.

Род принялся свежевать добычу...

На следующее утро они увидели море со странной, совершенно гладкой поверхностью, которую не волновал ветер. Оно было очень соленым, берега его покрывала соль. Но их внимание привлекла не водная поверхность. Простираясь в обе стороны до горизонта, шел широкий пляж, покрытый грудками и нагромождениями миллионов побелевших костей. Род удивленно присвистнул:

— Откуда они взялись?

Рой медленно ответил:

— Не знаю. Но если бы мы продавали их по пять центов за тонну, стали бы миллионерами.

— Миллиардерами, ты хотел сказать?

— Не суетись.

Они пошли вдоль берега, забыв об осторожности, пораженные удивительным зрелищем. Здесь были древние кости, расщепленные морем и солнцем, и совсем свежие, с прикрепленными к ним хрящами, большие кости гигантских антилоп, на которых колонисты никогда не охотились, кости маленьких оленей, ростом не больше терьера, бесчисленные кости всех сортов и размеров. Но ни одного трупа.

Они осмотрели берег на протяжении нескольких километров, невольно испытывая благоговейный ужас при виде этого удивительного зрелища. Повернув назад, они знали, что возвращаются не к своему временному лагерю, а в поселок. Они зашли так далеко, как только смогли.

На пути вперед они не нашли подходящей пещеры. Род решил, что на обратном пути они будут искать более удобное место для размещения колонии, где было бы много дичи и свежей воды и лучше возможность защититься от нападения.

Они решили осмотреть несколько галерей, промытых водой в известняке. Выступы самой нижней галереи были расположены в шести или семи метрах над землей. Здесь каньон круто обрывался. В известняке могло оказаться достаточно помещений для всей колонии.

Рой лучше лазил по скалам; он осторожно двинулся вверх, прижимаясь к скале, достиг площадки и сбросил веревку Роду. Род, придерживаясь руками за веревку, перевалил через край, встал на ноги — и открыл рот от удивления:

— Черт побери!

— Да, — ответил Рой, — поэтому я и не сказал тебе сразу. Ты решил бы, что я совсем сошел с ума.

— Похоже, мы оба спятили.

Род огляделся. Заполняя всю глубину галереи, невидимые снизу, тянулись ряды жилых помещений.

Они были покинуты; и ясно, что построили их не люди. Отверстия, служившие дверями, были Роду по колено и не шире его плеч. Но ясно и то, что это были искусственные строения, а не пустоты, вымытые водой. Линии комнат размещались в несколько этажей от пола до потолка галереи. Они были сделаны из необожженной глины и стволов деревьев.

Но не было и следа тех, кто построил все это. Рой хотел просунуть голову в отверстие, но Род крикнул:

— Эй! не делай этого!

— Почему? Жильцы их покинули.

— Ты не знаешь, что там внутри. Например, змеи.

— Здесь вообще нет змей. Никто не видел ни одной.

— Но... все равно будь осторожен.

— Хотел бы я иметь факел.

— А я хотел бы иметь восемь прекрасных танцовщиц и вертолет фирмы «Кадиллак». Будь осторожен, мне не хотелось бы возвращаться одному.

Они поели в галерее и обсудили свое открытие.

— Конечно, они были разумны, — заявил Род. — Мы найдем их где-нибудь в другом месте. Может, сейчас у них настоящая цивилизация — эти строения выглядят очень древними.

— Не обязательно разумными, — возразил Рой. — Термиты сооружают более сложные жилища.

— Но термиты никогда не используют дерево и глину, как эти существа. Посмотри на эту перегородку.

— Птицы используют. Может, тут жили разумные птицы?

— Рой, ты не желаешь считаться с очевидным.

— А где же искусственно созданные предметы? Покажи мне что-нибудь с надписью «Сделано в Джерси-Сити».

— Я найду что-нибудь, если ты не будешь так раздражителен.

— Все в свое время. Как бы то ни было, если они могли жить здесь, значит, и мы сможем.

— Возможно. Но что их уничтожило? Или почему они ушли?

После еды они осмотрели еще две галереи. Везде были те же строения. Строители их составляли, должно быть, многочисленное общество. Четвертая галерея была пуста и только в углу было что-то вроде начатого улья. Род осмотрел галерею.

— Это мы можем использовать. Может, она и не лучшая из всех, но мы можем вначале все остановиться здесь и поискать чего-нибудь получше на досуге.

— Мы возвращаемся?

— Да, утром. Здесь удобное место для ночлега. Нельзя ли туда податься?

Род смотрел на площадку над главной аркой. Рой взглянул на нее.

— Сейчас я это узнаю.

— Не суетись. Я подстрахую тебя. Мы построим лестницу из каменных ступенек.

— Моя мать была летающим человеком, а мой отец — горный козел. Подожди меня.

Рой подошел к обрыву, но в это время сверху свалился обломок скалы. Рой упал. Род подбежал к нему:

— Все в порядке, парень?

Рой проворчал:

— Надеюсь, — и попытался встать. Он вскрикнул.

— Что случилось?

— Правая нога... Я думаю... ох! Наверное, она сломана.

Род осмотрел перелом, затем спустился вниз, чтобы подыскать материал для шины. Куском веревки, которую приходилось экономить, так как

ее нужно будет использовать как лестницу, он привязал к ноге Роя две ветки, предварительно подложив под них мягкие листья. У Роя был простой скрытый перелом бедра, и опасаться инфекции не приходилось.

Они поговорили о том, как быть дальше.

— Конечно, ты должен идти, — сказал Рой. — Оставь мне только что убитое животное и все наше соленое мясо. Можно найти способ и для того, чтобы сделать запас воды.

— Вернуться и найти твои свежеебглоданные кости!

— Вовсе нет. Здесь со мной ничего не случится. Если ты поторопишься, то сможешь добраться за три дня.

— Четыре, а вероятнее, пять дней. Шесть дней на то, чтобы вернуться с отрядом. А потом придется нести тебя в носилках. Как тебе понравится оказаться беспомощным при нападении стобора?

— Но я не буду возвращаться. Вся наша колония переместится сюда.

— Тогда потребуется еще больше времени. Рой, за это время ты сломаешь не только ногу, но и голову.

* * *

Они оставались на галерее, пока не срослась нога Роя. Не было ни особых трудностей, ни опасности. Было очень скучно. Род попытался осмотреть окрестные пещеры, но, когда он в первый раз задержался дольше, чем, по мнению Роя, было необходимо для охоты, вернувшись, застал своего партнера чуть ли не в истерике. Тот посчитал, что Род погиб, и уже представлял себе собственную смерть от голода и жажды. После этого Род оставлял его только для поисков пищи и воды. Галерея укрывала от всех опасностей: не было необходимости в дежурстве, огонь нужен был лишь для приготовления пищи. Погода становилась теплее, а почти ежедневные дожди не достигали их.

Они говорили обо всем: о девушках, в которых нуждалась колония; о том, какое бедствие посадило их на мель; чего бы они поели, если бы исполнились их желания; и опять о девушках. Они не обсуждали возможности своего освобождения: считалось само собой разумеющимся, что они останутся на планете навсегда. Они много спали и часто ничего не делали, впадая в животное оцепенение.

Рой хотел возвращаться, как только Род снял шины, но обнаружил, что почти разучился ходить. Он упражнялся несколько дней, мрачняя каждый раз, когда Род доказывал, что он все еще не в состоянии идти. Накопившееся раздражение привело к единственной ссоре, которая была у них за все путешествие.

Род, разозлившись, швырнул Рою его веревку и крикнул:

— Иди вперед! Посмотрим, как далеко ты уйдешь.

Пять минут спустя Род был вынужден втаскивать бледного, дрожащего и стонущего Роя обратно в галерею. После этого они провели там еще десять дней, дожидаясь, пока окрепнут мускулы Роя, и только затем двинулись в путь.

Шорти Дюмон был первым, кого они встретили, подходя к поселку. Его челюсть отвисла, он ошеломленно глядел на них, затем побежал, смеясь, им навстречу, затем обратно и своим криком поднял весь лагерь:

— Эй, слушайте все! Они вернулись!

Керолайн, услышав этот крик, подбежала к ним огромными прыжками и принялась целовать и обнимать их обоих.

— Эй, Керол, — сказал Род, — к чему эти крики?

— О, Родди, какой же ты нехороший.

Г л а в а 12

«ЭТО НЕ ДЕЛО, РОДДИ»

Во время ликования, вызванного встречей, Род сумел заметить множество перемен. Появилось свыше дюжины новых строений, включая два длинных сарая из бамбука, обмазанного глиной. Одна новая хижина была сложена из обожженных на солнце кирпичей; у нее были окна. На месте кухонного костра была выкопана яма с приспособлением, позволяющим зажарить целую тушу, и рядом с ней голландская печь. Поблизости струя воды текла через бамбуковую трубу, проходила через сеть, сделанную из сыромятной кожи, и попадала в каменную чашу, а оттуда — в ручей.

Род разглядывал эти изменения урывками, так как их триумфальное возвращение сопровождалось объятиями, поцелуями, хлопками по спине, а также градом вопросов.

— Нет, ничего не случилось... кроме того, что Рой сошел с ума и сломал ногу... да, конечно, мы нашли подходящее место, погоди, сам увидишь... нет... да... Джеки! Привет, Боб! Как я рад тебя видеть, парень! А где Кармен?... Привет, Грант!

Купер широко улыбался, белые зубы сверкали в черной бороде. Род с большим удивлением заметил, что Купер выглядит старым — черт побери, Гранту не больше двадцати одного — двадцати двух лет. Где он нахватал этих морщин?

— Род, старина! Я не знал уж, что делать: искать вас где-то или увенчивать ваши памятники венками.

— Но мы вернулись.

— Ну, мы рады возвращению заблудших овечек. Пойдем в ратушу.

— Куда?

Купер смущенно улыбнулся.

— Так все говорят, и я вслед за ними. Лучше, чем «Даунинг-стрит, 10». Это всего лишь хижина, где я сплю... она не принадлежит мне, — добавил он. — Когда изберут кого-нибудь еще, я переберусь в помещение для холостяков.

Грант отвел их в небольшое строение, что стояло отдельно от остальных вблизи кухонного костра. Стены не было вовсе. Род внезапно понял, что край поселка выглядит необычно: стена совершенно исчезла, на ее

месте заграждение из колючих веток. Он раскрыл рот, чтобы высказать свое негодование, но затем понял, что это ни к чему. Зачем поднимать скандал, если колония все равно переселится в каньон Аборигенов. Там больше не понадобятся стены: ночью они будут высоко и уберут за собой свои лестницы. Он избрал другую тему для разговора.

— Грант, как вам удалось срезать верхнюю часть этого бамбука?

— Ничего сложного. Привязываешь ремешком свой нож к тонкому бамбуковому стволу, поднимаешь его над головой и срезаешь верхушку. Это требует лишь терпения. Над этим трудится Чистюля. Но вы еще мало что видели. У нас будет железо.

— Как?

— Мы нашли руду, сейчас экспериментируем. Но я бы хотел, чтобы мы нашли залежи угля. Вам не попадалось, на ваш взгляд, что-нибудь похожее?

* * *

Обед был настоящим пиром, перед которым бледнели празднества по случаю свадьбы. Роду для еды дали настоящую тарелку — неглазированную, кривобоковую, не очень красивую, но тарелку. Когда он достал «Полковника Бови», Марджори Чанг Кински протянула ему деревянную ложку.

— На всех их не хватает, но для почетных гостей найдется.

Род с удивлением глядел на ложку. Он уже так отвык от этого. Обед состоял из вареных овощей, причем некоторые корни и овощи были ему незнакомы, хорошо пропеченной задней части антилопы, и мясо было нарезано тонкими ломтиками. Роду и Рою предложили тонкие лепешки из некавашеного теста. Никто, кроме них, этого не ел, но Род решил, что это дань вежливости, и не обсуждал это обстоятельство. Да и не до того было! Он испытывал странное возбуждение от того, что вновь ел хлеб.

Марджори улыбнулась:

— У нас сейчас немного хлеба... Вот на будущий год!

На десерт были фрукты двух сортов: маленькие, терпкие, и другие, мягкие, безвкусные, напоминавшие бананы с зернышками. Род наелся до отвала.

Грант призвал всех к порядку и объявил, что просит путешественников рассказать о их приключениях.

— Пусть расскажут всем, тогда им не нужно будет повторять рассказ двадцать раз. Начинай, Род.

— Лучше пусть Рой. Он говорит лучше меня.

— А вы по очереди. Когда нам надоест твой голос, Рой продолжит рассказ.

Они рассказывали, прерывая и поправляя друг друга. Колонисты были изумлены рассказом о «береге костей» и заинтересовались строениями аборигенов.

— Род и я до сих пор спорим, — рассказывал Рой. — Я говорю, что это цивилизация. Он — что всего лишь инстинкт. Но это ерунда: аборигены были разумными. Они не были людьми, конечно, но были разумными.

— Где же они теперь?

Рой пожал плечами.

— А где селениты, Дора? Что стало с марсианами?

— Рой романтик, — заметил Род. — Но вы сможете составить собственное мнение, когда мы переселимся туда.

— Верно, Род, — согласился Рой. — Больше ничего интересного не было, — продолжал Род. — Остальное время мы ждали, когда заживет нога Роя. Но давайте поговорим о другом. Когда мы сможем выступить? Грант, есть ли смысл оставаться здесь? Не следует ли завтра же свернуть лагерь и выступить? Я думал об этом — я имею в виду, как организовать движение, — и решил, что нужно выслать передовой отряд на расстояние дневного перехода. Рой или я сможем повести его. Мы идем вниз по течению налегке, выбирая места для ночлега, охотимся, разжигаем костры, готовим пищу и ждем остальных. Думаю, что через пять дней мы все уже будем в безопасных и уютных галереях.

— Я пойду в передовом отряде!

— Я тоже.

Раздалось еще несколько возгласов, но Род заметил, что впечатление от его слов было вовсе не таким, как он ожидал. Джимми не вызвался добровольцем, а Керолайн выглядела задумчивой. Бакстеров он не видел: они сидели в тени.

Он обернулся к Куперу:

— Ну, Грант? У тебя есть другая идея?

— Род, — медленно заговорил Грант, — ты все хорошо продумал... и все же допустил ошибку.

— Какую же?

— Почему ты решил, что мы будем переселяться?

— Что? Но ведь нас для того и посылали! Найти лучшее место для поселения. Мы нашли его — эти галереи можно удержать против целой армии. В чем же задержка? Конечно, мы переселимся!

Купер изучал свои ногти.

— Род, не горячись. Я не согласен с тобой, думаю, что и все остальные тоже. Я не хочу сказать, что место, которое вы с Роем выбрали, плохое. Оно, несомненно, лучше этого. Но мы все тут уже устроили, затратив на это массу времени и сил. Зачем же нам уходить?

— Я сказал, зачем. Эти галереи безопасны, совершенно безопасны. А здесь... вокруг опасности.

— Возможно. Род, за все время, пока мы живем здесь, никто не пытался ворваться в лагерь. Мы поставим этот вопрос на голосование, но ты не должен ожидать, что мы откажемся от своих домов и всего остального, чтобы избежать опасности, может быть, воображаемой.

— Воображаемой? Ты думаешь, что стобор не сможет перепрыгнуть через эту смехотворную баррикаду? — спросил Род, указывая на нее пальцем.

— Думаю, что у стобора шкура будет полна колючек, если он попытается сделать это. «Смехотворная баррикада» защищает нас очень эффективно. Утром рассмотри ее получше.

— Но там, где мы были, она вообще не нужна. Не нужно и ночное дежурство. Ребята, нам не нужны и дома. Их помещения лучше, чем любой здешний дом.

— Наверное. Но, Род, ты не видел всего, чего мы здесь достигли и от чего должны будем отказаться. Сначала взгляни на это при дневном свете, приятель, а потом говори.

— Ладно... Нет, Грант, важно только одно обстоятельство: пещеры безопасны, а это место нет. Давай голосовать.

— Не сейчас. Это не общее собрание. Это обед в вашу честь. Не порть его.

— Прости. Но ведь мы здесь все. Давай проголосуем

— Нет, — Купер встал. — Общее собрание у нас будет, как обычно, в пятницу. Спокойной ночи, Род. Спокойной ночи, Рой. Мы рады вас вновь видеть. Спокойной ночи всем.

Собравшиеся постепенно расходились. Только несколько самых молодых парней, казалось, готовы были обсуждать предложенное переселение. Подошел Боб Бакстер, пожал Роду руку и сказал:

— Увидимся утром.

Он отошел раньше, чем Род успел окликнуть его. Оставались Джимми Трокстон и Керолайн... Улучив возможность, Род спросил:

— Джимми? А ты за кого?

— Я? Ты знаешь меня, старина. Я отправил Джеки в постель: она не очень хорошо себя чувствует. Но она просила передать, что мы на все сто процентов за переселение.

— Спасибо.

— Увидимся утром. Я хочу посмотреть, как там Джеки.

— Конечно. Спи спокойно.

Наконец возле него осталась только Керолайн.

— Родди, хочешь проверить вместе со мной ночное дежурство? Ты будешь делать это с завтрашнего дня, а эту ночь можешь спокойно спать.

— Минутку. Керол, ты неуклюже действуешь.

— Я? Почему, Родди?

— Ну, ладно, наверное, я ошибся. Что ты думаешь о переселении? Я не знаю твоего мнения.

Она смотрела в сторону.

— Родди, что касается меня, то я выступила бы завтра же. Я пошла бы с передовым отрядом.

— Отлично! Но что случилось со всеми? Грант придавил их, как танк, но я не вижу, каким образом. — Он пожал плечами. — Я создам свой

собственный отряд — ты, я, Джимми и Джеки, Бакстеры, Рой, еще несколько.

Она вздохнула:

— Это не дело, Родди.

— Но почему?

— Я пойду с тобой. Несколько молодых тоже. Джим и Джеки пойдут, если ты будешь настаивать... но откажутся, если ты им разрешишь. Бакстеры не пойдут. Кармен не в состоянии совершить подобное путешествие.

Глава 13

«МЫ ОСТАЕМСЯ ЗДЕСЬ»

Дело так и не дошло до голосования. Задолго до пятницы Род знал, как пройдет голосование, — свыше половины будет против, друзья проголосуют за него, но скорее из верности, чем по убеждению... а возможно, и против, если голосование будет тайное.

Он попытался наедине переубедить Купера:

— Грант, ты меня побил. Даже Рой поддерживает тебя. Но ты должен изменить общее мнение.

— Сомневаюсь. Ты не видишь, Род, что мы здесь пустили корни. Ты нашел лучшее место... но уже поздно что-либо менять. И, в конце концов, и это место выбрал ты.

— Но это произошло случайно.

— Многое в жизни происходит так же случайно. Ты сделал не самый плохой выбор.

— Я старался. Грант, я согласен, что двинуться будет трудно. Но нужно все же это организовать. Устроим промежуточные лагеря. Самых сильных из нас будем посылать обратно, чтобы захватили все, что мы не можем оставить. В конце концов тех, кто не сможет идти, понесем на носилках.

— Если город проголосует «за», я тоже буду «за». Но я не буду стараться убеждать их. Послушай, Род, у тебя просто навязчивая идея, что это место расположено опасно. Факты не подтверждают этого. А с другой стороны, посмотри, что мы имеем. Проточная вода, узкие подходы к лагерю, достаточно удобные помещения и вполне сносный климат. Соль — а там есть соль?

— Мы не искали ее, но ее легко будет приносить с моря.

— Здесь она ближе. И у нас есть надежда на металл. Ты не видел еще выхода металлических руд? С каждым днем мы становимся все лучше снаряженными, наш уровень жизни растет. Мы можем гордиться своей колонией, и все это мы сделали голыми руками: мы ведь никогда не думали, что придется образовывать колонию. Зачем же бросать все то, чего мы добились, и жить в пещерах, подобно дикарям?

Род вздохнул:

— Грант, эта отмель может затопляться в дождливый сезон, не говоря уж о ее незащищенности.

— Мне так не кажется, но даже если и так, в свое время посмотрим. А сейчас мы вступаем в сухой сезон. Поэтому поговорим об этом через несколько месяцев.

Род отступился. Он отказался быть «управляющим городом», Керолайн тоже не захотела остаться в этой должности, когда вернулся Род. Был назначен Билл Кеннеди, а Род поступил под начало Клиффа как охотник, спал он в большом сарае для холостяков и по очереди нес ночное дежурство. Посты опять были сокращены до одного человека, чьей обязанностью было просто поддерживать огонь. Шли разговоры о прекращении ночных дежурств и костров, так как топливо стало добывать все труднее — большинство считало, что колючей изгороди вполне достаточно.

Род продолжал молчать и по ночам чувствовал тревогу. Дичь была такой же многочисленной, но стала более осторожной. Олени, казалось, не возвращались к своим путям, проложенным в дождливый сезон; их приходилось теперь отыскивать. Крупных хищников как будто стало меньше. Но первое явное доказательство удивительных особенностей местной фауны было получено от очень маленького хищника. Мик Махмуд вернулся в лагерь с искалеченной ногой. Боб Бакстер перевязал рану и спросил, как это случилось.

— Ты не поверишь.

— Расскажи.

— Ладно, это был всего лишь «пьяный Джо». Конечно, я не обратил на него никакого внимания. И вдруг я оказался на земле и почувствовал боль в ноге. Это все проделал «Джо», и я убил его ножом. А потом с большим трудом разжал его челюсти.

— Твое счастье, что ты не истек кровью.

Услышав об этом случае, Род рассказал о нем Рою. Уже столкнувшись с проявлением агрессивности «Джо», Рой воспринял это серьезно и посоветовал Клиффу быть настороже: казалось, все «Джо» становятся весьма агрессивными и раздражительными.

Три дня спустя началось переселение животных. Вначале это было медленное передвижение, которое казалось бы бесцельным, если бы не направлялось всегда вниз по течению. Животные раньше не использовали водопой в районе поселка, а большие олени редко появлялись в маленькой долине; теперь же они заходили в нее и обнаруживали, что путь им преграждает колючая баррикада. Они пытались ее преодолеть. Это касалось не только многочисленных разновидностей антилоп; большие бескрылые птицы, грызуны, землеройки, многочисленные виды животных, еще не получивших названия, — все объединились для миграции. Один из гигантских львоподобных хищников, которых они называли стоборами, наткнулся на баррикаду при свете дня, оглядел ее, хлестнул себя хвостом, затем взобрался на обрыв и продолжил свой путь по течению реки вниз.

Клифф созвал всех охотников из своего отряда: нужды в охоте больше не было — дичь сама шла в лагерь. Род, разумеется, почувствовал беспокойство, большее, чем обычно. В этот вечер, когда начало темнеть, он оставил свое место вблизи кухонного костра и отправился к Джимми и Жаклин.

— Что бы все это означало? Что-то нехорошее.

Джимми пожал плечами:

— Я тоже так думаю. Может, обычное проявление сезонной активности животных? Ты слышал, что одного «пьяного Джо» убили прямо в лагере?

— Я знаю, что это, — внезапно сказала Жаклин. — Не стало «Гран опера».

«Гран опера» — так Джимми называл создание с оглушительным голосом, одно из которых привело в такой ужас Рода в его первую ночь на планете. Каждый вечер, в первые часы темноты, они заводили свои скандалы. Род настолько привык к ним, что не обращал на них никакого внимания, как привыкают, например, к хору цикад. Он неделями вообще не слышал их.

Теперь все они вдруг исчезли, и это огорчило Рода. Он печально улыбнулся.

— Верно, Джеки. Как ты это заметила? Думаешь, они забастовали?

— Кто-нибудь у них в семье умер, — ответил Джимми. — Завтра снова будут петь.

Род ложился спать, чувствуя беспокойство. Когда ночной дежурный поднял тревогу, он был уже вне барака холостяков. В руке он сжимал «Полковника Бови».

— Что случилось?

Дежурным был Артур Нильсен.

— Теперь уже все в порядке, — нервно ответил он. — Большой самец оленя пытался прорваться через изгородь и проделал в ней брешь. А этот прорвался, — он указал на тело «пьяного Джо».

— Ты в крови.

— Всего лишь укус.

Вокруг собрались остальные колонисты. Через толпу пробрался Купер. Узнав, что случилось, он сказал:

— Чистюля, следи внимательно за изгородью. Билл... Где Билл? Билл, назначь еще кого-нибудь на дежурство. А проход в изгороди заделаем, как только рассветет.

Восток уже серел. Марджори предложила:

— Давай же уж не ложиться. Сейчас позавтракаем. Пойду разожгу костер, — и она двинулась к дежурному костру за огнем.

Род выглянул через поврежденную баррикаду. С той стороны изгороди был большой олень, к нему как бы прилипли шесть «пьяных Джо». Клифф был тут же. Он спокойно спросил:

— Как, по-твоему, покончить с ними?

— Только при помощи ружья.

— Но мы не можем расколовать на них боеприпасы.

— Нет, — Род задумался, затем подошел к куче стволов бамбука, заготовленных для строительства. Он выбрал из них один покрепче, на голову короче его самого, сел и начал привязывать к нему сыромятным кожаным ремешком «Леви Макбет», изготавливая таким образом копье.

Подошла Керолайн и присела рядом.

— Что ты делаешь?

— Убийцу «Джо».

Она присмотрелась.

— Я сделаю себе такой же, — сказала она внезапно и убежала.

Днем животные продолжали стремиться по течению вниз, как если бы их гнал лесной пожар. Ручей, заметно высохший в начале сухого сезона, обнажил небольшую отмель шириной от одного до нескольких метров; она шла параллельно берегу, на котором стоял поселок. Они перегородили эту отмель колючей изгородью, но возбужденные животные прорвали ее, найдя в ней слабое место, и теперь проходили вдоль ручья мимо лагеря.

После нескольких бесполезных попыток колонисты больше не старались повернуть их обратно. Животные заполнили все побережье, они были везде, и их маршрут вниз по течению ручья проходил через лагерь. Найдя щель в баррикаде у самой воды, они устремились туда, используя этот своеобразный клапан. Это предохраняло всю баррикаду от разрушения. Небольшие животные пробирались прямо через изгородь, не обращая внимания на людей.

Род завтракал, стоя на баррикаде. Он уже убил шесть «Джо», но на счету Керолайн было больше. Остальные тоже изготовили копия и присоединились к ним. «Пьяные Джо» не попадались в большом количестве. Большинство из них, следуя за крупными животными, обходило лагерь через проход в баррикаде у воды. Тех же, что просачивались внутрь лагеря, убивали копиями: встречать их с простым ножом было слишком опасно.

Купер и Кеннеди, обходя защитников баррикады, остановились возле Рода. Они выглядели обеспокоенными.

— Род, — сказал Грант, — как долго может это продолжаться?

— Откуда мне знать? Пока мы не уйдем с этого места. Это выглядит, как... бей его, Шорти! Это выглядит так, будто «Джо» гонят остальных, но на самом деле это вряд ли так. Я думаю, они все сошли с ума.

— Но в чем же причина? — допытывался Кеннеди.

— Не спрашивай меня. Думаю, что знаю теперь, откуда появились кости на берегу. Но не спрашивай, почему. Почему цыпленок вылупляется из яйца? Почему лемминги поступают именно так? Что порождает саранчу? Сзати! Прыгай!

Кеннеди подпрыгнул, Род прикончил еще одного «Джо», и они продолжили разговор.

— Лучше распорядись, чтобы кто-нибудь сбросил их в воду, пока они не начали разлагаться. Слушай, Грант, пока у нас все в порядке, но я знаю, что нужно делать дальше.

— Что? Переселение в ваши пещеры? Род, ты был прав, но теперь уже слишком поздно.

— Нет, нет! Это прошлогодний снег, забудь об этом. Меня беспокоят эти маленькие дьяволы. Они больше не пьяные, теперь они быстрые и злые... и могут пробираться через изгородь. Пока мы еще можем их остановить, а что будет в темноте? Нам нужна сплошная линия костров перед изгородью и вдоль берега. Огонь — это единственное, что может их задерживать... я надеюсь.

— Потребуется много дров. — Грант поглядел через баррикаду и нахмурился.

— Конечно. Но это спасет нас ночью. Слушай, дай мне топор и шестерых парней с копьями. Я поведу отряд.

Кеннеди покачал головой:

— Это моя обязанность.

— Нет, Билл, — сказал Купер, — я сам поведу отряд. Оставайся здесь и защищай поселок.

Прежде чем наступил вечер, Купер дважды возвращался с отрядом заготовителей дров, и по одному разу ходили Билл и Род. Они надеялись увидеть уменьшение потока животных, но это им не удалось. Отряд Билла работал на крутом берегу над лагерем, где они рубили дрова и сбрасывали их вниз. Так работали около двух часов. Все вокруг было очищено от сухого дерева уже месяц назад, за новыми запасами дров для костров нужно было отправляться в лес.

Клифф Бейли, глава охотников, уведший после полудня пятый отряд, сломал рукоять топора. Они вернулись с теми дровами, которые смогли заготовить при помощи ножей. Пока они отсутствовали, огромный бык, которого они называли «буффало», спрыгнул с обрыва, упал в лагерь и сломал себе шею. Четыре «Джо» пробрались с ним. Их легко убили.

Джимми и Род дежурили на баррикаде. Джим оглянулся на группу девушек, убивавших тела животных.

— Род, — сказал он задумчиво, — мы ошибались. Это стобор... настоящий стобор.

— Что?

— Большие звери, которых мы так называли, вовсе не «стоборы». То, что происходит, это и есть как раз то, против чего нас предостерегали.

— Ну... неважно, как их назвать, важно только обезопасить от них лагерь. Может, ты прав. Смотри, вот они опять.

Купер приказал зажечь костры, как только стемнеет, и был озабочен тем, чтобы растянуть их в линию вдоль всего лагеря. В это время что-то случилось с трубой, подающей воду: она задрожала, и вода перестала течь. Выше по течению что-то сильно ударило в трубу и разбило тонкий бамбуковый ствол.

Поселок уже давно отказался от использования шкур для хранения воды. Теперь оказалось, что в наличии всего несколько литров воды, которую следовало использовать только для приготовления пищи. Впрочем,

это было неприятно, но не опасно; гораздо сложнее было поддерживать постоянное огненное кольцо вокруг лагеря... Среди колонистов насчитывалось уже около десяти пострадавших, не смертельно, но раненых и укушенных: почти все они были искушены маленькими хищниками, пренебрежительно называемыми «пьяный Джо». Общественные запасы медикаментов, тратившиеся на протяжении месяцев, теперь были почти исчерпаны, так что Боб Бакстер использовал их только при тяжелых ранениях.

Когда было заготовлено топливо для костров, расположенных длинной дугой за баррикадой и протянувшихся вдоль берега, результаты тяжелой дневной работы выглядели незначительными. Запас был не больше, чем обычно готовили на ночь. Билл Кеннеди посмотрел на дрова.

— На всю ночь не хватит, Грант.

— Должно хватить, Билл. Зажигай.

— А если нам собрать все топливо от берега и баррикады и перетаскать к обрыву... как ты думаешь?

Купер старался прикинуть, какой от этого будет выигрыш.

— Лишь ненамного короче. Не зажигай ту сторону, которая ниже лагеря, пока звери не подойдут к изгороди. Но помни: становится темно.

Он подошел к кухонному костру, извлек головешку и начал поджигать цепь костров. Кеннеди помогал ему, и вскоре поселок был окружен стеной пламени. Купер швырнул факел в огонь и сказал:

— Билл, распредели мужчин на два дежурства, а женщин отправь в пещеру — потеснившись, они там разместятся.

— Будет не просто поместить больше тридцати женщин в пещере, Грант.

— Они смогут сидеть всю ночь. Но отошли их. Да, и раненых мужчин тоже.

— Пойду займусь.

Кеннеди отправился выполнять распоряжение. Прибежала разгневанная Керолайн с копьем в руке.

— Грант, что это за глупость, что женщины должны запереться в пещере? Если ты считаешь, что это относится и ко мне, то лучше вновь все обдумай.

Купер устало поглядел на нее.

— Керол, мне некогда спорить. Замолчи и делай, что тебе говорят.

Керолайн раскрыла рот, закрыла его и сделала, как ей было сказано. Боб Бакстер привлек внимание Купера: Род заметил, что он был очень расстроен.

— Грант, ты приказал женщинам подняться в пещеру?

— Да.

— Очень жаль, но Кармен не может этого сделать.

— Ты должен ей помочь. Я прежде всего имел в виду Кармен, когда отказывался переселяться.

— Но... — Боб замолчал и отвел Купера в сторону. Он говорил настойчиво, но спокойно.

Грант покачал головой.

— Это опасно, Грант, — продолжал Бакстер, повысив голос. — Я не смею рисковать. Интервалы теперь составляют тридцать минут.

— Ладно. Оставь несколько женщин с нею. Используй для этого Керолайн. Это немного погасит ее рвение.

— Хорошо! — Бакстер торопливо отошел.

Кеннеди нес первое ночное дежурство с дюжиной мужчин, расставленных вдоль костров; Род был во второй смене, которую возглавлял Клифф Пейли. Он пошел к дому Бакстеров узнать, как дела у Кармен. Эгнис ответила, что все в порядке. Тогда он пошел в помещение для холостяков и постарался уснуть.

Проснулся он от криков и увидел львоподобное чудовище длиною свыше пяти метров, прыжкамидвигающееся через лагерь. Оно перепрыгнуло баррикаду, все заостренные колья и костры одним прыжком и умчалось вниз по течению. Род крикнул:

— Кто-нибудь ранен?

Шорти Дюмон ответил:

— Нет. Оно даже не остановилось, чтобы махнуть нам хвостом.

Шорти был покрыт кровью; на левой икре у него была рана; он, казалось, не обращал на нее внимания.

Род вернулся в сарай и снова постарался уснуть, но вскоре опять проснулся от того, что здание тряслось. Он вскочил:

— Что случилось?

— Это ты, Род? Не знаю, что происходит снаружи. Помогите мне, нужно сжечь это, — голос принадлежал Бакстеру.

Он пытался освободить столб, поддерживающий угол сарая, от ремней, крепивших его. Род подобрал копье, чтобы случайно не наткнуться на него, вложил в ножны «Полковника Бови» и поспешил на помощь. Сарай был сделан из бамбука, переплетенного листьями, крыша из тростника, обмазанного глиной; большая часть этого могла гореть.

— Как Кармен?

— Нормально. Скоро конец. Меня выгнали оттуда, — Бакстер с шумом обрушил угол сарая, собрал две охапки обломков и заспешил наружу. Род тоже набрал топлива и пошел за Бобом.

Запасы топлива кончились; кто-то срывал крышу с «ратуши» и бросал куски ее на землю, там их очищали от глины. Стены были сложены из просушенного на солнце кирпича, но крыша могла гореть. Род подошел поближе и увидел, что это Купер; он сам разрушал символ общественного самоуправления. Он работал с энергией отчаяния.

— Давай я займусь этим, Грант. Отдохни немного.

— Нет.

— Не торопись. Ночь еще долгая. Который час?

— Не знаю. Наверное, полночь. — Взметнулось пламя, и Купер прикрыл лицо. — Род, заступай на дежурство и смени Билла. Клифф ранен, и я послал его в пещеру.

— Ладно. Сжигать все, что способно гореть, верно?

— Все, кроме крыши дома Бакстеров. Но не жги все слишком быстро: должно хватить до утра.

— Хватит, — Род поспешил к линии костров и разыскал Кеннеди. — Привет, Билл, заступаю на дежурство — приказ Гранта. Иди немного поспи. Кто-нибудь прорвался?

— Немного. И не очень далеко. — Копье Кеннеди было темным от крови. — Я не пойду спать, Род. Найди себе место и помогай.

Род покачал головой:

— Ты изнемогаешь. Иди отдыхать. Это приказ Гранта.

— Нет!

— Ладно... тогда бери своих парней и снеси тот сарай старых дев. Это даст нам какую-то отсрочку.

В натиске зверей наступил перерыв, и Род ничего не видел за баррикадой. Это дало ему возможность обойти всю линию, отправить отдыхать тех, кто дежурил с захода солнца, и разыскать всех своих дежурных. Он отрядил Дага Сандерса и Мика Махмуда подносить топливо, приказав остальным пока не подбрасывать дрова в огонь.

Вернувшись со своего обхода, он увидел, что Боб Бакстер с копьём в руке занял его место в центре линии. Род положил ему на плечо руку:

— Врач не должен участвовать в схватке. Это может плохо кончиться для всех.

Боб ответил:

— Моя медицинская сумка осталась в доме, где сейчас идут к концу роды. Вот почему я здесь.

— Тебе здесь лучше?

Бакстер бледно улыбнулся:

— Во всяком случае, это лучше, чем ломать дома. Род, они снова напают. Не следует ли разжечь побольше костры?

— Гм... оставим это на крайний случай. Думаю, что через это они не пройдут.

Боб не успел ответить, как внезапно появился «Джо». Он пробрался через тлеющие уголья, и Боб ударил его копьём. Род сложил руки рупором и крикнул:

— Разжигайте огонь! Но не тратьте много топлива!

— Сзади, Род!

— Род, берегись!

Род подпрыгнул и крутнулся, сбрасывая маленького дьявола.

— Откуда он взялся? Я не видел.

Прежде чем Боб ответил, из темноты послышался голос Керолайн:

— Боб! Боб Бакстер! Я ищу Боба Бакстера.

— Здесь! — крикнул Род.

Боб не мог говорить.

— Она... она... — его лицо исказилось от внутренней боли.

— Нет, нет! — кричала Керолайн. — Все в порядке, она себя чувствует хорошо. Девочка!

Бакстер покачулся, его копье упало на землю. Керолайн подхватила его и удержала от падения в костер. Он открыл глаза и сказал:

— Прости. Ты меня напугала. Ты уверена, что Кармен в порядке?

— Как день, и ребенок тоже. Около трех килограммов. Отдай мне твою колючку, Кармен хочет тебя видеть.

Бакстер, спотыкаясь, ушел, и Керолайн заняла его место. Она улыбнулась Роду:

— Все хорошо! Как дела, Родди? Живой? Я чувствую себя так, будто меня искушали восемь или девять этих паразитов.

Через несколько минут подошел Купер. Керолайн спросила его:

— Грант, ты слышал хорошую новость?

— Да. Я только что оттуда, — он не обратил внимания на присутствие Керолайн в линии защиты лагеря, но сказал Роду: — Мы сделаем носилки из кусков дерева и поднимем на них Кармен. Затем носилки сбросят вниз, и вы сможете их сжечь.

— Хорошо.

— Эгнис понесет ребенка. Род, сколько человек можно разместить в пещере?

Род посмотрел вверх:

— Часть можно разместить на выступе у пещеры.

— Боюсь, что так и придется поступить. Но надо постараться вместить всех. Я хочу отправить туда всех женатых мужчин и всех самых молодых. Холостяков пока задержим здесь.

— Я холостяк, — вмешалась Керолайн.

Купер не обратил на нее внимания.

— Начнем, как только Кармен будет в безопасности, у нас больше нечем поддерживать огонь. — Он отвернулся и направился к пещере.

Керолайн тихо свистнула:

— Родди, нам будет весело.

— Веселье не в моем вкусе. Займи мое место, Керол. Я пройду по линии, — и он двинулся вдоль линии, говоря, кому уходить, кому оставаться.

Джимми нахмурился, услышав, что и он должен быть в пещере.

— Я не пойду, во всяком случае пока кто-нибудь остается здесь. Я не смогу смотреть Джеки в глаза.

— Прикуси язык и делай, что сказал Грант, или проглотишь свои зубы. Понял?

— Понял. Мне это не нравится.

— Тебе это может не нравиться, но ты это сделаешь. Видел Джеки? Как она?

— Я недавно поднимался туда. Она в порядке, совсем спокойна. Новость о Кармен привела ее в восторг.

У Рода больше не было времени для разговора. После ухода женатых мужчин, раненых и всех женщин, у него оставался весьма маленький

выбор: он просто сказал тем, кого считал слишком молодым или недостаточно искусным в использовании копы, что они должны будут подняться, как только он скажет. После этого оставалось полдюжины мужчин плюс он сам, Купер и, возможно, Керолайн. Род не хотел тратить времени на переубеждение Керолайн.

Он вернулся и нашел Купера.

— Кармен наверху, — сказал ему Купер. — Можешь отправлять наверх остальных.

— Тогда можно сжечь крышу с дома Бакстеров?

— Я сам сброшу ее вниз. — Купер оглянулся. — Керол! Наверх!

Она села на корточки:

— Не пойду!

Род мягко сказал:

— Керол, послушайся. Он прав, иди наверх.

Она нахмурилась, скривила губы, а затем сказала:

— Только ради тебя, Родди Уокер, — повернулась и стала подниматься по тропе.

Род опять сделал руки рупором и закричал:

— Слушайте все! Наверх, кроме тех, кто должен оставаться! Быстрее!

Половина из них уже поднялась, когда Эгнис крикнула сверху:

— Эй! Полегче! Вы столкнете кого-нибудь с обрыва, если будете так торопиться.

Очередь остановилась. Джимми сказал:

— Всем выдохнуть. Так и оставаться.

Кто-то повернулся:

— Сбросьте вниз Джимми... тогда хватит места.

Очередь снова двинулась, но медленнее... Через десять минут они решили проблему «сардина в банке», разместив выше семидесяти человек в пространстве, достаточном лишь для дюжины. Стоять прямо можно было лишь на выступе перед пещерой. Девушки были размещены внутри, они сидели на земле или на корточках, сжатые так, что не хватало воздуха для дыхания. Мужчины снаружи могли стоять, но боялись пошевелиться, так как в темноте кто-нибудь мог упасть с обрыва. Грант сказал:

— Подежурь, Род, я пойду взгляну. — Он исчез на тропинке и вернулся через несколько минут. — Набиты, как сельди в бочке, — сказал он. — Вот мой план. Обратно они могут спуститься быстрее, чем поднялись. Конечно, для раненых это не слишком удобно, да и для Кармен тоже: она сидит, а ей нужно лежать, — но выдержать можно. Когда погаснут костры, придется размещать остальных, хотя бы даже для этого понадобился обувной рожок. Выставив вперед копы, мы должны стоять на вершине тропы. Должны продержаться до утра. Как ты?

— Звучит хорошо. А как будет на деле?

— Ладно. Когда придет время, пойдешь по тропе вверх предпоследним. Я — за тобой.

— Нет... поднимемся вместе.

Купер ответил с удивительной фамильярностью:

— Нет, Род. Я здесь хозяин. Я пойду последним. Отступать будем постепенно и соберем всех в круг. Ты берешь на себя берег, а я — изгородь.

Немного погодя догорели остатки топлива, и они собрались у тропы в ожидании: Рой, Кенни, Даг, Дик, Чарли, Говард, Род и Грант. Новая волна бессмысленной миграции пока еще сдерживалась огнями или обходила их по воде. Род почувствовал, что его тело одеревенело, и взял копье в левую руку.

Умирующие костры теперь превратились в тлеющие угольки. Он искал признаки рассвета. Говард Голдстейн сказал:

— Один прорвался через дальний конец.

— Спокойней, Голди, — сказал Купер. — Не будем трогать его, пока он не подойдет к нам.

Род вновь взял копье в правую руку. Стена огня теперь была прорвана во многих местах. Теперь не только «Джо» проникли в лагерь, но и другие животные, которых трудно было разглядеть при свете углей. Купер повернулся к Роду и сказал:

— Все наверх! Посчитай их, — потом крикнул: — Билл! Эгнис! Приготовьте место, я посылаю всех наверх.

Род взглянул на изгородь и повернулся:

— Кенни первый. Даг следующий, не толпитесь; Голди, затем Дик. Кто следующий? Рой... — он повернулся, неожиданно ощутив, что что-то изменилось.

Гранта не было рядом. Род увидел, что Купер наклонился над умирающим огнем:

— Эй, Грант!

— Все в порядке, — Грант выбрал прут среди обломков, сунул его в огонь. Он перепрыгнул через угли, прошел к изгороди и сунул в нее свой факел. Сухие ветви вспыхнули. Он медленно двинулся назад, выбирая дорогу среди ловушек и ям.

— Я помогу тебе! — крикнул Род. — Подожду второй конец.

Купер повернулся, и свет костра озарил его строгое бородатое лицо.

— Оставайся на месте. Следи, чтобы все поднялись. Это приказ.

Движение наверх прекратилось. Род зарычал:

— Вверх, болваны! Двигайтесь! — он толкнул последнего древком копья, очередь пришла в движение.

Купер разжигал огонь в другом месте. Он выпрямился, собираясь двинуться дальше, внезапно повернулся и подпрыгнул над умирающим костром. Остановился, ударил что-то в темноте... затем пронзительно закричал.

— Грант!

Род спрыгнул вниз и побежал к нему. Но прежде чем он успел добежать, Грант был уже на земле, ноги его терзали «Джо» и еще несколько бежали с разных сторон.

Род ударил одного, копьём оттолкнул другого и начал отгонять остальных, стараясь не задеть Гранта. Он почувствовал, как один зверь схватил его за ногу, и удивился, что не чувствует боли.

Но вдруг стало больно, ужасно больно, и он понял, что лежит на земле, а в руке у него нет копья. Рука его сама нашла нож: «Полковник Бови» прикончил хищника, вцепившегося ему в ногу.

Все происходило медленно, как в ночном кошмаре. Медленно и бесшумно, как призраки, приближались другие фигуры. Вспыхнувшая изгородь позволила ему заметить «Джо», крадущегося к нему. Он ударил зверя и потерял сознание.

* * *

Он пришел в себя при дневном свете, попытался встать и понял, что левая нога у него ранена. Род посмотрел на нее и увидел компресс из листьев, перевязанный чистой широкой повязкой. Он был в пещере, и рядом с ним лежали остальные. Он приподнялся на локте.

— Слушай, что...

— Тиш! — Сью Кеннеди подползла к нему и стала на колени. — Ребенок уснул.

— О...

— Я дежурная. Ты чего-нибудь хочешь?

— Даже не знаю. Как ее назвали?

— Надежда. Надежда Роберта Бакстер... Прекрасное имя. Я скажу Керолайн, что ты пришел в себя. — Она удалилась.

Подошла Керолайн, присела на корточки и насмешливо взглянула на его ногу.

— Будешь теперь знать, как прогонять меня!

— Надеюсь. Керол, каково положение?

— Шестеро больны. Вдвое больше легко ранены. Те, что не ранены, собирают хворост и рубят кустарник. Мы починили топор.

— Да, но... разве сейчас нет зверей?

— Сью не сказала тебе? Несколько оленей бродят вокруг как бы в изумлении. Это все.

— Но они могут появиться снова.

— Если появятся, мы будем готовы.

— Хорошо, — он попытался встать.

— Где Грант? Он сильно ранен?

Она покачала головой.

— Гранта нет, Родди.

— Что?

— Боб отрезал ему обе ноги по колено и должен был отнять одну руку, но Грант умер во время операции. — Она показала жестом: — В ручье.

Род попытался говорить, но отвернул лицо и закрыл его руками. Керолайн положила на его голову руку.

— Не расстраивайся так, Родди. Боб не мог спасти его. Так даже лучше для Гранта.

Род понял, что Керол права — на этой планете нет замороженных запасных конечностей. Но от этого он не почувствовал и облегчения.

— Мы не ценили его, — пробормотал он.

— Еще бы! — яростно прошептала Керолайн, добавив: — Он был дурак!

— Что? Керол, мне стыдно за тебя.

Он удивился, увидев слезы, ручьями бежавшие из ее глаз.

— Ты не знаешь, какой он был дурак, Родди Уокер. Мы все любили его, а я... я хотела выйти за него замуж... но он и не разговаривал со мной. — Она вытерла слезы с лица. — Ты видел ребенка?

— Нет.

Ее лицо прояснилось.

— Я принесу ее. Она прелесть.

— Сью, сказала, что она спит.

— Ну... тогда ладно. Но я пришла вот зачем: что мы должны делать дальше?

— Что? — он старался понять. — Грант Купер умер. Заместителем его был Билл. Ты говорила с Биллом?

— А Сью тебе ничего не сказала?

— О чем?

— Ты — мэр. Мы избрали тебя сегодня утром. Билл, Рой и я провели собрание.

Род был ошеломлен. Лицо Керолайн отодвинулось, затем куда-то полетело; он почувствовал, что вновь теряет сознание.

— ...достаточно дров, — говорила она, — и загородка будет закончена до захода солнца. Мы не нуждаемся в мясе: Марджори добила этого великана, что свалился с обрыва и сломал себе шею. Мы не можем уйти отсюда, пока ты, Кармен, да и остальные не смогут двигаться, поэтому и мы должны постараться хотя бы временно обезопасить это место. Ты хотел бы что-нибудь изменить?

— Нет. Не теперь.

— Отлично. Продолжай отдыхать. — Она встала. — Я загляну попозже.

Род осторожно повернулся. Вскоре он успокоился и уснул.

* * *

Сью принесла в котелке мясной бульон, поддерживала его голову, пока он пил, а затем принесла Надежду Бакстер и показала ему. Род произнес обычные в таком случае глупости, думая о том, что все дети в таком возрасте выглядят одинаково. Затем он надолго задумался.

Появилась Керолайн вместе с Роем.

— Как дела, шеф? — спросил Рой.

— Готов съесть гремучую змею.
— Это не очень вкусная пища, зато будет способствовать излечению. Мы кипятили листья, а Боб использует сульфиды.
— Я хорошо себя чувствую. Лихорадки нет.
— Джимми всегда говорит, что ты слишком умен, чтобы умереть, — добавила Керолайн. — Чего-нибудь хочешь, Родди? Или тебе нужно нам что-нибудь сказать?

— Да.
— Что же?
— Заберите меня отсюда. Помогите спуститься по тропе.
— Ты не должен делать этого. Ты не в состоянии, — укоризненно сказал Рой.

— Я не могу? Помогите мне или же не мешайте. У нас будет общее собрание.

Они посмотрели друг на друга и снова на него. Он пытался проползти сквозь тесноту к выходу, когда появился Бакстер.

— Стой, Род, возвращайся назад и ложись!
— Прочь с дороги!
— Послушай, парень, я не люблю быть с больными грубым. Но буду, если ты меня вынудишь к этому.

— Боб... в каком состоянии моя нога?
— Все будет хорошо... если ты позволишь ей зажить. Если же нет... ты видел когда-нибудь гангрену? Когда мясо становится черным и приобретает восхитительный запах?

— Не пугай меня. Есть ли какая-то причина, мешающая продеть мне под мышки веревку и спустить меня вниз?

— Ну...
Под наблюдением Бакстера они использовали для этого две веревки, третья предохраняла поврежденную ногу. Они спустили его с обрыва, отнесли к кухонному костру и положили.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Все ли здесь, кто может передвигаться?

— Да, Родди. Посчитать?
— Не нужно. Вы выбрали меня капитаном — я хочу сказать мэром — этим утром?
— Так, — согласился Кеннеди.
— Кто был против? Сколько голосов было за меня?
— Все проголосовало единогласно.

Род вздохнул:
— Спасибо. Я хочу, чтобы все меня видели. Мне нужно вам кое-что сказать. Я слышал, что вы приняли здесь конституцию и свод законов, пока мы с Роем отсутствовали. Я не читал их и не знаю, насколько я буду законно поступать. Но, принимая на себя эту должность, я ожидаю следующего... Если кому-либо не понравятся мои действия, мы будем голосовать на общем собрании и вы сместите меня и выберете кого-нибудь

другого. Согласны? Голди, это законно? Ты был в конституционной комиссии.

Говард Голдстейн нахмурился:

— Ты не очень хорошо все выразил, Род.

— Конечно, нет. Скажи ты.

— То, о чем ты говорил, называется вотум доверия. Мы предусмотрели его в конституции. Мы считаем, что это просто и демократично. Это было предложение Гранта.

— Я рад, — рассудительно сказал Род. — Мне не хочется нарушать законы, которым Грант отдал столько сил и времени. Я изучу их, обещаю вам. Это первое, что я сделаю. Но относительно переселения в пещеры... у нас будет особое голосование по этому вопросу.

Голдстейн улыбнулся:

— Могу сказать тебе, как оно кончится... Мы будем «за».

Род стукнул кулаком по земле.

— Вы не поняли! Если хотите переселяться, переселяйтесь... но пусть вас ведет кто-нибудь другой! Это сможет сделать и Рой. Или Клифф, или Билл. Но если капитаном остаюсь я, то ни один зверь, пусть он будет весь в зубах и абсолютно безмозглый, не выживет нас отсюда. Мы люди... а людей нельзя изгонять. Грант дорого заплатил за это место — и мы остаемся здесь!

Глава 14

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Его превосходительство Родрик Л. Уокер, мэр Купертауна, президент независимой планеты ЖО — 73901 — 11 (каталог Лимы), главнокомандующий вооруженными силами, главный судья и защитник свобод, отдыхал перед мэрией. Он почесался и подумал, что надо бы попросить кого-нибудь побрить его... он опасался вшей... если только на этой планете есть вши.

Его премьер-министр, мисс Керолайн Беатрис Мшиени, сидела перед ним на корточках.

— Родди, я говорила им, и еще раз говорила, и говорила... и ничего из этого не выходит. Эта семья производит больше грязи, чем все остальные вместе. Увидишь завтра утром. Обьедки перед самой дверью... и мухи.

— Я видел.

— Но что же мне делать? Если бы ты позволил быть с ними пожестче. Но ты слишком мягок.

— Надеюсь, — Род задумчиво посмотрел на сланцевую доску, висевшую в сквере. На ней было написано:

«В память об Улиссе Гранте Купере, первом мэре, умершем за свой город».

Вырезано не очень хорошо, Род сам вырезал надпись.

— Грант как-то говорил мне, — добавил он, — что управлять — значит уметь жить в мире с людьми, которые тебе не нравятся.

— Ну, кому же нравятся Брюс и Тео?

— Никому, и мне в том числе. Но Грант показал пример, как относиться к ним без грубости.

— Ты следуешь этому примеру, а я не могу... Родди, ты бы никогда не разрешил Брюсу вернуться. Это само по себе уже плохо. Но когда он женился на этой маленькой... тьфу!

— Они созданы друг для друга, — ответил Род. — Никто другой не женился бы на ней.

— Это не шутка. Это очень... Надежда! Перестань дразнить Гранта! — она подпрыгнула.

Мисс Надежда Роберта Бакстер, шестнадцати месяцев, и мистер Грант Родрик Трокстон, тринадцати месяцев, прекратили свое занятие, которое заключалось главным образом в криках. Оба были голые и очень грязные. Это была «чистая» грязь: час назад Керолайн купала их обоих; оба ребенка были полные и здоровые. Надежда повернула к ним свое сияющее лицо.

— Бяка, — заявила она.

— Это ты, — прервала Керолайн, шлепнув ее, шлепок не убил бы и муху; затем она повернулась к Гранту Трокстону.

— Дай ее мне, — сказал Род.

— Ты всегда рад ей, — сказала Керолайн. Она села и принялась подбрасывать мальчика на коленях. — Бедный мальчик! Покажи тете Керол, где болит.

— Не надо обращаться с ним так. Ты сделаешь его неженкой.

— Посмотрите, кто это говорит! Слабак Уокер.

Надежда обхватила шею Рода руками и заворковала: «Уодди!», добавив пачкающий поцелуй. Он поставил ее на землю. Он понимал, что нельзя баловать детей; тем не менее продолжал баловать их больше, чем другие.

— Конечно, — согласилась Керол. — Все любят дядю Родди. Он раздаст ордена, а тетя Керол делает грязную работу.

— Керол, я подумал...

— О чем же? И думай не очень долго.

— О Брюсе и Тео. Я поговорю с ними.

— Поговори!

— Единственное реальное наказание, надеюсь, мы никогда не применим. Я имею в виду изгнание. Мак-Гоуны поступают так, как им нравится, потому что не понимают, чего мы от них хотим. Но если мы возьмемся за них все... если и это не подействует, придется ставить вопрос об их изгнании на общем собрании.

— Тебя все поддержат. Бьюсь об заклад, он не мылся всю неделю.

— Меня мало заботит, поддержат меня или нет, но никто не может

быть изгнан в лес, на деревья, прежде чем не будут испробованы все остальные способы и прежде чем не проголосует весь поселок. Но мы его переубедем.

— Может, ты не хочешь действовать решительно из-за того укола в ребра?

— Может, и из-за этого. Я не могу себе позволить что-то личное по отношению к ним, Керол: я для этого слишком горд.

— Давай повернем все: убеди их, что никто не забыл о том ударе ножом, и тогда ты сможешь держать их в руках.

— Может, и так; как поступил бы в этом случае Грант? Я подумаю.

— Подумай, — она встала. — Пойду опять купать детей. Где только они берут столько грязи?

Она взяла на руки обоих детей и направилась к жилищу женщин. Род лениво следил за ней. На Керол была травяная юбка типа маори, волосы поддерживала кожаная лента. Это была обычная одежда женщин, и Керолайн надевала ее в городе; на охоту она ходила в брюках, как мужчины.

Волокна листьев вымачивали, толкли, расчесывали и пряли; в получившуюся ткань и одевалась вся колония, но она была слишком груба для детей. Билл Кеннеди изготовил для Сью ткацкий станок, который работал вполне удовлетворительно, не очень быстро, но надежно; ткань получалась шириной в полметра. Это был прогресс, размышлял Род, это цивилизация. Они прошли уже долгий путь.

Город теперь был укреплен против стобора: кирпичная стена, достаточно высокая и широкая, чтобы никто, кроме гигантского льва, не мог перепрыгнуть ее, шла вдоль берега и поперек речной долины; если же лев оказывался так глуп, что перепрыгивал стену, он попадал на ложе из заостренных кольев, слишком крепких даже для его могучих лап. Перед стеной множество ловушек, узких тоннелей, достаточных для того, чтобы привести злобных маленьких хищников в глубокие ямы, где они уничтожали друг друга.

Легче было отвести их от города, но Род хотел истребить их; он не успокоится, пока не очистит планету от этих злобных паразитов. Между тем город был в безопасности. Стоборы, которых продолжали называть «пьяными Джо», были безопасны, за исключением сухого сезона, когда начиналась безумная ежегодная миграция; очередная такая миграция прошла без последствий; колонисты продолжали трудиться под защитой стен; они теперь знали, от чего нужно защищаться. А матерям и детям Род приказал переждать это время в пещере; остальные в течение двух ночей несли дежурство... но не было ни одного пострадавшего.

Род сонно подумал о том, что следующая необходимая для них вещь — бумага. Грант был прав... даже деревню трудно построить без писчей бумаги. Он хотел последовать совету Гранта и собрать все знания, которыми располагала колония. Возьмем логарифмы... может, несколько

поколений и не будет нуждаться в них... но когда наступит время математических расчетов... тут он уснул.

— Занят, шеф?

Род взглянул на Артура Нильсена.

— Поспал немного... горячо рекомендую всем заниматься этим в жаркий субботний вечер. Что случилось, Арт? Шорти и Даг управляют с кузнечными мехами одни?

— Нет. Полетели втулки, огонь вырвался. Печь разрушена. — Нильсен устало сел рядом. Ему было жарко, лицо его горело, и выглядел он обескураженным. На руке у него был сильный ожог, но он, казалось, не замечал этого. — Род, где мы ошиблись? В чем наша ошибка, скажи?

— Подумай сам. Если бы я об этом знал больше тебя, мы поменялись бы работой.

— Я знаю две ошибки: мы не можем построить достаточно большую печь и у нас нет угля. Род, нам необходим каменный уголь: без него не приготовить ни железа, ни тем более стали. На древесном угле железо получается слишком пористым.

— А чего ты ожидал от сегодняшнего вечера, Арт? Чуда? Мы и так шагнули на годы вперед. Мы добываем металл, а ведь у нас не было с собой ни железа, ни урана. Когда ты изготовил ту раму для поджаривания мяса, Марджори решила, что ты гений.

— Да, да, мы добываем железо, но оно должно быть лучше, и его нужно больше. Эта руда удивительная... настоящий красный железняк с озера Верхнего. Уже несколько столетий он не встречался на Земле в промышленных размерах. Из него получится отличная сталь. И я могу ее сделать, но мне нужен уголь. У нас есть глина, есть известняк, у нас есть отличная руда — но я не могу ничего сделать без угля.

Род не чувствовал беспокойства: когда понадобится, у колонии будет металл. Но Чистюля нервничал:

— Может, кончить эту работу и поискать уголь?

— Не нужно. Восстанавливайте свою печь.

Нильсен рассказал Роду о размерах и назначении печи, которую он соорудит.

— Кто больше всех знаком с геологией?

— Наверное, я.

— А после тебя?

— Думаю, Даг.

— Пошлем его с отрядом на поиски угля. На его место у мехов возьми Мика... нет, минутку. Как насчет Брюса?

— Брюс? Да он не станет работать.

— Заставь его. Если он доработается до того, что убежит и забудет вернуться, мы не много потеряем. Возьми его, Арт, это моя личная просьба.

— Ну, ладно, если хочешь.

— Отлично. Когда пойдет первый металл, получишь премию. Но не пропускай танцы сегодня вечером. Арт, не выкладывайся ты весь за

неделю, у тебя должен быть день отдыха... и у Шорти, и у Дага, конечно.

— Знаю. Но когда металл готов, я не могу оторваться от огня. Работа спасает от скуки и печальных размышлений; прежде чем сделать что-либо, мы должны сделать инструмент для этого, а чем изготавливать инструмент? Это бессмысленно!

— Ты не знаешь, что означает «бессмысленно». Спроси у нашего «Департамента земледелия». Видел ли ты ферму у стены?

— Я проходил мимо.

— Лучше не приставай с этим к Клиффу, а не то он снимет с тебя скальп. Я подержу тебя при этом.

— Уф! Всего лишь глупая трава. Тысячи гектаров такой же вокруг нас.

— Верно. Немного травы и несколько рядов сорняков. Печально, но Клифф не доживет до того, чтобы увидеть что-нибудь другое. И не только Клифф. Может, лишь наши правнуки будут есть этот хлеб, Арт. Ты же еще доживешь до изготовления машин — ты знаешь, как их сделать. А Клифф никогда не попробует мягкого, теплого хлеба. И это его не оставливает.

— Тебе следовало бы быть проповедником, Род, — Арт встал и презрительно фыркнул. — Пойду лучше выкупаюсь, а то девушки не захотят танцевать со мной вечером.

— Это другой разговор. Одолжи мне кусок мыла.

* * *

Керолайн исполнила два отрывка из «Арканзасского путешественника», Джимми постучал на барабане, и Рой объявил:

— Начинаем танцы! — Он подождал и начал высоким голосом в нос: — Уважайте своих партнеров! Окажите честь своим дамам! Теперь все подпрыгните, а когда опуститесь...

Род не танцевал: сегодня была его очередь выкликать имена танцующих. У колонистов было восемь площадок для танцев, слишком много для одного выкликающего: губная гармошка и примитивный барабан — вот и все оборудование для танцев. Половина из присутствующих сидела с детьми и беседовала, в то время как вторая половина танцевала. Называющий имена и оркестранты освобождались на время танцев от всех обязанностей.

Большинство из них не было знакомо с бальными танцами. Эгнис Пулвермахер организовывала танцы, невзирая на шуточки и возражения, она уговаривала Керолайн сыграть на гармошке, лестила Джимми, чтобы он вырезал и натянул барабан. И сейчас она в девяти случаях из десяти была занята во время танцев. Род вначале не оценил эту затею (он не был достаточно хорошо знаком с историей первых мормонов) и относился к ней, как к помехе в работе. Но затем он понял, что не может преодолеть апа-

тии, охватившей колонистов, когда они за одну ночь утратили все, чего добивались. Он увидел, что эти же самые колонисты начали улыбаться, шутить и лучше работали в ожидании вечерних танцев.

Он решил поддержать эту затею. Ему было жаль времени, и он вряд ли смог бы повторить какой-нибудь мотив, но затея захватила и его: он танцевал хоть и плохо, но с большим энтузиазмом.

Поселок постановил, что танцы будут проходить по субботним вечерам, во время свадоб и праздников, — и сделал их «официальными», что означало, что женщины были обязаны надевать травяные юбки. Шорты, брюки и шаровары (естественно, те из них, что еще не превратились в лохмотья) не допускались. Сю говорила об изготовлении настоящего бального платья, как только она достаточно овладеет своим ткацким станком, и ковбойской рубашки для своего мужа, но для остальных колонистов это пока оставалось лишь отдаленной мечтой.

Музыка прекратилась, танцующие остановились, Керолайн передала свою гармошку Шорти и подошла к Роду:

— Станцуем, Родди?

— Я пригласил Сю, — ответил он быстро и правдоподобно. Он заботился о том, чтобы не приглашать дважды одну и ту же девушку и не оказывать никакого внимания замужним женщинам. Он давно дал себе слово, что в день, когда он решит жениться, он оставит свою должность мэра. Но пока он не собирался этого делать. Ему нравилось танцевать с Керолайн: она была хорошей партнершей — если не считать ее стремления вести партнера, а не быть ведомой им — но он старался не тратить много времени на общение с ней, так как она — его правая рука, его alter ego.

Род отошел и пригласил Сю. В колонии соблюдались несколько устаревшие правила вежливости, особенно во время танцев. Он повел свою партнершу и помог ей сплясать «техасскую звезду» на среднем уровне.

Позже, усталый, довольный и уверенный, что танцевал лучше всех, он отвел Сю к Биллу, поклонился, поблагодарил его и вернулся на место, которое ему всегда оставляли. Марджори с помощниками раздавала маленькие коричневые кусочки, снимая их с деревянного вертела. Он взял один.

— Пахнет хорошо, Марджи. Что это?

— Птички Мак-Нила. Это мясо молодого оленя, прокопченное и обернутое вокруг рубленого шницеля. Затем просолить и хорошо прокипятить вместе с сельдереем. Оно тебе понравится; нам оно стоило нескольких часов работы.

— Вкусно! Нельзя ли еще?

— Подожди. Еще не все получили. Какой прожорливый!

— Но мне нужно больше, чем другим. У меня тяжелая работа. Мне нужно восстанавливать силы.

— Я видела, что это за работа, сегодня после полудня, — она протянула ему еще кусочек.

— Я планировал наше будущее. Мой мозг гудел от напряжения.

— Я слышала это гудение. Оно было особенно громким, когда ты лежал на спине.

Как только она отвернулась, он схватил третий кусочек и уловил улыбку Жаклин; засмеявшись, он подмигнул ей.

— Все в порядке, Род?

— Конечно. А как ты, Джеки?

— Я никогда не была более счастливой, — серьезно ответила она.

Муж обнял ее рукой.

— Посмотри, Род, что может сделать любовь из хорошего человека, — сказал Джимми. — Когда я впервые встретил эту юную бедную девочку, она была побита, испачкана, готовила тебе еду и боялась открыть свое настоящее имя. Посмотри на нее теперь — толстая и изнеженная.

— Я толстая не в этом смысле.

— Приятная полнота.

Род взглянул на пещеру.

— Джеки, помнишь ночь, когда мы нашли ее?

— Никогда не забуду.

— И мое глупое предположение, что мы в Африке. Скажи, если бы все повторилось, ты бы хотела, чтобы я тогда оказался прав?

— Я никогда не думала об этом. Я знала, что это не Африка.

— Да, но если бы? Ты давно была бы дома.

Ее рука коснулась руки мужа.

— Я не встретила бы Джеймса.

— Да, конечно. И не встретила бы меня. И мой лучший друг избежал бы этой опасности.

— Возможно. Но я ничего не хотела бы менять. Я больше не тоскую при слове «домой», Род. Мой дом здесь.

— И мой, — подтвердил Джимми. — Знаешь что? Наша колония выросла и еще больше вырастет. Мы с Голди откроем адвокатскую контору. У нас совершенно не будет конкурентов, и мы сможем выбирать клиентов. Голди будет заниматься уголовными процессами, а я специализируюсь на разводах, и мы будем диктовать свои условия клиентам. Мы заработаем миллионы. Я куплю лимузин, впрягу в него восемь стремительных оленей и буду, покуривая большую сигару, свысока поглядывать на фермеров. — Он добавил: — Я прав, Голди?

— Точно, коллега. Я сделаю для нашей конторы вывеску: «Голдстейн и Трокстон. Даем займы, не доводим до тюрьмы».

— Верно. Но лучше так: «Трокстон и Голдстейн».

— Я старше. Я на два года больше изучал законы.

— Увертка. Род, разве мы позволим, чтобы Толлерский университет оскорблял выпускника старушки-школы Патрика Генри?

— Конечно, нет. Но, Джимми, как ты додумался до этого? Разве нам нужна бракоразводная контора? Давай спросим Кералайн.

— Пустяки. Ты будешь скреплять браки, Род, а я — разводить.

— Спросите Керолайн... о чем? — вмешалась Керолайн.
— Нужна ли нам бракоразводная контора?
— Что? Да ведь у нас нет и брачных законов.
— Это пробел в туземной цивилизации, — объявил Голдстейн. —
Может, это потому, что у нас нет бумаги?

— Верно, коллега, — согласился Джимми.

— А почему вы спрашиваете? — недоумевала Керолайн. — Никто из нас не думает о разводах, а если и подумает, то я буду знать об этом раньше их самих.

— Мы говорили не об этом, — объяснил Род. — Джеки сказала, что не хочет возвращаться на Землю, и Джимми с ней согласен.

Керолайн удивилась.

— А разве кто-нибудь хочет возвращаться?

— Верно, — согласился Джимми. — Это наш дом. Никакой въездной платы. Никакого транспорта, снующих толп, нет торговцев и коммивояжеров, нет телефонов. Seriously, Род, вряд ли кто-нибудь из выдержавших экзамен на выживание хотел бы вернуться на Землю. Все равно после экзаменов мы были бы отправлены в космос. Так какая же разница? Просто все произошло скорее. — Он пожал руку своей жены. — Насчет большой сигары — это глупость. Я теперь богат, и очень богат!

Эгнис и Курт присоединились к их кружку и прислушались. Эгнис кивнула головой и сказала:

— По-моему, Джимми вовсе не шутит. Я в первые месяцы плакала каждую ночь и все думала, почему нас не находят. Теперь я знаю, что нас никогда не найдут, — и это меня мало беспокоит. Я не хочу возвращаться, даже если смогу. Единственная вещь, которой мне не хватает, — это губная помада.

Ее муж громко рассмеялся.

— Вот это верно, Род. Мы здесь все богачи... но поставь прилавок с косметикой за ручьем, и каждая женщина кинется в воду.

— Не шути, Курт. Ты ведь обещал мне сделать помаду.

— Дай мне время.

Подожел Боб Бакстер и сел рядом с Родом.

— Освободи меня от общего собрания завтра утром, Род.

— Подожди. Освобожу на следующей неделе.

— Ладно. — Боб принадлежал к секте, которая не признавала посвящения в сан: он сам произвел себя в священники и теперь исполнял эти обязанности вместе с обязанностями врача. Его проповеди не уступали христианским, иудейским или мусульманским, и их всегда посещало много народа.

— Боб, хотел бы ты вернуться?

— Вернуться куда?

— На Землю.

— Да.

Джимми был шокирован.

— Чтоб меня сварили на завтрак! Но почему?

— О, я не хочу возвращаться совсем. Но мне бы хотелось окончить медицинский факультет. — Он застенчиво улыбнулся. — Здесь я лучший хирург в округе, но все равно знаю слишком мало.

— Да... — согласился Джимми, — теперь я понял. Но ты так отлично штопаешь нас. Верно, Джеки?

— Конечно, Джимми.

— Единственное, о чем я сожалею, — продолжал Боб, — что одного из нас я не смог спасти. Впрочем, неизвестно, можно ли было его спасти вообще? Здесь мы отдохнем.

Разгорелся спор. Позиция Джимми была общепринятой, хотя все уважали и желание Боба. Род попрощался; уходя спать, он все еще слышал голоса спорящих и невольно в глубине души продолжал спор.

Он уже давно решил для себя, что они никогда более не вернутся на Землю; он и не думал об этом — с какого времени? — уже с год. Вначале он делал это из чувства самосохранения, это была защита его внутреннего спокойствия. Позднее так ему говорила логика: задержка возврата на неделю может быть допущена сознательно, на несколько недель — вызвана техническими неполадками, но месяцы и месяцы — это космическая катастрофа. Каждый день задержки уменьшал и без того бесконечно малую вероятность, что их найдут.

Теперь он спросил себя, доволен ли он? Джеки права: это их дом. Затем он понял, что ему нравится быть большой лягушкой в маленькой луже, ему нравится его занятие. Ему никогда не хотелось быть ни ученым, ни учителем, он не хотел становиться бизнесменом, но то, что он сейчас делал, его вполне удовлетворяло, и, кажется, он со своими обязанностями справлялся.

«Здесь мы отдохнем!». Он погрузился в сладкую дремоту.

* * *

Клифф просил помощи в своих биологических экспериментах. Род не отнесся к этому серьезно: Клифф всегда что-нибудь просит; если дать ему волю, он бы всех заставил с утра до вечера трудиться на его ферме. Все же следовало посмотреть, чего он хочет, — Род не хотел недооценивать попытки Клиффа одомашнить местные растения. Это было бы базой роста колонии.

Клифф просунул голову в дом мэра.

— Готов?

— Конечно. — Род взял свое копьё. Это было уже не импровизированное, а специально изготовленное из остатков ружья-молнии копьё. Род старался обеспечить колонию железом, но на все нужды пока его еще не хватало. Из него изготавливались преимущественно лезвия. — Давай захватим несколько парней и поохотимся на стоборов.

— Отлично.

Род осмотрелся. Джимми работал у своего гончарного круга, нажимая на педаль и большими пальцами придавая нужную форму куску глины.

— Джим! Оставь это и хватай свою пику... Пойдем поохотимся
Трокстон вытер пот:

— Сейчас, только закончу это.

Они взяли с собой Кенни и Мика, и Клифф повел всех вверх по течению.

— Хочу, чтобы вы посмотрели на моих животных.

— Ладно, — согласился Род. — Я хотел поговорить с тобой, Клифф. Если ты всерьез собираешься заниматься этими травками за стеной, следует подумать о навозе для них.

— Род, но я не могу делать все сразу! И мы не можем впустить животных внутрь, это опасно.

— Конечно, конечно! Ладно, мы будем больше помогать тебе, только... минутку!

Они проходили мимо последнего дома, перед которым, растянувшись, лежал Брюс Мак-Гоун; он, видимо, спал. Род замолчал; он пытался подавить в себе приступ ярости. Он боролся с собой, понимая, что неразумный поступок может изменить все его будущее и нанести вред колонии. Но его рассудительность потонула в потоке ярости. Он должен покончить с этим паразитом, уничтожить его.

Род глубоко вздохнул и постарался унять дрожь в голосе.

— Брюс! — спокойно окликнул он.

Мак-Гоун открыл глаза.

— Да?

— Разве Арт не работает сегодня над своей установкой?

— Работает, — ответил Брюс.

— Ну?

— Что «ну»? Это не мое дело. Ищи кого-нибудь другого.

Брюс был вооружен ножом, как и каждый из них; колонист предпочел бы выйти голым, чем без ножа. Это был инструмент для любой цели: им снимали шкуры, готовили еду, ели, строга́ли, строили, вязали корзины и использовали еще для тысячи разных надобностей. Ножи давали им богатство; охотились они при помощи стрел, но луки и эти стрелы вырезали ножами.

Но ни разу ни один колонист не использовал нож против человека, после того дня, когда брат Брюса отказался повиноваться Роду. Теперь происходит то же самое, подумал Род, круг замкнулся. Но сегодня его ждет немедленная поддержка, если только Брюс обратится к ножу.

Однако он понимал, что нельзя бороться пятерым против одного, он один должен заставить этого пса припасть к ногам, иначе его дни как вождя сочтены. Роду не приходило в голову призвать Брюса решить этот вопрос голыми руками. Он читал много исторических романов, в которых герой предлагал противнику решить спорный вопрос, «как мужчина с муж-

чиной», при помощи стилизованной драки, именуемой боксом. Род наслаждался подобными романами, но прилагал их к себе не более, чем, например, дуэли из «Трех мушкетеров»; впрочем, он знал, что такое бокс, — люди надевали специальные перчатки и наносили друг другу удары кулаками. Обычно ни один из противников не бывал ранен.

Схватка, в которую рисковал втянуться Род, не была просто столкновением сильных людей. Неважно, чем они вооружены: даже если бы они сражались голыми руками, один из них был бы убит или тяжело ранен. В этом случае единственным опасным оружием оказывался сам человек.

Брюс поглядывал угрюмо.

— Брюс, — сказал Род, пытаясь унять в голосе дрожь, — много времени тому назад я сказал, что человек должен работать или убираться. Ты и твой брат не поверили мне, и мы вас вышвырнули. Джок был убит, а ты приполз с поджатым хвостом. Это было жалкое зрелище. Припоминаешь?

Мак-Гоун нахмурился.

— Ты обещал, что будешь ангелочком, — продолжал Род. — Люди говорили, что я дурак, и я был им. Но я думал, что ты поведешь себя по-другому.

Брюс выдернул травинку и прикусил ее.

— Ты напоминаешь своего брата, Джока. Тот тоже любил валяться, ничего не делая. Брюс, вставай и уходи из города. Не знаю, куда ты пойдешь, а если не хочешь, отправляйся к Арту, скажи ему, что ты был не прав, и принимайся за работу. Будешь раздувать мехами огонь. Я загляну позже. И если, когда я приду, пот не будет стекать с тебя ручьями, ты никогда не вернешься. Мы прогоним тебя.

Мак-Гоун поглядел неуверенно. Он взглянул за спину Рода, и Род попытался угадать, о чем думают остальные. Но он не отводил глаз от Брюса.

— Поторопливайся. Или начнешь работу, или не возвращайся.

Брюс хитро прищурился.

— Ты не имеешь права прогонять меня. Это может решить только общее собрание.

Заговорил Джимми:

— Хватит заниматься пустой болтовней, Род. Пусть уходит сейчас же. Род покачал головой:

— Если это твой ответ, Брюс, я соберу всех, и еще до обеда ты будешь изгнан — и закладываю свой лучший нож, что не будет и трех голосов за то, чтобы ты остался. Хочешь спорить?

Брюс сел и поглядел на остальных, взвешивая свои шансы. Он вновь посмотрел на Рода.

— Коротышка, — сказал он, — ты и не пискнул бы без помощи своих подпевал... или если бы тебя не страховали девчонки с ружьями.

Джимми прошептал:

— Не горячись, Род.

Род облизнул сухие губы, понимая, что слишком поздно для объяснений, слишком поздно для разговоров. Он сам должен покончить с этим... если сможет.

— Я побью тебя, — хрипло сказал он, — побью сейчас.

Клифф сказал рассудительно:

— Не надо, Род. Мы умирим его.

— Нет. Пошли, Мак-Гоун. — Род грубо выругался.

Мак-Гоун не двигался.

— Брось этого убийцу «Джо».

— Подержи мое копье, Клифф, — сказал Род.

Клифф огрызнулся:

— Подожди! Я не буду стоять и ждать, чем это кончится. Он может убить тебя, Род.

— Прочь с дороги, Клифф!

— Нет. — Клифф колебался, затем добавил: — Брюс, брось свой нож. Сделай только шаг с ножом, и мое копье будет в твоём животе. Отдай мне твой нож, Род.

Род посмотрел на Брюса, затем вынул из ножен «Полковника Бови» и протянул его Клиффу. Клифф нерешительно сказал:

— Я все еще против, Род. Скажи одно слово, и мы выгоним его.

— Отойдите. Дайте нам место.

— Ладно... но без членовредительства...! Слышишь, Брюс? Только попробуй, и больше никогда уже не сможешь попробовать.

— Без членовредительства, — повторил Род и мрачно подумал, что это условие против него: Брюс выше и тяжелее его, и руки у него длиннее.

— Ладно, — согласился Мак-Гоун. — Я покажу этому деревеншине, что один Мак-Гоун стоит двоих таких, как он.

Клифф крикнул:

— Шаг назад оба! Теперь начинайте!

Припадая к земле, они закружились, не дотрагиваясь друг до друга. Предварительная часть схватки могла занять много времени; учебник, принятый в большинстве высших школ и колледжей, содержал двадцать семь способов убийства человека голыми руками; ни один из этих способов не занимал больше трех секунд. Они ударили друг друга, но промахнулись: оба были слишком осторожны, чтобы схватиться сразу. Брюс усмехнулся:

— Что случилось? Испугался? Я ожидал этого. Ну, крикливый прыщ, сейчас, сейчас ты получишь!

Он бросился вперед. Род отскочил, готовясь использовать его бросок против него самого. Однако Брюс предвидел это и остановился; реакция Рода была слишком сильной.

Брюс засмеялся.

— Испугался, дурак? Будь осторожен.

Род понял, что он действительно испугался, испугался больше, чем когда-нибудь. Он понял, что Брюс способен убить его... Условие о членовредительстве ничего не значит: эта человекообразная обезьяна прикончит его.

Он опять отскочил, еще более испуганный, чем раньше, зная, что он должен забыть правила, если хочет остаться живым, но зная и то, что обязан соблюдать правила, даже если бы это означало для него конец. Его обуял страх, хотелось убежать.

Но он не сделал этого. Холодное чувство отчаяния привело его в себя, и он решил кончать. Он увидел, как ноги Брюса мелькнули в броске, которого он ожидал; он с яростью отразил удар приемом «шиноби». Однако в прием он вложил не всю силу, зная, что иначе он может сломать Брюсу лодыжку.

Затем он взлетел в воздух: его руки даже не коснулись Брюса. Он успел сообразить, что Брюс предвидел его прием, отразил его, почувствовал, что лежит на земле, и потерял сознание.

— Ты можешь двигать рукой, Род?

Он попытался остановить свой взгляд на чем-то и увидел расплывающееся лицо Боба Бакстера.

— Я побил его?

Бакстер не ответил. Ответил другой голос, гневный:

— Нет! Он чуть не разорвал тебя на куски.

Род пошевелился и хрипло сказал:

— Где он? Я побью его.

Бакстер резко ответил:

— Лежи спокойно!

Клифф добавил:

— Не беспокойся, Род. Мы связали его.

Бакстер настаивал:

— Замолчи! Попробуй двинуть левой рукой.

Род пошевелил рукой, почувствовал боль, дернулся и ощутил еще более сильную боль.

— Она не сломана, — решил Бакстер. — Мы подвесим ее на перевязи. Ты можешь сесть. Я помогу.

— Я хочу встать.

Он поднялся с помощью Боба и стоял, покачиваясь. Здесь, казалось, собралось большинство колонистов; они стояли и переговаривались. У Рода закружилась голова, и он закрыл глаза.

— Спокойней, парень, — услышал он голос Джимми. — Брюс чуть не прикончил тебя. Было глупо давать ему такой шанс.

— Все в порядке, — ответил Род. — Где он?

— За тобой. Не волнуйся, мы связали его.

— Да, — согласился Клифф. — Мы его успокоили. Что он себе позволил? Бросить мэра на землю!

Брюс лежал лицом вниз, он стонал.

— Он ранен? — спросил Род.

— Он? — презрительно сказал Джимми. — Нет. Думаю, что он был бы порядочно изранен, но Керол не разрешила нам.

Керолайн сидела около Брюса на корточках, карауля его. Она встала.

— Да, я им не позволила, — гневно сказала она. — Но я знаю, что ты псих. — Она подбоченилась. — Родди Уокер, когда ты наконец научишься звать меня, когда начинаешь сходить с ума? Эти четыре дурака спокойно стояли и ждали, пока он тебя угробит.

— Подожди, Керол, — протестовал Клифф. — Я пытался остановить их. Мы все пытались, но...

— Но я не пожелал их слушать, — прервал Род. — Ничего, Керол, все в порядке.

— Если бы ты послушал меня...

— Ладно. — Род подошел к Мак-Гоуну и толкнул его. — Повернись.

Брюс медленно перевернулся. Род подумал: неужели и он сам выглядит так ужасно? Тело Брюса было покрыто грязью, кровью и синяками. Казалось, его лицо кто-то обработал напильником.

— Вставай!

Мак-Гоун поглядел испуганно.

— Слушай внимательно. Мне некогда тратить время на такие забавы. Отправляйся работать к Арту. Или уходи насовсем... Иди.

Брюс поднялся и побрел к стене. Род повернулся и сказал:

— Возвращайтесь к работе, друзья. Представление окончено. Клифф, ты хотел показать мне животных.

— Но, Род, я подожду.

— Да, Род, — согласился Бакстер, — вначале нужно повесить твою руку на перевязь, потом тебе нужно отдохнуть.

Род осторожно пошевелил рукой:

— Постараюсь обойтись без этого. Пошли, Клифф. Займемся охотой на стоборов.

Он старался сосредоточиться на том, что говорил Клифф... что-то о кастрировании молодых оленей и заготовки для них упряжи. Какой смысл в упряжи, если у них нет телег? Голова его болела, руку ломило, а мозг работал с перерывами. Что бы сделал Грант? Он потерпел неудачу... но что он должен был сказать или не сказать?

— ...так мы начнем. Согласен, Род?

— Что? Конечно, Клифф. — Он сделал большое усилие, чтобы понять, о чем же идет речь. — Может, сделаем деревянные оси. Думаю, что Билл сможет соорудить телегу.

— Но кроме телеги, нам нужно...

Род остановил его:

— Клифф, если ты говоришь, что нужно, значит, сделаем. Я бы хотел умыться. Давай посмотрим твоё поле завтра.

После душа он почувствовал себя лучше и чище, хотя вода, поступав-

шая из желоба, показалась ему слишком горячей. Он добрался до своего дома и лег. Проснувшись, он увидел, что Шорти караулит его дом, оберегая его покой. Три дня спустя он отправился осматривать ферму. Нильсен доложил, что Мак-Гоун работает, не говоря ни слова. Керолайн же доложила, что Тео соблюдает санитарный порядок и тоже помалкивает. Род провел не одну беспокойную ночь, размышляя, как отразится происшествие на общественном мнении. Но, к его удивлению, его позиция казалась прочнее, чем когда-либо раньше. Меньшинство из Толлерского университета, именовавшее себя «лояльной оппозицией», казалось, больше не намерено было критиковать его действия. Курт Пулвермахер, их неофициальный лидер, разыскал Рода и предложил свою помощь.

— Брюс — червивое яблочко, Род. Не позволяй ему пинать воздух. Дай мне знать, если что-нибудь случится.

— Спасибо, Курт.

— Не стоит. Трудно будет чего-либо добиться, если мы не будем держаться вместе. Мы не можем позволить ему не подчиниться. Но ты не представляй свой подбородок. Мы сами проучим его.

Эту ночь Род спал хорошо. Возможно, он действовал не так, как поступил бы Грант, но в конечном счете он все-таки победил. Купертаун в безопасности. О, конечно, будет еще много трудностей, но колония их преодолевает. Когда-нибудь здесь будет большой город, а в центре — площадь Купера, выше по течению — сталелитейный завод Нильсена. А может, будет и улица Уокера...

На следующий день он отправился осматривать ферму. Он сказал об этом Клиффу и позвал тех же — Джимми, Кента и Мика. С копыями в руке они поднялись на стену и по лестнице спустились с нее. Клифф набрал пригоршню почвы, попробовал ее.

— Почва хорошая. Может, немного кислая. Но структура отличная. Если ты скажешь этому немому шведу, что следующая вещь, которую он должен сделать, это плуг...

— Нильсен не немой. Дай ему время. Он еще сделает тебе и плуг, и трактор.

— Мне нужен ручной плуг и оленья упряжка. Род, вот что мне потребуется. Мы проподем всходы, но ведь это приглашение для оленей полакомиться нашим урожаем. Если бы построить вторую стену, хотя бы и не такую высокую...

— Стену? Ты представляешь, сколько человеко-часов это потребует?

— Это не причина для отказа.

Род осмотрел речную долину, местами равную по ширине городской черте. Колочая изгородь, возможно, но не стена... пока. Требования Клиффа слишком велики.

— Слушай, давай очистим твои поля от стоборов. Поговорим о делах потом.

— Ладно. Но пусть смотрят, куда ступать своими ножищами.

Род выстроил всех в линию, оставшись в центре.

— Замаскируйтесь лучше, — предупредил он всех, — и не пропустите ни одного. Помните, что один не убитый сегодня может завтра привести десяток.

Они двинулись вперед. Кенни убил одного, а Джимми сразу двух. Стобры пытались спастись, они были на стадии «пьяных Джо» своего жизненного цикла.

Род ударил одного копьём и посмотрел налево. Там должен был стоять Мик, но его не было.

— Стойте! Где Мик?

— Секунду назад он был здесь.

Род посмотрел назад. За исключением мерцания, поднимавшегося от горячего поля, вокруг не было ничего, что могло бы заслонить Мика. Может, что-то скрывающееся в траве, схватило его...

— Внимание все! Что-то случилось. Прикрывайте друг друга... и будьте осторожны.

Он медленно двинулся к тому месту, где исчез Мик. Вдруг прямо перед ним возникли две фигуры — Мик и Незнакомец. Незнакомец в комбинезоне и туфлях... И этот человек огляделся и сказал кому-то сзади:

— Хорошо, Джей. Установи автоматический режим и закрепи его. —

Он смотрел прямо на Рода, но, казалось, не видел его, затем двинулся к нему и исчез.

С бьющимся сердцем Род побежал. Он смотрел прямо в раскрытый выход... в длинный узкий коридор.

В проходе стоял человек в комбинезоне.

— Все назад! — приказал он. — Мы испытываем этот выход. Возможны местные нарушения структуры пространства.

Г л а в а 15

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА

Прошло примерно с полчаса после того, как Мик через внезапно сфокусированный выход оказался в слабом поле тяготения Луны. Род пытался навести порядок среди взволнованных колонистов, пытался привести в порядок собственные мысли.

Большинство колонистов выбежали в поле или сидели на стене в ожидании, пока техники превратят временный выход в постоянный с контрольным оборудованием и двухсторонней связью. Род пытался объяснить техникам, что они подвергаются опасности, что нельзя выходить безоружными; даже не взглянув на него, техник ответил:

— Скажи об этом мистеру Джонсону.

Он разыскал мистера Джонсона и попытался объяснить ему, однако тот прервал:

— Будь добр, дай нам возможность работать. Мы рады всех вас видеть — но мы и так потратили уже слишком много энергии. Нас не интересует, что может скрываться в этой высокой траве.

— О, — ответил Род, — я выставлю охрану. Мы знаем, чего можно ожидать. Я в...

— Оставь, пожалуйста. Какие вы все нетерпеливые.

Род вернулся в поселок злой и раздраженный. Там бродило несколько незнакомцев, чувствовавших себя, как в собственном дворе; они разговаривали с возбужденными колонистами, уходили и приходили вновь. Один из них остановился перед гончарным кругом Джимми, дотронулся до него и рассмеялся. Роду захотелось задушить его.

— Что? — Он оглянулся. — Да, Марджори?

— Нужно ли готовить обед? Все мои девушки разбежались, а Мел говорит, что не нужно сейчас ничего делать: до обеда мы все будем на Земле — и я не знаю, что делать.

— Что? Все собираются уходить?

— Может, не все, но так говорят.

Он не успел еще **обдумать** услышанное, как один из вездесущих незнакомцев весело поинтересовался:

— Кто мне скажет, где найти парня по имени Род Уокер?

— Уокер, — поправил Род. — Я Род Уокер... Что вам нужно?

— Меня зовут Сенсон, Клайд В. Сенсон. Я старший распорядитель эмиграционной контрольной службы. Я понял, Уокер, что вы вожак этой группы студентов. Мы должны...

— Я мэр Купертауна, — холодно сказал Род. — Что вам угодно?

— Да, да, так и называла вас эта молодежь. Мэр, — Сенсон улыбнулся и продолжал: — теперь, Уокер, мы собираемся навести тут порядок. Я знаю, вы больше всего озабочены тем, как побыстрее выбраться из вашего затруднительного положения, но все нужно делать последовательно. Мы постараемся проделать все побыстрее — вначале дезинсекция и медицинский контроль, затем специальные психологические тесты. После этого вы все сможете вернуться домой — подписав, естественно, отказ от всех прав на планету, но за этим присмотрит специальный чиновник. Если бы вы составили список ваших приятелей в алфавитном порядке, — я имею в виду тех, что на этой планете, — я думаю, тогда... — Он вертел в руках листок бумаги.

— Какого дьявола вы здесь распоряжаетесь?

Сенсон поглядел на него удивленно.

— Что? Но я ведь объяснил. Если же вам угодно быть официальным, то я воплощаю в своем лице Объединенные нации. Но это к слову: в полевых условиях вся власть принадлежит мне.

Род почувствовал, что краснеет.

— Я не желаю об этом ничего знать! Вы можете быть командиром ангелов на Земле... но сейчас вы в Купертауне.

Мистер Сенсон смотрел с интересом, но без особого волнения.

— А могу я спросить, что такое Купертаун?

— Что? Это Купертаун, независимое государство, со своей собственной конституцией, своими собственными законами — и вы на его территории. — Род перевел дыхание. — Если Объединенным нациям нужно что-нибудь, они могут выслать делегацию и договориться. Но не говорите нам об алфавитном списке!

— Молодец, Родди!

Род сказал:

— Последи за окружающим, Керол, — затем добавил, обращаясь к Сенсону: — Вы меня поняли?

— Должен ли я понять это так, — медленно сказал Сенсон, — что Объединенные нации должны направить посла в вашу группу?

— Ну... в общем, это главная мысль.

— Гм... интересная теория, Уекер.

— Уокер! А пока что прикажите вашим туристам убираться, да и сами можете уйти. Мы не зоопарк.

Сенсон посмотрел на ребра Рода, взглянул на его грязные мозолистые ноги и улыбнулся. Род сказал:

— Выпроводи его, Керол.

— Слушаюсь, сэр! — Она надвигалась на Сенсона с улыбкой, не предвещавшей ничего хорошего.

— О, я ухожу! — быстро сказал Сенсон. — Лучше задержка, чем ошибка в протоколе... Остроумная теория, молодой человек. До свидания. Увидимся позже... можно ли дать вам небольшой совет?

— Давайте.

— Не воспринимайте все так серьезно. Вы готовы, юная леди?

Род остался в своей хижине. Ему очень хотелось посмотреть, что происходит за стеной, но он опасался встретить Сенсона. Он сидел, грыз ногти и думал.

Очевидно, несколько слабых девушек отправятся на Землю — погонятся за порцией мороженого; может, еще кто-нибудь уйдет. Но он не покинет эту планету! Здесь его место, его дом, он заслужил его. Он не вернется на Землю, где, может, полжизни будет ждать шанса выбраться на другую планету, определенно, не такую хорошую.

Пусть уходят! Купертаун без них будет лучше и сильнее. Может, некоторые просто навестят своих родственников, а затем вернутся. Вероятно... в таком случае, они, конечно, заинтересованы возможностью пройти через выход, но пусть на Земле не задерживаются. Должен ли он предупредить их об этом?

А ему некого навещать. Кроме сестры, а сестра может быть где угодно, вряд ли она сейчас на Земле. Боб и Кармен, держа за руки Надежду, пришли попрощаться с ним. Род торжественно пожал им руки:

— Ты ведь вернешься, Боб, закончив обучение?

— Надеюсь, если это будет возможно. Если мы получим на это разрешение.

— Кто может запретить вам? Это ваше право. Вернувшись, вы застанете нас здесь. За это время мы постараемся не ломать ног.

Бакстер колебался.

— Придешь попозже к выходу, Род?

— Нет. Зачем?

— О, не заглядывай далеко. Мне кажется, многие захотят уйти.

— Сколько же?

— Большинство.

Боб не стал больше задерживаться. Он дал Роду адреса своих родителей. Кармен, плача, благословила его, и они ушли.

Марджори не вернулась, и кухонный огонь погас. Род не заботился об этом, он не был голоден. Вскоре пришел Джимми, кивнул приветственно и сел. Внезапно он сказал:

— Я был у выхода.

— Ну и что?

— Знаешь, Род, многие удивляются, почему ты не пришел проститься с ними.

— Они могли бы прийти сюда попрощаться.

— Да, но все говорят, что ты не одобряешь возврат на Землю. Может, они просто растерялись?

— Я не одобряю? — Род безрадостно рассмеялся. — Мне не интересно, сколько этих детишек возвращаются к своим мамам. У нас свободная страна. — Он взглянул на Джима. — Сколько осталось?

— Не знаю.

— Я подумаю, как нам быть дальше. Если останется небольшая группа, мы можем ночевать в пещере. Пока число колонистов не возрастет вновь.

— Возможно.

— Не будь таким хмурым! Даже если останемся мы с тобой, да Джеки, да Керол, все равно мы будем в лучшем положении, чем были вначале. И это будет временное положение. Да, с нами будет и мальчик, я совсем забыл о своем крестнике.

— Да, будет мальчик, — согласился Джим. — Почему у тебя такое расстроенное лицо?

— Джим... а ты сам не думаешь возвращаться?

Джимми встал:

— Джеки просила сказать тебе, что мы остаемся, если ты считаешь, что так нужно.

Род подумал, о чем умолчал Джимми.

— Ты хочешь сказать, что она хотела бы вернуться? Чтобы ушли вы оба?

— Род, мы ведь теперь родители. Мы должны и о ребенке подумать. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну...

Род протянул ему руку..

— Желаю счастья, Джим. Передай Джеки мои наилучшие пожелания.

— О, она сама придет попрощаться. С ребенком.

— Пусть не делает этого. Увидимся когда-нибудь.

— Ну что ж. Пока, Род. Береги себя.

— И вы тоже. Если увидишь Керол, пошли ее ко мне.

Керолайн появилась не скоро. Род решил, что она была у выхода. Он резко спросил:

— Сколько осталось?

— Немного.

— Сколько именно?

— Ты и я... и компания этих зевак.

— Больше никого?

— Я проверяла по списку. Родди, что же мы теперь будем делать?

— Что? Не в этом дело. Ты хочешь вернуться?

— Ты здесь хозяин, Родди. Ты мэр.

— Мэр чего? Керол, хочешь ли ты вернуться?

— Родди, я никогда не думала об этом. Я была счастлива здесь.

Но...

— Но что?

— Города нет больше, людей нет, а мне остался только год срока, если я хочу поступить в корпус амазонок. Позже меня не примут. — Она проговорила все это, затем добавила: — Но если ты останешься, я останусь тоже.

— Нет.

— Я так хочу.

— Нет. Но я хочу, чтобы ты кое-что сделала на Земле.

— Что?

— Постарайся увидеться с моей сестрой Элен. Узнай, где она находится. Капитан Элен Уокер из корпуса амазонок, поняла? Скажи ей, что у меня все в порядке... и ...и скажи ей, что я просил ее помочь тебе поступить в корпус.

— Родди, я не хочу уходить!

— Оставь это. Они могут переместить выход, и ты опоздаешь.

— Пойдем со мной.

— Нет, я уже думал об этом. Но поторопись. Не надо долгих прощаний. Иди.

— Ты не сердись на меня, Родди?

— Конечно, нет. Но иди, пожалуйста, иди, не заставляй меня кричать.

Она коротко всхлипнула, обняла его, поцеловала и убежала. Род забрался в свою хижину и лег лицом вниз. Полежав немного, он встал и начал подметать Купертаун. В городе было намусорено. Большого беспорядка здесь не было со времени смерти Гранта.

Уже было поздно, когда в поселке появились новые люди. Род услышал и увидел их задолго до того, как они увидели его, — двое мужчин и женщина. Мужчины в городской одежде, на женщине шорты, модные туфли и блузка. Род вышел вперед и сказал:

— Что вам нужно? — В руке у него было копьё.

Женщина взвизгнула, затем посмотрела на него и добавила:

— Прелестно!

Один из мужчин нес треножник и большой ящик, в котором Род узнал записывающий аппарат новейшей конструкции, воспроизводящий изображение, запах, звуки и даже осязательные ощущения. Такие приборы использовались в новых экспедициях.

Мужчина, ничего не говоря, расставил треножник, подключил кабели и начал орудовать на шкалах. Другой мужчина, меньшего роста, рыжеволосый, с большими усами, сказал:

— Вы Уокер? Тот, кого остальные называют мэром?

— Да.

— «Космик» здесь не показывался?

— Что за «Космик»?

— «Космик ньюс», конечно. Или еще кто-нибудь? «Лайф-тайм-спейс»? «Галакси»?

— Я не понимаю, о чем вы говорите. До сегодняшнего утра здесь никого не было.

Незнакомец дернул себя за усы и облегченно вздохнул:

— Это все, что я хотел узнать. Впадайте в транс, Элли. Включайте ящик, Мак.

— Минутку! — потребовал Род. — Кто вы и что вам нужно?

— Я Эванс из «Эмпайр» ...«Эмпайр энтерпрайз».

— Премия Пулитцера, — сказал второй мужчина и продолжал работать.

— С помощью Мака, — быстро добавил первый. — Леди — сама Элли Эллэнс.

Род удивленно смотрел на них, Эванс сказал:

— Ты не знаешь Элли? Сынок, где ты был... впрочем... Она наиболее высокооплачиваемый писатель в системе. Она так изобразит вас, что любящая читательница, начиная с «Внеземного обозрения» и кончая лондонской «Таймс», будет оплакивать вашу судьбу и захочет помочь вам. Она великий художник.

Мисс Эллэнс, казалось, не слушала этих восторженных слов. Она осматривалась по сторонам с невозмутимым лицом, иногда останавливая взгляд на чем-нибудь. Потом повернулась к Роду и спросила:

— Где здесь вы устраивали свои первобытные танцы?

— Что? У нас каждую неделю бывали бальные танцы.

— Бальные танцы? Ну, ничего, мы это изменим. — Она отправилась осматривать поселок дальше.

— Дело в том, братец, — продолжал Эванс, — что нам не нужно твое интервью. Мы достаточно говорили с теми, кто вернулся. Но ты здесь, и это хорошо. Мы поладим. Я не люблю мелких сделок. Сам назови цену — но ты передашь нам все коммерческие права на постановку, теледемонстрацию, сценарий — на все. — Эванс осмотрелся. — Ты будешь нам также помогать советами, когда придут актеры.

— Актеры?

— Конечно. Если контрольная служба поторопится, они скоро будут здесь. Все сцены будем снимать с актерами. Ты каждую минуту должен быть у меня под рукой — особенно, когда будем подбирать актера на твою роль.

— Минутку! — вмешался Род. — Кто-то из нас двоих сошел с ума. Прежде всего мне не нужны ваши деньги.

— Что? Ты уже с кем-то договорился? Охрана пропустила кого-то раньше нас?

— Какая охрана? Я никого не видел.

Эванс вздохнул с облегчением.

— Значит, договоримся. А охрана не должна была подпускать никого к вашей стране. Но не говори, что тебе не нужны деньги: это аморально.

— Но они мне действительно не нужны. Мы здесь не пользуемся деньгами.

— Конечно, конечно... но у тебя будет семья, не так ли? А семья всегда требует денег. Ты, главное, не беспокойся. Мы тебе прилично заплатим, и ты сможешь открыть в банке счет. Только сначала подпиши договор.

— Почему я должен это делать?

— Связать, — сказал Мак.

— Гм... да, Мак. Видишь ли, братец, мы должны быть уверены, что ты не договоришься больше ни с кем. Сейчас ты связан только своей совестью. Совсем другое дело — обязательство и тысяча плутонов задатка.

— Но я ни с кем не хочу заключать договор.

— Ты готов, Мак?

— Все в порядке.

Эванс повернулся к Роду:

— Ты не возражаешь против ответа на несколько вопросов? Ну и, может, две-три фотографии.

— Да нет, пожалуй.

Они озадачили Рода, а кроме того, он считал их надоедливymi, но это все-таки было общество, а он был так одинок.

— Отлично! — и Эванс принялся расспрашивать о том, о сем, и с большой ловкостью. Род обнаружил, что рассказывает о том, о чем и не собирался. Эванс, в частности, спросил его о хищниках. — Они,

должно быть, здесь ужасно свирепые? Много хлопот они вам доставляли?

— О нет, — искренне ответил Род. — С животными у нас никогда не было больших забот. Вот с людьми их было гораздо больше.

— Как вы считаете, это будет премиальная планета?

— Конечно. Остальные поступили глупо, уехав отсюда. Эта планета подобна Земле, только гораздо богаче и безопасней, здесь изобилие плодородных почв. Через несколько лет... но послушайте!

— Что?

— Как получилось, что нас оставили здесь? Ведь мы ожидали, что пробудем здесь только десять дней.

— Разве вам не рассказали?

— Ну... может, другим рассказывали. Но я ничего не слышал.

— Это была Сверхновая, конечно. Дельта... как там...

— Дельта Гаммы 1-13, — подсказал Мак.

— Вот именно. Деформация пространства-времени, но я не специалист в этом.

— Дифференциалы, — сказал Мак.

— Именно. Вас искали все это время. Как я понял, взрывная волна разрушила все координаты в этом районе. Таким образом, братец, когда вернешься на Землю...

— Я не вернусь.

— Ну, хотя бы в гости. Не подписывай отказ от прав. Совет считает это несчастным случаем, а за них кто-то должен платить. Так что позволь сказать тебе на ухо: не упусти своего. Дружеский совет, не так ли?

— Спасибо. Но я не хочу... ладно, все равно спасибо.

— Ну а теперь, как насчет нескольких проб?

— Ну давайте.

— Копье, — сказал Мак.

— Да, у вас ведь были копья? Возьми одно из них в руки.

Род взял копье, а великая Элли при этом опять вскрикнула:

— Прелестно! Я чувствую это. Как тонка граница между человеком и зверем! Сотня цивилизованных мальчиков и девочек отброшены назад, к безграмотности, в каменный век, налет цивилизации легко сбрасывается... Назад к суевериям. Превосходно!

— Послушайте! — гневно сказал Род. — Но это все неверно! У нас были законы, конституция, мы заботились о чистоте. Мы...

Он остановился: мисс Элленс не слушала.

— Дикарские обряды, — как во сне, говорила она. — Поселок, где медициной служит невежество, а суеверие выступает оружием в борьбе с природой. Первобытное изобилие обрядов... — Она остановилась и деловым тоном сказала Мак: — Танцы снимем трижды. Впишите их в список «А». В список «В» — наряды для танцев. Готово?

— Готово, — сказал Мак.

— Комментировать их я тоже буду трижды. Это будет лучшее место, — и она вновь погрузилась в транс.

— Минуту! — Род протестовал. — Если я понял, что она имеет в виду, здесь не будет никакой картины: ни с актерами, ни без них.

— Полегче, — посоветовал Эванс. — Я же сказал, ты будешь техническим консультантом. Или лучше все делать без тебя? Элли права, братец. Она знает, а ты нет, что правда искусства выше реальной правды, она затмевает подлинную правду.

— Но...

Мак сказал ему:

— Стой спокойно.

Род повиновался, а Мак поднял руку. Род почувствовал, как что-то холодное, как облачко, покрыло его лицо.

— Так и стой. — Мак вернулся к своим шкалам.

— Эй! Что вы делаете?

— Всего лишь немного красной краски, — объяснил Эванс. Картина нуждается в красках. Ее легко смыть.

Род раскрыл рот в крайнем негодовании; он неосознанно поднял копые.

— Включай, Мак! — приказал Эванс.

— Уже включено, — хладнокровно ответил Мак.

Род вынужден был немного подождать, пока гнев даст ему возможность говорить.

— Уберите этот шнур, — сказал он. — Затем убирайтесь сами!

— Прекрасно! — сказал Эванс. — Ты действуешь вполне в стиле картины. Мы можем использовать тебя в роли.

— Убирайтесь! Или я проткну ваш ящик и всякого, кто станет на моем пути! — и он направил копые на многочисленные линзы прибора.

Мак выступил вперед, защищая прибор своим телом. Эванс окликнул его:

— Лучше взгляни сюда.

В руке Эванса оказался небольшой, но мощный и практичный пистолет.

— Мы побывали в разных переделках, братец, поэтому готовы ко всему. Если ты разобьешь приемник или ранишь кого-нибудь из нас, я приготовлю из тебя завтрак для местного населения. Спорить с информационной службой — не дело, братец. Публика имеет право на информацию, знаешь ли. — Он повысил голос: — Элли, мы уходим.

— Еще нет, — сонно ответила она. — Я погрузилась...

— Пора! Опоздаешь на передачу.

— Ладно! — ответила она совсем другим голосом. Род позволил им уйти. Когда они миновали стену, он вернулся в свою хижину, сел на пол и уткнулся головой в колени.

Позже он поднялся на стену и посмотрел вокруг. Охрана, присланная Эвансом, не скрываясь, находилась под ним. Охранник поглядел на него,

но ничего не сказал. Выход превратился в стационарное помещение. Никого не было видно, но мощный гул энергии, поддерживающей выход, говорил о том, что его готовят к переправе большого количества эмигрантов. Он пошел обратно и приготовил одинокий ужин, беднее которого у него не было около года. Затем отправился в кровать и слушал «Гран Опера» джунглей, пока не уснул.

* * *

— Есть кто-нибудь дома?

Род, неожиданно разбуженный, понял, что уже утро, и все, что было вчера, было на самом деле, а не в ночных кошмарах.

— Кто там?

— Друзья. — Б.П.Мэтсон просунул голову в дверь. — Убери нож. Я безвреден.

Род вскочил:

— Дьякон! Я хотел сказать, доктор.

— Дьякон, — поправил Мэтсон. — Я привел посетителя. — Он отстранился, и Род увидел свою сестру.

Немного позже Мэтсон коротко сказал:

— Если вы уже можете отцепиться друг от друга и вытереть носы, мы обсудим положение.

Род отступил и оглядел сестру.

— Ты прекрасно выглядишь, Элен. — Она была в штатском: яркий веселый плащ и брюки. — Похудела.

— Немного. Просто все хорошо устроилось. Но ты выглядишь намного лучше. Мой маленький братец стал мужчиной.

— Но как вы... — Род остановился, заподозрив что-то. — Вы пришли, чтобы уговорить меня вернуться? Если так, то поберегите дыхание.

Мэтсон тут же ответил:

— Нет, нет, нет! Это далеко от наших намерений. Услышав о том, что вас обнаружили, мы решили повидать тебя — я воспользовался своими знакомствами и получил такую возможность. — Он добавил: — Номинально я являюсь полевым агентом службы эмиграции.

— О! Я, конечно, рад вас видеть... если это правда.

— Конечно, конечно! — Мэтсон вытащил трубку, набил ее табаком и зажег. — Я одобряю твой выбор, Род. Я впервые на Тангароа.

— На чем?

— О! Тангароа. Кажется, это имя полинезийской богини. Разве вы называли эту планету другим именем?

Род обдумывал услышанное.

— Правду сказать, мы об этом не думали. Ладно... пусть называется так.

Мэтсон кивнул головой.

— Будучи с ней один на один, вы не нуждались в названии. Но вот что хорошо, Род. Вы продемонстрировали заметный прогресс.

— У нас все шло хорошо, а дальше шло бы еще лучше, — горько заметил Род, — если бы из-под нас не выдернули почву. — Он нахмурился. — Хотите посмотреть поселок?

— Конечно.

— Хорошо, пойдем, сестра. Минутку, я не завтракал. А вы как?

— Ну, когда мы прошли через выход, было как раз обеденное время. Я бы перекусил... Элен?

— Я тоже.

Род порывлся в запасах Марджори. Задняя нога, которой он ужинал, была уже не совсем свежая. Он протянул ее Мэтсону.

— Не очень свежая.

Мэтсон понюхал:

— Немного с душком. Я могу есть такое.

— Мы должны были вчера охотиться, но... столько изменений. — Он подумал. — Садитесь рядом. Я сейчас принесу консервированное мясо. — Он поднялся к пещере, нашел копченое мясо и несколько кусков солонины. Когда он вернулся, Мэтсон уже разжег костер. Больше нечего было подавать на стол: накануне не были собраны ни фрукты, ни корни. Род уверял, что обычно их завтрак гораздо разнообразнее.

Но он преуспел, показывая им, чего они добились — гончарный круг, ткацкий станок Сю с незаконченным куском ткани, водопровод с фонтаном и душами, железные изделия, изготовленные Артом и Дагом.

— Теперь пойдем дальше, Род, я не городской житель. И твоя сестра тоже.

Род отрицательно покачал головой:

— Я знаю эту страну, а вы нет. Я могу передвигаться где угодно рысью. Но для вас единственный способ передвижения — медленное ползание, поскольку я не могу прикрывать вас обоих.

Мэтсон кивнул:

— Ты прав. Странно видеть собственного студента, заботящегося о твоей безопасности. Но ты прав. Мы не знаем местных условий.

Род показал им ловушки для стоборов и описал ежегодную безумную миграцию.

— Стоборы проходят через эти отверстия и попадают в ямы. Другие же звери огибают наш поселок так же точно, как городской транспорт — дома.

— Регулирование численности при помощи катастроф, — заметил Мэтсон.

— Что? О, да, мы тоже так считали. Циклические катастрофы, позволяющие сохранять равновесие, точно как в жизни людей. Если бы у нас было оборудование, мы могли бы отправлять на Землю тысячи туш мяса каждый сухой сезон. — Он подумал немного. — Может, мы так и будем поступать.

— Возможно.

— Но вначале это было серьезной помехой. Эти стоборы особенно — я покажу одного из них в поле, когда... но послушайте, — Род задумчиво посмотрел на Мэтсона. — Это ведь стоборы, не так ли? Маленькие хищники, более высокие спереди, чем сзади, несколько похожие на диких котов, но в десятки раз более свирепые?

— Почему ты спрашиваешь меня?

— Но ведь вы предупреждали нас о стоборе. Все группы были предупреждены.

— Вероятно, это и должен быть стобор, — заметил Мэтсон, — но я не знал, что он так выглядит.

— Что?

— Род, на каждой планете есть свой стобор... и все они различны. Иногда их несколько. — Он остановился, чтобы вынуть свою трубку. — Ты помнишь, я говорил, что на каждой планете есть своя особая опасность, отличная от опасностей на всех остальных планетах Галактики?

— Да...

— Конечно, но это ничего не означает, кроме чисто умозрительной конструкции. А вы должны опасаться реальной опасности, если хотите остаться в живых... И мы персонифицировали эту опасность, не говоря вам, в чем она заключается. Ежегодно мы делаем это разными способами. Цель заключается в том, чтобы предупредить вас: смертельная опасность может выглядеть как угодно... Мы старались поселить страх перед этой опасностью в ваших внутренностях, а не в головах.

— Ну, и дурак же я ...здесь нет никакого стобора! И никогда не было.

— Конечно, он был. Для кого же вы соорудили эти ловушки?

* * *

Когда они вернулись, Мэтсон сел на землю и сказал:

— Мы не можем дольше оставаться.

— Понимаю. Подождите немного. — Род вошел в хижину, разыскал «Леди Макбет». — Вот твой нож, сестра. Он много раз спасал мою шкуру. Спасибо.

Она взяла нож, погладила его, взвесила в руке и посмотрела на голову Рода. Что-то сверкнуло над ним, звонко стукнулось, и нож воткнулся в угол хижины. Элен вытащила его, подошла и протянула Роду:

— Держи, дорогой, береги его, храни в чистоте.

— Нет, сестра. Он и так слишком долго был у меня.

— Пожалуйста, возьми. Мне будет приятно узнать, что «Леди Макбет» всегда сопровождает тебя. Я в ноже больше не нуждаюсь.

— Почему?

— Потому, что она вышла за меня замуж, — ответил Мэтсон.

Род сидел молча. Сестра поглядела на него и сказала:

— В чем дело, Родди? Ты против?

— Что? О, конечно! То есть... — он порылся в памяти, пытаясь вспомнить необходимые слова: — Пусть бог благословит вас. Пусть ваш союз будет счастливым.

— Тогда подойди и поцелуй меня.

Род проделал это, затем пожал руку Дьякону. Все в порядке, подумал он, но... но сколько же им лет? Сестре за тридцать, а Дьякону... Дьякон просто стар, ему, наверное, больше сорока. Это выглядит не совсем прилично.

Но он постарался показать им, что одобряет их брак. Позже, думая об этом, он решил, что если два человека хотят провести вторую половину жизни вместе, что ж, кто может им помешать.

— Как видишь, — продолжал Мэтсон, — у меня была двойная причина навестить тебя. Во-первых, хотя я больше и не преподаю, меня беспокоила мысль о потере целого класса. Во-вторых, когда один из потерявшихся — твой шурин, навестить его совершенно необходимо.

— Вы больше не преподаете?

— Нет. Совет и я разошлись во взглядах на политику. Во-вторых, я стал руководителем отряда, отправляющегося на освоение новой планеты... в это время мы и встретились с твоей сестрой и решили осесть на новом месте и приобрести ферму. — Мэтсон посмотрел на него. — Тебя это интересует? Мне на новом месте нужен закаленный помощник.

— Спасибо, но я уже сказал, что мое место здесь. Куда же вы отправляетесь?

— Это Террита, планета в Гиадах. Прекрасное место — переселенцы заплестили большую сумму.

Род задумался:

— Я не могу позволить себе этого. У меня нет денег.

— Как мой помощник, ты ничего не должен будешь платить. Но я думаю, что у тебя должен оставаться и шанс вернуться сюда.

Род поглядел на Элен:

— Прости, сестра.

— Все в порядке, Бадди. Мы не хотим заставлять тебя жить по-своему.

— Конечно нет. — Мэтсон выпустил облако дыма и продолжал: — Однако как твой новый родственник и бывший учитель, я считаю себя обязанным сделать несколько замечаний. Тебе не обязательно следовать моим советам, но я бы хотел, чтобы ты меня выслушал. Ладно?

— Ну что ж, давайте...

— Это хорошее место. Но ты должен вернуться в колледж. Нужно получить профессию. Если ты откажешься вернуться, ты останешься здесь... навсегда. Ты не увидишь других планет. Позже тебе не разрешат свободно возвращаться. А профессиональный первопроходец бывает всюду, он ви-

дит все земли. Твоя сестра и я побывали на пятидесяти планетах. Школа не кажется привлекательной теперь — ты мужчина, и тебе трудно надеть мальчишеские башмаки. Но, — Мэтсон махнул рукой, указывая на Купертаун, — это стоит затрат. Ты можешь перескочить через курс, поступить в Центральную Техническую школу без экзаменов. Я хорошо знаком с ректором Центральной Технической. Ну как?

Род сидел с каменным лицом, затем покачал головой.

— Ладно, — сказал Мэтсон, — больше мне нечего сказать.

— Подождите. Я хочу вам сказать. — Род старался придумать, как объяснить им свой отказ... — нет, ничего, — хрипло закончил он.

Мэтсон курил в молчании.

— Ты был здесь вожаком, — сказал он наконец.

— Мэр, — поправил Род. — Мэр Купертауна. Я был мэром.

— Ты и сейчас мэр. Населения не стало, но ты остаешься хозяином. И даже эти бюрократы из контрольной службы не станут оспаривать твоих прав на эту землю. Вы были фактически автономной колонией. — Я слышал, ты говорил об этом Сенсону. — Мэтсон улыбнулся. — Однако ты один. Ты не можешь жить в одиночестве... жить и оставаться человеком.

— Конечно, но разве эта планета не будет заселяться?

— Будет. В этом году прибудет не менее пятидесяти тысяч, а в следующие два года — вчетверо больше. Но, Род, ты станешь частью толпы. Они приведут с собой собственных вожаков.

— Я не могу быть хозяином. Я хочу лишь... ладно, я не хочу отдавать Купертаун.

— Род, Купертаун станет исторической реликвией, как скалы Плимута, Ботани Бей и колония Дейкин. Граждане Тангароа сохраняют, несомненно, его как историческую ценность. Но я, конечно, не смогу переубедить тебя. Я просто указываю на возможные последствия. — Он встал. — Время отправляться, Элен.

— Да, дорогой. — Она оперлась на его руку и встала.

— Минутку, — настаивал Род. — Дьякон... и сестра! Я понимаю, что выгляжу глупо. Я знаю, что все кончено... город, парни и девушки, все кончено. Но я не могу вернуться, — он добавил, — не потому, что не хочу.

Его бывший учитель кивнул:

— Я понимаю тебя.

— Я не знаю, как это получилось.

— Может, я знаю, Род. Каждый из нас сталкивается с двумя вещами: желанием вернуться домой и невозможностью это сделать. Ты в таком возрасте, когда это противоречие ранит особенно больно. Ты оказался в ситуации, которая еще больше обострила это противоречие. Ты, — не прерывай меня — ты стал здесь мужчиной, старейшиной племени, вожаком стада. Вот почему другие могут вернуться, а ты нет. Подожди, пожалуйста! Я говорю, что тебе нужно вернуться и на время опять превра-

титься в юношу... но это кажется непосильным. Я не удивлен. Ребенок перенес бы это легче. Дети — совсем особый народ, и взрослые могут изменять их решения. Но юноша уже не ребенок, но и не взрослый. Они сосредоточивают в себе самые невозможные, неразрешимые и трагические проблемы. У них нет собственности, они граждане второго сорта и опасны экономически и социально. Это трудный период, и я не порицаю тебя за отказ вернуться к нему. Желаю счастья. Пойдем, дорогая.

— Дьякон, — сказала его жена, — ты не расскажешь ему?

— Это будет нечестно. Это может заставить его изменить решение.

— Мужчины! Я рада, что я не мужчина!

— И я тоже, — вежливо согласился Мэтсон.

— Я не это имела в виду. Мужчины поступают так, будто логика встала на дыбы. Я расскажу ему.

— Если считаешь, что так лучше.

— Расскажешь о чем? — потребовал Род.

— Она хочет сказать, — заметил Мэтсон, — что твои родители вернулись.

— Что?

— Да, Бадди. Они вышли из стасиса неделю назад, и отец оттуда отправился в больницу. Теперь он здоров. Но мы не говорили ему о тебе, мы не знали, что сказать.

Хотя факты были просты, Род воспринимал их с трудом. Медицина достигла нужного результата за два года, а не за двадцать. Стало возможным прервать стасис, провести операцию и вылечить мистера Уокера. Элен знала, что результат был достигнут уже несколько месяцев назад, но врач отца не давал разрешения на операцию, пока не будет полной уверенности. Простым совпадением было установление связи с Тангароа в то же время. Самое трудное для Рода было свыкнуться с мыслью, что его родители были мертвы для него все эти годы.

— Дорогая, — строго сказал Мэтсон, — теперь, когда ты заставила его колебаться, можем ли мы идти?

— Да. Но я должна была рассказать ему. — Элен быстро поцеловала Рода и повернулась к мужу. Они пошли.

Род следил за ними с лицом, искаженным колебаниями. Внезапно он окликнул их:

— Подождите. Я иду с вами.

— Хорошо, — ответил Мэтсон. Он повернулся к жене, чтобы скрыть удовлетворение во взгляде. — Если ты уверен, что хочешь этого, я помогу тебе собрать твои вещи.

— О, у меня нет никакого багажа. Пошли.

Род задержался только для того, чтобы освободить пленных животных.

Глава 16

БЕСКОНЕЧНЫЙ ПУТЬ

Мэтсон сопровождал Рода через эмигрантский выход, оберегая его от возможных оскорблений чиновника, пытавшегося подвергнуть его различным тестам, и проследил за тем, чтобы Род не подписывал отказа от прав. Затем Род принял ванну, побрился и постригся. Мэтсон дал ему одежду, и только тогда Род оказался на Земле. Мэтсон провожал его до выхода Кайбаб.

— Я думаю, что у вас будет семейный обед или что-нибудь в этом роде, так что оставайтесь вчетвером. До десяти, дорогая. Увидимся позже, Род.

Он поцеловал жену и пошел.

— Сестра, отец знает, что я уходил?

Элен колебалась.

— Знает. Я сказала ему, а Дьякон защитил тебя. — Она добавила: — Помни, Род, отец был болен... и для него прошедшее время составило всего несколько недель.

— Конечно.

Проведя всю жизнь среди аномалий Рамсботема, Род тем не менее не мог привыкнуть к его временным эффектам: мгновенные путешествия на другие планеты казались более простыми. Он чувствовал раздражение, которое не мог объяснить: причина его заключалась в том, что Род отвык от толп народа.

Мэтсон также недолюбливал толпы, но не предупредил Рода, что это может так раздражать. Прогулка по аллее высоких деревьев, ведущих к дому, несколько успокоила его. Необходимость постоянно отыскивать убежище от опасных животных и держаться поближе к деревьям выработала у Рода дружеское отношение к ним. Домой он пришел бодрым и в хорошем настроении, почти забыв о раздражающем действии толпы.

Отец выглядел вполне здоровым, но, казалось, стал меньше ростом. Он обнял сына, а мать поцеловала его и заплакала.

— Я рад видеть тебя дома, сын. Я знаю, что ты совершил небольшое путешествие.

— Я рад оказаться дома, отец.

— Мне кажется, твой экзамен был достаточно серьезным.

Род начал объяснять, что это был не совсем экзамен, что он жил на Тангароа в Купертауне. Но смешался, заметив, что в доме находится «тетя» Нора Пискоат, не родственница, а просто подруга детства его матери. Отец его не слушал.

Зато миссис Пискоат слушала и смотрела, глядя своими маленькими глазками, скрывавшимися в складках кожи.

— Родди Уокер, я знаю, что о вас будет кинофильм.

— Что? — спросил отец. — Какой кинофильм?

— Фильм о дикарях, и среди них имя Родди. Вы можете увидеть рекламные объявления в городе. Я узнала Родди. Я сказала Джозефу: «Джозеф, это фильм не о Родди Уокере, это подделка».

— Это ошибка. Дело в том, что...

— Я пошлю вам такую рекламу, я срезала одну из них. Я знаю, что это подделка. Это ужасно: огромный голый дикарь со сверкающими зубами и свирепой улыбкой, весь покрытый красной краской, а в руке у него копье. Я сказала Джозефу...

— Как вы знаете, я только сегодня утром вернулся из больницы, Нора, — подал голос отец. — Род, я надеюсь, эта картина не о тебе?

— И да, и нет.

— Не понимаю. Откуда возьмется картина о тебе?

— Это сделано вопреки моему желанию. Тот тип сразу начал снимать.

— Значит, картина будет?

— Да, — Род заметил, что «тетя» Нора жадно прислушивается. — И все-таки это будет подделка.

— Я все еще не понимаю.

— Пожалуйста, отец, — вмешалась Элен. — Род вернулся после долгого отсутствия. Это может подождать.

— О, конечно. И все же не понимаю, как картина может оказаться подделкой?

— Отец, этот человек выкрасил мне лицо, когда я не ждал этого. Я... — Род остановился, чувствуя, что это звучит смешотворно.

— Значит, там изображен действительно ты? — настаивала «тетя» Нора.

— Я больше ничего не скажу.

Мистер Уокер ляпнул:

— Может, это лучшее, что ты можешь сделать.

— Я думаю, в этих ужасных местах могло происходить все что угодно. — «Тетя» Нора выглядела взъерошенной. — Я поняла из этой рекламы, что там многое происходило... и не всегда это было личным.

Она поглядела на Рода так, будто он осмеливался что-то отрицать. Род ничего не сказал. Она продолжала:

— Я не знаю, о чем вы думали, разрешая мальчику такие вещи. Мой отец всегда говорил мне, что, если господь разрешил нам использовать выходы вместо ракетных кораблей, он оставил для себя достаточно убежищ на небе.

Элен резко спросила:

— Миссис Пискоат, при чем тут господь и ракетные корабли?

— Что я слышу, Элен Уокер? всю твою жизнь я была тетя Нора. И вдруг «миссис Пискоат»!

Элен пожала плечами:

— А моя фамилия Мэтсон, а не Уокер, как вы знаете.

Миссис Уокер, расстроенная, но сохранившая непосредственный тон, стала уговаривать миссис Пискоат остаться на обед. Мистер Уокер добавил:

— Да, Нора, присоединяйтесь к нам.

Род про себя сосчитал до десяти. Но миссис Пискоат сказала, что она уверена, что они хотят остаться одни, у них так много тем для разговора, и отец не настаивал.

Род выдержал обеденный ритуал, хотя часто спотыкался на ответах, а чаще сохранял тягостное молчание. Обед был очень хорош, но Род был поражен маленькими порциями: Земля выдерживала строгий рацион. Все казались счастливыми, и он тоже.

— Я сожалею о твоей задержке, — сказал ему отец. — Это значит, что тебе придется провести еще один семестр в школе Патрика Генри.

— Наоборот, отец, — ответила Элен. — Дьякон уверен, что Род сможет сразу поступить в Центральную Техническую.

— На самом деле? В мои дни туда принимали с более строгими экзаменами.

— Все члены их группы будут освобождены от экзаменов. То, что они изучили, не может быть усвоено в аудитории.

Увидев, что отец не убежден, Род решил переменить тему разговора.

— Сестра, это напомнило мне кое-что. Я назвал твое имя одной из ваших девушек, думая, что ты все еще в корпусе — она хочет поступить туда. Ты сможешь ей помочь?

— Я могу подготовить ее к испытаниям. Это важно для тебя, Бадди?

— Да, очень. И она отличный материал для офицера. Она большого роста, выше тебя. Хорошенькая, как и ты, у нее хороший характер, и она очень сильная, находчивая и верная — всегда придет на помощь... на нее всегда можно положиться.

— Родрик, — голос отца звучал строго.

— Прости, отец. Я только описал ее.

— Хорошо. Сын... с каких пор ты начал есть мясо пальцами?

Род положил кусок мяса и почувствовал, что краснеет.

— Извините. У нас там не было вилок.

Элен рассмеялась.

— Не беда, Род. Отец, это совершенно естественно. Когда мы увольняем наших девушек, им требуется много времени, чтобы преодолеть опасности штатской жизни. А пальцы существовали раньше вилок...

— Гм... несомненно. Сейчас, когда наша семья вновь соединилась, есть одно дело, которое необходимо сделать.

— Что именно?

— Я имею в виду передачу опекунства. Теперь, благодаря чуду, я здоров и могу вновь выполнять свои обязанности.

Потребовалось немало времени, чтобы Род сообразил, что отец говорит о нем. Опекунство? О... Его опекуном была сестра. Но это ровно ничего не значило. Элен колебалась.

— Я согласна, отец, — сказала она, глядя на Рода, — если Бадди этого хочет.

— Что? Но это совершенно неважно, дочь. Твой муж не может нести ответственность за воспитание мальчика — это моя обязанность... и привилегия.

Элен выглядела расстроенной. Род сказал:

— Я не понимаю, в чем дело, отец. Ведь я все это время отсутствовал... и в конце концов я уже очень скоро буду достаточно взрослым, чтобы голосовать.

Его мать посмотрела с удивлением:

— Как, Родди, дорогой?

— Да, — согласился с ней отец, — ведь тебе еще почти три года до совершеннолетия.

— Что это значит, отец? Я стану совершеннолетним в январе.

Миссис Уокер прижала руки ко рту.

— Джером... мы забыли, что прошло столько времени. О, мой мальчик!

Мистер Уокер выглядел смущенным, он пробормотал что-то вроде «очень трудно» и переключил внимание на свою тарелку. Потом он снова посмотрел на Рода.

— погоди, Род. Тем не менее, пока ты не достиг совершеннолетия, я буду исполнять свои обязанности. Я думаю, ты не захочешь жить вне дома, учась в колледже.

— Почему бы и нет?

— Ну, мы расставались надолго, и это кое в чем не пошло тебе на пользу. Возьмем эту девушку, о которой ты так восторженно говорил. Правильно ли я понял, что она была... очень близка тебе?

Род почувствовал, что ему жарко.

— Она была моим управляющим городом, — сказал он ровно.

— Твоим чем?

— Моим ближайшим помощником. Она была начальником охраны, главой полиции, всем, чем угодно. Она делала все. Она и охотилась, но только потому, что ей нравилось это занятие. Керол была... да, ее зовут Керол.

— Родрик, ты увлекся этой девушкой?

— Я? Боже, конечно, нет. Она была для меня как сестра. О, Керол достойна лучшего из парней, но я об этом никогда не думал.

— Я рад, что ты не интересовался ею серьезно. Мне кажется, что она не слишком подходящая компания для юноши.

— Отец, ты не знаешь, о чем говоришь.

— Возможно. Но я и знать не хочу. Кстати, что это значит «управляющий городом»? А кем был ты?

— Я, — сказал Род гордо, — был мэром Купертауна.

Отец посмотрел на него, затем покачал головой.

— Мы поговорим об этом позже. Возможно, ты нуждаешься в медицинской помощи. — Он посмотрел на Элен. — Мы оформим передачу опекуна завтра. Я вижу, что мне о многом придется позаботиться.

Элен встретила с ним взглядом.

— Нет, пока не будет согласия Бадди!

— Дочь!

— Передача прав была безвозвратной. Он согласится — или я не передам права!

Мистер Уокер был шокирован, его жена испугалась. Род встал и вышел из комнаты: для первого раза с него было достаточно... Он слышал, что отец позвал его, но не обернулся.

Мэтсон был в своей комнате, он курил и читал.

— Я перекусил и теперь отдыхаю, — объяснил Мэтсон. Он внимательно поглядел на Рода. — Я говорил тебе, — медленно сказал он, — что это будет нелегко. Ну, ладно, не принимай это близко к сердцу, сынок.

— Я не вынесу этого!

— Вынесешь.

* * *

Крепкие повозки, способные пересечь материк, выстроились в длинную линию перед эмигрантским выходом, как бывало много раз раньше и будет впредь. Выход не был еще готов; переселенцы собрались у киоска Армии Спасения; они пили кофе и шутили, чтобы сократить нервное ожидание. Их предводитель — профессиональный первопроходец — был с ними: худой невысокий молодой человек с резкими морщинами на лице от солнца, смеха, а может, и от печали. Но сейчас он не казался печальным; он улыбался, пил кофе и ел пончик. На нем были кожаные, отделанные кисточками бахромой брюки, имитировавшие старинный наряд, борода и длинные волосы. Он сидел на маленькой крепкой лошади, стоявшей спокойно с опущенной уздой. У седла была приторочена кобура охотничьего ружья, но сам предводитель — капитан — был вооружен только двумя ножами, с обеих сторон.

Прозвучала сирена, и раздался голос служащего:

— Капитан Уокер, будьте готовы у выхода номер четыре.

Род махнул контролеру и крикнул:

— Вызывайте! — затем повернулся к Джиму и Джеки: — Скажите Керол, мне очень жаль, что она не может отправиться с нами. А с вами мы увидимся.

— Может, скорее, чем ты думаешь, — заметил Джим. — Моя фирма заключит с вами контракт.

— Твоя фирма? Что это значит? Он стал партнером, Джеки?

— Нет, — ответила она, — но я уверена, что скоро станет. Поцелуй дя-
дю Родди, Грант.

— Не буду, — упрямо ответил мальчик.

— Точно как его отец, — гордо сказал на это Джимми, — целует толь-
ко женщин.

Начался обратный отсчет. Род услышал это и крепче сел в седле.

— Пока, ребята.

Отсчет продолжал звучать, закончившись выкриком: «Один!» —
Внимание! — он ждал с поднятой рукой и смотрел через раскрытый выход
на обширные прерии и видневшиеся за ними снежные вершины гор. Ноз-
дри его раздувались.

Контрольная лампа загорелась зеленым светом. Род резко бросил руку
вниз, крикнул: «Вперед! Но!» и сжал коленями бока своей лошади. Ло-
шадь прыгнула вперед и опередила в выходе первый фургон.

Капитан Уокер вступил на свой долгий путь.

СОДЕРЖАНИЕ

АСТРОНАВТ ДЖОУНЗ

Роман

Перевод с английского А. Ставцева

5

ЗВЕЗДНЫЙ ЗВЕРЬ

Роман

Перевод с английского И. Полоцка

189

ТУННЕЛЬ В НЕБЕ

Роман

Перевод с английского Д. Арсеньева

367

Литературно-художественное издание

Роберт Ансон Хайнлайн

ЗВЕЗДНЫЙ ЗВЕРЬ

Фантастические романы

Ответственный редактор *И.А. Лазарев*

Редактор *Н.К. Попова*

Художественный редактор *А.И. Моисеев*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Корректор *Г.И. Киселева*

Подписано к печати 20.07.93. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная
офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,62. Уч.-
изд. л. 41,89. Тираж 50 000 экз. Заказ № 4209

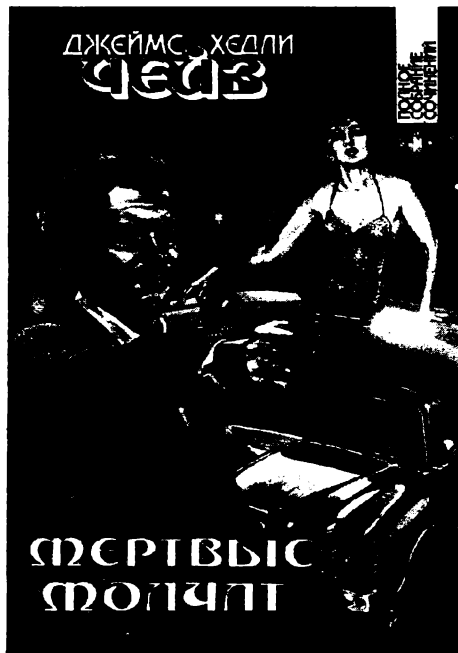
Торгово-издательское объединение «Центрполиграф». 127018, Москва, ул. Октябрь-
ская, 18. Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПП «Нижеполиграф» 603006, Ниж-
ний Новгород, ул. Варварская, 32.

Джеймс Х. Чейз

Мертвые молчат

"Джеймс Хедли Чейз. Полное собрание сочинений."

Том 1

Нет орхидей для мисс Блэндиш

Плохие новости от куклы

Мертвые молчат

Теперь ему это ни к чему

В первый том Собрания сочинений короля крутых детективов Джеймса Хедли Чейза (1906—1985) вошли романы, заложившие основу будущей популярности писателя. Кровавые преступления, страшные события, борьба — все для любителей острых ощущений.

ТИО "Центрполиграф" в 1993 •1994 гг. продолжает выпуск книг серии "ОСИРИС", "МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОГО ДЕТЕКТИВА", "ВИНЧЕСТЕР. ЛУЧШИЕ ВЕСТЕРНЫ", собрания сочинений ЭРЛА С. ГАРДНЕРА и приступает к изданию:

1. Серия "МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОГО РОМАНА". Авторские сборники лучших зарубежных авторов в период с 1973 по 1993 г.
- 2.Серии "КНИГА и ФИЛЬМ", "ФИЛЬМ и КНИГА". Экранизация произведений и новеллизация известных кинокартин различных жанров: драма, комедия, фантастика, вестерн, детектив и т.д.
3. "ДЖЕЙМС БОНД, АГЕНТ 007". Собрание сочинений в 4-х томах: романы и рассказы Яна Флеминга; "Полковник Сун" Роберта Маркема; эссе о Яне Флеминге "Человек с золотым пером".
4. Полное собрание сочинений ДЖЕЙМСА Х. ЧЕЙЗА.
5. Полное собрание сочинений АГАТЫ КРИСТИ. Подарочное издание.
6. Полное собрание сочинений БУАЛО—НАРСЕЖАКА.
7. "КАТАЛОГ ПОЧТОВЫХ МАРОК РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, СССР и РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ". Период 1858-1993 гг. Содержит около 7000 иллюстраций.
8. ЗИНОВЬЕВ А. А. "КОММУНИЗМ КАК РЕАЛЬНОСТЬ", "КРИЗИС КОММУНИЗМА".
9. КАПТО А. С. "ЖИЗНЕННЫЕ ПЕРЕКРЕСТКИ". Мемуары.
10. УЛЬЯНОВ М. А. "НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ". Мемуары.
11. ШИРВИНДТ А. "БЫЛОЕ БЕЗ ДУМ". Разговор с читателем.
12. "РОСС-ПАРТНЕР". Руководство для зарубежного предпринимателя. Выпускается совместно с Торгово-Промышленной Палатой Российской Федерации.

А также планирует выпуск детской литературы: ТЕРРИ ПРАТЧЕТ "УГОНЩИКИ", "ЗЕМЛЕКОПЫ, ИЛИ НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НОМОВ", "КРЫЛЬЯ".

предлагает полный комплекс туристического обслуживания

◆ **ОТПРАВКА ТУРИСТИЧЕСКИХ ГРУПП** по отлаженным маршрутам:

В Европейские страны - Англия, Франция, Италия, Греция, Швейцария, Испания, Голландия, Германия, Болгария, Венгрия, Египет и другие страны Европы.

Страны Азии, Африки и Латинской Америки - ОАЭ, Таиланд, Малайзия, Сирия, Сингапур, Филиппины, Израиль, Кипр, США, Каир, Танзания и др. страны.

◆ **ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ТУРЫ ДЛЯ СОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ**

Дорогостоящие туры с размещением в высококласных 5-ти звездочных гостиницах и отдых на престижных курортах по всему миру.

◆ **ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ТУРЫ**

Любой желаемый маршрут, учитывая требования клиентов по сервису. Обеспечение бронирования гостиниц и туристическое обслуживание в странах Западной Европы, Америки и Азии.

**АГЕНТСТВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТ УСЛУГИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ ВИЗ
И ЗАГРАНПАСПОРТОВ ПО УМЕРЕННЫМ ЦЕНАМ.**

- ◆ Увлекательные путешествия и отдых
- ◆ Деловые поездки, бизнес- и шоппуры
- ◆ Индивидуальный и семейный туризм
- ◆ Групповые туры по льготным тарифам
- ◆ Оформление паспортов и виз
- ◆ Бронирование билетов на международный транспорт по льготным тарифам

Все это **ИНТЕРАГЕНТСТВО «ДЕПОЛЬ»**

Мы всегда рады выполнить любые Ваши пожелания!

ИНТЕРАГЕНТСТВО «ДЕПОЛЬ»

предлагает Вашему вниманию следующие туры на 1993 - 1994 гг.
(гостиницы 3-4 звезды).

Кипр	- от 310 \$ + авиабилеты, 7/8 дней, полупансион, трансфер, экскурсии; или 505 \$ (авиабилет в стоимость включен).
Таиланд	- от 187 \$ + авиабилет (Бангкок, Патая), отдых, экскурсия, 4/5 дней, 7/8 дней.
Греция	- от 285 \$ + авиабилет, 7/8 дней, экскурсия и отдых на море.
Балеарские острова (остров Майорка)	- от 500 \$ + авиабилет, полупансион, трансфер, экскурсии.
Лондон	- 498 \$ + авиабилет, трансфер, экскурсии, полупансион, 6/7 дней.
Голландия (за автомобилями)	- 317 \$ + авиабилет, трансфер, полупансион, 5/6 дней.
Франция	- от 411 \$ + авиабилет, 6/11 дней, полупансион, трансфер, экскурсии.
Каир - Александрия - Порт-Саид	- от 202 \$ + авиабилет, 7/8 дней, трансфер, полупансион, экскурсии.
ОА Эмираты	- 300 \$ + авиабилет, 5/6 дней, трансфер, экскурсии; 260 \$ + авиабилет, 4/5 дней.
Индия	- 410 \$ + авиабилет, 8/9 дней.
Италия	- 615 \$ + авиабилет, 8/9 дней; 490 \$ + авиабилет, 5/6 дней.
Венгрия	- от 178 \$ + авиабилет, 4/5 дней; 318 \$ + авиабилет, 7/6 дней.
Болгария (Солнечный берег)	- 230 \$ + авиабилет, 9/10 дней.
Болгария (Солнечный берег)	- 8/8 дней и Стамбул 1/2 дня - 287 \$ + авиабилет.
Испания	- Мадрид - 665 \$ + авиабилет, 6/5 дней; Мадрид 3/3 дня и Торремолин 5/4 дней, 562 \$; Мадрид - Толедо - Кордова - Севилья - Гранада - 8/7 дней, 643 \$ + авиабилет.
Канарские острова (о.Тенерифе и о. Гран-Канария)	- 9/10 дней, 740 \$.
США	- от 435 \$ + авиабилет, 6/8 дней; 5/6 дней Майями - от 355 \$ + 320000 руб.

Южная Корея и т.д., бизнес-туры в США и обучение в американских колледжах на бизнескурсах с получением американского диплома на 2 - 4 недели, со всеми удобствами и практикой на американских фирмах, банках и т.п. по желанию клиента. Стоимость тура 2800-3800 \$, включая питание, проживание, трансферы, экскурсии и т.п.

Форма оплаты любая.

Мы всегда рады выполнить любые Ваши пожелания!

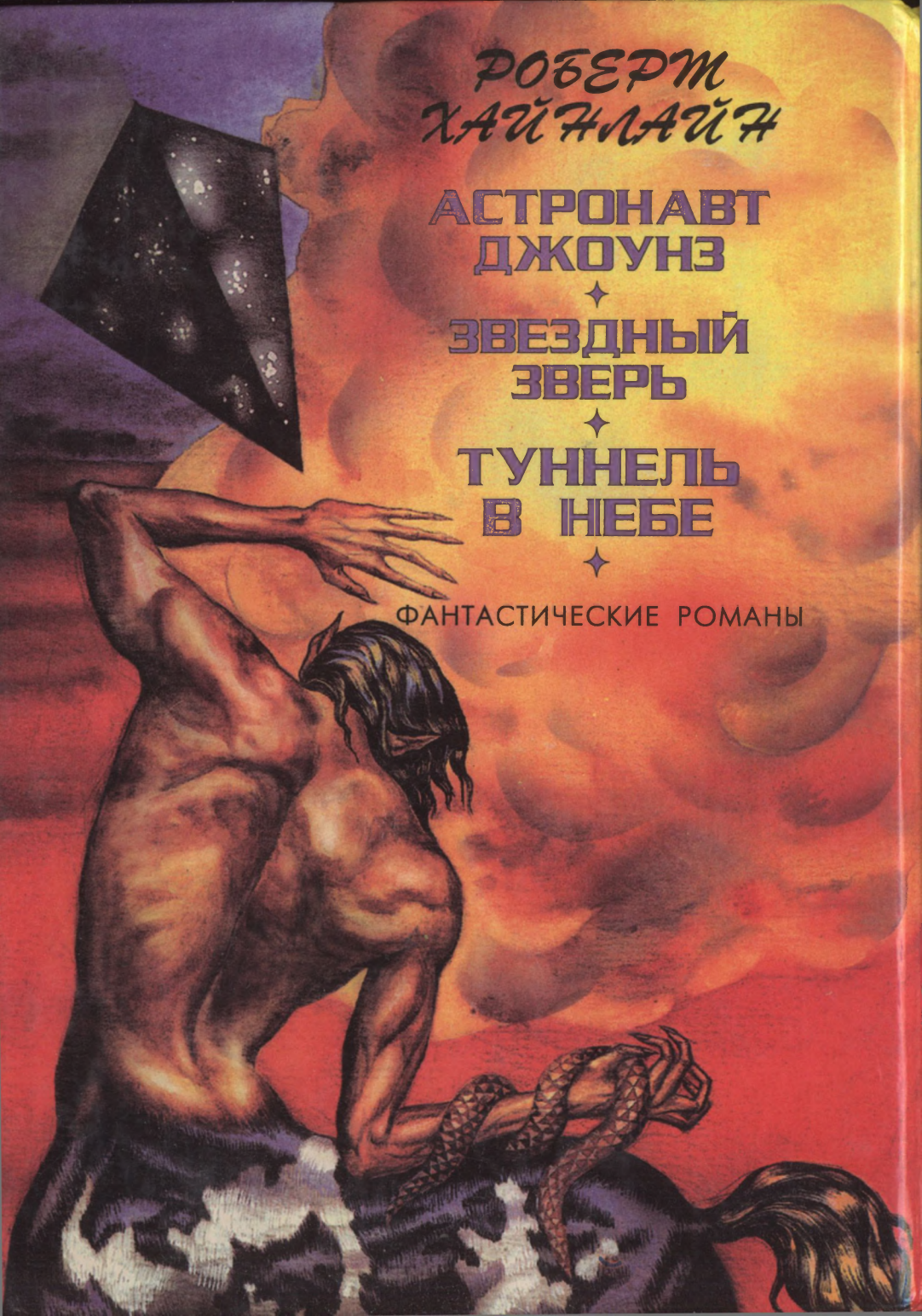
Тел.: (095) 925 94 20, (095) 923 99 10

Факс: (095) 923 99 10

The background of the cover is a vibrant, abstract painting in shades of orange, red, and yellow, resembling a fiery sky or nebula. In the upper left, a dark, triangular shape with white speckles, like a galaxy or a piece of space debris, is visible. In the lower left, the muscular back and arm of a dark-skinned, muscular figure are shown from behind, reaching upwards. A snake with a diamond-patterned body is coiled around the figure's waist. The figure appears to be wearing a dark, patterned garment or skirt.

**РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН**

**АСТРОНАВТ
ДЖОУНЗ**

◆
**ЗВЕЗДНЫЙ
ЗВЕРЬ**

◆
**ТУННЕЛЬ
В НЕБЕ**

◆
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ